

Pavel Beloglinsky

**ЛЕТО
В СОСНОВКЕ**

Pavel Beloglinsky

ЛЕТО В СОСНОВКЕ

Когда-то, еще до рождения и Сереги, и Толика, в Сосновке был совхоз. Была в том совхозе школа, была больница, был детский садик... всё было в Сосновке, как говорит Серёгин дед. Потом – опять-таки, еще до рождения Толика и Серёги – начались новые времена, совхоз развалился, исчез-испарился, словно его никогда и не было, и Сосновка постепенно стала умирать: работы не стало, жить стало не на что, и все, кто был помоложе, подались из Сосновки кто куда. Отец Серёги – точнее, отец его будущий, а тогда ещё никакой не отец, а просто отслуживший в армии парень – уехал на заработки в Москву, там женился, развёлся, вернулся в родное село, но делать в родном селе было нечего, и спустя недолгое время он снова подался в Москву на заработки, где вскоре ещё раз женился и больше в Сосновку для обустройства своей жизни уже никогда не возвращался, – Серёга родился в Москве. А мать Толика в городе, что от Сосновки в трехстах километрах, когда-то выучилась на повара, там вышла замуж за ровесника – и потекла-побежала её жизнь в этом каком-никаком, но все-таки городе, – Толик родился там. В Сосновку же оба они – и Серёга, и Толик – уже приезжали на летних каникулах в прошлом году, причем, если в прошлом году Серёга всего на три дня приезжал с отцом к своему деду, а Толик чуть больше месяца гостил у своей бабки, так что они, оба неместные, могли лишь пару раз друг друга видеть, случайно встречаясь на улице, то в этом году, когда

они снова приехали в Сосновку погостить, получилось прикольно: еще осенью дед Серёгин и бабка Толика «сошлись для совместного проживания», и... в этом году получилось так, что Серёга, приехавший к деду, и Толик, приехавший к бабке, уже никак не могли не познакомиться, потому что в этот свой приезд они одновременно стали как бы родственниками. И хотя им обоим было понятно, что никаким родством это не было и быть не могло, тем не менее... тем не менее, получалось прикольно!

Серёгу в Сосновку, как и в прошлое лето, привёз отец – с той лишь разницей, что в прошлое лето Серёга с отцом приезжал и с отцом же через три дня уехал, а теперь отец его именно привез, чтоб у деда в Сосновке оставить – на целый месяц. Вообще-то, у Серёги был шанс полететь с родителями на три недели в Таиланд, но отец Серёгин еще зимой поставил Серёге условие – полетит он, Серёга, в Таиланд лишь в том случае, если год учебный закончит без “троек”. «Имей в виду, я не шучу, – предупредил отец. – “Пятёрки” с тебя никто не требует, но на “четверки” учиться ты вполне можешь. Старайся!». Серёга и сам понимал, что на “четвёрки” и даже на “пятерки” учиться он мог бы вполне, и даже без всяких особых условий, но ему постоянно не хватало то времени, то терпения, то чего-то еще... да и потом: как-то не верилось, что родители полетят в Таиланд, а его с собой не возьмут, оставят дома, – закончил Серёга учебный год с тремя “тройками”: по русскому языку, по английскому языку и по алгебре. Из-за этих долбанных “троек” отец с матерью даже поссорились и три дня друг с другом не разговаривали: мать считала, что не надо так жестко увязывать оценки с «летним отдыхом ребёнка», что «в следующем учебном году ребёнок все исправит», но отец, не желая быть болтуном, остался непреклонен, и – Таиланд для Серёги накрылся медным тазом, – так Серёга оказался в Сосновке. Поздно вечером он в Сосновку с отцом приехал, а утром отец укатил назад, пожелав Серёге «хорошо отдохнуть – поднабраться сил для следующего учебного года».

- Ещё и издевается... – глухо проговорил Серёга, с трудом сдерживая слезы – глядя вслед удаляющемуся «Ниссану». Слезы готовы были брызнуть от жгучей, нестерпимо жгучей обиды... собственно, до самого последнего момента – и когда он ехал с отцом в Сосновку, и когда они в Сосновку приехали, и даже утром, когда завтракали – в душе Серёги теплилась надежда, что всё это, быть может, всего лишь «воспитательный момент», что в последний момент отец сжалится над ним и всё отыграет назад, не будет его оставлять в Сосновке... надежда эта растаяла вместе с исчезнувшим за поворотом серебристым «Ниссаном».

- Ну, а кто тебе мешал хорошо закончить учебный год? – рассудительно проговорил дед, который был еще с вечера посвящён во все перипетии Серёгиной «ссылки». – Закончил бы год без “троек”...

- Да при чем здесь это! – перебивая деда, не давая деду развернуть свою мысль, поморщился Серега, в душе понимая, что дед прав. И дед прав, и отец... отец тоже был прав, как ни крути, потому что заранее проговорил условие для его, Серёгиной, поездки в Таиланд, и всё равно... всё равно было обидно! И обидно было, и жалко себя... из-за каких-то долбанных оценок... обидно было – до слез. Впрочем, слёзы Серёга все-таки сдержал – слезам пролиться не дал. Только раз-другой с шумом втянул в себя воздух носом да до боли закусил губу – чтоб не расплакаться.

- Ладно, – видя состояние внука, примирительно проговорил Пётр Степанович. – Ты, Серега, как... ещё не куришь? – доставая из кармана пачку сигарет, дед спросил это без всякого любопытства в голосе, и потому вопрос прозвучал как бы походя, между прочим.

- Нет, – коротко буркнул Серёга, отрицательно качнув головой, и по тому, как внук ответил, дед понял, что внук не врет.

- Это хорошо, что не куришь, – Пётр Степанович, чиркнув спичкой – поднеся огонь к зажатой в зубах сигарете, глубоко, с наслаждением затянулся и, выдохнув сизый дым, одобрительно проговорил: – Не куришь – и не надо, не начинай. Ничего в этом хорошего нет...

- Да? А почему же ты тогда куришь, если в этом нет ничего хорошего? – Серёга не столько вопросительно, сколько ехидно посмотрел на деда.

- Ну, почему... потому что глупый был! Раз попробовал когда-то, другой раз попробовал... потом втянулся, и... пошло-поехало. А ты молодец, что не куришь! Не куришь – и не надо пробовать, не надо начинать... ничего хорошего в этом нет, – дед, снова затянувшись, снова выпустил изо рта сизый дым, словно издеваясь над Серёгой – говоря одно, а делая другое... во всяком случае, именно так Серёге показалось.

- Ну, так брось курить! – хмыкнул Серега, глядя на деда полунасмешливо, полувопросительно. – Брось, если ничего хорошего в этом нет...

- А это уже вопрос философский... – отозвался Пётр Степанович, щелчком пальца стряхивая на траву с сигареты пепел.

- Это, дедуля, не философский вопрос, а вопрос силы воли, – назидательно проговорил Серёга, как если бы не Пётр Степанович был старшим, а старшим был он, четырнадцатилетний Серёга. – А философский вопрос... философский вопрос – это что я здесь буду делать целый месяц? Целый, блин, месяц... я с ума сойду! – в голосе Сереги прозвучало отчаяние.

Ещё час назад, когда в душе Серёги теплилась надежда, что отец его здесь не оставит, что вся эта поездка к деду всего лишь воспитательный момент, этот вопрос – что можно делать в Сосновке целый месяц – не имел такой остроты, но теперь, когда отец уехал и стало ясно, что всё по-настоящему, Серёга

готов был уже не заплакать, а завывать от отчаяния: целый месяц... целый месяц в этой глуши!

- Ладно, Серёга, не вешай нос! Придумаем, чем тебе заниматься. Тем более, ты не один здесь будешь – после обеда съездим в район, встретим Толика... он, кажется, твой ровесник – вместе и будете отдыхать... ты ещё не захочешь уезжать отсюда!

- Я уже хочу уехать! – не особо деликатничая, буркнул Серёга.

- Не говори «гоп», пока не перепрыгнул, – глядя на внука, засмеялся Пётр Степанович. – Здесь у нас воздух, рыбалка... все, идём! Не расстраивайся! – Пётр Степанович ободряюще приобнял Серёгу за плечи. – Ты ещё не знаешь, какой вкусный украинский борщ баба Зина варит... пальчики оближешь! А пирожки с вишней, с крыжовником, со смородиной! А блинчики! А вареники с творогом! И все, заметь, натуральное, никакой вашей химии магазинной, – Пётр Степанович, изображая блаженство, облизнул губы. – Идём, Серёга, идём! Посмотрим наше хозяйство...

Хозяйство у Петра Степановича и Зинаиды Ивановны состояло из коровы и тёлочки, но дома их сейчас не было, они были на выпасе; ещё была бородатая коза Виола с двумя белыми игривыми козлятами, был поросёнок и были куры, возглавляемые сразу тремя боевито гарцевавшими петухами.

- Прямо зоопарк у вас здесь: и животные есть, и птицы, – проговорил Серёга, не без интереса наблюдая, как один из петухов погнался за курицей.

- Зоопарки – это у вас там, в городе. А здесь это хозяйство, живность, – отозвался Пётр Степанович. Петух, между тем, догнал курицу, вскочил на неё, вмиг осоловевшую, стал сноровисто, яростно топтать. – Идём, Серёга... покажу тебе ещё что-то!

- Идём, – Серега, сунув руку в карман шорт – с силой сжав, сдавив пальцами вдруг непонятно отчего подскочивший, сладко отвердевший член, направился вслед за Петром Степановичем, думая о том, какие свободные нравы царят в курином мире...

До обеда дед показывал внуку «ещё что-то»: свою мастерскую слесарную, где были всякие инструменты, весёлого просенка, игривых козлят, которых Серёга погладил... Борщ был действительно замечательный – за обедом Серёга навернул тарелку и не отказался от добавки; на второе – или вместо второго – были золотистые блинчики со сметаной или с малиновым вареньем на выбор, и это тоже было необыкновенно вкусно... словом, не так уж всё было и плохо! За обедом Серёга назвал Зинаиду Ивановну бабулей, это сорвалось с его губ совершенно произвольно и потому прозвучало в контексте обретения нового родства органично и естественно.

Толик – внук бабули и, следовательно, новый Серёгин родственник – приезжал поездом в пять часов вечера. Сосновка располагалась в стороне от железной дороги, то есть станция железнодорожная была в райцентре, расположенном в двадцати километрах от Сосновки, и потому Толика нужно было ехать встречать, – в четыре часа Пётр Степанович выгнал из гаража старый «Москвич» ядовито-желтого цвета...

- Ну, дедуля, у тебя и... – Серега хотел сказать «драндулет», но вовремя спохватился, – у тебя и ретро ё-мобиль! Сколько лет этой машине?

- Лет ей, Серега, прилично... – Пётр Степанович на секунду задумался. – Тебе вот сколько сейчас?

- Четырнадцать, – отозвался Серёга.

- Вот! А «Москвич» этот старше тебя, тоже москвича, в два раза, и даже чуть больше. Старая машина, но надежная, безотказная. А главное, рабочая – сено

на ней вожу, стройматериалы... на рыбалку езжу. Когда-то, когда ты ещё не родился, я в вашу Москву на ней ездил... хорошая машина! – Пётр Степанович погладил ладонью капот.

- Я на такой ещё ни разу не ездил, – проговорил Серёга и тоже зачем-то – то ли невольно подражая деду, то ли проникшись данной «Москвичу» характеристикой – погладил капот.

- Ну, этот пробел в твоей жизни мы без труда исправим. И сделаем это прямо сейчас, – рассмеялся Пётр Степанович. – Садись!

Встречать Толика поехали втроем: дедуля, бабуля и Серёга. Конечно, «Москвич» с «Ниссаном» даже рядом не стоял, и тем не менее... «для дедули пойдет», – мысленно резюмировал Серёга, когда «Москвич», преодолев без малого двадцать километров, отделявших Сосновку от райцентра, подъехал к зданию железнодорожного вокзала.

Перрон был пуст. Серёга прошел в здание вокзала, но там тоже никого не было – не было ничего интересного, и Серёга вернулся к дедуле и бабуле. Между тем, на перроне стали появляться люди: из-под увитой плющом арки выплыла толстая тётка с таким же, как она сама, огромным баулом, появились парень и девушка, которые держались за руки, словно они боялись потерять друг друга на этом выжженном солнцем пустом перроне, появилась семейная пара с хныкающей девчонкой, появился худой, как жердь, дядька, который, глянув по сторонам, направился в сторону Петра Степановича и Зинаиды Ивановны.

- Приветствую всех! – энергично проговорил дядька, одновременно с этим для персонального приветствия протягивая руку Петру Степановичу. – А я смотрю, вроде твоя машина стоит... провожаешь кого, Степаныч, или, наоборот, кого встречаете?

- Внука встречаем, – отозвался Пётр Степанович, пожимая протянутую дядькину руку. – Вчера вот один внук прибыл, а сейчас другой на подъезде. А ты здесь чего?

- А я дочку встречаю... – дядька хотел сказать что-то еще, но в этот момент зашипел динамик и вслед за шипением над перроном загрохотало объявление о прибывающем поезде.

- Ладно, Степаныч, пойду! Десятый вагон – это почти в конце перрона... еще встретимся!

- Давай! Привет семье! – отозвался Пётр Степанович, вновь пожимая дядьке руку.

- А нам какой нужен вагон? – Серёга, оторвав взгляд от проплывающих мимо вагонов, посмотрел на Зинаиду Ивановну.

- Не знаю, Серёженька... сейчас поезд остановится – увидим, – отозвалась Зинаида Ивановна, всматриваясь в окна проплывающих мимо вагонов.

Наконец, поезд остановился – замер, предварительно содрогнувшись, и тотчас начали открываться двери вагонов, приводиться в вертикальное положение откидные площадки, чтобы кто-то мог выйти из вагона, а кто-то, наоборот, в вагон подняться; тут же из нескольких вагонов соскочили на перрон где два, где три человека – из числа тех энергичных либо скучающих пассажиров, которые готовы выходить на каждой станции, чтоб размять ноги, чтоб посмотреть на окружающий мир или, наоборот, показать окружающему миру себя.

- Пацан, какая станция? – окликнул Серёгу лежащий в вагоне на верхней полке небритый парень, сверху вниз скользя взглядом по стройной Серёгиной фигуре.

- Читать не умеешь? – Серёга, отвечая вопросом на вопрос, поднял вверх полусогнутую в локте руку, большим пальцем показывая себе за спину – туда, где над входом в здание вокзала красовалось название станции.

- Вон, кажется, наш отпускник, – Пётр Степанович кивнул вправо, показывая на стоявшего через пять или шесть вагонов подростка в защитного цвета бриджах и бежевой футболке; за спиной у подростка был рюкзак, в руке подросток держал спортивную сумку.

- Толя! Мы здесь! – Зинаида Ивановна, ни на кого не обращая внимания, замахала поднятой рукой, привлекая внимание внука.

Подросток, заметив машущую рукой Зинаиду Ивановну, помахал рукой в ответ, показывая, что увидел встречающих, перекинул спортивную сумку из одной руки в другую, сказал что-то девчонке-проводнице, стоявшей рядом с ним на перроне, и, свободной рукой на ходу поправляя на плечах лямки рюкзака, быстро зашагал вдоль вагонов в сторону стоявших напротив входа в здание вокзала Зинаиды Ивановны, Петра Степановича и Серёги. Впрочем, Зинаида Ивановна, не утерпев, пошла навстречу Толику – встретила внука на полпути, обняла, целуя в щеку, прижимая к себе.

- Вырос-то как! – услышал Серёга, и у него на мгновение мелькнула мысль, что теперь он здесь не единственный, вокруг которого будет вертеться-крутиться мир, что отныне ему придётся делить внимание или даже любовь бабули и дедули с этим приехавшим пацаном... Впрочем, это была даже не мысль, а смутное ощущение на миг возникшей ревности, обусловленной обычным детским эгоизмом единственного ребенка, и Серёга не успел ни зафиксировать это ощущение, ни, тем более, его осмыслить-обдумать – бабуля с внуком подошли, остановились, мальчишки встретились взглядами, и Серёга увидел в глазах Толика смешанное с любопытством легкое недоумение – приехавший явно не ожидал увидеть чужого, незнакомого ему

пацана. – Вот, Толик, знакомься... – заговорила Зинаида Ивановна, внося ясность. – Это Пётр Степанович... ну, ты знаешь, что Пётр Степанович и я вместе живем, мама тебе говорила...

- Привет, боец! – весело проговорил Пётр Степанович, протягивая Толику руку.

- Вот... – Зинаида Ивановна выждала секунду-другую, пока Пётр Степанович и Толик, знакомясь-здороваясь, пожимали друг другу руки, и, переведя взгляд с Петра Степановича на Серёгу, продолжила: – А это Серёжа – внук Пётра Степановича. Он вчера приехал – папа его привёз... из Москвы. Так что, ребятки, отдыхать вы будете вместе – будет вдвоём вам веселее ...

- Серёга! – то ли подражая дедуле, то ли торопясь исправить бабулино «Серёжа» на свое «Серёга», то ли вдруг вспомнив, как на классном часе им объясняли-рассказывали, что при знакомстве или приветствии с т а р ш и й всегда протягивает руку первым, Серёга деловито протянул руку Толику.

- Толян! – отозвался Толик, пожимая протянутую руку.

- Не теряйтесь, пацаны! – чуть насмешливо проговорил из вагона лежащий на верхней полке небритый парень, который спрашивал у Серёги название станции; парень хотел сказать что-то ещё, но в этот момент зашипел динамик и вслед за шипением над перроном загрохотало объявление об отправлении поезда; состав содрогнулся – дернулся на месте, словно собираясь с силами для продолжения пути...

- Кто это? – Толик, с недоумением посмотрев на парня, лежащего в вагоне на верхней полке и оттуда наблюдавшего за встречей-знакомством, перевёл взгляд на Серёгу.

- Да фиг его знает! Какой-то ненормальный... – отвечая Толику, Серега одновременно с этим резко выбросил, вытянул вперёд руку, показывая парню торчащий вверх средний палец на фоне остальных пальцев, сжатых в кулак; вагон с парнем медленно сдвинулся с места и плавно покотился вдоль перрона, с каждой секундой увеличивая скорость, но парень успел ответить Серёге – в открытое вагонное окно парень выставил руку с поднятым вверх большим пальцем.

- Ну, и что всё это значит? – Пётр Степанович с недоумением посмотрел на Серёгу.

- Да ненормальный какой-то! Я показал ему «фак», а он мне в ответ поставил «лайк»... дебил!

- Классно ты его сделал! – засмеялся Толик, одобрительно глядя на Серёгу.

- Вы что... знаете его, что ли? – Пётр Степанович посмотрел на Толика, затем снова перевел взгляд на Серёгу, и недоумение в глазах Петра Степановича сменилось удивлением.

- Откуда?! – округлились в ответ глаза Серёгины. – Дедуля, я ж говорю: ненормальный какой-то...

- А ты ему палец зачем показал? Это что значит?

- Ну, блин! – протянул Серега, всем своим видом показывая, что такая дотошность дедули его, Серёгу, уже как бы притомила. – Я ему «фак» показал – типа пожелал ему счастливого пути. А он мне в ответ «лайк» показал – типа сказал мне «спасибо». А ненормальный он потому, что название станции было у него прямо перед глазами, вон оно, – Серёга ткнул пальцем в сторону вывески над входом в здание вокзала, – а он стал спрашивать, как станция называется... – Серёга, объясняя непонятный

дедуле язык жестов, краем глаза заметил, как у Толика дрогнули уголки губ и как Толик, пряча улыбку, опустил голову.

- Ну... теперь понятно. Все, идёте к машине... давай, Толик, сумку! – Пётр Степанович протянул руку, чтобы взять у Толика спортивную сумку.

- Она не тяжелая, – отозвался Толик.

- Да хоть вообще пустая! – хмыкнул Пётр Степанович, забирая у Толика сумку. – Дело не в тяжести, а в порядке: тот, кто встречает, тем самым показывает своё радушие, своё гостеприимство... правильно, Сергей, я говорю?

- Наверное, – Серёга в ответ на слова Петра Степановича пожал плечами.

- Толя, позвони маме, пока мы здесь, – проговорила Зинаида Ивановна, любуясь повзрослевшим за год внуком.

- Зачем? – отозвался Толик, демонстрируя свою взрослость.

- Как зачем? – искренне удивилась Зинаида Ивановна. – Скажи, что доехал, что тебя встретили... мама же думать будет, волноваться будет!

- Ба! Чего волноваться? Я ж не маленький! – Толик, мимолётно покосившись на Серёгу, хотел что-то сказать ещё, но его перебил Пётр Степанович:

- Бабушка правильно говорит! От тебя не убудет, а матери будет спокойно. Звони! – Пётр Степанович проговорил это хотя и весело, но веско, категорично, и Толик, подчиняясь Петру Степановичу, послушно полез в карман за телефоном.

Машина стояла на привокзальной площади, – Пётр Степанович с сумкой Толика шел впереди, за ним семенила Зинаида Ивановна, за Зинаидой

Ивановной шел Серёга – Толик, чуть отстав, шел за Серёгой, и до Серёги доносились обрывки фраз:

- Да, нормально доехал... нечего волноваться, всё хорошо... да, встретили... бабушка и дедушка... нормально... здесь в гостях дедушкин внук... да, из Москвы... не знаю ещё... да, познакомились... Сергеем зовут... не знаю... ну, моего примерно возраста... ма, всё нормально будет... да... да, я тоже... понял я, понял... да, буду звонить... хорошо... ладно, всё... всё, пока!

Подойдя к машине – уже открыв дверцу, Пётр Степанович вопросительно посмотрел на Серёгу:

- А ты, Сергей, позвонить родителям не хочешь?

- Чего звонить? Там сейчас ночь, – отмахнулся Серёга.

- Где ночь? – удивился Пётр Степанович. – Они ещё дома – ещё никуда не улетели... может, отец ещё в дороге – ещё даже до дома не доехал...

- Дедуля, поехали! – с едва заметным раздражением в голосе оборвал Петра Степановича Серёга, в душе которого еще тлела обида на то, как несправедливо с ним, с Серёгой, родители обошлись.

- Ну, не хочешь – как хочешь, – не стал настаивать Пётр Степанович. – Как рассаживаться будем?

На обратном пути Серёга снова сидел впереди; бабуля с Толиком сидели сзади, бабуля расспрашивала Толика о доме, о родителях, спрашивала про какую-то бабушку Шуру, про соседку Люсю, про цены в магазинах, дедуля, не поворачивая головы, время от времени вставлял в расспросы бабули свои реплики, что-то уточнял, что-то у Толика тоже спрашивал; Серёге всё это было неинтересно, – Серёга, краем уха слушая разговор бабули с Толиком, одновременно с этим думал о своём – о том, что родители его через три дня

улетят отдыхать в Таиланд и что он тоже должен был бы лететь в Таиланд, но вместо этого оказался здесь, что этот Толик, судя по первому впечатлению, пацан вроде как неплохой и что, наверное, это хорошо, что он тоже приехал, потому что вдвоем им наверняка будет веселее в этой глухомани, что отец через три недели за ним приедет, заберёт его отсюда и что когда он вернётся к себе домой, то снова будет сидеть по вечерам с друзьями на детской площадке, обсуждая разные разности, что одноклассник и лучший друг Борька, живущий в соседнем подъезде, ко времени его возвращения тоже вернётся домой, но вот только вернётся Борька из Испании и наверняка будет хвастаться, будет рассказывать пацанам про свои впечатления, а он, Серега... о чем рассказывать будет он? О том, как петух гонялся за курицей?

При мысли о петухе и курице перед мысленным взором Серёги явственно возникла, всплыла сценка, виденная им утром: как петух догоняет курицу, как с разбега заскакивает на нее, подминает её под себя, как, яростно перебирая ногами, энергично топчет её, вмиг осоловевшую, потерявшую всякую волю к сопротивлению, – картинка эта возникла перед глазами мгновенно, и Серёга тут же ощутил, как член его в трусах непроизвольно шевельнулся... не подскочил колом, не встал и не затвердел, как это бывает при полноценном возбуждении, а именно шевельнулся – чуть увеличился, превратившись в мягкий и вместе с тем ощутимо упругий, лёгкой сладостью наполненный валик... захотелось потрогать этот в а л и к, потискать его, помять, но он, Серёга, был не один, и, понятное дело, он себя удержал.

Конечно же, дело было не в петухе и не в курице! Дело было в том, что Серёгу в последнее время всё чаще и чаще посещали мысли о сексе, причём, мысли эти нередко возникали без всяких внешних поводов, без каких-либо видимых причин, и происходило это везде: и дома, и в школе, и на улице... и ладно бы только мысли, никому не видимые, а значит как бы не

существующие, в голове отсутствующие – поди догадайся, кто о чём думает в тот момент, когда идёт по улице, или сидит на уроке, или совсем не о сексе разговаривает с друзьями... мысли никто не видит – мысли не видимы! Но мысли эти – самые разные мысли о сексе – в последнее время всё чаще и чаще не проходили бесследно, они служили толчком, своего рода детонатором для тут же возникающего возбуждения, а это было уже предательски зримо: член стремительно наливался горячей тяжестью, ноюще сладостно затвердевал, отчего тут же приподнимались, начинали бугриться-топорщиться брюки, и хорошо, если всё это происходило дома... а если возбуждение спонтанно накатывало в школе – на перемене или на уроке?! Дома вопрос решался просто, особенно, когда дома никого не было... но когда такое случалось на уроке, ситуация становилась щекотливой не только в прямом, но и в переносном смысле, потому что в этот самый момент, когда брюки приподнимались бугром, зримо топорщились, выпирали колом, могли запросто вызвать к доске, и... он, Серёга, правда, ни разу в такую щекотливую ситуацию не попадал, чтоб к доске его вызвали именно в тот момент, когда у него возникал стояк, и тем не менее... а иногда – вот так, как сейчас, когда Серёга ехал с дедулей, с бабулей и с Толиком на машине – возникавшее возбуждение выражалось не в виде полноценного стояка, а член всего лишь уплотнялся, чуть увеличивался, утолщался, но при этом не вставал, не рвался, затвердевая, из трусов, не поднимал бугром брюки, и тогда такое несильное, никому не видимое возбуждение было вполне приемлемо для пребывания в публичных местах, – Серега посмотрел вниз, убеждаясь, что внизу, между его чуть расставленными, разведёнными в стороны ногами, визуальнo наблюдается полный штиль. «Надо будет посмотреть, что и куда петух всовывает курочке, когда её трахает», – подумал Серёга, чувствуя сладкое покалывание в промежности...

Сразу по приезду Пётр Степанович с Зинаидой Ивановной перво-наперво решили вопрос с размещением внуков на ночь, или, как выразился Пётр Степанович, с их «постоянной пропиской на месте пребывания»; на выбор Серёге и Толику было предложено два возможных варианта: либо они спать будут здесь, в доме Зинаиды Ивановны, то есть дома, но тогда им придётся располагаться в первой – проходной – комнате, либо они будут спать в доме Петра Степановича, но тогда они будут там ночью одни.

- Сами смотрите, как вам удобнее. Здесь вам никто мешать не будет – мы с бабушкой утром пройдем раз и потом до самого обеда в дом ни разу не заходим, так что вы без помех сможете утром спать хоть до обеда! А можно спать у меня – это, Толик, на соседней улице, здесь рядом, – пояснил Пётр Степанович специально для Толика, не знавшего, где находится дом Петра Степановича. – Но там вы будете одни. Правда, у нас здесь тихо – никто не шалит, не бедокурит. Я к тому это говорю, что бояться вам будет нечего... кроме того, там Пират несёт службу. Так что, сами смотрите – сами выбирайте, где вам удобнее!

- Ты как? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика. – Здесь, у бабули, останемся? Или к дедуле пойдём – там будем на ночь копыта свои пришвартовывать после изнурительного отдыха?

- Не знаю, – Толик, невольно улыбнувшись тому, как лихо Серёга сформулировал свою мысль, пожал плечами. – А сам ты как думаешь?

- Я думаю, что у дедули нам будет комфортнее, – уверенно проговорил Серёга, и вопрос с «постоянной пропиской», таким образом, был решён в пользу автономии и самостоятельности.

- Ну, тогда садитесь в машину – едем ко мне. Я машину в гараж поставлю... у меня гараж для машины там, – пояснил Пётр Степанович Толику. – Ну, и всё вам на месте объясню – что и как...

Дом, где жил Пётр Степанович, был действительно недалеко – на соседней улице. Точнее, жил там Пётр Степанович до осени прошлого года, пока не сошелся «для совместного видения хозяйства» с Зинаидой Ивановной, – осенью прошлого года Пётр Степанович перешёл из своего дома жить к Зинаиде Ивановне, а на хозяйстве был оставлен Пират – непородистый, но умный, крупный, на лохматую овчарку похожий пес. На зиму Пират вместе с будкой и своей миской тоже переезжал к Зинаиде Ивановне – зимовал Пират во дворе у Зинаиды Ивановны. А как только сошел снег и повеяло весной, Пётр Степанович вернул Пирата назад – перевёз его вместе с будкой и миской к себе домой, чтобы тот, как выразился Пётр Степанович, «присматривал за хозяйством». И теперь трижды в день Пётр Степанович навещал Пирата – носил Пирату завтрак, обед и ужин, благо всё это было в пяти минутах ходьбы от дома Зинаиды Ивановны. Зинаида Ивановна не раз предлагала Петру Степановичу определить Пирата у себя на постоянное местожительство, чтобы Пётр Степанович не ходил туда-сюда по три раза в день, но Пётр Степанович каждый раз отвечал, что Пират у него «на хозяйстве», а ходить ему, Петру Степановичу, нисколько не в тягость, а даже наоборот – ходить полезно.

Увидев подъезжающую ко двору машину, Пират радостно закрутил-завертел хвостом – и пока Пётр Степанович открывал ворота, пока въезжал во двор, пока за собой ворота закрывал, Пират, не скрывая восторга, приседал-подпрыгивал, гремя цепью, не обращая никакого внимания на сидящих в салоне Толика и Серегу.

- Ну, чего вы не выходите? – весело проговорил Пётр Степанович, открывая заднюю дверь «Москвича». – Пирата испугались? Выходите!

- А он не укусит? – с опаской проговорил Толик, глядя на зубасто улыбающуюся пасть пса с розовым, набок свесившимся мокрым языком.

- Не укусит! Он же видит, что вы со мной – что вы свои... да, Пират? Это свои... – Пётр Степанович ласково потрепал Пирата за шею и, чуть подтолкнув в сторону стоявших мальчишек, так же ласково проговорил: – Иди, Пират, знакомься...

И Пират, словно понимая, что ему сказал Пётр Степанович, неспешно приблизился сначала к Толику – понюхал одну руку Толика, потом понюхал другую руку и, крутанув хвостом, лизнул руку Толика горячим мокрым языком; затем то же самое Пират проделал с Серёгой, хотя Серёгу он уже видел, но теперь познакомился с Серёгой поближе.

- Молодец, Пират, молодец! – Пётр Степанович рассмеялся. – Всё, теперь вы друзья! Не бойтесь, ребята... можете играть с Пиратом, можете трепать его... да хоть верхом на нём ездить можете – он вас не тронет! Правильно, Пират, я говорю?

И Пират, словно подтверждая сказанное Петром Степановичем, снова энергично и весело закрутил хвостом.

Домик Петра Степановича был небольшим, неказистым снаружи, но вполне уютным внутри: первая комната была кухней, из нее одна дверь вела в ванную комнату, другая в другую комнату, которую Пётр Степанович назвал залом, и из этого зала еще одна дверь вела в третью комнату – в спальню, – так выглядело жилище Петра Степановича изнутри, окна во всех комнатах были занавешены плотными шторами, и оттого внутри домика был прохладный полумрак... приятность этой сумрачной прохлады особенно

чувствовалась после раскаленной солнцем улицы – словно из ада мальчишки вместе с Петром Степановичем шагнули в рай.

- А у тебя, дедуля, ничего с прошлого года не поменялось, всё то же самое, – проговорил Серега, по-хозяйски заглянув во все комнаты. В прошлую ночь Серёга с отцом здесь ночевал, но теперь ему надо было показать Толику, что он, Серёга, здесь как бы хозяин.

- Ну, а что должно меняться? Все вещи здесь хоть и старые, но добротные, для меня привычные... зачем я их буду менять? – отозвался Пётр Степанович. – На мой век хватит...

- Любишь ты, дедуля, всякое ретро, – хмыкнул Серёга, оглядывая обстановку в комнате.

- Я, Серёга, люблю качество. Вот шифоньер, к примеру... – Пётр Степанович показал пальцем на массивный темно-коричневый шифоньер, занимавший треть спальни. – Ему, может, уже лет сто, я его помню столько, сколько помню себя, а он до сих пор стоит как монолит – не разохся, не перекосялся... намертво склеен! И ни один шуруп нигде не ослаб, не выскочил... ну, и на что я его буду менять? На сегодняшнее жалкое подобие из спрессованных опилок?

- А мне здесь нравится, – проговорил Толик.

- А я разве сказал, что здесь плохо? – отозвался Серёга. – Я лишь сказал, что ретро... ну, то есть, всё стильно – под старину оформлено...

- Болтун ты, Серега! – Пётр Степанович рассмеялся. – Это для жизни всё оформлено... для жизни – не для понтов. Ладно, бойцы... давайте располагаться! Одно спальное место здесь... – Пётр Степанович показал на тахту в спальне, – спинку только откинем, чтоб было пошире, и – спи не

хочу! Другое спальное место здесь... – Пётр Степанович показал на раскладной диван. – Сейчас мы его разложим, и – то же самое, спи не хочу! Определяйтесь, кто где будет спать, а я пока простыни-наволочки достану, – Пётр Степанович открыл дверцу той части шифоньера, где были полки.

- Ты где будешь спать? – Серёга, на правах хозяина приступив к превращению дивана в кровать, посмотрел на Толика.

- Я не знаю, – тут же присоединившись к Серёге – помогая Серёге раскладывать диван, Толик пожал плечами. – Мне без разницы, где спать...

- Тогда я сплю в спальне, а ты здесь. Я в спальне прошлым летом спал, мне там привычнее, – пояснил Серёга свой выбор.

- Давай так, как ты хочешь, – согласился Толик.

Пётр Степанович из другого шкафа достал две подушки; одну подушку бросил на разложенный диван, другую на тахту в спальне.

- Ну, разобрались, кто где будет... как ты, Серёга, сказал? – Пётр Степанович, с улыбкой глядя на внука, прищурился.

- Что я сказал? – Серёга с недоумением посмотрел на деда.

- Ну, после отдыха изнурительного... что вы делать будете?

- А! – лицо Серёгино расплылось в улыбке. – Пришвартовывать копыта будем...

- Вот! – Пётр Степанович рассмеялся. – Разобрались, кто где будет пришвартовывать копыта?

- Разобрались. Я буду в спальне, Толян будет в зале. И... – Серёга хотел сказать что-то ещё, но внезапно возникшая мысль заставила его замолчать...

«а почему, собственно, нет? – подумал Серёга. – Нормальный вариант!» – Здесь, дедуля, такая тема возникла! Мы с Толяном посоветовались сейчас, и вот что мы оба думаем...

- Это когда ж вы успели посоветоваться? – перебивая Серёгу, недоуменно хмыкнул Пётр Степанович. – Я вроде здесь всё время был – никаких совещаний не слышал, не наблюдал...

- Мы совещались, используя телепатию, – не растерявшись, без тени улыбки на лице пояснил Серега, и Толик, еще не зная, о чём именно он совещался с Серёгой, «используя телепатию», невольно улыбнулся, подумав, что скучать с Серёгой ему явно не придётся.

- Ну... и что же вы думаете, посоветовавшись? – с легкой иронией проговорил Пётр Степанович, улыбнувшись вслед за Толиком. – Расскажи нам с Толиком!

- Давай, дедуля, кровать из спальни мы на то время, что будем здесь швартоваться, перенесем сюда, в большую комнату... ну, чтобы нам быть вместе! – озвучил Серега свою мысль, осенившую его за пару минут до этого. – Чего мы, как неродные, будем в разных комнатах? Может, мы перед сном поговорить о чем-то захотим или план жизни нужно будет наметить на следующий день... и что? Мы будем орать друг другу всякие наши секреты из разных комнат, как беспонтовые лохи? – Серёга, глядя на Петра Степановича, умолк, определяя, насколько убедительно прозвучали его слова. – И потом... Толик сказал мне, что он темноты боится, что ему страшно спать одному в тёмной комнате...

- Сам ты боишься темноты! – с улыбкой парировал Толик, но сама идея – чтоб кровати стояли в одной комнате и чтоб в одной комнате спать – показалась Толику вполне нормальной и даже разумной.

- Молчи! – дурашливо шикнул Серега на Толика, одновременно с этим коротким энергичным выдохом так же дурашливо подмигнув Толику одним глазом. – Дедуля... – Серега снова устремил свой взгляд на Петра Степановича, – ты внял моим аргументам?

Конечно, Серёга дурачился, говоря про телепатию, про план жизни, про какие-то секреты, но... «может, у них теперь так принято разговаривать?» – подумал Пётр Степанович, с улыбкой глядя на внука; само Серёгино предложение не показалось Петру Степановичу каким-то глупым или невыполнимым, в таком предложении была своя логика, и Пётр Степанович, желая показать, что он не возражает против переноса тахты из спальни в зал, уверенно выставил в сторону Серёги поднятый вверх средний палец – так, как это сделал днём на перроне сам Серёга, желая кому-то парню счастливого пути, – Пётр Степанович в ответ на Серёгино предложение показал Серёге «фак».

- Дедуля... – растерянно протянул Серёга, и глаза его от такого дедулиного ответа невольно округлились... конечно, Серёга мог предполагать, что дед по каким-то своим причинам может на его предложение согласиться не сразу и что, возможно, придётся дедулю уговаривать или даже убеждать, но чтобы так... чтоб в т а к о й форме получить короткий исчерпывающий ответ – этого Серёга не мог даже близко представить!

- Что не так? – Пётр Степанович, видя реакцию внука, непонимающе вскинул брови и, тут же переводя свой ответ с языка жестов на язык слов, уточнил: – Я сказал, что я не против. Ну, всё равно как «счастливого пути» пожелал – одобрил ваше предложение... ты же сам мне давеча так объяснил на перроне, когда мы Толика встречали! Или что-то не так?

Толик, не в силах удерживать смех, сел на корточки, уткнув лицо в колени.

- Всё так, дедуля, всё так! – быстро сориентировавшись в невольно возникшей ситуации, энергично и весело проговорил Серёга, и лицо его вслед за этими словами расплылось в довольной улыбке. – Просто, дедуля... то, что ты показал сейчас, это... как бы тебе сказать... это такой специальный смайлик, который используют только тогда, когда... – Серега на миг запнулся, соображая, как ловчее объяснить дедуле, когда и зачем используют такой «специальный смайлик», – когда кто-то кому-то желает быстрее добраться до места назначения... это, дедуля, молодежный смайлик! Для пожилых людей такой смайлик не подходит – ты никому так больше не показывай... чего ты ржешь? – Серега, с трудом сдерживая смех, посмотрел на сидящего на корточках Толика, плечи которого буквально содрогались от смеха. – Вставай! Будем койку переносить, пока дедуля не передумал...

Под руководством Петра Степановича мальчишки быстро передвинули в другой угол громоздкую этажерку, переставили в другое место тяжелое кресло, освобождая простенок для тахты, затем, сопя от напряжения, перенесли из спальни в большую комнату саму тахту, застелили простыни, надели на подушки наволочки; Пётр Степанович достал из шкафа каждому по два полотенца – одно банное, чтобы в душ ходить, одно для лица, и... вопрос с размещением «бойцов» на ночлег был окончательно решен.

Во дворе Пётр Степанович показал мальчишкам «удобства на улице» – кабинку добротного сколоченного, изнутри утепленного туалета, и стоявшую поодаль кабинку летнего душа; дверь у душевой кабинки была снята – вход в кабинку прикрывала цветастая простыня.

- Главное, не забывать с утра в бак воду наливать, – Пётр Степанович показал на протянутый от водопроводной колонки шланг, соединенный с гибкой белой трубкой, ведущей к покрашенному в черный цвет баку, расположенному на крыше душевой кабинки. – В ванной в доме есть

водогрейка, но летом я ею не пользуюсь... думаю, вам она тоже не потребуется – вода в душе в иные дни нагревается от солнца до кипятка, так что нужно будет доливать холодную воду... ну, это вы сами сообразите!

Пётр Степанович загнал «Москвич» в гараж, пообещал Пирату чуть позже принести ужин, показал мальчишкам, где они будут прятать ключ от дома, когда будут уходить со двора, и они неспешно пошагали назад, «к месту основного расположения», то есть «к месту приёма пищи», как витиевато выразился Пётр Степанович.

- Я, кстати, Толик тебя не спросил... Серёге я этот вопрос уже задавал, его ответ получил, и сейчас хочу у тебя спросить... – Пётр Степанович покосился на Толика, идущего рядом. – Ты курящий у нас или нет?

- Ну... я пробовал, – на секунду запнувшись, отозвался Толик.

- Так пробовал или куришь? – Пётр Степанович уловил заминку в ответе Толика и потому решил вопрос уточнить – ситуацию с куревом прояснить.

- Ну, иногда... – в голосе Толика прозвучала неуверенность, точнее, невнятность, неопределенность, как если бы он сам не понимал, в чём разница между «пробовал» и «курю». – Иногда курю, – уточнил Толик и вопросительно посмотрел сначала на Серёгу, шедшего по другую сторону от Петра Степановича, потом на самого Петра Степановича.

- А иногда – это как? По пачке в день? – улыбнулся Пётр Степанович, вопросительно глядя на Толика.

- Нет, конечно! – воскликнул Толик, улыбнувшись в ответ. – Ну, три сигареты в день... или четыре – не больше!

- Понятно, – чуть нараспев проговорил Пётр Степанович; по тому, как Толик быстро и уверенно, не задумываясь, ответил, Пётр Степанович понял, что

Толик не врёт, что так и есть: три-четыре сигареты в день... но ведь беду может наделать даже одна сигарета! – Я, собственно, почему вас про курево спрашиваю... и у Сереги я давеча спрашивал, и у тебя, Анатолий, тоже сейчас спросил... про вред курения пусть вам в школе рассказывают ваши некурящие учителя, – Пётр Степанович хмыкнул. – У тебя, Толик, отец курит?

- Да. По пачке в день, – Толик, не понимая, к чему клонит Пётр Степанович, кивнул головой.

- Вот! И у Сереги отец курит – постоянно с сигаретой во рту... так что пусть вам они, ваши родители, из своего личного опыта убедительно рассказывают да на собственном примере показывают, что курить – это вредно, – Пётр Степанович, говоря это, ехидно усмехнулся. – Я вам сейчас про другое сказать хочу...

- Так вы тоже... вы же сами курите! – Толик с недоумением посмотрел на Петра Степановича; по тому, что и как говорил Пётр Степанович, было непохоже, что Пётр Степанович хочет провести профилактическую беседу про каплю никотина, наповал убивающую молодую, полную сил и задора лошадь, и в то же время... зачем-то же он спросил про то, курит он, Толик, или не курит!

- У дедули это вопрос философский, – вклинился в разговор Серёга.

- Нет здесь никакого философского вопроса! Я вот уже полвека курю, а вы молодые, вы только жить начинаете, и философия здесь у меня простая: не нужно в это дело втягиваться, привыкать к сигарете...

- Дедуля, я не курю! – напомнил Серёга.

- Ты молодец! Не куришь – и не пробуй! – отозвался Пётр Степанович. – Может, станешь примером для Толика. А пока я Толику скажу...

Они прошли улицу, на которой располагался дом Петра Степановича, и свернули в переулок, чтоб перейти на ту улицу, где жила Зинаида Ивановна... собственно, у Петра Степановича не было ни малейшего намерения бороться с курением внуков – и тогда, когда он спрашивал у Серёги, курит ли Серега, и теперь, когда он об этом же самом спросил у Толика; во-первых, Пётр Степанович курил сам, причем, как говорила Зинаида Ивановна, он, то есть Пётр Степанович, «дымил как паровоз», и было бы в высшей степени глупо между собственными затяжками рассказывать о вреде затяжек для других... да и что он мог рассказать о вреде курения? Одни лишь общие слова да набившие оскомину банальности – только то он мог сказать, что внуки наверняка знали и без него. А во-вторых... во-вторых, что значит «бороться»? Потребовать, чтоб Толик не курил? Запретить ему курить, мотивируя это тем, что некурящий Серега может попасть под его влияние? Но тогда, чтоб запрет не превратился в профанацию, нужно постоянно контролировать, как запрет выполняется, а это просто нереально – при желании и Толик, и Серёга, если он решит составить Толику компанию, без особого труда всегда смогут найти возможность запрет нарушить, а это, в свою очередь, уже чревато подрывом авторитета самого Петра Степановича... глупо запрещать там, где выполнение запрета невозможно проконтролировать! Потому что такая ситуация неизбежно ведёт к вранью одних, к потере авторитета у других... не можешь проконтролировать свой запрет – не запрещай, не сотрясай впустую воздух, – так думал Пётр Степанович.

- Так вот... лето стоит жаркое, всё повысыхало – где-то бросите окурок непогашенный, и в один миг всё может вспыхнуть как хворост... в один момент так полыхнет, что потушить никто не успеет... да и кто здесь будет

тушить? Больше половины дворов пустыми стоят, одни старики да старухи остались... огонь, ребята, в таких случаях страшная сила, лучше с ним не играть. А потому... если ты, Толик, куришь и бросать это занятие не намерен, то помни об этом – о том, что причиной многих пожаров часто бывает именно непогашенный окурочок! Вот я о чём беспокоюсь – о чём я хотел сказать... это понятно? – Пётр Степанович внимательно посмотрел сначала на Толика, потом на Серёгу.

- Понятно, – улыбнулся Толик. – Вы только бабушке не говорите... ну, то есть, не говорите ей, что я курю!

- Ишь ты! – Пётр Степанович рассмеялся. – Боишься бабушку?

- Нет, – весело отозвался Толик. – Просто для неё это будет избыточная информация... зачем знать то, что можно не знать? – рассудительно пояснил Толик.

- Я тоже так думаю, – поддержал Толика Серёга. – Бабуля не знает, что Толян курит, и всё ок. Это одна ситуация. Теперь рассмотрим другую ситуацию. Бабуля узнаёт, что Толян курит, и... она начинает волноваться за здоровье Толяна, начинает ему канифолить мозги, давить на психику, и при этом при всём не факт, что под действием такого наезда Толян курить перестанет... будут только одни психические расстройства! Плюс испорченный отдых... а оно нам надо? Правильно, дедуля, я говорю?

- Как вы ловко всё подогнали! – Пётр Степанович рассмеялся. Конечно, можно и нужно было бы поговорить про то, что Зинаида Ивановна будет не «канифолить мозги», а вполне обоснованно волноваться за Толика из самых добрых побуждений, но они уже подходили к дому Зинаиды Ивановны, и Пётр Степанович, посмотрев на Толика, пообещал: – Бабушке я говорить не буду, Но ты тоже помни, что я тебе сказал.

- Так точно! – весело отозвался Толик и, посмотрев на Серёгу, так же весело подмигнул Серёге; дед у Серёги... ну, то есть, теперь и его, Толика, дед был, кажется, мировой – вон как вопрос с куревом разрулил по-умному!

На ужин Зинаида Ивановна сварила вареники с творогом; творог был чуть солоноватый, рассыпчатый, вареники плавали в сметане, и сама сметана была совсем не похожа на магазинную... короче, это была вкуснятина, – Толик с Серёгой наворачнули по тарелке домашних вареников, Пётр Степанович – по случаю приезда внуков – накатил две стопки домашней настойки, Толик с Серёгой накатили тоже по огромному бокалу холодного вишнёвого компота... короче, всё складывалось не так уж и плохо, как Серёге казалось ещё утром, – жить в деревне было можно! Они вчетвером долго сидели за столом под виноградником, Серёга с Толиком рассказывали разные забавные случаи из своей школьной жизни... день медленно угасал, и уже стало смеркаться, когда Зинаида Ивановна сказала, что сидеть хорошо, но ей надо управляться по хозяйству – «надо подводить итог прошедшему дню», а им, то есть Петру Степановичу и ребятам, пора кормить Пирата. На том и порешили. Серёга с Толиком пожелали бабуле спокойной ночи и вместе с дедулей двинулись, как сказал дедуля, «к месту постоянной дислокации».

- Пирата сейчас покормите вы. Ну, то есть, вы переложите кашу из кастрюли в его миску. Я при этом буду стоять рядом, чтобы Пират видел, что всё законно. Потому что если вы это без меня сделаете, Пират к еде не притронется... – по дороге «к месту постоянной дислокации» Пётр Степанович неспешно объяснял внукам особенности психологии Пирата.

- Он что... такой подозрительный? – перебил Петра Степановича Толик. – Боится, что его отравят?

- Он умный, – не без гордости проговорил Пётр Степанович, отвечая на вопрос Толика. – Теперь дальше. Когда Пират будет есть, к нему не

подходите и вообще на него не обращайтесь внимание, не отвлекайте его – пусть ест спокойно. А вот как он поест и от миски отойдет, миску нужно будет пополоскать и налить в неё воду...

- Дедуля, ты хочешь, чтоб мы стали собаководами? – перебил Петра Степановича Серёга.

- Я хочу, чтоб вы стали с Пиратом друзьями – чтобы он доверял вам так же, как мне. Я же не буду вас постоянно водить к месту вашей дислокации... или вам нянька нужна? – Пётр Степанович вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Дедуля, ты нас обижаешь! – с жаром воскликнул Серёга, изобразив на лице возмущение. – Няньки нам не нужны! Правильно, Толян, я говорю?

- Правильно! – рассмеялся Толик.

Пират, еще не видя ни Пётра Степановича, ни мальчишек, услышал знакомый звук приближающихся к калитке шагов – и радостно завилял, закрутил хвостом, предвкушая и ужин, и общение. Дальше всё было так, как и говорил Пётр Степанович. Пока Толик с Серёгой перекладывали кашу из кастрюли в миску, Пират стоял в стороне – одобрительно крутил хвостом, наблюдая за тем, как наполняется его миска, но... он не бросился к миске, когда Серёга с Толиком от миски отошли, а, продолжая крутить хвостом, вопросительно посмотрел на Петра Степановича.

- Проголодался? – улыбнулся Пётр Степанович; Пират, всё так же глядя на Петра Степановича, сильнее завертел, закрутил хвостом, но с места не сдвинулся. – Ешь, Пират, ешь! Это свои, – ласково проговорил Пётр Степанович, и только после этих слов Пират решительно рванул к своей миске – приступил к ужину.

- Офигеть! Дедуля, он что – понимает, что ты ему говоришь? – Серёга, не скрывая своего удивления, посмотрел на Петра Степановича.

- Он всё понимает! – улыбнулся Пётр Степанович. – Теперь, когда он ест, не вздумайте его отвлекать – этого он не любит. Когда ест, не подходите к нему. А вот как поест...

Пират, опустошив миску, отошел в сторону, и Пётр Степанович показал внукам, где нужно миску «после трапезы» мыть и откуда нужно набирать в миску холодную воду для питья, – Серёга поставил миску с водой на место, и Пират, словно в знак благодарности, лизнул руку Сереге и лизнул руку Толику.

- Вот! Теперь Пират вам полностью доверяет! – с удовлетворением проговорил Пётр Степанович, одобрительно похлопав Пирата по спине. – А это значит, что вы можете без всякого опасения с ним играть, можете его тискать... словом, теперь вы друзья! Так, Пират?

Словно понимая, о чём спросил Пётр Степанович, Пират, глядя на мальчишек, приветливо помахал хвостом.

Мальчишки по очереди сходили в летний душ; за день вода в баке нагрелась так, что под ней невозможно было стоять, и Пётр Степанович, подсоединив шланг, долил в бак холодную воду, заодно показав, где и как подсоединять шланг к колонке, чтоб наливать или доливать воду в бак летнего душа.

Внуки были городские, и потому Пётр Степанович счёл необходимым провести небольшой инструктаж на тему создания комфортных условий для проживания в сельской местности.

- Окна зашторены, и днём в доме прохладно. А к вечеру всё равно нагревается, бывает душно, так что можете на ночь дверь не закрывать,

можете оставлять её открытой – Пират вас будет охранять. Если вечером будете свет в доме зажигать, дверь закрывайте или полог обязательно опускайте – иначе налетят мошки да комары, спать не дадут... завтра, если вы будете ещё спать, я принесу Пирату завтрак и вас к завтраку разбужу. Ну, а если сами проснётесь, то смело шагайте на завтрак сами – к месту постоянного приема пищи... всё понятно?

- Понятно, – Толик кивнул головой.

- Вот и отлично! – Пётр Степанович ласково потрепал Пирата, который стоял между Толиком и Серёгой и тоже внимательно слушал «инструктаж». – Ну, тогда всё... отдыхайте! Всё, Пират, я уйду, а ты остаешься здесь за старшего – присматривай за Толиком, чтоб он не ходил с сигаретой по двору...

- И за Серёгой тоже присматривай, чтоб он не брал с Толяна пример, – вставил своё слово Серёга.

- И за Серёгой, Пират, присматривай, чтобы Серёга с Толика не брал пример и вообще чтобы вёл себя хорошо, – Пётр Степанович рассмеялся. – Понял, Пират, свою задачу?

Пират в ответ закрутил хвостом...

Когда калитка за Петром Степановичем закрылась и его удаляющие шаги стихли, растворились в густых сумерках, Серёга вопросительно посмотрел на Толика:

- Ну, что сейчас делать будем?

- Не знаю, – Толик пожал плечами. – Пойдём вещи разберём?

- Пойдём...

Вот ведь как бывает! Серёгу отец вёз к деду, Толик ехал погостить к бабушке, и они оба ни сном ни духом не ведали, что вполне банальные, от них не зависящие обстоятельства сведут их вместе, и не просто сведут вместе, а сделают в некотором смысле родственниками – типа братьями... всё это было и неожиданно, и прикольно, и, что самое главное, такой неожиданный поворот событий обоим мальчишкам – и Серёге, и Толику – явно пришёлся по душе. Они были разные. Толик по складу характера был более спокойным, в меру рассудительным, не склонным к разным спонтанным решениям – в отличие от Серёги, который не лез за словом в карман и вообще «сначала делал, а потом думал», как охарактеризовал внука для Зинаиды Ивановны Пётр Степанович. Но между ними – между Толиком и Серёгой – уже пробежала невидимая искра взаимной симпатии, и это, конечно же, было самым главным, потому как отдыхать в Сосновке им предстояло буквально бок о бок, и эта возникшая между ними симпатия должна была стать залогом того, что они не начнут по пустякам придирааться друг к другу, не начнут ссориться, не скатятся до выяснения отношений...

Разбирая свои вещи – доставая из сумок шорты, плавки, трусы, футболки, развешивая-раскладывая всё это «богатство» на стульях – они говорили о всяком-разном, утоляя своё неподдельное, вполне объяснимое любопытство по отношению друг к другу; в глазах Толика вспыхнуло невольное удивление, когда он увидел, как Серёга достал из сумки и с досадой сунул назад в сумку три школьных учебника.

- А это нафига ты это привёз с собой? – Толик глазами показал на сумку, где исчезли учебники.

- Да, блин... – и Серёга, не жалея красок, в деталях поведал свою скорбную историю про то, как он не поехал в Таиланд, как вместо Таиланда оказался в Сосновке.

- Жёстко, – резюмировал Толик. – А я вообще на море ещё ни разу не был...

- В смысле? – теперь удивление отразилось во взгляде Серёги.

- Ну... как-то так каждый год получалось, что не получалось: то у родаков летом не было отпуска, то отпуск был, но не было денег, чтоб ехать на море... да у нас там река отличная! Пляжи есть – можно и купаться, и загорать... не хуже, чем на море!

- Ну, а что море? Море как море, оно никуда не денется – ещё съездишь! Может, на следующий год... – Серега хотел сказать, что сам он на море был уже сто раз, что его родители ездят на море каждый год и что он каждый год ездит с ними, но... говорить об этом Серёга не стал – просто не стал говорить, и всё!

В разговоре выяснилось, что Толик на два месяца старше Серёги.

- Ой! Так ты, выходит, мой старший брат... теперь ты должен обо мне заботиться! И вообще быть для меня во всём примером! – Серёга дурашливо рассмеялся. – Где там наши сигареты?

- Ой, мой младший некурящий брат... а ремня ты, случайно, не хочешь? – так же дурашливо рассмеялся Толик, и они, перебивая друг друга, весело позубоскалили о том, чем старший брат отличается от младшего и какие у каждого относительно друг друга должны быть обязанности или права.

Вечер – за разговорами, за шутками, за взаимным узнаванием друг друга – пролетел незаметно, – было почти двенадцать, когда Толик, глянув в свой телефон, чтоб узнать, который час, не без удивления присвистнул:

- Ого! Еще несколько минут, и будет полночь... будем спать?

- Будем, – Серёга кивнул головой. – Как ты думаешь... если зомби начнут ломиться к нам, Пират нас защитит?

- Любишь страшные истории? – Толик рассмеялся; вопросительно глядя на Серёгу – ожидая ответ на свой вопрос, он решительно встал с дивана, на котором сидел, так же решительно сдернул с себя шорты, оставшись в обтягивающих светло-серых трусах-борцовках.

- Я фильмы люблю, где монстры всякие... – Серёга непроизвольно скользнул взглядом по фигуре Толика и вслед за Толиком так же решительно сдёрнул шорты с себя, оставшись в точно таких же обтягивающих трусах-борцовках, только цвет у трусов Серёги был другой – цвет был темно-синий; Толик тоже непроизвольно скользнул взглядом по фигуре Серёги...

Собственно, ничего особенного в этих мимолетных взаимных взглядах друг на друга не было – это были совершенно естественные, вполне обычные взгляды, которыми мальчишки, как правило, непроизвольно оценивают друг друга, впервые оказавшись вместе на пляже, или в школьной раздевалке, или в общей душевой... конечно, бывает, и бывает нередко, когда у мальчишек такие взгляды, мимолётные и вроде как ничего не значащие, повинуются никем не слышимой музыке, с разной степенью внятности звучащей в душе смотрящих, и тогда такие взгляды на какие-то доли секунды непроизвольно задерживаются на туго обтянутых трусами-плавками округлых, сочно оттопыренных попках или вопрошающе замирают на выпирающих округлых бугорках впереди, но в таких случаях нужно быть очень, очень внимательным, чтобы за эти доли секунды уловить, увидеть-услышать в таких взглядах и н у ю музыку, однако и в таких взглядах, мимолетно скользящих, подчеркнута безразличных и вместе с тем целенаправленно устремлённых, тоже нет ничего особенного, как нет ничего особенного в самой музыке, если очистить эту музыку юности, вечную музыку взросления

от шелухи замшелых стереотипов и искусственно извращенных понятий на тему, что есть правильно, а что неправильно... Впрочем, ни в душе Толика, ни в душе Серёги никакой такой музыки никогда не возникало прежде, и не возникла такая музыка теперь – они просто скользнули друг по другу оценивающими, но вполне обычными взглядами, как это делают все мальчишки, и не более того, – они были одного роста, оба были стройные, голенастые, ещё по-мальчишески субтильные, но эта подростковая субтильность у обоих уже начинала размываться мужской округлостью ранней юности, на пороге которой они оба стояли...

- Дверь на ночь будем закрывать? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Я даже не знаю, – Серёга пожал плечами. – Дедуля говорил, что дверь можно оставлять открытой, если будет душно... а сейчас вроде не душно.

- Я тоже думаю, что не душно, – согласился Толик. – Тогда дверь закрываем? Или как?

- Да фиг его знает! Пусть остаётся открытой, – проговорил Серёга. – Вдруг ночью станет душно...

- Тоже правильно! Пусть остаётся открытой, – согласился Толик.

- Всё, давай спать! Выключай свет! – Серёга повалился на свою постель.

- Почему я? – Толик, глядя на Серёгу, изобразил на лице возмущение.

- Потому что я уже лёг, я уже сплю, а ты ещё не ложишься... чего здесь непонятного? – Серёга, снизу вверх глядя на Толика, рассмеялся. – Кто не успел, тот опоздал! Всё логично!

- То есть, ты уже спишь? – Толик ехидно прищурился, вопросительно глядя на Серёгу.

- Уже сплю, – подтвердил Серёга; он закрыл глаза и дурашливо захрапел, изображая спящего.

- Ну, тогда тебе пофиг, горит свет или нет. Логично? Логично! Спи... я пойду гляну, спит ли Пират. А то мы, наивные, на него надеемся, думаем, что он охраняет нас от монстров, а он, может, тоже сейчас храпит не хуже тебя...

- Да, пойдём проверим! – Серёга, пружинисто подбросив своё тело вверх, встал на ноги, и в ту же секунду, как только Серёга оказался на ногах, Толик стремительно рухнул на свою постель – в один миг распластался на белой в синий горошек простыне, широко развёл, раскинул в стороны ноги, обхватил-обнял руками подушку и, закрыв глаза, дурашливо захрапел.

- Ну, блин... так нечестно! – Серёга, глядя сверху вниз на лежащего на животе Толика, почувствовал себя одураченным. – Толян...

Толик в ответ захрапел ещё громче – ещё музыкальнее.

- Толян...

Перестав храпеть – сдерживая смех, Толик не проговорил даже, а, подражая механическому голосу робота, изрёк, четко выговаривая каждое слово:

- «Анатолий уже спит. Сергей, выключайте свет и тоже ложитесь спать. Кто не успел, тот опоздал. Всем спокойной ночи!»

- Ну, блин! – Серёга затопал ногами, изображая крайнюю степень отчаяния. – Толян...

- Звучит голос за кадром: «Сергей! Не пытайтесь разбудить Анатолия – выполняйте то, что вам сказали. Утро вечера мудренее. Спокойной ночи!» –

Толик, проговорив всё это с той же самой механической интонацией, повернул на подушке голову – наискось снизу вверх посмотрел на Серёгу смеющимися глазами. – Мы спать сегодня будем? Или как?

- Блин, Толян... ты обдурил меня, – изображая и лицом, и голосом возмущение, возопил Серёга. – Вставай!

- Не обдурил, а проявил смекалку, – парировал Толик, глядя на Серёгу снизу вверх смеющимися глазами.

- Ну, хорошо! – сдался Серёга; но сдаваться просто так ему явно не хотелось, и потому он тут же сделал «предложение, от которого невозможно отказаться». – Свет выключать мы будем по очереди. Сегодня, так уж и быть, свет выключу я. А завтра...

- Завтра свет выключит Пират, – перебил Серёгу Толик. – Потом снова ты. Потом снова Пират...

- Интересно... а ты когда будешь свет выключать? – Серёга прищурился.

- А я буду вас контролировать – буду следить за вашей очередностью, чтобы всё у вас было по чесноку, – Толик явно дурачился, с улыбкой наблюдая за Серёгой.

- Ну, ты жук! – Серёга, переступив с ноги на ногу, машинально провёл ладонью по упруго выпирающему бугорку спрятанного под трусами своего хозяйства. – Короче! Или я выключаю свет сегодня, а завтра выключать будешь ты, или я сейчас ложусь, и мне пох, что свет будет гореть... пусть хоть всю ночь горит – я могу и при свете спать! Что выбираешь?

- Ну, Серый... ты кого хочешь уговоришь! – Толик пружинисто, одним рывком перевернулся на спину и, глядя на Серёгу, так же, как Серёга, машинально тронул пальцами свой округлый бугорок – на секунду-другую

оттянул пальцами трусы, чтоб встряхнуть-поправить то, что было скрыто под трусами; в этом машинальном прикосновении точно так же, как и в машинальном прикосновении Серёги, не было никакого скрытого содержания и уж тем более не было ни малейшего намёка на возможность возможного, хотя... время было за полночь, и они, эти мальчишки, стоящие на пороге своего всестороннего взросления, были в комнате одни – их уже связывала взаимная симпатия, и один из них, широко расставив, разбросав в стороны голенастые ноги, уже лежал на спине, с улыбкой глядя на другого... но – не было, не звучало той невидимой музыки, которая могла бы при таком раскладе их подтолкнуть-направить, и потому их машинальные жесты не могли стать и не были прелюдиями к чему-то такому, что раздвигает горизонты на пути постижения мира; эти мимолётные жесты ничего не значили, они не были предназначены для стороннего восприятия, они не несли в себе никакого намёка – так делают многие мальчишки и даже взрослые парни, словно таким машинальным безотчетным образом они, мальчишки и взрослые парни, хотят всего лишь проверить-удостовериться, что всё у них т а м на месте, всё в порядке, и не более того. – Да, Серый, ты кого хочешь уговоришь... – повторил улыбающийся Толик, снизу вверх глядя на стоящего около своей постели Серёгу. – Мы, конечно, могли бы обсудить этот вопрос более подробно, но время уже позднее и охота спать...

- Вот именно! Мы могли бы уже спать, как все порядочные люди, а из-за тебя мы уже полчаса спорим ни о чём. А время, между прочим... – Серёга взял со стула свой телефон, посмотрел на вспыхнувший монитор, – время уже половина первого...

- Сколько? – Толик сделал удивленное лицо?

- Вот! Ровно ноль-ноль часов тридцать минут, – Серега повернул монитор в сторону Толика. – Удостоверился?

- Офигеть! – Толик тихо присвистнул. – А ты что – дома в это время уже всегда спишь?

- Ну, когда как, – отозвался Серёга. – А ты?

- Я тоже когда как... могу и в десять уснуть, а бывает, что до двух ночи не сплю... по-разному бывает!

- Я тоже так же – тоже по-разному... но ты мне зубы не заговаривай! – Серёга, улыбаясь, погрозил Толику пальцем. – Зубы ты будешь дедуле с бабулей заговаривать, если ты мастер в таком деле... они доверчивые, а мне зубы заговаривать не надо – со мной этот номер у тебя не пройдет... короче, Толян! Или ты принимаешь моё разумное предложение, чтоб мы выключали свет по очереди, или я сейчас тоже ложусь, и мне уже будет глубоко пох... решай! Считаю до трёх: раз...

- Всё-всё-всё! Сегодня свет выключаешь ты, а завтра я! Так ты хочешь? – переспросил-уточнил Толик.

- Именно так! Сегодня свет выключаю я, пусть будет по-твоему, а завтра свет выключать будешь ты. По рукам?

- По рукам! – Толик протянул в сторону Серёги поднятую ладонью вверх руку, и Серёга кончиками пальцев ударил по кончикам пальцев протянутой руки Толика; мировое соглашение было не только достигнуто, но и таким образом подтверждено, узаконено – теперь ходу назад уже не было.

Серёга щелкнул выключателем; два окна в комнате были зашторены, и если солнечный свет плотные темно-зеленые шторы худо-бедно еще пропускали, отчего днем в комнате был полумрак, то свет ночной через шторы в комнату не проникал совсем, – Серега щелкнул выключателем, и комната погрузилась в абсолютную темноту.

- Ну, ни фиги себе... вообще ничего не видно! Толян...

- Серый... рядом с тобой кто-то стоит... – чуть слышно прошептал Толик, и слова эти в абсолютной темноте прозвучали жутковато. – Справа от тебя... силуэт какой-то... чувствуешь? Рядом с тобой... посмотри направо!

Не отвечая, Серёга торопливо нащупал на стене выключатель – и комнату снова залил электрический свет, – Серёга тут же непроизвольно посмотрел направо – рядом никого не было.

- Всё, пропал... теперь с тобой рядом никого нет, – без тени улыбки на лице подтвердил Толик. – Они света боятся...

- Кто «они»? – Серёга медленно, словно прислушиваясь к своему голосу, перевёл взгляд на лежащего на спине Толика.

- Монстры... кто же еще! – прошептал Толик.

Секунду-другую они молча смотрели друг на друга... какие, нах, монстры?! Очевидно же было, что Толик дурачится... просто дурачится! Он дурачится сам и дурачит Серёгу – он лежит в постели и тупо прикалывается, пугает его, Серёгу... но... Толик смотрел на Серёгу серьезно, и...

- Какие, нах, монстры?! – намеренно громко проговорил Серёга; он решительно направился к своей постели; взял свой телефон и так же решительно вернулся к выключателю. – Если ты монстров боишься, то прячься быстрее, накрывайся простыней – я выключаю свет!

Щелкнул выключатель и одновременно с этим засветился монитор Серёгина телефона – теперь комната не погрузилась в непроницаемый мрак, а была неровно освещена светом монитора, – Серега поднёс монитор к своему лицу, точнее, поднёс к подбородку, осветив лицо снизу вверх, отчего лицо его приняло жутковатое выражение.

- Толя-я-я-я-я-я-н... – глухо пропел-проговорил Серёга, стараясь придать своему голосу потустороннее звучание. – Ты видишь монстра? Он идёт... идёт к тебе... – Серёга подошел к дивану, на котором лежал Толик, и, продолжая подсвечивать своё лицо монитором телефона, стал медленно наклоняться над Толиком. – Сейчас... сейчас я буду пить твою кровь... – потусторонним голосом предупредил Серёга.

- Дурак! Кровь пьют вампиры, а не монстры, – рассмеялся Толик, пытаясь увернуться от наклоняющегося над ним Серёги.

- А я вампир... я монстр-вампир... – Серёга, отведя свою руку с телефоном чуть в сторону, другой рукой прижимая Толика к постели, наклонил голову – и раскрытые его губы горячо вжались Толику в грудь чуть выше левого соска.

- А-а-а! – засмеялся-задёргался Толик, пытаясь оттолкнуть Серёгу, оторвать его губы от своей груди. – Серый, блять, щекотно... пусти! Пусти меня... ты мне засос сейчас поставишь, идиот... пусти меня! Серый...

Кожа на груди у Толика, как и положено в таком возрасте, была нежная и вместе с тем эластично-упругая, чистая, без единого волоска... губы у Серёги были влажные и горячие... но и здесь не возникло, не зазвучало той древней музыки, что срывает шлюзы и, подобно водовороту, уносит услышавших эту музыку в заповедные кущи, – Толик, изловчившись, оторвал голову Серёги от своей груди и, упираясь ладонями в грудь Серёги, отталкивая Серёгу от себя, со смехом выдохнул:

- Блин, ну ты и монстр... вампир настоящий!

- А ты как думал! – самодовольно отозвался Серёга.

Секунду-другую они молча смотрели друг другу в глаза... монитор телефона слабо освещали комнату, – Толик, раздвинув ноги, всё так же лежал на спине, Серёга сидел на краю его постели, вполоборота повернувшись к Толику, нависая над ним сверху, и в те несколько секунд, что они смотрели друг другу в глаза при свете телефона, казалось, что они оба прислушиваются к чему-то, сами не зная, что именно они могут или хотят услышать... обтянутые трусами-борцовками бугорки у обоих немного увеличились, но ни Толик, ни Серёга, чувствуя эти приятные утяжеления в трусах, никак не связали их со своей мальчишеской возней, с тем, что Серёга, изображая то ли монстра, то ли вампира, шутливо присосался к груди Толика, – в погруженной в полумрак комнате было тихо-тихо...

- Всё, Серый, давай спать, – проговорил Толик, нарушая молчание.

- Давай, – коротко отозвался Серёга, пружинисто поднимаясь на ноги; он быстро, словно опасаясь чего-то, преодолел короткое расстояние до своей постели, ничком повалился на такую же, как у Толика, белую в синий горошек простыню; монитор телефона погас, и комната тут же погрузилась в непроницаемую тьму. – Толян... – почему-то шепотом проговорил Серёга, переворачиваясь на спину, – завтра во сколько встаём?

- Сегодня, – уточнил Толик.

- Ну, сегодня... какая разница? – Серёга, говоря это, машинально скользнул ладонью под резинку своих трусов – легонько сжал, стиснул пальцами нетвёрдый и вместе с тем приятно отяжелевший, эластично упругий член; в комнате было темно, и Серёга не мог видеть, что буквально за пару секунд до него то же самое сделал Толик – точно так же сунул ладонь под резинку трусов своих, точно так же сдавил пальцами полустоячий член у себя; было темно, и они оба – и Серёга, и Толик – не могли видеть друг друга; впрочем, тиская свои быстро отвердевшие члены, они совершенно не думали ни друг о

друге, ни о возможности возможного... просто не думали, и всё; дома они, как все мальчишки, перед сном в своих комнатах, уже лёжа в постели, или сладко драчили свои юные члены, приспустив трусы, или просто ласкали их, тискали-мяли, и теперь было то же самое – с той лишь разницей, что теперь они были не в своих комнатах наедине со своими подростковыми вожделениями, со своими возвышенными мечтами и брутальными помыслами, и потому мысль о полноценной дрочке здесь и сейчас им обоим не приходила в голову по причине невозможности её воплощения. – Завтра – это будет завтра, когда мы проснёмся, – проговорил в темноте Серёга, машинально сжимая пальцами свой возбуждённый член.

- Мы с тобой когда легли спать – вчера, сегодня или завтра? – отозвался в темноте Толик, прижимая свой возбужденный член ладонью к животу.

- Ну, сегодня... сегодня легли в первом часу – я же смотрел на время, – чуть подумав, отозвался Серёга, залупая в трусах напряжённый член.

- Вот! Значит, утром сегодня мы и проснёмся. Правильно?

- Ну, правильно... ты такой дотошный! – Серёга то ли похвалил Толика, то ли, наоборот, подколот. – Любишь, чтоб всё было правильно?

- Люблю, чтоб всё было ясно, – отозвался Толик, бесшумно вытаскивая свою руку из трусов – оставляя свой член в покое. – Всё, Серый, давай спать...

- Давай, – согласился Серёга; он раз-другой привычно двинул на своём члене крайнюю плоть и так же, как Толик, вытащил руку из трусов, подумав, что завтра... завтра он это обязательно сделает, и сделает он это или в кабинке летнего душа, когда будет там мыться-освежаться, или в кабинке летнего туалета – эти два места, если они будут с Толиком всё время вместе, показались Серёги самыми безопасными для такого уединения... и еще – перед тем, как провалиться в сон – Серёга успел подумать, что хорошо...

хорошо, что Толян приехал к бабуле с дедулей тоже, что он оказался нормальным пацаном и что теперь они как братья – вместе тусить им будет куда интереснее...

Утром Серёга открыл глаза и в первое мгновение не сразу понял, где он и что с ним; он лежал на боку, поджав под себя ноги, и дома, когда он просыпался в такой позе, его взгляд каждый раз привычно упирался в угол письменного стола, а теперь в полумраке Серёга увидел пустую постель, застеленную белой в синий горошек простыней, и только тут, в следующую секунду, он понял-сообразил, и где он, и что с ним; судя по тому, как на стене были четко прорисованы два прямоугольника, через которые скупо проникал солнечный свет, там, за окнами, уже было светло – на улице уже было утро или, быть может, даже день, там всюду уже палило солнце, а в комнате было прохладно, был полумрак, – Серёга, распрямляя ноги – переворачиваясь на спину, сладко потянулся; член у Серёги был напряжен, бугром поднимая трусы, но здесь ничего необычного для Серёги не было – в последнее время член у него по утрам стоял почти всегда, – Серёга, машинально сунув руку в трусы, сильно сжал, стиснул-сдавил член в кулаке, и это «утреннее приветствие», уже ставшее для Серёги традиционным, щекотливой сладостью знакомо отозвалось в промежности... Толика в комнате не было, но он мог появиться в любую секунду, и Серёга, уложив член в трусах набок, чтобы он меньше из трусов выпирал, рывком встал на ноги.

- Толян, ты где? – деловито проговорил Серёга, выходя на крыльцо; нет, это был не день, это было утро – не раннее утро и не позднее, а то утро, с которого день начинается: солнце было уже достаточно высоко, но еще не припекало, не обжигало зноем, воздух был свеж и приятен, в двух метрах от крыльца росла старая яблоня, и в её листве невидимые воробьи то ли о чем-то весело спорили, то ли дружно ругались; Пират при виде Серёги радостно закрутил хвостом, и Серёга, безбоязненно наклонившись над ним, почесал

его за ухом. – Привет, Пират, привет! Умный Пират, красавец Пират... всю ночь не спал – нас охранял... ты знаешь, где Толик? Колись, Пиратик... знаешь, куда он пошел? – Пират знал, куда пошел Толик, но сказать этого при всём своём желании он никак не мог и потому, реагируя на ласковые слова Серёги, лишь ещё энергичнее закрутил, завертел хвостом. – Ну, ладно... не хочешь говорить – не надо, – Серёга погладил Пирата по макушке и, выпрямляясь, огляделся.

Налево от крыльца была калитка и ворота – там была улица, и на улице Толику делать было нечего... если, конечно, он не пошел к дедуле с бабулей, но с какой радости он пошел бы туда один без него, без Серёги? Налево от крыльца был гараж, где стоял дедулин «мустанг», была калитка на хоздвор, где были какие-то сараи и всякие другие постройки, нужные для сельских нужд, но теперь пустующие, дальше, за хоздвором, был сад и огород, там была кабинка летнего душа с черным баком наверху, ещё чуть дальше, прячась в разросшихся кустах смородины, была кабинка летнего туалета, ещё дальше был сад... короче, подворье у дедули было немаленькое, и Серёга, не раздумывая – оставив Пирата в покое, двинулся туда...

Толика Серёга увидел не сразу – Толик стоял в кустах смородины к Серёге спиной, эти кусты наполовину его скрывали, и Серёга тут же подумал, что Толик с утра пораньше лакомится смородиной... без него, без Серёги, лакомиться, гад такой! Мог бы его, Серёгу, тоже разбудить, чтоб обнести дедулину смородину вместе... брат, называется! Серёга хотел свистнуть, хотел засвидетельствовать, что Толик «пойман на месте преступления», но в следующую секунду Серёга подумал, что свистеть он не будет, а лучше всего подберётся к Толику поближе и страшным голосом что-нибудь рявкнет, чтоб напугать его, – эта мысль показалась Серёге куда интереснее, чем просто свистнуть издали, и Серёга, крадучись, мягко, бесшумно переступая с пятки на носок, двинулся по направлению к Толику, заранее предвкушая,

какая забавная сцена сейчас последует... но по мере того, как Серега приближался к Толику, картинка менялась – Толик не рвал смородину, не подносил сорванные ягоды ко рту, а... что он делал?

Толик не слышал и не видел, как сзади к нему всё ближе и ближе подходит Серёга, – в кустах смородины Толик стоял к Серёге спиной, и, соответственно, Серёга видел Толика со спины: левая рука Толика была опущена вниз, но не вдоль тела, не параллельно телу, а была сдвинута к низу живота, так что видно левую руку было только по локоть, правая рука, точно так же опущенная и так же сдвинутая к низу живота, ритмично двигалась, и двигалось, ходуном ходило вслед за рукой правое плечо Толика, и вслед за плечом, подчиняясь общему ритму, чуть заметно двигалось, мелко содрогалось всё его тело... «он что, блин... дрочит там?» – неуверенно подумал Серёга, и от этой мысли-догадки, невольно возникшей в его голове, он на какое-то мгновение растерялся, – Серёга никогда не видел, как дрочат пацаны, и уж тем более никогда не участвовал в совместных дрочках, как это нередко бывает у начинающих открывать мир секса мальчишек, сейчас Толик стоял в кустах смородины к нему спиной, но... и характерное движение правой руки Толика, и легкое содрогание его тела, и чуть приспущенные на сжимающихся булочках попы трусы-борцовки – всё это было настолько у з н а в а е м о, что никаких сомнений на предмет того, чем именно занят Толик, у Серёги просто не оставалось: «дрочит!» – подумал Серёга, и, подумав так, Серёга в тот же миг почувствовал, как у него самого начинает стремительно затвердевать в трусах член...

Собственно, ничего необычного в том, что делал Толик, не было – Серёга так делал тоже, и даже более того, Серёга читал, что так делают все пацаны в переходном возрасте и так делают даже взрослые парни, если у них нет девчонки, чтобы трахаться, или, к примеру, нет жены; более того, вчера вечером Серёга планировал сам делать это же самое в кабинке душа или в

туалете, и... в общем, ничего сверхъестественного в том, что Толик дрочил, не было; и вместе с тем... вместе с тем была огромная разница между знанием обо всём таком вообще и наглядным воплощением этого знания в реале, когда пацан-ровесник, не зная, что его видят, сладко дрожит-содрогается у тебя на глазах, – Серёга, затаив дыхание, непроизвольно скользнул ладонью в свои трусы, с силой сдавил, прижал напряженный член к животу... да, все так делают – все пацаны дрочат, но при этом не все в этом признаются, и уж тем более не все согласятся это делать на глазах у ровесников или друзей, не все захотят, чтоб другие видели это, – у Серёги мелькнула мысль бесшумно ретироваться, пока Толик не оглянулся, испариться-исчезнуть, пока Толик не кончил, и пусть Толик никогда не узнает, что он, Серёга, стал невольным свидетелем того, как Толик, стоя в кустах смородины, дрочил, мастурбировал, тайно занимался онанизмом, но – вопреки этой мелькнувшей мысли – Серёга бесшумно шагнул вперёд...

Что именно Серёга хотел рассмотреть-увидеть – кроме того, что он увидел уже? Солнце, ещё не обжигающе знойное, еще не пышущее жаром, было у мальчишек за спиной, и в лучах его тело Толика, уже успевшего немного подзагореть на своей речке, казалось нежно-золотистым; трусы-борцовки на попе Толика были наполовину припущены, и там, где они были припущены, кожа была белая, контрастируя со спиной и ногами, – круглые булочки попы шевелились, сжимались-разжимались, словно играли между собой, и это тоже было для Серёги у з н а в а е м о, потому что Серёга, когда дрочил, точно так же стискивал, сжимал булочки попы своей... что он, Серёга, хотел или мог увидеть такого, чего он не знал, делая то же самое? В принципе, все пацаны во всём мире дрочат практически одинаково, если только они это делают для себя, для собственного удовольствия, а не на камеру, не за деньги, и тем не менее... там не менее, осторожно ступая, Серёга шаг за шагом бесшумно приближался к Толику – он, Серёга, хотел увидеть, как это

делает Толик, и даже не именно Толик, а как это делает вообще д р у г о й пацан, словно воочию увиденное каким-то образом могло наглядно утвердить Серёгу в мысли, что он, Серёга, не одинок на этом подростковом попроще, что все, все-все пацаны – при всём их внешнем различии – в минуты тайных своих уединений совершенно одинаковы... или, может, не все одинаковы? Банальное любопытство толкало Серёгу вперед, – осторожно делая шаг за шагом, с каждым сделанным шагом приближаясь к Толику, подкрадываясь всё ближе и ближе, Серёга совсем не думал, что он скажет Толику, какие слова он произнесёт, когда окажется перед Толиком лицом к лицу...

Толик, увлеченный своим занятием, ничего вокруг себя не видел и не слышал: перед мысленным взором Толика привычно крутились сюжеты из виденных им порнофильмов, где парни-качки мощно засаживали блондинкам-брюнеткам свои огромные стояки, отчего те сладко стонали, и, видя и слыша это и только это, стоящий в кустах смородины Толик с упоением двигал рукой, то и дело представляя на месте очередного качка из порнофильма себя, – сладко зудящий окаменевшей член клейко, сноровисто залупался не в кулаке, а утопал в горячем лоне очередной блондинки... или брюнетки... ему, Толику, одинаково нравились и брюнетки, и блондинки, в своих подростковых фантазиях он никого не выделял особо, никому не делал предпочтения, – стоя в кустах смородины, Толик мысленно засадил очередной блондинке свой распираемый сладким зудом стояк, когда за его спиной близко-близко, буквально рядом, хрустнула сухая ветка; виртуальный мир в один миг рассыпался, Толик невольно вздрогнул, замер и оглянулся – перед ним, перед Толиком, стоял «младший брат» Серёга...

- Ты чё здесь делаешь? – проговорил Серега, вопросительно глядя Толику в глаза.

Серёга стоял буквально в двух шагах позади Толика, стоял так близко, что просто не мог не видеть по характерным движениям Толика, что Толик делал, и потому вопрос прозвучал глупо, – Серёга, пока подбирался, бесшумно подкрадывался к Толику, совсем не подумал, что он скажет или спросит, когда окажется с Толиком лицом к лицу; а с другой стороны... он, Серёга, стоял у Толика за спиной, он не видел ни стояк Толика, ни пальцы Толика на стояке, то есть Серёга не видел всю картину в её исчерпывающей полноте, и потому вопрос такой – «ты чё здесь делаешь?» – был отчасти объясним: вполне очевидное при отсутствии полной картины перед глазами было как бы не совсем очевидным, так что можно было и спросить... ну, то есть, спросить именно так: «ты чё здесь делаешь?»; а кроме того, задав спонтанно сорвавшийся с губ такой вопрос, Серёга тем самым непреднамеренно предложил именно Толику выкручиваться из всей этой щекотливой ситуации – пусть Толик сам поясняет, что он делал, содрогаясь в кустах смородины, пусть именно он, то есть Толик, решает, какими словами всё это теперь объяснять, и в этом смысле вопрос, по причине своей риторичности как бы глупый, но вместе с тем нейтрально и даже невинно прозвучавший, был, пожалуй, единственно правильным вопросом в смысле реакции Серёги на эту невольно возникшую ситуацию... впрочем, всё это было уже психологией, а Серёга, понятное дело, ни о какой психологии не думал – он просто проговорил то, что первым пришло ему в голову, – какое-то время они, Серёга и Толик, смотрели друг другу в глаза; вопрос был задан, и на вопрос нужно было отвечать...

- Что я делаю? – переспросил Толик, лихорадочно думая, как в такой ситуации лучше всего ответить на риторический, глупо прозвучавший, но вместе с тем совершенно конкретный Серёгин вопрос; растерянность, даже смятение, на пару секунд мелькнувшие в глазах Толика, когда он, оглянувшись, увидел перед собой Серёгу, сменились сосредоточенностью;

отрицать очевидное было глупо, всё было и так понятно... и Толик, всё так же стоя к Серёге вполоборота, так что Серёга по-прежнему не мог видеть «главные улики очевидного», проговорил-ответил подчеркнуто спокойно, даже вроде как чуточку пренебрежительно, чтоб таким образом низвести то, что он делал, до ситуации банальной и заурядной, вполне обыденной, что, в общем и целом, так и было: – Напряжение снимаю, – произнёс Толик, глядя Серёге в глаза.

Ответ был точным по факту, пресным по содержанию и практически не эмоциональным по интонации... именно то, что требовалось! Щекотливая ситуация посредством такого ответом как бы автоматически переместилась из волнительной области секса в скучную область профилактики застойных явлений, и Толик, невольно улыбнувшись, мысленно похвалил себя за такой простой и вместе с тем исчерпывающе п р а в д и в ы й ответ.

- Дрочишь? – проговорил Серёга, сам не зная, зачем он именно этим словом уточняет и без того понятный ответ Толика... ну, а каким ещё словом Серёга должен был уточнить очевидное? Самое обычное слово.

- Ну, можно и так сказать... – Толик улыбнулся и, улыбаясь, поспешил тут же перевести стрелку с себя на Серёгу. – А ты сам... ты что – не делаешь так? Не дрочишь?

Толик за этим занятием был застигнут врасплох, был пойман, как говорится, «на месте преступления», так что для Толика в его ситуации отпираться и говорить, что он не дрочит, было бы просто глупо. А вот Серёгу за этим занятием Толик не видел, и вообще никто никогда не видел, как делает это Серёга, и потому Серёга, глядя Толику в глаза, мог бы сейчас спокойно сказать, что он, то есть Серёга, такими вещами не занимается, и даже... даже если бы Толик ему не поверил, это бы совершенно ничего не значило, потому что никаких доказательств у Толика все равно бы не было... короче, Серёга

мог бы спокойно сказать Толику, что он, Серёга, не дробит, что этим не занимается, что ни-ни-ни, что вообще никогда, что всё это глупость, неподходящая для взрослых парней, но... во-первых, Серёга читал, что дробят в их возрасте все пацаны и что ничего зазорного или позорного в этом нет; во-вторых – а это второе вытекала из первого – на свой собственный дроб Серёга смотрел как на возможность испытать доступное сексуальное наслаждение, совершенно не комплексуя от того обстоятельства, что желание такое у него возникало снова и снова и, соответственно, он снова и снова это делал то в своей комнате, то в ванной, то в постели утром или перед сном и даже в последнее время делал это в иные дни по два раза в день; ну, и в-третьих, и это, наверное, было самым главным: член у Серёги всё так же стоял колом, руку из трусов Серёга не вытаскивал, и, стоя позади Толика – прижимая член к ноге, Серёга чувствовал, как сладость желания у него всё сильнее и сильнее разгорается между ног...

- Ну, иногда... – Серёга, отвечая на вопрос Толика, улыбнулся в ответ.

- Что «иногда»? – Толик, улыбаясь, прищурился.

- Тоже... ну, то есть, тоже снимаю напряжение, – проговорил Серёга. – Как ты...

- Дробишь? – спросил-уточнил Толик, тихо рассмеявшись, глядя Серёге в глаза.

- Ну, типа того... – ответил Серёга и вслед за Толиком, глядя в глаза Толику, тоже тихо рассмеялся. – А что делать, если стояк?

- А с девчонкой замутить не пробовал? Слабо? – весело поинтересовался Толик, и здесь Серёга уже не растерялся – ответил Толику так же весело:

- Кому слабо? Тебе? – намекая, что они оба занимаются одним и тем же.

- Дык... сейчас никаких девчонок на горизонте не наблюдается, – словно оправдываясь, проговорил Толик.

- Вот и я о том же! – отозвался Серёга, переступая с ноги на ногу.

- Вот и я о том же! – эхом отозвался Толик, то ли весело передразнивая Серёгу, то ли таким шутливым повтором Серёгиных слов закрепляя достигнутое взаимопонимание в этом простом и вместе с тем совсем непростом для многих пацанов вопросе; оставалось лишь перейти от слов к делу...

Они по-прежнему стояли в полутора метрах друг от друга, Серёга стоял позади и чуть сбоку от Толика, а Толик стоял, полуобернувшись к Серёге, – стоять так было неудобно, но пока они разговаривали, неудобство это не замечалось, а теперь всё было сказано, всё было прояснено, и надо было что-то делать дальше... между тем, выбор – что именно делать дальше – был не велик, и Толик, нарушая молчание, этот выбор Серёге предложил:

- Короче, Серый... – то ли на правах с т а р ш е г о б р а т а, то ли потому, что он был в более уязвимом положении и по этой причине решать, что делать дальше, нужно было именно ему, Толик проговорил деловито, без улыбки и вообще без каких-либо эмоций в голосе, тем самым как бы подчеркивая, что дело это вполне обычное, естественное и заурядное: – Короче... или ты, Серый, если сейчас не хочешь подрочить, идёшь лесом – по своим делам шагаешь мимо и не мешаешь мне закончить начатое, или давай... давай вместе подрочим, если ты хочешь... выбирай! А то, блин, стоим мы как дураки...

Серёга признался, сказал Толику, что он т о ж е «иногда» дрочит, и Толик, говоря так – предлагая Серёге присоединиться, подрочить вместе, ничего не терял... ну, а почему нет, если так сложилась ситуация?

- Вместе подрочим? – переспросил Серёга, лихорадочно думая, что ему выбрать из того, что предложил Толик; член у Серёги стоял, и думать здесь было нечего, между ног у Серёги сладким зудом покалывало от предвкушения удовольствия, но... он, Серёга, еще никогда никому не показывал свой эрегированный член и уж тем более никогда и ни с кем не дрочил в м е с т е, и надо ли это делать сейчас, если он может спокойно покайфовать в одиночку, наедине с самим собой, как делал он это всегда и как делать привык... а с другой стороны, Серёге хотелось увидеть эрегированный член Толика... хотелось увидеть, как это делает Толик... нет, никакая особая музыка не звучала в душе Серёги – это было обычное пацанячее любопытство, и не более того; и еще... наедине с самим собой Серёга всё это делал уже тысячу раз, а в совместной дрочке была новизна, и новизна эта манила, как манит всё то, что еще не испытано, не открыто и не исследовано... «вместе подрочим?» – спросил Серёга.

- Ну, а чего здесь такого? – с лёгким напором проговорил Толик, видя, как Серёга колеблется, как он не может решиться, какой из двух предложенных ему вариантов выбрать. – Или ты никогда с пацанами другими вместе не дрочил?

- Никогда, – Серёга отрицательно качнул головой.

- Ну... ничего особенного здесь нет, – проговорил Толик с видом знатока таких ситуаций. – Точно так же дрочишь, и всё... никакой разницы! Просто рядом стоим... или ты, может, чего-то стесняешься? Или боишься чего-то? – Толик чуть снисходительно улыбнулся.

- Ничего я не боюсь! И не стесняюсь... чего мне стесняться? – отозвался Серёга, слегка уязвлённый и такими подозрениями Толика в свой адрес, и его снисходительной улыбкой.

- Ну, так становись рядом со мной! – приказным тоном проговорил Толик, кивком головы показывая, где Серёге стать. – Чего мы дрончим мозги, если нужно дрончить совсем, блин, другие органы... становись рядом! – уверенно сказал Толик, и Серёга шагнул вперёд, чтобы стать рядом с Толиком...

Не вынимая руку из своих трусов – всё так же прижимая скрытый трусами стояк к ноге, Серёга стал рядом с Толиком, и первое, что он сделал, это непроизвольно повернул голову, чтобы увидеть стояк у Толика; большим пальцем левой руки Толик оттягивал резинку своих трусов вниз, держал резинку под мошонкой, и, таким образом, всё мужское хозяйство Толика было на виду; Серёга мгновенно отметил про себя, что член у Толика был примерно такой же в смысле размера, как у него, – член у Толика уже не стоял, как натянутая тетива, а за то время, что он, Толик, с Серёгой «разруливали возникшую ситуацию», слегка обмяк, потерял-утратил распираемую изнутри силу; Толик держал свой член тремя пальцами правой руки – большим пальцем сверху, и двумя пальцами, указательным и средним, снизу, держал ближе к обнаженной ярко-красной головке, большой палец левой руки был скрыт под мошонкой, в которой выпукло прорисовывались крупные, как и у Серёги, яйца... словом, всё это было знакомо, всё было такое же, как и у Серёги, – ничего нового Серёга не увидел, и всё равно это было необычно и возбуждающе... непонятно почему, но это было возбуждающе – видеть возбуждённый член другого пацана, своего ровесника.

- Ну, ты чего? – негромко проговорил Толик, глядя на Серёгины трусы-борцовки, под которыми скрывалось пацанячее хозяйство Серёги. – У тебя же стоит...

- Стоит, – подтвердил Серёга.

- Так доставай! – с весёлым напором в голосе проговорил Толик; теперь он хотел посмотреть на возбуждённый член Серёги; понятно, что члены у всех одинаковые – с поправкой на размер, на толщину-длину – и всё равно... всё равно Толику было интересно.

Не отвечая, Серёга перевёл взгляд на себя... до этого его, сексуально возбуждённого Серегу, видел во всей красе только сам Серёга, и – когда один Серёга смотрел на другого Серёгу в зеркало, то тот Серёга, что был в зеркале, нравился тому Сереге, который в зеркало смотрел, – Серёга, когда дома никого не было, время от времени со стояком крутился перед зеркалом, рассматривая себя как бы со стороны, как бы глазами какой-нибудь девчонки, и вид и сбоку, и спереди был очень даже ничего... ну, и в чём проблема была теперь? Точно так же, как Толик, Серёга большим пальцем левой руки зацепил резинку трусов своих и, не раздумывая, резко потянул трусы вниз, открывая собственное хозяйство; одновременно с этим он убрал с члена ладонь руки правой, и член его, дёрнувшись, полуоткрытой головкой задрался, как ракета, вверх, – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Нормально, – кивнув головой, одобрительно проговорил Толик.

- А так ты можешь? – Серёга, вопросительно посмотрев на Толика, вслед за этими словами перевёл взгляд на себя: он большим пальцем правой наклонил, пригнул свой напряженный член вертикально вниз, вдавил его в мошонку, затем большой палец убрал, и член, словно на пружине, упруго подпрыгнул, стремительно подскочил вверх, шлёпнувшись головкой о Серёгин живот. – Можешь?

- Легко! – весело отозвался Толик.

И действительно, член Толика буквально в считанные секунды налился силой, отвердел-задеревенел, точно так же задравшись обнажённой

пламенеющей головкой вверх... много ли надо в мальчишеском возрасте, чтобы член принимал боевую стойку! Толик точно также наклонил большим пальцем свой член вертикально вниз, затем палец убрал – и точно так же его член, подскочив-подпрыгнув, шлёпнулся головкой о живот, – мальчишки, глядя друг на друга, улыбнулись. Какое-то время они, Серёга и Толик, смотрели то на свои члены, то на члены друг друга, и в этом тоже не было ничего необычного: смотреть, сравнивать... это была естественная реакция на член д р у г о г о, и не более того, – все пацаны, все парни, когда есть такая возможность, всегда смотрят и сравнивают, будь то в раздевалке, в душевой, в солдатской бане... или вот как сейчас – в кустах смородины; у Толика член был всё-таки чуть-чуть больше, чем у Серёги, но именно чуть-чуть, так что эта разница в размерах была заметна, если только всматриваться внимательно и эту разницу искать; у Толика, как и у Серёги, мошонка в считанные секунды снова уменьшилась, сморщилась, яйца в мошонке подтянулись вверх, так что здесь никакой разницы не было; единственное отличие, бросавшееся в глаза, было в волосах, что росли у них на лобках: у Серёги волосы росли чуть хаотично, без каких-либо чётких границ, и были сравнительно длинными, отчего казались не очень густыми, а у Толика волосы на лобке были короткие, густые, и ещё сверху они были словно очерчены на животе чёткой горизонтальной линией, выше которой уже не рос ни один случайный волосок...

- Дрочим? – Толик, чувствуя, как член его сладостно распирает от внутренней силы, вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Легко! – весело отозвался Серёга, ощущая сладкий щекотливый зуд в члене своём.

Правые руки у мальчишек, стоящих в кустах смородины, энергично задвигались, заходили ходуном... дрочили Серёга и Толик при всей схожести

членов неодинаково; ну, то есть: дрочат все пацаны, конечно же, одинаково – с разной скоростью-интенсивностью гоняют по твёрдым от напряжения стволам или стволикам нежную кожу, залупая тем самым пламенеющие головки и таким образом достигая оргазмов, но вот члены при этом пацаны держат по-разному – кому как удобнее или кто как привык... именно в этом было различие между Толиком и Серёгой – в том, как они держали свои члены во время дроча, то есть различие было в конфигурации пальцев: Толик, подогнув мизинец и безымянный палец, чтоб они не мешали, держал-сжимал напряженный член тремя пальцами – большим пальцем сверху, указательным и средним снизу, то есть у Толика была такая конфигурация... а Серёга, наоборот, три пальца – средний, безымянный и мизинец – отвёл в сторону, чтобы эти пальцы не мешали, а большим и указательным пальцами обхватил, обжал напряженный член в виде кольца, то есть у Серёги была такая конфигурация... понятно, что взрослые парни свои взрослые члены повзрослому сжимают в кулаках, и потому все эти пальцы и Толика, и Серёги в сравнении с крепкими кулаками-тисками взрослых парней выглядели немного по-детски, но, во-первых, Серёгу и Толика, кайфовавших в кустах смородины, никто не видел, чтобы делать какие-то обидные для них выводы, а во-вторых, они оба дрочили так, как привыкли – как им делать это было удобно...

Солнце с каждой минутой припекало все сильнее, и... никакой особой музыки ни в душе Толика, ни в душе Серёги не было, – древняя музыка тяготения, которая пробуждает души, которая соединяет, ещё не звучала, не звала заглянуть за горизонт, где возможное не только бывает возможным, но и становится желаемым... стоя рядом, практически плечом к плечу, одинаково придерживая под округлившимися, заметно сжавшимися мошонками приспущенные спереди трусы, мальчишки с упоением дрочили, и хотя они то и дело смотрели друг на друга, точнее, смотрели на то, как этот

процесс протекает у другого, у рядом стоящего, и хотя наглядность чужого процесса добавляла толику приятности к процессу собственному, но – и Толик, и Серега в своих наслаждениях были автономны, они кайфовали независимо друг от друга, каждый сам по себе, каждый сам для себя... между тем, наслаждение у обоих нарастало, сладостным жаром плавилось, полыхало между ног, так что оргазмы были уже не за горами, – в какой-то момент мальчишки перестали смотреть друг на друга, всецело сосредоточившись на собственных ощущениях, и только переплетающееся сопение в унисон свидетельствовало о том, что каждый из них здесь и сейчас был не один...

- Я кончаю... – выдохнул-всхлипнул Толик, чуть подавшись вперёд, стиснув под трусами ягодицы.

Серёга, не прекращая двигать рукой – не сбавляя темп, быстро повернул голову, чтоб увидеть, как кончает Толик, и в это мгновение он, Серёга, дёрнулся сам, сладко содрогнулся от стремительно накатившего оргазма...

Оргазмы ведь тоже бывают разные, и мальчишки по своему опыту – пусть совсем ещё небольшому, совсем незначительному, но всё-таки опыту – об этом знали: иногда оргазмы бывают слабенькие и как бы вялые, пресные, никакие – просто колупнётся коротенькая сладость как итог предпринятых усилий, покажется на алой головке порция спермы, и всё, суши вёсла, а иногда... иногда оргазмы бывают такие мощные, что на мгновение становится даже больно, и тогда сперма не вытекает из члена, а вылетает подобно пуле или даже несколькими пулям, член фонтанирует спермой, и между ног словно взрывается осколочная граната; вот и сейчас... сейчас у обоих мальчишек энергичная дрочка в кустах смородины завершилась-закончилась именно такими оргазмами – мощными, обжигающе сладкими; между тем, Серёга не успел увидеть, как выстрелил спермой Толик, – когда

Серёга на слова Толика «я кончаю» быстро повернул голову, чтоб посмотреть, Толик уже разрядился и, продолжая сжимать тремя пальцами член с обнаженной темно-красной головкой, конвульсивно двигал бёдрами, сжимая под трусами круглые ягодицы – то ли стараясь таким образом удержать, не отпустить так быстро сладость, то ли выдавливая из себя последние капли обильного семяизвержения; словом, Серёга увидел только это, одновременно почувствовав, как его самого опалило между ног стремительно накатившим сладчайшим наслаждением, – Серёга, дёрнувшись, выстрелил спермой буквально через пару секунд после Толика, так что когда Толик посмотрел на Серёгу, всё было тоже кончено – Толик тоже не увидел момент Серёгиного оргазма, лишь маленькая капелька, не улетевшая вслед за всей остальной порцией, клейко свисала с обнаженной малиновой головки, готовая упасть Серёге под ноги...

- Ты тоже всё? – проговорил Толик, глядя на Серёгин член.

- Да, – коротко отозвался Серёга и, в свою очередь, посмотрел на член Толика.

Иногда и у Толика, и у Серёги, когда они занимались этим дома, то есть, как подавляющее число мальчишек, драчили в одиночестве, сразу после оргазмов наступала апатия и даже какое-то безразличие ко всему тому, что казалось еще минуту назад самым важным, самым главным в жизни, и даже порой сразу после оргазмов возникали мысли, что если всё это кончается и потом наступает апатия, то нужно ли вообще всё это делать – дрочить в одиночестве... но апатия быстро испарялась, мимолетное безразличие сменялось вновь возникающими мыслями-переживаниями, и уже буквально на следующий день или через день-два снова хотелось и снова всё повторялось – опять возникало неистребимое желание, которое требовало законного удовлетворения... так было иногда и у Толика, и у Серёги, но в

этот раз ни Толик, ни Серёга никакой апатии не почувствовали, и никаких деструктивных мыслей типа «зачем я это делаю?» у них у обоих не возникло; объяснялось это, видимо, тем, что каждый из них хотя и был автономен, но при этом был не одинок – рядом стоял другой, и этот другой делал то же самое...

- Смотри... – Толик, встряхивая теряющий твёрдость член, кивком головы показал Серёге на листья смородины, по которым стекало вниз его перламутровое, блестящее в лучах солнца юное семя.

- Смотри... – не остался в долгу Серёга, в свою очередь показывая Толику на семя своё, такое же перламутровое, точно так же сползающее по листьям смородины.

Пацаны посмотрели друг на друга и, довольные, рассмеялись.

- Пойдём, – Серёга вытер головку своего обмякшего члена ладонью и, пряча член в трусах, хлопнул резинкой трусов по животу. – А то Пират, наверное, уже думает, переживает: «куда это Серый с Толяном запропалились?», – Серёга рассмеялся, глядя, как Толик тщательно вытирает головку своего члена сорванным листом смородины.

- Да... ушли и пропали, – отозвался Толик, точно так же пряча-убирая обмякший член в трусы. – Или дедуля пришел нас будить, а нас тю-тю...

- Блин! А если сейчас кто-то нас видел? – запоздало встрепенулся Серёга, и в глазах его, устремлённых на Толика, отразилось запоздалое смятение.

- Кто нас мог видеть? Здесь же кругом заросли... посмотри! – Толик, говоря «посмотри», крутанул головой направо-налево, желая ещё раз сам убедиться, что всё было шито-крыто, что они, он и Серёга, были недоступны для стороннего наблюдения; собственно, Толик уже осматривался, когда Серёги

еще не было, а он, Толик, решал, дрончить ему здесь, в кустах смородины или лучше это сделать в кабинке туалета, закрывшись на крючок; Серёга вслед за Толиком тоже покрутил налево-направо головой... действительно, и справа, и слева вдоль заборов, отделявших дедулину у с а д ь б у от соседей, были такие густые заросли из кустов дикой вишни, что если бы кто-то и захотел бы понаблюдать за ними, точнее, за их совместно-одиночным сексом, то фиг бы у местных вуайеристов что-нибудь из этой затеи получилось!

- Ну, всё равно... надо быть осторожными, – резюмировал Серёга, и они зашагали по тропинке назад, во двор, где их ждал Пират, Серёга сказал «надо быть осторожными», и получилось так, что сказано это было о будущем, но ни сам Серёга, сказавший это, ни Толик, это услышавший, так не подумали – они оба были удовлетворены, приятно опустошены сейчас и о будущем оба как-то не думали.

Конечно, если бы Толик решил «снимать напряжение» не в кустах смородины, а, к примеру, в кабинке летнего туалета, закрыв дверь изнутри на крючок, или Серёга, к примеру, всё это время проспал бы и не пошел бы искать Толика, то ничего этого не было бы – ни откровенного разговора, ни совместного сладкого дронча... понятно, что что-то такое могло бы случиться-произойти позже, в какой-то другой день, и совсем не факт, что в другой день именно Серёга застукал бы Толика за интересным занятием, мог ведь и Толик случайно, непреднамеренно подловить на этом Серёгу, и тогда тоже был бы сначала какой-нибудь разговор, а потом... впрочем, неизвестно, что было бы потом, – могло же ведь и так случиться, что каждый прозанимался бы этим в одиночку, прячась-скрываясь от другого, и тогда вообще ничего бы не было... но это случилось, случилось в первое утро их совместной самостоятельной жизни, и это... это было классно! Просто в следующий раз надо быть осторожными, но они – ни Серёга, ни Толик – не думали о

следующем разе, потому что... потому что следующий раз уже подразумевался сам собой?

Пират встретил Толика и Серёгу радостным вилянием хвоста, и Серега с Толиком потрепали Пирата за уши и за холку, немного с ним поиграли; потом они привели в порядок свои постели – расправили простыни и взбили подушки; потом Толик покурил за гаражом, а Серёга постоял рядом – посмотрел, как Толик курит; от предложенной Толиком сигареты Серёга отказался, сказав, что «не все удовольствия сразу»; потом Толик сказал, что нужно долить в бак воду для душа, чтоб вода нагревалась от солнца... и аккурат в тот момент, когда вода была в бак налита и стала нагреваться от солнца, скрипнула калитка, и во дворе, дымя сигаретой, появился Пётр Степанович.

- Встали уже? – весело удивился Пётр Степанович, лаская Пирата. – А я пришел будить вас к завтраку.

- Ты бы, дедуля, еще в обед пришел бы будить нас к завтраку, – с шутливым укором в голосе отозвался Серёга. – Мы уже воду в бак для душа налили... все дела переделали! Подтвердили, Толян! – Серёга весело посмотрел на Толика.

- Да, – лаконично отозвался Толик и, так же весело посмотрев на Серёгу – подражая Серёге, стал перечислять переделанные дела, загибая при этом пальцы. – Первое – проснулись. Второе – заправили постели. Третье...

- Покурили, – с невозмутимым видом перебил Толика Серёга.

- Серый покурил, а я воздержался, – невозмутимо уточнил Толик. – Четвертое – налили воду в бак для душа...

- Дедуля, не верь Толян! Мы не курили! Курил Пират! – Серёга рассмеялся; поняв, что говорят про него, Пират радостно закрутил хвостом. – Видишь, дедуля, Пират не отрицает!

- Болтуны! – улыбнулся Пётр Степанович. – Замыкайте дом – идёмте завтракать!

- Ну, наконец-то! – Серёга дурашливо всплеснул руками. – Наконец-то, дедуля, мы услышали самое главное! А то, блин, Толян уже начал подозревать, что вы с бабулей про нас забыли. Я говорю, что не может такого быть, чтоб бабуля с дедулей забыли про внуков, а Толян говорит...

- Не ври, я ничего такого не говорил! – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся; ему, Толику, Серёга определённо нравился – и как Серёга шутит-хохмит, и как он спорит, и как троллит дедулю, и вообще... и вообще Серёга был классный – с ним, с Серёгой, было весело!

- Может, ты вслух и не говорил, но по глазам твоим я видел, что ты так думал! – не задумываясь, парировал Серёга. – Пират, если чё, может подтвердить... да, Пират?

Серёга замкнул дверь, положил ключ в оговоренное место и, потрепав за холку Пирата, посмотрел на Пётра Степановича и Толика:

- Ну, чего мы стоим? Идёмте! А то бабуля уже заждалась – завтрак уже остывает...

Зинаида Ивановна хлопотала у газовой плитки в беседке, приспособленной под летнюю кухню, – что-то кипело в большой кастрюле, что-то жарилось на сковородке... при виде внуков лицо Зинаиды Ивановны расплылась в улыбке:

- Ну, как спалось вам на новом месте?

- Отлично! – в один голос ответили Толик и Серёга и, посмотрев друг на друга, рассмеялись – получилось действительно в один голос, словно они сговорились или заранее отрепетировали.
- Бабуля, что бойскауты будут завтракать? – Серёга, придав лицу озабоченный вид, деловито пошевелил ноздрями.
- Какие бойскауты? – добрая лучистая улыбка на лице Зинаиды Ивановны сменилась недоумением в её добрых лучистых глазах.
- Ну... когда ты, бабуля, была молодой, ты в какой молодежной организации состояла? – спросил Толик.
- Нигде не состояла... – озадаченно ответила Зинаида Ивановна, глядя то на Толика, то на Серёгу; к ним подошел Пётр Степанович, и Зинаида Ивановна с тем же недоумением в глазах посмотрела на Петра Степановича.
- Дедуля, ты был молодым? – Серёга переключил своё внимание на Петра Степановича.
- Все бывают и молодыми, и старыми, – философски отозвался Пётр Степанович. – А в чём дело?
- Вот! Когда ты, дедуля, был молодым, ты в какой молодёжной организации состоял? – спросил Серёга.
- Ни в какой... – отозвался Пётр Степанович и, в свою очередь, с недоумением посмотрел на Зинаиду Ивановну.
- Ну, тогда все пионерами были, – вспомнила Зинаида Ивановна, глядя на Пётра Степановича. – Сначала пионерами, потом комсомольцами...

- Вот! – снова в один голос воскликнули Толик и Серёга и, посмотрев друг на друга, снова рассмеялись той синхронности, какая у них получалась, выходила сама собой.

- Всё правильно! – невольно подражая Серёге, с азартом проговорил Толик. – Тогда, в древние времена, были пионеры. А теперь пионеров нет, а есть бойскауты...

- И они, бойскауты, интересуются, что они будут кушать на завтрак, – весело проговорил Серега, так же весело подмигивая Толику.

- Господи! Так бы сразу и сказали, – ситуация прояснилась, и лицо Зинаиды Ивановны вновь расплылось в лучистой улыбке. – Идите, бойскауты, мойте руки! Завтрак уже готов!

- Ты посмотри, как они спелись, – хмыкнул Пётр Степанович, когда Серёга с Толиком направились к раковине; раковина была летняя, временная – сверху в бачок наливалась вода, а под раковиной стояло ведро, которое по мере наполнения нужно было опорожнять вручную. – Мы переживали, подружатся они или нет, а они вон как спелись... дуэтом разговаривают!

- И дай бог, дай бог! – отозвалась Зинаида Ивановна.

Они, Зинаида Ивановна и Пётр Степанович, действительно немного переживали, смогут ли Толик и Серёга подружиться, потому что характеры у мальчишек в их непростом переходном возрасте были совершенно разные: Серёга, по мнению Петра Степановича, был шалопаем, за словом в карман не лез и вообще был немного легкомысленным, способным на всякие необдуманные поступки, а Толик, по мнению Зинаиды Ивановны, был парнем серьёзным, не очень словоохотливым, иногда не в меру дотошным... и вот поди ж ты – уже нашли общий язык! И то, что внуки так быстро подружились, то есть поладили, как сказала Зинаида Ивановна, или, как

сказал Пётр Степанович, спелись, одинаково радовало и Зинаиду Ивановну, и Петра Степановича.

Завтрак у Зинаиды Ивановны был готов; то, что варилось в кастрюле, было бульоном и предназначалось для лапши к обеду; то, что тушилось-жарилось на сковородке, было к ужину; а на завтрак были сырники, – чтоб они не остыли, Зинаида Ивановна чашку с сырниками, обильно смазанными сметаной, завернула в полотенце, теперь полотенце было убрано, и чашка с сырниками из настоящего творога стояла посередине стола.

- Вкуснятина! – оценил Серега. – Я еще, бабуля, положу себе... – Серёга раз и другой деловито наколот вилкой сразу по несколько сырников, переложил их из общей чашки в свою тарелку, ещё помазал сметаной.

- Я тоже хочу добавку! – проговорил Толик и, не желая отставать от Серёги, вслед за Серёгой сделал то же самое – пополнил сырниками тарелку свою, точно так же помазал их сметаной. – Вкусно, бабуль! – сказал Толик, и Зинаида Ивановна мысленно ахнула от приятного удивления: в прошлом году, когда Толик гостил, он от сырников воротил нос... и вообще Толик в еде был слишком разборчив, прихотлив, что в прошлом году сильно огорчало Зинаиду Ивановну; а теперь... просто душа радуется!

За завтраком обсудили кучу вопросов, и перво-наперво – это отсутствие в Сосновке интернета; ну, то есть, интернет был, но скорость передачи данных была такая, что в реале интернета не было, и это была не какая-то временная заморочка, а это было постоянно, потому что Сосновка, как объяснил Серёге Толик, находится вне зоны покрытия сотовой связью, то есть ни одна вышка своими сигналами до Сосновки нормально не достаёт.

- Вот и хорошо, что не достаёт, – высказал своё мнение Пётр Степанович. – Нам с Зинаидой Ивановной интернет не нужен, а вы здесь от своих интернетов немного отдохнёте. Нет, и не надо!

- В какой дикости, дедуля, вы живёте, – с досадой проговорил Серёга, не соглашаясь с Петром Степановичем. – Отстальные вы люди! Правильно я, Толян, говорю?

- Ну, мне не привыкать, – дипломатично отозвался Толик. – Интернета здесь и в прошлом году не было, и в позапрошлом... и вообще никогда не было! Я потому и взял с собой ноут – там у меня куча фильмов разных, еще книги, чтоб почитать, если скучно будет... перед поездкой сюда я специально закачал, чтоб не отрываться от цивилизации, – Толик улыбнулся.

- Слабое утешение. Но хоть что-то... – резюмировал Серёга, подумав, что хорошо... да, очень хорошо, что Толян тоже приехал в это «дикое место» и что теперь они вместе, и у Толяна на ноутбуке есть фильмы, а иначе он, Серёга, здесь бы «сдох от скуки».

Друзей в Сосновке у Серёги не было, потому что Серёга никогда в Сосновке надолго не задерживался, да и приезжал он сюда не часто: один раз был в детстве, потом еще один раз, и еще в прошлом году приезжал всего на несколько дней. А Толик у бабули гостил каждый год по месяцу и даже больше – у Толика друзья в Сосновке были... были, но, как выяснилось, не в этом году.

- Горелкины переехали в райцентр, дом свой здесь продают, да только кто его здесь купит, – Зинаида Ивановна, отвечая на расспросы Толика, сделала полный расклад по друзьям внука. – Так что Мишка с Колькой теперь живут в райцентре... – Мишка и Колька, неотличимые друг от друга братья-близнецы, были ровесниками Толика. – Владик Зарубин еще осенью ушел в

армию, служит где-то... – Влад в компании здешних друзей Толика был самым старшим, он учился в райцентре в колледже, по вечерам ездил в райцентр к своей девчонке, а днем на старых отцовских «Жигулях» возил «мелюзгу» на речку; еще Влад рассказывал пацанам всякие похабные анекдоты, от которых у пацанов частенько вставали писюны, но всякие похабные анекдоты Влад рассказывал не потому, что хотел пацанов такими анекдотами развратить, а просто никаких других анекдотов он не знал. – Ярик Безруков на всё лето уехал в Крым к родственникам, там у его отца родная сестра живёт, он там отдыхает... – Ярик был самым младшим в компании, самым наивным, и потому над ним все постоянно подшучивали – Ярик всем верил, легко вёлся на разные приколы, отчего всегда возникали забавные ситуации; Зинаида Ивановна назвала еще кого-то из тех, с кем дружил Толик в прошлом году, и их тоже в Сосновке в это лето по разным причинам не было... получалось, что у Толика, как и у Серёги, друзей в Сосновке тоже не было; «хорошо... – невольно подумал Толик, выслушав Зинаиду Ивановну, – хорошо, что приехал Серый и что мы теперь здесь вдвоём...»

В конце завтрака, когда пили чай, Пётр Степанович поинтересовался у Толика, рыбак ли Толик. Толик ответил, что да, и это обрадовало Петра Степановича:

- Отлично! Сейчас после завтрака съездим в райцентр, купим вам по хорошей удочке. У меня есть тайные прикормленные места, где ловятся вот такие сазанчики... – Пётр Степанович сантиметров на тридцать развёл руки, показывая размер сазанчиков. – Я вам эти места покажу, будете рыбу ловить. И удовольствие, и к столу свежая рыбка не помешает...

- Я знаю, где рыба ловится! Это там, где раньше плотина была – я там в прошлом году с пацанами ловил. Бабуля, помнишь? – Толик действительно

был заядлым рыбаком, и предложение Петра Степановича пришлось ему по душе.

- Где плотина была, там все ловят. А я покажу вам свои места – те, о которых никто не знает, – Пётр Степанович хитро прищурился. – Это чуть дальше плотины, но зато какие там сазанчики... вот такие! – Пётр Степанович снова развёл руки в сторону, и на этот раз размер сазанчиков получился чуть больше, чем Пётр Степанович показывал пару минут назад.

Серёга хотел сказать, что лично он не большой любитель рыбалки, что смотреть на поплавок скучно, но, видя, с каким энтузиазмом отреагировал на предложение дедули Толик, предусмотрительно промолчал, подумав, что, возможно, ловить рыбу вместе с Толиком будет совсем не скучно и что он, Серега, возможно, тоже рыбак – просто сам он об этом ещё не знает, а не знает он потому, что был на рыбалке всего два раза с другом Борькой и с Борькиным отцом, и оба раза у Борьки и Борькиного отца рыба ловилась, а он, Серёга, оба раза не поймал ничего.

- Теперь вот ещё что... – Пётр Степанович, допив чай, отодвинул чашку. – Мы с Зинаидой Ивановной, раз вы к нам в гости приехали, хотим сделать вам подарок...

- Каждому по подарку или один подарок на двоих? – перебивая Петра Степановича, живо откликнулся Серёга.

- Каждому по подарку, – улыбнулась Зинаида Ивановна.

- Каждому, – подтвердил Пётр Степанович. – Но здесь такое дело... – Пётр Степанович посмотрел на Зинаиду Ивановну, и та в ответ кивнула головой. – Подарки недешевые, и здесь нам нужно с вами посоветоваться...

- Дедуля, не томи! – дурашливо взмолился Серёга. – Мы с Толяном уже посоветовались и решили, что готовы принять любые подарки – и недешевые, и дорогие, и вообще любые...

- Когда это вы успели посоветоваться? – изумилась Зинаида Ивановна.

- Только что! – не задумываясь, отозвался Серёга. – Мы, бабуля, общаемся передачей мыслей на расстоянии, а для этого совсем необязательно произносить все слова вслух... подтверди, Толян!

- Это, бабуль, называется телепатией, – то ли подтвердил, то ли пояснил Толик. – Когда мысли передаются на расстоянии...

- Ты, Зинаида Ивановна, их больше слушай – они тебе такого наговорят... – хмыкнул Пётр Степанович, но в его голосе не было ни досады, ни неодобрения. – Так вот... мы вам можем купить в подарок велосипеды, если, конечно, они вам нужны...

Фиг знает, как и почему так получалось, а только Серёга и Толик снова ответили дружно, в один голос:

- Нужны! – энергично выдохнули они в один голос и, изумленно посмотрев друг на друга, сами удивляясь такой синхронности; весело рассмеялись.

- Видишь, дедуля! А ты не веришь в телепатию... древние вы с бабулей люди! – проговорил Серёга, подмигивая Толику.

Велосипеды были нужны. Во-первых, ездить на ту же речку, чтобы поплавать-позагорать. Во-вторых, ездить на рыбалку. Да даже просто погонять по улицам наперегонки... нужны, нужны были велосипеды!

- Когда поедем? – Толик вопросительно посмотрел на Петра Степановича. – Я про удочки говорю...

- А я говорю про велики! – воскликнул Серёга. – Когда, дедуля, поедем?

- Да сейчас и поедем! – Пётр Степанович энергично поднялся из-за стола. – Пирата покормим – и поедем... никогда не откладываете на завтра то, что можно сделать сегодня? Кто, Серёга, это сказал?

- Путин? – не задумавшись ни на секунду, отозвался Серёга. Пётр Степанович поморщился:

- Всё, берите баллончик с супом – идите кормите Пирата. Я сейчас только переоденусь – и тоже подойду... не будем терять время!

Дорога в райцентр была другой – не той, по которой они вчера приехали в Сосновку, – Пётр Степанович сказал, что они поедут по старой дороге, которая от Сосновки до райцентра в два раза короче; Толик с Серёгой сидели в «ретро-мустанге» на заднем сиденье, толкались, шутили и смеялись, время от времени подпрыгивая на ухабах, – настроение у мальчишек было отличное, и отличное настроение было у Петра Степановича: внуки были неизбалованными, без, как уже сделал вывод Пётр Степанович, «дешевых понтов и заморочек», и, что самое главное, они отлично поладили между собой, нашли общий язык... спелись, как сказал Пётр Степанович. Идея купить им велосипеды пришла в голову Зинаиде Ивановне – Пётр Степанович подумал и идею эту поддержал; конечно, придётся потратиться, а с другой стороны... и Зинаида Ивановна, и Пётр Степанович отлично понимали, что никаких развлечений в их богом забытом посёлке для мальчишек нет, и их нужно было чем-то занимать, нужно было что-то им постоянно предлагать, чтобы они не занудились; на речку и на рыбалку пешком не находишься, а вот будут велосипеды – и будет совсем другое дело; единственное было опасение – это то, что внуки, оба городские, такие подарки воспримут без энтузиазма, но Толик с Серёгой предложение стать владельцами велосипедов встретили, как говорится, на ура, так что все в

результате оказались довольны, – дорога была разбитая, «ретро-мустанг» время от времени на дороге подпрыгивал, и... то ли от тряски, то ли в силу каких-то сугубо внутренних – природных – циклов, а только Серёга без всякой видимой причины почувствовал, как член его шевельнулся и начал стремительно напрягаться... он, Серёга, даже не думал ни о чём таком, что могло бы вызвать эрекцию, – член его спонтанно напрягся, затвердел, наполнился хорошо знакомым сладким зудом на стыке ствола и головки, где крайняя плоть, и шорты между ног, точнее, сбоку, справа от центра, приподнялись под напором рвущегося из трусов стояка округлым бугорком; положив правую руку на правую ногу – прижав, придавив член к ноге, Серёга покосился на сидящего рядом Толика, но Толик в этот момент, чуть подавшись-наклонившись вперёд, смотрел на панель приборов, на спидометр, а потому никаких изменений в Серёгином организме, понятное дело, заметить не мог; конечно, если б не то, что случилось утром, Серёга не стал бы хвалиться перед Толиком своим стояком, а даже наоборот, он постарался бы скрыть своё подростковое возбуждение как свидетельство неуместной сексуальной озабоченности, но после совместной утренней дробки в кустах смородины изображать из себя асексуальную целомудренность было, по меньшей мере, смешно; было глупо скрывать то, что естественно, а вот приколоться вместе с Толиком над своим не ко времени и не к месту возникшим стояком Серёге показалось вполне забавным, и он, толкнув Толика коленкой, чтобы Толик на него посмотрел, одновременно с этим убрал свою руку с ноги в сторону; Толик оглянулся – вопросительно посмотрел на Серёгу:

- Что?

Серёга, ничего не говоря, чуть приподняв брови, отчего взгляд его сделался выразительным – многозначительным и интригующим, опустил глаза вниз, тем самым показывая Толику, куда ему, Толику, надо посмотреть; Толик,

подчиняясь Серёгиному взгляду, вслед за Серёгой опустил глаза вниз, – колени Серёга чуть раздвинул, развел в стороны, так что на шортах четко выделился, обозначился округло выпирающий бугорок, и бугорок этот вздрагивал, шевелился, то опускаясь, то приподнимаясь... такая картина представилась взору Толика, – Толик секунду-другую смотрел, как ловко Серёга играет под шортами своим напряженным членом, затем поднял глаза вверх, посмотрел в глаза Серёгины, и во взгляде Толика, точнее, в его смешно округлившихся глазах Серёга увидел смесь вопрошающего недоумения, как бы невольной растерянности и дурашливо изображенного изумления – типа; «ну, ни фиги себе, как ты умеешь!»; Серега в ответ своим взглядом изобразил твёрдое, победно торжествующее подтверждение – типа «да, вот так я умею!», и они, глядя, друг другу в глаза, едва заметно друг другу улыбнулись как два заговорщика, знающих некую только им известную тайну; Толик, еще раз посмотрев, как Серёга шевелит под шортами членом, откинулся на сидении, а Серёга снова положил на округло выпирающий бугорок руку, но не для того, чтобы скрыть спонтанно возникшее возбуждение, а для того, чтобы, вдавливая руку в ногу, ощутить-почувствовать щекотливую сладость и в самом члене, и между ног; был бы сейчас Серёга один, он бы наверняка, достав член из трусов или даже трусы вместе с шортами приспустив, уже приступил бы к делу, как это происходило дома не раз и не два, но, во-первых, он сейчас был не дома и был не один, а во-вторых, они ехали в райцентр за велосипедами...

Дома, то есть в Москве, у Серёги велосипеда не было, потому что не было для велосипеда места ни в квартире, ни на балконе; велосипед был у Борьки, одноклассника и лучшего Серёгиного друга, живущего в соседнем подъезде; в Борькиной квартире место для велосипеда было, и когда Борька со своим велосипедом спускался с девятого этажа, чтоб покататься во дворе, он всегда давал покататься Серёге... а теперь у Серёги будет свой велосипед, и теперь

надо будет думать, как уговорить отца, чтобы он, когда за Серёгой приедет, разрешил Сереге забрать велосипед домой... но это будет ещё не завтра, – Серёга подумал, что завтра родители улетят в Таиланд без него, и, подумав об этом, не почувствовал ни обиды, ни хотя бы намёка на огорчение: пусть летят в свой Таиланд, а лично ему, Серёге, и здесь неплохо...

Мысли о велосипеде, который нужно будет обязательно забрать с собой в Москву, о друге Борьке, который сейчас был с родителями в Испании, о Таиланде, куда завтра улетят родители его, отвлекли Серёгу, и его член, утратив твёрдость, сам собой вернулся в исходное – не боевое – положение, – Серёга, глядя в окно, не сразу обратил внимание на толчок в коленку, потому что в этот самый момент «ретро-мустанг» качнулся-подпрыгнул, попав в очередную яму на разбитой дороге, и только когда Толик своей коленкой настойчиво толкнул коленку Серёги во второй раз, живо повернул голову – вопросительно посмотрел на Толика:

- Что?

Толик, загадочно улыбаясь, опустил глаза вниз, показывая Серёге взглядом, куда ему, Серёге, надо посмотреть, – колени Толика были раздвинуты, разведены в стороны, Серёга, вслед за Толиком опустив глаза вниз, посмотрел на шорты Толика, и... у Толяна был тоже стояк! Шорты Толяна чуть правее центра были приподняты вверх, точно так же, как за каких-то пять минут до этого у Серёги, шорты округло бугрились, и эта выпирающая округлость точно так же двигалась, мелкими рывками дёргалась, приподнималась-опускалась... у Толяна стоял, и Толян без какого-либо смущения показывал Серёге, что он тоже не лыком шит, что он тоже может управлять своим стояком не хуже Серёги; они посмотрели в глаза друг другу, одновременно изобразив на лицах шутливое изумление – типа «ой, что делается! что делается на белом свете!», – секунду-другую они смотрели

друг на друга, выпучив округлившие глаза, приоткрыв рты – дурашливо демонстрируя друг другу крайнюю степень своего изумления, затем подчеркнуто карикатурное изумление на лице Серёги сменилось довольной улыбкой, Серёга открытой ладонью, как это делают, когда здороваются при встрече, протянул Толику руку, Толик, улыбаясь в ответ, так же молча протянул свою руку Серёге, и их руки слились в крепком рукопожатии – типа «ай да мы! ай да молодцы!», – мальчишки, довольные собой и друг другом, с пониманием пожали руки.

- Что вы там задумали? – Пётр Степанович, отвлекаясь от дороги, в зеркало заднего вида посмотрел на внуков аккуратно в тот момент, когда они, улыбаясь друг другу, скрепили свои руки в рукопожатии.

- Мы, дедуля, пари заключили! – отозвался Серёга, и прозвучало это так естественно и непринуждённо, словно Серёга, пожимая руку Толику, именно этого вопроса ждал.

- Какое пари? – любопытствовал Пётр Степанович.

- Кто победит в гонке на великах, – Серёга, совершенно не задумываясь, сочинял, что называется, на ходу – на ходу и в прямом смысле, и в переносном.

- Великов еще нет, а вы уже делите шкуру, – улыбнулся Пётр Степанович.

- Какую шкуру? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика; Толик в ответ пожал плечами.

- Шкуру неубитого медведя... поговорка такая есть: делить шкуру неубитого медведя, – отозвался Пётр Степанович. – Это когда медведь ещё по лесу бродит, а охотники... – Пётр Степанович хотел пояснить-разжевать для внуков смысл вековой народной мудрости, но в это самое мгновение «ретро-

мустанг» резво подскочил на очередной колдобине, Толик с Серёгой, сидевшие на заднем сиденье, дружно подпрыгнули вверх, а Пётр Степанович, оборвав себя на полуслове, в сердцах выдохнул:

- Черт!

- Где? – Серёга, изобразив на лице смесь испуга и любопытства, дурашливо крутанул головой направо-налево, потом посмотрел на Толика, и они, Серёга и Толик, весело рассмеялись. – Дедуля чёрта видел... – проговорил Серёга как бы шепотом, но так, чтобы слышал Пётр Степанович. – К чему бы это?

- Может, к дождю? – точно таким же шепотом предположил Толик, и они, глядя друг на друга, снова весело рассмеялись... они, мальчишки, дурачились! Зноем полыхало лето, они ехали за велосипедами, и настроение у них, у Серёги и Толика, было отличное; Пётр Степанович посмотрел на них, веселящихся, в зеркало, и тоже улыбнулся; «вот же чертята!» – одобрительно подумал Пётр Степанович, объезжая очередную колдобину на дороге.

Выбор велосипедов был небольшой, всего-навсего три модели с небольшой – не критической – разницей в цене, и Пётр Степанович, мысленно прикинув расходы, великодушно предложил:

- Выбирайте, кому какой нравится!

- Дедуля, мне этот нравится, – Серёга сразу показал на тот велосипед, который стоял в центре. – А тебе, Толян? Тебе какой нравится? – Серёга, сделав свой выбор, вопросительно посмотрел на Толика.

- Мне... мне тоже этот нравится, – чуть помедлив, переводя взгляд с одной модели на другую, медленно проговорил Толик; он подумал еще немного,

сосредоточенно рассматривая каждую модель, и, окончательно утвердившись в выборе своём, подтвердил: – Да, мне тоже нравится этот!

- Это... что ж получается? У вас будут одинаковые велосипеды? – уточнил Пётр Степанович, не зная, хорошо это или плохо с педагогической точки зрения, что велосипеды у внуков будут совершенно одинаковые.

- Дедуля, нам нравится то, что нам нравится... ну, то есть, независимо друг от друга, и если нам нравится одно и то же, если вкусы наши совпали, то это, дедуля, так получилось, мы здесь ни при чём, – рассудительно проговорил Серёга. – Правильно, Толян?

Толик, соглашаясь с Серёгой, молча кивнул. Подошедшая девушка-консультант, узнав, какой велосипед выбран, с дежурной радостью сказала, что они сделали отличный выбор, Серёга уточнил, что им нужно два таких велосипеда, то есть два велосипеда именно этой модели, и девушка предложила пройти им в соседний зал; соседним залом оказалось огромное подсобное помещение, где на стеллажах стояли-лежали разные коробки и ящики; велосипеды стояли в углу, и их было не три, как в торговом зале, а не меньше тридцати, – Серёга выбрал себе велик с тёмно-синий рамой, как в торговом зале, а Толику сразу приглянулся велосипед с тёмно-красной рамой, хотя с тёмно-синей рамой велики тоже были.

- Вот, дедуля, по цвету сразу видно, где чей велик, – прокомментировал Серёга.

Они загрузили велосипеды в багажник, и Пётр Степанович крышку багажника, которая, понятное дело, закрыться не могла, крепко-накрепко перетянул верёвкой; Серёга предложил верёвкой также связать сами велосипеды «для надёжности», но Пётр Степанович сказал, что это лишнее, что всё и так надёжно закреплено.

- Я думаю, дедуля, что назад нам надо ехать не по той дорогой, по которой мы ехали сюда, а по другой, которая длиннее, – проговорил Серёга, проверяя, хорошо ли натянута верёвка, которой Пётр Степанович прижал-придавил велосипеды крышкой багажника. – А ты мы домой привезём не наших мустангов, а груды металлолома, если снова полетим по тем скалам и горам, по которым мы примчались сюда.

- Значит, помчимся по другой дороге, – улыбнулся Пётр Степанович, соглашаясь с Серёгой. – Ну, а ты, Толик, чего молчишь? Доволен?

- Да, – коротко отозвался Толик; он еще не привык к тому, что Пётр Степанович теперь его дедуля, и потому в присутствии Петра Степановича, когда не было бабули, поневоле сдерживал себя в проявлении эмоций; такой у него, у Толика, был характер – в отличие от Серёги, у которого «язык был без костей» и который легко и естественно с первого дня знакомства стал называть Зинаиду Ивановну бабулей; разные у них, у Толика и Серёги, были характеры. – Мы ещё удочки хотели купить... – деликатно напомнил Толик Петру Степановичу.

- Удочки – это само собой, это обязательно! – весело отозвался Пётр Степанович. – Садитесь! Поедем удочки покупать...

Продавцом в магазине «Рыболов» оказался хороший знакомый Пётра Степановича, и пока они – дедуля и продавец – рассказывали друг другу, кто где когда и, самое главное, какую рыбу поймал в последний раз, Толик с Серёгой выбрали себе удочки; точнее, выбирал удочки и себе, и Серёге Толик, а Серёга всё это время просто топтался рядом, – Пётр Степанович хотел помочь мальчишкам с выбором, но, посмотрев, как Толик со знанием дела крутит в руках одно удище за другим, попутно что-то объясняя и показывая Серёге, решил не вмешиваться – не мешать; потом они заехали к какому-то приятелю Пётра Степановича, но того не оказалось дома, и тогда

они заехали к ещё одному приятелю, который был дома, и тот приятель угостил Серёгу и Толика малиной; домой Пётр Степанович, Серёга и Толик вернулись аккуратно к обеду, – на обед Зинаида Ивановна сварила домашнюю лапшу, к мясу сделала пюре, Серёга и Толик, которые изрядно проголодались, уплетали всё за обе щеки, попутно рассказывая бабуле, как они ездили в райцентр и как дедуля по дороге в райцентр видел черта...

- Ну, а велосипеды хорошие купили? – деньги, как считала Зинаида Ивановна, были потрачены немалые, и ей хотелось, чтобы внуки были довольны, чтобы деньги не были потрачены впустую.

- Велики, бабуля, отличные! – живо отозвался Серёга. – Есть еще пюре? Хочу добавку!

- Да, отличные велики! – подтвердил Толик. – Мне, бабуля, тоже положи ещё пюре – я тоже добавку хочу!

- Ах, вы мои золотые! – Зинаида Ивановна, глядя, с каким аппетитом мальчишки поглощают еду, просто светилась от счастья.

- Золотые бойскауты, – уточнил Серега.

- Золотые бойскауты! – повторила Зинаида Ивановна, с любовью глядя на мальчишек – переводя свой взгляд с Серёги на Толика, с Толика на Серёгу.

После обеда Пётр Степанович, который за обедом накатил два раза по сто вишнёвой настойки, пошел отдыхать, а Серёга с Толиком, прихватив обед для Пирата, отправились объезжать своих «мустангов» – и до вечера они возились с новенькими велосипедами: под себя подгоняли рули и сидухи, проверяли тормоза, регулировали натяжение цепей, для чего то и дело по одному или вместе выкатывали велосипеды за калитку и гоняли на них по улице; проверяя вносимые изменения; ближе к ужину пришел Пётр

Степанович, и они втроём – Пётр Степанович, Толик и Серёга – до самого ужина готовили удочки и прочие снасти к завтрашней рыбалке.

- Утром поедem рано. Я вас разбужу. Покажу вам рыбные места, где я рыбу прикармливаю. Потом будете сами ездить – велосипеды у вас есть...

- А где мы, дедуля, на ночь будем пришвартовывать наших мустангов? – задал Серёга немаловажный вопрос.

- В сарае будете на ночь своих мустангов замыкать, чтоб они от вас не ускакали, – улыбнулся Пётр Степанович. – Только ключ от замка не потеряйте – у меня второго ключа нет...

- Не потеряем! – заверил Серёга Петра Степановича. – За ключ у нас будет отвечать Пират. Всё, дедуля, будет под контролем!

После ужина Серёга и Толик ещё погоняли на своих «мустангах» по пустынным улицам поселка – и просто наперегонки, и демонстрируя друг другу «фигуры высшего пилотажа»; на речку они решили не ехать – вечерело, и ехать на речку уже было поздно; они по очереди сходили в душ – вода в баке за день нагрелась так, что её пришлось разбавлять водой холодной; в принципе, все дела были переделаны, – день оказался длинным, насыщенным разными приятными событиями, так что Серёга и Толик вполне заслуженно могли уже идти спать, тем более что дедуля пообещал разбудить их завтра рано-рано, а потому посоветовал им лечь пораньше; сумерки незаметно превратились в ночь, – Серёга с Толиком сидели на ступеньках крыльца, было тихо и душно, Толик курил «последнюю сигарету», Серёга гладил-ласкал лежащего у ног Пирата...

- Интересно, Пирату снятся сны? – задумчиво проговорил Серёга. – Ты как, Толян, думаешь? Снятся собакам сны?

- Фиг его знает, – отозвался Толик. – Наверное, снятся... я когда ещё маленький был, у нас был Рекс, и когда он спал, у него иногда дергались лапы, словно он во сне бежал куда-то... может, ему снилось, что он бежит – что он гонится за кем-то... – Толик потрепал-погладил лежащего Пирата. – А тебе, Серый... тебе сны снятся?

- Ну, не каждую ночь... иногда снятся целые истории, приключения всякие, как в кино, а иногда вообще ничего не приснится, – проговорил Серёга. – А тебе сны снятся?

- У меня так же, – отозвался Толик, – то снится что-нибудь, то ни фига, – Толик сделал последнюю затяжку и вдавил окурочек в землю. – Надо будет завтра какую-нибудь банку приспособить, куда складывать окурки, чтоб они не валялись около крыльца...

- Приспособим что-нибудь, – проговорил Серёга, как будто проблема утилизации окурков касалась и его тоже.

Они помолчали. Тёмная ночь, слившаяся с бесконечным космосом, окутывала Сосновку; было тихо-тихо – ни шороха, ни малейшего звука, ни хотя бы слабого дуновения ветерка не доносилось ниоткуда...

- Пойдём спать? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Пойдём, – Серёга легко поднялся на ноги. – Дверь закрывать будем?

- Я думаю, не надо... пусть будет открыта, – отозвался Толик, поднимаясь вслед за Серёгой. – Всё, Пират, мы спать пошли, а ты не спи...

- Охраняй нас, Пират! – весело проговорил Серёга, потрепав напоследок Пирата за холку.

Пират, видя, что мальчишки уходят, пошевелил хвостом – пожелал Серёге и Толику спокойной ночи.

В комнате Толик включил свет и перво-наперво посмотрел на монитор своего телефона, чтоб узнать, сколько времени; затем он, не раздумывая, одним движением сдёрнул-стянул с себя шорты и, оставшись в голубых плавках-трусах, с размаху повалился на свою постель.

- Блин, как хорошо! – перевернувшись на спину – снизу вверх глядя на Серёгу, Толик вытянулся на постели во весь рост.

Серёга стянул шорты с себя и, точно так же оставшись в плотно обтягивающих плавках-трусах – машинально тронув-поправив свой выпирающий бугорок, тоже повалился на свою постель.

- А свет выключать кто будет? – с улыбкой проговорил Толик, глядя, как Серёга тоже с удовольствием вытянулся во весь рост.

- Сегодня твоя очередь выключать свет, – уверенно отозвался Серёга; он повернул голову в сторону Толика, и лицо его расплылось в улыбке. – Или у вас, Анатолий, склероз?

- Ни фиги! – Толик повернулся набок – лёг к Серёге лицом. – У нас, Сергей... как тебя, Серый, по отчеству?

- Викторович. А при чём здесь это? – в голосе Серёги слышалось недоумение.

- А это при том, что у нас, Сергей Викторович, нет ни склероза, ни амнезии...

- Что такое амнезия? – перебил Толика Серёга.

- Потеря памяти, – пояснил Толик.

- Тогда в чём проблема? – Серёга тоже повернулся набок – лёг лицом к Толику. – Мы вчера как договаривались?
- Вот именно! Как мы договорились? – весело проговорил Толик, и лицо его расплылось в улыбке.
- Чего ты лыбишься? – чуть помедлив, всё с тем же недоумением в голосе проговорил Серёга и, чтоб лучше видеть Толика, приподнял голову – подпёр голову ладонью; он, Серёга, искренне не понимал, к чему опять весь этот разговор, если вчера они обо всем чётко договорились.
- Один вопрос, Серый... всего один вопрос! – Толик умолк, с улыбкой глядя на Серёгу.
- Ну! Что тебе непонятно? Какой вопрос? Спрашивай – я отвечу на все твои вопросы! Кстати... – Серёга прищурился, – а как ваше отчество, Анатолий?
- Анатолий Евгеньевич, – отозвался Толик.
- Спрашивайте, Анатолий Евгеньевич! Сергей Викторович вам всё популярно и напомнит, и разъяснит! – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся. – Прикинь, Толян... если мы завтра за завтраком начнём называть друг друга по имени-отчеству, говорить друг другу «вы», то бабуля с дедулей просо офигеют от нашей культурности!
- У них шок будет! – засмеялся Толик. – Еще можно Пирата на «вы» называть при дедуле – тоже будет в кайф...
- А-а-а! – Серёга, откинувшись на спину, неудержимо захохотал, заколотил по воздуху поднятыми вверх ногами. – Кому... кому будет в кайф? Пирату?
- И дедуле... дедуле с бабулей тоже будет в кайф! Всем будет в кайф! – Толик, как и Серёга, зашелся от смеха.

Бывает такой смех, когда достаточно просто посмотреть друг на друга – и, как цунами, накатывает новый приступ смеха, и нет никаких сил остановиться; мальчишки на секунду умолкали, смотрели друг на друга, и снова начинали неудержимо смеяться:

- Санитаров... зовите санитаров – Толян и Серый сошли с ума...

- Пират уже звонит...

- Кому... кому он звонит?

- Санитарам...

- А-а-а...

Мальчишки дурачились. Нет, музыка ещё не звучала для них, и они оба ничего такого еще не слышали – ничего особенного не чувствовали и ни о чём таком не думали, не помышляли, но... было так классно зубоскалить, глядя друг на друга, и классно было смеяться, друг на друга глядя... им было классно друг с другом, они оба это чувствовали, совершенно не задумываясь об этом, – музыки еще не было... просто было классно, и всё!

Отсмеявшись – с трудом успокоившись, мальчишки какое-то время лежали молча, словно обессилив от смеха... наконец, Серёга нарушил молчание:

- Толян... ты собираешься свет выключать?

- Завтра, – отозвался Толик. – Сегодня свет выключаешь ты.

- Блин, почему я?! – у Серёги от возмущения округлились глаза. – Мы вчера как договорились?

Толик, перевернувшись в постели набок – снова повернувшись к Серёге лицом, прищурился:

- Серый! Уточни, пожалуйста... – Толик сделал секундную паузу, потому что именно этот вопрос был сейчас самым главным в их споре. – Когда именно мы договорились!
- Вчера! – с напором ответил Серёга.
- А вот фигурки! Мы договаривались сегодня! – рассмеялся Толик.
- Ты что... совсем дурак? – опешил Серёга. – Не понимаешь, где вчера, а где сегодня?
- Серый... – укоризненно проговорил Толик, одновременно беря свой телефон. – Давай посмотрим, сколько сейчас времени!
- Давай! – с энтузиазмом воскликнул Серёга; он взял свой телефон, посмотрел на экран. – Ну! Половина двенадцатого сейчас... и что?
- Вот! А когда мы договорились, кто когда будет выключать свет, сколько было времени? – Толик смотрел на Серёгу так, как смотрят взрослые люди на несмышлёнышей.
- Ну, было полпервого, я ещё на время смотрел... и что?
- И то! – Толик, глядя на Серёгу, выдержал небольшую паузу. – Ну... подумай сам!
- О чём я должен подумать? – в Серёгином взгляде отразилось недоумение.
- О времени... о чём же ещё! Ты что – реально не понимаешь?
- Что я, блин, не понимаю? – недоумение во взгляде Серёги усилилось.
- Ну, смотри: полпервого в начале суток и половина двенадцатого в конце суток – это вчера и сегодня или всё это сегодня? – во взгляде Толика

отразился вопрос, но это был риторический вопрос, снисходительный, даже немного насмешливый.

- Блин! Мы не так считаем! – запальчиво проговорил Серёга, поняв логику Толика. – Мы считаем: когда мы ложимся спать – это вчера. А когда мы проснулись – это сегодня.

- А когда, допустим, кто-то отработал ночную смену, утром пришел домой и лёг спать, а потом проснулся после обеда, то он лёг вчера, а проснулся сегодня, или он лёг и проснулся сегодня? ? – Толик прищурился, ожидая ответ.

- При чём здесь это? Мы не работаем в ночную смену...

- Это всего лишь пример...

- Дурацкий пример! – перебил Серёга Толика.

- Нормальный пример! – парировал Толик. – Где вчера, а где сегодня или завтра – это определяется не тем, когда ты уснул или проснулся. Это определяется временем – сутками. Согласен?

- Блин! Ты меня затрахал! – в сердцах проговорил Серёга.

- Ещё не трахал! – засмеялся Толик.

Многие слова, как известно, являются многозначными, и в прозвучавшем слове, обозначающем половой акт, не было ни малейшего намёка на какую-либо сексуальность, потому как в другом смысле это же самое слово часто употребляется в значении «задолбал», «заколебал», «достал», «утомил» – всё зависит исключительно от ситуации, в которой произносятся неоднозначные слова, – Серёга и Толик обменялись этим словом легко и непринуждённо, потому что ни о чём таком, что называется этим словом в его сексуальном

значении, они не думали и не помышляли; конечно, Толик был прав в своём понимании того, когда заканчивается «сегодня» и начинается «завтра», но ведь и он, Серёга, тоже был прав, проводя свою границу между «сегодня» и «вчера», – каждый из них был прав по-своему... ну, и кто сейчас должен был при таком тупиковом раскладе выключать свет?

- Хорошо, – нарушил молчание Серёга. – Сейчас половина двенадцатого... мы не спим еще полчаса, и как только будет одна минута первого, то уже наступит завтра, свет выключишь ты. Правильно?

- Правильно, – согласился Толик. – Но мы же легли уже спать, и глупо сейчас лежать и тупо ждать целых полчаса лишь для того, чтобы свет выключил я, а не ты. Согласен?

Серёга не отозвался; просто лежать и ждать было, конечно же, глупо – здесь Толян был прав, и вместе с тем Сереге не хотелось уступать Толику, – думая, что бы такое придумать, чтоб ненавязчиво, то есть естественно, непреднамеренно протянуть время, Серёга машинально скользнул ладонью в трусы.... собственно, делал он так перед сном в постели почти всегда, причем делал он так совсем не обязательно для того, чтобы заняться сексом, а делал ещё и просто так, по своей подростковой привычке, – член у Серёги не стоял и в то же время был словно налит, наполнен мягкой упругостью, отчего в таком состоянии – в состоянии покоя – он был похож на эластичный мягкоупругий валик; Серёга – опять-таки, делая это машинально – с силой надавил на член, провёл по члену круговым движением ладони, отчего тут же возникла лёгкая щекотливая приятность в промежности, и... здесь его, Серёгу, осенило – Серёга подумал, что можно... или даже нужно... да, именно так: что н у ж н о сделать, чтоб самым естественным образом протянуть время! Мысль эта была такой простой и вместе с тем такой очевидной, что Серёга невольно улыбнулся, – не вытаскивая руку из трусов,

он покосился на Толика: Толик лежал на спине, вытянувшись во весь рост, чуть раздвинув, разведя в стороны голенастые ноги, и глаза у Толика были закрыты; «вот же жук, – весело подумал Серёга, невольно глядя на обтянутый трусами-плавками округлый бугорок между ног Толика, – специально изображает спящего, чтобы свет гасил я... а вот фиг тебе! Посмотрим, кто из нас будет свет гасить!»

- Толян... – окликнул Серёга Толика, сжимая-тиская свой стремительно твердеющий член; Толик в ответ глубоко вдохнул-выдохнул носом, издав при этом звук, напоминающий храп. – Толян, блин! – громко и требовательно позвал Серёга.

- Что ты кричишь? Я не глухой! – отозвался Толик, не открывая глаза.

- Ты что – уже спишь?

- Да, засыпаю... гаси свет, и спокойной ночи, – пробормотал Толик в ответ и, всё так же не открывая глаза, повернулся к Серёге задом.

На какое-то время воцарилось молчание; дверь на улицу была открыта, но оттуда не доносилось ни звука... конечно, Серёге такая мысль просто так не пришла бы в голову, если бы не было совместной утренней дрочки в кустах смородины; утром всё это случилось спонтанно, непреднамеренно, всё получилось само собой и, тем не менее, то, что каждый из них делал в одиночестве, никак не афишируя свои занятия, традиционно прячась от сторонних глаз, при исполнении совместном ничуть не утратило ни остроты ощущений, ни полноты наслаждения, – дрочить вдвоём на глазах друг у друга было не менее кайфово, чем одному, и хотя Серёга за весь прошедший день лишь несколько раз, да и то мельком, думал о том, что они, он и Толик, подрочили в м е с т е, и хотя за весь день прошедший они ни разу не вспомнили об этом, то есть ни разу об этом даже не заикнулись, эта

совместная дрочка странным образом еще больше сблизила их, сделала их отношения еще более доверительными... во всяком случае, так казалось Серёге, и потому он не увидел ничего зазорного в том, чтоб предложить Толику повторить это приятное занятие в новом формате – в формате совместного снятия напряжения, тем более что напряжение у Серёги уже было в полном порядке: буквально за считанные секунды гибко-упругий валик, который в покое был не длиннее семи сантиметров, превратился в нестигаемый, сладко зудящий, жаром пышущий пятнадцатисантиметровый ствол, так что теперь оставалось только двигать и двигать рукой, изнемогая от наслаждения...

- Толян... – снова негромко проговорил Серёга, тиская пальцами свой стояк; член уже не умещался в плотно обтягивающих трусах-плавках, и Серёга выпустил его на свободу, оттянув резинку трусов под мошонку.

- Что? – отозвался Толик; он лежал к Серёге спиной и, понятно, не мог видеть выставленное напоказ Серёгино возбуждение, но каким-то седьмым чувством – то ли по чуть изменившемуся голосу Серёги, то ли по какой-то зовущей, манящей интонации Серёгинаго голоса – уловил-почувствовал, что именно Серёга хочет, затем он его зовёт... «что?» – спросил Толик и в ту же секунду почувствовал, как его член в трусах-плавках начал неудержимо расти-увеличиваться.

- Давай, как утром... – негромко проговорил Серёга, скользя взглядом по лежащему к нему спиной Толику. – Толян... слышишь меня?

- Что «давай, как утром»? – чуть помедлив, отозвался Толик – спросил так, как будто он не понял, что именно Серёга предлагает; член у Толика, стремительно налившись сладостной твёрдостью, уже стоял, и он, Толик, был совсем не прочь... если, конечно, он правильно Серёгу понял; в состоянии покоя и умиротворения член у Толика, как и у Серёги, был не

больше семи сантиметров в длину и представлял собой такой же, как у Серёги, мягкий упругий валик, который можно было легко уложить в плавках хоть направо, хоть налево, или опустить вниз, прижать его к мошонке, или, наоборот, поднять вверх, придавить его плавками к животу – здесь ни Серёга, ни Толик ничем не отличались от большинства своих сверстников, но теперь член негибаемо стоял, рвался из трусов на свободу всеми своими пятнадцатью сантиметрами...

- Я предлагаю, как утром... снять напряжение предлагаю... или ты не хочешь? – проговорил Серёга и, проговорив так, вдруг подумал, что Толик, быть может, действительно не хочет... ну, то есть, сейчас не хочет... и что тогда?

- А у тебя сейчас что... напряжение? – не поворачиваясь, уточнил Толик.

- Посмотри!

Толик рывком крутанулся на белой в синий горошек простыне – повернулся к Серёге лицом, одновременно устремив свой взгляд на Серёгины плавки, – Серёга лежал на спине, повернув на подушке в сторону Толика голову, большим пальцем левой руки Серёга придерживал под мошонкой оттянутую резинку плавок, так что всё его хозяйство вместе с кустиками волос было, как говорится, в открытом доступе, двумя пальцами правой руки Серёга держал у самого основания напряженный член, и член его, пламенея открытой головкой, был подобен устремленной вверх ракете...

- Посмотри! – эхом отозвался Толик и, зацепил большим пальцем левой руки резинку трусов своих, точно так же, как Серёга, оттянул трусы вниз, под мошонку, обнажая хозяйство своё; напряженный член Толика, упруго дёрнувшись, боевой ракетой вытянулся в сторону Серёги; двумя пальцами правой руки Толик оттянул назад крайнюю плоть, и головка его

напряженного члена послушно открылась – сочно заалела в электрическом свете.

- Тоже неплохо! – одобрительно произнёс Серёга, глядя на залупившийся, чуть изогнутый вправо член Толика; собственно, возбужденный член Толика Серёга уже видел утром, член у Толика был такой же, как у него, у Серёги, то есть не меньше пятнадцати сантиметров в длину... ну, может, чуть больше – чуточку длиннее, хотя здесь, конечно же, для сравнения и объективного вывода требовалось не визуальное восприятие типа «больше» или «меньше», а требовалось скрупулезное измерение обоих членов с помощью линейки; Серёга подумал о сравнении члена Толика с членом своим, но мысль эта мелькнула и тут же пропала, испарилась – не это сейчас было главным; Серёга перевел взгляд на лицо Толика – посмотрел Толику в глаза, и лицо Серёгино расплылось в довольной улыбке. – Подрочим?

- Не подрочим, а сбросим напряжение, – поправил Серёгу Толик. – Нужно, Серый, правильно называть этот процесс!

- Ой, да не пох ли, как называть? – засмеялся Серёга, сладострастно сжимая, стискивая свой колом стоящий член.

- Пох, конечно! – согласился с Серёгой Толик.

- Важен процесс... ну, то есть, сам процесс важен, а не его название! Правильно я думаю?

- Правильно ты думаешь! – не стал возражать Серёге Толик; между тем, сказав так, Толик был и прав, и не прав одновременно: с одной стороны, действительно важен был процесс, то есть дроч и кайф вне названий и определений, а с другой стороны... говорят: «как лодку назовёшь, так она и поплывёт», то есть если процесс назвать словом «онанизм», за которым тянется шлейф из разного негатива, то для юных, излишне впечатлительных

дрочеров это может стать одним плаванием, а если этот же самый процесс назвать «снятием напряжения» или, к примеру, «профилактикой застойных явлений». то плавание может оказаться совсем другим... от слов тоже много зависит!

Какое-то время они, лёжа друг против друга в своих постелях, возбуждённо смотрели друг на друга – смотрели, прыгая взглядами, то в глаза друг другу, то на напряженные члены друг друга, то на напряженно торчащие члены свои.

- Дрочим? – весело спросил Серёга.

- Дрочим! – так же весело отозвался Толик.

Ну, а почему было не подрочить перед сном? Толик откинулся на спину – лёг поудобнее, чтобы было комфортно осуществлять процесс; Серега, лёжа на спине, чуть приподнял зад и, не выпуская член из правой руки, левой рукой приспустил с себя вниз трусы-плавки, как делал он это дома, когда дрочил перед сном в постели. Толик, не глядя на Серёгу, сделал то же самое: на мгновение оставив член в покое, он, точно так же чуть оторвав зад от постели, привычным движением рук приспустил трусы-плавки с себя; оба они – и Серёга, и Толик – всё это делали не впервые и делали они это не один раз, так что... какие могли быть здесь вопросы? Каждый из них сделал так, как делать привык – как ему было комфортнее заниматься мастурбацией.

То, что подростки все – все! – мастурбируют, общеизвестно; это такой же неоспоримый факт, как и то, что Земля круглая, и опровергать этот факт могут разве что замшелые идиоты, пребывающие в одном ряду с теми, кто верит либо утверждает, что Земля плоская, – Земля круглая, и все подростки дрочили во все времена, все подростки дрочат сегодня и точно так же все будут дрочить в будущем – вне зависимости от наличия или количества

идиотов, которые, пятась к «традиционным ценностям», готовы опровергать этот неоспоримый факт; идиоты могут калечить психику, рассказывая про «страшные последствия онанизма», но они никогда не могли и никогда не смогут переформатировать базовые человеческие потребности. Это первое. И второе: то, что мастурбация, помимо закономерно желаемого и всем подросткам доступного сексуального наслаждения, также выполняет немаловажную физиологическую роль, сегодня тоже является неоспоримым фактом, и это тоже общеизвестно – опровергать этот медицинский факт могут, опять-таки, только те замшелые идиоты, у которых Земля стоит на трёх китах или, как вариант, на трёх слонах, оседлавших черепаху. Таким образом, и то, что все подростки дрочат, все мастурбируют поголовно и повсеместно, и то, что мастурбация подросткам не только полезна, но даже необходима как средство регуляции половой функции – это всё факты объективные, неоднократно доказанные и подтверждённые как социологами, так и сексологами, и учеными-медиками. Но это одна сторона медали, а у медали, как известно, стороны две. И вторая сторона медали – это субъективное отношение подростков, точнее, каждого отдельно взятого подростка к мастурбации вообще и к собственному дрочу в частности. И вот здесь уже всё не так однозначно – диапазон самых разных представлений, переживаний, мнимых проблем довольно широк. Кто-то дрочит по мере необходимости, совершенно не закливаясь на возникающих время от времени позывах сделать это: передёрнул по-быстрому, кончил, сбросил напряжение – и жизнь, полная огней, покатила дальше. Кто-то дрочит и при этом думает, что тяга к дрочу – это что-то постыдное, даже болезненное. Кто-то тщательно скрывает от друзей-приятелей свои занятия мастурбацией, потому что считает, что занятия такие свидетельствуют о какой-то неправильной сексуальной озабоченности, из-за которой можно стать посмешищем в глазах друзей. Кто-то считает, что дроч – это пагубная привычка, от которой надо избавиться, но избавиться от стремления к

удовольствию не получается, что вызывает мысли о слабоволии, о болезненной зависимости от этой «пагубной привычки». Кто-то думает, что мастурбация может стать причиной импотенции в зрелом возрасте. И так далее, и тому подобное! Понятно, что вряд ли сегодня кто-то думает, что от дроча могут вырасти на ладонях волосы, как этим пугали подростков во времена тотального сексуального невежества, и тем не менее... спектр самых дичайших представлений о мастурбации всё ещё достаточно широк, и немало подростков всё ещё подвержены самым нелепым страхам, связанным с мастурбацией. А рядом с такими подростками, которые «грешат и каются, и снова грешат, и снова каются», немало совсем других подростков, которые смотрят на собственный дроч как на занятие во всех смыслах приятное или даже полезное, а потому занимаются этим в своё полное удовольствие – «грешат и не каются», не морочат себе голову разными бреднями и надуманными страхами... именно такими подростками и были Серёга с Толиком – два обычных пацана-ровесника, которые в силу стечения разных обстоятельств оказались вместе в одном месте в одно время. И у них даже в мыслях не было посвящать друг друга в свою сексуальную жизнь, но когда эта скрытая от сторонних взглядов жизнь неожиданно открылась, они не стали прикидываться поборниками «духовных скреп» и поклонниками «традиционных ценностей», а, став плечом к плечу в кустах смородины, вместе сделали то, что до этого они делали, не афишируя, поодиночке, – они подрочили вместе, и вдруг оказалось, что совместный дроч на глазах друг у друга ничуть не хуже, так что заниматься этим вместе очень даже возможно...

Если бы кто-то ненароком заглянул в освещенную электрическим светом комнату, то глазам его предстала бы картина группового секса в формате «каждый сам с собою»: два симпатичных пацана, приспустив с себя трусы-плавки, лежали в своих постелях, и правые руки их ритмично плясали,

ходили ходуном – мальчишки, сопя, с вполне понятным удовольствием энергично дрочили... не прерывая своего занятия, они то и дело смотрели друг на друга, точнее, смотрели, как скачет-прыгает рука у другого, и... нет, в этом естественном любопытстве, в этих произвольных взаимных взглядах ещё не было никакой объединяющей музыки, каждый был занят собой, был погружен в своё автономное наслаждение, и вместе с тем эта музыка, ими не слышимая и потому как бы отсутствующая, для них ещё не существующая, уже незримо зарождалась в самой атмосфере совместного дроча... утром в кустах смородины всё получилось спонтанно, вышло непреднамеренно, а теперь Серёга сознательно, преднамеренно предложил Толику подрочить вместе, и Толик не отказался – теперь было всё то же самое и вместе с тем было уже другое... то открываясь, то закрываясь под действием неумоимо пляшущих рук, багрянцем налившись головки напряженных членов словно подмигивали друг другу – выступившие из членов прозрачные клейкие капельки на головках размазались, и пламенеющие головки маслянисто блестели в электрическом свете, – Серёга, лёжа на спине – правой рукой неумоимо гоня крайнюю плоть на окаменевшем стволе, одновременно с этим кисть левой руки сунув себе под мошонку, он судорожно сдавливал, сжимал левую руку ногами, в то время как Толик, наоборот, чуть приподнял колени разведённых в стороны ног, и пальцы его левой руки свободно гуляли, поглаживали-пощипывали набухшую от наслаждения промежность, при этом правая рука лежащего на спине Толика, не сбавляя темпа, энергично и сладострастно плясала-скакала вверх-вниз, энергично двигая на распираемом от удовольствия члене крайнюю плоть...

Прерывистое сопение переплеталось, становилось сильнее, мальчишки уже не смотрели друг на друга – каждый сосредоточился на своих собственных ощущениях, на своём нарастающем наслаждении, изо всех сил приближая

желанную кульминацию, – руки и Толика, и Серёги ходили ходуном, тела их непроизвольно вздрагивали, и оба – независимо друг от друга – чувствовали, что вот-вот... вот-вот... сейчас...

- Я кончаю! – первым выдохнул-всхлипнул Серёга, судорожно сжимая, стискивая ягодицы, отчего тело его чуть приподнялось, напряглось-подалось вверх, и в то же самое, уже не подвластное Серёге мгновение, из его члена стремительно вылетела, перламутровой змейкой подскочила вверх струйка горячей спермы – конечный продукт всего сладострастного движа.

Толик, реагируя на выдох-всхлип Серёги, резко повернул голову в его сторону, левая рука Толика между раздвинутыми, расставленными ногами непроизвольно скользнула по промежности вглубь, туда, где стремительно набухала последняя сладость, Толик коснулся средним пальцем девственного, туго стиснутого очка, и даже не самого очка коснулся, а шевельнул подушечкой среднего пальца редкие волоски, уже обрамляющие его мальчишеское отверстие, и в то мгновение, глядя на член Серёги, дёрнув ногами, он содрогнулся от сладкого, огнём полыхнувшего между ног оргазма, – из члена Толика вылетела, подскочила вверх точно такая же, как за секунду до этого у Серёги, перламутровая струйка мальчишеской спермы...

- Кончил? – прошептал Серёга, повернув голову в сторону Толика – глядя на член Толика.

- Кончил... – эхом отозвался Толик, и они, приятно опустошенные сладким дробом, посмотрели в глаза друг другу. – Надо руки вытереть... ничего, блин, не подготовили! – проговорил Толик.

- Что мы не подготовили? – не понял Серёга.

- Чем вытираться...

- Ну, кто же мог подумать, что ты так быстро откликнешься на моё скромное предложение... – Серёга, глядя на мокрые пальцы Толика, державшие начавший уменьшаться член, тихо рассмеялся; он перевёл взгляд на свою руку – его пальцы тоже были мокрые и липкие от спермы; и ещё несколько капель блестело на животе. – Ты, когда дома в постели кончаешь, чем потом вытираешь живот и руки?

- Носовым платком, – отозвался Толик, совершенно не удивившись такому любопытству со стороны Серёги. – У меня для этого есть платок носовой – я в него кончаю... ну, или в ванной еще дrouchу, когда моюсь, но там платок не нужен... а ты?

- Я дома салфетки использую.

- А потом ты их куда деваешь?

- В унитаз... куда же еще?

Мальчишки всё так же лежали с приспущенными трусами, члены у них постепенно уменьшались, укорачивались, теряли свою нестигаемую твёрдость, – сеанс был закончен, теперь нужно было вытереть следы этого сладостного, но завершённого процесса, и в то же время они оба чувствовали... нет, не апатию они чувствовали, какая порой возникала и у Толика, и у Серёги после оргазма, а оба чувствовали какое-то лёгкое умиротворение – было приятно лежать, не стесняясь своей мальчишеской наготы, не испытывая ни малейшего смущения от того, что они только что сделали на глазах друг у друга... причём, сделали это не по воле случая, не в силу удачно сложившихся обстоятельств, как это было утром в кустах смородины, а сделали это – на глазах друг у друга – преднамеренно, вполне осознанно...

- Я тебе завтра дам носовой платок, – произнёс Толик. – Подарю для таких дел...

- Зачем? У меня салфетки дома...

- А ты что... уже завтра домой уезжаешь? – глядя на Серёгу смеющимися глазами, Толик голосом изобразил удивление.

- Нет, конечно! Не завтра... – отозвался Серёга.

- Вот! Будем ещё дрочить, и платок носовой пригодится...

- Ох, Толян! – Серёга, глядя смеющимися глазами на Толика, голосом изобразил лёгкую укоризну, – Ты толкаешь меня на путь разврата...

- Ой! – засмеялся Толик. – Я тебя, наивного, толкаю... подумать только! Ты уже сколько дрочишь?

- Сейчас первый раз попробовал, – засмеялся Серёга.

- Ага, а утром в кустах ты тоже пробовал, но то у тебя был нулевой раз – то не считается, – засмеялся Толик. – Нет, я серьёзно... ты уже сколько времени дрочишь?

- Ну... года два, наверное... где-то примерно так, – Серега посмотрел на член Толика. – А ты?

- Я тоже так... тоже примерно два года... или, может, чуть больше, – отозвался Толик.

Они помолчали. Члены у обоих обмякли, вернувшись в своё повседневное – не боевое – положение; мошонки у обоих, подтянувшиеся к членам во время дроча, снова расслабились, опустились вниз, и теперь в них рельефно

выделялись средней величины мальчишеские яички; пальцы и у Толика, и у Серёги были липкие от спермы, сперма стекала по пальцам...

- Пойдём руки помоем под рукомойником, – Толик решительно встал с постели, одновременно натягивая чистой рукой трусы-плавки на свои круглые белые булочки.

- Пойдём, – пружинисто встал со своей постели Серёга, точно так же подтягивая вверх трусы свои – тоже натягивая трусы на ягодички.

Летний рукомойник у Петра Степановича был на улице. Мальчишки вышли на крыльцо – шагнули со ступенек крыльца в тёплую звёздную ночь. Было тихо-тихо. Пират при виде Серёги и Толика, громыхнув цепью, радостно завилял, закрутил хвостом.

- Ну, Пират, колись... чем ты здесь по ночам занимаешься? А? – Серёга ласково потрепал подошедшего к крыльцу Пирата за ухом. – Небось, снова делал себе минет – занимался оральным сексом сам с собой? А? Колись, бесстыдник... мы дедуле не расскажем.

- Пират, ты спроси у Серого, чем он сейчас занимался, – засмеялся Толик.

- А Серый, Пират, сейчас занимался тем же самым, чем занимался Толян, его старший брат, – засмеялся Серёга, лаская Пирата. – Так что, Пират, об этом ты спрашивай у Толяна...

Они помыли под рукомойником руки, смыли сперму со своих обмякших писюнов и, пожелав Пирату спокойной ночи, вернулись в комнату; уверенно говоря:

- Выключай, Толян, свет! – Серёга с размаху повалился на свою постель. – Надеюсь, завтра твоё уже наступило и никаких пререканий со мной сейчас не

будет? – Серёга, перевернувшись на спину – глядя на Толика снизу вверх, хитро прищурился.

- Так ты... – Толик, глядя на вытянувшегося на постели Серёгу, запнулся, – ты специально предложил подрочить, чтобы так протянуть время – чтобы свет выключил я?

- Ну, не без этого, – рассмеялся Серёга. – Это была военная хитрость! Совмещение приятного с полезным – мой стратегический план, который мы с тобой вместе успешно осуществили... по-моему, план отличный! Или ты чем-то недоволен – ты что-то имеешь против, мой старший брат? – Серёга, всё с тем же хитрым прищуром глядя на стоящего посередине комнаты Толика, весело добавил: – Согласись, Толян, что ты проиграл!

- Ну, хорошо, – улыбнулся Толик. – Я признаю, что план твой, мой младший брат, сработал... план оказался отличным!

- То-то! – проговорил Серёга, назидательно подняв вверх указательный палец. – Выключайте свет, Анатолий Евгеньевич! Будем спать...

- А у вас, Сергей Викторович, никаких стратегических планов на сегодня больше не будет? – с улыбкой глядя на Серёгу, поинтересовался Толик; он подошел к дверному проёму, протянул руку к выключателю. – Или, может, есть еще какой-нибудь хитрый план?

- Пока нет, – отозвался Серега. – Будем спать! Завтра дедуля нас рано разбудит...

- Сегодня, – уточнил-поправил Серёгу Толик.

- Да, сегодня, – согласился с Толиком Серёга.

- Ну, тогда всё – я свет вырубаю, – Толик щелкнул выключателем, и комната мгновенно погрузилась в непроницаемую темноту.

- Тебе посветить телефоном?

- Не надо, – отозвался Толик, и через несколько секунд под ним скрипнул диван – Толик повалился на свою постель.

- Спим? – спросил в темноте Серёга.

- Спим, – невнятно ответил из темноты Толик.

День был реально суматошный, наполненный самыми разными событиями, и Толик с Серёгой через минуту уже спали – они провалились в сон практически мгновенно, как это бывает у мальчишек, когда летние дни, пролетающие как пули, в то же время кажутся бесконечными, вбирающими в себя массу самых разнообразных событий и приключений...

Разбудил мальчишек Пётр Степанович рано, когда только-только начинало светать, – Серёге показалось, что он только успел закрыть глаза, как уже нужно было вставать; в комнате горел свет, постель Толика напротив была пуста.

- А где Толян? – спросил Серёга, протирая глаза.

- Толик встал уже. Поднимайся! – бодро, даже весело проговорил Пётр Степанович, направляясь к выходу из комнаты.

- Дедуля, а может, мы на рыбалку сегодня не поедем? – предложил Серёга, не делая ни малейших попыток оторвать своё тело от постели.

- Как не поедем? – удивился Пётр Степанович, останавливаясь в дверном проёме – поворачиваясь всем корпусом к Серёге. – Удочки вчера купили, всё

приготовили, я вечером червей накопал... вставай! Зинаида Ивановна нам бутерброды сделала... поднимайся, Серёга, поднимайся! Толик уже встал...

- Я спать хочу, – проговорил Серёга, зевая.

- Днём отоспитесь! – глядя на внука, рассмеялся Пётр Степанович. – А сейчас нас рыба ждёт...

- Рыба тоже еще спит... рань такая! – зевая, отозвался Серёга; напрягая все мышцы, он сладко потянулся, делая вид, что встаёт, но встать всё равно не хотелось... никак не хотелось!

В дверном проёме показался Толик.

- Ты чего не встаёшь? – удивился Толик.

- Ой, да встаю уже, встаю! – пробурчал Серёга, садясь на постели. – Все нормальные люди спят ещё, а мы... рыбаки, блин! – в голосе Серёги прозвучало лёгкое раздражение. – Сейчас выхожу!

- Вот это правильно! – весело одобрил Пётр Степанович. – Поднимайся, Серёга, и выходи! А мы пока с Толиком лодку укрепим... накачал, Толик, лодку?

- Да, всё готово, – деловито ответил Толик и, весело подмигнув Серёге из-за спины дедули, командным голосом проговорил: – Вставай, Серый! Потом выспишься...

Толик с дедулей вышли, оставив Серёгу «вставать»; конечно, Толик был рыбаком, и дедуля был рыбаком... им это, может, было и в кайф – вставать ни свет ни заря, а Серёге эта рыбалка было постольку поскольку... он, Серёга, за компанию подстегнулся к ним – и теперь, блин, должен расплачиваться! И ведь никуда не денешься – надо вставать... «потом

выспишься... командир, блин, какой!» – подумал Серёга про Толика и тут же, вспомнив, как классно они покайфовали перед сном, невольно улыбнулся... действительно, было классно! Серёга, рывком поднявшись с постели, оттянул резинку своих трусов – посмотрел, что делается в трусах; в трусах был штиль – член, повёрнутый вправо, хотя и был слегка увеличен, удлинён и утолщён, но не был напряжён, – Серёга хотел привычно потискать-помять член, но тут же себя одёрнул, сознательно удержал, опасаясь, что может возникнуть неподконтрольный стояк, а в это время могут войти дедуля или Толян... хотя Толяна после всего, что уже было, бояться было глупо, – Серёга, отпустив резинку трусов, стал деловито одеваться: с улицы доносились голоса Толика и дедули, и Серёге оставаться в стороне никак не хотелось.

Ночь уже выдыхалась, размывалась наступающим рассветом – воздух еще был серым, но на востоке небо уже заметно посветлело; было тихо-тихо – ни один листок не шевелился на деревьях, – вышедший на крыльцо Серёга вдохнул полной грудью прохладный воздух, и ему показалось, что воздух какой-то особенный – вкусный, не такой, как днём.

- Дедуля, Пирата с собой возьмём? – Серёга потрепал Пирата за ухом.

- У него удочки нет, – хмыкнул Пётр Степанович, затягивая на багажнике узел верёвки, которой была привязана к багажнику лодка.

- Дедуля, я серьёзно... ему тоже хочется побегать на свободе! Да, Пират? – Серёга погладил Пирата по лобастой голове. – Пират говорит, что да, что он тоже хочет поехать с нами.

Пётр Степанович рассмеялся:

- Скажи Пирату, что на него бабушка бутерброды не делала.

- И что? – живо отозвался Серёга. – Мы с Толяном дадим Пирату по одному бутерброду... да, Толян? Поделимся с Пиратом?

- Легко! – отозвался Толик.

- Вот! И ты, дедуля, тоже дашь Пирату один свой бутерброд... да, Пират? Хочешь поехать с нами?

Пират, словно понимая, о чём идёт разговор, в ответ на вопрос Серёги усиленно замахал, закрутил хвостом, глядя то на Серёгу, то на дедулю.

- Он вам рыбу ловить не даст – будет бегать по кромке воды, – выдвинул Пётр Степанович еще один аргумент против того, чтобы брать Пирата на рыбалку.

- Даст! – убеждённо проговорил Серёга. – Пират говорит, что даст.

- Ты, Серый, у Пирата переводчик? – засмеялся Толик.

- Ну, смотрите сами, – сдался Пётр Степанович, и вопрос с Пиратом был решен.

По дороге Пётр Степанович объяснил, что едут они на его секретное место, где он, то есть Пётр Степанович, рыбу прикармливает, а потом сами они, Серёга и Толик, будут ездить на это место, когда захотят, на своих велосипедах... «на мустангах» – поправил Петра Степановича Серёга... будут ездить на мустангах вдоль реки, это в три раза короче, но машина... «ретро-мустанг» – поправил Серёга Пётра Степановича... но ретро-мустанг вдоль реки не проедет, и потому на ретро-мустанге они сейчас сделают крюк и к секретному месту подъедут с другой стороны; Пират сидел впереди – смотрел в лобовое окно, слушая объяснение Петра Степановича; Толик с Серёгой сидели сзади.

- Дедуля, мы что хотели спросить... справа и слева от нас кто-то живёт? Есть там соседи? – Серёга, говоря это, толкнул коленкой коленку Толика.

- Справа никто не живёт, дом пустой стоит уже года два... и слева тоже нет никого – жила там бабка Андрияниха, но она ослепла, и дочка весной забрала её к себе, в Москву...

- Твоя землячка теперь эта бабушка – в Москве живёт, – Толик, пряча улыбку, коленкой толкнул коленку Серёги; он, Толик, понял, почему Серёга спросил по соседней.

- Точно, Серёга! – рассмеялся Пётр Степанович. – Как увидишь в Москве Андрияниху, передашь ей от меня привет... – Пётр Степанович свернул с грунтовки в сторону розовеющих верхушек деревьев, которые стеной стояли километрах в двух от дороги. – А вы зачем про соседней спрашиваете?

- Ну, просто! – отозвался Серёга. – Надо же знать, живёт с нами кто по соседству или нет никого.

- Тоже правильно, – согласился Пётр Степанович. – Соседней нужно знать – с соседями нужно дружить... мало ли что случится!

- Вот и мы о том же! – Серёга снова толкнул коленкой коленку Толика, и Толик в ответ сделал то же самое – ни Пётр Степанович, ни Пират эту тайную телепатию, понятное дело, видеть не могли... да им, дедуле и Пирату, это видеть было и не нужно.

«Москвича», точнее, «ретро-мустанга», Пётр Степанович остановил метрах в двадцати от берега, и Пират, у которого удочки не было, первым делом метнулся к воде, чтоб разогнуть лягушек – чтоб подготовить место для рыбаков; уже окончательно рассвело, на востоке показалось солнце, над

водой ковром расстился розовеющий туман, вода парила, и было так тихо, что, казалось, звенит в ушах.

- Классно! – невольно проговорил Серёга, глядя по сторонам. – Дедуля, мы словно в сказке!

- Вот, а ты ехать не хотел, – хмыкнул Пётр Степанович, отвязывая от багажника лодку. – Ну-ка, помоги мне...

- Это Пират ехать не хотел, мы втроём его еле-еле уговорили, – не замедлил с ответом Серёга. - А я очень даже хотел! Я раньше Толяна проснулся – Толян еще храпел, откинув копыта, а я уже был на ногах...

- Ага, уже был на копытах, – уточнил-рассмеялся Толик, разбирая удочки.

- Ты, блин, спал. А я походил и опять лёг – дедули ещё не было, и я не стал тебя будить раньше времени... что здесь непонятно?

- Ох, болтуны! – Пётр Степанович покачал головой, но в его голосе не было ни осуждения, ни укора. – Значит, так! Я отойду немного в сторону, вон за ту иву – позабрасываю с лодки там. А вы здесь располагайтесь...

- Мы тоже хотим с лодки ловить! – перебил Серёга Петра Степановича.

- Втроём не получится. Вы потом на лодке и поплаваετε, и поудите с лодки, если захотите... Толик, так? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Так, – Толик согласно кивнув головой. – Здесь глубоко? Как поправки нам ставить?

- Я сейчас вот что подумал... – проговорил Серёга, глядя, как Пётр Степанович устанавливает на удочках поправки. – Может, нам перед тем, как приступить к ловле рыбы, перекусить? Толян, как ты думаешь?

- Мы же только приехали! – удивился Пётр Степанович.
- Ну... приехали мы только что, а проснулись уже давно, – выдвинул свой аргумент Серёга – Можно уже и перекусить! Толян, ты как?
- Я не хочу, – отозвался Толик, которому не терпелось побыстрее приступить к рыбалке; он уже почувствовал тот особый азарт, какой бывает у настоящих рыбаков, и зубоскальство Серёгино, по его мнению, сейчас было ни к чему.
- И я не хочу, – поддержал Толика Пётр Степанович. – Получается, что один Серёга у нас хочет?
- Ну, тогда и я не хочу – с лёгкой досадой в голосе проговорил Серёга. – Мнение Пирата, конечно, никого не интересует...
- Серый, держи удочку! – Толик протянул Серёге его удочку. – Ну, мы пошли? – Толик вопросительно посмотрел на Петра Степановича.
- Давайте! – Пётр Степанович ещё в магазине «Рыболов», когда выбирали удочки, обратил внимание, что Толик к рыбалке не равнодушен, и теперь здесь, на берегу, Петру Степановичу нравилось и нетерпение Толика, и его деловитость – всё это Петру Степановичу, заядлому рыбаку, было хорошо знакомо. – Я буду здесь недалеко, – Пётр Степанович водрузил на голову лодку и, чуть покачиваясь под её тяжестью, медленно зашагал вдоль берега к иве, за которой у него тоже было «прикормленное место».

Пётр Степанович ушел, Серёга с Толиком остались с удочками на берегу вдвоём, и тут выяснилось, что Серёга рыбак ещё тот; оказалось, что он, Серёга, не может правильно насадить на крючок червяка, – Толик показал Серёге, как нужно делать так, чтоб рыбина червяка с крючка не умыкнула; оказалось, что у Серёги не получается забрасывать подальше леску, и Толик немного потренировал Серёгу, показывая, как это делать надо; когда Серёга

был на рыбалке с Борькой и Борькиным отцом, его; Серёгу, никто ничему не учил – просто дали удочку, и всё, а Толик всё терпеливо показывал и всё объяснял, и Серёге... странное дело: Серёге это нравилось, то есть нравилось то, что Толик его, Серёгу, учит, – о том, что делали они в комнате перед сном, ни Серёга, ни Толик не вспоминали – было не до этого.

Оказалось, что Серёга не понимает, совсем не чувствует, когда поплавок просто вздрагивает, а когда рыба клюёт, и два раза Серёга, думая, что на его крючок попалась рыбина, резко взмахивал удочкой, выдёргивая из водной глади крючок без рыбы, – потому Толик, со своей удочкой стоящий от Серёги метрах в шести, зорко наблюдал не только за поплавком своим, но и за поплавком Серёгиным, и... странное дело: Толика несколько не раздражало то, что ему нужно отвлекаться на Серёгу, а даже наоборот, Толику нравилось это – нравилось, что Серёга в рыбалке ни фига ничего не смыслит и что его, Серёгу, нужно учить и опекать; пару раз Серёга хотел в своей ёрнической манере о чём-то позубоскалить, но Толик разговор не поддержал, сказал: «Серый, заткнись!» – и Серёга ничуть не обиделся, видя, что рыбалка для Толика не пустой звук; всё внимание Толика сосредоточилось на поплавках, а ему, Серёге, было скучно, и Серёга, глядя на свой поплавок, стал думать, что сегодня вечером можно будет... ну, то есть, не можно, а нужно будет повторить с Толяном вчерашнее – снова вместе подрочить, и как только Серёга начал об этом думать и это обдумывать, его член в плавках тут же начал в ответ на эти мысли-планы отзываться лёгким сладким зудом... держать в руке член было в сто раз приятнее, чем держать удочку, – Серёга, глядя на поплавок, уже собирался одну руку сунуть себе в шорты, чтобы поправить начавший увеличиваться член, но в этот момент тишину разорвал голос Толика, увидевшего, как поплавок на Серёгиной удочке повело в сторону:

- Серый, клюёт! Подсекай! Подсекай – у тебя клюёт!

Серёга на секунду растерялся.

- Тянуть? Поймал? – он крутанул головой в сторону Толика, не зная, как надо подсекать.

Толик, бросив свою удочку, в несколько прыжков подскочил к Серёге; глаза у Толика азартно блестели; Серёга, слегка обескураженный таким внезапным напором эмоций со стороны Толика, протянул свою удочку Толику, чтобы тот всё сделал так, как нужно, но Толик то ли не заметил, как Серёга протянул ему удочку, то ли умышленно проигнорировал этот невольный Серёгин жест, – взгляд Толика был устремлён на прыгающий поплавок.

- Чувствуешь, как леска напряглась? – быстро проговорил Толик.

- Ну! – Серёге показалось, что леска действительно напряглась.

- Дёргай чуть-чуть удочкой... не резко дёргай, а слегка, как бы насаживая рыбу на крючок... ещё... ещё дёрни... чувствуешь, что дёргать тяжело?

В этот момент поплавок резко повело в одну сторону, потом в другую, и Серёге уже не показалось, а он реально почувствовал, что леска действительно напряглась, потянув удочку из Серёгиных рук; поплавок скрылся в воде, вынырнул из воды и снова пропал.

- Есть! – радостно прошептал Толик. – Теперь главное, чтоб рыба не сорвалась... подводи, Серый, подводи...

- Как? – азарт Толика передался Серёге, и Серёга даже рот приоткрыл, глядя на исчезающий в воде поплавок – чувствуя, как невидимая рыба тянет удилице, дёргает, буквально вырывает из его рук.

- Плавно... плавно приподнимай удочку – подводи рыбу ближе к берегу! Если сейчас дёрнешь резко, она может сорваться...

Серёга, делая так, как командовал Толик, попятился назад, одновременно приподнимая удилище – подтягивая еще невидимую рыбу ближе к берегу; леска была натянута, как струна; наконец, показалась рыба – она раз и другой почти рядом с берегом подняла фонтан брызг, явно не желая расставаться с водой

- Дёргай, Серый, но на себя... на себя дёргай – не забрасывай удочку вверх за голову... ну!

Серёга хотел сделать ещё шаг назад, чтоб сподручнее было дёргать на себя, но зацепился за траву и, рванув удилище, повалился на спину – огромная сильная рыба оказалась на берегу у самой кромки воды, Толик бросился к рыбе, схватил её, отбросил от воды, всё это Толик проделал молниеносно, и рыба забилась в траве, запрыгала, выгибая упругое золотисто-ржавое тело.

- Серый, сазан! Ты сазана поймал! – Толик, с трудом удерживая рыбу в траве, посмотрел на Серёгу ликующим взглядом, и в это мгновение Серёга не столько осознал, сколько почувствовал – сам почувствовал – ту радость, какую испытывают рыбаки, когда удача к ним поворачивается лицом.

Серёга бросился на помощь Толику – подскочил, упал на колени, хватая рыбу за хвост, – рыба показалась Серёге огромной... просто огромной! Толик оглянулся на свою удочку, брошенную на берег, увидел, как его удочка сползает с берега в воду, метнулся к удочке своей... сражаясь с бьющимся сазаном, Серёга не видел, как Толик выдернул из воды зеркального карпа.

Ах, какая это была замечательная рыбалка! Дважды прибежал мокрый Пират, чтоб посмотреть, как мальчишки ловят рыбу, – смотрел, высунув красный язык, и убежал снова. Толик поймал еще две красноперки и небольшого леща, Серега поймал одного леща и одного толстолобика... это была великолепная

рыбалка! Солнце уже начинало припекать затылки, когда с лодкой на голове появился Пётр Степанович, который поймал всего-навсего одного небольшого карася. Тут же объяснился неказистый улов дедули: виноват был Пират! Дедуля приказал Пирату быть на берегу, но когда он, то есть дедуля, на своей лодке выплыл на середину реки и забросил удочку, Пират то ли прикинулся, что не понимает русский язык, то ли вопреки приказу решил тоже поучаствовать в рыбалке, а потому он не стал безучастно сидеть на берегу – он бесстрашно бросился в воду и поплыл к сидящему в лодке дедуле... и хотя дедуля на чистом русском языке кричал Пирату, чтобы Пират возвращался на берег, хитрый Пират прикинулся глухим, подплыл к лодке, попытался забраться в лодку, дедуля не дал ему это сделать, велел Пирату плыть назад, и Пирату, не понимающему, почему он не может посидеть в лодке, ничего не оставалось как плыть назад... но на этом злоключения дедули не закончилось: еще дважды, прикидываясь глухим, Пират приплывал к дедуле и штурмовал лодку, отгоняя от лодки всю ту рыбу, которую дедуля планировал поймать... так что рыбалка у дедули не задалась. А вот за внуков Пётр Степанович искренне порадовался, хотя не сразу поверил, что сазана поймал Серёга, и дважды уточнял-переспрашивал у Толика, точно ли сазан пойман Серёгой, однако такое недоверие к рыбацким способностям Серёги его, Серёгу, ничуть не обидело и не огорчило – Серёгин успех был налицо, и настроение у Серёги было отличное.

И вообще всё было прекрасно в это летнее утро! Улов лежал в багажнике «ретро-мустанга» в сыром мешке, они – дедуля, Серёга и Толик – сидели на берегу, ели бабулины бутерброды, запивая их горячим чаем с мятой, который был в большом термосе, и разговаривали о рыбалке... собственно, говорили о хитростях рыбной ловли Толян и дедуля, Серёга молча слушал – валять дурака при таком собственном успехе Серёге казалось как-то несолидно... несерьёзно было ёрничать, когда в багажнике лежал пойманный им

огромный сазан. Пират, съевший три бутерброда, сидел в стороне, слушал, о чём говорят Пётр Степанович и Толик, и тоже, как и Серёга, пребывал в отличном настроении, полагая, что рыбалка более чем удалась, и даже то, что Серёга по ходу дедулиного рассказа несколько раз назвал Пирата террористом, его, Пирата, это нисколько не огорчило – Пират не знал значение слова «террорист», бутерброды были вкусные, и вообще жизнь была прекрасна.

Потом Серёга и Толик вместе с Пиратом плавали на лодке, или, как сказал Серёга, «на дедулином пароходе», купались-плескались на середине реки чуть в стороне от прикормленного дедулиного места, наводя ужас на рыб фонтанами брызг, криками и смехом... словом, утро было отличное, просто отличное! По приезду домой Серёга первым делом разложил перед Зинаидой Ивановной привезённый с рыбалки улов – предложил бабуле определить, кто какую рыбу поймал.

- Да как же, Серёженька, я могу определить, кто что поймал? – засомневалась Зинаида Ивановна в выполнении поставленной перед ней задачи. – На рыбе не написано, кто её поймал...

- Хорошо, бабуля! – согласился с Зинаидой Ивановной Серёга. – Тогда просто скажи... просто скажи: кто поймал вот эту... – Серёга показал пальцем на сазана, – вот эту самую большую рыбу? Толян! – Серёга весело и вместе с тем нетерпеливо посмотрел на Толика. – Подскажи бабуле, как эта рыба называется... самая большая рыба в нашем улове – как называется?

- Сазан, – отозвался, улыбнувшись, Толик.

- Да, правильно, сазан! – Серёга вновь с весёлым напористым азартом посмотрел на Зинаиду Ивановну. – Кто, бабуля, поймал сазана? Как ты думаешь?

По тому, как Серёга настойчиво требовал сказать, кто именно поймал сазана, было нетрудно догадаться, кто сазана этого поймал, и Зинаида Ивановна «догадалась»:

- Ты, Серёженька?

- Ну, конечно, бабуля! – лицо Серёгино расплылось в довольной улыбке. – На рыбе хоть и не написано, кто её поймал, но это же сразу件нятно!

После завтрака Пётр Степанович собрался поехать «пошевелить сено», которое он из скошенной травы заготавливал на зиму для коровы Машки, и мальчишки с Пиратом поехали тоже – посмотреть на дедулины заготовки... После обеда, оседлав своих мустангов, мальчишки уже без Пирата рванули на так называемый пляж, где Толик с друзьями зависал в прошлом году, там они купались и дурачились, потом доехали до плотины, потом доехали до того места, где утром ловили рыбу и где Серега поймал здоровенного сазана; там Серёга хотел предложить Толику подрочить, но потом подумал и решил, что лучше они это сделают дома перед сном, лёжа в постелях, и говорить Толику ничего не стал; на обратном пути они еще раз искупались – и вернулись домой аккуратно к ужину; за ужином Толик и Серёга, перебивая друг друга, снова рассказывали бабуле, как они ловили рыбу, как Серёга упал, запрокинув ноги выше головы, как Пират терроризировал дедулю, желая тоже поучаствовать в рыбалке... ужин прошел весело; после ужина, пожелав бабуле с дедулей спокойной ночи, взяв с собой ужин для Пирата, усталые, но вполне счастливые бойскауты отправились на место своей постоянной дислокации, – бесконечно длинный летний день завершился, и...

Серёга планировал перед сном предложить Толику вместе «снять напряжение», как они сделали это вчера, но ранний подъём плюс активная жизненная позиция в течение всего дня поставили на планах Серёги жирный крест: едва голова Серёги коснулась подушки, как Серёга тут же провалился

в сон; Толик, докурив сигарету, вошел в комнату буквально через минуту после Серёги, – Серёга реально спал, лёжа на животе, обняв подушку... секунду-другую Толик смотрел на спящего Серёгу, потом быстро стянул с себя шорты, сунул руку в трусы, потрогал-помял свой член, без всякой конкретной мысли глядя на лежащего Серёгу, и, выключив свет, повалился на постель свою; через минуту Толик тоже спал, успев подумать, что завтра... завтра утром они, как только проснутся...

Утром мальчишки проспали – разбудил Серёгу и Толика Пётр Степанович, присланный Зинаидой Ивановной: завтрак был давно готов, внуки не шли, и Зинаида Ивановна, беспокоясь, не случилось ли что, послала за ними Петра Степановича. Дверь была открыта, Пётр Степанович, зайдя в комнату и обнаружив мальчишек спящими, зычно крикнул:

- Подъём, бойскауты! – глядя, как мальчишки открывают глаза. Пётр Степанович бодрым голосом проговорил: – Вставайте, бойцы! День на улице, а вы спите... поднимайтесь! Завтракать пора...

- Блин! Какой ты, дедуля, горластый... – пробормотал Серёга, сладко потягиваясь под простынёй, он перво-наперво повернул голову, чтоб посмотреть, на месте ли Толик; Толик был на месте.

- Поднимайтесь! – весело произнёс Пётр Степанович, выходя из комнаты.

- Серый... – Толик, удостоверившись, что Пётр Степанович вышел – что он уже во дворе и там разговаривает с Пиратом, откинул в сторону простыню и, оттянув резинку трусов, с улыбкой продемонстрировал Серёге свой напряженно торчащий, ало залупившийся член. – Мой боец приветствует тебя...

- Взаимно! – без малейшего промедления отозвался Серёга и, точно так же откинув в сторону простыню, оттянул резинку трусов своих; член у Серёги

тоже стоял; двумя пальцами, большим и указательным, Серёга оттянул к основанию нежную, как пергамент, кожу, обнажая алую головку.

Лица мальчишек расплылись в улыбках, – лёжа друг против друга в своих постелях, они смотрели то на свои торчащие члены, то на члены друг друга,... они, без малейшего намёка на стеснение показывающие друг другу свои утренние эрекции, своё подростковое возбуждение, весело смотрели в глаза друг другу, и глаза их сияли от ощущения полноты юной жизни: они выпались, дедуля пришел звать их на завтрак, впереди был новый день беззаботного лета, новые дела и новые приключения... что ещё нужно, чтоб быть счастливым? Лежа друг против друга в полумраке комнаты, слыша, как дедуля во дворе что-то ласково втолковывает Пирату, они смотрели друг другу в глаза, и... что-то происходило, невидимое, но смутно осязаемое, ещё непонятное, но уже сладко тревожащее, тёплое, необъяснимо радостное, – мальчишки, сладостно возбуждённые юными стояками, смотрели на напряженные, алыми головками сочно пламенеющие члены друг друга, вопрошающе всматривались в глаза друг друга, и им казалось, что они слышат какую-то новую, ранее неведомую, еще не совсем внятную и оттого непонятную, но уже странно чарующую музыку – манящую, куда-то зовущую...

- Напряжение, – сказал Толик.

- Когда? – спросил Серёга.

- Найдём время, – Толик улыбнулся, решительно убирая свой колом стоящий член в трусы. – Давай, Серый, вставать, а то дедуля опять придёт нас будить.

- Блин, какие они заботливые, наши дедуля с бабулей... никакой личной жизни у внуков нет! – с дурашливой досадой проговорил Серёга; ему, Серёге, хотелось бы снять напряжение вместе с Толиком прямо сейчас, не

вставая с постели, глядя, как это делает Толик, но... во дворе был дедуля, который в любую минуту мог снова зайти в комнату, и Серёга, точно так же спрятав негнувшийся член в трусы, глядя, как стройный Толик, стоя к нему спиной, уже надевает шорты, с тяжелым вздохом поднялся с постели... конечно, они найдут время! – в этом Серёга ни секунды не сомневался.

Время нашлось после обеда... до обеда мальчишки ездили с дедулей на дедулином ретро-мустанге по дальней – хорошей – дороге в райцентр, – ближе к осени, когда не будет так жарко, дедуля планировал перекрыть крышу на сарае, в котором зимовала корова Машка, для чего понемногу запасался разным строительным материалом; в райцентре они втроем съели в кафе по порции мороженого, точнее, одну порцию съел дедуля, а Серёга с Толиком съели по две порции – с малиновым сиропом и с шоколадом, – кафе называлось «Сказка», столики под разноцветными зонтиками стояли прямо на тротуаре, и когда мимо проходила девчонка или несколько девчонок, Серёга и Толик дурашливо переглядывались, мимикой показывая друг другу либо своё восхищение, либо, наоборот, своё разочарование, чем немало веселили Петра Степановича; на обратном пути они снова заехали к приятелю Петра Степановича – не к тому, который в прошлый приезд угощал Серёгу и Толика малиной, а к тому, которого в прошлый приезд не было дома, – на этот раз дедулин приятель был дома, и пока дедуля и его приятель о чем-то разговаривали, Серёга и Толик познакомились с внуком этого приятеля: пацана звали Витей, пацан был примерно того же возраста, что и Серёга с Толиком, но ни Толику, ни Серёге пацан не понравился – был он, во-первых, толстый, а во-вторых, какой-то сонный, неразговорчивый... домой мальчишки с дедулей вернулись аккурат к обеду. А вот после обеда...

Сразу после обеда Серёга и Толик на своих «мустангах» сгоняли на речку – хотели искупаться, но на берегу сидели в плавках два взрослых парня, и, когда Толик с Серёгой остановили своих «мустангов» в нескольких метрах от

них, парни эти, явно пьяные, тут же переключили своё внимание на подъехавших мальчишек.

- Эй, пацаны! Давайте к нам! – гостеприимно махнул рукой один из парней.

- Нам некогда! – громко ответил Толик и, не глядя на Серёгу, чуть слышно проговорил уже для Серёги: – Поедем отсюда...

- Выпить хотите? – другой парень стал приподниматься но, не удержав равновесие, повалился набок.

- Мы не пьём после обеда! – весело отозвался Серёга, вслед за Толиком быстро разворачивая своего «мустанга» на сто восемьдесят градусов.

- А когда пьёте? Вечером? После ужина? – засмеялся один из парней. – Мы можем и после ужина...

- Мы вообще не пьём! И вам не советуем! – крикнул в ответ Серёга.

- Ну, тогда дайте нам на великах прокатиться... чего испугались? Пацаны! А ну стойте! Стойте, кому говорят! У-у-у-у... – пьяные парни, смеясь и улюлюкая, что-то еще кричали мальчишкам вслед, но Толик с Серёгой их уже не слышали: смеясь, они изо всех сил жали на педали, стараясь обогнать друг друга, и всё это было весело и прикольно...

Искупаться на речке не получилось, – мальчишки еще погоняли на «мустангах» по улицам поселка и вернулись домой.

- Надо в душ сходить, освежиться, – проговорил Толик, и, сказав это, он посмотрел на Серёгу вопросительно – посмотрел так, словно от Серёги зависело, надо идти в душ освежаться или не надо.

- Вместе? – отозвался Серёга, вопросительно посмотрев на Толика; если б Толик сказал «пойдём в душ ходим», то было б понятно, что вместе, а «надо

сходить»... до этого они ходили в душ порознь – по очереди, и потому Серёга спросил-уточнил, вместе «надо сходить» или как.

- Ну-да, вместе, – Толик ответил с такой интонацией, словно они уже сто лет ходили в душ вместе, и теперь вдруг это потребовалось уточнить. – А чего здесь такого?

- Да ничего такого... а если кто-то придёт? – проговорил Серёга, почувствовав, как его член в плавках стал медленно наполняться предвкушающей сладостью.

- Кто придёт? – вопросом на вопрос отозвался Толик. – Дедуля сказал за обедом, что после обеда он будет отдыхать... бабуле здесь делать нечего – она тоже не придёт... или ты, может, не хочешь?

- Хочу, – не задумываясь, ответил Серёга.

- Ну, так пойдём! – в голосе Толика прозвучало лёгкое нетерпение.

Секунду-другую мальчишки молча смотрели в глаза друг друга, словно прислушиваясь к чему-то... они оба знали, что сейчас они будут делать в душевой кабинке, они оба хотели этого, члены у обоих уже твердели от предвкушения, наливались зудящей сладостью, и вместе с тем... вместе с тем у обоих было такое чувство, словно они сейчас на глазах друг у друга делать это будут впервые, и чувство это не было чувством смущения или стеснения, а было чувством каким-то новым и потому непонятным, – секунду-другую мальчишки молча смотрели в глаза друг другу, словно каждый пытался увидеть в глазах другого то, что смутно чувствовал сам.

- Пойдём! – прерывая молчание, повторил Толик.

- Пойдём, – эхом отозвался Серёга.

Толик по тропинке зашагал к душевой кабинке, и Серёга, глядя Толику вслед, машинально сдавил, через шорты стиснул свой напряженный член, – Серёга, не двигаясь с места, смотрел на Толика, смотрел, как Толик идёт, как под свободными шортами при каждом шаге едва заметно двигаются круглые булочки Толика, как шевелятся при каждом движении рук загорелые плечи Толика, и... с силой сжимая через шорты свой сладко зудящий стояк, Серега поймал себя на мысли, что, глядя на идущего к душевой кабинке Толика, он, Серёга, думает не о своём предстоящем дроче, не о собственном кайфе, а он смотрит на Толика – он думает о Толяне, и в этом... в этом было что-то новое.

- Ну, ты чего? Идёшь или нет? – оглянулся Толик у входа в кабинку.

- Иду! – отозвался Серёга, и сердце у Серёги отчего-то сладко ёкнуло.

Стоя к Серёге спиной, Толик чуть наклонился, двумя руками сдёрнул с себя шорты, вместе с шортами зацепив трусы, повесил шорты с трусами на крючок и, отведя в сторону брезентовый полог, который заменял дверь, скрылся в душевой кабинке, – подошедший Серёга на какой-то миг замер, застыл в нерешительности, но соседей ни справа, ни слева не было, так что никто посторонний увидеть Серёгин стояк не мог, и Серёга, точно так же сдёрнув с себя шорты вместе с трусами, повесив шорты свои на крючок поверх шорт Толика, шагнул в кабинку...

Кабинка летнего душа, сколоченная из досок, была совсем небольшой, предназначалась она для одного человека, мыться-плескаться двоим в ней было не очень удобно, но... разве мыться они пришли сюда, в эту кабинку летнего душа? Толик стоял к Серёге лицом, и член у Толика тоже стоял, задравшись алой обнаженной головкой вверх, к потолку.

- Вау! – Серёга, скользнув взглядом по напряженному члену Толика, изобразил на лице дурашливое удивление, смешанное с таким же, тоже дурашливым, испугом. – Чем ты тут занимаешься, развратник?

- Тем же, чем занимаешься в душе ты, когда один, – не раздумывая, ответил Толик и, усмехнувшись, посмотрел на торчащий член Серёги; головка Серёгина члена была тоже обнажена.

- Да, но сейчас нас двое, – проговорил Серёга, в свою очередь посмотрев на торчащий член Толика.

- Вот именно! – отозвался Толик.

Секунду-другую они молча смотрели друг на друга, словно прислушиваясь к той новой музыке, которая возникла из ниоткуда, возникла сама собой и теперь неуклонно нарастала, делалась всё отчетливее, всё различимее – сладкая непонятная музыка трансформировалась, преобразовывалась в новое, доселе неведомое ни Толику, ни Серёге желание... вроде всё было то же самое, что уже было дважды: мальчишки были возбуждены, члены у них у обоих стояли, и можно было приступить к тому, ради чего, собственно, они сюда и пришли... всё было то же самое – и вместе с тем всё было по-другому: вечером они дрочили, лежа в своих постелях, они делали это на расстоянии, каждый был сам по себе, то есть в своём мальчишеском удовольствии, даже глядя друг на друга, они были автономны, и единственное, что их объединяло в их совместном дроче – это отсутствие какого-либо предубеждения к своим занятиям, к своей подростковой мастурбации, – вечером, лёжа в своих постелях, они дрочили так, как дрочили дома в одиночестве, никакой музыки еще не было, и трусы они вечером с себя не снимали совсем, а для удобства – для своего удобства, для собственного – лишь приспустили, а теперь они были совершенно голые, и стояли они так близко друг к другу...

- Серый... – чуть слышно произнёс Толик.

- Что? – отозвался Серёга.

- Хочешь потрогать?

Слово «потрогать» прозвучало совсем по-детски, как если бы они, Серёга и Толик, были не взрослыми пацанами-подростками, а маленькими мальчиками, в укромном месте уединившимися для «секретного исследования» своих появляющихся возможностей, но ни Серёга, ни Толик на эту детскость не обратили внимание, – Толик проговорил это чуть слышно, почти шепотом, вопрошающе глядя Серёге в глаза, и тут же, не дожидаясь Серёгиного ответа, сам протянул свою руку вперёд – осторожно коснулся пальцами твёрдого, вверх задравшегося Серёгиного члена; протягивая руку, Толик был почему-то уверен, что Серёга не отстранится, не дёрнется в сторону, не воспротивится этому прикосновению – не отвергнет такое предложение; и он, Толик, в своей уверенности не ошибся, тут же почувствовав пальцы Серёги на члене своём.

Это было новое, ни Серёгой, ни Толиком еще никогда не испытываемое, им обоим доселе неведомое, незнакомое ощущение – держать в руке чужой член, одновременно с этим чувствуя, как чужие пальцы легонько сжимают, стискивают в ответ член твой, – мальчишки, всё так же вопросительно, вопрошающе глядя в глаза друг другу, на какой-то миг замерли, осознавая эти новые для себя ощущения.

- У тебя горячий... – прошептал Серега, нарушая молчание; Толик, не отвечая, легонько двинул по такому же горячему стволу Серёгиного члена пальцами, смещая тонкую нежную кожу на Серёгином члене к основанию, сильнее натягивая уздечку под ало залупившейся головкой, и Серёга, почувствовав, как это движение руки Толика тут же отозвалось хорошо

знакомой сладостью и в самом члене, и в промежности, невольно сжал, стиснул ягодицы, тем самым подавшись по-мальчишески узкими бёдрами немного вперёд – к Толику, к его горячей руке. – Хочешь мне подрочить? – прошептал Серёга, вкладывая в вопрос, обращенный к Толику, своё собственное желание.

- А ты хочешь? – точно так же, шепотом, отозвался Толик, и было непонятно, что именно он уточнил: хочет ли Серёга ему, Толику, подрочить, или хочет ли Серёга, чтобы он, Толик, ему, Серёге, подрочил тоже?

- Хочу! – не задумываясь, выдохнул Серёга.

- Ну, давай... ты мне, а я тебе! – чуть слышно проговорил Толик, и в голосе Толика отчётливо прозвучало нетерпение; он отступил от Серёги на полшага назад, чтобы дать большую свободу рукам для их взаимного танца.

Члены у обоих мальчишек, стоящих друг против друга, были твёрдые, горячие... пятнадцатисантиметровые члены у обоих не просто были напряжены, а задирались алыми головками вверх, так что требовалось некоторое усилие, чтобы придать членам горизонтальное положение или, тем более, нагнуть члены головками книзу; яички в мошонках, как это часто бывает при сильном возбуждении, подтянулись вверх, и сами мошонки, тоже подтянувшиеся, потемневшие от избытка пигментации, превратились в небольшие полукруглые мешочки; Толик держал член Серёгин так, как он держал при дрочках член свой, то есть держал тремя пальцами, только теперь указательный и средний пальцы были сверху, а большой палец находился снизу, аккуратно под уздечкой; и Серёга тоже обхватил член Толика пальцами точно так же, как при дрочках обхватывал член свой: отведя три пальца в сторону, Серёга большой и указательный пальцы сомкнул вокруг члена Толика в виде кольца... мальчишки, стоящие друг против друга – вопрошающе глядя друг другу в глаза, сначала осторожно, словно пробуя-

испытывая этот новый для себя формат дочки, раз-другой двинули пальцами на стволах друг друга, невольно прислушиваясь к новым ощущениям... всё было ок, и они, голые, стоящие друг против друга в кабинке летнего душа, уверенно задвигали, затащивали руками, протянутыми друг к другу...

В принципе, это был тот же самый дроб, привычный и сладкий, когда тонкая нежная кожа, эластично обтягивающая негиблемо твёрдый ствол, с разной степенью интенсивности перемещается вдоль ствола, двигается туда-сюда, от головки к основанию, и крайняя плоть, обрамляющая головку у основания, то раскатывается по верхней части ствола, удаляясь от головки, то, сворачиваясь в окаймляющий рубчик, снова возвращается к головке, уже не алой, а потемневшей, сочно налившейся багрянцем... и Толик, и Серёга уже столько раз делали это – «гоняли шкурку на стояке», что давно бы сбились со счёта, если б вздумали считать-учитывать все разы, и в этом смысле это был самый обычный дроб, давно освоенный, привычный и сладкий... и в то же время это был необычный дроб, потому что оба они – и Серёга, и Толик – впервые дробили не себе, а д р у г о м у, – стоя в кабинке летнего душа – привычно двигая руками, мальчишки молча дробили друг другу, и это... по способу получения наслаждения и форме достижения оргазма это была всё та же мастурбация, но мастурбация подразумевает самоудовлетворение, а Серёга и Толик удовлетворяли друг друга, и потому это уже никак не могло быть обычным самоудовлетворением – форма и содержание явно не стыковались, противоречили друг другу; конечно, отдавая приоритет форме, это можно было бы назвать мастурбацией взаимной, но взаимная мастурбация – это, опять-таки, уже никакое не самоудовлетворение, «когда тихо сам с собою», – мальчишки, сопя и содрогаясь, молча, с упоением дробили друг другу, и... такая в з а и м н о с т ь неизбежно наполняла старую форму новым содержанием, а это был уже другой, совсем другой

способ получения наслаждения и другая, совсем другая форма достижения оргазма, – в этом-то и была необычность обычного, была новизна: чувствовать на своём члене чужие пальцы, ощущая при этом пальцами своими чужой член...

Впрочем, ни Толик, ни Серёга, стоящие в кабинке летнего душа, совершенно не думали о том, почему такая мастурбация уже не могла быть мастурбацией в том смысле, в каком называют самоудовлетворения, – мальчишки драчили друг другу, и это было совсем другое, новое... глядя то на свой член, сжимаемый не своими пальцами, то на свои пальцы, сжимающие не свой член, осмысливая эту новую близость, возникшую между ними, они, энергично двигая руками, протянутыми друг к другу, то и дело смотрели в глаза друг друга, словно каждый во взгляде другого старался увидеть отблеск собственных ощущений...

- Приятно? – спросил-выдохнул Толик, ритмично двигая правой рукой.

- Да, – выдохнул-ответил Серёга, точно так же ритмично двигая правой рукой своей. – А тебе?

- И мне... кайф! – отозвался Толик.

Музыка, еще утром возникшая из ниоткуда и потом весь день нарастающая, куда-то зовущая, чуть приглушилась, достигнув цели, – древняя, как сама жизнь, музыка эта весь день подталкивала мальчишек друг к другу, на пути их взросления обещая им новые, еще неиспытанные ими, неведомые им наслаждения... и Серёга, и Толик, оба голые, стоящие друг против друга в кабинке летнего душа, кайфовали не просто от дочки, а кайфовали от дочки в з а и м н о й – они кайфовали от осознания, что они в м е с т е, что наслаждение у них о б щ е е, что это общее наслаждение с каждой минутой всё крепче и крепче соединяет их узлами какой-то другой, новой и

сладостной, дружбы... впрочем, ни Толик, ни Серёга об этом не думали – они это чувствовали-осознавали, глядя друг другу в глаза...

- Толян... – Серёга, прекратив двигать рукой, обхватил член Толика ладонью, несильно сжал твёрдый горячий ствол, так что напряженный член Толика оказался в плену Сёрегина кулака. – Хочешь, чтоб было ещё приятней?

- Хочу, – коротко отозвался Толик, остановив руку свою – вопросительно глядя на Серёгу.

- Давай ладони намылим... я так дома делаю, когда душ принимаю, – Серёга взял с узенькой полочки мыло. – Погоняем лысых кулаками...

- Давай... погоняем лысых кулаками, – тихо рассмеялся Толик; он поднял вверх руку – открыл кран, и на мальчишек сверху ударили упругие струи горячей воды. – А ты, когда душ принимаешь, всегда дрочишь?

- Ну, не всегда, конечно, но часто... по обстоятельствам, когда как, – улыбнулся Серёга, намыливая ладонь правой руки. – На, мыль тоже, – Серёга протянул мыло Толику. – А ты в ванной разве не дрочишь?

- Дрочу, – отозвался Толик; он отвел руку с намыленной ладонью в сторону, чтоб вода, льющаяся сверху, не смывала мыло, и, снова подняв другую руку вверх, закрыл кран. – Ты, блин, прикольно сейчас сказал...

- Про что? – Серёга, вновь протянув свою правую руку к Толику, обхватил мыльной ладонью твёрдый горячий Толиков член.

- Про «погоняем лысых кулаками», – Толик, точно так же обхватив намыленной ладонью член Серёгин, снова тихо рассмеялся. – Я такое ещё не слышал... сам придумал?

- Нет, – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся в ответ. – У нас в классе есть пацан один, мы называем его Профессор. Он на одни пятёрки учится, во всех школьных олимпиадах участвует, и вообще весь такой положительный... но суть не в этом. У этого пацана лицо такое... белое-белое лицо – словно мукой присыпано...

- Альбинос? – перебил Толик.

- Да фиг его знает! В школе его все знают и еще называют Бледнолицым. Ну, и вот... он, допустим, стоит на перемене в коридоре, а к нему подходят старшеклассники и говорят: «Профессор, ты сегодня какой-то бледный... опять всю ночь лысого гонял под одеялом?» – спросят так и ржут. И так постоянно – всё время про лысого у него спрашивают, прикалываются... или, допустим, он на перемене зайдёт в туалет, чтоб отлить, а там эти старшеклассники тусят, и тоже прикалываться начинают: «Профессор, покажи нам лысого! Он тоже белый – бледнолысый?» – спросят так и ржут... постоянно пристают с такими вопросами – всё время прикалываются!

- А что – у него, у пацана этого, писюн реально белый? – спросил Толик.

- Я не знаю. Я же не видел, какой у него писюн, – отозвался Серёга.

- А я видел однажды, как старшеклассник дрочил в туалете – гонял лысого, – Толику явно понравилось Серёгино выражение «гонять лысого».

- На перемене? – уточнил-удивился Серёга.

- Зачем на перемене? На переменах в туалете полно пацанов... он во время урока дрочил, когда в туалете никого не было... я, короче, на уроке отпросился в туалет, захожу, а там стоит десятиклассник – типа тоже отливает. У нас унитазаы отделены друг от друга перегородками, то есть такие типа кабинки, но дверей нет – просто небольшие перегородки, и всё...

- У нас в школьном туалете тоже так, – перебил Серёга Толика. – И что? Ты заходишь...

- Я заскакиваю, а пацан этот, десятиклассник, стоит ко мне спиной – типа отливает. А я, когда мимо него проходил, непроизвольно скосил взгляд, а у него стояк... ну, то есть, я увидел мельком только раздувшуюся головку тёмно-красную, какой она становится, когда дрочишь... ну, и вот: я отливаю, а пацан просто стоит – и не ссыт, и не уходит... ну то есть, он явно ждал, когда уйду я. Я ещё специально помедлил – отлил и тоже минуту или две постоял, брюки застёгивая, заправляя в брюки рубашку, и пацан этот тоже стоял, не уходил – ждал, когда я уйду... ну, я ушел, а он остался...

- Так ты не видел, как он дрочил? – уточнил Серёга.

- Ну, он же не мог при мне дрочить – гонять лысого! – хмыкнул Толик. – Я только видел, что у него стояк. И он явно стоял и ждал, когда я уйду... видимо, тоже отпросился на своём уроке типа в туалет, а сам...

- Отпросился, чтоб сбросить напряжение, – рассмеялся Серёга. – Дурак какой-то... разве нельзя этим дома заняться?

- Ну, фиг его знает! Может, дома у него нет такой возможности... или, может, ему так сильно захотелось, что он не мог дотерпеть до дома... во время уроков в туалете нет никого – вот он этим и воспользовался... дурак, конечно!

Мальчишки, разговаривая – рассказывая свои школьные истории, так или иначе связанные с сексом – одновременно, чтобы руки не пребывали в тупом застое, легонько тискали, сжимали мыльными ладонями напряженные члены друг друга, чувствуя, как даже эти лёгкие прикосновения отзываются и в самих членах, и в промежностях приятной сладостью.

- Приятно? – спросил-уточнил Серёга, глядя Толику в глаза; это был риторический вопрос – об этом можно было бы не спрашивать, но Серёге вдруг захотелось, чтобы Толик ответил на этот риторический вопрос.

- Да! – односложно выдохнул-ответил Толик, глядя в глаза Серёге. – А тебе?

- И мне... мне тоже приятно! Давай... делай, как я, – проговорил Серёга, глядя то на член Толика, то на член собственный.

Это была совсем другая техника дроба – теперь не пальцы, точечно сжимающие члены, гоняли-двигали тонкую кожу вдоль стволов, скатывая-раскатывая по стволам крайнюю плоть, а вдоль стволов, от багрянцем пламенеющих головок до самого основания, до кустистых лобков, двигались намыленные ладони, свёрнутые в кулаки, и кулаки эти не сжимали стояки, а именно скользили вдоль стояков, задевая крайнюю плоть и уздечки, – члены как бы входили в кулаки, скользили в кулаках, и это было не менее приятно, чем предыдущая техника.

- Серый, подожди... просто поддержи руку, не двигай рукой, – прошептал Толик, нарушая молчаливое – своё и Серёгино – сопение. – Я тебя в кулак потрахую...

Серёга, не разжимая ладонь – не выпуская член Толика из кулака, послушно остановил движение своей правой руки, и Толик, выпустив из своего кулака Серёгин член, тут же обе руки положил Серёге на бёдра, – обхватив ладонями Серёгины бёдра, Толик для удобства чуть раздвинул, расставил в стороны ноги и, как бы примериваясь, раз-другой двинул бедрами своими навстречу Серёгиному кулаку.

- Опусть руку чуть ниже, – прошептал Толик, подбирая оптимальное сочетание кулака и члена.

Серёга опустил кулак с членом Толика чуть ниже, и Толик, держа Серёгу ладонями за бёдра, ритмично задвигал, заколыхал бёдрами своими, вгоняя свой мыльный стояк в мыльный Серёгин кулак... это уже был не просто дроб, а это было что-то другое – совершенно новое! Член скользил в кулаке взад-вперёд, натянутая уздечка тёрлась о Серёгины пальцы, крайняя плоть не раскатывалась по стволу, как при обычном – сухом – дробе, но тоже двигалась, задеваемая пальцами, и ощущение было такое, как будто член скользит в горячей отверстии, – глядя Серёге в глаза, Толик с наслаждением двигал задом, сладострастно сжимая, стискивая ягодичицы...

- Классно? – прошептал-спросил Серёга, глядя, как Толик двигает членом в его кулаке.

- Да... офигенно! – отозвался Толик.

- Давай, теперь я... я тоже так подрочу... – Серёга разжал кулак, и член Толика, дёрнувшись, тут же задрался обнаженной вишнёвой головкой вверх.

- Давай... – Толик, левую руку положив Серёге на плечо, ладонью правой руки обхватил Серёгин член, и Серёга, точно так же взяв толика за бёдра, точно так же раздвинув, для удобства пошире расставив ноги, задвигал, заколыхал задом, вгоняя свой член в кулак Толика...

Мальчишки экспериментировали... оказалось, что даже в таком формате, как простой дроб, можно придумывать разные конфигурации, и Серёга, погоняя свой член в неподвижном кулаке Толика, попробовал использовать кулак Толика по-другому: держа ладонями Толика за бедра, Серёга стал ритмично двигать-дёргать Толика на себя – Толик, послушно подчиняясь Серёгиным ладоням, сжимающим его бедра, вместе с правой рукой, в которой был член Серёгин, задвигался, заколыхался задом взад-вперёд, и получилось, что Серёга не сам вгоняет член в кулак, а наоборот: он, Серёга, рывками

натягивает, насаживает скользящий кулак Толика на свой колом стоящий член... так тоже было классно – и прикольно, и приятно! Потом так попробовал Толик, натягивая на свой член кулак Серёгин. Потом они снова драчили друг другу... сладостное наслаждение плавилось у мальчишек и в самих членах, и в промежностях – оно то отступало и как бы притуплялось, уходило в засаду, то нарастало вновь, готовое в любой момент взорваться сладчайшими оргазмами...

Первым почувствовал приближение оргазма Толик, – дёрнув задом назад, рывком выдернув свой член из мыльного Серёгина кулака, Толик одновременно соскользнул кулаком с члена Серёги, освободившейся ладонью обхватил член свой, сжал его, натягивая уздечку, пальцы другой руки сунул себе между ног, вдавил подушечки пальцев в набухшую, огнём пылающую промежность... всё это Толик проделал молниеносно, буквально в одну секунду, и уже в следующую секунду, с силой сжимая, стискивая ягодицы – непроизвольно подавшись пахом вперёд, в сторону Серёги, четырнадцатилетний Толик выпустил длинную перламутровую струйку... Серёга, едва Толик освободил его правый кулак от члена, а его член от кулака, проделал практически то же самое – обхватил ладонью член свой, сжал его в кулаке, стремительно сунул кисть левой руки себе между ног, коснулся, как это делал он часто, подушечкой указательного пальца туго сжатой дырочки девственного ануса, и – в тот момент, когда сперма Толика ляпнулась чуть ниже пупка ему на живот, выпустил в сторону Толика струйку свою... то ли ему, Серёге, нужно было тоже выгнуться в сторону Толика, то ли Серёгин выстрел на этот раз оказался слабее, чем у Толика, а только Серёгина струйка, не долетев ответно до живота Толика, спикировала вниз – ляпнулась на ногу Толика чуть выше колени, – мальчишки, сжимающие в мыльных кулаках свои члены, смотрели друг на друга, тяжело дыша...

Какое-то время они молчали, – глубоко дыша приоткрытыми ртами, они молча смотрели друг на друга, чувствуя, как их подростковые, но от этого не менее сладкие оргазмы медленно испаряются, а напряжение сменяется лёгкой и приятной опустошённостью...

- Серый... – нарушая молчание, негромко проговорил Толик; он на секунду опустил взгляд вниз, посмотрел на свой член, потом посмотрел на член Серёги и, снова вскинув взгляд вверх, посмотрел Серёге в глаза. – Тебе понравилось?

- А тебе? – чуть помедлив, произнёс Серега, глядя в глаза Толику; ему, Серёге, понравилось, и даже очень понравилось; так что можно было об этом даже не спрашивать, это было очевидно, и Толяну тоже понравилось, в чём Серёга нисколько не сомневался, но почему-то хотелось услышать это друг от друга – хотелось, чтоб это было сказано, произнесено, зафиксировано вслух.

- И мне... мне тоже понравилось, – Толик улыбнулся. – Ты классно дроишь, мой младший брат!

- Ты тоже... тоже дроишь классно, мой старший брат! – в ответ улыбнулся Серёга.

Конечно, всё получилось классно! И дело было не только в сладостных оргазмах, которые сами по себе являются квинтэссенцией земного удовольствия, – дело было ещё и в том, что музыка... это только казалось и Толику, и Серёге, доселе не имевшим никакого – ни душевного, ни физического – опыта однополости, что непонятная, куда-то зовущая музыка возникла из ниоткуда, – вечная музыка, вдруг зазвучавшая для этих мальчишек, самым естественным образом родилась-возникла из их открытого всем ветрам взросления, из их взаимной симпатии, быстро

сделавшей их друзьями, из их совместного времяпрепровождения... слишком много факторов, органично дополнивших друг друга, сошлось-переплелось для того, чтобы вечная музыка неизбежно родилась-возникла, и она, эта музыка, в юных сердцах и Серёги, и Толика проснулась и зазвучала – поманила-позвала их навстречу друг другу, чтоб они вместе открыли и для себя, и друг для друга ранее неведомый им мир... миллионы мальчишек во все времена на всех континентах открывали для себя этот мир взаимного притяжения, миллионы мальчишек на всех континентах открывают этот мир сегодня, и Толик с Серёгой на этом пути своего стремительного взросления не стали исключением...

- Смотри, блин... – весело проговорил Серега, указательным пальцем показывая на свой живот, по которому медленно стекала перламутровая сперма Толика, – ты на меня кончил...

- Смотри! – Толик, весело глядя на Серёгу, кивком головы показал на свою ногу, по которой стекала к коленке перламутровая сперма Серёги. – Ты на меня тоже кончил...

Мальчишки, глядя друг на друга, весело рассмеялись. Их члены, еще недавно напряженные, стоявшие негибаемо, обмякли – опустились вниз, но не съёжились, не превратились в пипетки, а внушительно висели толстыми сардельками, опустошенные яички в мошонках тоже опустились, и под их тяжестью сами мошонки снова расслабленно провисли – посветлевшая кожа мошонок вновь рельефно выделила, обрисовала крупные пацанячие яички.

- Давай обмываться, – деловито проговорил Толик, поднимая вверх руку, чтоб открыть кран.

- У тебя волосы подмышкой... густые, – проговорил Серёга, скользнув взглядом по руке Толика; естественно, у четырнадцатилетнего Толика были

подмышками волосы, и они были густые, и Серёга это видел раньше, но раньше он не обращал на это никакого внимания, а теперь почему-то внимание обратил – и сказал об этом так, как будто увидел это впервые.

- А у тебя? – отозвался Толик. – Подними руку...

Толик тоже раньше видел, что у Серёги подмышками волосы, но у Толика – точно так же, как и у Серёги – не возникало даже мысли заострить на этом своё внимание: ну, растут и растут... у всех растут! Но теперь что-то изменилось, и вдруг всё это стало для обоих мальчишек интересным, странно волнующим: члены друг друга, волосы на лобках, волосы подмышками... и вообще всё-всё! Улыбки, интонации голоса, выражение глаз...

- У меня волосы тоже растут, но не такие густые, как у тебя... – Серёга послушно поднял руку, показывая Толику свою подмышку.

- Да. Зато у тебя длиннее... – проговорил Толик, рассматривая подмышку Серёги. – У тебя и над писюном волосы тоже длиннее, чем у меня...

Они оба одновременно опустили глаза вниз, рассматривая волосы друг у друга на лобках; действительно, у Серёги волосы были длиннее и росли они на лобке двумя кустиками по бокам от члена, и еще редкие длинные волосы росли по кругу у основания члена, а у Толика волосы росли по всему лобку и они были гуще, но были короче; и ещё у Толика словно была на животе прочерчена ровная горизонтальная линия, выше которой уже не наблюдалось ни одного волоска, живот у Толика был младенчески чист, а у Серёги такой границы не было и редкие волоски уже начинали пробираться по животу к пупку... и еще, если пристально всмотреться, можно было заметить, что член у Толика чуть больше, чем у Серёги, но это если пристально всматриваться, а они всматривались друг в друга равнодушно, пристально, словно только-только познакомились и теперь один одного изучали.

- Ты измерял свой член? – спросил Серёга, глядя на член Толика.
- Нет, – Толик отрицательно качнул головой; он посмотрел на свой член, потом снова перевёл взгляд на член Серёги. – А ты?
- Я тоже нет, – отозвался Серёга. – Надо будет измерить...
- Зачем? – во взгляде Толика отразилось удивление.
- Ну, просто... – Серёга сам не знал, зачем им нужно измерять члены. – Чтоб знать...
- Измерим, если надо... если ты хочешь знать, – Толик рассмеялся, шутливо толкая Серёгу плечом. – Давай обмываться...
- Давай... а то Пират уже волнуется, думает: куда бойскауты пропали? – рассмеялся Серёга, в ответ плечом в плечо толкая Толика.

Дрочить друг другу в кабинке летнего душа было удобно, и даже очень удобно, а вот мыться двоим одновременно было уже тесно: во-первых, под бьющие струи воды нужно было вставать по очереди, и пока кто-то один стоял под душем, кто-то другой в это время не мог даже хорошо намылиться из-за обильно летевших брызг... и всё равно было классно: мальчишки толкались, смеялись, дурачились, стараясь ухватить друг друга за члены, и при этом друг от друга со смехом уворачивались, не давали друг другу это сделать... они, может, так «освежались» бы до самого вечера, но в баке кончилась вода, и водные процедуры пришлось закончить.

Пират встретил «пропавших бойскаутов» радостным вилянием хвоста.

- Ах ты, развратник! – Серега ласково потрепал Пирата за холку, потеревил пальцами у него за ухом. – Ну, Пират, признавайся честно, чем ты тут без нас занимался... а? Мы с Толяном никому рассказывать не будем, это будет наш

общий маленький секрет... колись, Пират, колись! Баловался сам с собой, пока нас не было? Или как?

- Ты, Пират, спроси у Серёги, чем сейчас он занимался... – рассмеялся Толик, закуривая.

- А чем Серёга сейчас занимался? Серёга помогал сейчас брату своему, Толяну, снимать напряжение – Серёга, Пират, нужным делом занимался, полезным... – Серёга, обращаясь как бы к Пирату и говоря о себе в третьем лице, повернул голову в сторону Толика – весело подмигнул Толику. – А вот чем сам Толян занимался во время этой приятной процедуры... спроси, Пират, у Толяна!

- Да-да, Пират, спроси у Серёги, чем занимался Толян в это самое время – кому помогал Толян снимать напряжение...

У мальчишек было отличное настроение – они зубоскалили, смеялись, прикалывались и друг над другом, и над Пиратом, который весело крутил хвостом, не понимая, о чём мальчишки говорят, но при этом отлично чувствуя их настроение... впрочем, это было даже не настроение, а какое-то новое состояние и у Толика, и у Серёги – состояние непонятной, рвущейся наружу радости, когда рядом с тобой тот, которого ты чувствуешь так же, как самого себя, и не нужно о чём-то умалчивать или что-то недоговаривать, не нужно бояться, что скажешь какую-то глупость, что тот, кто рядом с тобой, может тебя не так понять... это было совершенно новое состояние, но ни Серёга, ни Толик не пытались это своё состояние понять – они просто чувствовали, что вместе быть им офигенно приятно... они налили в бак воду, чтобы завтра, как сказал Серёга, «было чем освежаться после трудового дня», они ещё поиграли с Пиратом, потом оседлали своих «мустангов» – погоняли наперегонки по пыльным улицам поселка, совершенно не замечая, что улицы пустынные...

- Я думаю, Серый, что нам пора навестить бабулю с дедулей... ты как считаешь? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Едем! – отозвался Серёга, безошибочно поняв Толика. – Я тоже проголодался.

Они направили своих «мустангов» к дому Зинаиды Ивановны.

- Бабуля! – энергично проговорил Серёга, входя в летнюю кухню, где Зинаида Ивановна, сидевшая за столом, делала салат. – Бойскауты прибыли на ужин!

- Вы ж мои золотые... – лицо Зинаиды Ивановны расплылось в доброй радушной улыбке. – Проголодались?

- Да! – не сговариваясь, одновременно ответили Толик и Серёга и, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

- Сейчас, мои хорошие, сейчас... салат уже готов, сейчас поджарю яичницу, и будем ужинать... минут через двадцать всё будет готово. Зовите пока дедушку – он на хоздворе столярничает.

- Может, бабуля, тебе надо что-то помочь? – деловито проговорил Серёга, глядя по сторонам.

- Что помочь? – не поняла Зинаида Ивановна.

- Ну... может, надо что-то сделать по хозяйству... – Серёга сам не знал, какую помощь они с Толиком могут оказать Зинаиде Ивановне, но Серёгу переполняла энергия, ему хотелось делать что-то хорошее и доброе. – А то мы дедуле всё время помогаем, а тебе ещё ни разу ни в чём не помогли...

- Да, бабуля! Ты говори, если надо что сделать, – поддержал Серёгу Толик.

- Вы ж мои золотые! – с умилением повторила Зинаида Ивановна, любуясь внуками – переводя взгляд с Толика на Серёгу, с Серёги на Толика. – Ничего пока помогать надо... погуляйте двадцать минут, и будем ужинать.

- На меня, бабуля, жарь четыре яйца... или пять, если яйца мелкие, – на всякий случай уточнил Серёга. – На тебя, Толян, сколько?

- Тоже четыре или пять, – не раздумывая, отозвался Толик. – Мне, бабуля, как Серому...

- Мы пока в зоопарк сходим, – проговорил Серёга.

- В какой зоопарк? – глаза у Зинаиды Ивановны сами собой округлились от недоумения.

- Ну, там, где куры... посмотрим, как куры несутся.

- Так они же с утра несутся, – рассмеялась Зинаида Ивановна. – Зоопарк... надо ж такое придумать!

- Ничего я не придумал! – возразил Серега. – Я, когда был в зоопарке, видел там кур – точь-в-точь, бабуля, как у тебя! Ты, Толян, был в зоопарке?

- Был, – Толик кивнул головой.

- Видел там кур?

- Нет, – Толик отрицательно качнул головой. – Из птиц были только орлы, павлины, попугай...

- Ну, зоопарки тоже разные бывают, – проговорил Серёга таким тоном, словно он был во всех зоопарках мира. – Пойдём!

Толик не понял, зачем им нужно идти смотреть на самых обычных кур, но Серёга сказал «пойдём!», и Толик ответил:

- Пойдём! – у Толика было такое настроение, что идти с Серёгой он готов был куда угодно. Впрочем, цель визита «в зоопарк» прояснилась уже в следующую минуту.

- Ты видел, как петух кур трахает? – поинтересовался у Толика Серёга, едва они отошли от летней кухни, где Зинаида Ивановна готовила ужин.

- Ну... видел, – Толик посмотрел на Серёгу с лёгким недоумением. – И что?

- А то! Ты видел, как петух курочке в с т а в л я е т? – напористо проговорил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

Толик почувствовал легкое замешательство... конечно, Толик видел, и даже видел неоднократно, как петух, запрыгнув на курицу, прижав курицу к земле, её, курицу, энергично т о п ч е т, но что и куда он при этом вставляет... об этом Толик никогда не думал.

- Он не вставляет... – неуверенно проговорил Толик.

- Как не вставляет? – живо отозвался Серега. – Все вставляют, а он не вставляет... тогда что получается? Тогда получается, что можно просто поймать курицу, придавить её к земле, помять сверху руками – и она от этого снесётся? Или как?

- Я не знаю... – Толик выглядел озадаченным. – Так, наверное, не получится, чтоб руками яйца делать... ну, то есть, так куры не будут нестись... или как?

- Значит, петух должен курице что-то куда-то всовывать... все всовывают! – убеждённо проговорил Серёга.

- Ну, блин... ты меня, Серый, озадачил! – Толик рассмеялся. – А тебе это зачем? Хочешь петушком поработать?

- Да ну просто интересно... – Серёга рассмеялся вслед за Толиком. – Мне, когда я приехал, а тебя еще не было, дедуля показывал бабулино хозяйство... ну, типа экскурсии – я был типа экскурсантом, а дедуля был гидом. Вот... подошли мы к куриному вольеру, и в это время петух стал курицу трахать. Ну, если б я был один, я бы, конечно, присмотрелся, как у них это происходит – что и куда петух курочке засовывает... но рядом стоял дедуля, и я сделал вид, что мне это совершенно неинтересно. А сейчас вот вспомнил... идём, пока время есть до ужина! Может, понаблюдаем... надо же выяснить этот вопрос!

- Идём! – с готовностью отозвался Толик, которому тоже стало интересно, как это всё происходит у кур.

Утомлённые долгим жарким днем, куры выглядели какими-то заторможенными, сонными; петух смотрелся чуть бодрее, но и он не проявлял ни малейшего сексуального задора, – и петух, и курочки явно не были расположены демонстрацией половых актов удовлетворять здоровую любознательность юных натуралистов.

- Они уже спать собираются, – оценил состояние петуха и кур Толик.

- Конечно, за день натрахались... – хмыкнул Серёга. – Надо будет утром понаблюдать!

- Вы на что там смотрите? – раздался голос Петра Степановича, и мальчишки, невольно вздрогнув, одновременно оглянулись.

- Да вот, дедуля... – Серёга на секунду запнулся, но уже в следующую секунду, глядя на подошедшего Петра Степановича, заговорил бойко и уверенно. – Бабуля нас за тобой послала, чтоб сказать тебе, что сейчас мы будем ужинать. А на ужин сегодня будет яичница, и мы хотели посмотреть, как курочки несутся...

- Да кто ж вечером несётся? – Пётр Степанович от души рассмеялся. – Куры с утра несутся... а сейчас они уже спать готовятся – день их, куриный, уже закончился.

- Понятно, – Серёга кивнул головой – Я Толян тоже так сказал, Ну, что куры несутся только утром. А Толян мне не поверил – говорит: «Пойдём посмотрим – они вечером тоже несутся...»

- Что ты врешь! – Толик, изобразив на лице изумление, рассмеялся. – Сам ко мне пристал: «пойдём» да «пойдём»...

- Вот только не надо, Толя, теперь стрелки на меня переводить! – назидательно проговорил Серёга, придав при этом голосу и лицу максимальную строгость, и только глаза Серёгины, устремлённые на Толика, искрились весёлым смехом.

- Кто переводит стрелки? – неподдельно изумился Толик. – Ты же сам мне сказал...

- Ла-ла-ла-ла-ла-ла! – не давая Толику договорить, «включил глушилку» Серёга и тут же, не делая паузу, резко сменил тему разговора: – Всё, идёмте ужинать!

- Ох, болтуны! – рассмеялся Пётр Степанович. – Идёмте! А то яичница уже, наверное, остывает...

За ужином Серёга и Толиком рассказали, как после обеда они хотели искупаться на речке, но на берегу сидели взрослые пьяные парни, и они, Серёга и Толик, купаться не стали, опасаясь, что, пока они будут нырять и плавать, эти пьяные парни завладеют их «мустангами».

- Это, наверное, Колька Дубцов с дружкой своим был, – предположила Зинаида Ивановна. – Светленький такой?

- Да, один белобрысый был, – подтвердил Серёга, отправляя в рот кусок яичницы.

- Точно он! Хороший был парнишка – добрый, уважительный... я его с малых лет знаю – вместе с его матерью в детском садике работала, когда ещё был у нас детский садик, вместе детишек кормили... – Зинаида Ивановна, вспоминая, улыбнулась. – Колька этот в армии отслужил, вернулся, сразу женился на райцентровской, и лет пять я его не видела... мать его умерла, Колька мать похоронил и пять лет сюда носа не показывал. А этой зимой встречаю его на улице – говорит, что семейная жизнь дала трещину, что работает он... ну, всё время ездит куда-то... как, Пётр Степанович, эта работа называется, когда нужно куда-то ездить? – Зинаида Ивановна вопросительно посмотрела на Петра Степановича.

- Вахта называется. На вахту он ездит, – не задумываясь, отозвался Пётр Степанович.

- Вот... сказал мне Колька, что работает он на вахте и что теперь после вахты он будет приезжать сюда, в Сосновку – здесь будет жить, потому как с женой временно развёлся и теперь его дом здесь... ну, а как приезжает с вахты, так беспробудно пьёт – ходит всё время навеселе... видела б мать его, во что он превратился! – Зинаида Ивановна горестно вздохнула.

- Ну, а чего ему не пить? – проговорил Пётр Степанович. – Заработает – пропьёт. Заработает – пропьёт. Весь смысл жизни в этом... легко живёт!

- Да Колька-то, может, и не пил бы, если б не этот дружок его, который с ним рядом постоянно крутится... вместе работают, вместе пьют... сопьётся Колька! А дружок этот словно бездомный – каждый раз вместе с Колькой сюда, в нашу Сосновку, приезжает. Почему он домой не едет?

- Может, некуда ему ехать... – проговорил Пётр Степанович, докладывая в свою тарелку со стоящей посередине стола сковородки кусок яичницы. – Я спрашивал Кольку, что за друг с ним крутится, и Колька сказал мне, что это его армейский друг – в армии они вместе служили, что он, этот парень, детдомовский, что у него возникли какие-то сложности с жильём и потому он, Колька, его временно выручает... так мне Колька объяснил.

- Так Колька уже лет пять или шесть как с армии вернулся! – резонно заметила Зинаида Ивановна, подкладывая яичницу в тарелку Сереге и в тарелку Толику. – Если он сослуживец Колькин, то за это время можно было и жениться, и ребеночка родить, и с жильём всё порешать, а не болтаться по чужим домам... – в голосе Зинаиды Ивановны послышалось явное неодобрение.

- Ну-да, вот как Колька... – хмыкнул Пётр Степанович. – И женился, и развёлся, и с жильём всё порешал... хорошо, что у Кольки здесь, в Сосновке, дом родительский остался – Кольке было куда приткнуться. А если б не было этого дома? Откуда мы знаем, что там у друга этого за проблемы?

- Ну, и так можно сказать, – согласилась с Петром Степановичем Зинаида Ивановна. – Чужая жизнь – потёмки... может, и правильно это, что Колька помог товарищу. Вот если б только они ещё не пили... жалко мне Кольку – сопьётся он с эти своим товарищем... вот я о чём думаю!

Серёга с Толиком, уплетая яичницу, то и дело накалывая из общей чашки салат, молча слушали про чужую жизнь, которая потёмки, не проявляя к разговору дедули с бабулей ни малейшего интереса, – если б они знали, что им придется ещё соприкоснуться с этой чужой жизнью и, главное, к а к соприкоснуться, они наверняка бы захотели узнать и про Кольку, и про его армейского друга побольше, но... кто знает сегодня, что будет завтра? Уплетая яичницу – слушая вполуха разговор бабули с дедулей, Серёга и

Толик невольно думали о том, что будет вечером у них – после всего того, что было в кабинке летнего душа, – они, сидя за столом, думали об этом независимо друг от друга, и это были даже не мысли, чёткие и конкретные, внятно осознаваемые, и уж тем более это были не планы на вечер, а это были предощущения, предвкушения кайфа... и хотя ни Толик, ни Серёга после совместного дроба в душевой кабинке ни словом не обмолвились о каком-либо продолжении, они оба не сомневались, что продолжение будет, и будет обязательно... да и как могло быть иначе у двух мальчишек, стоящих на пороге своего взросления, когда мир стремительно расширяется, открывается новыми, ещё неизведанными возможностями?

- Ну, всё, бабуля! Надо Пирата кормить... – заторопился Серёга, вставая из-за стола – А то мы поели, а Пират голодный... что на ужин ему сегодня?

- Каша на ужин Пирату будет, – отозвалась Зинаида Ивановна, тоже вставая из-за стола. – Сейчас подогрею чуть, чтоб тёплая была...

- Что вечером делать будете? – закурив – выпустив изо рта клуб сизого дыма, поинтересовался у внуков Пётр Степанович.

- Что мы, Толян, сейчас делать будем? – Серёга посмотрел на Толика и, не дожидаясь ответа, озвучил для дедули свою версию: – Для начала мы покурим... потом, как Пират поужинает и Толян помоеет его миску, мы ещё раз покурим – уже втроём... у Пирата своих сигарет никогда не бывает, и он постоянно стреляет у нас... курить-то хочется! Потом, когда мы покурим...

- Я про курево вам говорил, – перебил Серёгу Пётр Степанович. – Толик, ты слышишь меня?

- Да он всё врёт! – засмеялся Толик, метнув взгляд в сторону подходящей к столу Зинаиды Ивановны.

- Вот так ты, Толян, всегда! Никогда правду не скажешь, – Серёга изобразил на лице лёгкую досаду; к столу подошла Зинаида Ивановна, и Серёга, помня о том, что Толик просил дедулю не говорить бабуле, что он курит, тут же сменил тему – деловито поинтересовался:

- Какие, дедуля, планы на завтра?

- Поеду ещё покошу траву на сено – надо на зиму корм заготавливать для живности. Да надо проверить готовые стожки... может, пора их перевозить домой, – планы у Пётра Степановича были простые, крестьянские. – А вы чем будете завтра заниматься? Есть какие-то планы у вас? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

Толик хотел пожать плечами – хотел сказать, что они, он и Серёга, ещё не знают, чем они будут заниматься завтра, но не успел ни пожать плечами, ни ответить – его опередил Серёга:

- Мы завтра поищем место на речке, где можно будет купаться спокойно... без ваших местных алкоголиков, – мысль эта пришла в голову Серёге спонтанно, и Серёга эту мысль тут же озвучил. – Да, Толян? Мы так сегодня с тобой планировали? – Серёга посмотрел на Толика, и, хотя ничего подобного они не планировали и даже об этом не разговаривали, Толик, подтверждая, кивнул головой, в очередной раз мысленно удивляясь, как ловко Серёга может врать.

- Вот это правильно! – одобрила план внуков Зинаида Ивановна.

Пожелав бабуле и дедуле спокойной ночи, взяв кастрюлю с кашей для Пирата, Толик с Серёгой весело пошагали к месту своей «постоянной дислокации»; еще не стемнело, но воздух уже серел, наливался вечерними сумерками; было душно и тихо – так тихо, что, казалось, звенит в ушах.

- Прикинь, какая здесь глушь... где-то сейчас движуха кипит, а здесь, как в дикие времена, даже интернета нет – никому мы не можем лайк поставить, – негромко проговорил Серёга.

- Не знаю... мне здесь нравится, – так же негромко отозвался Толик.

- Это потому, что мы вдвоём... тебе нравится здесь, потому что здесь я, вдвоём прикольно, – пояснил Серёга. – А если б ты был один... что бы ты делал здесь один?

- Ну, я рыбалку люблю – на рыбалку ходил бы... фиг его знает, что бы я делал один, но мне всё равно здесь нравится... сейчас нравится, – Толик посмотрел на Серёгу. – А если бы я не приехал, что делал бы ты здесь один?

- Я бы уже повесился, – рассмеялся Серёга. – А сейчас мне здесь тоже нравится...

- Это потому, что здесь я – что мы вдвоём, – рассмеялся Толик, повторив уже сказанное Серёгой.

- Да, вдвоём классно, – Серёга кивнул головой.

Они могли бы сказать друг другу всё то же самое библейскими словами, процитировав мудрого Екклесиаста: «Двоим лучше, нежели одному...» – мог бы сказать Серёга или Толик, и Толик или Серёга мог бы сказать в ответ: «Также, если лежат двое, то тепло им...» – но они, Серёга и Толик, понятия не имели ни о царе Соломоне, ни о его словах, мудрость которых пережила тысячелетия, и потому они сказали практически то же самое, что говорил Екклесиаст, но только сказали это своими словами, – не проговаривая вслух, они оба после всего того, что было в кабинке летнего душа, уже чётко осознавали, понимали-чувствовали, что л е ж а т ь в д в о ё м в одной постели будет намного приятнее, чем лежать в своих постелях порознь, как

это было перед сном прошлым вечером; дроб взаимный был круче дроба совместного, и потому они оба, не сговариваясь, не говоря об этом вслух, твёрдо знали, чем они займутся, покормив Пирата, и это знание у обоих мальчишек уже начинало понемногу реализовываться в виде ещё не вспыхнувшей, но уже ощущаемой, уже предвкушаемой сладости между ног... музыка, еще недавно смутная и непонятная, куда-то зовущая, теперь звучала совсем по-другому – она, эта музыка, всё так же звала, но теперь звучала чётче и увереннее, звучала победно, обещая юным неопитам новые открытия и новые, ещё не изведанные ими наслаждения...

Бывает так, что трудно сделать первый шаг, и человек – подросток или парень, уже осознавший свои устремления – томится от ложного ощущения несбыточности своих сокровенных желаний, мается душой и телом, нерешительно топчется на месте, боясь открыться, страшась быть осмеянным или «опозоренным», – у Серёги и Толика всё случилось само собой, произошло спонтанно, без изнуряющих сомнений и ожиданий, и потому у них не было никаких оснований останавливаться на полпути... вперёд, только вперёд – к новым открытиям, к новым достижениям на пути постижения себя и мира!

Пират, ещё не видя Серёгу и Толика, но чутким ухом уже улавливая их приближающиеся шаги, заблаговременно закрутил-завертел хвостом, и когда мальчишки возникли в проёме калитки, запрыгал, заприседал от счастья.

- Проголодался... – Серёга потрепал Пирата за шею. – Сейчас ужинать будешь... а то дедуля с бабулей уже поужинали, а ты до сих пор голодный... так бы и лёг спать голодным, если б не мы, твои верные друзья... – приговаривая, Серёга перекладывал кашу из кастрюли в миску Пирата, и, пока он это делал, отошедший в сторону Пират внимательно смотрел, как Серёга наполняет его миску. – Всё, Пират, ужинай! – проговорил Серёга, но

Пират, глядя то на миску, то на Серёгу, не двинулся с места. – Вот же ты... капризный какой! – рассмеялся Серёга, отходя в сторону. – Ешь...

Пират ел с аппетитом, но при этом ел не жадно, неторопливо, и Серёга с Толиком, перебрасываясь пустыми, ничего не значащими словами, терпеливо ждали, когда Пират опустошит свою миску; наконец, облизываясь, Пират отошел от пустой миски в сторону, глядя на мальчишек – чуть помахивая из стороны в сторону хвостом.

- Толян... – Серёга толкнул коленкой коленку Толика, – видишь, Пират на тебя смотрит – он поел и теперь хочет покурить после ужина, как дедуля... не жмись – дай ему сигарету!

- Серый, ну ты придурок! – Толик тихо засмеялся, в ответ толкая коленкой коленку Серёги. – Пират поел и теперь хочет, чтоб ты налил ему в миску воды... видишь, он на тебя смотрит!

- Вот так всегда! Как только надо сделать что-то полезное или нужное, так сразу Серёга... без Серёги никуда! Да, Пират? Правильно я говорю?

Пират в ответ на Серёгины слова закрутил хвостом, словно таким образом подтверждая правоту Серёгиных слов, и Серёга в миску, которую Пират вылизал так, что мыть её было не нужно, налил холодную воду, говоря при этом:

- Всё, Пиратик! Мы с Толяном уходим спать, а ты напейся и до утра не смыкай глаза – охраняй наш покой... правильно, Толян, я говорю?

- Правильно! – кивнул Толик, чувствуя, как член у него в плавках начал медленно тяжелеть, сладко напрягаться; у Серёги член в плавках тоже полустоял, и точно так же приятная сладость предвкушения уже ощущалась, тлела в промежности, готовая вспыхнуть огнём в любое мгновение.

В комнате было чуть прохладнее, чем на улице, и всё равно было душно, – Серёга, включив свет, посмотрел на Толика:

- Дверь будем закрывать?

- Не знаю... душно будет, – отозвался Толик. – Да и кто сюда придёт? Дедуля, наверное, уже спит... и Пират лежит на пороге – нас охраняет... я думаю, пусть дверь будет открытой.

- Ну, тогда я свет выключаю? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика, уже стоявшего у своей постели.

- Выключай, – коротко ответил Толик.

Серёга щелкнул выключателем, и комната погрузилась в непроницаемую тьму.

- Блин, надо будет у бабули какой-нибудь ночник спросить, чтобы чуть подсвечивал... да?

- Боишься? – тихо засмеялся Толик.

- Чего мне бояться? – проговорил в темноте Серёга, сунув руку в трусы – сжав стремительно твердеющий член.

- Завтра спросим ночник... надо не забыть, – отозвался в темноте Толик, и Серёга, медленно продвигаясь в темноте к своей постели, услышал, как скрипнули под Толиком пружины матраса – Толик лег в свою постель.

Серёга остановился у постели своей, – снял шорты и, сунув руку в трусы – снова сжав, стиснув в кулаке напряженный горячий член, замер, не зная, лечь ему или как... на какой-то миг возникло странное ощущение неуверенности, незнания, что делать дальше, – казалось бы, после всего того, что было в душевой кабинке, никакого непонимания между ними, между

Серёгой и Толиком, быть не может, и весь день было понятно, что они будут делать ночью, весь день никаких сомнений на этот счёт не было, потому что глупо было бы отказываться от новых, перед ними открывшихся возможностей, ещё большей глупостью был бы отказ от новых сладостных ощущений, и тем не менее... на какой-то миг у Серёги возникло ощущение, что нужно всё начинать сначала – словно не было ничего ни в кустах смородины у туалета, ни в этой комнате, ни в душевой кабинке... странное это было ощущение! Всё было понятно, и в то же время... он, Серёга, который не лез за словом в карман, который везде и во всём демонстрировал свою уверенность, вдруг застыл в нерешительности; то есть, в том, что в с ё б у д е т, никаких сомнений у Серёги не было, но вот как начать, как приступить, что и как теперь надо сказать? И потом... что означает «всё»? «Всё будет» – что именно должно быть? Друг другу они уже драчили...

- Серый... – нарушая молчание, тихо произнёс в темноте Толик. – Ты уже лёг?

- Нет ещё... – так же тихо произнёс Серёга и, как это нередко у него бывало, тут же проговорил, произнёс вслух то, что вертелось у него в голове: – Мне к тебе ложиться? Или ты ко мне ляжешь?

- Мне без разницы, – почти сразу же, без заминки отозвался Толик, который думал о том же самом, о чём думал Серёга. – Ложись ты ко мне...

Повторять два раза было не нужно: Серёга, движимый уже разгоравшимся возбуждением, пересёк в темноте небольшое пространство, и ноги его упёрлись в край тахты, на которой лежал Толик; рука Серёгина опустилась вниз, в темноте коснулась живота Толика, пальцы невольно скользнули в сторону ног, наткнулись на руку Толика, скользнули по поднятым вверх трусам, – Толик лежал на спине, сжимая в ладони, сунутой в трусы, свой напряженный член...

- Подвигайся, – прошептал Серега, и Толик молча, с готовностью откатился к стенке, одновременно поворачиваясь набок, чтоб быть к Серёге лицом; Серёга на ощупь сел на край тахты и тут же, не раздумывая, оторвав от пола ноги, легко повалился набок – лицом к Толику.

В комнате было темно, так что они не видели друг друга, но они лежали в одной постели, каждый чувствовал на своём лице дыхание другого, их коленки соприкасались, и ощущение физической близости, осознание отсутствия каких-либо преград на пути к кайфу наполняло их, двух мальчишек, пьянящей музыкой свободы... скользнув ладонью по бедру лежащего на боку Толика, Серёга на мгновение задержал ладонь у Толика на животе, и тут же его ладонь вскользнула Толику в трусы, – Серёга обхватил пальцами напряженный горячий член, одновременно чувствуя, как Толик проделал то же самое – пальцы Толика обвили, обжали напряженный член Серёги, такой же горячий и твердый, и мальчишки, секунду-другую помяв-потискав друг у друга колом стоящие стояки, медленно задвигали руками, залупая на членах сладким зудом наполненные головки... они, лежа друг против друга, не видя друг друга, ничего друг другу не говоря, какое-то время ритмично дрочили друг другу, ощущая лицами дыхание друг друга, чувствуя нарастающее наслаждение, но трусы, до сих пор не снятые, сковывали движения рук, трусы явно мешали, и Толик, остановив свою руку, нарушая молчание, тихо проговорил в темноте:

- Серый... давай трусы снимем...

- Давай... – отозвался в темноте Серега, выпуская из кулака член Толика; он, Серёга, хотел сказать Толику то же самое, но Толик его опередил – сказал про мешающие трусы первым; они сдёрнули с себя трусы, сняли их совсем, и это тут же возникшее ощущение абсолютной, уже ничем не стесняемой наготы было новым, еще более возбуждающим; конечно, совершенно

голыми они были в душевой кабинке, но в душевой кабинке быть голым было привычно, нагота в душевой кабинке была банальна, а теперь они, совершенно голые, возбуждённые, лежали в постели, и это было совершенно иное ощущение наготы – это было ощущение своей собственной свободы и вместе с тем упоительное ощущение безграничного доверия к тому, кто лежал рядом... они, побросав снятые трусы на пол, снова обхватили кулаками торчащие члены друг друга; какое-то время в темноте слышалось лишь горячее сопение: мальчишки, лежа друг против друга, ритмично драчили друг другу горячие напряженные члены, время от времени непроизвольно вздрагивая ногами, сжимая, стискивая от наслаждения ягодицы, – хорошо знакомая сладость полыхала в промежностях, в туго стиснутых девственных анусах, в залупающихся от ритмичного движения рук головках...

- Толян... давай свет включим, – не прекращая двигать рукой, проговорил-выдохнул Серёга, вдруг подумавший, что он хочет не просто дрочить Толику, одновременно с этим ощущая-чувствуя, как Толик дрочит ему, а хочет видеть Толика, видеть его лицо, выражение его глаз, хочет видеть руки, ритмично скользящие по стволам, видеть члены, сжимаемые в кулаках... темнота всё это скрывала от глаз, и у Серёги на какой-то миг возникло ощущение неполноты удовольствия. – Включить свет?

- Зачем? – отозвался Толик.

- Ну... чтобы видеть друг друга... я хочу тебя видеть, – произнёс в темноте Серёга, и Толик тут же почувствовал, что он тоже... тоже хочет Серёгу видеть!

- Включай... я тоже хочу тебя видеть, – произнёс Толик, выпуская из кулака Серёгин член. – Только шторы на дверях плотно закрой, чтоб комары не летели.

Серёга легко соскочил с тахты, в темноте пересёк комнату, щелкнул выключателем – в комнате вспыхнул свет; голый, по-мальчишески стройный Серёга с возбуждённым, задраным вверх залупившимся членом, уже повзрослому крупным, выглядевшим внушительно на фоне ещё подросткового тела, невольно улыбнулся Толику, тоже голому, возбуждённому, лежащему на постели с точно таким же не по-детски крупным, багрово залупившимся членом, готовым к продолжению ласк... сладостное предвкушение полыхало, плавилось в юных телах мальчишек!

- Толян... – прошептал Серёга, скользя взглядом по лежащему на постели Толику.

- Что? – отозвался Толик, в свою очередь скользя взглядом по стоящему у дверного проёма Серёге.

- Ты готов, мой брат? Ты меня ждёшь? – растягивая слова, игриво проговорил-прошептал Серёга, одновременно с этими словами сжимая свой направленный в сторону Толика напряженно залупившийся член.

- Шторы закрой на дверях, – тихо проговорил Толик, с улыбкой глядя на Серёгу.

- Вот ты, блин, любишь командовать, – Серёга произнёс это с такой интонацией, как будто Толик командовал постоянно, а он, Серёга, эти команды был вынужден постоянно выполнять. – Ты не ответил мне... – Серёга быстро задёрнул дверные шторы, расправил их по краям и по центру, чтобы не было щелей, и, не двигаясь с места, с той же игривостью вновь посмотрев на Толика. – Ты меня ждёшь?

- Ой, да иди уже! – тихо рассмеялся Толик; Серёга был стройный, симпатичный, и Толик почувствовал... нет, это было не то, что было прежде, это было не просто естественное желание секса, юное желание сексуального

удовольствия, а это было что-то другое, совсем другое – Толик почувствовал, что ему хочется обнять Серёгу, стиснуть его, прижать, лаская, к себе, прижаться всем телом к нему. – Иди... – проговорил Толик уже без смеха, – я тебя жду, мой брат...

- Так бы сразу и говорил! – лицо Сереги расплылось в улыбке, как будто он, Серёга, мог услышать какой-то другой ответ, но услышал именно то, что услышать хотел. – Лови! – оказавшись у постели Толика, Серёга, на мгновение чуть присев, тут же приподнялся на носках, стремительно вытянулся вверх, делая вид, что хочет упасть на Толика сверху; Толик инстинктивно вытянул вверх руки, стремительно вскинул, задрал полусогнутые в коленях ноги, чтоб удержать Серёгу, не дать ему всем телом обрушиться сверху. – Боишься? – Серёга рассмеялся, нависая над Толиком.

- Блин, ложись уже! – Толик, опустив ноги, потянул Серёгу на постель, и Серёга, подчиняясь руке Толика, не рухнул сверху, а послушно опустил на тахту – вытянулся рядом, лицом к лицу; теперь в комнате горел свет, и это было совсем другое дело – можно было видеть лицо Толика, видеть выражение его глаз... можно было разговаривать именно с Толиком, а не с темнотой, не с голосом, звучащим из темноты; глядя Толику в глаза, Серёга снова обхватил, обвил член Толика пальцами, сжал член в кулаке, медленно задвигал рукой; Толик проделал то же самое – какое-то время они, глядя друг другу в глаза, молча двигали руками... они драчили друг другу, упиваясь близостью, ощущением наготы, возможностью делать то, что они делали.

Сладость полыхала, нарастала между ног, готовая в любой момент взорваться оргазмами, – первым почувствовал приближение оргазма Серёга и, не желая так быстро кончать, не желая заканчивать, завершать наслаждение, рывком дёрнул, колыхнул задом в сторону от Толика, высвобождая свой пышущий жаром член из кулака.

- Ты чего? – удивлённо прошептал Толик.
- Давай, Толян... давай малость передохнём! – произнёс Серёга, объясняя внезапную остановку, и Толик прекрасно понял, чем вызвано это Серёгино «передохнём»: он, Толик, так тоже делал, и делал не раз, когда хотел продлить, протянуть удовольствие – резко прекращал дроч, оставлял член в покое... главное здесь – успеть вовремя остановиться, сумеешь увильнуть от оргазма, чтобы, передохнув, можно было продолжать кайфовать дальше... собственно, еще пятнадцать-двадцать секунд, и Толик сделал бы точно так же, как сделал Серёга.
- Давай, – отозвался Толик, точно так же выдёргивая свой жаром пышущий член из кулака Серёги. – Я в таких случаях сразу переключаюсь – начинаю думать о чём-то постороннем, чтобы сбить, приглушить возбуждение...
- Я тоже так делаю, когда не хочу кончать сразу... ставлю дроч на паузу, когда хочу продлить удовольствие, – отозвался Серёга. – Толян...
- Что? – Они лежали друг против друга, смотрели друг другу в глаза.
- А ты когда драчишь... ну, когда дома делаешь это, ты о чём думаешь?
- Да фиг его знает! – Толик улыбнулся. – С нами по соседству живёт молодая семья... ну, им лет по двадцать где-то или чуть больше, детей у них ещё нет, и я представляю, как они трахаются, как Юрик засаживает Маринке по самые помидоры... или я вместо Юрика мысленно ей засаживаю...
- По самые помидоры? – уточняя, тихо засмеялся Серега.
- Ну, представляю, как я её раздеваю, как её, голую, трахаю... по самые помидоры ей вгоняю! – засмеялся Толик. – А ты о чём думаешь, когда драчишь?

- Ну, тоже о разном... о девчонках думаю, как я их тоже раздеваю, как тоже натягиваю... по самые помидоры! – Серёга, глядя на Толика, изобразил на лице блаженство. – У нас в классе пацан один есть – после уроков часто показывает нам разное порно на своём телефоне... ну, я когда посмотрю, то дрочу еще на это порно – представляю, как там и что...

- А сейчас, когда мы дрочили друг другу, ты кого представлял?

- Никого не представлял, – произнёс Серёга, не задумываясь. – Нах мне кого-то представлять, если я не один – если мы вдвоём...

- Да, я тоже сейчас ни о ком не думал – никого не представлял, – проговорил Толик. – Когда вдвоём, то просто кайфуешь, никакие фантазии не нужны...

Они замолчали, глядя друг на друга, – они лежали голые друг против друга, смотрели друг другу в глаза, и у обоих было такое чувство, словно они знакомы, близки уже сто лет, когда нет друг от друга никаких секретов, нет ни малейшей надобности что-то скрывать друг от друга или кем-то друг перед другом прикидываться, что-то друг другу врать... это было чувство полной раскрепощённости друг перед другом, полного доверия друг к другу, и это новое чувство рождало новую музыку, ещё не совсем понятную, но уже различимую, в которой звучало не только желание секса, а что-то ещё, что-то тёплое и радостное, переплетавшееся в сладкое ощущение чего-то солнечного, беспечно счастливого, безоглядно упоительного, неподвластного внешнему миру

- Толян... – Серёга прервал затянувшееся молчание. – А ты раньше дрочил с пацанами?

- Нет, – с лёгким удивлением в голосе отозвался Толик. – А ты почему так спрашиваешь?

- Ну, когда мы вместе драчили в первый раз... когда утром в кустах я застукал тебя, ты спросил у меня... ну, ты типа как бы удивился – ты спросил у меня: «ты никогда с пацанами другими вместе не дрочил?» – и я тогда не придал этим твоим словам никакого значения, а сейчас вот вспомнил и подумал... а ты сам с пацанами другими уже делал так – сам ты дрочил кому-то? Ну, или кто-то тебе... у тебя уже было такое?

- Нет, я только с тобой... ну, то есть, с тобой я впервые это делаю. – Толик, на секунду задумавшись, улыбнулся – Я просто видел...

- Что ты видел? Как другие пацаны друг другу дрочат?

- Нет, не друг другу, а каждый сам себе... ну, то есть, как обычно дрочат, только вместе – как мы здесь вчера драчили: вместе, но врозь – каждый себе сам...

- А ты где это видел?

- В летнем лагере. Меня в лагерь мама привезла не в день заезда, а на день раньше, в пересменку... знаешь, что такое пересменка?

- Нет, – Серёга отрицательно качнул головой. – Я в летнем лагере никогда не был.

- Вообще никогда? – удивился Толик.

- Вообще, – отозвался Серёга. – В летний лагерь я ни разу не ездил...

- А где ты был каждое лето? – ещё больше удивился Толик.

- Дома был, – отозвался Серёга. – Ну, ещё в Турции был два раза, в Болгарии был... и на море с папой и мамой ездил каждое лето.

- Тоже неплохо, – Толик улыбнулся. – Так вот... пересменка – это то время, когда одни отдыхающие из лагеря уже уехали, а другие ещё не приехали, и день или два лагерь стоит пустой. Называется: пересменка. Мы, то есть мама и я, приехали раньше начала смены, и, чтоб не ездить туда-сюда, мама упростила директрису меня принять. А директриса, чтобы я не ночевал один в пустом домике, на одну ночь определила меня в палату к трём пацанам, которые там один поток уже пробыли и остались ещё на один поток, на следующий. Ну, и вот... когда мы легли спать, пацаны эти, все трое, перед сном драчили... гоняли лысых, – Толик улыбнулся. – Правильно я сказал?

- Правильно, – улыбнулся Серёга. – Гоняли лысых... а ты?

- А что я? Мне было семь лет, я в тот год пошел в первый класс, и я тогда даже не понимал, зачем это надо делать... я тогда ещё не дрочил.

- А пацанам было сколько лет?

- Да фиг его знает! Лет по двенадцать им было... или, может, по тринадцать, но они уже знали, что к чему. Один мне сказал что-то типа «давай, малёк, присоединяйся», и я, помню, руку в трусы засунул, тоже подёргал себя за писюн, но он у меня даже не встал – не затвердел... потому я просто лежал и смотрел, как пацаны эти драчат – гоняют лысых... ну, вот и всё. На следующий день меня определили в отряд, где я уже был с ровесниками...

- Я тоже, когда мне было семь лет, ничего не понимал, – проговорил Серёга.

- А как ты узнал, что если дрочить, то это приятно? – Толик, спрашивая, положил ладонь на Серёгино бедро.

- Ты имеешь в виду, когда я первый раз кончил? – уточнил Серёга, точно так же ладонь свою положив на бедро Толика.

- Ну, типа того... помнишь свой первый оргазм?

- Ну, не знаю... нет, я не помню, – признался Серёга, на секунду задумавшись. – Помню, как я болел гриппом, в школу не ходил, лежал в постели, дома никого не было, и я играл со своим писюном – писюн напрягался, делался твёрдым, я его теребил... но тогда я ещё не кончал – оргазмов не было... ну, то есть, тогда я ещё не знал, что надо дрочить, и я не дрочил специально, чтоб стало приятно, а просто играл с писюном... а ты помнишь, как ты кончил в первый раз?

- Я помню! – не задумываясь, признался Толик. – Ну, я тоже, как и ты, сначала просто играл с писюном, когда писюн напрягался, и тоже не знал, что надо дрочить... не знал, как и зачем надо дрочить. А потом в ванной комнате я стоял под душем, писюн подскочил, сделался твёрдым, и... словно кто-то мне подсказал, что надо делать: я стал двигать рукой... стал г о н я т ь л ы с о г о – быстрее, быстрее, и вдруг так приятно кольнуло внизу, что я офигел... ну, то есть, это оргазм был, я кончил, и это было впервые – я этот случай в ванной запомнил! И после этого я стал дрочить – стал специально это делать, чтобы было приятно...

- Но спермы тогда ещё не было? – уточнил Серёга. – Просто было приятно?

- Да, спермы, когда я начал дрочить, ещё не было, – подтвердил Толик. – Просто было приятно. Дрочишь, дрочишь – и вдруг бац, в попе сладко кольнуло... и всё, напряжение пропадает.

- Толян, а ты пробовал свою сперму на вкус? – поинтересовался Серёга и тут же, не дожидаясь ответа, добавил: – Я пробовал один раз!

- Я тоже пробовал... слизывал с пальцев один раз, – Толик не счёл нужным скрывать от Серёги своё любопытство, которое он проявил когда-то в детстве. – Мне не понравилось.

- Мне тоже не понравилось, – признался Серёга.

Они лежали друг против друга, смотрели друг другу в глаза, и... они оба чувствовали, как их отношения, и без того доверительные, наполняются каким-то новым, совершенно новым содержанием; возбуждение никуда не делось, не исчезло и не испарилось, а только чуть ослабло и как бы притупилось, потеряло свою остроту, но это ничуть не повлияло на состояние членов, – юные члены, не по-детски крупные, багрово залупившиеся, у обоих мальчишек были так же тверды и негибачемы... ничего не говоря, Толик ладонью, лежащей на Серёгином бедре, чуть подтолкнул Серёгу к себе, и Серёга, словно ожидавший этого движения, тут же отзывчиво, послушно подался в сторону Толика; опережая ответное действие ладони Серёгиной, Толик всем телом подался к Серёге, – они прижались друг к другу животами, ногами... прижались друг к другу горячими, твёрдыми, напряженно торчащими членами... рука Толика скользнула по Серёгиной пояснице, – Толик надавил Серёге на поясницу, чтоб Серёга вжался в него ещё сильнее, в ответ Серёга проделал то же самое, вжимая тело Толика в тело своё... они тесно вжались один в другого, сдавили свои горячие, напряженно твердые члены животами, ощущая, как тела их от этого слияния, от этого тесного соприкосновения наполняются новой, еще неведомой сладостью: лица их оказались так близко, что они соприкоснулись носами, – Толик, не задумываясь, не спрашивая разрешения, движимый страстным, неподконтрольным порывом, коснулся губами губ Серёги, губы Толика жарко открылись, и он неумело вобрал губы Серёгины в губы свои – так же неумело, но горячо, страстно Толик засосал Серёгу в губы, одновременно переворачивая, опрокидывая Серёгу на спину; подчиняясь натиску Толика, Серёга послушно откинулся на спину, и Толик, не отрываясь от губ Серёги, тут же накатился, навалился на Серёгу сверху, раздвигая коленкой Серёгины ноги в стороны – высвобождая место для удобства ног своих, – Серёга, послушно раздвинув ноги, тут же интуитивно подтянул ступни, отчего ноги его, широко раздвинутые, распахнутые в

стороны, согнулись в коленях, и Толик, чувствуя прилив совершенно нового, еще неведомого наслаждения, сжимая, стискивая ягодицы, с силой вдавился пахом в пах Серёги... всё это случилось спонтанно, произошло неожиданно для обоих и вместе всё это случилось-произошло так естественно, словно они подобное делали уже не впервые, – голый Толик лежал на голом Серёге, голый Серёга, раздвинув ноги, лежал под голым Толиком... в комнате горел свет... оторвавшись от губ Серёгиных, Толик приподнял голову – прошептал-выдохнул, глядя Серёге в глаза:

- Серый...

- Что? – отозвался-выдохнул Серега, вопрошающе глядя в глаза Толику, и Толик, не зная, что сказать, какими словами выразить ощущение кайфа, прошептал – произнёс-выдохнул – то, что первым пришло в голову:

- Я тебя выебу... хочешь?

Слова эти сами собой сорвались с губ Толика, и в какой-то другой ситуации это распространённое, внешне грубое вербальное выражение наверняка могло бы прозвучать как уничижение, как оскорбление или даже как мнимая или подлинная угроза, но в голосе Толика, лежащего на Серёге, была неподдельная страсть, был юный, не замутнённый банальной похотью порыв к новым ощущениям, к открытию новых граней мальчишеской дружбы, и потому слова эти – «я тебя выебу» – даже не сказанные, а выдохнутые жарким шепотом, прозвучали как продолжение той никому, кроме них, не слышимой музыки, что вела их, Толика и Серёгу, всё это время... вела всё дальше и дальше к ещё непокорённым вершинам.

- Я тебя тоже... тоже выебу! – глядя Толику в глаза, тихо ответил – чуть слышно выдохнул – Серёга, и в этих словах его, точнее, в той интонации, с какой слова эти прозвучали, так же не было ни глупой бравады, ни похоти,

ни пошлости; ладони Серёги легли на спину лежащего сверху Толика, скользнули по спине Толика навстречу друг другу – Серёга, лёжа под Толиком, обнял Толика, окольцевал его спину руками, словно испугавшись, что Толик может вдруг передумать, может отказаться от своего намерения; напряженно твердые члены их, ощутимо горячие, были сдавлены, стиснуты животами, так что теперь руками до членов уже было не добраться, но теперь это было и не нужно: внимательно, сосредоточенно глядя Серёге в глаза, Толик, сладко сжимая голые ягодицы, медленно качнулся на лежащем под ним Серёге вперёд... назад... снова вперёд... снова назад... чувствуя, как от этих движений член его, сдавленный животами, сладостно залупается – трётся уздечкой о Серёгин живот, Толик, уткнувшись щекой в подушку – горячо дыша Серёге в шею, ритмично задвигался, заколыхался на Серёге взад-вперёд...

Конвульсивно двигая задом, Толик сопел от наслаждения, его жаркое дыхание щекотливо обдавало Серёгину шею, и Серёга, разомкнув руки, медленно скользнул ладонями по спине Толика вниз – ладони его на миг замерли, остановились на пояснице, словно раздумывая, продолжать ли им путь дальше... конечно, Серёге, лежащему под Толиком, тоже было приятно, и даже очень приятно: от движения Толика, от его содрогания Серёгин член, точно так же сдавленный животами, сладостно залупался, липкая головка то выскальзывала из крайней плоти, то вскальзывала назад, это был кайф, но Серёге хотелось тоже е б а т ь Толика, хотелось двигаться самому, – ладони, на какой-то миг замершие на пояснице, двинулись дальше, скользнули, как по двум холмам, по двум оттопыренным булочкам попы, и, округлённо наполнившись, замерли-застыли на голой попе Толика... под ладонями Серёги скульптурно выпуклые, на ощупь нежно-атласные ягодицы Толика то, сжимаясь, твердели, когда Толик всем телом подавался вперёд, вдавливаясь в Серёгу членом, то, расслабляясь, становились упруго-мягкими,

когда Толик откатывался назад, и у Серёги мелькнула мысль, что, когда Толик в трусах или шортах, попа у него вроде небольшая, обычная, не привлекающая внимание, но сейчас, расслабляясь под лежащими на них ладонями, голые булочки казались сочно-мясистыми, возбуждающе приятными на ощупь, – Толик, горячо сопя, двигая попой и поясницей, выгибая спину, «засаживал» Серёге «по самые помидоры», и лежащему под Толиком Серёге хотелось тоже... тоже хотелось сильно-сильно «засадить» Толику точно так же – «по самые помидоры»!

- Толян... – Серёга надавил ладонями на булочки Толика, с силой вжал ладони в булочки, останавливая их движение, – давай теперь я... я тебя сверху...

Толик, тяжело дыша, замер и, оторвав лицо от подушки, приподнял голову – посмотрел на Серёгу непонимающим взглядом.

- Ложись на спину... – Серёга, опираясь одной ногой о постель – вытянув ногу другую, с усилием подался всем телом вбок, чтобы освободиться от лежащего на нём Толика, и Толик, подчиняясь этому движению Серёги, поняв, что хочет Серёга, податливо, послушно скатился с Серёги набок, опрокидываясь на спину; член Толика, разгоряченный трением, казался еще больше, чем во время обычной дочки; багровея влажной открытой головкой, потемневший член Толика казался – на фоне его мальчишеского тела – несоразмерно огромным; и у Серёги член был такой же... ну, то есть, у Серёги член был чуть меньше, чем у Толика, но тоже выглядел внушительно; члены у обоих пацанов от напряжения чуть подрагивали, и мошонки под членами у обоих выглядели как небольшие сморщенные мешочки, в которых с трудом угадывались крупные мальчишеские яйца...

- Ложись... – Толик, лежащий на спине, потянул Серёгу на себя, одновременно разводя, раздвигая в стороны вытянутые ноги, и Серёга, ничего не говоря в ответ, с готовностью навалился, лёг на Толика сверху.

Теперь было совсем другое дело! Сладко сжимая свои ягодицы, Серёга с силой вдавился пахом в пах лежащего под ним Толика и, не раздумывая, тут же клюнул лицом вниз – округлённо открывшимся ртом Серёга жарко накрыл губы Толика, обжал-обхватил его губы губами своими, всосал губы Толика в свой рот... кончики их языков соприкоснулись, – Серёга хотел всё делась одновременно – и сосать Толика в губы, и, двигая задом, «засаживать» Толику «по самые помидоры», но так почему-то не получалось, нужно было делать что-то одно, и Серёга, выпустив губы Толика из губ своих, скользнув мокрыми губами по щеке Толика, точно так же, как Толик, вдавился щекой в подушку, горячо задышал, засопел Толику в ухо... ох, какое это было наслаждение! Сочные булочки Серёги под ладонями Толика сладострастно играли – разжимались-сжимались, Серёга, раскачиваясь на Толике взад-вперёд, сопел, прерывисто всхлипывал приоткрытым ртом, жаром пылающая промежность одеревенела, набухла сладостью, и сладость эта покалывала, всё нестерпимее свербела в члене, липко залупающемся между животами, сладость полыхала, неумолимо нарастая, в туго сжатой дырочке девственного ануса... как это нередко случалось при обычной дрочке, в какой-то момент процесс вышел из-под контроля – Серёга попой, точнее, мышцами стиснутого ануса почувствовал стремительно нарастающее, уже неостановимое приближение оргазма и, на миг замерев на Толике, тут же непроизвольно, конвульсивно дёрнулся всем телом, выпуская из члена, зажатого животами, струю липкой горячей спермы... конечно, ощущение этого последнего – финального, самого сладкого – аккорда было хорошо знакомо Серёге, но до этого Серёга кончал исключительно при помощи дроча, а теперь он лежал на Толике, он вжимался своим голым телом

в голое тело Толика, и в таком сексуальном контексте **з а в е р ш е н и е** процесса, как, впрочем, и сам процесс, не шли ни в какое сравнение с обычным дробом – теперь это было во сто раз приятнее, во сто раз слаще, потому что это был **п о л о в о й а к т...** настоящий половой акт! Серёга, тяжело дыша, замер – он лежал на Толике потный, опустошенный, чувствуя, как наслаждение, огнём полыхнувшее в его анусе, из его тела медленно уходит, исчезает, испаряется...

- Серый... ты, что ли, кончил? – нарушая молчание, произнёс-спросил Толик; конечно, можно было бы об этом не спрашивать, это было понятно уже по тому, как дёрнулся у Серёги член, как сразу сделалось мокро, горячо и липко между животами, как Серёга, перестав содрогаться, обессилено замер...но они – и Серёга, и Толик – делали это **в п е р в ы е**, это было **н о в о е** в их ещё скромном сексуальном опыте, и потому Толик спросил-уточнил.

- Да, – коротко отозвался Серега, не отрывая от подушки голову – не делая попытку хотя бы приподняться; для него, для Серёги, процесс был завершен, акт сладострастия был окончен, наслаждение, завершившиеся оргазмом, испарялось, уступало место знакомой апатии, неизменно возникавшей каждый раз после оргазма, и всё равно Серёга не торопился **о т л и п а т ь с я** от Толика, не спешил разъединяться, потом что просто лежать на Толике даже в состоянии покоя было тоже приятно... это была другая приятность – не возбуждённо-деятельная, горячая, наполненная энергией, а приятность тёплая, умиротворяющая...

- Серый, слезай! Теперь я тебя... я хочу кончить! – Толик дёрнулся из-под Серёги, и Серёга послушно, податливо скатился с Толика, откинувшись на спину; потемневший член у Серёги немного ослаб – потерял твёрдость, но не утратил размеры, превратившись в толстую, упруго-мягкую сосиску; у Толика член, чуть подрагивая от напряжения, был всё в той же, ещё не

реализованной боевой готовности; животы у мальчишек мокро блестели от обильно спущенной, по животам размазанной Серёгиной спермы... – Офигеть! – прошептал Толик. – Ты обкончал меня...

- Ты тоже кончай, – отозвался Серёга, раздвигая ноги, и хотя у Серёги уже не было той страсти, какая пылала в нём еще пару минут назад, вся его страсть была на животах, он потянул Толика на себя, чтобы Толику было так же кайфово, как кайфово было ему, Серёге...

В комнате всё так же горел свет; Серёга, лёжа под Толиком с широко раздвинутыми, разведёнными в стороны ногами, содрогался от толчков, – никакого возбуждения ни в душе, ни в теле кончившего Серёги уже не было, и, лёжа под Толиком, он терпеливо ждал, когда Толик, так же насладившись, так же точно кончит – спустит свою сперму между животами; ладони Серёгины лежали на спине Толика чуть выше поясницы, и ладони были такие же безучастные, как и сам Серёга – ладони не ласкали Толика, не пытались дотянуться до попы... между тем, толчки Толика, лежащего на Серёге, становились все энергичнее, всё размашистее, – выгибая спину, сладострастно двигая вверх-вниз белыми аппетитными булочками, разжимая-сжимая булочки, с силой их стискивая, двигая поясницей, Толик с упоением «долбил» Серёгу, тёрся членом о Серёгин пах, на этот раз не уткнувшись щекой в подушку, а, опираясь на согнутые в локтях руки, нависая потным сосредоточенным лицом над лицом лежащего на спине Серёги, – неотрывно глядя Серёге в глаза, Толик раскачивался на Серёге вперед-назад, скользил залупающимся членом по Серёгиному животу, толчками «засаживал» Серёге, двигал бёдрами из сторону в сторону, словно желая пахом вкрутиться в пах Серёгин... горячо дыша приоткрытым ртом, Толик страстно е б а л Серёгу, с каждым движением, с каждым толчком юного тела приближая желаемую цель, – оргазм, как всегда, подкрался незаметно: словно невидимая пружина, сжатая где-то внутри, стремительно

разжимаясь, выскочила, вырвалась наружу, полыхнула опаляющим огнём, и... сладко кончая, конвульсивно стиснув ноги, с силой вдавив в Серёгу член, дёрнувшись на Серёге и раз, и другой, Толик выпустил из члена горячую клейкую струю спермы... на какой-то миг стало даже больно от концентрации наслаждения, и – юное тело Толика, освобождаясь от возбуждения, тут же сделалось лёгким и невесомым, – тяжело дыша, Толик потным лицом уткнулся в подушку, чувствуя, как бешено бьётся у него сердце...

Какое-то время Толик лежал на Серёге, не шевелясь, и Серёга не торопил Толика; никакого возбуждения у Серёги уже не было, и всё равно было приятно... было приятно чувствовать тело Толика на себе, ощущать его тяжесть, его теплоту, – Серёга, лёжа под Толиком, смотрел в потолок – он думал о том, что они, то есть он и Толик, только что трахнулись... они трахались – не просто дровичи друг другу, как это было в душе, а трахались, е б а л и с ь, и это... это был кайф! Это было классно, обалденно и офигенно, просто супер, – Серёга думал о том, как всё э т о, в принципе, просто, как всё отлично у них получилось, какой отличный пацан этот Толик, как хорошо, что он, Серёга, на отдых приехал сюда, в Сосновку, а не поехал с родителями в Таиланд... что бы он делал в Таиланде? Ну, загорал бы на пляже, купался, сидел бы в кафе... может быть, ездил бы на какие-то экскурсии, чтоб потом похвалиться Борьке, где он был и что видел... всё это тоже было бы неплохо, но по сравнению с тем, что здесь, в Сосновке, он познакомился с Толиком, по сравнению с к а й ф о м д р у ж б ы все таиланды, как говорится, не стоили выеденного яйца... все эти мысли – мимолётные, хаотичные – вспыхивали, как всполохи, и тут же исчезали, пропадали из головы.

- Толян, ты не уснул? – тихо засмеялся Серёга, легонько хлопая Толика ладонями по его голым упруго-мягким ягодицам.

- Уснул, – отозвался Толик; он оторвал лицо от подушки, приподнял голову, довольным взглядом посмотрел в глаза Серёги. – А ты что-то имеешь против?

- Лично я против ничего не имею, – хмыкнул Серёга. – Но вот представь... если мы с тобой так уснём, а завтра утром придёт дедуля будить нас на завтрак, увидит, как ты лежишь на мне без трусов, расскажет об этом бабуле, и... что они, пожилые люди, про тебя подумают?

- А что дедуля подумает про тебя, когда увидит, как ты лежишь без трусов, широко раздвинув ноги? – Толик, глядя на Серёгу, тихо рассмеялся. – Расскажет дедуля бабуле, и что они, пожилые люди, подумают про тебя?

- Понятно, что они подумают! Они подумают, что ты меня, малолетнего, изнасиловал... сорвал с меня трусы – и изнасиловал! – Серёга на секунду задумался и, сдерживая смех, уточнил-добавил: – Любая экспертиза это докажет!

- Ага, а пока я тебя, бедненького, насиловал, ты обкончался от счастья, – Толик, улыбаясь, весело подмигнул Серёге. – Любая экспертиза это докажет!

- Что докажет? – не понял Серёга.

- Что на тебе сперма твоя, а не только моя, – отозвался Толик. – И на тебе, и на мне твоя сперма...

- И что? Не забывай, что я младше тебя, – напомнил Серёга о разнице в возрасте.

- И что? – хмыкнул Толик.

- И то! Старшие насилюют младших... вот что!

- Прикольное насилие, когда младшие кончают не хуже старших! – Толик, глядя на Серёгу, тихо рассмеялся; даже просто смотреть на Серёгу ему, Толику, было приятно: у лежащего под ним Серёги были красивые губы, красивый нос, красивые глаза... всё было красивое и словно родное!

- Это ты на меня намекаешь? – Серёга изобразил блудливый взгляд.

- Ну, а на кого же еще? – хмыкнул Толик. – Ты же у нас младший – изнасилованный...

- Ладно, Толян, я никому не скажу, – примирительно проговорил Серёга. – Но и ты поклянись, что никому ничего не расскажешь...

- Клянусь! – весело отозвался Толик, и они оба, Толик и Серёга, тихо рассмеялись; настроение у обоих было отличное!

Конечно, нужно было вставать, приводить себя в порядок, надевать трусы, но... лежащий на Серёге Толик почему-то не спешил с Серёги вставать, а лежащий под Толиком Серёга почему-то не торопился из-под Толика высвободиться, – возбуждения не было, и всё равно было классно чувствовать друг друга вот так – близко-близко, тело в тело... не делая попытки встать, Толик снова уткнулся лицом в подушку, точнее, уткнулся в подушку щекой, повернув к Серёге голову, – глядя сбоку на Серёгино лицо, Толик подумал, что Серёга – классный пацан и что всё... всё-всё, что сейчас случилось, что в этой комнате неожиданно, непреднамеренно произошло, тоже было классно – обалденно и офигенно!

- Толян... – тихо проговорил Серёга, не глядя на Толика. – Тебе было приятно? Понравилось?

- Да, – не раздумывая, отозвался Толик. – А тебе?

- Мне тоже... тоже было приятно и тоже понравилось! Будем теперь кайфовать так всё время... да? – Серёга, повернув голову, вопросительно посмотрел на Толика.

- Ты хочешь еще? – спросил Толик, вопросительно глядя на Серёгу.

- Ну, не сейчас, не сию минуту... – Серёга улыбнулся. – Я вообще говорю... завтра, к примеру, если снова захочется... будем так кайфовать ещё?

- А почему нет? – вопросом на вопрос отозвался Толик.

- Я тоже так думаю! Почему нет, если да, – рассмеялся Серёга. – Толян...

- Что? – отозвался Толик; голый Серёга лежал под Толиком на спине, повернув голову вправо, голый Толик лежал на Серёге, повернув голову влево, обе головы лежали на одной подушке, и лица мальчишек были близко-близко одно от другого – так близко, что мальчишки ощущали на своих лицах дыхание друг друга.

- Ты уже с кем-нибудь целовался в засос? Ну, как мы сегодня... целовался так с какой-нибудь девчонкой? – Серёга смотрел на Толика вопросительно.

- Нет, – Толик отрицательно качнул на подушке головой. – Так я ни с кем не целовался... а ты?

- Я тоже ни с кем не целовался, – отозвался Серёга. – Сегодня впервые... мне понравилось! А тебе?

- Мне тоже понравилось, – Толик, глядя Серёге в глаза, улыбнулся. – В губы сосаться тоже классно...

- Да, – согласился Серёга. – Если хочешь, можешь меня ещё пососать в губы...

- Сейчас не хочу, – секунду подумав, отозвался Толик; было кайфово лежать на Серёге, чувствовать телом своим тело его, было кайфово смотреть на лицо Серёгино, смотреть Серёге в глаза, но страсти при этом не было, напряжение было сброшено, выплеснуто-извергнуто, и потому Толик честно сказал «сейчас не хочу».

- Я тоже сейчас не хочу... но завтра я захочу, имей это в виду! – с улыбкой глядя на Толика, проговорил Серёга, и, резко меняя тему, легонько хлопнул Толика ладонями по спине. – Ты, блин, собираешься вставать?

- Уже! – Толик, рывком оторвавшись – о т к л е и в ш и с ь – от Серёги, откинулся на спину и тут же, чуть приподнявшись, посмотрел сначала на свой живот, потом на живот Серёгин; перепачканные спермой животы блестели, словно покрытые лаком. – Надо освобождаться от улик... – весело проговорил Толик, проведя указательным пальцем по Серёгиному животу. – Пойдём в душ сходим, обмоемся?

- Да ну! – хмыкнул Серёга. – Мы же воду в бак наливали вечером – она там сейчас холоднющая. Просто вытремся, и никаких улик! – рассмеялся Серёга.

- Тогда встаём? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Встаём! – Серёга, лежавший с края, рывком вскинул ноги вверх и, опустив ступни на пол – упруго от пола оттолкнувшись, легко, пружинисто поднялся с постели. Вслед за Серёгой так же легко соскочил с постели Толик.

В комнате горел свет. Они, голые, по-мальчишески стройные, голенастые, стояли посреди комнаты, не испытывая ни малейшего стеснения, – они стояли друг против друга, тщательно вытирая себя полотенцами. Члены у обоих висели головками вниз, и в опустившихся мошонках висели не очень крупные, рельефно обтекаемые тонкой кожей мошонок яички; никакого возбуждения не было.

- Толян... а ты когда кончаешь, ты больше всего приятность чувствуешь где? Ну, то есть, где у тебя самая приятная точка приятности? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Во время оргазма? – спросил-уточнил Толик, в свою очередь глядя на Серёгу.

- Да, в момент оргазма. Где делается приятней всего?

- Ну... везде, – Толик пожал плечами. – В члене, конечно... и вокруг члена, и в животе, и в промежности между ног, и в очке... очко словно разрывается от кайфа... – Толик, не зная, как описать точнее свои ощущения в момент оргазма, не без любопытства спросил – поинтересовался – у Серёги: – А у тебя это как?

- Так же точно! Мне тоже везде приятно, но особенно приятно бывает каждый раз, когда я кончаю, в очке... ну, то есть, в момент оргазма весь кайф именно там, в очке и вокруг него! Я, знаешь, как ещё делаю, когда дома дрочу? Ну, чтобы кайф был ещё сильнее...

- Как? – в глазах Толика мелькнуло любопытство.

- Я, когда дрочу, ещё пальцем при этом на очко слегка надавливаю... ну, то есть, пальцем трогаю очко – как будто щекочу... ты делаешь так?

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – Я просто свободную руку под яйца засовываю – щекочу себя между ног... ну, иногда я ещё прикасаюсь к очку, но там я не щекочу...

- Вот! А ты попробуй пальцем очко пощекотать... вообще улёт!

- Серый, блин! – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся. – Это ты на что сейчас намекаешь? Чтоб в следующий раз, когда ты, пыхтя на мне, будешь изображать малолетнюю жертву изнасилования, я щекотал тебе очко?

- Блин! Ни на что я не намекаю... я просто поделился с тобой, со старшим, но малоопытным братом-насильником, опытом, – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся тоже. – Попробуй при случае, когда будешь дома драть себе сам... не всё же время ты будешь меня насиловать! Попробуешь – и потом будешь меня ещё благодарить за то, что я подсказал тебе, как можно усиливать кайф!

- Серый... – нараспев протянул-проговорил Толик, изобразив на лице смесь догадки и сомнения. – А может, это ты намекал мне сейчас, чтобы я усилил твой кайф совсем не пальцем, а чем-то другим? Ну-ка, колись, мой младший, но многоопытный брат!

- Чем другим? – не раздумывая, отозвался Серёга и в ту же секунду понял-сообразил сам, о чём сказал-спросил Толик. – Д р у г и м, Анатолий Евгеньевич, я могу при вашем желании пощекотать вас, – не растерялся Серёга с ответом, придав лицу блудливое выражение.

- Ну, ни фиги себе, что предлагает невинному старшему брату его младший развратный брат! – воскликнул Толик, изобразив на лице смесь изумления и ужаса. – Я даже не знаю теперь, как мне с вами, Сергей Викторович, спать в одной комнате...

- Ой-ой-ой, как вам страшно, Анатолий Евгеньевич! Можно подумать... быстрее надевайте трусы, а то ваша голая попка меня возбуждает! Вид вашей голой попки...

Серёга, качнувшись в сторону Толика, хотел хлопнуть ладонью Толика по голым ягодицам, но, быстро вильнув задом в сторону, Толик со смехом уклонился от хлопка.

- Уже... уже надеваю трусы! Когда рядом такой маньяк, лучше, конечно, быть в трусах, – Толик, бросив ненужное полотенце на свою постель, повернулся к Серёге вполоборота – наклонился за трусами, лежащими на полу; ягодицы Толика при наклоне на секунду раздвинулись, разошлись-распахнулись в стороны, и хотя Толик стоял к Серёге не задом, а вполоборота, так что Серёга никак не мог видеть очко Толика – туго стиснутую мальчишескую дырочку, но это не помешало Серёге продолжить тему: показывая пальцем на согнувшегося Толика, Серёга назидательным тоном проговорил:

- Вот! Еще одно доказательство того, как старший брат растлевают младшего, демонстрируя младшему брату своё интимное место... ужас! Смотри, как подбирают с пола трусы невинные мальчики! – с этими словами, точно так же отбросив на кровать полотенце, которым он вытирался, Серёга сел на корточки и, переваливаясь из стороны в сторону, гусиным шагом подкатил к трусам своим, говоря при этом: – Видишь, никакого разврата, никакого соращения! – зацепив трусы пальцами, Серёга резко встал, выпрямился во весь рост. – Понял, как надо? Не раком становиться, как ты, а делать надо так, как я... как делают все невинные мальчики!

- Серый, вот ты придурок! – глядя на Серёгу смеющимися глазами, Толик укоризненно покачал головой.

Они, глядя друг на друга – надевая трусы – весело рассмеялись. Вдруг возникшая тема анального секса ни для Серёги, ни для Толика равным счётом ещё ничего не значила, – эта тема всплыла без всякой цели, возникла сама собой, и они, весело подкалывая друг друга, просто зубоскалили, не

вкладывая в свои слова никакого прикладного смысла; они прикалывались и даже вроде как бы на что-то друг другу намекали, но секс анальный ещё был для них обоих чем-то абстрактным, не имеющим для них обоих никакого практического значения, и в этом – даже после всего того, что они только что проделали в постели – не было ничего удивительного или непонятного. «Всему своё время» – сказано в одной мудрой книге, и для Толика и Сёреги это время – время желания анального секса – еще, видимо, просто не созрело, не настало и не пришло: они, зубоскаля и прикалываясь, не придавали словам своим никакого скрытого смысла и уж тем более не вкладывали в слова свои тайное желание перепихнуться в зад, – говоря об анальном сексе, они, Сергей Викторович и Анатолий Евгеньевич, были не возбуждены, были вполне удовлетворены тем сексом, который у них только что был, и этот случившийся секс был для них, для э т и х мальчишек, пока потолком, вершиной доступного им сексуального наслаждения. Конечно, в мире немало таких парней, которые, вместе укладываясь в постель, сразу, без всяких ужимок и разговоров переходят к н а с т о я щ е м у сексу, то есть берут друг у друга в рот или вставляют друг другу в зад, но... это такие парни, у которых или уже имеется, есть опыт предшествующий, или это такие парни, которые долго об этом думали, фантазировали и мечтали, страстно хотели этого, многократно проигрывая разные формы однополого сексуального удовольствия в своих сладострастных мечтах-фантазиях, и вот тогда-то, как только возникает к однополуму сексу располагающая ситуация, они, эти опытные парни, свои реальные или виртуальные наработки тут же в полном объёме реализуют – без раскаток и предисловий сразу трахаются и в рот, и в зад... а Серёга с Толиком опыта такого не имели, чтобы, оказавшись в одной постели, вкусить всё и сразу, они оба никогда о таком не думали, никогда ни о чём подобном не мечтали и не грезили – просто так получилось, так удачно сложились для них обстоятельства: они встретились на пути своего естественного взросления, и возникла музыка, которая поманила их, повела в

заповедные, им доселе неведомые кущи... древняя музыка, вдруг возникшая-завучавшая, вела их, двух мальчишек, и, доверившись этой музыке, они, не растленные ложью лукавых скреп, просто следовали за ней, за этой сладостной музыкой юности, не пытаясь её обогнать, не внося в неё свои коррективы, – «всему своё время, и время всякой вещи под небом» – ни Серёга, ни Толик слов этих древних не знали, просто всё у них шло своим чередом: мастурбация в кустах смородины, совместная мастурбация в комнате перед сном, взаимная мастурбация в душевой кабинке, жаркое колыхание друг на друге...

- Серый, я курить хочу, – деловито проговорил Толик, глядя на Серёгу. – Посидишь со мной на крыльце?

- Вот! Ты без Серого шаг не можешь сделать, – ворчливо отозвался Серёга, изобразив на лице снисходительную озабоченность. – Идём!

Они вышли на крыльцо – шагнули а лунную ночь, и Пират при их появлении радостно закрутил, завилял хвостом.

- Ах, ты наш пограничник! – не смог промолчать Сёрёга, лаская подошедшего Пирата. – Все спят, а ты не спишь – охраняешь своих друзей... умница, а не Пират... умная... умная собака!

Толик сходил за гараж, где у него была спрятана пачка сигарет, вернулся, сел на ступеньках крыльца рядом с Серёгой; Пират, помахав еще хвостом, улёгся у их ног; Толик, щелкнув зажигалкой, закурил – сладко затянулся сигаретным дымом.

- Толян... а ты что – не можешь бросить курить? – спросил Серёга, глядя, как тает в лунном свете сизое облако дыма.

- Ну, наверное, могу... если сильно-сильно захотеть, – отозвался Толик, стряхивая пепел. – А может, не могу... – Толик рассмеялся и, глядя на Серегу, пояснил: – Это ведь тоже удовольствие...

- Но это вредное удовольствие, – резонно заметил Серёга. – Вот смотри... дай-ка сюда пачку! Смотри, что на пачке написано: «импотенция»... и с другой стороны тоже... со всех сторон написано! Видишь?

- И что это значит? – Толик, разыгрывая Серёгу, посмотрел на Серёгу серьёзно, без улыбки, и спросил он, проговорил тоже с серьёзной интонацией, так что Серёга невольно купился на серьёзный тон Толика.

- Ты что, блин, дурак? Не заешь, что это значит? – искренне удивился Серёга, глядя на Толика.

- Ну, что-то слышал... что-то типа коронавируса? Правильно? – Толик, глядя на Серёгу – видя, как легко Серёга поддался на розыгрыш, с трудом сдерживал смех.

- Офигень, какой ты тупой! – присвистнул Серёга, искренне удивляясь тому, что Толик ничего не знает о таких простых вещах. – Импотенция – это когда у тебя не стоит и ты кайфовать не можешь!

- У меня стоит, – не задумываясь, тут же парировал Толик. – Ты сам только что был свидетелем, что стоит!

- Это сейчас стоит! – с жаром проговорил Серёга. – А будешь курить, и стоять не будет... стоять перестанет! Вот что такое импотенция! Так что, Толян, ты курить бросай! Это тебе мой совет...

Толик, сладко затянувшись, выпустил на Серёгу клуб сизого дыма.

- Всё, Серый, у тебя теперь тоже будет импотенция – тоже стоять не будет! – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся. – Ты думаешь, я зачем тебя позвал покурить? Вот затем и позвал, чтоб у нас у обоих была импотенция... такая импотенция, как была сегодня... и как всегда!

- Блин! Я с тобой серьёзно говорю, объясняю тебе, а ты как дурак! – Серёга, глядя на смеющегося Толика, тоже невольно улыбнулся. – Какой же, Толян, ты дурак! Точнее, придурок...

- А ты типа умный – ты не придурок? – не без ехидства в голосе проговорил Толик, глядя смеющимися глазами на Серёгу.

- Конечно, я умный! – не стал отрицать Серёга.

- Ага... ну, а теперь ты меня, своего старшего брата, послушай! – Толик, перестав смеяться, снова сделал глубокую затяжку, но на этот раз выпустил дым не на Серёгу, а в сторону. – Что такое импотенция, я узнал, когда ты ещё на горшке сидел. Специально для этого я ходил в школьную библиотеку, чтобы в разных словарях посмотреть, что это слово означает.

- На фига? – с лёгким удивлением в голосе проговорил Серёга, с любопытством глядя на Толика. – У тебя не стоял?

- Объясняю, точнее, рассказываю – для таких придурков, как ты, – Толик хмыкнул. – Где-то примерно два года назад или чуть раньше я начал дрочить...

- Я тоже начал дрочить примерно два года назад, – перебил Толика Серёга.

- И что? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу, и в голосе Толика прозвучала лёгкая досада оттого, что Серёга его перебил.

- Ничего, – Серёга пожал плечами. – Ты сказал, и я сказал... ну, то есть, мы с тобой начали дрочить примерно в одно и то же время...

- Ага, только ты не помнишь, где и когда ты первый раз кончил... – с лёгким ехидством в голосе проговорил Толик.

- Ну, не помню... и что?

- Да ничего! – Толик, отложив сигарету, обхватил Серёгу рукой за шею, притянул его голову к себе, с силой прижал щеку Серёгину к щеке своей. – Ты будешь меня слушать? Или будешь вставлять свои дурацкие реплики?

- Ой, Толян, ой! Буду, буду тебя слушать... отпусти! Я только сказал, что мы с тобой похожи – что я как ты... или ты как я... отпусти! – Серёга, вырываясь, со смехом закрутил головой. – Хватит ко мне прижиматься... импотент! Пират, помоги мне! Старший брат насилует младшего... помоги, Пират!

Пират, услышал своё имя – дрогнув ушами, посмотрел на сидящих на крыльце мальчишек, но помогать Серёге не стал, – Толик, разогнув руку, сам, без помощи Пирата, отпустил Серёгу, и Серёга, потирая шею, с наигранным возмущением пробурчал:

- Ужас, что делается на белом свете лунной ночью! И растлевают, и насилуют, и душат... куда, блин, катится мир! Всё, Толян, я больше не буду тебя перебивать – рассказывай! Значит, примерно два года назад ты начал дрочить... и что?

- И то! Я уже начал кайфовать... не так чтобы часто стал это делать, но регулярно, и тут мне случайно попадается в руки одна забавная книжка. Из нашего подъезда дед с бабкой продали квартиру и все ненужные вещи отнесли на мусорку, а два ящика с книгами выбрасывать не стали – поставили ящики на скамейку около подъезда, чтобы кто-то мог посмотреть,

какие там книги, и что-то выбрать, забрать себе, если нужно или понравится. Ну, я тоже покопался в тех ящиках, выбрал себе классную книгу про путешествия и наткнулся на книжку «Половое воспитание школьника»...

- Офигеть! Про секс? – перебивая Толика, спросил-уточнил Серёга.

- Фиг там! Я книжку, естественно, тут же взял – я тоже подумал, что там будет что-то про секс, а там была всякая галиматья... про моральный облик будущего строителя коммунизма и прочая чушь – ничего интересного. Но...

- Подожди! Так это что... это была древняя книжка? Ну, если там было про коммунизм... – снова спросил-уточнил Серёга, перебивая Толика.

- Ну... типа да, – кивнул головой Толик. – Древняя книжка. Ничего там интересного не было, но там, в той книжке, было написано про д р о ч... ну, то есть, про онанизм, и я...

- Онанизм – это мастурбация? – уточнил Серёга.

- Ну-да, онанизм, мастурбация – это одно и то же, – кивнул Толик. – Просто в те времена мастурбация называлась онанизмом. Вот, и там среди прочей фигни было написано, что онанизм – это очень вредная, очень плохая привычка, с которой нужно бороться, потому что онанизм сильно вредит здоровью, ведёт к безволию, ухудшает память, снижает успеваемость и является причиной импотенции. Прочитал я всё это, и... – Толик, усмехнувшись, на секунду умолк, вспоминая свою д е т с к у ю реакцию на прочитанное в советской книжке про половое воспитание советских школьников.

- Ну, прочитал ты – и что? – Серёга, который был по складу своего темперамента не очень склонен к восприятию монологов, не замедлил

воспользоваться паузой в рассказе Толика. – Ты поверил тому, о чём прочил в древней книжке про коммунизм и онанизм?

- Ну, не то чтобы поверил, но... как-то неуютно стало. Что-нибудь забуду сделать или на уроке, отвечая у доски, что-нибудь забуду – и потом думаю, что это, возможно, у меня ухудшается память из-за дроча... или, к примеру, даю себе слово, что дрочить больше не буду, а потом всё равно дрочить хочется, я своё слово сдержать не могу, снова дрочу – кончаю, и тут же думаю, что у меня развивается слабоумие, что я не могу контролировать себя... да ещё импотенция от дроча, которая ждёт впереди! Короче, был такой небольшой период, когда я был весь на измене... и дрочить хочу всё чаще и чаще, не могу избавиться от этой привычки, и всё время думаю при этом, что дрочем я причиняю себе вред... и поговорить об этом откровенно не с кем. Короче, я стал искать ещё какие-то сведения об онанизме – и прочитал в интернете совсем не то, что было написано в древней книжке! Не знаю, зачем писали про дроч в древние времена разные страшилки, зачем пугали детей всякой фигнёй, а только узнал я из интернета совсем другое! Узнал, что дроч – это естественный способ снятия сексуального напряжения, что дрочат все пацаны в переходном возрасте, что если не дрочить, то есть регулярно не сбрасывать сексуальное напряжение, то могут развиваться всякие застойные явления, которые пагубно влияют на половую функцию, ведут к угасанию половой функции... короче, узнал я всё это – и страхи мои улетучились, стал я дрочить-кайфовать в своё удовольствие!

Толик рассказал Серёге всю эту историю про себя, ничуть не стесняясь, рассказал со всей откровенностью, даже с удовольствием, потому что, во-первых, это была история про победу здравого смысла над замшелыми предрассудками, а во-вторых, у них, у Толика и Серёги, установились такие отношения, когда что-то врать, что-то скрывать от другого было и глупо, и бессмысленно, – доверительность в их отношениях была такова, что можно

было без всякого напряжения наедине друг с другом б ы т ь с а м и м с о б о й, ничуть не боясь, что это будет не так понято, или как-то не так истолковано, или в глазах другого это будет выглядеть нелепым и смешным.

- Да, у меня тоже был такой период, когда я думал, что драть вредно, и я тоже пытался это прекратить, – нарушил молчание Серёга. – Никакие древние книжки я не читал, но... тоже было такое заблуждение! А потом я точно так же поискал инфу в интернете, узнал, что это нормально, и... я теперь тоже драть в своё удовольствие! – Серёга рассмеялся. – А у тебя было такое, чтоб на уроке вставал?

- Ну, было! – Толик улыбнулся. – Сидишь на уроке со стояком и думаешь: хоть бы к доске не вызвали... да?

- Да, у меня тоже так было, и даже не раз! – почему-то обрадовался Серёга, подумав, как много у него и у Толяна общего; Толик уже докурил, и они, соприкасаясь плечами, просто сидели на ступеньках крыльца – спать не хотелось.

- Вот, а теперь смотри сюда... – Толик, держа пачку с сигаретами в одной руке, указательным пальцем другой руки легонько постучал по пачке – по надписи «импотенция». – Это же самое было написано в древней книжке, про которую я рассказал тебе: у тех, кто драть, будет импотенция. Я драл, потому что хотел драть, а хотел потому, что драть – это кайф. Но... я кончал – и думал про импотенцию, и это мне портило ощущение кайфа. А потом я прочитал, что всё это лажа, фуфло – и стал драть в своё удовольствие... так и здесь, – Толик снова постучал указательным пальцем по слову «импотенция». – Я курю, потому что хочу курить, а хочу потому, что курить – это кайф. Ну, то есть, кайф для меня, – уточнил Толик. – И чтоб кайф этот не обламывать, я вот на эти фуфлыжные надписи... – Толик в

третий раз постучал пальцем по пачке сигарет, – никакого внимания не обращаю.

- Ну, зачем-то же пишут... – неуверенно проговорил Серёга, думая о словах Толика.

- Зачем-то же много о чём пишут, – хмыкнул Толик. – Зачем-то же писали, что станешь импотентом, если будешь дрочить... пох всё это! Ты не куришь, и это твой выбор. Я курю, и это мой выбор. И это различное отношение к курению нам ничуть не мешает быть друзьями... и даже братьями! Так?

- Так, – Серёга кивнул головой. Они помолчали. Уже было, наверное, поздно, но спать не хотелось. Толик достал из пачки ещё сигарету, щелкнул зажигалкой – Серёга покосился на Толика, но ничего говорить не стал... говорить здесь было не о чем, всё было и так понятно: если Толян хочет курить, то он курит... точно так же и он, Серёга: если он хочет дрочить, то он дрочит... а курить или дрочить и при этом думать про импотенцию, которая то ли наступит от курева или дроча, то ли всё это лажа... да ну нах! Подумав про дрочку, Серёга тут же подумал о том, что сегодня они – он и Толян – целовались взсос... ну, то есть, не просто дрочили друг другу, а целовались взсос, в постели друг друга е б а л и, и это... это был кайф! Ну, то есть, классно всё это было! – Толян... – покосившись на губы Толика, негромко проговорил Серёга, нарушая молчание. – Ты хочешь ещё?

- А ты? – Толик, без труда поняв, о чём его спрашивает Серёга, вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Ну, я не знаю... я как ты! – отозвался Серёга. – Ты же мой старший брат...

- Я сейчас не хочу, – секунду подумав, спокойно проговорил Толик, и это было действительно так: никакого возбуждения он, Толик, в данное время не испытывал. – Но если ты хочешь...

- Я тоже не хочу, – перебил Толика Серёга. – Завтра покайфуюем!
- Сегодня, – уточнил Толик.
- Что «сегодня»? – не понял Серёга. – Ты хочешь сейчас?
- Не сейчас, а сегодня. Уже наступило сегодня, – Толик смотрел на Серёгу смеющимися глазами.
- Толян... – поняв, что Толик имеет в виду, Серёга изобразил на лице лёгкую досаду. – Сегодня – это сейчас, и закончится оно, когда мы уснём. А когда мы проснёмся, то это будет завтра... ты почему, блин, такой тупой? – Серёга, обхватив Толика рукой за шею, притянул лицо Толика к своему лицу, с силой вдавился щекой в щеку Толика. – Ты почему такой... такой дурак?
- Блин, больно же! – засмеялся Толик, но вырваться не стал, почувствовав, что приятно это... приятно это вот так – щекой к щеке. – Сам ты дурак! Сегодня заканчивается не тогда, когда ты копыта свои откидываешь, а тогда, когда стрелки часов сходятся на цифре двенадцать... блин, я таких тупых, как ты, ещё не видел... пусти!
- Кто тупой? Я тупой? – Серёга сильнее прижал Толика. – Говори, кто тупой... я или ты?
- Я... я тупой! Пусти! – Толик со смехом зажмурился, и хотя он говорил «пусти», он не вырывался – не пытался от Серёги отстраниться; они дурачились, сидя ночью на ступеньках крыльца, сексуального возбуждения ни у Толика, ни у Серёги не было, члены в трусах-плавках умиротворённо дремали, и всё равно... всё равно это было приятно, было в кайф – сидеть рядом, щекой прижимаясь к щеке.
- Пират, ты свидетель! Толян только что признался, что он тупой... – Серёга рассмеялся, и Пират, чуть шевельнув хвостом, покосившись на сидящих на

ступеньке крыльца мальчишек, дёрнул ушами, словно таким образом подтверждая, что он всё слышит.

Серёга, разжав руку, отпустил Толика, и всё равно... всё равно музыка, что вела их, никуда не делась, не исчезла – музыка была еле различима, но не потому, что она ослабла или слабела, а потому, что музыка эта наполнилась новыми, совершенно новыми обертонами, – сексуального возбуждения не было, не было никаких позывов к сексуальной активности, но даже просто сидеть рядом, соприкасаясь плечами, говорить о чём угодно, прижиматься щекой к щеке, дурашливо выясняя, кто умнее, смеяться, просить друг у друга пощады... всё это было в кайф, и этот кайф, никак не связанный с проявлением сексуальности, был не менее значим и осязаем, чем то наслаждение, которое было в постели; конечно, ни Серёга, ни Толик свои чувства не анализировали, они об этом не думали – они просто слышали музыку, что звучала в их юных душах, распахнувшихся друг для друга...

- Толян, ты прикинь... – задумчиво проговорил Серёга, нарушая молчание. – Вот мы сидим здесь с тобой... да?

- Да, – Толик кивнул головой, – мы сидим здесь с тобой. Но ты, если хочешь, можешь лечь рядом с Пиратом – не сидеть можешь, а лежать... – глядя на Серёгу, Толик тихо засмеялся.

- Блин! Я серьёзно с тобой говорю... – Серёга несильно толкнул Толика локтём в бок. – Ты способен к серьёзному разговору?

- Ну, хорошо, хорошо, говори! – Толик, перестав смеяться, с серьёзным выражением лица посмотрел на Серёгу. – Сидим мы... и что?

- Я подумал сейчас... посмотри, сколько звёзд на небе! – Серёга задрал голову вверх.

Толик, вслед за Серёгой тоже задрал голову вверх – глядя на звёздное небо, негромко отозвался:

- Ну... до фига... и что?

- А прикинь, что в это самое время где-то на какой-то звезде точно так же сидят два пацана, смотрят, как мы, на небо, и...

- Вот прямо сейчас сидят и смотрят – в это самое время? – покосившись на Серёгу, уточнил Толик.

- Да, – отозвался Серёга, глядя на небо. – В этом же весь прикол: мы смотрим на них, они смотрят на нас, но мы друга не видим...

- Прикол весь в том, что мы не можем видеть друг друга, – хмыкнул Толик. – Ну, то есть, можем, но не в одно и то же время, не одновременно – всё это совсем не так, как тебе хочется...

- Почему? – Серёга с недоумением посмотрел на Толика. – Мы сидим здесь, они сидят там, на какой-то звезде... понятно, что мы их не видим, но вдруг у них есть такой телескоп... такой мощный-премощный телескоп, в который они сейчас смотрят и видят нас... может же быть такое?

- Не может, – спокойно проговорил Толик.

- Почему? Я же сказал, что у них есть мощнейший телескоп... мощный-премощный! Почему они не могут нас видеть в свой телескоп?

- Потому что... если у них даже есть такой мощный-премощный телескоп, чтобы в него они видели Землю, то они в него видят сейчас не нас, а видят... видят, к примеру, как Колумб плывёт открывать Америку... ну, или видят что-то из античного мира – как воюет, к примеру, Александр Македонский...

- Так это же было фиг знает когда! А они смотрят сейчас – смотрят на нас... почему они видят то, что было когда-то, если они смотрят на нас? – в глазах Серёги было искреннее непонимания. – Или ты снова меня разыгрываешь – снова меня дуришь?

- Блин... на фиг мне тебя дурить? – с лёгкой запальчивостью в голосе отозвался Толик. – Покажи мне Полярную звезду!

- Ну... я не вижу сейчас...не вижу, где она... – медленно проговорил Серёга, растягивая слова – глядя на звёздное небо. – А ты видишь?

- Я вижу, – отозвался Толик. – Хорошо, покажи мне Большую Медведицу!

- Блин... я же тебе не астроном, чтоб все звёзды знать! – с лёгкой досадой проговорил Серёга. – Я вообще тебя о другом говорил, а ты мне пудришь мозги...

- Смотри! – Толик, поняв, что Серёга ни фига не знает, как увидеть на небе Полярную звезду, придвинулся к Серёге ближе и, одной рукой обняв Серёгу за плечо – притянув его к себя, вытянул другую руку вверх. – Большая Медведица похожа на ковш, её без труда можно видеть... смотри, куда я пальцем показываю!

- Пальцем в небо показываешь, – засмеялся Серёга.

- Блин, а куда я должен ещё показывать, если звёзды на небе? Вот не думал, что у меня младший брат такой бестолковый... смотри! – Толик, соскользнув ладонью с Серёгиного плеча, раскрытой ладонью сильнее наклонил голову Серёги к голове своей, так что теперь они соприкасались висками. – Вон четыре звезды в виде неправильного прямоугольника... ну, то есть, если эти четыре звезды мысленно соединить между собой, то у полученного прямоугольника все стороны будут неравные: две длинные, но при этом одна

чуть короче другой, и две стороны по бокам, и тоже одна короче другой... видишь?

- Ну, вижу... – отозвался Серёга.

- Вот! Та сторона из двух длинных, которая короче, это дно ковша. Ты сторона, которая длиннее из двух коротких, это внешняя сторона ковша, и она чуть выпирает углом... видишь? – Толик, объясняя Серёге, говорил уверенно, увлеченно, и эта его увлечённость невольно передалась Серёге.

- Вижу, – повторил Серёга, глядя на неправильный четырехугольник.

- Вот! А теперь, оттолкнувшись от верхней точки, ну, то есть, от верхней звезды внутренней стороны ковша, ты видишь еще три звезды, которые мысленно мы соединяем между собой прямыми линиями, и... что у тебя получается?

- Получается... – Серёга, запрокинув голову в звёздное небо, замолчал. Чуть отстранившись от Серёги – глядя на Серёгу, Толик терпеливо ждал. – Получается... ну, типа как ручка у ковша, если четыре звезды – это ковш... загнутая ручка ковша. Правильно? – Серёга посмотрел на Толика.

- Правильно! – улыбнулся Толик. – Контрольный вопрос: из скольких звёзд состоит этот ковш?

Серёга снова задрал вверх голову. Посчитал. Снова посмотрел на Толика.

- Из семи, – уверенно произнёс Серёга. – Четыре звезды сам ковш плюс три звезды ручка.

- Вот! Ты не такой тупой, каким кажешься, до семи точно считать умеешь! – Толик рассмеялся, толкая Серёгу локтём в бок. – Семь звёзд – это и есть Большая Медведица, состоящая из семи планет. Там, правда, планет больше,

но это не важно, мы их не видим. Мы отчетливо видим только семь звёзд – Большую Медведицу. Её на небе найти всегда нетрудно. А по Большой Медведице всегда легко найти Полярную звезду... знаешь, как найти?

- Нет, – честно признался Серёга.

- Смотри... – Толик снова вытянул руку, показывая Сереге пальцем. – Если, взяв за основу внешнюю боковую сторону ковша, мысленно протянуть прямую дальше и на той прямой отмерить примерно пять раз такое же расстояние, как расстояние внешней стороны ковша, то... получается? – Толик вновь посмотрел на Серёгу.

- Ну, получается... отмерил пять раз... – Серёга, задрав голову, смотрел на звёздное небо.

- И что получилось?

- Если пять раз отмерить, то на этой прямой заезда... – неуверенно проговорил Серёга. – И что?

- И то! Эта и есть Полярная звезда! – Толик произнёс это так, как будто только что он сделал величайшее открытие. – А теперь смотри! Если предположить, что на Полярной звезде есть жизнь и что сейчас оттуда кто-то направил на нас свой мощный-премощный супер-пупер-телескоп, то... знаешь, когда они нас увидят?

- Когда? – отозвался Серёга, глядя на Полярную звезду.

- Нас они увидят через четыреста лет!

- В смысле? – Серёга посмотрел на Толика; во взгляде Серёги было неподдельное недоумение. – Через четыреста лет нас уже не будет... как они нас увидят через четыреста лет?

- Через четыреста лет к ним только дойдёт картинка с нами – вот они нас и увидят! А сейчас... вот именно сейчас до них только дошла картинка, что было на нашей земле четыреста лет назад, и сейчас они видят... видят сейчас, как Колумб плывёт открывать Америку! Или на этом месте, где сейчас мы сидим, четыреста лет назад был непроходимый лес, и сейчас они видят именно этот лес, а не нас с тобой. Всё дело в расстоянии, мой глупый, но любознательный младший брат! – Толик, говоря это, шутливо взъерошил на Серёгином затылке волосы. – Кстати, свет от Полярной звезды к нам идёт тоже четыреста лет, и вот прикинь... может, этой планеты, которую мы называем Полярной звездой, уже двести лет как нет, то есть двести лет назад она , может, погасла или просто превратилась в космическую пыль, но к нам ещё целых двести лет будет идти от неё свет, и мы, глядя на этот свет, ещё двести лет будем думать, что мы смотрим на существующую звезду...

- Ну, то есть... – Серёга умолк, глядя на Толика – с трудом осмысливал услышанное. – Значит, что получается... если б, допустим, у нас был бы сейчас супер-пупер-телескоп и мы в него увидели бы сейчас двух пацанов, сидящих там, у себя, на крыльце, то в реале пацаны эти сидели на своём крыльце четыреста лет назад?

- Именно так! – подтвердил Толик, довольный тем совершенно неожиданным для него эффектом, какой произвёл его рассказ на Серёгу.

- Офигеть! Это, блин, просто какая-то машина времени... – то ли для Толика, то ли вслух для себя медленно проговорил Серёга; он вновь посмотрел на небо – нашел Большую Медведицу, мысленно провел прямую линию, отсчитал на этой прямой пять отрезков, равных передней стенки ковша... – Толян... – оторвав взгляд от Полярной звезды, Серёга вновь посмотрел на Толика. – А ты откуда всё это знаешь?

- Из интернета, – Толик пожал плечами. – У меня ещё есть дома астрономический атлас, где все созвездия, которые мы можем видеть... да это все знают: и как найти Полярную звезду, и про скорость света... мне это просто интересно – что-то узнавать про космос, про разные галактики! Вот смотри: если от Полярной звезды провести прямую линию дальше, то... – Толик снова задрал голову вверх, всматриваясь в звёздное небо. – Смотри...

Серёга почувствовал, как его член в плавках-трусах начал стремительно – без всяких на то причин и поводов – наливаясь юным сладостным возбуждением... в принципе, ничего удивительного в этом не было – член Серёгин жил по своим собственным законам, и к спонтанным эрекциям, когда вдруг ни с того ни с сего за считанные секунды возникал стояк, Серёга в последнее время привык, а теперь рядом, практически вплотную, сидел Толян, рука Толяна лежала у него, у Серого, на плече, их ноги соприкасались, у них уже был... да, у них только что был классный секс в постели!

- Толян... – проговорил Серёга чуть изменившимся голосом, глядя не на звёздное небо, а на губы Толика. – Ты столько знаешь всего про космос... я от тебя фигею!

- Наконец-то ты понял, что твой старший брат умнее тебя! – Толик тихо рассмеялся. – Я тебе хотел еще показать созвездие Кассиопеи, но сейчас я это созвездие сам не вижу... будет небо чище, и я обязательно покажу! Это же всё интересно... звезды, галактики... а те, кто живёт ниже экватора, в Африке или, к примеру, в Австралии, видят совсем другие звёзды – там другое звёздное небо... другие галактики...

- Толян... ты хочешь еще? – тихо проговорил Серёга, чувствуя, как член его в трусах налился горячей твердостью, и оттого, что член возбудился, превратился в твёрдый не сгибающийся стояк, тут же возник сладкий зуд и в

самом члене, в полуоткрытой, наполовину залуившейся головке, упершейся в трусы, и в промежности, между раздвинутыми ногами, и вокруг попы, точнее, вокруг плотно сжатой девственной дырочки... всё в один миг опалилось жарким желанием, всё набухло, наполнилось зудом-предвкушением. – Хочешь?

Серёга так внезапно сменил тему, перескочив с далёких галактик на дела земные и близкие, что впору было уточнить у него, что именно он имеет в виду, но Толик, сидящий рядом с Серёгой, понял Серёгу без уточнений, – оторвав взгляд от звёздного неба, Толик посмотрел на Серёгу:

- Я как ты...

- Значит, хочешь... – сделал вывод Серёга, не углубляясь в нюансы хотения; он вождеюще посмотрел на губы Толика. – У меня стоит... можешь проверить! – И, приблизив своё лицо к лицу Толика, движимый вмиг возникшим порывом, Серёга без лишних слов обхватил, окольцевал губы Толика губами своими – горячо и жадно вобрал губы Толика в рот, одновременно положив ладонь на затылок Толика, чтобы Толик не вздумал вырваться.

Между тем, у Толика даже на мгновение не промелькнула мысль о том, чтобы как-то воспротивиться Серёге, – всё случилось спонтанно: Толик, подавшись к Серёге, непроизвольно разомкнул свои губы, окольцованные подвижными губами Серёги, кончики их горячих языков соприкоснулись, упруго затрепетали, забились друг о друга... рука Толика вскользнула в Серёгины плавки-трусы, и Толик тут же свернувшись в кулак пальцами обхватил твёрдый горячий ствол, чувствуя, как у него самого член в трусах стремительно наливается щекотливо зудящей сладостью... продолжая сосать Толика в губы, Серёга почувствовал, как ладонь Толика обхватила его член, и, для удобства чуть раздвинув, разведя в стороны согнутые в коленях ноги,

точно так же вскользнул ладонью в трусы сидящего рядом Толика – сжал пальцами твёрдый горячий стояк Толяна... крутанув головой, Толик вырвал свои губы из губ Серёги и, не делая передышку, ничего не говоря и ни о чём не спрашивая, тут же губами своими накрыл губы Серёгины – так же горячо и жадно засосал в губы Серёгу... композиция из скрещенных рук, шевелящихся в трусах друг у друга, из жарко слившихся в засосе губ образовалась спонтанно и вместе с тем так естественно, как будто они, четырнадцатилетние мальчишки, полжизни только этим и занимались, – они сидели на ступеньке крыльца, повернувшись друг к другу вполоборота, теребили друг у друга клейко залупающиеся стояки, с юной ненасытностью поочередно сосали друг друга в губы, и... даже если, как легкомысленно предположил Серёга, сейчас – вот прямо сейчас! – кто-то из глубины космоса смотрел бы на них в свой супер-пупер-телескоп, то, как объяснил Серёге Толик, увидеть их, сидящих на крыльце под звёздным небом, этот смотрящий в телескоп инопланетный вуайерист сможет через сотни, или тысячи, или даже миллионы световых лет... пусть смотрит!

- Пойдём в комнату... – выдохнул Серёга, оторвавшись от губ Толика. – Я ещё хочу... идём! – вытащив руку из трусов Толика, Серёга пружинисто встал – поднялся на ноги; рука Толика вскользнула из трусов Серёги; и Толик так же пружинисто, как Серёга, поднялся вслед за Серёгой тоже; трусы-плавки у обоих стояли колом.

- Ты же не хотел... – зачем-то проговорил Толик, то ли подкалывая Серёгу, то ли напоминая Серёге о его непоследовательности... то ли сказал просто так – лишь бы что-то сказать.

- Ты первый не хотел... – отозвался-отмахнулся Серёга, шутливо и в то же время нетерпеливо толкая Толика в коридор. – Когда мы не хотели, мы были глупые. А теперь мы оба хотим... идём! Я тебя выебу...

- Или я тебя выебу! – с тихим смехом отозвался Толик, делая вид, что он уворачивается, сопротивляется Серёге. – Я тебя выебу...

Лежащий у крыльца Пират, приподняв голову, заинтересованно смотрел, как мальчишки, стоя в дверном проёме друг против друга, смеются-дурачатся.

- Не «или», а «и»... – демонстрируя Толику понимание смысловых различий между союзами, назидательным тоном уточнил-поправил Серёга. – Союз «или» разделительный, а союз «и» соединительный! И ты меня выебешь... я тебя, а ты меня – мы друг друга выебем... идём! Я тебя первый...

- Ну, блин... ты кого хочешь уговоришь! – Толик, делая вид, что он сдался, что он не смог устоять перед мощным Серёгиным напором, шагнул в комнату; они, подгоняемые юным нетерпением, вошли в комнату, и...

Всё повторилось, только теперь всё было на Серёгиной постели, и было немного разнообразнее: в комнате всё так же горел свет, снятые трусы лежали на постели Толика, голые мальчишки с возбуждённо торчащими, багрово залупившимися членами, переплетаясь ногами, ласкали друг друга ладонями; меняясь местами, поочередно ложились друг на друга – тёрлись друг о друга твёрдыми горячими членами; жарко сопели; поочередно сосали друг друга в губы; драчили друг другу, ложась друг против друга, глядя друг другу в глаза; вновь прилипали друг к другу – с силой вжимались друг в друга юными горячими телами, тискали, мяли друг другу сочно-упругие булочки; снова елозили друг по другу, вдавливая друг другу в животы липко залупавшиеся члены... они, мальчишки, кайфовали! Они совершенно не думали, хорошо это или плохо с точки зрения «общепринятых представлений о правильном и неправильном в сексе», им было всё равно, как это может называться в том социуме, где протекала их внешняя, в и д и м а я, жизнь... всё это не имело никакого значения! Это было наслаждение, юное и упоительное, безоглядное наслаждение, и они... они, мальчишки, просто

кайфовали! Потом, когда всё было кончено, они точно так же обтёрлись – вытерли клейкую сперму с членов и животов, снова надели трусы...

- Толян... какой ты, однако, развратный, – с улыбкой проговорил Серёга, как бы подводя итог всему тому, что было у них в постели, но ни в голосе Серёгином, ни в его взгляде не было ни смущения, ни, тем более, какого-либо осуждения, а даже наоборот – слово «развратный» прозвучало, вопреки своему значению, как знак несомненного одобрения.

- Ой, на себя посмотри! – парировал Толик с той же интонацией, в свою очередь глядя с улыбкой на Серёгу. – Выключай свет – будем спать! – Толик повалился на свою постель.

Серёга хотел уточнить, чья очередь выключать свет, но выяснять и спорить не было никакого желания, и Серёга, пробурчав себе под нос:

- Командир, блин, нашелся, – послушно щёлкнул выключателем.

- Не командир, а твой старший брат, – в темноте проговорил Толик с чувством явного удовольствия. – Тебе посветить телефоном?

- Не надо... я уже на месте, – отозвался Серёга, опускаясь на свою постель; не видимый в темноте Толик назвал себя старшим братом, и... в комнате было темно, мальчишки в темноте не видели друг друга, но они оба – одновременно! – вдруг ощутили-почувствовали какое-то тёплое, радостное, умиротворяющее чувство п р и н а д л е ж н о с т и д р у г д р у г у... они уже произносили эти ни к чему не обязывающие определения «старший брат» или «младший брат» и в адрес друг друга, и в свой собственный адрес, не придавая этим определениям никакого особого смысла, но теперь словно что-то изменилось, и слова эти – «старший брат», «младший брат» – зазвучали как-то совсем по-другому, наполняясь совершенно иным смыслом...

- Толян, ты уже спишь? – произнёс в темноте Серёга, пытаясь увидеть лежащего напротив Толика.

- Уже сплю, – отозвался Толик.

- Я тоже сплю, – проговорил Серёга, думая о том, что завтра... или сегодня, когда наступит утро, он снова увидит Толика... «снова увижу Толяна...» – с этой тёплой, отчего-то радостной мыслью Серёга провалился в сон – тихо засопел вслед за уже сопящим Толиком...

Утром, конечно, они проспали, что было, впрочем, неудивительно, – они не слышали, как пришел Пётр Степанович, как Пётр Степанович о чем-то поговорил с радостно виляющим хвостом Пиратом, как Пётр Степанович, благо дверь была нараспашку, прошел в комнату; Толик спал, лёжа на животе, обняв подушку, одну ногу согнув в коленке – отведя в сторону, а Серёга, наоборот спал на спине, разбросав в стороны руки, разведя, раздвинув в стороны ноги; может, и у Толика была обычная утренняя эрекция, но этого видно не было, а у Серёги, лежащего на спине, трусы-плавки, изнутри натянутые вставшим членом, вздымались вверх, напоминая конусообразную юрту, – у спящего Серёги, как это происходило практически каждое утро, была обычная утренняя эрекция – член у Серёги стоял в трусах колом, и Пётр Степанович, глядя на внука, мысленно хмыкнул: «Ты посмотри! Ума еще нет, ум как у курицы, а писюн уже колом стоит – уже хочет девчонку... от природы никуда не денешься!» – Пётр Степанович невольно улыбнулся; мальчишки, сладко посапывая, спали, и Пётр Степанович решил не будить их – пусть немного поспят ещё, пока он будет заниматься во дворе хозяйством.

Серёга проснулся первым – сквозь сон до него донеслось с улицы урчание «Москвича», и Серёга открыл глаза, – вспомнив, что было вчера, он первым делом посмотрел на спящего Толика... вчера было всё офигенно, просто

офигенно, – машинально сунув руку в трусы, Серёга сжал пальцами напряженный член.

- Толян! – негромко позвал Серёга, садясь на своей постели. – Просыпайся...

- Сколько времени? – не открывая глаза, отозвался Толик.

- Да фиг его знает! Сейчас посмотрю, – Серёга потянулся за телефоном, чтоб посмотреть время. – Девятый час... вставай! Дедуля уже пришел – звать нас на завтрак... слышишь? Дрессирует свой драндулет...

- Блин, я спать хочу! – всё так же не открывая глаза, не меняя позу, нараспев проговорил Толик жалобным голосом.

- Раньше нужно ложиться! – произнёс Серёга с такой интонацией, словно он пенял Толику что тот поздно лёг и потому теперь не хочет вставать – хочет спать.

- Ой! Кто б говорил! – Толик, открыв один глаз, весело посмотрел на сидящего на постели Серёгу. – Ты как?

- Нормально! – Серёга, глядя на Толика, улыбнулся. – А ты?

- Я тоже нормально... даже отлично! – Толик, рывком оторвавшись от подушки, тоже сел; секунду-другую они, Серёга и Толик, весело смотрели друг на друга, не столько понимая, сколько чувствуя, что они стали еще ближе друг другу, и это ощущение близости наполняло их юные души музыкой радости. – Серый... – Толик, с деланной блудливостью прищурил один глаз, медленно провёл кончиком языка по верхней губе. – А ты, оказывается, очень сексуальный...

- Ой! А ты как вроде нет... – Серёга, в ответ точно так же прищурил один глаз, точно так же провёл языком по верхней губе; мальчишки, глядя друг на друга, весело рассмеялись.

Они вышли в наполненное воробьиным щебетом утро, и Пират, услышав, как скрипнули ступеньки крыльца, повернул на скрип голову – энергично и радостно закрутил хвостом.

- Дедуля! Ты специально завёл свой ретро-мобиль, чтоб не дать бойскаутам выпастись? – весело поинтересовался Серёга, подходя к Петру Степановичу.

- Умывайтесь, бойскауты! Едем на завтрак, пока сырники не остыли. Бабушка, наверное, уже заждалась, – Пётр Степанович пошел открывать ворота.

- Ты любишь сырники? – Серёга посмотрел на Толика.

- Да. А ты? – отозвался Толик.

- Я тоже люблю! – Серёга улыбнулся.

После завтрака Пётр Степанович поехал, как он сам выразился, «пошевелить траву», скошенную на сено, а Серёга с Толиком покормили Пирата и, оседлав своих «мустангов», поехали искать подходящее место для купания. Они проехали километров пять в одну сторону от пляжа, вернулись назад, столько же проехали в сторону другую – везде вдоль берега либо росли густые кустарники, либо росла высокая трава, никакой чистой полянки, хотя бы отдалённо напоминавшей пляж, не было, и мальчишки вернулись назад. За обедом они рассказали дедуле и бабуле о своих безуспешных поисках места для купания.

- Есть одно место, но это остров... это чуть дальше того места, где мы рыбачили... ты, Толик, был там в свои прошлые приезды? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой.

- Я тоже не был, – вставил своё слово Серёга.

- Ты, Серёга, там точно не был, это я знаю, – хмыкнул Пётр Степанович. – А мы там когда-то целые дни проводили летом – и купались, и загорали, и морские бои устраивали... – Пётр Степанович на секунду задумался, видимо, что-то вспоминая из далёких-предалёких лет.

- Ну, ты посоветовал тоже, – с лёгким неодобрением в голосе проговорила Зинаида Ивановна, доставая из кастрюли с борщом половину курицы. – Такая даль... да и нет уже, может, того острова – размыло его водой...

- Ничего его не размыло, – возразил Пётр Степанович. – Я в прошлом году в тех местах рыбачил, остров на месте. А что касается расстояния, то мы мальчишками туда ходили пешком через день да каждый день – и купались там, и клад искали... а у них вон велики!

- Не велики, а мустанги! – тут же поправил Серёга. – Бабуля, мне нежирный кусочек... и шкуру я тоже не ем!

- Мне тоже, бабуля, не жирный кусочек! – проговорил Толик, отодвигая опустошенную тарелку из-под борща. – И шкуру мне тоже не надо!

- А какой вы там клад искали? – проследив, как Зинаида Ивановна вырезала белое мясо для него и для Толика, Серёга снова перевёл взгляд на Пётра Степановича.

- Да никакой! Глупые были – в пиратов играли, клад искали... – Пётр Степанович рассмеялся.

- Может, вам просто не повезло? – то ли спросил, то ли высказал предположение Серёга с невольной надеждой в голосе.

- Серёжа! Ну, какой там может быть клад? Сам подумай... – проговорила Зинаида Ивановна, призывая Серёгу к благоразумию. – Клады были в старые времена, а сейчас... любой клад сейчас можно со спутника увидеть – все клады уже давно нашли!

- Бабуля! Ну, какие спутники здесь могут летать, если здесь, у вас, нет даже интернета? – живо возразил Серёга, не желая поддаваться благоразумию. – Живём здесь как в старые времена, когда клады были... да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика, ища поддержку своему внезапно вспыхнувшему энтузиазму.

- Ну... а кто там мог клад зарыть? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу, – Здесь же пиратов не было...

- Ой, да кто угодно мог зарыть! При чём здесь пираты? – Серёга с досадой поморщился. – Может, разбойники зарыли... дедуля, были у вас разбойники?

- На моей памяти не было, – хмыкнул Пётр Степанович, отправляя в рот кусок курицы. – А так... может, и были когда! Разбойники были везде...

- Вот! – Серёга торжествующе посмотрел на Толика. – Эти разбойники и могли на острове клад зарыть... всегда нужно верить в лучшее! Короче... когда мы, дедуля, поедem на остров? – Серёга с видимым нетерпением перевёл взгляд на Петра Степановича.

- Клад искать? – с лёгкой иронией в голосе уточнил Пётр Степанович.

- Вообще посмотреть, что это за остров, – Серёга, поняв, что с поиском клада его никто не поддерживает, даже Толян не на его стороне, решил тему клада на время отложить. – Ты, дедуля, сказал, что вы там купались... может, и мы с Толяном там тоже будем купаться и загорать. Да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- Ну, посмотреть надо! – поддержал Серёгу Толик.

- Когда, дедуля, поедem? – деловито поинтересовался Серёга, вопросительно глядя на Петра Степановича.

- Да хоть сегодня! – отозвался Пётр Степанович. – К вечеру можно будет и съездить. Но при одном условии... – Пётр Степанович хитро прищурился, поочерёдно глядя то на Серёгу, то на Толика. – Я поеду на «Москвиче», а вы следом за мной поедете на великах. Согласны?

- Не на великах, а на «мустангах», – не замедлил поправить Петра Степановича Серёга. – Толян, ты согласен? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика, одновременно с этим под столом незаметно толкая ногой ногу Толика, чтобы Толик не вздумал, как в случае с кладом, «крутить хвостом – вставляя палки в колёса».

- Я согласен, надо посмотреть! – отозвался Толик, в ответ толкая ногой ногу Серёгину.

- Ну, вот что в такую даль ехать? – снова встряла в разговор Зинаида Ивановна. – Купайтесь на нашем пляже... кто вам мешает?

- Бабуля! – Серёга с улыбкой посмотрел на Зинаиду Ивановну. – Во-первых, на вашем пляже купаются ваши алкоголики. Это раз. Во-вторых, дедуля, когда он искал клад, ходил купаться туда вообще пешком... и ничего! Это два. И в-третьих... что, Толян, у нас в-третьих?

- Что у нас в-третьих? – словно эхо, отозвался-повторил Толик,
 - Компот у вас в третьих, – рассмеялась Зинаида Ивановна.
 - Да пусть прокатятся – пусть проветрятся! – благодушно посмотрел на Зинаиду Ивановну Пётр Степанович. – Не так уж это и далеко, если разобраться... здоровые лбы! Пусть катаются – аппетит нагуливают!
 - Ну, на отсутствие аппетита, слава богу, никто не жалуется, – лицо Зинаиды Ивановны озарилось улыбкой.
 - Значит, крепче спать будут, – хмыкнул Пётр Степанович, разливая по кружкам из стеклянного графина холодный взвар.
 - Кстати, бабуля... – Серёга подвинул к себе кружку с холодным компотом. – Нам в нашу спальню нужно бра!
 - Какую бра? – Зинаида Ивановна, отхлебнув взвар, с недоумением посмотрела на Серёгу.
 - Ну, это такой светильник настенный, не очень яркий, но чтобы он ночью всё время горел, – объяснил Серёга Зинаиде Ивановне значение слова «бра» и тут же словоохотливо пояснил, зачем им нужен в спальне светильник: – Толян боится спать в темноте, а признаться в этом стесняется... ну, и сказал мне, чтобы я про светильник спросил. Сам не спит по ночам, и мне не даёт – всё время меня зовёт, чтоб я отзывался, чтоб он знал, что я рядом... я, бабуля, не боюсь спать в темноте, а Толян боится. Нужен светильник!
- Толик, глядя на Серёгу округлившимися глазами, поперхнулся компотом.
- Толя! Чего ты боишься? – Зинаида Ивановна посмотрела на внука обеспокоенным взглядом.

- Бабуля! Кому ты веришь?! Он же всё врёт! – Толик, уже успевший привыкнуть к тому, что Серёга всё время что-то сочиняет и про него, и вообще, рассмеялся. – Он сам... он сам боится без света спать, а на меня переводит стрелки!

- Ну, не будем вдаваться в подробности! – Серёга без тени улыбки на лице выставил в сторону Толика открытую ладонь, таким образом призывая Толика помолчать. – Но нам, бабуля, действительно нужен светильник. Окна плотно зашторены, и когда ночь на улице, в комнате вообще ничего не видно... Толян уже дважды ночью вставал по своим делам, ну, то есть, на улицу нужно было выйти, и оба раза он не смог попасть в дверь, чтоб выйти... каждый раз с разгона стучался об стенку. Толян, покажи шишку!

- Вот же врун! – Толик снова рассмеялся. – Сейчас мы пойдём домой, и я тебе покажу шишку... будет тебе шишка! Будет шишка у тебя!

- Бабуля, ты слышала? За мои правдивые слова в мой адрес прозвучала угроза... – Серёга изобразил на лице смесь страха и искреннего недоумения.

- Ох, балаболы! – Зинаида Ивановна, поняв, что внуки и сами дурачатся, и её дурачат, покачала головой. – Найду я ночник вам... где-то был у меня – в виде звёздочки... ох, и балаболы.

Ехать на остров решили ближе к вечеру, когда спадёт жара. Пётр Степанович после обеда пошел вздремнуть, а Толик с Серёгой, прихватив обед для ждущего их Пирата, пошагали к «месту постоянной дислокации», чтобы, как выразился Серёга, тоже «откинуть копыта – отдохнуть перед поездкой».

- Толян, ты почему не веришь, что на острове может быть клад? – Серёгу захватила идея найти клад, воображение его разыгралось, и он не мог понять, почему Толик не разделяет его энтузиазм.

- Потому что ты дурак! Дедуля сказал тебе, что всё это глупость, – отозвался Толик, который, в свою очередь, не мог понять, как можно верить в какие-то клады.

- Блин, много дедуля понимает! – фыркнул Серёга. – А за «дурака» ты мне ответишь... – с этими словами Серёга обхватил рукой Толика за шею и, наклоняя его туловище вниз, наклоняясь сам, прижался своей щекой к щеке Толика. – Кто дурак? А? Говори! Я или ты? – стоя сбоку от Толика, прижимаясь к Толику, Серёга раз и другой, поднимая ногу, стукнул коленкой Толика по заднице. – Говори, кто дурак...

- Блин, ты суп для Пирата расплескаешь, – Толик со смехом закрутил головой, пытаясь вывернуться из-под Серёгиной руки. – Пусти! Серый...

- Кто дурак? Я или ты? – Серёга, обнимая Толика за шею, прижимаясь щекой к щеке, почувствовал характерную приятность внизу живота... приятность эта была едва ощутимой, со стороны незаметной, невидимой, внешне никак не проявляющейся, так что если бы кто-то увидел двух мальчишек, согнувшихся в своей мальчишеской возне-борьбе посередине улицы, точнее, посередине неширокого переулочка затеявших шутовское выяснение, кто из них дурак, то этот гипотетический кто-то, не имея с п е ц и ф и ч е с к о г о зрения, вряд ли смог бы подумать или заподозрить, что и Серёге, и Толику их шутовская возня более чем приятна, что эта мальчишеская возня наполнена для них, для Серёги и Толика, скрытым смыслом – неповторимой музыкой, зовущей в райские кущи...

А между тем... шутовское выяснение, кто из них умный, а кто дурак, мальчишки затеяли аккуратно напротив дома бабки Ниловны, во дворе у которой в это время был один из тех двух парней, что были на пляже и о которых за ужином говорили Зинаида Ивановна и Пётр Степанович; впрочем, говорили они по большей части о Кольке, которого Зинаида

Ивановна знала сызмальства, но теперь во дворе у Ниловны был не Колька, а был его друг-квартирант – то ли сослуживец, как сказал Пётр Степанович, то ли просто репъём прилипший к Кольке собутыльник, который, как полагала Зинаида Ивановна, оказывал на Кольку дурное влияние, – друга этого звали Владиком; стоя во дворе у Ниловны, Владик внешне безучастно наблюдал за шутилкой возней двух вполне симпатичных подростков, затеявших свою борьбу буквально перед его глазами – аккуратно напротив дома Ниловны. Ниловне было восемьдесят лет, но она ещё сажала огород и держала хозяйство, состоявшее из кур, двух петухов и трёх постоянно жующих коз, – раз в две недели из райцентра приезжал к Ниловне зять и отвозил её в райцентр, где на рынке она продавала куриные яйца и сделанные из козьего молока сливки и сметану; ещё Ниловна на рынке в райцентре продавала огурчики со своих грядок, продавала помидоры и разную зелень, – несмотря на возраст, была Ниловна бабкой деятельной и политически подкованной: по вечерам, управившись с хозяйством, она смотрела телевизор и была в курсе всех международных событий, знала поимённо всех врагов, о которых любила поговорить со своим зятем, пока они ехали в райцентр и потом возвращались обратно. А в самой Сосновке яйца у Ниловны регулярно покупали Колька и Владик, когда приезжали с вахты, – приезжали они с деньгами, никогда не жадничали, покупали – по собственной инициативе – чуть дороже, чем продавала Ниловна на рынке в райцентре, и Ниловна Кольку и Владика за их щедрость привечала, про пьянки им глаза не колола – никогда ничего не говорила; ещё – за отдельную плату – Ниловна варила Кольке и Владика борщ в большой девятилитровой кастрюле, которого Кольке с Владиком хватало на две недели, и ещё они покупали у Ниловны помидоры-огурчики, – иногда Колька приходил «за провиантом» один, иногда они, Колька и Владик, приходили вместе, а иногда приходил один Владик, – Ниловне было без разницы, с кого брать деньги. Вот и в этот раз, когда Толик с Серёгой затеяли возню напротив дома Ниловны, Владик,

пришедший за борщом, был у Ниловны один, без Кольки, – от Владика несло перегаром и на лице его явно читалось страдание – накануне они, Владик и Колька, полночи пили водку в кафе в райцентре, там, в этом кафе, по настоянию Кольки они зацепили знакомую малолетку по имени Люба, тоже пьяную, бесшабашную и весёлую, втроем на такси приехали в Сосновку, предварительно купив в райцентре два литра самогона, и почти до утра в старом Колькином доме был Содом и Гоморра: Колька и Владик то одновременно – в два ствола, сзади и спереди – трахали безотказную нимфоманку Любу, то, оставляя Любу в покое, переключались друг на друга, то Колька, пристраиваясь к Любе, трахал Любу, а Владик в это время, пристраиваясь сзади к Кольке, трахал Кольку, то, наоборот, Владик заживал Любе, а Колька, сзади пристроившись к Владику, засаживал Владику... конечно, можно было бы обойтись и без Любы, но Колька с Владиком время от времени разнообразили свою сексуальную жизнь, или, как говорил Колька, «меняли блюда в меню», так что Люба гостила у Кольки и Владика уже не в первый раз... теперь Колька и Люба спали, а Владик, проснувшись и вспомнив, что Колька просил Ниловну сварить им борщ, поплёлся к Ниловне за борщом, – страдая от похмелья, ожидая, когда Ниловна вынесет из погреба кастрюлю с борщом, Владик стоял во дворе, прячась от солнца в тени старой яблони, когда проходившие мимо Серёга и Толик затеяли прямо на дороге свою шутивную возню; мальчишки не видели Владика, они не смотрели по сторонам, они были увлечены друг другом, а Владик их видел отлично: стоя в тени под раскидистой яблоней, Владик внешне безучастно и вместе с тем заинтересованно смотрел, как Серёга, обхватив Толика за шею, нагнул, наклонил Толика вперёд, прижимаясь к Толику сбоку, вжимаясь щекой в щеку...

- Серый, пусти... я всё... всё расскажу Пирату! – пытаюсь вырваться, Толик со смехом крутил головой – тёрся щекой о щеку Серёги.

- Скажи, кто дурак! – требовал Серёга, не отпуская Толика – чувствуя зарождающуюся приятность между ног; они, согнувшиеся, слившиеся в невольном объятии, с сопением топтались на месте, совершенно не думая о том, что на их оттопыренные, обтянутые шортами попы в это время кто-то смотрит н е р а в н о д у ш н ы м взглядом.

- Я... я дурак! Пусти... – наконец сдался Толик, чувствуя, как у него между ног от этой возни зарождается сладкий щекотливый зуд – предвестник возбуждения.

- Вот так-то! – удовлетворённо проговорил Серёга, разжимая руку в локте – отпуская Толика; впрочем, иного выхода у Серёги всё равно не было – член Серёгин стал стремительно подниматься, и пританцовывать посреди улицы с выпирающим стояком вряд ли было разумно. – Идём быстрее! – Серёга сунул руку в карман шорт, чтоб прижать налившийся твёрдостью стояк к ноге и, таким образом, скрыть возбуждение. – Пират ждёт обед, а ты здесь разборки устроил... какой ты, Толян, безответственный!

- Сейчас мы покормим Пирата, и ты узнаешь, какой я безответственный, – многообещающе проговорил Толик; он точно так же, как Серёга, сунув руку в карман шорт своих.

- Тебе, может, взвара холодного принести? – участливо проговорила Ниловна, подходя к Владику с большим пакетом, в котором была девятилитровая кастрюля с борщом.

- Принесите, если есть, – негромко отозвался Владик. – А это что там за пацаны с баллончиком? – кивком головы Владик показал Ниловне на Серёгу и Толика.

- Где? – Ниловна, прищурившись, посмотрела на улицу. – А, эти! Это к Петьке с Зинкой внуки приехали. Ходят кормят Петькиного кобеля. Сам

Петька к Зинке жить перешел, а кобеля дома оставил... то всё время он сам ходил кобеля кормить, а теперь, видать, внуков подрядил – они кобеля кормят, – словоохотливо пояснила Ниловна, словно неместный Владик должен был знать, кто такие Петька и Зинка.

- А откуда они приехали? – проговорил Владик без всякого видимого интереса, то есть спросил об этом с такой интонацией, с какой спрашивают лишь для того, чтоб поддержать разговор.

- Да откуда ж я знаю, – отозвалась Ниловна. – Ходят и ходят – мне до них дела нет. Парни вроде не хулиганистые, спокойные... стой здесь – я тебе взвар сейчас принесу...

- Стою, – покорно проговорил Владик, глядя из-под ветвей раскидистой яблони на Серёгу и Толика.

Мальчишки, что-то говоря друг другу, зашагали дальше, и Владик – в ожидании Ниловны наблюдавший за их возней – проводил из взглядом, – от взгляда Владика не ускользнуло, как, выпрямившись, один пацан тут же сунул руку себе в шорты, явно поправляя вставший член, как вслед за ним то же самое сделал другой пацан, при этом шорты у них у обоих, когда они разогнулись, были спереди характерно приподняты, чуть оттопырены... дома у Кольки после весело проведённой ночи спали Колька и Люба, малолетняя стахановка, которая классно сосала и безотказно давала спереди и сзади, совершенно не удивляясь, что парни с неё то и дело переключались друг на друга, – Любе был семнадцать с половиной лет, и по закону она была малолетней невинной девочкой, а Колька с Владиком, соответственно, по закону были мерзкими педофилами, которые девочку Любу, малолетнюю и невинную, растлевали и насиловали... именно так по закону, строго регулирующему половую жизнь вообще и защищающему малолетних от любого секса в частности, выглядела минувшая ночь в одном из домов на

окраине Сосновки... впрочем, так это выглядело исключительно по закону, потому что по факту «невинная девочка Люба» раздвигать ноги начала с двенадцати лет, причем делать это в двенадцать лет она стала без какого-либо принуждения и насилия, а исключительно по собственному желанию – по причине раннего повзреления: первый раз Люба попробовала, гостеприимно раздвинув ноги под двоюродным братом Васькой, который был на три года старше, и потом, как принято говорить в таких случаях, ноги Любины больше надолго не сдвигались – после Васьки были его одноклассники, потом были парни постарше, потом были «папики»... впрочем, ни Владик, ни Колька таких подробностей не знали и знать не стремились – они, возвращаясь в Сосновку из райцентра, уже не впервой прихватили с собой пьяную Любу совсем не для того, чтобы изображать из себя отдел кадров режимного учреждения, – шагая с кастрюлей борща по залитой солнцем пустынной улице, Владик, слегка возбуждённый возней пацанов на дороге, думал о том, как сейчас он придёт домой, поставит борщ в холодильник, выпьет пива и трахнет Кольку – засадит Кольке в тугую дырочку зада... ещё он думал, как Колька, проснувшись, поступит с Любой – попросит соседа дядю Сашу отвезти её домой, в райцентр, или оставит ещё на ночь, чтобы ещё потрахаться-покувыркаться втроём... и ещё, шагая по пыльной пустынной улице, Владик думал о двух пацанах, что дурачились на дороге перед домом Ниловны: он вспомнил, что уже видел этих пацанов на здешнем пляже, и теперь, шагая с борщом, Владик гадал-размышлял, трахают эти пацаны друг друга или нет, – ему, Владику, хотелось думать, что пацаны эти долбятся, натягивают один одного и в рот, и в зад... а почему, блин, нет? Со стороны совершенно нормальные пацанчики... симпатичные... и возраст у них такой, переходный, располагающий к разным забавам... почему они не могут трахаться? Очень даже могут... не такая уж это и редкость!

Понятно, что ни Толик, ни Серёга ни сном ни духом не ведали, что за их шутилкой вознёй, затеянной ими на дороге, наблюдал с п е ц и ф и ч е с к и м взглядом один из тех пьяных парней, которые были на пляже, – они, Серёга и Толик, покормили Пирата, Серёга налил Пирату холодной воды вместо взвара и, таким образом управившись по хозяйству, вопросительно посмотрел на Толика:

- Пойдём? – Серёга произнёс только это слово, не уточняя, куда и зачем им надо идти, но по взгляду его, устремлённому на сидящего Толика, по той интонации, с какой он сказал «пойдём», было и так понятно, куда и зачем Серёга звал Толика.

- А если дедуля придёт? – вопросительно посмотрел на Серёгу Толик.

- Дедуля после обеда спит всегда... не придёт он! Пойдём... мы побыстрому! – с лёгким напором в голосе проговорил Серёга, и Толик не стал возражать; да и чего бы он стал возражать, если он сам хотел не меньше, чем Серёга?

На улице было пекло, а в комнате было прохладно, был полумрак; Серёга с Толиком, стоя посередине комнаты, какое-то время жадно сосали друг друга в губы, запустив руки в трусы друг другу – тиская горячие возбуждённые члены, затем молча сдёрнули с себя футболки, сняли шорты и трусы.

- Ложись! – Толик подтолкнул Серёгу к своей постели, и Серёга послушно повалился на спину, увлекая Толика за собой.

На этот раз всё действительно получилось по-быстрому: сначала Серёга лежал на спине, раздвинув ноги, и Толик, уткнув лицо в подушку, жарко сопя, скользя липко залупающимся членом по Серёгиному паху и животу, сладострастно раскачивался на Серёге взад-вперед, содрогаясь от наслаждения... затем, как только Толик кончил, они поменялись местами, и

точно так же Толика, раздвинувшего ноги, мьял-ебал Серёга – двигался на Толике всем телом взад-вперёд, жарко сопя Толику в ухо, судорожно сжимая, стискивая матово-белые незагорелые ягодицы,... снова их сперма перемешалась, – они вытерли полотенцами мокрые липкие животы, надели трусы... всё действительно получилось по-быстрому, даже как-то по-деловому. Но ни эта быстрота процесса, ни деловитость, ни концентрация всех усилий на скорейшем достижении оргазмов ничуть не умалили совершенно естественное наслаждение от обоюдного секса.

- Толян... вот скажи мне: почему ты мне нравишься? – полушутливо проговорил Серёга, поправляя в трусах умиротворённый член.

- Потому что я классный пацан, – не задумываясь, отозвался Толик, точно так же в трусах своих набок укладывая свой утративший твёрдость и потому послушно-податливый член. – А почему, Серый, мне нравишься ты? Вот скажи мне...

- Потому что я тоже классный пацан, – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся.

- Хотя один раз не соврал, – хмыкнул Толик, с улыбкой глядя на Серёгу; они стояли друг против друга, стройные, довольные друг другом и собой, и во взглядах их, устремлённых друг на друга, чётко прослеживалась взаимная симпатия, обоюдная приязнь.

- Я никогда не вру! – уверенно отозвался Серёга. – А вот ты постоянно что-то выдумываешь...

- Кто выдумывает? – Толик, неожиданно сделав выпад рукой – обхватив Серёгу полусогнутой в локте рукой за шею, притянул лицо Серёгино к лицу своему. – Говори, кто выдумывает! Я или ты? – точно так же, как это делал Серёга на улице, Толик нагнул, наклонил Серёгу вперёд. – Кто из нас

постоянно выдумывает? Я или ты? – Толик, вжимаясь щекой в щеку Серёги, раз и другой хлопнул Серёгу коленкой по ягодицам. – Говори!

- Ой, Толян, больно! Отпусти... – заверещал Серёга, пытаясь вывернуться из-под руки Толика. – Отпусти... отпусти меня! Пират, помоги...

- Кто постоянно выдумывает? Я или ты? – Толик сильнее вдавился щекой в щеку Серёги.

- Я! Я постоянно выдумываю! – сдался Серёга. – Отпусти!

- Вот так-то! – Толик разжал руку; они выпрямились.

- Офигеть! – с деланным возмущением проговорил Серёга как бы себе под нос. – Другие старшие братья младших братьев любят, всегда защищают, а здесь беспредел какой-то... вместо защиты одни нападения! Просто буллинг какой-то... – Серёга рывком дёрнулся в сторону Толика, чтоб точно так же зажать Толика – чтобы потребовать от Толика каких-либо «признаний» в ответ, но Толик со смехом отпрыгнул в сторону, весело глядя на Серёгу.

- Офигеть! Другие младшие братья любят старших братьев, во всём их слушаются, а здесь беспредел какой-то – вместо любви и уважения одни нападения... как, блин, жить дальше? – Толик дурашливо покачал головой,

- Дальше я нам предлагаю поспать. Кто «за»? – Серёга поднял вверх руку.

- Я тоже «за»! – вслед за Серёгой поднял вверх руку Толик.

Но едва только Толик лёг, едва он вытянулся на своей постели в полный рост, как Серёга, рывком соскочив с постели своей, в два прыжка подскочил к постели Толика, лёг-упал на постель рядом с Толиком и; прижавшись к Толику сбоку, рукой обхватил его, лежащего на спине, поперёк груди.

- Блицкриг завершился успешно! – прокомментировал Серёга, довольный своей сноровкой. – Толян... я предлагаю нам спать вместе.

- Блин, ты офигел? – Толик перевернулся набок – лицом к Серёге. – Мы, блин, уснём, а дедуля придёт, увидит нас на одной кровати... и что он подумает?

- Он расскажет бабуле о том, что он увидел, когда пришел, и они вместе порадуются за нас – они подумают, какие дружные у них внуки, что даже во сне они вместе, даже во сне друг с другом они не расстанутся... – Серёга проговорил это серьёзно, без тени улыбки на лице, и только глаза его весело искрились от смеха; глаза искрились от смеха, оттого, что рядом был Толик, что он, Серёга, только что классно кончил, что было лето, беззаботное и счастливое, что дедуля с бабулей его любили, что всё... всё-всё было прекрасно! Глаза Серёги искрились от ощущения полноты его юной, наполненной счастьем жизни. – Короче, Толян! Я хочу спать с тобой, – тоном, не допускающим возражений, проговорил Серёга и, закрыв глаза, демонстративно захрапел, изображая уснувшего.

Конечно, Серёга прекрасно понимал, что Толик прав – что спать вместе они не могут, точнее, могут, но при условии, что их стопроцентно никто-никто не увидит, и что дедуля, если увидит их спящими вместе, скорее всего не умилится их дружбе, а начнёт говорить им всякие нехорошие слова, и что дружбу – т а к у ю дружбу, как у них – нужно держать в секрете, не выставлять напоказ... всё это Серёга знал и понимал, но ему хотелось подурковать, поиграть-подурачиться, и он, не прекращая храпеть, вплотную прижался к Толику, положив ладонь свою Толику на ягодицы – на сочно-упругие булочки, плотно обтянутые плавками-трусами.

- Серый, блин! Вали на свою кровать – давай реально поспим! – с лёгким напором проговорил Толик, пытаясь столкнуть Серёгу с кровати.

- Спи! Я что – тебе разве мешаю? – Серёга, прервав храп, открыл глаза – посмотрел на Толика со смесью как бы удивления и как бы искреннего непонимания.

- Ты мне ничуть не мешаешь, а даже... даже наоборот! Но ты, блин, сейчас уснёшь реально, и я реально усну... и что это будет? Ну, ты сам... сам подумай! – Толик взывал к Серёгину благоразумию.

- Ничего не будет! Картина маслом: «Крепкий сон двух невинных бойскаутов», – рассмеялся Серёга. – А ты б что подумал, увидев, как два молодых прекрасных бойскаута спят вместе?

- Я бы подумал, что два молодых прекрасных бойскаута...

- То есть, мы с тобой, – уточнил Серёга. – Два молодых прекрасных бойскаута – это ты и я.

- Ну, естественно! – Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся. – Так вот... я думаю, что два молодых прекрасных бойскаута трахнули друг друга, нормально перепихнулись...

- По-бойскаутски перепихнулись, – уточнил Серёга.

- Да, по-бойскаутски нормально перепихнулись и теперь одному молодому прекрасному бойскауту нужно валить на свою кровать, чтоб не палиться... вот что я думаю!

- Какой ты, Толян, негостеприимный! – Серёга, изобразив на лице разочарование, тяжело вздохнул. – Я к тебе, можно сказать, в гости пришел, а ты...

- Я предусмотрительный, – отозвался Толик.

- А я какой? – Серёга спросил это вроде как в шутку, и вместе с тем в его голосе невольно прозвучало искреннее, неподдельное любопытство.

- Ты безответственный – секунду подумав, отозвался Толик.

- Это тебе так кажется, – тут же парировал Серёга. – Ты, Толян, в людях не разбираешься, и потому тебе кажется, что я безответственный... а если подумать? Если, Толян, хорошенько подумать...

- Ну, если подумать ...– медленно протянул Толик, сделав вид, что он усиленно, напряженно думает.

- Да, хорошенько подумай... какой я?

- Ты классный! – улыбнувшись, ответил Толик. – Но, блин... ты свалишь сейчас или нет?

Лицо Серёгино расплылось в ответной улыбке.

- Толян! Вот за эти, за твои правдивые слова обо мне я сделаю для тебя всё-всё, что ты хочешь! – Серёга, оторвав ладонь от попы Толика, перекатившись на другой бок, встал с постели. – Так бы сразу и сказал, что мы можем уснуть и спалиться... я бы сразу ушел на свою кровать, и мы б давно уже спали!

Они действительно уснули быстро, едва перестали разговаривать, – пришедший через три часа Пётр Степанович несколько не удивился, что внуки спят; ну, а что ещё можно было делать в такую жару, когда на дворе было настоящее пекло, а в доме было прохладно и был полумрак, располагающий к отдыху?

Пётр Степанович, напористым голосом проговорив «рота, подъём!» – в один миг разбудив Серёгу и Толика, велел им выходить на улицу.

- Ты, дедуля, так кричишь, как будто мы глухие, – с неудовольствием проговорил Серёга, сладко потягиваясь в постели. – Мы, может, ещё не выспались...

- Так вам надо дорогу к острову показать? Или, может, уже передумали туда ехать? – хмыкнул Пётр Степанович. – Если передумали, то спите дальше – я пойду своими делами заниматься.

- Ничего мы не передумали! – тут же отозвался Серёга; продолжая лежать, он посмотрел на уже севшего на постели Толика. – Толян, вставай!

- Толик уже встал, между прочим, – весело проговорил Пётр Степанович. – А ты до сих пор лежишь...

- Я, дедуля, всё время первый встаю! – не замедлил с ответом Серёга. – Встаю и бужу Толяна. Ты просто не знаешь, кто из нас первым всегда встаёт?

- Ну, я вижу, как ты первый встаёшь, – хмыкнул Пётр Степанович. – Короче, выходите! Ночью будете спать, – Пётр Степанович пошел на выход.

- Ни днём, ни ночью нет покоя! – пробурчал Серёга, одновременно с этим бурчанием весело подмигивая Толику.

Договорились так: Пётр Степанович поедет на «Москвиче» – будет показывать дорогу, а мальчишки за ним поедут на велосипедах; «На мустангах», – тут же поправил Петра Степановича Серёга; «Да, на мустангах», – согласился Пётр Степанович; он объяснил, что если идти вдоль берега, то путь до острова намного короче, но вдоль берега на «мустангах» проехать не получится, там сплошные заросли, и потому они сделают небольшой крюк по грунтовке; когда Пётр Степанович стал накачивать резиновую лодку, Серёга тут же предположил, что на «остров сокровищ» они все поплывут на лодке как на пиратском корабле, но Пётр Степанович

охладил Серёгу, сказав, что на лодке поплывёт он один, чтоб посмотреть, как остров выглядит сейчас, а бойскауты поплывут до острова своим ходом, расстояние там небольшое, но всё равно он, то есть Пётр Степанович, посмотрит, хорошо ли бойскауты плавают; «Я отлично плаваю! – успокоил Петра Степановича Серёга. – Толян тоже плавает отлично! Да?» – Серёга посмотрел на Толика, и Толик подтвердил, что он тоже плавает хорошо; умный Пират, наблюдая за сборами, изо всех сил крутил хвостом, намекая, чтоб не забыли про него, и Серёга сказал, что с собой нужно взять Пирата, потому что он тоже хочет попасть на остров; «Возьмём, – согласился Пётр Степанович. – Пусть промнётся – аппетит нагуляет»; словом, сборы прошли в небольшой суете и волнении, причём суетился и волновался один Серёга, да ещё волновался Пират, – Толик накачивал лодку, и ему суетиться было некогда.

До острова оказалось не так далеко, как говорила Зинаида Ивановна; во всяком случае, и Серёга, и Толик думали, что будет значительно дальше, – они по когда-то накатанной, а теперь еле заметной грунтовке следом за ретромобилем дедули на своих «мустангах» свернули с грунтовки в еле заметную просеку и, словно по коридору-туннелю проехав метров сто, оказались на берегу реки; Пират, который всю дорогу бежал, вывалив язык, тут же стал пробовать воду на вкус.

Река здесь была значительно шире, чем там, где был пляж и где они рыбачили, и аккурат посередине русла был остров, до которого было метров двадцать; со стороны остров казался живописным, но неприступным – у самой воды остров был обрамлён густыми кустами, которые так плотно переплелись между собой, что продрасться через них, казалось, не было никакой возможности.

- Как же мы, дедуля, туда попадём? – растерянно проговорил Серёга, и в его голосе прозвучало лёгкое разочарование.

- Попадали на остров всегда с другой стороны – там почему-то кусты никогда не росли... там был и спуск хороший в воду, и пляж небольшой... посмотрим сейчас! Остров обходим слева, против течения, то есть заходим к острову с другой стороны. Задача ясна? – Пётр Степанович поочерёдно посмотрел на Серёгу и на Толика.

Мальчишки сняли с багажника лодку – спустили её на воду, затем сдёрнули с себя шорты и, оставшись в плавках, первыми зашли в воду.

- Дедуля, а здесь глубоко? – Серёга оглянулся; Пётр Степанович, сняв рубашку и брюки, стоял в обычных трусах, называемых «семейными», и Серёга не смог удержаться от комментария: – Ой, дедуля! Ну, у тебя и плавки! Если ты встанешь в лодке в полный рост, то твои плавки будут вместо паруса... полетишь по реке со скоростью ветра.

- Нормальные плавки! – хмыкнул Пётр Степанович, садясь в лодку. – Глубина здесь метров пять... когда-то мы мерили. Течение есть, но оно почти незаметное... плывите – я за вами.

Мальчишки, бросившись в воду, энергично, уверенно задвигали руками; Пётр Степанович, выждав немного, чтоб посмотреть, как плывут внуки, тоже оттолкнулся от берега – неспешно погрёб одним веслом следом; Пират, видя такое дело, тоже бросился в воду – бесстрашно поплыл следом за лодкой.

С другой стороны острова кустов действительно не было, точнее, кусты были, но не сплошной непроходимой стеной – там была небольшая прогалина, так что можно было свободно выходить на берег или входить в воду; сам остров был небольшой, вытянувшийся вдоль русла реки – метров тридцать или чуть больше в длину и метров двадцать в ширину... совсем

небольшой был остров, окаймленный густыми зарослями кустарника, – на самом острове никаких кустов не было, зеленела сочная трава, росли полевые цветы; мальчишки вылезли из воды, вслед за ними вылез из подплывшей лодки Пётр Степанович; последним оказался на острове Пират – и тут же энергично затрясся, стряхивая с себя воду.

- Так вот ты какой, наш Остров сокровищ! – проговорил Серёга, медленно обводя взглядом поляну и обрамляющую её кусты. – Похоже на форт... дедуля, нам этот остров нравится! Да, Толян? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика. – Тебе нравится?

- Похоже на укрепленную крепость, – Толик кивнул головой. – А там что? – Толик показал в сторону, противоположную той, откуда они приплыли.

- Там, на той стороне, железная дорога проходит, и за ней Макеевка – райцентр другого района. Но до них километров двадцать, – ответил Толику Пётр Степанович. – Река километров через пять резко поворачивает влево и уходит в сторону Макеевки – там через реку мост железнодорожный, автомобильный мост там... это мы здесь живём в глуши.

- Мне нравится жить в глуши, – проговорил Серёга, мимолётно посмотрев на Толика.

- Ты же вроде как расстроен был, когда приехал сюда, – хмыкнул Пётр Степанович, с лёгкой иронией посмотрев на внука.

- Ой, дедуля! – отмахнулся Серёга от слов Петра Степановича. – Это было когда? Когда я только приехал сюда и ещё не знал, что здесь есть свои плюсы... а теперь жить в Сосновке мне очень даже нравится! И Толяну нравится тоже... да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- Да, – не задумываясь, подтвердил Толик. – Здесь классно!

- Вот, дедуля! Толян подтверждает мои слова... нам обоим здесь нравится! – весело проговорил Серёга. – Конечно, здесь нет интернета, нет молодёжи, чтоб потусить, и это минус. Но есть и плюсы...

- С минусами понятно, – улыбнулся Пётр Степанович. – Ну, плюсы какие?

- Ну... ты, дедуля, не утомляешь глупыми запретами, бабуля вкусно готовит... и ещё всякие плюсы, полезные для здоровья! Солнце, воздух... – Серёга знал присказку дальше: «Солнце, воздух, онанизм укрепляют организм!», но говорить эту присказку до конца, понятное дело, не стал, ограничившись лишь первыми двумя критериями здоровой жизни – солнцем и воздухом.

- Понятно. Везде, ребята, есть и свои плюсы, и свои минусы... не бывает такого, чтобы всё было или только хорошо, или только плохо, – философски заметил Пётр Степанович. – Главное, чтобы плюс был в самом человеке... чтобы в вас был плюс. Тогда вы будете видеть плюсы и вокруг себя, а это в жизни самое главное...

- Мы с Толяном на позитиве! – тут же внёс ясность Серёга, успокаивая Петра Степановича. – Нам жить в древности очень даже нравится! Да, Толян?

- Да, – Толик кивнул головой.

- Ну, я рад, если так... если в древности жить вам нравится, – рассмеялся Пётр Степанович. – Вы купаться будете?

- Будем! – воскликнули Серёга и Толик; они воскликнули это одновременно и, посмотрев друг на друга, звонко рассмеялись – рассмеялись с той юной беззаботностью, какая бывает лишь в пору беспечного, безоглядно счастливого детства-отрочества, когда вокруг полыхает жаркое лето, над головой бездонной голубизной щедро распахнуто необъятное небо, а в душе

ощущение полной гармонии с окружающим миром... «будем!» – звонко крикнули мальчишки и, поднимая фонтаны сверкающих брызг, с разбегу друг за другом бросились в воду.

Мальчишки ныряли, плавали наперегонки, звонко смеялись... всё было так же, как полвека назад, – Пётр Степанович, опираясь на локоть, полулежал на мягкой сочной траве, нисколько не огрубевшей от лучей каждый день палящего солнца, с неспешным наслаждением курил, смотрел на внуков... вот точно так же когда-то купались они – приходили ватагой к этому острову, раздевались на берегу, никаких плавок тогда ни у кого не было, все были в обычных трусах, называемых почему-то «семейными»... точно так же, с разбегу бросаясь в воду, они переплывали на остров, делая это наперегонки, и потом целый день здесь стоял весёлый шум и гвалт: до черноты загорелые, они купались, устраивали «морские сражения», пекли в костре принесённую с собой картошку, без оглядок курили, часто о чем-то спорили, ссорились, мирились, снова купались и загорали... это был их остров – их мальчишеская территория, – Пётр Степанович смотрел на Серёгу и Толика, на поднимаемые ими брызги воды, а перед мысленным его взором мелькали картинки его собственного детства... потом сюда, на этот манящий мальчишек остров, уже со своими друзьями точно так же приходил купаться Витька, сын Петра Степановича, – совхоз в Витькином детстве ещё был цел, ещё кипела в совхозе жизнь, и ребятни в Сосновке было много... теперь вот плещется, плавает-ныряет Серёга – его, Петра Степановича, внук... жизнь прошла, пролетела-промелькнула как один миг, – Пётр Степанович, полулёжа на траве, смотрел, как весело резвятся в воде Серёга и Толик, и мысленно видел, вспоминал себя... конечно, жизнь не стоит на месте – всё в жизни течёт, всё меняется, и сегодняшние Серёга и Толик уже были не такими, каким в их возрасте со своими друзьями-сверстниками был он, Пётр Степанович, и вместе с тем... вместе с тем не менялось, прежним оставалось

то главное, что было неподвластно бегу времени: жаром полыхающее лето, медленно плывущие по небу облака, фонтаны брызг, радужно искрящихся на солнце, молодые счастливые голоса, звонко раздающиеся над рекой... это и ещё что-то незыблемое, такое же простое и понятное, как восходы и закаты, как роса на утренней траве, как щебетание птиц в листве деревьев, было, по мнению Петра Степановича, настоящим стержнем подлинной жизни...

Домой возвращались в обратном порядке: впереди, нажимая на педали, мчались на своих «мустангах» Толик и Серёга, за ними мчался своим ходом Пират, за Пиратом на «Москвиче» ехал Пётр Степанович; Пират время от времени оглядывался, чтоб убедиться, что Пётр Степанович никуда не свернул – что он, Пётр Степанович, не заблудился...

- Бабуля! – едва появившись во дворе Зинаиды Ивановны, громко и весело прокричал Серёга. – Бойскауты есть хотят! Я ещё держусь на ногах, а Толян уже два раза падал от голода в обморок – терял сознание... скоро мы будем ужинать?

- Мои ж вы хорошие! – расплылась в счастливой улыбке Зинаида Ивановна. – Проголодались... сейчас, сейчас будем ужинать! Мойте руки – садитесь за стол...

За ужином Серёга с Толиком, перебивая друг друга, рассказали Зинаиде Ивановне, что остров находится недалеко и домчаться до него на «мустангах» можно в два счёта, что сам остров замечательный, что дедуля, возможно, плавать не умеет и потому он не купался, а Пират плавает отлично и Пирату сегодня нужна на ужин двойная порция, – Пётр Степанович, услышав Серёгино предположение, о том, что «дедуля, возможно, плавать не умеет», рассмеялся, а Зинаида Ивановна, с умилением глядя на внуков, то и дело напоминала им, чтоб они накладывали себе добавку, потому что, как сказал Серёга, садясь за стол, аппетит у них, у него и у Толяна, «просто

зверский»; впрочем, в отсутствии аппетита внуки вообще ещё ни разу не были замечены, и это Зинаиде Ивановне, всю жизнь проработавшей поваром, нравилось больше всего.

- Ох, бабуля! Что б мы делали без тебя? У меня сейчас живот лопнет... – Серёга, откинувшись на спинку стула, провёл ладонью по животу. – Ты наелся, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- Наелся, – Толик так же, как Серёга, откинулся на спинку стала. – Бабуля, у тебя был термос большой в прошлом году... помнишь?

- Ну, он и сейчас есть – в шкафу стоит, – отозвалась Зинаида Ивановна. – Зачем он тебе?

- Завтра мы с Серым на остров поедим – нужно будет взять с собой что-нибудь пить, – пояснил Толик. – Еще покрывало какое-нибудь старое, чтоб на нём загорать можно было... найдётся?

- Найду покрывало, – Зинаида Ивановна кивнула. – А в термос налью вам холодного отвара. Может, вам пирожков испечь – с собой возьмёте, там перекусите? – Зинаида Ивановна перевела вопросительный взгляд с Толика на Серёгу.

- Ага, и кастрюлю борща в придачу, если вдруг сильно проголодаются, – иронически хмыкнул Пётр Степанович.

- Дедуля, мы серьёзные вопросы решаем, – с лёгкой укоризной в голосе проговорил Серёга. – Пирожки, бабуля, испеки с печёнкой и картошкой... я люблю с печёнкой и картошкой!

- Да, я тоже люблю с печёнкой и картошкой, И ещё с повидлом, – уточнил-добавил Толик.

- Да, и с повидлом тоже, – согласился с Толиком Серёга. – Ещё, дедуля, нам нужна будет небольшая лопатка... ну, типа как сапёрная. Найдётся у тебя такая лопатка?

- Ну, с пирожками понятно... а лопатка вам зачем? – Пётр Степанович сделал вид, что он не понимает, зачем Серёге нужна лопатка.

- Ну, мало ли... – неопределённо проговорил Серёга, не вдаваясь в подробности. – Вдруг пригодится...

- И ещё топорик нужен, – посмотрел на Пётра Степановича Толик. – Небольшой топорик...

- А топорик зачем? – отозвался Пётр Степанович, разливая по чашкам чай, и, едва спросив, он в то же мгновение подумал, что знает, зачем нужен топорик.

- Ну... мы, может, шалаш там сделаем, и нам потребуются ветки для этого... да, Серый? – Толик посмотрел на Серёгу.

- Да! Топорик, дедуля, нам тоже нужен! – с энтузиастом поддержал Толика Серёга, и Пётр Степанович, переводя взгляд с Толика на Серёгу, подумал, что ничего... ничего не меняется в мире: что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и как и он, Пётр Степанович, полвека назад со своими друзьями искал на острове клад и увлеченно рыл там вместе с другими блиндаж, так и теперь э т и мальчишки совсем из другого времени точно так же хотят найти с в о й клад, хотят построить с в о й шалаш... эта неистребимая тяга к с в о и м приключениям на с в о е й территории была неподвластна времени, и никакими словами им, мальчишкам, сейчас не объяснить, что никакого клада там нет, а шалаш там никому не нужен... точнее, проговорить-сказать всё это, конечно же, можно, но надо ли это делать? Вырастут, повзрослеют – и жизнь сама всё расставит по своим местам...

- Будет вам и лопатка, и топорик – в придачу к пирожкам, – Пётр Степанович, глядя на Зинаиду Ивановну, рассмеялся.

- Вот, дедуля! Теперь у тебя конструктивный подход! – одобрительно проговорил Серёга.

- Да шалаш-то вам зачем? – на лице Зинаиды Ивановны обозначилось неподдельное непонимание. – Вы там что – жить собираетесь? Пётр Степанович! Ты-то чего им потакаешь?

- Ну, шалаш – это не блиндаж, – хмыкнул Пётр Степанович – Пусть занимаются! Крепче спать будут...

- Кстати, бабуля! – Толик посмотрел на Серёгу. – Ты нам светильник нашла? А то я с Серым не высыпаюсь: он монстров боится, сам не спит и мне не даёт... всю ночь только и слышу: «Толян, не спи – мне страшно в темноте»...

- Офигеть! – Серёга, никак не ожидавший от серьёзного, не склонного к разным каверзам Толика такого выпада в свой адрес, изумлённо округлил глаза. – Толян... тебя кто научил так врать?

- Ничего я не вру! – невозмутимо отозвался Толик, с трудом сдерживая смех.

- Бабуля! Не верь ему! – запальчиво проговорил Серёга. – Он сам боится, а на меня стрелки переводит... сам всю ночь не даёт мне спать – только я засыпать начну, а он, как маленький, тут же будит меня: «Серый, Серый, не спи – мне страшно...»

- Ох, фантазёры! – засмеялась Зинаида Ивановна, вставая из-за стола. – Сейчас ночник принесу – дедушка вам установит его, и будете спать спокойно... никаких монстров не будет!

Зинаида Ивановна ушла в дом за ночником, а Серёга, показав кулак Толику, посмотрел на Пётра Степановича:

- Дедуля, вот скажи мне... ты можешь ночью найти на небе Полярную звезду?

- Конечно, могу! – отозвался Пётр Степанович.

- Можешь? – произнёс Серёга с такой интонацией, словно он не поверил Петру Степановичу. – Тогда, дедуля, скажи: а как ты находишь Полярную звезду?

- По Большой Медведице, – с лёгким недоумением в голосе ответил Пётр Степанович, не понимая, куда Серёга клонит – к чему он всё это спрашивает.

- Правильно! Тогда еще один вопрос, контрольный: на что похожа Большая Медведица?

- Ну, на ковш похожа, – ответил Пётр Степанович. – А ты зачем всё это спрашиваешь?

- Просто, дедуля, если б ты не знал, как находить Полярную звезду, я б тебе показал... я вчера Толян показывал! Толян ни фиги не знал, как найти Большую Медведицу, как найти Полярную звезду... я ему всё показал! Еще хотел показать одно созвездие, но небо было в облаках – плохо было видно... какое созвездие ты хотел увидеть? – Серёга деловито посмотрел на Толика.

- Кассиопею, – проговорил Толик, глядя на Серёгу с невольным изумлением.

- Да, правильно, Кассиопею, – Серёга деловито кивнул. – Покажу сегодня, если небо будет звёздное...

- И как выглядит созвездие Кассиопеи? – Толик, глядя на Серёгу, насмешливо прищурился.

- Как выглядит... вот покажу сегодня, и ты узнаешь, как выглядит, – не растерялся с ответом Серёга. – Как я сейчас тебе покажу, когда звёзд ещё нет?

- Ну, тогда хотя бы скажи, на какую букву похоже созвездие Кассиопеи, – Толик, всё так же не сводя с Серёги насмешливого взгляда, ехидно улыбнулся.

- Зачем мне заранее говорить? – Серёга сделал удивлённое лицо. – Вот покажу тебе вечером, как стемнеет, и ты сразу увидишь сам, на какую букву похоже это созвездие...

- Ох, что-то мне, Серёга, сдаётся, что это Толик тебе показывал и Большую Медведицу, и Полярную звезду... так, Толик, было дело? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Конечно, я ему показывал! – фыркнул Толик. – Он вообще ничего не знал ни про Большую Медведицу, ни про Полярную звезду!

- Дедуля! Ты кому больше веришь – мне или Толяну? – с лёгким азартом в голосе произнёс-спросил Серёга.

- Вообще-то, Серёга, Толику я больше верю, – с улыбкой проговорил Пётр Степанович,

- Ой, дедуля... какой ты доверчивый! Он сочиняет, а ты ему веришь... – Серёга и лицом, и голосом изобразил разочарование.

- Вот вам светильник, – к столу подошла Зинаида Ивановна, держа в руках ночной светильник в виде небольшого цветка, распустившего стеклянные лепестки. – Света от него почти нет, но если повесить над дверью и нужно будет ночью выйти, то света для этого вполне хватит, с дверью не разминётесь.

- Отличный светильник! – оценил Серёга. – Нам как раз такой и нужен! А скажи, бабуля... ты знаешь, что солнце на самом деле, быть может, уже погасло, а нам еще двести лет будет казаться, что оно светит?

- Ну, на наш век хватит, – легкомысленно ответила Зинаида Ивановна. – И на наш век хватит, и на ваш... я вам пирожки ещё с капустой испеку – на природе аппетит всегда хороший!

- Серый! Чего ты всякую чушь говоришь? – на этот раз Толик возмутился совершенно искренне, без какого-либо дурачества, и Серёга мгновенно уловил это – посмотрел на Толика вопросительно:

- А что не так? Ты же сам мне вчера говорил...

- Что я тебе говорил? – ещё больше возмутился Толик. – Я говорил тебе, что от Полярной звезды свет идёт до нас четыреста лет. А если Солнце погаснет, то мы об этом узнаем через восемь минут – свет от солнца до нас идёт всего восемь минут!

- Блин, ну попутал немного, – Серёга на миг смутился, но тут же, преодолев смущение, нашел себе оправдание: – Ты сам, Толян, меня с толку сбиваешь: то говоришь, что четыреста лет, то теперь говоришь, что восемь минут... тебя ни фига не поймёшь!

- Чего ты не понимаешь? – изумился Толик. – Не понимаешь, где Солнце, а где Полярная звезда?

Пётр Степанович, глядя на внуков, расхохотался.

- Да, Серёга, астроном из тебя никудышный!

- Ой, какие все умные здесь собрались, как я погляжу! Одни астрономы! – фыркнул Серёга. – А Пират, между прочим, ещё не ужинал – мы поели, а он

голодный... вставай, Толян! Где, бабуля, ужин Пирата? Сидит там голодный...

- Вот это ты правильно говоришь! – одобрительно проговорил Пётр Степанович, поднимаясь вслед за Серёгой. – Звёзды звёздами, а ужин по расписанию... идёте, бойскауты, я свет вам сделаю!

Пока Пётр Степанович возился с ночником, Серёга с Толиком покормили Пирата, по очереди сходили в душ, налили в бак воды на завтра; «мустанги» были под замком, и, таким образом, все дела были переделаны – оставалось лишь дожидаться, когда уйдёт Пётр Степанович.

- Принимайте работу! – весело проговорил Пётр Степанович, складывая инструмент. – Света почти нет, так что будете ночник оставлять включенным на ночь – мешать он не будет. Зато если кто-то ночью проснётся, то сразу видно, где выход... так вы хотели?

- Сейчас, дедуля, проверим! Допустим, что я Толян, и вот... – Серёга упал на кровать Толика, – вот Толян спит... – Серёга, закрыв глаза, захрапел, – и надо Толяну встать... и чтоб не тревожить Серого – чтобы Серого не будить, Толян видит горящую на стене звезду, смело встаёт самостоятельно... – Серёга, говоря это, встал с кровати Толика, – и идёт прямо на выход – не бьётся об стенку лбом, а без промаха попадает прямо в дверной проём... где его поджидают монстры... а-а-а! – Серёга засмеялся. – Монстры хватают Толяна, но тут просыпается Серый... ну, то есть, я просыпаюсь... – пояснил Серёга Петру Степановичу, – Серый, вскочив со своей кровати, ни секунды не раздумывая, стремительно бросается на помощь Толяну, бесстрашно бьётся с монстрами, спасает Толяна, и... отличный светильник, дедуля!

- Офигеть, какой ты сказочник! – Толик рассмеялся. – Это сейчас ты такой бесстрашный, пока дедуля здесь, а как только дедуля уйдёт, так сразу начнётся другое кино...

- Какое другое кино? – тут же проговорил Серёга, с весёлым прищуром глядя на Толика. – Ты на что, Толян, намекаешь – про какое другое кино говоришь? – И, видя, что Толик растерялся, тут же подсказал Толику вариант ответа: – Намекаешь, что это ты меня спасёшь от монстров, а не я тебя?

- Вот именно! – отозвался Толик. – Именно так и будет!

- Артисты! – рассмеялся Пётр Степанович. – Раньше домовым друг друга пугали, а теперь попридумали всяких монстров... – Пётр Степанович достал из кармана пачку с сигаретами, и они вышли на улицу. – Вы завтра когда планируете ехать на остров? – поинтересовался Пётр Степанович, закуривая.

- Ну, я не знаю... – пожав плечами, Серёга посмотрел на Толика. – Когда мы, Толян, поедем?

- Я думаю, после завтрака... часиков в десять, – отозвался Толик, вопросительно глядя на Петра Степановича.

- Да, правильно. Я тоже так думаю, – подтвердил Серёга. – Часиков в десять.

- Тогда завтра утром я вам сделаю плот, чтобы вы...

- Вау! – не дослушав Петра Степановича, воскликнул Серёга. – Мы поплывём на остров на плоту! Толян, я буду капитаном!

- Маленький плот, – уточнил Пётр Степанович, глядя с улыбкой на Серёгу. – Чтоб вы могли на нём переправлять туда пирожки... а оттуда будете вывозить клад... нужен вам такой плот?

- Да, еще термос будет, ещё покрывало... – Толик одобрительно кивнул головой. – Небольшой такой плот, метр на метр. А сверху можно прикрепить какую-нибудь чашку большую или тазик, куда всё можно будет складывать, чтоб не замочить.

- Соображаешь! – Пётр Степанович одобрительно улыбнулся. – Так и сделаем.

- Дедуля, мы Пирата с собой возьмём! Можно? – Серёга вопросительно посмотрел на Пётра Степановича.

- Берите, – согласился Пётр Степанович; Пират, стоявший рядом – молча принимавший участие в разговоре, услышав своё имя, закрутил хвостом. – Будешь купаться? – Пётр Степанович ласково потрепал Пирата за шею, и Пират быстрее закрутил, завертел хвостом, таким вполне наглядным образом утвердительно отвечая на вопрос Пётра Степановича.

- Тогда ты скажи бабуле, что нас будет не двое, а трое! Ну, чтоб бабуля на Пирата тоже испекла пирожков... – проговорил Серёга. – Он ведь тоже проголодается!

- Ох, Пират, разбалуют тебя эти бойскауты... то бутерброды с колбасой, то пирожки, – засмеялся Пётр Степанович. – Начнёшь нос от каши воротить...

Пётр Степанович рассказал внукам, почему к Пирату нельзя лезть, когда он ест, почему Пират никогда не будет есть то, что ему даст какой-нибудь незнакомец, что однажды Пират, когда он был совсем ещё молодым и глупым, чуть не сошел с ума, играя с ёжиком... между тем, летние сумерки незаметно перешли в ночь, и на небе зажглись яркие звёзды...

- Значит, план на завтра у вас есть, – проговорил Пётр Степанович, подводя итог прошедшему дню. – Ночник я вам сделал... что-то ещё нужно?

- Нет! – в один голос отозвались-ответили Серёга и Толик и, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

- Ну, и отлично! Тогда я пойду, отдыхайте, – Пётр Степанович направился к калитке, но, не дойдя до калитки, неожиданно остановился – посмотрел на звёздное небо. – А ну-ка, Серёга... – Пётр Степанович оглянулся. – Идите-ка сюда! – позвал он внуков, и, когда Серёга с Толиком подошли, снова посмотрел на небо. – Покажи мне, Серёга, где там Большая Медведица!

- Ты же, дедуля, сказал за ужином, что ты сам можешь найти Большую Медведицу, – Серёга хитро прищурился. – Или ты просто так сказал – чуть-чуть обманул нас?

- Ну, находил когда-то...– хмыкнул Пётр Степанович, глядя на небо. – Может, я уже забыл... столько звёзд на небе! Можно и потеряться – забыть, что где. Покажи мне сейчас – напomini...

- Легко! – отозвался Серёга, и они, Серёга и Толик, задрали головы вверх. – Смотри, дедуля, куда я показываю... – Серёга поднял вверх руку и, показывая пальцем в небо, бойко повторил всё то, что ему вчера говорил про Большую Медведицу Толик. – Вспомнил? – Серёга посмотрел на Петра Степановича.

- Вспомнил, – отозвался Пётр Степанович, пряча улыбку. – Ну, а как теперь найти Полярную звезду? От чего проводить прямую линию?

- Ой, дедуля, ну ты совсем ничего не помнишь... смотри! Берём внешнюю сторону ковша, противоположную изогнутой ручке... – Серёга, объяснив Петру Степановичу, как найти Полярную звезду, посмотрел на Толика: – Правильно?

- Правильно, – кивнул Толик.

- Вот, дедуля! Вчера я Толян у всё точно так же рассказал и показал, и теперь Толян тоже знает, как среди множества звёзд находить и Большую Медведицу, и Полярную звезду. Так, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- А какое созвездие ты, Серый, хотел мне вчера показать, но не смог, потому что небо было не очень ясное? – с нескрываемым ехидством в голосе проговорил Толик, посмотрев на Серёгу.

- Какое созвездие? – Серёга сделал вид, что не понимает, о чём его спрашивает Толик.

- Да, какое созвездие ты мне хотел ещё показать? Как оно называется? – всё с тем же ехидством в голосе уточнил Толик.

- Какой ты, Толян, нетерпеливый! Вот покажу тебе это созвездие, и ты всё узнаешь: и как оно называется, и как его можно найти, – не растерялся с ответом Серёга. – Дедуля вспомнить сейчас хотел лишь про Большую Медведицу и про Полярную звезду, а не про все созвездия, что на небе. Я дедуле вспомнить помог – всё показал. И вообще... не будем дедулю задерживать! Дедуля уже уходить собрался, а ты, Толян, со своими созвездиями мозги нам паришь... правильно, дедуля, я говорю?

- Ох, болтуны! – рассмеялся Пётр Степанович. – Всё, закрывайте калитку, я пошел...

Пётр Степанович растворился в темноте, и Серёга и Толик, оставшись одни, вопросительно посмотрели друг на друга.

- Идём спать? – проговорил Серёга чуть изменившимся голосом.

- Идём, – словно эхо, отозвался Толик, и его голос тоже едва уловимо изменился – голос Толика был не таким, каким он разговаривал с Серёгой в присутствии Пётра Степановича.

В комнате горел ночник; света от него действительно было не много – ровно столько, чтоб различать силуэты предметов, и потому свет ночника никак не мог мешать ни засыпанию, ни сну... вот только спать ни Серёга, ни Толик не собирались, и дело было вовсе не в том, что свет ночника создавал атмосферу, располагавшую к разным приятным шалостям, а дело было в музыке – в том юном неистребимом желании, которое то приглушалось, теряя остроту, или даже вроде как испарялось, пропадало совсем, уступая место другим, более насущным мыслям-занятиям, то вновь возвращалось, накатывало, вспыхивало с новой неодолимой силой, и тогда музыка снова звала, снова томила сладостным предвкушением.

- Толян... – приглушенно проговорил Серёга, едва они оказались в комнате; тех нескольких секунд, что они шли от калитки до комнаты, оказалось вполне достаточно, чтоб у Серёги встал, твёрдой горячей сладостью налился член; Толик, вошедший в комнату первым, был в полушаге перед Серёгой, и Серёга, выдохнув имя Толика, непроизвольно сжал, стиснул пальцами через шорты свой напряженный член.

- Что? – так же приглушенно отозвался Толик; он хотел повернуться к Серёге, но не успел – Серёга прижался к нему сзади, с силой вдавился пахом в податливо-сочную попу, и Толик почувствовал через шорты и трусы напряженно твёрдый Серёгин член.

Одной рукой обняв, обхватив Толика поперёк груди – прижав Толика к себе, Серёга другой рукой уверенно, по-хозяйски скользнул Толику в трусы; член у Толика тоже стоял, и Серёга, обхватив ладонью твердый горячий ствол – с силой вжимаясь пахом в упругие булочки Толика, через шорты и трусы ощущая членом сочно-мягкие круглые ягодицы, приоткрывшимися губами скользнул по шее Толика, предвкушая грядущий кайф...

- Блин, Серый... давай разденемся! – тихо выдохнул Толик, через шорты и трусы ощущая, как Серёга вдавился в его булочки напряженно твёрдым членом; Толик непроизвольно – совершенно непреднамеренно – подался задом назад, со своей стороны без какого-либо намёка ещё сильнее вжался, вдавился попой в Серёгин стояк, и...

Конечно, при тех отношениях, какие сложились между мальчишками в пору их взросления, с учётом совместного их проживания, располагавшего к самым разным сексуальным шалостям и подростковым экспериментам, рано или поздно э т о должно было произойти... просто идут к этому главному аккорду древней музыки все по-разному: у кого-то э т о происходит сразу, без всякой раскачки и рефлексии, а для кого-то нужно время, чтобы созреть, чтоб осознать и почувствовать желание именно э т о г о, – Толик и Серёга, сладостно кайфуя на своей волне, ещё ни разу не подумали о том, чтобы взять друг у драга в рот или вставить друг другу в зад, и вовсе не потому они об этом не думали, что было у них на это какое-то внутреннее табу, а просто они, лаская друг друга, поочерёдно раскачиваясь друг на друге и таким образом имитируя половые акты, вполне удовлетворялись такой формой секса – они кайфовали и кончали... но ведь это – до поры до времени, или, как говорил один древний мудрец, всему своё время, – Серёга, прижавшись возбуждённым членом к попе Толика, совсем не думал о том, чтобы Толику в попу вставить, и Толик, непроизвольно двинув попой назад, точно так же не думал о том, чтоб Серёге в попу дать... они оба об этом – о продвижении дальше, о расширении своего сексуального опыта – ещё не думали, ещё осознанно не помышляли, и потому не подумали теперь, совершая эти телодвижения, но ведь рано или поздно э т о у мальчишек, у Серёги и Толика, всё равно бы случилось, как случается это у большинства подростков, в пору взросления экспериментирующих друг с другом на пути познания сексуальных возможностей, сексуальных открытий и сексуального

разнообразия, – Толик двинул попой назад, напирая сочными булочками на возбуждённый Серёгин член, и Серёга – неожиданно для себя – на это движение Толика проговорил, отозвался-отреагировал:

- Толян... давай, я в жопу тебе вставлю – в жопу... в попу тебя выебу... хочешь? – Серёга произнёс это прежде, чем он об э т о м подумал, и в тот момент, когда он говорил это, вжимаясь членом в булочки Толика, он совсем не чувствовал, что он действительно хочет этого... его предложение двинуться дальше в поиске новых, еще не изведанных ощущений, было спонтанным, у Серёги, сказавшего так, не было четко осознаваемой цели перейти от сладостного, вполне удовлетворяющего фроттажа к настоящему анальному сексу, но... слова, произносимые вслух даже без всякого явного намерения, порой способны материализоваться, и Серёга, едва сказав-проговорив «давай, я в жопу тебе вставлю – в жопу... в попу тебя выебу», тут же почувствовал, что он действительно хочет... он хочет это сделать – хочет реально п о п р о б о в а т ь то, о чём спонтанно сказал-проговорил – произнёс вслух...

- Давай, я тебе вставлю... хочешь? – тут же отозвался Толик, делая Серёге своё – встречное – предложение; он, Толик, не удивился и не дёрнулся, не возмутился, не попытался отстраниться от Серёги, прижимавшегося своим стояком к его голой попе... он, Толик, ответил на Серёгино предложение так, словно он ждал этих слов, ждал от Серёги такого предложения, и хотя он, Толик, об анальном сексе применительно к себе и к Серёге тоже ещё не думал, ещё не испытывал такого явно осознаваемого желания, но та музыка, что вела их, само развитие их сладостных отношений, их юное упоение сексом друг с другом, где каждый сам для себя был неофитом, первопроходцем, открывающим новый прекрасный мир ранее неведомого наслаждения, их постоянно возникающее желание, обусловленное естественной подростковой геперсексуальностью – всё это укладывалось в

логику дальнейшего продвижения вперёд, и потому слова Серёги, произнесённые им как бы в шутку, тут же обрели для Толика, как и для Серёги, практический смысл... да-да, вставить в жопу – выебать друг друга... трахнуть друг друга в попу... а почему бы нет? Никаких препятствий для того, чтоб сделать это, чтоб шагнуть дальше, чтобы сделать шаг к новому, еще не испытанному наслаждению, не было... никаких препятствий не было!

- Толян, я серьёзно тебе говорю... давай! – в голосе Серёги его юное возбуждение переплелось с таким же юным нетерпением, и оттого его «давай!» прозвучало напористо и уверенно; Серёга, уже предвкушая ещё ни разу им не испытанное, совершенно новое, неизвестное ему, но уже ощутимо желаемое им д е й с т в о, с силой вдавился членом в булочки Толика, и это желание-предвкушение тут же отозвалось новой волной щекотливо-сладкого зуда и в самом члене, напряжённо твердом, как кол, и в звеняще набухшей промежности, и в сжатых, туго стиснутых мышцах девственного ануса... собственно, в попе всегда сладко свербело: и когда Серёга дрочил, и когда он елозил по Толику, двигая ягодицами – сжимая анус... мышцы сфинктера всегда сладко-сладко зудели, словно их покалывало миллионом невидимых микроскопических иголок, так что Серёга при дроче, сунув руку себе между ног, нередко трогал себя т а м указательным пальцем, касался подушечкой пальца стиснутой дырочки, отчего наслаждение каждый раз становилось еще более сильным, более сладостным; но теперь... в свете н о в о й открывшейся возможности мышцы сфинктера, казалось, не просто полыхали от сладостного зуда, а как будто вибрировали, предвкушающе дёргались, то сжимаясь, то разжимаясь... так сильно Серёге хотелось новизны!

- Я тоже серьёзно... тоже не шучу! – возбуждённо отозвался Толик, чьё туго стиснутое, девственное сжатое очко, точно так же налитое сладостным зудом, невидимо полыхало от желания-предвкушения. – Чувствуешь, какой он горячий? – чуть слышно прошептал Толик, имея в виду свой нестигаемо

напряженный член, который Серёга ласкал, тискал-сжимал в своём кулаке. – Хочешь его почувствовать в попе?

- Хочу... я всё хочу! – уверенно, нетерпеливо выдохнул Серёга, обдавая шею Толика горячим дыханием. – Раздевайся, Толян, я тебе вставлю! Потом ты мне вставишь – меня трахнешь... раздевайся! – Серёга, выпустив Толика из своего объятия, рывком дёрнул с себя шорты вместе с трусами вниз, и член его, полузалупившийся, разогретый трением о Толиковы булочки, тут же упруго подпрыгнул вверх, словно ракета, устремлённая к звёздам; Толик, развернувшись – повернувшись к Серёге лицом, точно так же рывком дёрнул вниз вместе с трусами шорты с себя, и член его, полностью залупившийся, разогретый кулаком Серёги, точно так же подпрыгнул, подскочил вверх. – Толян... – Серёга, качнувшись вперёд, прижался к Толику – с силой прижал Толика к себе, член Серёгин вдавился Толику в живот, член Толика параллельно с членом Серёги вдавился в живот Серёгин, и руки их одновременно опустились вниз – ладони Серёгины, скользнув по сочно-упругим булочкам Толика, вжались в голую попу Толика, а Толик вдавил ладони свои в такую же голую попу Серёги. – Толян... – еще раз выдохнул, прошептал Серёга, и губы их сами собой слились в сладостном поцелуе...

Музыка... вечная музыка властно вела мальчишек в новые райские кущи, ещё не открытые ими, ещё не познанные, но уже о щ у т и м о возникшие на горизонте не обманчивым миражом, а вполне возможной реальность, и они, обычные мальчишки, на пороге своего стремительного взросления не растлённые ложью «духовных скреп», не извращенные лицемерием «нравственных ценностей», не отравленные тлетворным воздухом насаждаемой кукловодами ненависти ко всему, что не вписывается в прокрустово ложе унылой обыденности, слышали только эту древнюю, эту сладко чарующую, эту упоительную музыку – музыку своей юности, – обнаженные, они стояли посередине слабо освещенной ночником комнаты, с

жадной неутолимостью поочередно сосали друг друга в губы, тёрлись друг о друга сладко напряженными членами, тискали, мяли-ласкали ладонями скульптурно округлые, по-мальчишески небольшие и вместе с тем сочно-упругие, на ощупь мясистые булочки, и это... это был кайф!

- Серый, давай... – Толик, оторвавшись от губ Серёгиных, потянул Серёгу к своей постели. – Становись... – нетерпеливо прошептал-скомандовал Толик, едва они оказались у постели.

- Почему я? – с лёгким недоумением в голосе отозвался Серёга. – Я тебе первый предложил...

- И что? Кто из нас старший брат? Ты или я? – напористо прошептал Толик, поворачивая Серёгу к себе задом. – Давай, Серый... наклоняйся! Потом ты меня тоже... ты мне вставишь потом тоже – в жопу выебешь меня... давай!

- При чём здесь это – кто старший, а кто младший? – всё с тем же недоумением в голосе парировал Серёга. – Какое это сейчас имеет значение? Старший или младший... это сейчас не считается!

- Боишься? – тихо засмеялся Толик, пытаясь удержать Серёгу задом к себе.

- Ничего я не боюсь! – Серёга, крутанувшись в руках Толика, повернулся к Толику лицом. – А только я это предложил... первый я предложил – и я первым тебе вставляю... если ты хочешь, чтобы мы трахнулись по-настоящему...

- Ты, блин, как маленький! – тихо фыркнул Толик. – Какая, блин, разница – кто первый, а кто второй...

- Вот именно! – живо подхватил Серёга. – Нет никакой разницы, а потому, Толян, я тебя первым выебу... ты или согласен со мной, или...

- Или что? – перебил Серёгу Толик, щупая напряженно твёрдый Серёгин член.

- Или то! В жопу не будем ебаться... – проговорил Серёга, но та интонация, с какой он это сказал-проговорил, никак не свидетельствовала о том, что он сам верит в то, что произнёс.

- Серый... ты такой придурок! – тихо засмеялся Толик, во взгляде которого плавилось-искрилось весёлое вожеление; они опять стояли лицом друг к другу, и Толик, не выпуская из ладони напряженный Серёгин член, чуть качнулся в сторону Серёги, одновременно с этим свободной рукой обняв, обхватив Серёгу за шею; губы их снова слились в жарком поцелуе врасос... конечно, Серёга сморозил глупость, сказав «не будем», эта его «угроза» была полной фигнёй – и потому, что при тех доверительных отношениях, какие у них сложились, не было никакой разницы, кто кого будет трахать первым, и потому, что трах в попу просто был уже **н е и з б е ж е н** при тех отношениях, что между ними сложились под древнюю музыку неистребимой страсти... оторвавшись от губ Серёги, Толик, прекращая глупый ненужный спор, со словами:

- Блин... что ни сделаешь для младшего брата! – решительно повернулся к Серёге задом. – Вставляй, извращенец... всовывай первым!

- Вот! Так бы сразу и делал, – лицо Серёгино расплылось в улыбке; он прижал ладони к ягодицам Толика, и ладони его наполнились сочно-упругой мякотью. – Какая классная попочка... хочется даже щекой прижаться! – возбуждённо прошептал Серёга.

- Так прижмись... – тихо засмеялся Толик.

- Может, и прижмусь... – не замедлил с ответом Серёга; он ладонями развёл, раздвинул ягодицы Толика в стороны и, чуть присев, не придерживая член,

не направляя его рукой, дёрнул вперёд бёдрами, полагая, что мимо цели он не промажет.

- Куда ты ширяешь? – тут же отреагировал Толик. – Попасть не можешь?

- Блин, темно... ничего не видно! Толян... давай свет включим? – полувопросительно проговорил Серёга. – Включить свет?

- Ну... я не знаю, – отозвался Толик; в принципе, они уже трахались при свете, но тогда, когда они трахались, они просто лежали в постели – обнимались, тёрлись друг о друга, сосали друг друга в губы, а теперь... теперь нужно было показывать, выставлять на обозрение своё самое интимное место, и... – Ты, когда в душ ходил, очко подмывал? – спросил Толик и отчего-то тут же смутился, словно задал вопрос о чем-то очень личном – о чём-то таком, о чём спрашивать, проговаривать вслух не принято.

- Да, – Серёга кивнул головой. – Я, когда в душе моюсь, всегда жопу мою... ну, то есть, всегда подмываюсь. А ты разве нет? – в голосе Серёги послышалось лёгкое удивление.

- Я тоже мою – тоже всегда, – отозвался Толик. – Я просто спросил... включай свет! Если ты, блин, ничего не видишь – если не можешь попасть куда надо... включай!

- Сейчас ты узнаешь, как я не могу... – предвкушающе рассмеялся Серёга и, торопливо прошлёпав голыми ступнями к двери, щелкнул выключателем; комната озарилась ярким светом; шорты-трусы мальчишек лежали на полу – там, где они их сняли, голый Толик с торчащим членом стоял у края своей постели в полной готовности... улыбаясь Толику, Серёга с торчащим членом так же быстро вернулся назад – к стоящему в пол-оборота Толику. – Всё, Толян... давай! – в голосе Серёги было вождеющее нетерпение. – Наклоняйся...

Толик, повернувшись к Серёге задом, послушно наклонился – опёрся руками о край постели, и его белые булочки чуть раздвинулись, разошлись в стороны.

- Вот... теперь совсем другое дело! – одобрительно проговорил Серёга, с юным нетерпением глядя на попу Толика. – Теперь я не промажу... – обхватив тугие булочки ладонями, Серёга сильнее развёл, растянул их в стороны, и глазам его открылся туго сжатый вход, похожий на точку в центре небольшого бледно-коричневого кружка. – Толян... у тебя волосы растут вокруг очка... не густые, но длинные... черные... – прокомментировал Серёга, рассматривая Толиков вход.

- У всех растут, – отозвался Толик, ожидая, когда Серёга ему вставит. – Ты, блин, трахать меня будешь или жопу мою будешь рассматривать? – с лёгкой досадой в голосе уточнил Толик.

- Ну... одно другому не помеха! – отозвался Серёга; он на мгновение замер, что-то соображая, и, уже в следующее мгновение сообразив, выпустив из ладоней булочки Толика, отступил в сторону – повернулся к Толику задом.

- Ты чего? – Толик, повернув назад голову, с недоумением посмотрел на Серёгу.

- Толян, посмотри... – Серёга, решительно наклонившись, ладонями раздвинул, растянул в стороны ягодицы свои. – У меня растут?

Толик увидел то же самое, что минуту назад увидел Серёга: маленькая точка сомкнутого входа, обрамлённая небольшим бледно-коричневым кружком, чуть заметно вздрагивала, шевелилась – словно подмигивала-манила; вокруг пигментированного кружка росли негустые, не очень длинные волосы, хаотично сложенные черными завитками, – глядя на Серёгино очко,

выставленное Серёгой для обозрения, Толик невольно почувствовал новый прилив щекотливой сладости в своей промежности.

- Отличное влагалище! – произнёс Толик, чувствуя неодолимое желание вогнать, вставить в Серёгу свой напряженный, ало залупившийся стояк. – Серый, давай я тебя... я тебя выебу сначала – трахну первым тебя побыстрому, а потом меня ты натянешь... давай! – опираясь о край постели одной рукой, пальцами второй руки наклонившийся Толик сладострастно стиснул свой член в районе уздечки.

- Волосы есть? – уточнил Серёга, пропуская мимо ушей совершенно ненужное, неуместное предложение Толика изменить очерёдность потери девственности.

- Есть, – коротко выдохнул Толик, глядя на крепко стиснутый Серёгин вход.

- Вот! У меня как у тебя – тоже растут там волосы! У нас всё с тобой, Толян, одинаково! – с непонятной Толику радостью проговорил Серёга, снова поворачиваясь к Толику напряженно задравшимся, сочно залупившимся членом; он, Серёга, сам не знал, почему это важно – быть похожими друг на друга... и даже не в смысле наличия волос вокруг очка, а важно было быть похожими друг на друга вообще, то есть во всём, словно такая похожесть ещё больше, еще сильнее сближала их, сливала их воедино, в одно целое – словно похожесть такая была залогом, была надёжной гарантией нерасторжимости их дружбы. – Ноги, Толян... ноги шире разведи – расставь в стороны! – уверенно проговорил Серёга, снова становясь позади наклонившегося, дугой изогнувшегося Толика.

Ничего не говоря в ответ, Толик послушно раздвинул ноги и, обхватив руками свои ягодицы, растянул их в стороны, отчего очко его, девственно сжатое, туго стиснутое, оказалось перед Серёгой как на ладони.

- Засовывай! – коротко проговорил Толик; не предложил, а скорее приказал – ожидание новых, ещё неведомых, ещё непознанных ощущений подталкивало Толика идти вперёд.

За стенами домика была уже ночь – тёплая летняя ночь пеленала землю, и миллиарды звёзд безмолвно мерцали в глубине бесконечного космоса... а в ярко освещённой комнате два самых обычных мальчишки, как миллионы других таких же мальчишек в разных странах на разных континентах, были готовы сделать новый шаг на пути постижения себя и секса, – держа двумя пальцами свой напряженный, негибаемо твёрдый член у основания, Серёга приставил обнажённую, сочно залупившуюся головку к бледно-коричневому кружку, расположенному аккуратно по центру в небольшом углублении между растянутыми булочками, и... понятно, что не все поголовно, но миллионы мальчишек по всему миру – младше Серёги и Толика или старше их, в лесу на траве или дома в постели, зимой или летом, днём или ночью, в больших городах или в малых селениях – делают это когда-либо в п е р в ы й р а з, и у кого-то всё получается сразу, с первого раза, а у кого-то... в комнате горел свет, четырнадцатилетний Толик, низко наклонившись, стоял у своей постели, ладонями заведённых назад рук растянув ягодицы в стороны, и четырнадцатилетний Серёга, затаив дыхание, думая, что вставить член в попу Толика не составит никакого труда, с силой надавил пламенеющей головкой на бледно-коричневый кружок, в центре которого был туго сжатый вожделенный вход, – Толик, почувствовав тупую боль, невольно дёрнулся, стремительно подался всем телом вперёд, торопливо отстраняясь от Серёги – уворачиваясь от боли...

- Ты чего? – возбуждённо прошептал Серёга, никак не ожидавший такой реакции.

- Больно! – коротко ответил, выдохнул Толик, и Серёга увидел, как мышцы сфинктера у Толика сокращаются, словно таким образом, двигая, сжимая мышцы сфинктера, Толик гасит, выдавливает, нивелирует последствия неудавшегося проникновения.

- Блин... чего тебе больно? – с лёгким недоумением в голосе отозвался Серёга. – Я даже не всунул – полшишки не вставил... давай ещё раз! – Серёга, обхватив ладонями бёдра Толика, потянул зад Толика на себя.

- Серый... ты не спеши – постепенно, медленно всовывай... не ширяй со всей дури! – вновь принимая исходное положение – снова растянув ладонями в стороны ягодичы, проинструктировал Серёгу «опытный» Толик.

- Я не спешу, – отозвался Серёга, направляя член.

Но и вторая попытка, и третья успехами не увенчались – едва Серёга предпринимал попытку войти в Толика, как Толик тут же стремительно уклонялся от напора Серёгиного члена, резко дёргался, отводя свой зад в сторону или стремительно выгибаясь вперёд... ни фи́га у Серёги не получалось вставить член в попу Толику; конечно, упорство Серёгино было достойно уважения, но... всё было напрасно – всё было безрезультатно!

- Ты, блин, какой-то нежный – потерпеть не можешь... чего ты дёргаешься, как девочка? – с лёгкой досадой в голосе проговорил Серёга, не зная, что надо ещё предпринять, чтобы добиться желаемого.

- Сейчас я посмотрю, как ты дёргаться не будешь, – отозвался Толик, выпрямляясь. – Давай, я тебя... я тебе вставлю! – Толик сладострастно сжал, стиснув в кулаке свой член.

- Давай! – не стал возражать Серёга. – Отходи...

Серёга хотел поменяться с Толиком местами, но Толик неожиданно проговорил:

- Ложись на кровать! Давай по-другому попробуем...

- На живот ложиться? – уточнил Серёга; собственно, Серёга даже не спросил это, а просто проговорил вслух, потому как ему, Серёге, и без вопроса было понятно, что Толик должен быть сзади, а значит ему, Серёге, лечь надо на живот; не дожидаясь ответа от Толика, Серёга вытянулся на постели Толика попой вверх; упираясь щекой в подушку, он вывернул назад руки, чтоб ладонями развести, раздвинуть в стороны ягодицы.

- На спину ложись! – скомандовал Толик, уже представляя, как именно надо попробовать.

- На спину? – в голосе Серёги прозвучало удивление; подчиняясь команде Толика, Серёга перевернулся на спину, и его член, по-прежнему напряженный, ало залупившийся, под углом замер над плоским Серёгиным животом; не очень крупные яйца у основания члена были рельефно обтянуты кожей мошонки, уздечка на члене, разделяя алую головку на две половинки, была натянута; Серёга, пальцами правой руки взяв свой стояк у самого основания, оттянул его от живота – направил вертикально вверх. – Толян... сядь не него! Ну, то есть, ты сам... сам сядь, как тебе удобнее, я буду просто лежать! – мысль о возможности т а к о й конфигурации для достижения цели возникла в Серёгиной голове внезапно, и Серёга тут же этой мыслью поделился с Толиком. – Давай... давай так попробуем!

- То есть... сесть на стояк самому? – Толик, легонько сжав твёрдый Серёгин член в кулаке, проговорил это так, словно он, Толик, вдруг оказался перед выбором: делать так или не делать. – Ты хочешь попробовать так?

- Да! – ни секунды не раздумывая, горячо выдохнул Серёга. – Давай, Толян... так у нас точно всё получится! Вот увидишь!

- Ну... можно будет попробовать и так, как ты говоришь, это тоже идея – сесть на стояк сверху... но не сейчас! Сейчас мы попробуем по-другому... – Толик, выпустив из кулака член Серёгин, тем же самым кулаком сжал, сладостно стиснул член свой, такой же горячий и твердый, пламенеющий сочно обнаженной головкой. – Поднимай ноги!

Подчиняясь Толику, Серёга послушно вскинул ноги вверх, и они тут же сами собой сложились в коленях, – Серёга, понявший, как именно хочет Толик, руками прижал колени к плечам, отчего ягодицы его раздвинулись, широко распахнулись в стороны, и в х о д Серёгин, туго стиснутый, девственный, ещё никогда и никем не протыкаемый, оказался перед Толиком как на ладони; редкие длинные волосы окаймляли небольшой бледно-коричневый кружок, в центре которого конвульсивно вздрагивали стянутые в точку мышцы сфинктера, – Толик, до того стоявший рядом с кроватью, быстро стал на колени позади лежащего на спине Серёги – аккуратно перед его распахнутыми ягодицами...

- Офигеть, в какой ты классной позе... – возбуждённо прошептал Толик, он придвинулся к Серёге ближе и, одной рукой опершись о постель – наклонившись, нависнув над Серёгой, другой рукой приставил головку члена к Серёгину очку. – Чувствуешь? – прошептал Толик, глядя Серёге в глаза.

- Да, – отозвался Серёга; он опустил ноги на плечи Толика и, обхватив ладонями свои ягодицы, еще сильнее растянул их в стороны, полагая, что таким образом член войдёт ему в попу наверняка. – Давай, Толян... всовывай! Постепенно всовывай, не торопись...

Толик, затаив дыхание, медленно нажал, надавил головкой члена на туго стиснутый Серёгин вход, и... в то же мгновение, едва Толик с усилием надавил на очко, пытаясь войти в Серёгу, Серёга, коротко ойкнув, стремительно дернулся, колыхнул задом в сторону, ускользая от твёрдого, как кол, члена Толика – уворачиваясь от неожиданно сильной, тупо полыхнувшей между ног боли.

- Толян, блин! Больно! – выдохнул Серёга, и лицо его исказилось невольной гримасой.

- Ну... давай еще раз попробуем! – Толик, говоря это, снова приставил головку члена к бледно-коричневому кружку Серёгина очка.

- Ты, блин, совсем тупой? Или как? – Серёга, тут же оттолкнув ребром ладони член Толика в сторону, прикрыл ладонью своё очко. – Я говорю тебе, что больно...

- Какой ты, блин, нежный... потерпеть не можешь? – Толик, глядя на Серёгу, тихо засмеялся. – Дёргаешься, как девочка... давай еще раз попробуем! Я только одну попытку сделал... так, блин, нечестно!

- Толян, я не могу... – отозвался Серёга, но в его голосе не прозвучало должной уверенности в том, что он реально не может, и Толик, тут же воспользовавшись Серёгиным колебанием – отведя ладонь Серёги в сторону, снова приставил головку члена к очку.

- Серый... ещё один раз... ещё раз попробуем... потерпи! – прошептал Толик, не теряя надежду добиться желаемого; он медленно, осторожно надавил головкой члена на Серёгино очко, и... снова у них – у Толика и Серёги – ничего не получилось: «ещё раз» опять не увенчался успехом, очко Серёги, как до этого очко Толика, устояло под напором вторжения...

Толик, оттолкнувшись от Серёги, откинулся в сторону – лёг на спину рядом с Серёгой, вытянувшись во весь рост; Серёга, опустив ноги – повернув к Толику голову, разочарованно проговорил:

- Видишь... ни фига не получилось – ни у тебя, ни у меня... может, мы что-то делаем не так?

- Я знаю, почему не получилось, – отозвался Толик, машинально тиская пальцами свой напряженный, не получивший умиротворения член.

- Почему? – Серёга, живо повернувшись к Толику – привалившись к Толику, лежащему на спине, сбоку, вдавился напряденным горячим членом Толику в бедро; рука Серёгина скользнула вниз – Толик убрал пальцы со своего члена, и Серёга легонько сжал Толиков член пальцами своими. – Потому что они большие? Ну, то есть... для жопы члены наши в диаметре слишком толстые?

- Ни фига! – тихо рассмеялся Толик; чувствуя бедром твёрдый горячий член Серёги. – Потому что, Серый, мы дураки...

- Почему дураки? – в Серёгином взгляде, устремлённом на Толика, отразилось недоумение, смешанное с неподдельным любопытством.

Они лежали на постели, оба голые, оба возбуждённые: Толик лежал на спине, Серёга, прижимаясь к Толику, лежал сбоку, вставив ногу свою между ногами Толика... в комнате горел свет, – ничего ещё не было закончено, и эта их неактивность была лишь маленькой передышкой, чтобы подумать, почему у них ничего не получилось – почему они не смогли, не сумели сделать то, что сделать оба хотели.

- А ты сам подумай! – Толик, повернувшись набок, лицом к Серёге; интригующе улыбнулся. – Ты же, блин, такой умный... всё всегда знаешь,

всё умеешь... подумай сам! – Рука Толика скользнула вниз, и Серёга почувствовал, как Толик легонько сжал в кулаке его член.

- Блин, какой ты, Толян... язвительный, – проговорил Серёга, но в интонации его голоса не было ни укора, ни досады, ни хотя бы намёка на какое-либо недовольство. – Я сказал тебе свою версию... я сказал, что дело в размерах!

- А я ответил тебе: ни фигя, размеры здесь ни при чём! – тут же парировал Толик, весело глядя Серёге в глаза. – Ты знаешь, что у тебя под левой бровью, ближе к переносице, маленькая родинка? Совсем маленькая, еле видимая...

- Знаю, – ответил Серёга; они лежали лицом друг к другу, соприкасаясь коленями, руки их стискивали, сжимали члены друг друга, и сладостный зуд возбуждения щекотливо покалывал, свербел у обоих мальчишек между ног... и между ног, и особенно там, где были маленькие, крепко стиснутые, ещё не проткнутые – по-прежнему девственные – пацанячие дырочки. – Ну, Толян... теперь ты скажи свою версию: почему не смогли мы вставить друг другу?

- Ну, смотри! Только потом не говори, что ты это всё знал сам, – подколот Толик Серёгу.

- Я вообще никогда так не говорю, – лицо Серёги в ответ на подколот Толика миг приняло по-детски невинное, простодушное выражение, и они, глядя друг другу в глаза – отлично друг друга поняв – разом рассмеялись.

- Так вот, Серый... дело не в размерах, а дело в том, что мы это сделать хотели на сухую, а для такого секса необходима смазка... вот потому-то у нас ничего и не получилось, – Толик проговорил это так, как будто он только что сделал величайшее открытие и этим открытием решил щедро поделиться с Серёгой. – На сухую, я думаю, даже палец не всунешь, хотя он раз в пять тоньше члена... никогда не пробовал палец всовывать?

- Нет, никогда, – отозвался Серёга. – Я дома, когда дрочу, пальцем просто касаюсь очка, чтобы было приятнее... ну, то есть, пальцем очко ласкаю. Ты так делаешь, когда дрочишь?

- Нет, никогда я так не делал – не ласкал я очко во время дроча... пальцем я иногда там прикасаюсь, трогаю, но для большего кайфа я под яйцами массирую, когда дома дрочу, – поделился Толик своей техникой дрочки. – Так вот... чтобы в жопу вставлять, нужна смазка! Элементарно, Ватсон! Нужно, чтобы стояк скользил – чтобы он вскальзывал в очко, разжимая дырку, а не тупо упирался, как у нас... вот о чём мы не подумали! Смазка нужна! Вазелин или крем какой-нибудь...

- Блин! Я ещё подумал про вазелин... подумал про то, что нужно чем-то смазать, что на сухую фиг получится...

- Серый, блин! – прервал Толик Серёгу и, выпустив член Серёгин из ладони, несильно хлопнул ладонью Серёгу по ягодице, как хлопают взрослые маленьких детей по попе в знак наказания за что-либо.

- Ты чего? – удивился Серёга, и по лицу его было непонятно, удивился он искренне, не понимая, в чём дело, или удивление на лице изобразил.

- Ничего! Ты подумал про размеры, а не про смазку... – отозвался Толик, поясняя свой шлепок.

- Блин, откуда ты знаешь, о чём я думаю! – Серёга, выпустив из ладони член Толика, точно так же ладонью звонко хлопнул по ягодице «старшего брата», и они, лёжа друг против друга, со смехом завозились в постели: каждый пытался шлёпнуть по сочным, упруго-мягким булочкам другого, одновременно с этим отражая встречное нападение... в какой-то момент Серёга, проявляя сноровку, опрокинул Толика на спину, навалился на Толика, подмял его под себя и, оказавшись сверху, с наслаждением вдавился

твёрдым возбужденным членом Толику в пах, чувствуя, как твёрдый горячий член Толика вдавился в пах ему. – Толян... – прошептал Серёга, чувствуя, как где-то внутри, в глубине души, у него возникает, зарождается непонятное, но сладкое чувство нежности к Толику... да, они стали друзьями, им было весело вместе, было легко общаться, они стали братьями, причём, Серёга нисколько не возражал быть братом младшим, хотя младше Толика он был всего на несколько месяцев и при желании мог бы легко усомниться в праве Толика быть братом старшим, у них друг от друга не было никаких секретов, трахаться с Толиком было в кайф, и вообще всё, всё-всё было в кайф, так что желать чего-то лучшего было бы просто глупо, но сейчас, лёжа на Толике, Серёга почувствовал, как в нём рождается что-то новое по отношению к Толику, что-то такое, чего не было раньше, и это новое, ещё смутное, ещё до конца непонятное, наполняло не только тело, а наполняло сердце новой сладостью; с телом всё было понятно: сладость, наполнявшая тело, была совершенно естественной и объяснимой... а с сердцем что было нужно делать? – Откуда ты знаешь, о чём я думаю? – повторил Серёга, вопрошающе глядя Толику в глаза, и теперь эти же самые его слова прозвучали с какой-то другой, слегка изменившейся интонацией.

Толик почувствовал, как что-то неуловимо изменилось в Серёге... всё было вроде то же самое: возбуждённый голый Серёга лежал на нём, на голом возбуждённом Толике, их напряженные, сладко зудящие члены были зажаты горячими животами, в попе у Толика сладко покалывало от предвкушения... всё было так, как уже было, и в то же время во взгляде Серёги было что-то новое – вопрошающе тёплое, едва уловимое, – Толик, раздвинув под Серёгой ноги, вопросительно глядя Серёге в глаза, скользнул ладонями по Серёгиной спине, по пояснице, и ладони его округлённо наполнились... булочки были сочные, мягкие, но в мягкости этой, скульптурно округлённой, была приятная на ощупь упругость, – Толик легонько вдавил пальцы в сочно-

упругую мякоть Серёгиной попы и, вопрошающе глядя Сереге в глаза, прошептал:

- Серый... как ты хочешь? Как мы уже делали?

- В жопу хочу, – отозвался Серёга, не считая нужным скрывать от Толика своё желание; да и какой смысл был что-то скрывать при тех отношениях, какие у них сложились. – В жопу хочу тебе вставить... и ты чтобы тоже... чтоб тоже мне вставил – вот чего я хочу! – уточнил Серёга; ещё час назад он ни о чём таком не думал, будучи в полном удовлетворении от того, что у них, у него и у Толика, уже было, и вот теперь новый открывшийся горизонт властно манил, звал, обещая новые, еще неизведанные, но уже страстно желаемые ощущения.

- Смазка нужна... без смазки мы уже пробовали, – проговорил Толик, лаская ладонями круглые Серёгины булочки.

- Да, смазка... – согласился с Толиком Серёга. – Без смазки ни фи́га не получается. А может... может, у дедули есть какой-нибудь крем? – предположил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

- Зачем дедуле крем? Крем какой-нибудь если есть, то у бабули... для лица там или для рук. А у дедули в гараже есть только солидол, – тихо засмеялся Толик.

- Ну, всё равно надо посмотреть... надо поискать! – решительно проговорил Серёга, делая попытку встать с Толика.

- Где ты будешь искать? – отозвался Толик, удерживая Серёгу за попу.

- Ну, я не знаю... там на кухне какой-то шкафчик висит типа аптечки... может, там есть? – с надеждой в голосе проговорил Серёга, вопросительно

глядя на Толика, словно от Толика зависело, есть ли в шкафчике пригодный для траха крем или крема там нет.

- Серый, не нужно рыться в дедулиных вещах! Завтра что-нибудь придумаем... у бабули крем какой-нибудь наверняка есть! – попытался урезонить Серёгу Толик.

- Мы не будем рыться – мы только посмотрим... идём! – решительно проговорил Серёга, отрываясь от Толика – рывком поднимаясь с постели; член у Серёги был напряжен, и у Толика член напряжен был тоже – оставалось найти какой-нибудь крем. – Вставай, Толян! Сейчас, блин, что-нибудь найдём... – Серёга потянул Толика за руку.

Они прошли на кухню – в небольшую комнату, где был стол, накрытый цветастой клеёнкой, раковина, газовая плита; на стене в углу висел небольшой шкафчик, рядом с которым к стене был приклеён большой плакат-календарь за прошлый год, в другом углу стоял неработающий холодильник с приоткрытыми дверцами, и еще один стол, точнее, стол-тумба с выдвижными ящиками стоял у стены напротив окна.

Они быстро, открывая-закрывая ящики, просмотрели их содержимое – ящики были либо пустые, либо в них был какой-то хлам; нигде никакого крема не было. В том шкафчике, что висел на стене, были тарелки, ложки-вилки, что-то ещё из посуды – крема там не было тоже.

- Серый, я же сказал тебе, что ничего не будет... ну, ты сам подумай: зачем дедуле крем? – с лёгкой досадой в голосе прошептал Толик, которому совсем не нравилась сама идея поиска, больше похожего на обыск.

- В ванной комнате еще посмотрим... там точно должен быть какой-нибудь крем! – отозвался Серёга, не теряя надежду.

Они, выключив свет на кухне, прошли в ванную комнату. Там тоже висел на стене небольшой шкафчик, но и в том шкафчике ничего такого, что могло бы обеспечить нужное скольжение при анальном сексе, тоже не было – ни крема для бритья, ни крема после бритья... нигде никакого крема не было!

- Вот же блин! Полный облом... – не скрывая своего разочарования, с досадой проговорил Серёга. – Как так можно? Вообще нигде ничего нет...

Сжимая в кулаке напряженный член, Серёга стоял перед открытым шкафчиком, словно не веря, что так может быть, – Толик, стоявший позади Серёги, всем телом прижался к Серёге сзади, одной рукой обхватил Серёгу поперёк груди, рукой другой направив свой напряженный стояк между Серёгиными ногами.

- Сдвинь ноги... сожми! – прошептал Толик, с силой вжимаясь пахом в Серёгины ягодицы; Серёга, ощущая между ногами твёрдый горячий член Толика, стиснул его ногами, и Толик, прижимая Серёгу к себе, волнообразно задвигал поясницей, сладострастно сжимая свои круглые, сочно-упругие булочки...

- Толян, давай я тебя так... между ног тебя тоже... – прошептал Серёга. – Пойдём на постель... я хочу тебя тоже так!

- Пойдём, – отозвался Толик, отстраняясь от Серёги – извлекая твёрдый горячий член, сжимаемый Серёгиными ногами, из-под Серёгиной промежности. – Выключай здесь свет...

День закончился так же, как и день предыдущий, сладостными оргазмами... или сладостными оргазмами, наоборот, новый день начался? Это был «философский вопрос» – что есть «вчера», «сегодня» и «завтра», «философский» вопрос в том смысле, что у Толика и Серёги были разные представления, когда кончается день прошедший и начинается день новый,

но для сладостно-упоительной музыки, что уводила их в райские кущи, вся эта «философия» не имела никакого значения, – была просто ночь, обычная летняя ночь вне «вчера» и «сегодня», когда всё было кончено и мальчишки, приятно опустошенные и удовлетворённые, снова надели трусы. Они в этот раз не сделали шаг вперёд на пути своего познания разных возможностей своей дружбы, хотя оба хотели, оба пытались шаг этот сделать – они оба хотели познать, хотели попробовать-испытать анальный секс, но желание это возникло спонтанно, возникло впервые в их жизни, без предварительных мыслей об этом, без каких-либо знаний о т а к о м сексе, без минимально необходимой, самой элементарной подготовки к такому сексу в виде банальной смазки, и потому у них ничего не получилось – первый блин, как говорят в таких случаях, оказался комом, но это была чисто техническая осечка, и не более того, – такие осечки-неудачи только подстёгивают тех, кто идёт вперёд... уснули они практически сразу же: Серёга, выключив свет и включив ночник, хотел что-то спросить у Толика, но Толик уже сопел, провалившись в сон, и Серёга спрашивать Толика ни о чём не стал – он сам провалился в сон тут же, едва голова его коснулась подушки...

Утром Серёга проснулся первым – со двора доносился стук молотка, и Серёга, разбуженный этим стуком, открыл глаза; какое-то время Серёга лежал, не зная, вставать ему или нет, – он повернул на подушке голову, чтоб посмотреть, проснулся ли Толик; Толик спал, лёжа на животе, обхватив подушку руками, повернув голову к стенке, – Серёга скользнул взглядом по небольшой, скульптурно округлой попе Толика, которая так приятна была на ощупь, вспомнил, как он вчера... ну, не сегодня же! понятное дело, что вчера... как вчера Толик точно так же лежал на животе, и он, Серёга, сладко тёрся о сочную, упруго-мягкую попу Толика членом, скользил членом по ложбинке между булочками, содрогаясь от кайфа, как дробил член между сдвинутыми, крепко стиснутыми ногами Толика... эта картинка вспыхнула-

возникла перед мысленным взором Серёги мгновенно, и Серёга почувствовал, как его член стал наполняться сладкой твёрдостью.

- Толян! – окликнул Толика Серёга; Толик не отозвался – Толик, посапывая, сладко спал, и сон его был так глубок и крепок, что он не слышал ни доносившиеся с улицы удары молотка, но голос Серёги. – Блин, оглох! – осуждающе пробурчал Серёга и, рывком поднявшись с постели, энергично подошел к постели Толика. – Толян! Ты живой или мёртвый? – Серёга ладонью двинул из стороны в сторону круглые Толиковы ягодицы, плотно обтянутые белыми трусами-плавками, и ягодицы под Серёгиной ладонью колыхнулись, как круто сваренный студень. – Толян!

- Ты чего? – Толик, повернув на подушке голову, уставился на Серёгу сонным непонимающим взглядом.

- Ничего! Я проснулся уже, а ты спишь... вставай! – Серёга легонько хлопнул ладонью Толика по ягодицам. – Поднимайся! Нечего валяться...

- Блин, ты офигел? – Толик, по-прежнему лежа на животе, дёрнул вверх попой, реагируя на шлепок Серёги. – Сколько времени?

- Откуда я знаю, сколько времени? Вставай! – отозвался Серёга. – Уже дедуля пришел – что-то делает во дворе... слышишь? – одной рукой держа Толика за плечо, другой рукой удерживая его за попу, Серёга стал энергично раскачивать «старшего брата» в постели. – Поднимайся!

- Серый, блин! Я встану сейчас – убью тебя! – пообещал Толик, весело глядя на Серёгу.

- Кто кого здесь обещает убить? – в дверном проёме неожиданно возник Пётр Степанович; мальчишки совсем упустили из виду, что перестал стучать молоток, и хорошо, что в тот момент, когда Пётр Степанович появился,

Серёга просто дурачился – энергично «будил» Толика, а не делал с Толиком что-то другое.

- Да вот, дедуля... – Серёга, лишь на секунду растерявшись от неожиданности, уже в следующую секунду, изобразив на лице возмущение, оглянулся – посмотрел на Петра Степановича. – Я его уже полчаса бужу, даже больше... сорок минут пытаюсь его поднять, говорю ему: «вставай, Толян, пойдём помогать дедуле», а он вцепился в постель – не хочет вставать... разве так можно? Хоть ты, дедуля, ему скажи, какой он бессовестный...

- Что ты врешь! – возмутился Толик, пытаясь сбросить руку Серёги со своего плеча; вторую руку – с попы Толика – Серёга быстро убрал сам в тот момент, когда поворачивался к Пётру Степановичу,

- Странно... – хмыкнул Пётр Степанович. – Я минут двадцать назад заглядывал к вам – хотел вас уже будить, чтоб вы готовились к завтраку, но ты, Серёга, так сладко храпел, что я подумал...

- Дедуля! Ты всё перепутал! – перебивая Петра Степановича, с напором воскликнул Серёга. – Это Толян храпел, когда ты заходил! А я не храплю вообще – я сплю бесшумно... скажи, Толян! Честно признайся, что это не я, а ты храпел, когда заходил дедуля...

- Так это не ты храпел двадцать минут назад, когда я к вам заглядывал? – глядя на внука смеющимися глазами, спросил-уточнил Пётр Степанович.

- Конечно, не я! – без тени сомнения проговорил Серёга. – Это Толян храпел, а я просто спал... ну, может, сопел чуть слышно, но не храпел. Ты всё, дедуля, всё перепутал!

- Серый, какой ты дурак! – Толик, садясь на постели, затрясся от смеха.

- Почему я дурак? – Серёга, не понимая, живо перевёл взгляд с Петра Степановича на Толика. – Сам храпел, а я дурак...

- Феноменальный дурак! – подтвердил Толик, весело глядя на Серёгу. – Дедуля заглядывал в комнату двадцать минут назад – ты, значит, сопел чуть слышно... и при этом ты меня уже сорок минут будишь... где, Серый, логика?

- Блин, при чем здесь логика? – Серёга, поняв, что он зарапортовался, изобразил на лице полное непонимание того, о чём сказал Толик. – Я будил тебя...

- Ага, сорок минут будил, – уточнил Толик, всё так же весело глядя на Серёгу.

- Короче, с тобой невозможно разговаривать! Ты меня постоянно перебиваешь, не даёшь мне даже слово сказать... – с возмущением в голосе вынес Серёга вердикт, подводя свой итог разговору. – Вставай! Надо дедуле помочь...

- Да, Серёга... – хмыкнул Пётр Степанович, – со временем ты слегка промахнулся... – Пётр Степанович с улыбкой покачал головой и уже другим тоном, деловым, проговорил: – Всё, хватит дурачиться... время уже завтракать, а вы еще нос на улицу не показывали... выходите! Увидите, какой корабль я вам сделал...

Пётр Степанович пошел на выход, и Серёга, оставшись с Толиком наедине, весело подмигнул Толику:

- Хорошо, что я не растерялся... да, Толян? – и тут же, не делая паузу – не давая возможность Толику что-либо возразить или хотя бы просто ответить, быстрым шепотом деловито проговорил, надевая шорты: – На сегодня твоя задача – раздобыть у бабули крем.

- Почему это моя задача? – шепотом отозвался Толик, тоже надевая шорты.
- Потому что к бабуле ты приехал, а не я! Что здесь непонятного? – с напором прошептал Серёга. – Я даже в доме у бабули ни разу не был, а ты знаешь там расположение комнат – ты сможешь быстро сориентироваться, где может крем лежать... понял?
- Как я в дом бабулин пойду? Ну, то есть, зачем я туда пойду? Все мои вещи здесь... мне там нечего делать! – прошептал Толик, вопросительно глядя на Серёгу.
- Ну, скажет бабуля, что ей надо что-то из холодильника принести или, наоборот, что-то отнести в холодильник, и ты этим моментом воспользуешься – тут же скажешь, что хочешь помочь, что это сделаешь ты... понял? – с напором прошептал Серёга, объясняя Толику, как он сможет позаимствовать у бабули крем.
- Ну, не знаю... – неуверенно отозвался Толик. – Но если я крем раздобуду, я тебе первый вставлю!
- Не вопрос! – отозвался Серёга, и они, глядя друг другу в глаза, одновременно друг другу подмигнули... начинался новый день, и жизнь... жизнь была прекрасна и удивительно!

Кораблём оказался маленький квадратный плот с прикрученной к середине большой пластмассовой чашкой, которая долгие годы служила Пётру Степановичу для замачивания белья перед стиркой, – видя недоумённый взгляд Серёги, Пётр Степанович объяснил, что чашка нужна для транспортировки на остров питания и разных других необходимых грузов, чтобы их не залило водой; выглядело всё это смешно и нелепо, но польза практическая в таком сооружении была несомненная.

- Это, кстати, идея Толика – сделать плот с чашкой... так ты, Толик, хотел? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Так, – кивнул Толик головой. – То, что нужно!

- У тебя, дедуля, не пассажирский фрегат получился, а сухогруз, – резюмировал Серёга.

- Пассажиры будут плавать своим ходом, – глядя на Серёгу, весело проговорил Пётр Степанович. – Правильно, Толик, я говорю? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Да, – Толик кивнул головой; он хотел что-то добавить, что-то сказать еще, но его перебил Серёга:

- Толян у сухогруза будет мотором – будет двигать его вперёд! А я буду капитаном – буду плыть впереди и показывать дорогу... да, Толян?

- Да, ты будешь показывать дорогу, – отозвался Толик с лёгкой иронией в голосе, выделив голосом слово «дорогу».

За завтраком, демонстрируя заботу о бабуле, Серёга несколько раз предлагал Зинаиде Ивановне помощь – предлагал, чтобы Толик нужное что-то принёс из холодильника, стоявшего в доме, или, наоборот, чтобы что-то ненужное в холодильник отнёс, положил или поставил.

- Ноги, бабуля, не железные, а ты ходишь весь день туда-сюда – и еду готовишь, и вообще... ты говори, если надо тебе помочь! – убеждал Серёга Зинаиду Ивановну и, тут же конкретизируя возможную помощь, уточнял: – Допустим, надо тебе, бабуля, что-то принести из холодильника... зачем тебе самой идти, если Толян это сделает на раз-два? Или что-то отнести в холодильник... мы всегда готовы помочь! – убеждал Серёга Зинаиду Ивановну, но помощь пока не требовалась, Зинаида Ивановна в ответ

говорила Серёге «мои ж вы золотые», и Серёга с трудом скрывал своё разочарование.

После завтрака Зинаида Ивановна поставила на стол три больших бумажных кулёк с пирожками: пирожки с повидлом и с капустой и с печенкой были в двух разных кулёках и предназначались для внуков, в третьем кулёке были тоже пирожки, но там были пирожки с выжирками, как пояснила Зинаида Ивановна, и это были пирожки для Пирата; затем Зинаида Ивановна принесла из дома большой двухлитровый термос с холодным взваром и старое большое покрывало, – Серёга, видя, как Зинаида Ивановна выходит из дома с термосом и покрывалом, не смог скрыть досаду:

- Бабуля! Ну, что ты всё время ходишь сама! Сказала б Толян – он бы принёс... ничуть ты себя не жалеешь!

- Да, бабуля, я бы мог принести, – подтвердил Толик. – Серёга правильно говорит: ничуть ты себя не жалеешь...

- Толя! Ну, откуда ты знаешь, где у меня лежало покрывало? Я его лет пять уже не доставала, сама утром еле вспомнила, где оно лежит... да и нетрудно мне сходить в дом, – ответила Зинаида Ивановна, чувствуя, как от заботы внуков у неё по сердцу словно разливается живительный бальзам.

Пока Пётр Степанович выгонял из гаража свой ретромобиль и грузил в багажник сухогруз, а Пират торопливо ел кашу, то и дело поглядывая на Петра Степановича, Толик с Серёгой в комнате решали, что им нужно взять с собой; взяли банные полотенца...

- Серый, плавки возьмём? – Толик, сидя на постели перед своей распахнутой сумкой, с которой он приехал, вопросительно посмотрел на Серёгу.

- На фиг они нужны, – отозвался Серёга. – Мы же там будем одни... может, мы вообще там будем как nudисты... если, конечно, ты будешь не против – если не станешь меня стесняться, – Серёга, глядя на Толика, тихо засмеялся.

- Главное, чтобы ты не стеснялся, – засмеялся Толик в ответ. – А ты был на nudистском пляже?

- Нет, ни разу, – Серёга отрицательно качнул головой. – А ты был?

- Я не был, но видел, – отозвался Толик. – У нас есть пляж городской, а если пройти немного по берегу в сторону, то там есть пляж для nudистов, и мы в прошлом году с пацанами ходили туда посмотреть... пляж совсем маленький, просто кусок песчаного берега, и всё...

- И что? Там все голыми загорают? – проявил интерес Серёга.

- Да, все голые, – подтвердил Толик. – Мы когда из кустов наблюдали, там человек десять было: кто-то купался, кто-то лежал загорал, и парень с девчонкой стояли чуть в стороне, загорали стоя и были как на ладони... у пацанов... и у меня тоже – у нас всех плавки вмиг колом натянулись! – Толик тихо засмеялся. – Всё было видно отлично!

- А у парня этого стояка не было? – уточнил Серёга.

- Не было. У него висел, как обычно... не было возбуждения, – отозвался Толик.

- Не понимаю, почему на nudистских пляжах парни не возбуждаются... – проговорил Серёга с интонацией лёгкого недоумения в голосе, вопросительно глядя на Толика. – У меня бы вмиг подскочил, если б я оказался на таком пляже – если б я там разделся догола... может, они там все импотенты?

- Намекаешь, что на нудистских пляжах тусят только курящие? – с легким ехидством в голосе отозвался Толик.

- Блин, я серьёзно спрашиваю! Почему там парни не возбуждаются, если рядом с ними голые девчонки?

- Фиг его знает, – Толик пожал плечами. – Может, наоборот, они всю ночь трахаются до полного отупения, чтоб потом на пляже быть равнодушными к девчонкам... я не знаю. А ты б возбуждился, если б попал на такой пляж, где одни парни голые – без девчонок?

- Вряд ли, – усомнился Серёга. – А чего возбуждаться, если все одинаковые? Я же не возбуждаюсь, когда сам на себя смотрю в зеркало в ванной... возбуждаюсь я только, когда хочу подрочить, но это же с наготой никак не связано. А ты б возбуждился?

- Думаю, что нет. Хотя... – Толик на секунду запнулся, – если бы парни что-нибудь делали друг с другом – если б они там трахались, я бы, наверное, возбуждился...

- Ну, это совсем другое! – тут же ответил, живо отозвался Серёга. – Я возбуждаться могу, если увижу, как петух трахает курицу... кстати, Толян! – оборвал сам себя Серёга; он хотел напомнить Толику, что они так и не понаблюдали за сексом кур в бабулином зоопарке, но в это время с улицы донёсся зычный голос Пётра Степановича:

- Ну, вы чего там, пионеры, застряли? Уснули?

- Идём! – так же зычно отозвался Серёга в ответ. – Толян, телефоны возьмём? Вдруг там интернет есть!

- Вряд ли, – усомнился Толик. – Ну, давай возьмём, если хочешь. Проверим...

- Ладно, пока не будем брать, – решил Серёга; Толик бросил в пакет пачку сигарет и зажигалку, и они с пакетом, в котором были одни полотенца, вышли на улицу, выключив в комнате свет.

- Мы дедуля, не пионеры, а бойскауты! – тут же счел нужным поправить Петра Степановича Серёга; Пират, который уже позавтракал, при появлении Серёги и Толика усиленно закрутил хвостом, предвкушая своё участие в предстоящем путешествии. – Дедуля, а про лопату и топорик ты не забыл – взял? – Серёга вопросительно посмотрел на Пётра Степановича.

- Взял, в багажнике лежат, – кивнул Пётр Степанович.

- Отлично! – похвалил Петра Степановича Серёга. – Ещё нам нужно... – Серёга на секунду задумался, – мы с Толяном сейчас посоветались и решили, что нам еще нужно...

- Стоп! – остановил Серёгу Пётр Степанович, хитро прищурился – весело глядя то на Серёгу, то на Толика. – Значит, вы посоветались...

- Да! – не моргнув глазом, подтвердил Серёга. – Мы постоянно советуемся по всем важным вопросам...

- Отлично! – перебил Серёгу Пётр Степанович. – И что, Толик, вы решили? – Пётр Степанович вопросительно посмотрел на Толика.

- Я понятия не имею, о чём мы советовались, и потому я не знаю, что мы решили, – Толик, с улыбкой глядя на Петра Степановича, пожал плечами. – Может, ты, Серый, с Пиратом советовался? – Толик, всё так же улыбаясь, перевёл взгляд на Серёгу.

- Какой ты, Толян... совсем памяти нет! – не растерялся Серёга. – И ты тоже, дедуля... зачем у Толяна спрашивать, если он тут же всё забывает? Спрашивай, дедуля, всегда у меня!

- Да уж! – Пётр Степанович рассмеялся. – С тобой, Серёга, не пропадёшь!
Ну, так что вы решили?

- Нам, дедуля, нужен кусок цепки и замок, чтобы мустангов наших к дереву привязывать – чтобы их никто не угнал, – Серёга посмотрел на Толика. – Правильно, Толян, я говорю?

- А кто должен ваших мустангов угнать? – с лёгким недоумением в голосе спросил-произнёс Пётр Степанович.

- Ну, мало ли кто, – хмыкнул Серёга. – Вот мы уплывём на остров, а кто-то будет бродить по берегу, увидит наших мустангов, и... может такое быть?

- Ну... в принципе, всё может быть, – согласился Пётр Степанович.

- Вот! А если мы наших мустангов цепью к дереву привяжем и на цепь замок повесим, то уже всё – никто наших мустангов не угонит... да, Толян?

- Ну... в принципе да, – согласился с Серёгой Толик.

- Не знаю, кто там может ходить... рыба там не ловится – рыбаков там не бывает... лоботрясов вроде вас, чтоб болтались по берегу в поисках клада, в Сосновке нет... дорога, что ведёт к острову, дальше ведёт в тупик – никуда не ведёт... – Пётр Степанович перечислил возможные угрозы для «мустангов». – Не знаю, кто может угнать ваших мустангов... разве что инопланетяне позарятся? – Пётр Степанович, скрывая улыбку, вопросительно посмотрел на Серёгу.

- При чём здесь инопланетяне? – с лёгким возмущением в голове отозвался Серёга, реагируя на такое не очень уместное предположение Петра Степановича. – Я, дедуля, всегда реально смотрю на разные вещи! Ты же сам только что сказал, что всё может быть... угонят наших мустангов, и что мы будем делать? Короче, дедуля... нам нужна цепь! Цепь и замок... да, Толян?

- А раньше дорога куда вела? – спросил Толик, глядя на Пётра Степановича.

- Раньше? – переспросил Пётр Степанович. – Раньше когда-то чуть дальше была МТФ, но её давно уже нет, и по дороге этой давно никто не ездит...

- А что такое МТФ? – снова спросил Толик.

- Молочно-товарная ферма, – охотно пояснил Пётр Степанович. – Коровы там были... и молоко давали, и на мясо коров сдавали... богатый был совхоз! Потом всё растащили – от коровников даже фундаментов не осталось... – Пётр Степанович хотел сказать что-то ещё, но его бесцеремонно перебил Серёга:

- Цепка, дедуля, нужна не очень длинная, где-то примерно с метр. И замок...

- Замок есть, – отозвался Пётр Степанович – А цепь... где-то должна быть в гараже – была когда-то... поискать пойти? – Пётр Степанович вопросительно посмотрел почему-то не на Серёгу, а на Толика; Толик в ответ кивнул головой.

Пётр Степанович ушел в гараж – искать цепь, и Серёга тут же с претензиями накинулся на Толика:

- Толян, блин! Ты можешь чётко выражать свою жизненную позицию, поддерживая меня, а не кивать головой? Почему один я постоянно волнуюсь за наши общие интересы?

- Потому что, Серый, я тебе полностью доверяю... – отозвался Толик, глядя на Серёгу смеющимися глазами. – Доверяю тебе волноваться за наши общие интересы... я за тобой как за каменной стеной!

- Ну, это понятно! – не стал возражать Серёга. – Я вообще не представляю, что бы ты делал без меня...

- А ты что бы делал без меня? – парировал Толик.

- Я же сказал тебе, что я не представляю... или ты глухой? – тут же отозвался Серёга, и они, не сговариваясь – глядя друг на друга – без всякой видимой причины рассмеялись.

Цепь в гараже Пётр Степанович нашел, и она вместе с замком оказалась в багажнике рядом с лопатой и топориком.

- Ну, теперь всё? Ничего больше не надо? – Пётр Степанович посмотрел на Серёгу. – Или ещё вам что-то нужно?

- Всё, дедуля! Сейчас пакеты наши положим в твой ретроавтомобиль и можно ехать... да, Пират? – Серёга погладил Пирата по лобастой голове, и Пират, соглашаясь с Серёгой, энергично завертел, закрутил хвостом.

- Пакеты свои повезёте сами, – неожиданно проговорил Пётр Степанович, закрывая багажник.

- Почему, дедуля, сами? – с удивлением посмотрел Серёга на Пётра Степановича. – У тебя в машине еще места о-го-го!

- Я же не буду всё время с вами ездить – охотно пояснил Пётр Степанович. – Вчера показал вам дорогу на остров, сегодня вот плот отвезу, а дальше, если вам там понравится, вы будете туда сами ездить. Соответственно, будете сами возить пирожки, покрывало, термос и что там будет у вас ещё. Вот и думайте, как вы сейчас повезёте своё хозяйство! – Пётр Степанович весело посмотрел сначала на Толика, потом на Серёгу.

- Какой ты, дедуля... коварный! – проговорил Серёга в ответ на весёлый взгляд Пётра Степановича.

- Нужно два ящика небольших... два картонных коробка, чтоб прикрепить их к нашим багажникам, – произнёс Толик. – И туда положить наши пакеты... да? – Толик посмотрел на Серёгу.

- Да, я тоже об этом подумал – ты, Толян, прочитал мои мысли! – Серёга кивнул головой. – Есть, дедуля, у тебя ящики? Примерно такие... – Серёга показал руками, какие ящики нужны.

- Найду! – отозвался Пётр Степанович; он ушел в дом и буквально через минуту вышел оттуда, держа в руках два небольших картонных ящика; Серёга с Толиком, пока Пётр Степанович ходил за ящиками, вывели из сарая своих «мустангов»; ящики были не одинаковые, один был чуть больше, и Серёга протянул руку за тем ящиком, который был меньше:

- Мне, дедуля, этот ящик давай, который меньше!

- Почему тебе этот, который меньше? – пряча улыбку, с удивлением в голосе проговорил Пётр Степанович. – Может, его Толик хочет?

- Во-первых, Толян старше меня, и потому ему положен тот ящик, который больше, – тут же пояснил-ответил Серёга. – Во-вторых, я по глазам Толяна вижу, что он хочет ящик, который больше... да, Толян? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика и, не ожидая, что скажет Толик в ответ, взял у Петра Степановича ящик поменьше. – Давайте делать... как, дедуля, их прикреплять? Нужна проволока или верёвка...

Пётр Степанович принёс веревку, и Серёга с Толиком, повозившись немного, привязали ящики к багажникам своих велосипедов.

- У меня крепко держится! – отрапортовал Серёга. – Ты, Толян, хорошо прикрепил? – Серёга подёргал за ящик на «мустанге» Толика. – Тоже

крепко... ты, Толян, повезёшь пирожки и термос, а я повезу наш пакет с полотенцами и бабулино покрывало. Согласен?

- Мне без разницы, – улыбнулся Толик.

- Всё, дедуля, можно ехать! – подвёл итог Серёга. – Отпускать Пирата?

- Воду в душ вы налили? – спросил Пётр Степанович.

- Есть, Толян, в душе вода? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- А ты вчера её наливал? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- У нас за воду в душе Толян отвечает, – глядя на Петра Степановича, деловито пояснил Серёга. – Я вчера, дедуля, как ты ушел... ну, когда ты ушел после того, как я напомнил тебе, где Полярная звезда, я сразу спать пошел – Толяна не проконтролировал, чтоб он воду в бак наполнил, и Толян, пользуясь этим, воду в бак не налил – тоже спать завалился, – проговорив всё это с самым серьёзным видом, не делая паузу – не давая возможность Толику что-либо сказать в ответ, Серёга деловито закончил: – Хорошо, дедуля, что ты напомнил... пойдём, Толян, воду нальём!

Мальчишки, толкая друг друга, смеясь и дурачась, пошли наполнять водой бак, стоящий на крыше кабинки летнего душа, и Пётр Степанович, закуривая, подумал о том, как эти два, казалось бы, совершенно разных по характеру подростка, легкомысленный Серёга и серьёзный Толик, не просто сдружились, а удивительным образом дополнили друг друга, так что теперь уже было трудно представить одного без другого, – «такие разные, и вот поди ж ты... водой не разольёшь!», – с одобрением подумал Пётр Степанович, глядя на внуков, ожидающих, когда бак наполнится водой.

- Ну, вроде всё! Езжайте вперёд, а я сейчас здесь всё закрою, и мы с Пиратом догоним вас! – проговорил Пётр Степанович, отстёгивая цепь от ошейника Пирата. – Дорогу помните?

- Дедуля! Ты за кого нас считаешь? – весело отозвался Серёга. – Бойскауты даже если заблудятся, то всегда найдут верный путь по звёздам! Правильно, Толян, я говорю?

- Ну, тоже правильно! – рассмеявшись, вместо Толика ответил Серёге Пётр Степанович. – Дело за малым: дожждаться ночи, а перед этим весь день молиться, чтобы ночь была звёздная...

- Ой, дедуля! Ты не можешь без подколов! – отмахнулся Серёга от слов Петра Степановича. – Пират, ты с нами?

Пират, словно понимая, о чём Серёга его спросил, вопросительно посмотрел на Пётра Степановича.

- Вперёд, Пират, вперёд! – скомандовал Пётр Степанович, рукой показав на ворота, затем показал на внуков, уже оседлавших своих «мустангов», и, снова показывая на ворота, повторил еще раз: – Пират, вперёд! – Пират, понимая, закрутив хвостом, перевёл взгляд на Серёгу и Толика, и мальчишки, нажав на педали, вместе с Пиратом рванули за ворота – весело помчались по пустынной улице, залитой щедрым солнечным светом.

Нагнал Пётр Степанович двух крутящих педали велосипедистов с мчавшимся рядом с ними псом уже на полпути к острову – и, сбавив скорость, не напирая на внуков сзади, покатыл по когда-то накатанной, а теперь еле заметной дороге, невольно вспомнив, как по этой самой дороге он, молодой парень, пришедший из армии и устроившийся работать в совхозе на молоковозе, два года возил молоко с МТФ в райцентр, на маслозавод, – было точно такое же лето, точно так же всё полыхало зноем, он беззаботно крутил

баранку, и вся жизнь тогда для него, только-только пришедшего из армии, была впереди... а теперь по этой дороге мчался его внук-подросток, точнее, мчались внуки, и... у него, у Пётра Степановича, было то же самое ощущение, что вся жизнь ещё впереди – всё в его жизни только начинается...

На берегу Толик с Серёгой первым делом обезопасили от возможного угона своих «мустангов» – прислонили их с разных сторон к дереву и, окольцевав цепью, повесили замок.

- Ключ, Толян, у кого будет – у тебя или у меня? – деловито поинтересовался Серёга. – Я могу ключ потерять – пусть он будет у тебя. Согласен?

- Ключ положи в траву... вон, под соседним деревом рядом, чтоб его не было видно, – деловито ответил Толик, и Пётр Степанович мысленно похвалил Толика за разумное решение вопроса.

Затем Серёга с Толиком спустили плот на воду, перенесли в чашку всё, с собой привезённое: пакеты с едой, пакет с полотенцами и покрывалом, термос, лопату, топорик; сдёрнули шорты с себя – положили их тоже в чашку, – Пётр Степанович, наблюдая за внуками, с едва заметной иронией в голосе прокомментировал:

- Как в кругосветное путешествие отправляетесь... ты сигареты, Толик, не забыл?

- Не забыл, – Толик, на миг смутившись, улыбнулся.

- Что не забыл, хорошо, – хмыкнул Пётр Степанович. – Плохо, что куришь – что не бросаешь это дело.

- Я, дедуля, над этим вопрос работаю – каждый день убеждаю Толяна, чтоб он бросил курить! Провожу с ним беседы, убеждаю личным примером, –

Серёга всё это проговорил так убедительно и бойко, что в пору было поверить.

- Ну, и как результат? – улыбнулся Пётр Степанович.

- Пока результата конечного нет, но под моим воздействием Толян стал курить значительно меньше... ещё немного, и он перестанет курить совсем. Подтверди, Толян! – Серёга без тени улыбки на лице перевёл взгляд на Толика.

- Болтун! – засмеялся Толик.

- Ой, Толян! Тебе лишь бы сказать что-то против меня... никогда меня не поддержишь! – Серёга, без малейшей заминки отфутболив слово «болтун», посмотрел на Пётра Степановича:

- Всё, дедуля! Мы поплыли. Скажи Пирату, чтобы он плыл с нами.

- Позовите его! – подсказал Пётр Степанович; мальчишки в два голоса позвали Пирата, и Пират, радостно виляя хвостом, стал рядом с ними у самой кромки воды. – Плывите! – скомандовал Пётр Степанович; Толик с Серёгой, оттолкнув от берега плот, вошли в воду, Пират бросился в воду следом за ними, но тут же развернулся в воде – посмотрел на Пётра Степановича. – Вперёд, Пират, вперёд! – Пётр Степанович, вытянув руку, вновь показал Пирату на остров. – Пират, вперёд!

Когда мальчишки вместе с Пиратом скрылись из виду – обогнули остров, чтобы причалить с другой стороны, там, где берег не был заросшим кустами, Пётр Степанович, выждав несколько минут, зычно прокричал:

- Пришвартовались?

- Да, дедуля! – раздался с острова голос Серёги. – Всё нормально! Пират с нами!

- Вы к обеду вернётесь? Ждать вас? – снова прокричал Пётр Степанович, глядя на густые кусты, за которыми не было видно ни внуков, ни Пирата.

- Мы не знаем, дедуля! – донёся в ответ Серёгин голос. – К ужину точно вернёмся! Езжай!

- Вот чертенята! – невольно улыбнувшись, пробормотал Пётр Степанович, садясь в свой ретромобиль. По приезду домой, отвечая на расспросы Зинаиды Ивановны, Пётр Степанович подробно проинформировал Зинаиду Ивановну, как собирались ехать на остров, как ехали и приехали, как обезопасили велосипеды от возможного похищения инопланетянами и что вернуться внуки обещали к ужину – ждать их к обеду вряд ли стоит.

- Да как же они без обеда будут? – всплеснула руками Зинаида Ивановна.

- Ты им полсотни пирожков нажарила, – хмыкнул Пётр Степанович, – не умрут от голода. А проголодаются – приедут. Не маленькие уже... – успокоил Пётр Степанович Зинаиду Ивановну. – Мы, помню, возьмём с собой по несколько картошин, чтоб в костре испечь, соль да хлеб возьмём – и на весь день на остров. Пешком туда, пешком оттуда – целый день там плаваем, загораем. А здесь и пирожки, и термос с взваром... красота, а не жизнь!

- Так дети ж ещё, – улыбнувшись, оправдала свою неустанную заботу о внуках Зинаида Ивановна.

- Дети, – согласился с Зинаидой Ивановной Пётр Степанович. – Но дети уже не маленькие, вполне взрослые...

Пётр Степанович и Зинаида Ивановна ещё немного поговорили о внуках, сойдясь во мнении, что внуки у них замечательные, – другие в их возрасте уже и пьют, и курят, и наркоманят, и хулиганят по-всякому... здесь Зинаида Ивановна вспомнила, что у одной её знакомой, живущей в райцентре, тринадцатилетний внук угнал из дома машину новую, поехал кататься с друзьями, машину разбил... у другой знакомой, тоже живущей в райцентре, внук в четырнадцать лет ограбил ларёк, был под следствием... ужас, что в мире делается! То убили, то избили... дети жестокие стали, а «Толя с Серёжей – просто ангелы! Не пьют, не курят... золото, а не дети!» – подвела итог разговору о внуках Зинаида Ивановна, и Пётр Степанович с едва уловимой иронией в голосе с Зинаидой Ивановной согласился, подумав про «некурящего» Толика: «Это точно!»

А на острове, между тем, уже кипела жизнь, – вытащив плот на берег, Толик с Серёгой перво-наперво выгрузили багаж; Пират, отряхнувшись от воды, тоже занялся делом – побежал исследовать и обнюхивать окрестности, время от времени поднимая ногу, чтоб таким образом узаконить бесхозную территорию.

- Серый, пакет с пирожками повесь на дерево... повыше повесь! – скомандовал Толик. – А то, пока мы купаться будем, Пират пообедает и за себя, и за нас... повесь, чтобы он не достал!

Пират, услышав, что говорят про него, прервал своё занятие – подбежал к Серёге и Толику, вопросительно глядя то на Серёгу, то на Толика.

- Толян, дать ему пирожок? – спросил Серёга, глядя Пирата по лобастой голове.

- Не надо, – секунду подумав, отозвался Толик. – Мы же дома ему ничего не даём в промежутках между завтраком и обедом, и дедуля ему ничего не даёт... пусть обеда ждёт.

- Логично, – согласился Серёга; он потрепал Пирата за шею. – Иди, Пират, гуляй. Я бы дал тебе сейчас пирожок, но Толян запрещает... гуляй, Пират, пока голодный!

- Ничего он не голодный! – возразил Толик. – Позавтракал, как положено... ты, Пират, его не слушай – Серый у нас фантазер ещё тот! Где расстелить покрывало – на солнце или в тени? – Толик, держа в руках покрывало, вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Конечно, на солнце! Мы же будем загорать, – отозвался Серёга. – Ты на пляже не обгораешь – кожа не слезит?

- Нет, никогда я не обгорал, – Толик отрицательно покачал головой. – А ты?

- Я тоже не обгораю! – Серёга сказал это так, как будто такая схожесть между ним и Толиком в очередной раз свидетельствовала об их несомненной похожести друг на друга, об их близости. – Я термос, Толян, в холодильник поставлю, под дерево.

- Соображаешь, – улыбнулся Толик, и в улыбке этой, в самой интонации, с какой Толик сказал, то ли действительно был едва уловимый скрытый намёк на что-то такое, что не имело к термосу никакого отношения, то ли Серёге такой намёк-призыв почудился... у голодной куме одно на уме.

- Я всегда соображаю, причем лучше тебя, – отозвался Серёга; он поставил под куст термос с взваром и, набросав на него дополнительно прохладную траву, оглянулся на Толика.

Толик стоял к Серёге задом, – наклонившись, Толик расправлял края покрывала, расстеленного на траве; уже подсыхающие на солнце плавки-трусы обтянули булочки Толика, чётко обозначив между ними чуть углубляющуюся ложбинку, разделившую попу Толика на две аппетитно выпуклые половинки, – Серёга, не раздумывая, бесшумно ступая по шелковистой траве, преодолел несколько метров, их разделяющих, и, оказавшись позади Толика, своими трусами-плавками, уже начавшими бугриться, сладострастно прижался к плавкам-трусам Толика, – обхватив Толика руками, Серёга с силой вдавился пахом в попу Толика, точнее, вдавился быстро твердеющим членом в ложбинку между упругими половинками.

- Толян, у меня на тебя встаёт... – сообщил – прошептал – Серёга, как будто Толик попой своей мог это не чувствовать; ладонями обхватив бедра Толика, вдавливая в попу Толика рвущийся из плавков член, Серёга одновременно с этим потянул Толика на себя, вдавливая попу Толика в свой пах; Толик, стоявший, по сути, раком, раз-другой сжал-разжал булочки – пошевелил ягодицами, и Серёга, одной рукой продолжая держать Толика за бедро, другой рукой скользнул к паху Толика – сжал, сладострастно стиснул через плавки-трусы напряженный Толиков член. – У тебя, Толян, тоже стоит... – удовлетворенно прошептал – сообщил – Серёга, как будто Толик об этом мог не знать... как будто могло быть как-то иначе!

Подбежавший Пират остановился в метре от мальчишек, с интересом глядя на никогда не виданную им конфигурацию; впрочем, хвост у Пирата одобрительно колыхался из стороны в сторону, из чего можно было сделать вывод, что Пират ничего не имеет против такой конфигурации.

- Отойди, Пират, не смотри... – возбужденно прошептал Серёга, сладострастными толчками двигая задом. – Я сейчас буду Толяна в жопу... буду в жопу ебать... тебе это знать не надо!

- В жопу, Пират, у Серого не получится... у него ещё писюн не вырос, чтобы старшего брата в жопу ебать, – повернув голову – глядя на Пирата, тихо рассмеялся Толик. – Но ты, Пират, всё равно отойди – не смотри, что я с Серым сейчас буду сделать... как я буду его, малолетнего, насиловать...

Пират – то ли поняв, что ему говорят, то ли не видя для себя ничего интересного – крутанув хвостом, весело помчался дальше исследовать территорию острова. А Толик, с силой дёрнувшись вперёд, повалился на покрывало, увлекая за собой Серёгу, – вывернувшись из Серёгиных ладоней, Толик опрокинул Серёгу на спину, навалился всем телом на Серёгу сверху.

- В жопу не получится – смазки нет... – с жаром выдохнул, прошептал Толик, коленями раздвигая, разводя Серёгины ноги в стороны. – А вот так получится... – приблизив своё лицо к лицу Серёги, Толик страстно, горячо засосал Серёгу в губы.

Против «так» Серёга тоже не возражал, – руки его, скользнув по спине Толика, оказались на Толиковой попе, но ощущать попу через ткань трусов было не в кайф, и ладони Серёги, вернувшись к пояснице, тут же скользнули под резинку трусов, повторяя скульптурную округлость сочно-упругих ягодиц, – не отрываясь о губ Серёги, Толик съехал, скатился с Серёги набок и, обхватив Серёгину ногу ногами своими – вдавившись членом в бедро Серёги, ладонью скользнул Серёге в трусы, – сжав в кулаке напряженный Серёгин член, Толик ритмично задвигал в трусах кулаком...

- Толян... – глядя на Толика чуть осоловевшими от кайфа глазами, выдохнул Серёга, едва Толик оторвался от его губ, чтоб передохнуть. – Давай трусы снимем...

- Давай... – эхом отозвался Толик; оторвавшись от Серёги – вытащив руку из Серёгиных трусов, Толик рывком встал на колени, с видимым удовольствием стянул трусы с Серёги, затем так же быстро стянул трусы свои, и, снова ложась на покрывало – откидываясь на спину, молча потянул Серёгу на себя, раздвигая под Серёгой ноги... руки Толика скользнули к голой Серёгиной попе, и ладони его округлённо наполнились...

Собственно, ничего нового для них обоих в их обоюдной наготы уже не было: они, голые, кайфовали в душе, они голыми кайфовали в постели в комнате, но и душ, и комната были пространствами замкнутыми, а теперь они были голыми под бездонным голубым небом в безграничном океане прогретого летнем солнцем воздуха, и это было совсем другое ощущение наготы, чем в душе и в комнате, – было такое ощущение, будто они, Серёга и Толик, органично слились с окружающим их миром, слились с небом и с солнцем, с сочно зеленеющей травой, с птичьей трескотней в кустах... словно каким-то фантастическим, непостижимым образом они стали неотъемлемой частью всего этого, и это было совершенно новое ощущение – ощущение своей наготы как абсолютно естественной формы пребывания в мире знойного лета, неба и солнца, воды и травы... лёгкие дуновения жаром пышущего ветерка ласкали их юные обнаженные тела, обращённые к небу и солнцу, ещё больше усиливая ощущение неотделимости от того мира, что был вокруг, что окружал их **з д е с ь и с е й ч а с . . .**

В промежности всё полыхало сладким зудом, – Серёга, оказавшись сверху, с силой, с наслаждением вдавил твёрдый горячий член в пах Толика, одновременно чувствуя, ощущая пахом своим напряженно-горячий стояк

Толяна... есть категория так называемых риторических вопросов, ответ на которые не нужен, потому что ответ известен, и при этом есть ситуации, когда, даже зная ответ, всё равно хочется спросить, чтоб ответ услышать – чтоб ответ п р о з в у ч а л.

- Тебе приятно? – прошептал Серёга, вопрошающе глядя в глаза лежащему под ним Толику; это был риторический ответ – можно было б об этом не спрашивать, и всё равно... всё равно Серёга спросил, ощутив невольную потребность ответ Толика на свой риторический вопрос у с л ы ш а т ь.

- Да, – односложно ответил, отозвался Толик, лаская ладонями голые Серёгины булочки... ну, а что ещё нужно было говорить, если всё было понятно и так.

- Мне тоже, – улыбнулся Серёга и, ни о чём больше не спрашивая – ничего не говоря, жадно, жарко засосал Толика в губы... оба они – и Серёга, и Толик – ещё не умели и г р а т ь губами, не знали, как получать наслаждение от простого касания губ губами, а потому это делали сладко, но грубо, даже неистово, вкладывая в такое сосание всю свою юную страсть.

Потом, лёжа на Серёге, так же жарко и жадно в губы Серёгу сосал Толик, а Серёга, лежа под Толиком с разведёнными в стороны ногами, ласкал, тискал, мял-сжимал ладонями сочно-упругие Толиковы булочки... потом снова сверху оказался Серёга, – возбуждение уже было такой силы, что требовалась разрядка, и Серёга, опустив голову рядом с головой Толика – уткнувшись лбом в покрывало, ритмично задвигался, заёрзал на Толике вверх-вниз, сладострастно сжимая, разжимая и снова сживая, стискивая свои голые булочки – с силой, с наслаждением вдавливаясь в пах Толика скользко залупающимся членом...

- Ты будешь кончать? – прошептал Толик, по характерным, уже знакомым движениям Серёги догадавшись, что началась заключительная фаза их первого «траха» здесь, на острове.

- Да, – коротко выдохнул Серёга, не прекращая сладостного движения. – Потом ты меня...

Этого – «потом ты меня» – можно было не говорить, это было очевидно, но Серёга зачем-то сказал... Толик, чтоб не мешать Серёге, чтобы дать Серёге максимальную свободу, убрал ладони с его ягодиц – широко раскинул руки в стороны, повернув ладони к солнцу, – лёжа под жарко сопящим, сладко содрогающимся Серёгой, ожидая, когда Серёга кончит, Толик устремил свой взгляд вверх, в голубое небо... на небе не было ни облачка, глазу не за что было зацепиться, и оттого разлитая вверху голубизна казалась бездонной, – глядя на голубое небо, податливо содрогаясь под Серёгой от сладострастных, жаром пышущих Серёгиных толчков, Толик невольно подумал, как всё непредсказуемо в этом мире... еще две недели назад он даже представить не мог, что он, совершенно голый, возбуждённый, будет лежать под пацаном, раздвинув ноги, и пацан этот, тоже голый, тоже возбуждённый, будет, энергично раскачиваясь, сладко содрогаясь, горячо дыша в шею, его, Толика, е б а т ь – будет мять его юное тело телом своим, таким же юным, и это... всё это будет в кайф! И в душе, и в комнате, и теперь здесь, на острове... не то что представить, а даже просто подумать о чём-то т а к о м еще две недели назад он, Толик, просто не мог! Вообще не мог! Всего две недели назад он даже понятия не имел о существовании Серёги, а теперь... теперь он здесь, в Сосновке, не представлял себя без Серёги!

Серёга, раскачиваясь на Толике, не только тёрся членом о Толика, приближая свой оргазм, но от этих скольжений возбуждённый член Толика тоже сладостно залупался, уздечка тёрлась о Серёгин живот, так что лежать

безучастно в ожидании, когда Серёга кончит, Толику было уже невмоготу: и сам член, несгибаемо-твёрдый, распираемый сладостью, и промежность, и зажатая, стиснутая ягодицами девственная дырочка, не поддавшаяся без смазки Серёгиному напору накануне, и низ живота – все, буквально всё было наполнено сладчайшим зудом вожделения, – Толик, для собственного удобства согнув в коленях раздвинутые, расставленные в стороны ноги, вновь обхватил ладонями потные Серёгины булочки и, вдавливая ладони в сочно-упругую мякоть – сильнее, плотнее прижимая Серёгу к себе, стал поддавать снизу... какое-то время, жарко сопя, содрогаясь от сладости, они молча, сосредоточенно е б а л и друг друга, но опыта делать именно так – синхронно, взаимно-одновременно – ни у Толика, ни у Серёги ещё не было, синхронизировать встречные толчки не получалось, и Толик, лежащий под Серёгой, прошептал:

- Серый, давай набок ляжем... боком попробуем...

Серёга, не отзываясь, откинулся в сторону – лёг на бок; Толик, рывком оттолкнувшись от покрывала, тоже лёг набок – лицом к Серёге, и едва он оказался лежащим на боку, Серёга тут же обхватил ладонью, несильно сжал, стиснул в кулаке его колом торчащий член.

- Толян, подрочи мне... – прошептал Серёга; глядя Толику в глаза, Серёга задвигал на члене Толика кулаком, словно показывая Толику, как надо делать.

Толик, не отзываясь, точно так же обжал пальцами напряженный член Серёги, чуть сдавил член в районе уздечки, круговым движением пальца провёл по головке, отчего Серёга конвульсивно дёрнулся, и, сместив пальцы ближе к основанию, тоже задвигал кулаком, – какое-то время они, лёжа друг против друга, молча глядя друг другу в глаза, ритмично двигали кулаками: сопя от взаимного наслаждения, Толик с Серёгой одновременно драчили

друг другу твёрдые, горячие, багрово залупающиеся члены... наслаждение нарастало – стремительно, неотвратно, – Толик, выпустив член Серёгин из кулака, всем телом подался к Серёге, вжался членом в Серёгин пах, одновременно с этим освободившейся рукой прижимая Серёгу к себе, и Серёга в ответ, точно так же в одно мгновение соскользнув кулаком с члена Толика, освободившейся рукой со своей стороны прижал Толика к себе – членом своим вдавился в пах Толика; ладонь Серёгина скользнула по попе Толика, – действуя не столько осознанно, сколько интуитивно, Серёга указательным пальцем углубился между сочными булочками Толика, и подушечка его пальца коснулась туго стиснутой дырочки – Серёга не нажал, не надавил пальцем на очко Толика, а просто приставил палец к очку, но этого лёгкого, как дуновение ветра, прикосновения, лёгкого шевеления пальцем оказалось вполне достаточно, чтоб у Толика в попе, в стиснутых мышцах сфинктера полыхнул огонь, – непроизвольно дернувшись всем телом, судорожно стиснув, сжав вытянутые ноги, с силой сдавив, стиснув вмиг окаменевшими ягодицами указательный Серёгин палец, содрогнувшись от н е б ы в а л о г о наслаждение, Толик выпустил из члена струю горячей, как лава, спермы, и тут же, практически сразу, за Толиком вслед, Серёга, который сам был уже на пределе, разрядился тоже – очко Серёгино полыхнуло огнём, полыхнуло огнём в промежности, на какой-то миг стало больно от сладости, опалившей промежность, и Серёга, ещё сильнее прижимаясь к Толику, прижимая Толика к себе, с силой вдавился горячим, клейко скользящим членом Толику в живот...

Какое-то время они так и лежали, прижимаясь друг к другу, оба потные, оба кончившие, оба чувствующие, как липко склеились перемешанной спермой их по-мальчишески плоские животы... сладость из тел медленно уходила, исчезала, уступая место лёгкой, приятной опустошенности и чувству полной удовлетворённости, – Серёга выдернул палец из попы Толика, точнее, из

ягодиц, и они, не сговариваясь – разомкнув объятия, откинулись на спины, вытянувшись рядом под палящим солнцем на покрывале.

- Толян... тебе понравилось? – Серёга, повернув к Толику голову – вопросительно глядя на Толика, приподнял вверх руку, показывая Толику свой указательный палец.

- Да, – отозвался Толик, глядя на Серёгин палец; он повернул голову к Серёге, и лицо его расплылось в улыбке. – Ты, когда дроишь дома, именно так себе делаешь – ты говорил про это?

- Да, – подтвердил Серёга. – Только давить на очко не нужно – просто касаешься пальцем, как бы поглаживая, и всё... получается просто улёт при дроче!

- Да,– согласился Толик, – просто улёт! Я теперь тоже так буду делать, когда дома буду дрочить...

- Вот! Всему тебя надо учить, – весело глядя на Толика, с деланным вздохом проговорил Серёга.

- Ой, блин! Учитель нашелся... профессионал! – парировал Толик, так же весело глядя на Серёгу. – Ты пить хочешь?

- Хочу, – отозвался Серёга.

- И я хочу, – произнёс Толик. – Неси сюда термос – мы напьёмся.

- Почему за термосом должен идти я? – с лёгким возмущением в голосе проговорил Серёга.

- Потому что я у нас старший брат, и я решаю, кто нам должен принести термос, чтоб мы напились... чего здесь непонятного? – Толик, говоря это назидательным тоном, всё так же весело, даже нагло смотрел на Серёгу, явно

ожидая Серёгину реакцию на свои слова; по идеи, Серёга должен был возмутиться в ответ на такую несправедливость со стороны старшего брата, и Серёга не замедлил это сделать:

- Толян, блин! Даже если ты у нас старший брат, это вовсе не значит, что ты можешь мной помыкать, как тебе вздумается. Всё, всё наоборот: проявляя обо мне заботу, это ты должен сейчас принести сюда термос, чтобы брат твой младший утолил свою жажду... чего здесь непонятного? Или ты такой бестолковый, что тебе нужно постоянно напоминать о том, что значит быть старшим братом?

- Офигеть, как ты выкрутился – как ты ловко всё, что я сказал, перевернул с ног на голову, – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся; у лежащего рядом Серёги была еле заметная, микроскопическая родинка на лице, были длинные ресницы, чистые, матово розовеющие щёки, и над верхней губой, точнее, над уголками губ пробивался первый юношеский пушок... члены у обоих, потеряв нестигаемую твёрдость, какая бывает при возбуждении, толстыми мясистыми сардельками лежали на боку, яйца в расслабленных мошонках выпукло, скульптурно висели между ног, не доставая до покрывала, пот под палящими лучами солнца высох, и сперма на животах тоже подсыхала, превращаясь в белесовато-матовые бляшки; они лежали оба на спине, повернув друг к другу головы – весело глядя друг другу в глаза. – Хорошо, – проговорил Толик. – Если ты не идёшь за термосом, и я не иду, то какой есть ещё вариант?

- Пусть Пират принесет? – то ли спросил, то ли предложил Серёга. – Кстати, где он?

Мальчишки, разом приподнявшись, посмотрели направо-налево. Пират, откинув в сторону хвост, лежал в холодке аккурат под тем деревом, на котором висел пакет с пирожками, и то ли он спал реально, то ли спящим

прикидывался, было совершенно непонятно, – Серёга и Толик, посмотрев друг на друга, бесшумно прыснули со смеха, подумав об одном и том же.

- Прикинь, Толян! Он пирожки наши охраняет, – прошептал Серёга, показывая глазами на лежащего Пирата.

- И не только наши, – шепотом отозвался Толик. – Дедуля наверняка ему сказал, что там его пирожки тоже, и он теперь ждёт обеда.

- Будем обедать? – вопросительно посмотрел на Толика Серёга.

- Ты офигел? Мы только приехали – ещё даже ни разу не искупались! – отозвался Толик.

- И что с того, что ещё не купались? Мне кажется, что уже обед, – высказал своё предположение Серёга. – Я думаю, что уже можно перекусить!

- Серый, мы здесь всего час, максимум полтора... какой, блин, обед? – в голосе Толика прозвучало неподдельное недоумение. – Вставай, блин! – Толик, оттолкнувшись от покрывала, рывком встал на ноги – голый, стройный... член у Толика не стоял, что было понятно и объяснимо, и вместе с тем член не висел вертикально вниз, а был как бы чуть приподнят, напоминая по форме сочную сосиску; головка члена была полуоткрыта. – Вставай! – Толик протянул Серёге руку, и Серёга, ухватившись за руку Толика, точно так же рывком поднялся на ноги; они, Серёга и Толик, мало чем отличались друг от друга – они были одного роста, оба были стройные, голенастые, и член у Серёги точно так же, как у Толика, не висел вертикально вниз, а был тоже как бы приподнят, напоминая по форме сочную сосиску. – Пойдём взвар попъём холодненький – и айда купаться! Мы, блин, купаться сюда приехали или что?

- И купаться, и ебаться, и загорать... всё будем делать! – рассмеялся в ответ Серёга. – Давай подкрадёмся к Пирату, пока он спит, и напугаем его...

- Плохая идея! – отозвался Толик.

- Почему? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Потому что мы понятия не имеем, как Пират отреагирует, если его, спящего, напугать, – пояснил Толик.

Пират, услышав своё имя, приоткрыл один глаз и, не поднимая голову, похлопал хвостом по траве, словно тем самым наглядно показывая, что он не спит и что напугать его не получится.

- Ах, какой ты хитрец! Прикинулся спящим, а сам не спишь – наш обед охраняешь, – Серёга, сев на корточки перед поднявшимся Пиратом, ласково потрепал Пирата за шею, и Пират, словно подтверждая слова Серёги, закрутил хвостом. – Толян тебя напугать хотел – думал, что ты, Пиратик, спишь... а вот фиг ему, этому коварному Толяну! Обломал ты Толяна... – Серёга, желая убедиться, что Толик всё слышит, оглянулся назад – Толик, слушая Серёгу, пил из стаканчика-колпачка, скрученного с термоса, взвар, и на лице Толика было выражение неподдельного блаженства. – Офигеть! – изумился Серёга. – Ты пьешь без меня?!

- Серый, какой это кайф! – отозвался Толик, опорожнив блестящий стаканчик. – Я что, блин... должен был тупо стоять и слушать, как ты втираешь Пирату в уши всякую хрень? – И, словно издеваясь над Серёгой, Толик с самым невинным видом спросил: – Так ты как... будешь пить? Или мне закрывать термос?

- Я, блин, тебе закрою! Наливай! – Серёга, вмиг забыв про Пирата, метнулся в сторону Толика; взвар действительно был отличный – холодный, в меру

сладкий. – Теперь перекусим? – напившись, то ли спросил, то ли предложил Серёга, глядя на Толика.

- Теперь пойдём обмываться... покупаемся немного и потом перекусим, – отозвался Толик, убирая термос под куст – в холодок, куда не проникали солнечные лучи.

- Трусы надевать не будем? – спрашивая, Серёга посмотрел на член Толика, потом посмотрел на член свой. – Мы, Толян, как древние люди...

- На фиг нам трусы! Древние люди трусы не носили, – засмеялся Толик; сделав выпад рукой, он кончиками пальцев колыхнул упруго свисающий, наклонённый к земле Серёгин член и, не дожидаясь Серёгиной реакции, смеясь и не оглядываясь, маня Серёгу за собой голой попой, побежал к воде; Серёга с Пиратом бросились следом.

Ни Толик на речке, когда ходил с пацанами купаться, ни Серёга на море, куда он ездил с родителями, оба они ещё никогда не купались совершенно голыми, и... это было необычное, но восхитительное ощущение абсолютной свободы в воде, словно они, слившись с водой и в воде растворившись, стали рыбам, резвящимися в своей стихии, – они плавали и ныряли, прыгали в воду с перевёрнутого чашкой вниз плота, катали на плоту Пирата, поднимая фонтаны радужных брызг, показывали друг другу всевозможные кульбиты, спорили, у кого что лучше получается, отдыхали, держась за плот, и снова дурачились, снова резвились: звонкий их смех над чистой речной гладью под щедро палящим солнцем звучал как апофеоз беззаботному лету, безоглядно счастливому ощущению своего земного бытия... часа полтора или даже больше длилась эта весёлая вакханалия, – счастливые часов не наблюдают, как метко подметил однажды какой-то явно неглупый человек; Пират дважды за это время плавал на остров – и дважды возвращался к мальчишкам, не в силах быть безучастным к их веселью; наконец, они оба

устали и, что самое главное, оба проголодались – они вытащили на берег плот, вновь перевернув его чашкой вверх, и, не сговариваясь, направились к тому дереву, на котором висел пакет с пирожками, – Пират, каким-то необъяснимым образом то ли чувствуя, то ли понимая, что должно после купания последовать, уже сидел под деревом и, с нетерпением глядя на Толика и Серёгу, радостно стучал хвостом по траве.

- Будем есть – трусы наденем? – спросил Толик, снимая с ветки пакет.

- Зачем? – не понял Серёга, доставая из-под дерева термос с взваром. – Разве древние люди, когда ели, трусы надевали?

- А мы древние люди? – засмеялся Толик.

- Конечно! Мы как древние... как настоящие древние: интернета нет, время мы не знаем, остров необитаемый... налицо все признаки древности! – засмеялся Серёга.

- Просто дома меня заставляют всегда, когда мы садимся есть, надевать футболку или что-то ещё – мама говорит, что сидеть голым за обеденным столом во время еды некрасиво, – пояснил Толик. – Вот я и спросил у тебя.

- Мне, кстати, тоже так говорят, когда гости приходят, – отозвался Серёга. – Давай наденем трусы, если ты хочешь... но потом снимем опять!

- Какой ты, Серый, развратный! – засмеялся Толик.

- Ой! А с кого я беру пример? – весело фыркнул Серёга. – Беру я пример со старшего брата... так что не надо ля-ля в мой адрес!

Члены у обоих от долгого пребывания в воде скукожились, стали совсем короткими, маленькими – превратились в детские невинные пипетки, и

Серёга с Толиком, надевая трусы, пошутили-посмеялись над «мужской несостоятельностью» друг друга.

Толик, в стороне от покрывала, в холодке, разорвал пакет с пирожками для Пирата – так чтоб пирожки оказались не на земле, а на пакете, – Пират, не изменяя своему правилу, стоял в стороне – терпеливо ждал, когда Толик, разложив пирожки, отойдёт в сторону; не знающий Пирата человек мог бы предположить, что Пират, стоящий в стороне, совершенно индифферентен к предстоящему обеду, если б не яростное вращение хвоста, свидетельствовавшее о крайней степени Пиратова нетерпения. Сами мальчишки, по-турецки скрестив ноги, расположились друг против друга на покрывале, два пакета с пирожками и термос поставив между собой, – пирожки были небольшие, мягкие, золотистые, и казалось, что они буквально таяли во рту, но пирожков было много, одни были с тушеной капустой, другие с картошкой и печёнкой, ещё были пирожки сладкие – Зинаида Ивановна сделала так, как внуки хотели, и мальчишки, насыщаясь, по очереди отпивая взвар из стаканчика-колпачка, были на вершине блаженства.

- Время, кстати, можно без труда узнавать по солнцу, если нет часов, – деловито произнёс Толик, протягивая Серёге серебристый стаканчик с взваром. – Знаешь, как?

- Нет, – Серёга, сделав глоток, отрицательно покачал головой. – А ты знаешь?

- Знаю. Нужно начертить на ровной поверхности круг типа циферблата, и в этом круге начертить крест – так, чтоб лучи его смотрели на север, юг, восток и запад. В центр этого креста нужно вбить какой-нибудь колышек, или шест, или просто небольшую ровную палку. Всё, часы готовы! Тот луч креста, который будет указывать на север, на этом условном циферблате будет соответствовать полудню. Соответственно, стрелка на запад – это

будет шесть утра, а стрелка на восток будет соответствовать шести часам вечера. Это называется солнечными часами – по таким часам древние люди узнавали время еще до нашей эры.

- Ну, и как они узнавали? – не понял Серёга, жуя пирожок.

- По тени от солнца, – пояснил Толик. – Солнце в течение дня движется с востока на запад, и, соответственно, будет слева направо двигаться тень от солнца вокруг вбитого в центр круга шеста – тень эта будет как стрелка на циферблате.

Серёга, глядя на Толика, секунду-другую думал – осмысливал то, что сказал Толик, затем, передавая Толику серебристый колпачок-стаканчик с взваром, честно признался:

- Ни фиги не понял! Ну, движется тень... а время как мы узнаем?

- Ты совсем дурак? – отозвался Толик, вопросительно глядя на Серёгу. – Солнце в течение дня двигается по небу – с востока на запад, наивысшей точки достигая в полдень. Вначале солнце поднимается, потом оно в зените, то есть у нас почти над головой, и потом начинает опускаться. Так?

- Ну, так, – не стал возражать Серёга.

- Когда солнце утром только начнёт подниматься, тень от шеста куда будет падать? – быстро, как на допросе, проговорил Толик.

- Куда? – так же быстро спросил Серёга, невольно демонстрируя Толику свою способность говорить, не подумав.

- Серый... – простонал Толик, изобразив на лице страдание. – Ты что – совсем дурак? Или ты троллишь меня?

- Кто тебя троллит? Ты сам меня троллишь – сам мне пудришь мозги... – живо отозвался Серёга, что-то сообразив – оглядываясь по сторонам. – Сейчас мы узнаем, кто из нас дурак... сейчас узнаем! – Серёга рывком поднялся на ноги; в нескольких метрах от покрывала, на котором, сидя по-турецки, они уплетали пирожки, лежала сухая палка – Серёга, подхватив эту палку, без промедления вернулся назад, с торжествующим видом поставил палку вертикально на покрывале. – Вот! Твои часы! – удерживая палку, тут же отбросившую не очень длинную полоску тени, Серёга посмотрел на Толика. – Скажи мне, который час!

- Ты вообще слушал, о чём я тебе говорил? – Толик, невозмутимо глядя на Серёгу снизу вверх, улыбнулся. – Как я могу тебе это сказать, если мы не знаем, где север-юг, а где восток-запад? Сначала нужно определить эти направления – нужно их обозначить, а потом уже смотреть на тень...

- Ну, так обозначь – проведи пальцем по покрывалу! – с азартом проговорил Серёга. – Обозначь и скажи мне, сколько сейчас времени!

- Для этого нужен компас, чтоб узнать, где север – где тень показывает полдень... у нас нет компаса!

- Ага, а у древних людей, что жили до нашей эры, компас был... всё мне, Толян, с тобой понятно! – Серёга, торжествующе глядя на Толика, отбросил палку в сторону. – Не удалось тебе поездить по моим ушам!

- Ежу понятно, что до нашей эры компаса не было! Но древние люди смотрели, наблюдали, видели всякие закономерности, старались эти закономерности объяснить... может, сто лет прошло, пока древние люди сообразили, как можно время узнавать по солнцу! Ты, Серый, такой дурак... я от тебя балдею! – Толик улыбнулся.

- И я от тебя балдею! Ну, ты понял... я тоже балдею – от тебя! – Серёга, вновь садясь по-турецки напротив Толика, изобразил на лице блудливое выражение.

- Я не в том смысле, – рассмеялся Толик.

- А в т о м смысле? Ты разве не балдеешь? – Серёга, сохраняя на своём лице всё то же блудливое выражение, игриво подмигнул Толику.

- Серый! Я балдею от тебя во всех смыслах, – весело отозвался Толик, так же игриво подмигивая Серёге в ответ.

- Ну, естественно! Ты же меня насилуешь постоянно, когда тебе вздумается... вот и балдеешь от такого беспредела! – хмыкнул Серёга.

- Ага, а ты, конечно, несчастная жертва насилия... так сильно страдаешь от насилия, что кончаешь раньше насильника, заливая насильника своей спермой, – парировал Толик, глядя на Серёгу смеющимися глазами.

- Ты забываешь, что я младший твой брат – я малолетний, – напомнил Серёга, которому просто хотелось с Толиком разговаривать... просто разговаривать – хоть о чём, без разницы.

- А по виду не скажешь, что ты малолетний... – хмыкнул Толик. – И ебёшься ты чётко, мой младший брат... мне у тебя, малолетнего, ещё есть чему поучиться!

- Вот здесь ты прав, здесь мне, Толян, возразить тебе нечего, – отозвался Серёга, довольный ответом Толика.

Мальчишки, глядя друг на друга, рассмеялись. Последний пирожок – с капустой – Серёга разорвал пополам, и, передавая друг другу серебристый колпачок-стаканчик, они запили последний пирожок холодным взваром.

- Толян, ты наелся? – спросил Серёга, закручивая на термосе колпачок; они с аппетитом умяли целую кучу вкуснящих пирожков, так что можно было бы не задавать этот явно риторический вопрос, это было понятно и так, но Серёге, чувствующему сладкое притяжение к Толику даже вне их сексуальных забав, хотелось это приятное во всех смыслах притяжение как-то проявить, как-то реализовать, и он спросил – спросил так, как будто в принятой ими «иерархии» не он был «младшим братом», а «младшим братом» был Толик, о котором нужно было заботиться и волноваться.

- Наелся, – отозвался Толик. – А ты?

- Я тоже наелся, – кивнул Серёга, и они, не сговариваясь, одновременно посмотрели в ту сторону, где обедал Пират; пока они выясняли «устройство мироздания», Пират с аппетитом умял все с в о и пирожки, сходил напился и теперь, откинув в сторону хвост, на боку лежал в холодке, пребывая в сладкой полудрёме. – Спит... – прошептал Серёга.

- У него сиеста... – отозвался Толик, и мальчишки, посмотрев друг на друга, молча прыснули от смеха; приятная сытость располагала к лени и покою – Толик, вопросительно глядя на Серёгу, уточнил: – Пойдём купаться? Или тоже поваляется немного – по закону Архимеда отдохнём после обеда?

- По примеру нашего Пирата отдохнуть нам тоже, Анатолий, надо, – проговорил Серёга и, весело глядя на Толика, продекламировал дальше: – Пох нам древние часы – снимем мы опять трусы и немного отдохнём... а потом опять начнём!

- Серый, блин! Ты что – стихи сочинять умеешь? – на лице Толика отразилось изумление.

- Я стихами говорить умею! Отдохнём – и снова побалдеем! А потом поищем клад, и поможет нам Пират! – тут же ответил – вновь продекламировал – Серёга.

- Офигеть! – оценил Серёгины способности Толик. – Ты реально пишешь стихи?

- Нет, – рассмеялся Серёга, довольный своей импровизацией. – Я могу только две строчки срифмовать, а дальше, блин, ни фиги не получается. Я, конечно, не поэт – вот короткий мой ответ. Но когда в нашем классе для какого-нибудь мероприятия нужно быстро придумать какую-нибудь речовку, то всегда это делаю я.

- Так никто ж и не говорит, что ты Пушкин! Ты поэт местного значения, – то ли согласился с Серёгой, то ли, наоборот, Толик возразил Серёге в ответ на его ответ. – Давай покрывало в холодке расстелем – в холодок перейдём...

Они расстели покрывало под большим кустом – там, куда не проникали безжалостно палящие лучи полуденного солнца, и Серёга, уже не согласовывая этот вопрос с Толиком, на правах дикого человека тут же сдёргнул с себя трусы – голым повалился на покрывало; Толик, глядя на Серёгу, вслед за Серёгой спустил трусы с себя и, опустившись на покрывало, вытянулся во весь рост рядом с Серёгой; члены у обоих, отогревшись в трусах после долгого купания, вновь увеличились, превратившись в упруго мягкие сосиски, – Серёга, едва Толик оказался рядом с ним на спине, тут же повернулся набок – прижался членом к бедру Толика и, одной рукой подперев свою голову, ладонь другой руки положил на плоский Толиков живот.

- Толян... – негромко проговорил Серега, – может, попробуем ещё раз?

- Что попробуем? – отозвался Толик: он догадался, о чем спросил-проговорил Серёга, и всё равно, скосив глаза вбок, посмотрел на Серёгу вопросительно.

- Ну, в жопу... может, сейчас получится? – с надеждой в голосе произнёс Серега, почувствовал, как член его начал наполняться лёгкой сладостью предвкушения.

- Ни фига не получится, – отозвался Толик. – Нужно смазывать... смазка нужна!

- Да, – вздохнув, согласился с Толиком Серёга. – Ты когда ехал сюда, мог бы взять с собой какой-нибудь крем...

- Зачем? – искренне удивился Толик. – Ну, то есть, зачем бы я, когда ехал сюда, брал бы крем, который мне не нужен?

- Как зачем? Мы бы сейчас потрахались... – Серёга, говоря это, скользнул ладонью по животу Толика вниз, и под ладонью его оказался кустик густых волос, росших у Толика на лобке. – У тебя шелковистые волосы... – Серёга проговорил это так, как будто до этого он никак с Толиком не соприкасался и о том, что у Толика на лобке волосы мягкие и шелковистые, только сейчас узнал.

- А ты почему крем не взял? – Толик ехидно прищурился.

- Откуда я знал, что он нам потребуется? Я даже не знал, что ты тоже приедешь – что приедешь ты в гости к бабуле... и вообще, когда я ехал сюда, я про тебя ничего не знал! И вообще я не думал, что папа меня у дедули реально оставит...

- Ага, ты ничего не знал, ничего не думал, а я типа знал – я должен был крем привезти... офигенная логика! – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся.

- Ну, ты же умный, – глядя на Толика, рассмеялся Серёга. – Мог бы предчувствовать...

- Как я мог это предчувствовать, если я обо всём таком даже не думал никогда? – искренне изумился Толик.

- Да, – согласился Серёга с Толиком. – Ещё месяц назад мы друг про друга вообще ничего не знали, а теперь мы как братья – как настоящие братья... блин, офигеть, как бывает в жизни! Толян... – рука Серёгина не столько осознанно и целенаправленно, сколько автоматически скользнула на Толиков член – еще не твёрдый, ещё не возбуждённый, не эрегированный, но уже ощутимо увеличенный. – Тебе нравится быть моим братом?

- Нравится, – отозвался Толик, чувствуя бедром, как член у Серёги тоже встаёт – наливается твёрдостью.

- Мне тоже нравится, – улыбнулся довольный Серёга, тиская пальцами твердеющий член Толика. – Тоже нравится, что ты мой брат...

Голые четырнадцатилетние мальчишки лежали на покрывале в тени раскидистого куста, и для них, органично слившихся с окружающим их миром, не было ни прошлого, ни будущего – было только вот это, упоительное настоящее: жаркий летний день, сочно зеленеющая шелковистая трава, голубое бездонное небо, щебетание птиц в листве деревьев... Серёга играл пальцами с членом лежащего на спине Толика, прижимаясь к Толику сбоку – членом своим вдавившись Толику в бедро, они оба чувствовали нарастающее возбуждение – возбуждение своё и возбуждение друг друга, но теперь это было не то горячее, стремительно накатывающее возбуждение, безоглядно требующее немедленного действия, а это было возбуждение постепенное, сладостно тягучее, неспешно разливающееся по телу, – это было не столько желание незамедлительного

секса, потому что секс у них только что был, сколько было приятное состояние предощущения секса, неторопливый подступ к сексу, разогрев, – Серёга, ощущая пальцами, как член Толика медленно затвердевает, приподнялся на согнутой в локте руке, чтобы лучше видеть свою и г р у с членом названного брата.

- У тебя залупа похожа на шляпку гриба... – проговорил Серёга, оттянув к основанию члена крайнюю плоть – обнажив тёмно-алую головку полностью, так что рубец крайней плоти почти сгладился. – Толян... – Серёга запнулся, что, в общем и целом, ему было несвойственно; они уже целовались взад, уже друг другу драчили, поочерёдно друг друга «трахали», уже пытались, пробовали вставить друг другу в зад, но э т а мысль им обоим в голову ещё не приходила... почему-то не приходила... такая простая, такая естественная мысль! – Толян... – повторил Серёга; оторвав свой взгляд от члена Толика.

- Что? – отозвался Толик, скосив на Серёгу взгляд.

- Тебе нравится со мной ебаться?

- Ты уже спрашивал об этом, и я отвечал тебе, – Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся.

- Ну, и что, что я спрашивал? Я, может, забыл уже, как именно ты отвечал... тебе трудно, что ли, повторить свой ответ? Скажи еще раз! Нравится? – Серёга, глядя Толику в глаза, легонько стиснул, сжал член Толика в кулаке.

- Нравится, – отозвался Толик.

- Блин... что тебе нравится? – в голосе Серёгином прозвучала лёгкая неудовлетворенность таким коротким – куцым – ответом. – Ты можешь ответить полностью, чтобы я понял?

Толик смотрел на Серёгу, улыбаясь; член у Толика в кулаке Серёги затвердел, и хотя никакой страсти не было, всё равно было приятно.

- Мне нравится с тобой ебаться, – проговорил Толик, с улыбкой глядя Серёге в глаза. – Повторить ещё раз, чтоб ты запомнил?

- Не надо, у меня хорошая память, – отозвался Серёга. Прижимаясь к Толику сбоку, нависая над Толиком, вжимая свой уже полностью напряженный член в Толиково бедро, ощущая в кулаке горячий твёрдый стояк «старшего брата», Серёга вопрошающе посмотрел Толику в глаза. – Толян... – понизив голос, словно их кто-то на этом острове мог услышать, проговорил Серёга. – Хочешь сососать? Друг у друга сососём... хочешь? – озвучил Серёга возникшую у него мысль, не считая правильным мысль эту, такую простую и вместе с тем н о в у ю, совершенно новую, от Толика скрывать.

В отличие от Серёги, нередко попадавшего впросак оттого, что он приходящими ему в голову мыслями-идеями без всякой задержки на обдумывание предпочитал сразу делиться, Толик – по складу своего характера – предпочитал сначала думать, а потом уже говорить, – секунду-другую Толик смотрел, точнее, всматривался в глаза Серёги, и только потом на вопрос Серёгин, точнее, на Серёгино предложение отозвался-ответил – проговорил коротко и тихо:

- Хочу, – ответ Толика уложился в четыре звука, в два слога, в одно слово, и значение этого слова было однозначно – простой и ясный ответ прозвучал без встречных вопросов, без уточнений и прочей словесной эквилибристики.

- Толян! – с лёгким укором в голосе весело проговорил Серёга, и глаза его, устремлённые на Толика, игриво блеснули. – Вот же ты какой... стеснительный! Хочешь – и молчишь... разве так можно? – лицо Серёгино расплылось в улыбке.

- Ты же сам молчишь, – парировал Толик, словно желая тем самым оправдаться перед Серёгой, обвинившим его в стеснительности. – Хочешь – и молчишь...

- Я тебе только что сказал, – не замедлил внести ясность Серёга.

- А я тебе только что ответил, – рассмеялся Толик.

- С тобой, блин, не сговоришь! У тебя на всё всегда есть отмазка, – с деланной досадой проговорил Серёга, но изображать дольше пары секунд в свете новых открывавшихся возможностей было не с руки, и лицо Серёгино вновь расплылось в улыбке: Серёга, выпустив из руки твёрдый залупившийся стояк Толика, оттолкнулся от Толика, чтобы дать простор стояку своему, тоже залупившемуся о бедро Толика. – Кто будет первый сосать – ты или я? – деловито проговорил Серёга, откинувшись на спину – повернув к Толику голову.

- А есть какая-то разница? – отозвался Толик. – Давай, я возьму первым...

- Давай, ты... а потом я! Никакой разницы нет! – Серёга, предвкушая новые, еще не ведомы ощущения, сильнее залупил головку своего члена; сместив два пальца, большой и указательный, к основанию члена, Серёга направил пальцами свой негибаемо твёрдый стояк вертикально вверх, тем самым предоставляя Толику полный карт-бланш на пути к новым горизонтам.

- Ты его мыл, когда мы купались? – деловито поинтересовался Толик, поднимаясь – садясь рядом с лежащим на спине Серёгой.

- Обижаешь! – снисходительно хмыкнул Серёга. – Конечно, мыл... я же знал, что мы будем сосать – будем брать друг у друга в рот! И вообще... он всегда у меня в чистоте находится! Так что не бойся – бери... – в голосе Серёги прозвучало лёгкое, но напористое нетерпение.

Толик, ничего не говоря в ответ – откинув руку Серёги в сторону, перехватил своими пальцами Серёгин член у основания и, точно так же держа член вертикально вверх, качнулся вперёд и вниз, – наклонившись над Серёгой, Толик приблизил губы к сочно пламенеющей головке, губы Толика приоткрылись...

- Ну! Толян... давай! – нетерпеливо прошептал Серёга; затаив дыхание, он приподнял голову, чтоб лучше видеть, как Толик будет брать его член в рот... как будет с о с а т ь. – Давай...

Толик, не слушая Серёгу, смотрел на напряженный Серёгин член, точнее, смотрел на пламенеющую головку члена... она тоже напоминала гриб: со стороны, обращённой к плоскому животу, края у шляпки чуть приподнимались, словно заворачивались вверх, а с другой стороны шляпка раздваивалась, рассекалась туго натянутой уздечкой, так что казалось, что головка члена состоит из двух равных частей... понятно, что чего-то нового или необычного в устройстве возбуждённого Серёгина члена не было и быть не могло – Толик тысячу раз рассматривал член собственный, делая это и перед дрочкой, и после дрочки, и в «состоянии нестояния», то есть в покое, он исследовал член свой и стоя в ванной, и лёжа в постели, и сидя за письменным столом, всё у них, у Серёги и у него, было по этой части одинаково, но теперь это был член не его, а был член д р у г о г о пацана, и этот д р у г о й член – член Серёги! – необъяснимо манил, притягивал губы... вот ведь как в жизни бывает! Он, Толик, никогда ни о чём таком не думал – никогда даже краем, даже обрывком мысли он не думал о т а к о й ситуации, о ситуации сосания чужого члена, и он никогда не стал бы сосать чей-то чужой член, но... сейчас это был не чей-то чужой член, а это был член Серёги, и это было совсем, совсем другое... конечно, с Серёгой был секс, классный и упоительный секс, который как-то естественно и органично стал тайной частью их жизни в Сосновке, но было, помимо секса, что-то еще, не

менее важное и не менее значимое – была только им двоим слышимая музыка, для которой не было внятного объяснения, но которая, из ниоткуда возникнув, их незримо связала и с каждым днём необъяснимо связывала всё крепче и крепче... конечно, можно было б сказать, что их, обычных подростков, в пору их сексуального взросления связала лишь банальная возможность взаимно удовлетворять свои сексуальные потребности, что никакой о с о б о й м у з ы к и в этом нет, что всё это только форма снятия сексуального напряжения, но... музыка была, она звучала не в ушах, а где-то в груди, в душе или в сердце, и, наверное, это можно было б назвать взаимной влюблённостью, но ни Серёге, ни Толику слово это – «влюблённость» – ни разу в голову не пришло, а если не было слова, то, соответственно, и не было никакой влюблённости – просто им было классно, было кайфово вместе, начиная с первого дня их знакомства, с нелепого спора, что такое «сегодня» и когда наступает «завтра»...

- Толян... – тихо выдохнул Серёга, – ну, ты чего...чего тормозишь? Давай, я у тебя возьму, если ты первым не хочешь...

Толик, не отзываясь, наклонился ниже – чуть приоткрытыми губами коснулся сочно пламенеющей головки, кончиком языка словно попробовал головку на вкус, затем, шире открыв рот, обвёл головку круговым движением языка и, сомкнув губы, вобрал всю головку в рот – сверху податливо мягкую, нежно-сочную, какими бывают сочные переспелые сливы... никакого особого вкуса у члена не было – было ощущение заполненности рта и ещё осознание того, что в о р т у ч л е н, – Толик, пошевелив-послюнявив языком там, где была расположена крайняя плоть, медленно заскользил мокрыми губами вдоль ствола вниз, сантиметр за сантиметром вбирая горячий Серёгин член в свой жаром пышущий рот...

Серёга, от удовольствия конвульсивно дёрнув вытянутыми ногами, откинулся на спину, – прерывисто дыша, невидимо шевеля, разжимая-сжимая мышцы стиснутого булочками попы сфинктера, Серёга закрыл глаза... это был кайф! Толик, двигая головой вверх-вниз, ритмично скользил мокрыми, горячо обжимающими губами по горячему Серёгиному члену, – сопя, Толик сосал Серёгин член, и Серёга, от наслаждения конвульсивно вздрагивая коленками, был на вершине блаженства... ну, а как ещё можно было назвать то состояние-ощущение, которое он, Серёга, испытывал? Толик сосал его член, и это... это был кайф! И вместе с тем деятельная натура Серёги требовала от Серёги не пассивного наслаждения, а ответного участия, паритета, – какое-то время, ощущая на своём члене жаром скользящие губы Толика, Серёга в ответ тискал, ласкал пальцами твёрдый горячий член Толика, двигал на члене Толика крайнюю плоть, затем, вновь приподняв голову – глядя, как Толик вверх-вниз двигает головой, как ритмично насаживает свой округлившийся рот на его, Серёгин, стояк, нетерпеливо выдохнул:

- Толян... давай, я тоже! Теперь я пососу у тебя... давай!

Толик, выпустив изо рта Серёгин член, соскользнув губами с побагровевшей головки, отклонился в сторону – выплюнул на траву рядом с покрывалом обильную слюну, образовавшуюся во рту в процессе сосания, – член Серёгин, мокро блестя, упруго дёрнувшись, тут же из вертикального положения наклонился к Серёгиному животу – под совсем небольшим углом навис, чуть подрагивая, над плоским Серёгиным животом.

- Классно? – вытирая мокрый рот тыльной стороны ладони, Толик вопросительно посмотрел на Серёгу даже не весёлым, а каким-то шальным, шумящим, н е з д е ш н и м взглядом и, не давая Серёге встать, чтоб

поменяться местами, на коленях быстро переместился к Серёгиной голове. – Бери... бери у меня!

Конфигурация поменялась: Серёга, сообразив, как хочет Толик, быстро перевернулся набок, чуть приподнялся вверх, так что лицо его оказалось аккурат против паха Толика, стоявшего перед Серёгой на коленях, – залупившийся член Толика был задрат вверх, Серёга, уверенно взяв член у основания пальцами, наклонил его, чтобы сочно пламенеющая головка была направлена в сторону рта, и, не раздумывая, качнувшись головой вперёд, заранее округлившимися губами медленно скользнул по сочной плоти – вобрал головку Толикова члена в рот полностью, секунду-другую подержал её во рту, теребя кончиком языка, осознавая новые ощущения, затем, обжимая твёрдый горячий ствол, заскользил губами дальше, вдоль члена, насаживаясь ртом на торчащий стояк, как на кол...от наслаждение Толик судорожно сжал, стиснул булочки, невольно выгибаясь вперед – стараясь вогнать свой член в Серёгин рот как можно глубже...

Потом снова у Серёги сосал Толик... и опять у Толика сосал Серёга... и снова Толик... и опять Серёга... – подхваченные новой волной новой страсти, они осваивали новые возможности своей, в обще-то, вполне обычной подростковой дружбы, напоминающей влюблённость, когда мальчишки в пору своей безоглядно бушующей гиперсексуальности что-то пробуют, экспериментируют, открывая разные грани и своей, и вообще человеческой сексуальности: они, Серёга и Толик, поочередно драчили члены друг другу губами, поочередно ласкали сочно пламенеющие головки напряженных членов языками... они кайфовали и наслаждались, – было лето, беззаботное и весёлое, и каждый день в этом лете был для обоих мальчишек неповторим...

Они, наверное, уже кончили бы – в рот друг другу или мимо рта, об этом у них никакого договора, никакого согласования не было, но, во-первых, они

уже, как принято говорить в таких случаях, «опорожнили яйца», едва оказавшись на острове, а во-вторых, они то и дело менялись ролями, так что наслаждение, разлитое по их юным телам, ни у Толика, ни у Серёги каждый раз не достигало того уровня сладчайшей концентрации, когда сладость одномоментно преобразуется в оргазм – завершающий аккорд любого траха, любой сексуальной активности, – от сосания уже болели скулы, и Серёга, выпустив изо рта Толиков член, обильно сплюнув на траву – вытирая тыльной стороной ладони чуть припухшие губы, проговорил, вопросительно глядя на Толика:

- Толян... давай просто подрочим – сами себе подрочим... ты как?

- Давай, – согласился Толик. – У меня уже скулы болят сосать...

- А чего ж ты молчишь? – тихо засмеялся Серёга. – Сам страдаешь, а сам молчишь... какой ты, Толян, стеснительный! Просто садист какой-то...

- Мазохист, – отозвался Толик, поправляя Серёгу; он откинулся на спину, вытянувшись во весь рост, сжимая в кулаке чуть покрасневший от Серёгиных стараний член.

- Что «мазохист»? – не понял Серёга, тоже откидываясь на спину – ложась рядом, плечом к плечу, с Толиком.

- Мазохист – это тот, кто кайф получает от боли. А садист, наоборот... садист кайфует, боль причиняя другому, – пояснил Толик.

- Я это знаю, – отозвался Серёга, в кулаке сжимая член свой, от стараний Толика тоже чуть покрасневший ближе к головке. – Я кайф получаю от кайфа!

- Ты молодец, – тихо засмеялся Толик. – Ты, Серый, правильный пацан!

- Я знаю, – не стал возражать Серёга; отведя три пальца – средний, безымянный и мизинец – в сторону, чтоб они не мешали, Серёга привычно окольцевал свой член большим и указательным пальцами, как он это делать привык – как делал всегда, когда мастурбировал. – Толян, а давай... давай дрочить наперегонки – кто быстрее кончит! Давай? – вопросительно глядя на Толика – предлагая Толику т а к о й вариант, Серёга, чуть разведя в стороны ноги, ладонь свободной руки прижал под мошонкой к промежности – указательный палец Серёга протиснул между сомкнутыми ягодицами и, прикоснувшись подушечкой пальца к сладко зудящим мышцам ануса, невольно вздрогнул от предвкушения... с Толиком всё было ново и классно, с Толиком всё было офигенно, но и старый накатанный способ разрядки и удовольствия тоже при этом ничуть не утратил свою притягательность.

- Давай! – согласился Толик с лёгким азартом в голосе; он привычно сложил пальцы правой – «рабочей» – руки в привычную ему конфигурацию: подогнув мизинец и безымянный палец, чтобы они не мешали, Толик взялся за свой напряженный член тремя пальцами – большим пальцем со стороны живота, а указательным и средним пальцами со стороны мошонки... каждый дрочит по-своему – дрочит так, как привык это делать из раза в раз на протяжении какого-то времени.

- Сделай другой рукой, как я, чтоб мы были в равных условиях, – скользнув взглядом по готовому к соревнованию Толику, проговорил Серёга. – Только пальцем на очко не дави, а просто касайся, чуть шевели подушечкой пальца, как я тебе делал – как я тебя учил...

Толик, покосившись на готовность Серёгину, ничего не говоря в ответ, сделал то же самое: кисть свободной левой руки вставил себе между ног, указательным пальцем нащупал очко, мягкой подушечкой пальца потрогал, пошевелил туго стиснутые мышцы ануса, и это лёгкое прикосновение тут же

отозвалось в девственно сжатой мальчишеской дырочке щекотливо сладким зудом... собственно, сладко зудело везде – и в промежности под мошонкой, и в самом члене, и в животе, под кустиком черных густых волос, но особая сладость была именно в попе, так было всегда при возбуждении, но теперь, когда с попой соприкасался палец, эта сладость ощущалась ещё сильнее.

- Готов? – деловито спросил Серёга.

- Да, – отозвался Толик, невольно двигая пальцами вдоль распираемого от возбуждения члена.

- Толян, пока не дрочи! – сделал замечание Серёга, уличая Толика в преждевременном разогреве. – Всё должно быть по чесноку – начинаем на счёт «раз-два-три». Готов?

- Блин, давай уже! Считай!

- Раз... два... три!

На расстеленном в холодке под кустом покрывале два голых мальчишки, лежащих плечом к плечу, одинаково сунув левые руки под свои мошонки, с упоением, с азартом мастурбировали, – вокруг цветастого покрывала сочно зеленела шелковистая трава, справа и слева в кустах щебетали невидимые птицы, воздух на солнцепёке плавился от зноя, голубое небо без единого облачка было над головой... правые руки лежащих на спине подростков ходили ходуном – мальчишки дрочили яростно, самозабвенно, приоткрытыми ртами шумно всасывая в себя воздух и так же шумно его выдыхая... конечно, в обычных условиях каждый – наедине с собой – менял ритм движения руки, делал паузы, просто играл со своим возбуждённым членом, на какое-то время оставлял член в покое и приступал к дрочу снова, то есть, растягивая процесс, продлевал, тянул удовольствие, прежде чем выйти на финишную прямую, где никаких остановок уже быть не могло, но

теперь было с о р е в н о в а н и е, было состязание, а у всякого состязания есть цель – победить, – мальчишки дрочили яростно, сосредоточенно, не отвлекаясь на разговоры, не глядя друг на друга...

Между тем, задремавший после обеда Пират, открыв один глаз и не обнаружив мальчишек на привычном месте, стремительно встал на ноги, но, еще только поднимаясь, он услышал сопение, доносящееся из-под куста, – повернув голову, Пират увидел всё то же покрывало и на нём лежащих голых мальчишек, которые, содрогаясь, прерывисто дыша, что-то быстро-быстро делали руками; Пират направился к мальчишкам...

- Серый! – выдохнул Толик, судорожно сжимая ноги – выпуская из багрово блестящей головки струйку матово-перламутровой спермы. – Я всё...

И практически тут же, в то самое мгновение, когда Толик выдохнул «я всё», от оргазма сладко содрогнулся Серёга:

- Я кончил! – из Серёгиного члена тоже вылетела струйка спермы... оба пацана тяжело дышали – они оба старались, оба выложились по полной, и буквально секунда отделяла оргазм Серёги от оргазма Толика, но... именно так и бывает в разного рода соревнованиях, когда секунда или даже доля секунды отделяют того, кто пришел к финишу первым, от того, кто шел к финишу наравне с победителем; Серёга кончил вторым, уступив первенство Толику, но этот разрыв между ним и Толиком был так незначителен, что можно было утверждать и настаивать, что они финишировали одновременно, что Серёга и попытался тут же сделать. – Вместе кончили, одновременно... нет, Толян, победителя в этот раз! Ты согласен? – Серёга, утверждая-спрашивая, повернул к Толику мокрое от пота лицо.

- Не согласен. Я кончил раньше тебя, – не согласился с Серёгой дотошный Толик, повернув лицо своё, такое же мокрое от пота, к лицу Серёги.

- Ты просто сказал об этом чуть раньше, а спустили мы вместе, одновременно, – озвучит Серёга свою версию финиша.

- Потому и сказал я чуть раньше, что я чуть раньше кончил, – тут же парировал Толик; глядя на Серёгу, он улыбнулся. – Не хитри, Серый! Если б я проиграл, я бы честно признал своё поражение. И ты признай!

- Какой ты, блин... вредный! – отозвался Серёга, изобразив интонацией голоса лёгкую досаду. – Никогда меня не поддерживаешь... – и, не давая Толику возможность что-либо сказать в ответ, Серёга тут же предложил новую версию, компромиссную: – Ладно, пусть будет так: победила дружба! Согласен?

- Согласен, – рассмеялся Толик, не став вдаваться в подробности, кого и когда утешают словами «победила дружба». – Идём обмываться?

- Идём! – Серёга, приподнимаясь – садясь на покрывале, только тут заметил бесшумно подошедшего Пирата. – Пират... ты что – всё видел и слышал? – весело проговорил Серёга. – Прикинь, Толян! Пират за нами подсматривал...

- Он рефери был, и если б он мог говорить... – засмеялся Толик, но Серёга не дал Толику закончить мысль – Серёга, перебивая Толика, тут же переключил всё внимание на Пирата:

- Какой ты, Пират, любознательный! Ни стыда, ни совести нет... наблюдал, бесстыдник, за нами! Ты просто любознательный бесстыдник, а не Пират, – рассмеялся Серёга, и Пират, словно подтверждая Серёгины слова, что нет у него, у Пирата, нет ни стыда, ни совести, радостно закрутил в ответ хвостом.

- А тебе разве стыдно? – Толик, тоже поднявшись – сев на покрывале рядом с Серёгой, посмотрел на Серёгу вопросительно.

- Что мне стыдно? – не понял Серёга.

- Ну... – Толик неожиданно смутился. – То, что мы делаем... вот мы сейчас друг у друга сосали...

- И что? – во взгляде Серёги, устремлённом на Толика, отразилось лёгкое недоумение. – Толян, тебе что – не понравилось, как я сосал?

- Мне понравилось... – отозвался Толик.

- Мне тоже понравилось! – живо произнёс Серёга; глядя на Толика, он улыбнулся: – И как ты сосёшь у меня, и сосать у тебя... мне всё понравилось!

- Серый, я не об этом... – медленно проговорил Толик; по лицу Толика было видно, что он подбирает слова, чтобы понятно выразить свою мысль. – Мне тоже всё нравится... и сосать мне понравилось, и вообще... но... как бы тебе сказать поточнее...

- Как думаешь, так и скажи! – произнёс Серёга, не совсем понимая, точнее, совсем не понимая, куда Толик клонит.

- Ладно, проехали! – Толик, резко меняя тему, улыбнулся. – Всё, идём купаться! Пират, ты с нами? – дёрнувшись вверх, Толик хотел рывком встать на ноги, но Серёга, удержав Толика за руку, подняться ему не дал.

- Нет, не проехали! Ты хотел что-то сказать, но говорить не стал... так не честно! Я от тебя ничего не скрываю – говорю тебе всё, как думаю! А ты от меня что-то скрываешь... говори, Толян, что ты хотел сказать! – Серёга проговорил это с лёгким нажимом в голосе, с видимой убеждённой, что между ними никаких секретов быть не может.

- Блин! Ничего я не хотел сказать! – Толик, шутливо толкая плечом плечо Серёгино, вновь попытался соскочить с им же начатой темы, но Серёга не дал ему это сделать – проговорил без улыбки, внимательно глядя Толику в глаза:

- «Как бы тебе сказать поточнее...» – твои слова? Твои! Вот и говори, что ты хотел сказать «поточнее»! А иначе я буду думать, что ты от меня что-то скрываешь, а я так думать не должен... я, Толян, думать так не хочу! Если мы вместе, то нах мне какие-то подозрения! Правильно я говорю?

- Правильно... всё ты правильно говоришь! Мы, блин, идём купаться? Смотри... пальцы уже, блин, слиплись, склеились! – Толик, засмеявшись, показал Серёге кисть своей правой руки, которая сделала его победителем эротического соревнования. – Пойдём обмываться!

- Пойдём! Но сначала ты скажешь, что ты хотел мне сказать, – скользнув взглядом по пальцам Толика, твёрдо проговорил Серёга, удерживая Толика на месте.

- Вот же, блин... упёртый какой! – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся. – Ну, хорошо... я вдруг подумал вот о чём: ты назвал Пирата бесстыдником... так?

- Ну, так, – подтвердил Серёга. – И что?

- И то! Я подумал, что ты... что, говоря о бесстыдстве, ты, может, думаешь в глубине души, что мы делаем что-то не то... что-то делаем нехорошее, постыдное... вот о чём я подумал!

- Подожди! Мы что-то делаем нехорошее, постыдное... что за фигня? – искренне удивился Серёга. – Что мы делаем нехорошее или постыдное?

- Ну, мы сосали друг у друга... – Толик проговорил это так, как будто он сам не знал, хорошо это или плохо.

- Ну, сосали, – подтвердил Серёга, – и что? Мне понравилось. Ты сказал, что тебе тоже понравилось... ну, и в чём, блин, проблема? Я тебя, Толян, не понимаю! – Серёга смотрел на Толика серьёзно, внимательно, смотрел

вопрошающе, и во взгляде его было искреннее недоумение. – Нам обоим понравилось... при чём здесь стыд?

- Я не об этом! – Толик невольно поморщился, злясь на себе, что он вообще затеял этот пустой и глупый, совершенно не нужный им разговор... но разговор этот нужно было заканчивать, и Толик, вновь подбирая слова, стараясь быть максимально понятным, стал медленно объяснять Серёге, что его, Толика, смутило. – Смотри, что получается... мы друг у друга сосали – Пират это видел – ты назвал Пирата бесстыдником... значит, что получается?

- Что получается? – эхом переспросил Серёга, изо всех сил стараясь понять логику Толика... то есть, Толик всё говорил правильно, но... что тогда здесь не так – почему он, Толян, на этом забуксовал? Да, они сосали друг у друга – кайфовали... да, Пират наблюдал за этим кайфом – видел этот кайф... и потому он, Серёга, в шутку назвал Пирата бесстыдником... потому назвал, что Пират п о д с м а т р и в а л – наблюдал за тем, что его, Пирата, совершенно не касалось... что здесь не так? Ведь говорят же: стыдно кому видно. – Серёга смотрел на Толика, не понимая...

- Получается, что если Пират бесстыдник, как ты сказал, то... получается, что мы делали что-то стыдное? Ну, то есть, мы делали что-то плохое? Мне показалось, что ты думаешь именно так... ну, то есть, ты в глубине души думаешь так – на уровне подсознания.

- Подожди, Толян! Я, конечно, не такой начитанный, как ты, но про подсознание нам в школе психолог рассказывала, и я представляю, что это, – Серёга на миг запнулся – он хотел сказать, что применительно к этой конкретной ситуации у него никакого «уровня подсознания» нет, а есть простое желание кайфа, совершенно естественное, абсолютно нормальное желание без всякого «подсознания», но вместо этого он произнёс совсем другое: – А ты сам, Толян... ты что – считаешь, что всё это стыдно? Ну, то,

что мы делаем... что мы друг у друга взяли в рот... ты считаешь, что это стыдно?

- Я не считаю так, – Толик отрицательно покачал головой.

- Тогда почему я на уровне, блин, подсознания, должен считать, что мы делаем что-то не то – делаем что-то плохое и стыдное? – с лёгким недоумением в голосе проговорил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

- Так ты же назвал Пирата бесстыдником... – отозвался Толик, делая акцент на слове «ты». – Вот я и подумал...

- Толян, я фигею с тебя! Ты уже полчаса мне паришь мозги какой-то своей придуманной хренью, и всё потому, что ты подумал... про что ты подумал? Про какое-то подсознание...

- Но ведь так тоже может быть: ты делаешь что-то, кайфуешь, а в глубине души себя за это осуждаешь, считаешь, что делать так стыдно... ну, типа как с дробом было когда-то раньше – сам дрочишь, а сам стыдишься...

- Ну, когда я дрочил и этого стыдился, я был ещё молодой и глупый, – говоря «молодой» и «глупый», Серёга поднял вверх указательный палец, желая тем самым выделить-подчеркнуть именно этот аспект вопроса. – Тогда я ещё не знал, что дрочить – это не только удовольствие, но это также совершенно нормально и для здоровья даже полезно. Сегодня я это знаю – и дроча я не стыжусь. От слова «совсем»! Что здесь непонятного?

- Блин, да всё понятно! – Толик поморщился. – Я лишь сказал, что можно и кайфовать, когда член сосёшь, и считать в глубине души при этом, что сосать член – это стыдно... ну, как при дроче когда-то – и приятно, и стыдно...

- Ты это сейчас про кого говоришь – про себя или про меня? – Серёга ехидно прищурился.

- Я вообще говорю – с лёгкой досадой в голосе отозвался Толик.

- Какой же, Толян, ты дурак! – в голосе Серёги отчетливо прозвучало как бы восхищение оттого, что Толик оказался «дураком», и хотя восхищение это вроде не сочеталось с определением «дурак», но ведь и слово «дурак», сказанное Серёгой, не имело того оскорбительного смысла, какой в это слово обычно вкладывается, желая кого-то оскорбить или унижить. – Какой ты дурак! – медленно, с той же самой интонацией повторил-протянул Серёга, с улыбкой глядя на Толика смеющимися глазами. – «Стыдно, кому видно!» – есть такая народная поговорка, если ты, блин, не знаешь этого, то я тебе сейчас говорю... вот эту народную мудрость я и сказал Пирату! Стыдно подсматривать – вот почему я назвал Пирата бесстыдником! И вообще: по времени ты мой старший брат, но по уму, Толян... по уму, я думаю, я твой старший брат! – Серёга, глядя на Толика, весело рассмеялся и тут же, не сдерживая эмоций, повалил Толика на покрывало. – Ты согласен со мной, что я умнее? Согласен?

- Серый, блин, пусти... а-а-а-а! пусти меня! – Толик, звонко смеясь, спасаясь от щекотки, забарабанил по воздуху поднятыми вверх ногами. – Пират, помоги мне!

Пират, лежавший в течение всего непонятого ему разговора и только вздрагивавший ушами при каждом упоминании своего имени, энергично застучал хвостом по траве, то ли таким образом помогая Толику, то ли поддерживая Серёгу, то ли просто намекая, что хватит валяться на покрывале и пора идти всем купаться.

- Скажи, блин... скажи, кто из нас старший по уму – я или ты... – Серёга, навалившись на Толика сбоку – не отпуская Толика, требовал ясности в этом вопросе.

- Ты, ты... всё, я сдаюсь! Ты у нас старший... – Толик, брыкаясь, взахлёб смеясь, признал за Серёгой право быть «старшим по уму». – Всё, отпускай...
- Четко скажи: «ты у нас, Серый, старший по уму», – Серёга потребовал безоговорочного признания.
- Ты у нас, Серый, старший по уму, – повторил Толик, перестав сопротивляться – глядя снизу вверх на Серёгу смеющимися глазами.
- Вот так-то! – удовлетворённо проговорил Серёга, отпуская Толика – садясь на покрывале. – Пират, ты свидетель! Толян только что сам, без малейшего принуждения с моей стороны, признал, что я умнее его...
- Да-да, Пират, без малейшего принуждения... это отметить особо! – Толик, рывком оттолкнувшись от покрывала, сел рядом с Серёгой. – А ты, блин, сильный! – Толик одобрительно посмотрел на Серёгу.
- А ты, блин, думал, что сильный я только по уму? Фиг тебе! Я сильный со всех сторон – и по уму, и физически, и... – Серёга хотел сказать «и по траху», но, вовремя вспомнив-подумав, что он только что проиграл Толику соревнование по скоростному дрочу, обобщил: – и вообще я сильный!
- Серый... – Толик, на миг запнувшись, посмотрел на Серёгу уже вполне серьёзно, без какого-либо подкола и во взгляде, и в интонации голоса. – Если ты такой умный, то скажи... только честно скажи, как ты думаешь...
- Я тебе всё-все честно говорю, – отозвался Серёга, и по тому, как он это произнёс, было видно, что эти слова для него не пустые, не проходные. – Ну! Что ты хочешь узнать у своего младшего брата?
- Мы с тобой кто теперь? Хуесосы? – вполголоса произнёс Толик, вопросительно глядя Серёге в глаза.

- Не понял... – чуть помедлив, отозвался-проговорил Серёга, и взгляд его стал таким же серьёзным, как у Толика; грубое, даже вульгарное слово диссонансом влетело, врезалось в ту упоительно сладкую музыку, что манила, звала и вела их, обычных домашних мальчишек, в райские кущи неги и наслаждения... прозвучавшее слово было совсем из другого мира – оно было из мира серого, плоского, примитивного, и было оно инородным и неуместным в том мире, какой в силу разных случайных и неслучайных обстоятельств так органично сложился у них, у Серёги и Толика, а потому это слово даже своим неприятным звучанием резануло Серёгин слух. – Почему мы с тобой хуесосы? – медленно проговорил Серёга, всматриваясь в глаза Толика.

- Ну, мы же сосали... и мы с тобой знаем, как ко всему т а к о м у относятся окружающие. «Пидарасы», «педики», «хуесосы»... разве в школе у вас пацаны не говорят так?

- Ну, говорят... – всё так же медленно, в совершенно несвойственной ему манере отозвался Серёга. – И что?

- И то! Я тебя просто спросил, что об этом думаешь ты, а ты, блин, в ответ мне штокаешь... ты мне можешь ответить нормально, что ты об этом думаешь? – Толик вновь почувствовал какую-то неуместность всего этого явно не нужного, какого-то глупого разговора, и оттого почувствовал вновь досаду на самого себя.

- Что я об этом думаю... – растягивая слова, проговорил Серёга не столько Толику, сколько себе самому; он проговорил это, думая, что он об этом думает... а почему он должен об этом что-то думать? Потому, что Толик его спросил... а почему Толик его спросил – о б э т о м спросил? Хуесосы... фигня какая-то! Как Толяну такое пришло в голову?

Серёга, конечно, нередко придумывал разные несуразности, часто прикидывался простодушным или, в зависимости от ситуации, даже как бы слегка глуповатым, говорил нередко всякую фигню, но... всё это была своеобразная маска, под которой Серёга или скрывал своё незнание-непонимание чего-либо, или просто прикалывался, и тогда эта маска была своеобразной формой «веселухи, чтоб не было скучно», – Серёга, по мере возможности, незлобиво троллил окружающий его мир, не видя в этом ничего зазорного; здесь, в Сосновке, Серёга троллил дедулю и бабулю, весело троллил Толика, на что Толик, впрочем, нисколько не обижался, – Толик, по складу характера мало похожий на Серёгу, довольно быстро раскусил специфику Серёгина общения и потому смотрел на Серёгу совершенно адекватно, порой снисходительно, порой одобрительно, а иногда просто не понимая, где Серёга говорит серьёзно, а где он привычно ёрничает... словом, Серёга был не таким наивным, каким он мог показаться на первый взгляд, – Толик, задав свой вопрос про хуесосов, упомянув про педиков и пидарасов, смотрел на Серёгу вопрошающе – Толик ждал ответ, и Серёга, отбросив в сторону шутки, так же серьёзно глядя на Толика, почесал подбородок, думая, как нужно Толику ответить.

- Ну, смотри, Толян... мы с тобой не леденцы сосали и даже не эскимо на палочках, а сосали мы друг у друга хуи, и в этом смысле мы, конечно же, хуесосы. Ну, то есть... если слова «хуесосы» брать в его буквальном значении, то всё правильно, всё так и есть. Мы сосали хуи? Сосали! Мы хуесосы? Хуесосы. Или сосохуи... без разницы, блин! Но! Слово «хуесосы» можно употреблять как в буквальном смысле – как в нашем случае, так и в переносном смысле... ну, то есть, в негативном смысле. И вот здесь я себя хуесосом не считаю, и тебя хуесосом я тоже не считаю, потому что в переносном смысле так, то есть словом «хуесосы», называют или каких-то гнилых по жизни людей, или когда кто-то кого-то хочет оскорбить, унижить.

А мы с тобой, то есть ты и я, по жизни классные парни, мы просто красавчики... это во-первых! И уж тем более у нас нет ни малейших причин оскорблять друг друга – это, Толян, во-вторых. Так что, мой старший любознательный брат... да, мы с тобой хуесосы, но совсем не в том смысле, в каком принято говорить это слово среди пацанов во дворе или в школе. Я понятно всё объяснил – понятно сказал?

- Понятно, – Толик, невольно любуясь Серёгой, улыбнулся... конечно, Серёга был самым классным пацаном из всех пацанов, которых он, Толик, знал!

- Вот! Краткость – сестра ума! А поскольку...

- Краткость – сестра таланта, – перебил Серёгу дотошный Толик. – У нас в школе, в кабинете литературы, висит на стене планшет с цитатами разных великих людей – там написано: «Краткость – сестра таланта».

- Да, сестра ума и таланта, – не стал спорить с Толиком Серёга. – Так вот... поскольку ты сам признал, и Пират был при этом свидетелем, что я умнее тебя, то я, мой младший брат по уму, объяснил тебе кратко и для тебя доступно, почему это слово – слово «хуесосы» – к нам с тобой не имеет никакого отношения. То же самое со словами «педики» и «пидарасы» – это всё тоже не про нас. По той же самой причине: эти слова предназначены для обзывания. А мы – это мы, и нам с тобой... нам, Толян, и на слова эти глупые, и на тех, кто слова эти любит произносить, с колокольни нашей высокой насрать. Кто так обзывается, тот сам так называется – нас с тобой это совсем не касается. Согласен со мной?

- Согласен, – Толик кивнул головой. – Ты, Серый, прямо стихами шпаришь – в рифму отвечаешь, – Толик засмеялся.

- Нет, я не Пушкин – я другой, ещё неведомый избранник! – тут же продекламировал Серёга, с дурашливым назиданием глядя на Толика.
- Да уж! – хмыкнул Толик. – Нас рать – насрать! – и, глядя на Серёгу, он вновь рассеялся. У нас в классе такой девиз: нас рать – насрать. Особенно когда завалим какой-нибудь тест... Но ведь есть и другие слова... ты, Серый, не думал об этом?
- Какие другие слова? – отозвался Серёга, снова глядя на Толика с лёгким недоумением. – Опять ты что-то придумал?
- Ни фигя не придумал! – возразил Толик. – Другие слова – это типа «геи», «голубые»... мы с тобой трахались уже столько раз...
- Ну, пока мы трахались всего несколько раз, – уточнил Серёга. – И ещё не трахались в попы... это у нас впереди!
- Ну, пусть несколько раз... да хоть один раз – это без разницы! Ты не думаешь, что мы с тобой геи? Ну, если нам это нравится...
- Если нам это нравится... – медленно, словно к каждому слову прислушиваясь, произнёс-повторил Серёга. – Мне, Толян, это точно нравится! – глядя с улыбкой на Толика, Серёга придал своему лицу блудливое выражение. – Да, мне это точно по кайфу! А тебе? Только не говори, что я тебя, глупого брата, совращаю своим позитивным отношением к нашему братскому сексу!
- Мне это тоже по кайфу, – не задумываясь, ответил Толик. – Вот я и спрашиваю... если нам это нравится, то... может, мы геи?
- Ах ты, маленький развратник! Хочешь быть геем? – Серёга, явно прикалываясь и ёрничая, дурашливо погрозил Толику пальцем. – Просто кайф тебе не в кайф, нужно какое-то слово-название... ты, Пират, слышал,

что наш Толян сейчас сказал? Просто трахаться-кайфовать ему, брату младшему по уму, совсем не в кайф – нужно, чтоб трах, точнее, те, кто трахается, назывались каким-нибудь словом...

- Не ври! Я такое не говорил, – рассмеялся Толик. – Я всего лишь спросил...

- Тогда я тебе отвечаю: без смазки мы этот вопрос не решим! Значит, Толян, смотри... – Серёга и интонацией голоса, и выражением лица наглядно изобразил деловитость. – Сегодня, когда у бабули мы будем ужинать, ты обязательно должен для нас раздобыть какой-нибудь крем – должен попасть в бабулин терем.

- Как я туда попаду? – перебил Серёгу Толик.

- Ногами, – не замедлил с ответом Серёга. – Сделаешь вид, что ты зомби, и тупо пойдёшь... тупо пойдёшь ногами!

- Ага, а бабуля спросит меня: «Толя, что ты хотел – зачем ты пошел?» И что я скажу? – Толик, отчасти подыгрывая Серёге, отчасти думая-полагая, что у Серёги, может, возник какой-то реальный план, посмотрел на Серёгу вопросительно, но никакого реального плана у Серёги не было, и потому Серёга, ёрничая, выдал Толику самый простой «инструктаж»:

- Значит, Толян, смотри... запоминай! Если бабуля спросит: «Толя, что ты хотел – зачем ты пошел?», то ты в ответ скажешь: «Бабуля! Мы с Серёгой не знаем, геи мы или не геи, и потому нам нужно это срочно проверить, но для этого нам нужен волшебный крем».

- «А зачем вам, Толя, для проверки крем?» – спросит меня бабуля, – Толик, смеясь, подыграл Серёге.

- А ты, Толя, в ответ не станешь врать, потому что бойскауты никогда не врут, а честно признаешься – скажешь так: «Я хочу дать Серёге в попу, но у

Серёги писюн большой, а у меня дырочка в попе маленькая, тугая, и потому без крема у нас ничего ни фига не получается – без крема понять мы никак не можем, геи мы или не геи. Для понимания этого нам обязательно смазка нужна – нужен крем!»

- Какой ты, Серый, дурак! – Толик, глядя на Серёгу смеющимися глазами, покачал головой. – Я тебя серьёзно спросил...

- А если серьёзно, то... откуда я знаю, геи мы или не геи? Ты до того, как мы познакомились, с кем-то из пацанов делал так, как делаем мы? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Нет, – Толик, глядя на Серёгу, отрицательно покачал головой. – Я даже не думал о таком... вообще ни о чём таком не думал!

- Вот! – отозвался Серёга. – И я ни о чём таком не думал! И если бы с папой и мамой я улетел в Таиланд, мы с тобой вообще бы не встретились. Так ведь?

- Да, – кивнул Толик.

- И что получается? – живо проговорил Серёга. – Мы с тобой геями не были, а встретились здесь, в Сосновке, и – геями сразу стали? Какая-то, блин, аномальная зона – эта Сосновка... так получается? – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся. – Фигня это всё! Я, Толян, думаю, что это глупо... – Серёга умолк, думая, как точнее сформулировать мысли, приходящие ему в голову; за всё то время, как возникла в его душе зовущая к траху с Толиком музыка, Серёга ни разу не думал о том, гей он или не гей... и про Толика он не думал тоже – ни разу не думал, гей Толик или нет... просто мысли такие не приходили в голову! Трахаться с Толиком было в кайф, и это было понятно: они сразу, еще до всякого секса, пришлись по душе друг друга... плюс совместное проживание... их подростковая сексуальность была на взлёте, и было бы странно, если б они самым естественным образом не потянулись

друг к друга в поиске новых, еще не испытанных ощущений... да, это было бы странно и ненормально... почему обязательно нужно быть геями? Возможно, через какое-то время у него, у Серёги, тоже возник бы этот вопрос: геи они или просто кайфуют, и тогда бы он, Серёга, этот же вопрос задал бы Толику, но сейчас спросил его Толик, и, отвечая Толику, Серёга в то же время отвечал и самому себе, раз уж тема такая возникла – всплыла-озвучилась. – Да, Толян... я думаю, что всё это глупо! – повторил Серёга.

- Глупо что? – помедлив секунду, уточнил Толик; спрашивая, он в тот же миг поймал себя на мысли, что ему очень важно услышать мнение Серёги, и это было немного необычно... ну, то есть: Серёга не знал самых элементарных вещей – например, как найти Большую Медведицу, или про скорость света в космосе, или про солнечные часы – и это давало Толику ощущение как бы интеллектуального преимущества над Серёгой: Толик в их дружбе был «старшим братом», Серёга был «младшим братом»... а теперь словно всё изменилось, и не Толик что-то рассказывал-объяснял Серёге, не Толик учил Серёгу, как это было, к примеру, на рыбалке, когда Серёга не знал, как нужно вытаскивать из воды огромного сазана, а он, Толик, ждал объяснение от Серёги, как будто Серёга знал что-то о сексе больше него – как будто Серёга по этой части был на порядок опытнее... ничего особенного Серёга не знал и знать не мог, опыт их подростковый был практически одинаков – оба они до встречи в Сосновке просто драчили, как драчат все пацаны в их возрасте, а теперь они вместе открывали н о в ы е, ранее неизвестные им обоим возможности и ощущения... никакого другого опыта в сексе у Серёги не было, и, тем не менее, Толик поймал себя на мысли, что ему очень важно знать, что о возможности их гейства думает Серёга.

- Глупо, Толян, делать выводы – геи мы или не геи... ну, смотри: нам с тобой нравится такой секс? Да, нравится! Мне так очень даже нравится! – Серёга, глядя на Толика, улыбнулся. – Что я об этом думаю? Да ни фиги ничего не

думаю! Точнее, я ничего об этом не думал, а просто мы кайфовали вдвоём, но теперь – благодаря твоей любознательности – я задумался... и вот что я думаю! Давай, я скажу тебе про себя...

- Давай! – согласился Толик.

- Да, если будешь себя хорошо вести, – Серёга многозначительно рассмеялся. – Короче, смотри: Серёга... ну, то есть, Серёга – это, значит, я... так вот, Серёга, как всякий нормальный пацан в расцвете сил, хочет ебаться... понятно, что он не кричит об этом на всех углах, а просто хочет и про себя это знает. Некоторые это хотение тщательно скрывают – всем своим видом показывают, что такое хотение им незнакомо, что они выше этого... ну, то есть, изображают из себя просто святых, потому что ошибочно думают, что хотение секса – это что-то постыдное, что-то такое, что надо скрывать... на мой взгляд, все они просто лицемеры и дураки...ну, или, может, ещё импотенты – я думаю так. Ты, Толян, хотя и куришь, но к импотентам пока не относишься, что меня во всех смыслах очень радует, – Серёга, глядя на Толика, весело Толику подмигнул.

- Спасибо, – Толик, сдерживая улыбку, изобразил на лице выражение кроткой благодарности за сказанные о нём добрые слова.

- Пожалуйста, – не замедлил с ответом Серёга. – Так вот, я продолжаю: Серёга всё время хочет ебаться, ну, то есть, желание такое у Серёги возникает часто, и дома, пока ебаться там было не с кем, Серёга, как любой нормальный пацан, просто дробил – кайфовал сам с собой... и кайфовал, и напряжение сбрасывал – это, надеюсь, тоже понятно... понятно? – Серёга посмотрел на Толика вопросительно, как смотрят в школе учителя, объясняющие на уроке новый материал.

- Понятно, – подтвердил Толик.

- И вот, значит, бойскаут Серёга в полном расцвете сил приезжает в затерявшуюся в Галактике Сосновку, и здесь он знакомится с другим бойскаутом, и этот другой бойскаут Серёге нравится... то есть, нравится просто – не как пацан пацану с прицелом на секс, не по-геевски нравится, а нравится просто как человек... ну, так бывает: появляется во дворе или в классе новый человек, ты еще ничего про него не знаешь, а он тебе сразу, при первом же взгляде, или нравится, или не нравится... у тебя так бывает? – прервал Серёга свой рассказ.

- Да, бывает, – кивнул головой Толик. – Это ауры называются: они либо совпадают, либо нет, и мы это чувствуем сразу.

- Вот! Аура Серёги сразу совпала... я сказал тебе, как зовут того пацана, с которым Серёга познакомился в Сосновке? – снова прервав свой рассказ, Серёга посмотрел на Толика вопросительно.

- Нет, не сказал, – Толик засмеялся.

- Пацана того зовут Толяном, как тебя, – уточнил Серёга. – Так вот... аура Серёги совпала с аурой Толяна, и потому Толян Сереге сразу понравился. Но о сексе с Толяном Серёга даже не думал, потому что... ну, потому что Серёга о каком-либо сексе с пацаном вообще никогда не думал! Наверное, они просто могли бы стать друзьями, и это тоже было бы классно, но так случилось, что в одно прекрасное утро бойскаут Серёга случайно увидел, как бойскаут Толян, стоя в кустах смородины, вместо зарядки и прочих физических упражнений торопливо дробит, то есть делает то же самое, что часто и с удовольствием делал Серёга. Здесь, как в химии, пошла цепная реакция: дроб бойскаута Толяна подействовал на бойскаута Серёгу возбуждающе, и Серёге, естественно, тут же захотелось тоже подрочить, в связи с чем он к Толяну, недолго думая, присоединился. Но даже в тот раз, когда они, стоя в кустах смородины, вместе дробили, то есть каждый

удовлетворял себя сам, Серёга ни о каких других формах совместного секса еще не думал – никаких таких мыслей у него на тот момент не возникло и даже не промелькнуло. Ну, типа потрахаться в жопу или взять друг у друга в рот... таких простых мыслей даже близко не было! А было что? Были кусты смородины, было утро, и было прикольно просто дрочить, стоя рядом с другим пацаном... было прикольно делать это совместно, и всё. Но жизнь не стоит на месте! И потому спустя какое-то время два молодых прекрасных бойскаута... ты понимаешь, Толян, о ком я говорю? – Серёга, глядя на Толика, многозначительно прищурился.

- Понимаю, – Толик, улыбаясь, кивнул головой.

- Так вот, я продолжаю. Спустя очень короткое время два молодых прекрасных бойскаута захотели снова подрочить, но на этот раз захотели они подрочить уже не просто совместно, то есть стоя плечом к плечу, а в виде эксперимента захотели они подрочить взаимно, то есть друг другу, и это, как выяснили бойскауты, тоже было приятно... это было даже приятнее, чем когда Серёга дрочил один, потому что быть в сексе с кем-то всегда приятнее, чем быть одному! Согласен со мной?

- Согласен, – Толик кивнул головой.

- Вот! Ну, а дальше юные, полные сил бойскауты самым естественным образом перешли к более сложным и, соответственно, к более приятным формам сексуального взаимодействия – они начали кайфовать уже типа по-настоящему, обнимаясь и сладко целуясь... всё получилось само собой! Кто-то может воскликнуть: ах, это плохо! это позорно, аморально! На что Серёга может ответить коротко и ясно, всего двумя словами: фиг вам! Это – кайфово и классно! Сначала сами попробуйте, а потом говорите, плохо это или хорошо... Надо рассказывать, как я хотел тебе в попку вставить и почему у нас это не получилось? – Серёга, соскочив с художественного повествования

от третьего лица – изобразив на лице вопрошающую деловитость, посмотрел на Толика строго и внимательно, как смотрит на пациента врач.

- Не надо, – рассмеялся Толик.

- Ну, хорошо! Если ты дальше слушать стесняешься, я перейду к выводам – подведу итог. Кстати... здесь небольшое уточнение: в попку Серёга не трахнул Толяна не потому, что передумал это делать, побоявшись стать геем, а по причине чисто технической, от Серёги с Толяном никак не зависящей... это всего лишь временная осечка, и потому этот пробел будет с успехом ликвидирован в самое ближайшее время – в попку Серёга трахнет Толяна обязательно, потому что такое желание у Серёги уже вполне созрело.

- А Толян в попку трахнет Серого – Толян в попку Серого натянет! – подыгрывая Серёге, Толик тоже сказал о себе в третьем лице.

- Это само собой, – кивнул Серёга. – У Толяна тоже губа не дура, в чём Серёга нисколько не сомневается. Вот, а пока у них с попками вышла осечка по причине отсутствия смазки, они, то есть Серёга и Толян, находясь на необитаемом острове, взяли друг у друга в рот – друг у друга члены пососали... и оказалось, что это тоже классно – Серёге это понравилось, и потому перед сном сегодня он этот кайф снова захочет с Толяном повторить... надеюсь, Толян вечером тоже захочет повторения? – Серёга, глядя на Толика, сделал блудливый взгляд; вопрос, конечно же, был риторический, и Серёга спросил не столько для выяснения перспектив на вечер, сколько для полноты своей «просветительской речи».

- Думаю, что захочет, – улыбнулся Толик.

- А думать здесь нечего! – весело проговорил Серёга. – На сегодняшний день и у Серёги, и у его старшего по возрасту, но младшего по уму брата Толяна есть только два способа снимать сексуальное напряжение: или драть

одинок в кустах, что, в принципе, тоже неплохо, или ебаться-трахаться вместо, что ещё лучше. Из этих двух доступных им вариантов юные бойскауты сознательно выбирают вариант второй как доставляющий наибольшее наслаждение по сравнению с дрочем. Всё! На волнах нашего радио прозвучала передача для подростков «Всё, что хотел ты узнать, но боялся спросить о сексе», в которой по заявке бойскаута Толи мы рассказали историю бойскаута Серёжи, а также поведали, чем бойскаут Серёжа займётся сегодня перед сном в рамках углубления и расширения своего многогранного жизненного опыта. До новых встреч, наши маленькие друзья! Пи-пи-пи. Солнечное время – после обеда. Переходим к водным процедурам! – Серёга, рассмеявшись собственной импровизации, весело посмотрел на Толика. – Ну, как? Понравилась радиопередача?

- Обалдеть! – восхищённо отозвался Толик, глядя на Серёгу весело блестящими глазами. – Ты, блин, Серый, настоящий артист... просто артист! Я вот так не могу...

- Что ты не можешь? – уточнил Серёга.

- Не могу так, как ты, чесать языком. Ты точно артистом будешь... или писателем, – без всякой иронии в голосе проговорил Толик.

- Хочу и артистом быть, и писателем – одновременно! – Серёга скорчил капризную гримасу. – А ещё я хочу ебаться! Ну, не сейчас, не сию минуту, а вообще... и ни с кем попало, а исключительно с одним классным пацаном, который приехал к бабуле в гости...

- И как этого классного пацана зовут? – Толик, весело глядя на Серёгу, хитро прищурился.

- А зовут его... зовут его так же, как тебя! – Серёга, в свою очередь весело глядя на Толика, хитро Толику подмигнул.

- У меня, Серый, практически всё точно так же произошло, как ты рассказал про себя... ну, то есть, ты мне тоже понравился сразу, когда на перроне стал объяснять дедуле, что означает «фак»... – Толик, вспомнив этот эпизод, рассмеялся. – Я только подумал тогда, что ты, наверное, наглый, а ты оказался классный... так же, как и ты, я тоже сначала не думал ни о каком трахе – даже мысли такой у меня не было! Я только чуть испугался, когда ты застукал меня за дробом в кустах смородины... – Толик, вспомнив этот момент, вновь рассмеялся.

- Чего ты, блин, испугался? – не понял Серёга.

- Ну... я подумал, что вдруг ты станешь смеяться – станешь прикалываться надо мной... типа «дробер», «онанист»... ну, и всё такое...

- Вот! Если бы я был глупым или у нас не совпали бы ауры, я бы наверняка так и сделал! – не стал возражать Серёга. – Но это если бы я был глупым... однако твой младший брат, который, если судить по уму, совсем не младший, а старший, проявил житейскую мудрость – он стал рядом с тобой и, без промедления начав делать те же самые движения рукой, тем самым морально поддержал тебя в трудную для тебя минуту и, даже можно сказать, подставил тебе своё крепкое надёжное плечо... согласен со мной?

- Согласен, – не стал отрицать Толик. – Ну, а потом... потом получаться всё стало само собой – кайфовать бойскауты стали вместе, и это... это, блин, классно – здесь я, Серый, с тобой согласен!

- Попробовал бы ты не согласиться... – хмыкнул Серёга.

- Да уж! – хмыкнул Толик в ответ, и они, глядя друг на друга, одновременно рассмеялись. – Но... ты так и не сделал вывод! – Толик, перестав смеяться, посмотрел на Серёгу серьёзно.

- Какой, блин, вывод я не сделал? – искренне удивился Серёга. – Я тебе всё рассказал... каким я был, каким ты стал – всё по полочкам разложил в своей радиопередаче для любознательных слушателей!

- Да, но при этом ты не ответил на мой вопрос – ты не сказал про самое главное: геи Серёга с Толиком или нет?

- Тю, блин! Про самое главное, что волнует тебя, я действительно не сказал – об этом сказать забыл, – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся. – А может, Толян... может, я не случайно забыл сказать, потому что на самом деле это не самое главное? – Серёга на секунду задумался. – Вот смотри... что об этом думаю я: геи мы или не геи – говорить об этом сейчас бессмысленно. У нас с тобой геевский секс, это понятно... мы кайфуем? Кайфуем! Но ведь так кайфовать могут не только геи... если я пососал у тебя, то что – я должен сразу причислить себя к геям? Или вот я тебя трахну в попу... обязательно трахну, и что – ты мгновенно станешь геем? По-моему, всё это фигня – сразу делать такие выводы... ну, типа «всё, я теперь гей!» Я до этого лета вообще ни о чём таком не думал... ну, чтоб потрахаться с пацаном. А встретил тебя – и сразу стал геем? – Серёга умолк, вопросительно глядя на Толика.

- Но ведь нам это нравится, – проговорил Толик, то ли возражая Серёге, то ли вместе с Серёгой думая-размышляя.

- А почему нам это не должно нравиться? – отозвался Серёга. – Это же секс. А секс – это кайф. И мы кайфуем. Что здесь особенного? Это во-первых... – Серёга на миг задумался, глядя на Толика.

- А во-вторых? – напомнил Толик о своём существовании.

- А во-вторых... ты, Толян, трахался с девчонкой?

- Нет, – Толик отрицательно качнул головой. – У нас в классе два пацана утверждают, что они уже трахались, но правда это или нет, никто не знает... я ещё не трахался.

- И я не трахался. Ну, то есть, я тоже ещё не трахался. А всё познаётся в сравнении. Может, с девчонками трахаться еще лучше, чем так, как мы трахаемся сейчас... может такое быть? Может! И какие ж тогда мы геи? Нужно попробовать всё, чтобы делать какие-то выводы. А у нас пока только наш опыт... может, если б в Сосновке были девчонки и мы бы с ними тусили, то между нами при таком раскладе вообще бы секса не было – просто были бы мы друзьями, и всё, без всякого секса... фиг его знает! Мы же не думали о таком сексе до того, как оказаться в Сосновке? Не думали. И если б, к примеру, ты не приехал, я бы теперь здесь просто дрович, как дрович дома, думая о девчонках... – Серёга улыбнулся. – Короче, Толян... ты спросил меня, что я, мудрый твой брат, думаю про тебя: гей ты или не гей...

- Я, вообще-то, спросил про нас, – уточнил Толик.

- Ну, тогда про себя, Толян, ты сам думай-решай, геи ты развратный или ты жертва сложившихся обстоятельств в руках своего невинного брата, – Серёга дурашливо подмигнул Толику. – А про себя я думаю так: закончится это лето, мы разъедемся по домам, и... если я, развращенный тобой, дальше буду хотеть трахаться только с пацанами... и когда я буду дрович, я буду воображать только пацанов... или с пацанами я буду в реале трахаться... и так пройдет год, или два, или даже три года – вот тогда я и задам себе вопрос: «а не гей ли ты, Серёжа?» – тогда я об этом задумаюсь и этот вопрос для себя я буду решать, гей я ли не гей... а сейчас фиг об этом думать? Сейчас, Толян, Серёга кайфует со своим братом, которого, кстати, зовут Толян, и у Серёги нет никакого желания думать о том, о чём Серёга ещё не знает и по причине отсутствия всестороннего опыта знать пока не может. Вот

такой мой вывод! Геи мы или не геи – это покажет будущее! И потом... вот смотри! – Серёга умолк – ему в голову неожиданно, как это часто с ним бывало, пришла новая мысль.

- Что «смотри»? – нарушил молчание Толик.

- Смотри! Ведь может так быть, что я попробую с девчонкой, и мне секс с девчонкой не понравится, и я больше пробовать не захочу – тогда, наверное, можно будет с уверенностью говорить, что я гей. Это один вариант. А может, мне и с девчонками будет нравиться трахаться, и с парнями. Это второй вариант. И если, допустим, я буду трахаться и с девчонками, и с парнями... ну, то есть, мне будет в кайф и там, и там, то тогда я не знаю, кем я буду: геем или не геем. А если с девчонкой мне так понравится, что ни с каким парнем я трахаться больше не захочу, то... опять получается непонятно: я геем был, а потом перестал быть геем? Это ещё один вариант – третий. Короче, фигня получается... и потому, я считаю, бессмысленно думать об этом сейчас, когда ничего неизвестно!

- Ну, может, ты и прав... – медленно проговорил Толик, думая над Серёгиными словами. – Лето кончится, и... всё это тоже кончится.

- Какой ты, Толян, пессимист! – с деланным осуждением в голосе проговорил Серёга. – А, может, наоборот... может, всё только начнётся! Ну, если ты гей... ты чувствуешь, что ты гей?

- Как я могу это чувствовать? – отозвался Толик.

- Ну, я не знаю... – хмыкнул Серёга. – Может, ты хочешь губы покрасить или носик припудрить... есть у тебя такие потаённые желания, которые ты тщательно скрываешь от своего невинного брата? А? Колись, Толян! Если ты гей, то для меня это не станет ударом... я, Толян, при любых раскладах тебя не брошу!

- Иди ты! – рассмеялся Толик. – Сам, блин, припудривай свой носик...
- Ну, как знаешь, – рассмеялся Серёга вслед за Толиком.
- Серый, а что... желание носик припудривать – это признак того, что пацан гей? А если такого желания нет?
- Значит, тогда это гей без такого желания – просто гей, – рассмеялся Серёга и, не удержавшись, вновь потроллил Толика: – Вот как ты, например...
- А если мы правда геи? - пропустив мимо ушей Серёгин подкол, проговорил Толик, и по той интонации, с какой это было сказано, был понятно, что вопрос свой Толик задал не Серёге, а задал он этот вопрос самому себе.
- На колу мочало – начинай сначала! – хмыкнул Серёга. – А если... если, к примеру, два пацана трахнулись раз или даже несколько раз, то это значит, что они обязательно геи? – Серёга, глядя на Толика, прищурился.
- А если им это понравилось? – проговорил Толик, вопрошающе глядя Серёге в глаза.
- И что? Понятно, что им это нравится. Потому что это секс. А секс не может не нравиться!– Серёга подмигнул Толику. – Ты, Толян, паришь мозги и себе, и мне – ты всё зачем-то усложняешь. Ну, вот смотри: мы сейчас дроним, нам это нравится, мы кайфуем... ну, то есть, когда мы дома дроним. Тихо сам с собою... и что? Мы онанисты по жизни? А ты сам мне говорил, что в нашем возрасте парни дронят практически все... дронят парни – все! И что – в с е теперь онанисты по жизни? Фигня всё это!
- Кстати! Я знаю стишок про дрон... – рассмеялся Толик. – Рассказать?

- Толян! – с подчеркнутой укоризной в голосе отозвался – проговорил-воскликнул Серёга. – Конечно, блин, расскажи! Ты мне должен рассказывать всё-всё, что ты знаешь!

- Ну, вот: «Солнце, воздух, онанизм укрепляют организм!»...

- Тю! Это не стишок, а народная мудрость, и я эту мудрость народную слышал и знал ещё до того, как ты родился, – весело произнёс Серёга, всем своим видом демонстрируя явное превосходство над Толиком по части своей сексуальной продвинутости.

- Ну, если учесть, что ты младше меня... – Толик ехидно прищурился.

- Вот ты любишь всякие ненужные детали вставлять в наш разговор! – изобразив на лице досаду, тут же отозвался Серёга и, не давая Толику возможность что-либо сказать в ответ, быстро произнёс:

- Я тоже знаю один стишок! Рассказать?

- Серый! – явно копируя Серёгу, с подчеркнутой укоризной в голосе отозвался – проговорил-воскликнул Толик. – Конечно, блин, расскажи! Ты мне должен рассказывать всё-всё, что знаешь!

- Я и так тебе всё рассказываю – всё тебе объясняю и всему учу! – не замедлил с ответом Серёга. – Слушай! Продолжение темы: «Мы онанисты – народ плечистый...»

- Знаю я этот стишок! – рассмеялся Толик.

- Какой ты, Толян, не деликатный! Мог бы сделать вид, что не знаешь, и дослушать меня до конца, – рассмеялся Серёга в ответ.

- Ну, хорошо! Я не знаю этот стишок... рассказывай! – проговорил Толик, весело глядя на Серёгу.

- Какой ты, Толян, непостоянный... то ты знаешь, то не знаешь! Никакой твёрдой позиции у тебя нет, – хмыкнул Серёга, изобразив на лице осуждение.

- Блин, тебе не угодишь! – Толик изобразил на лице досаду. – Какой ты, Серый, капризный...

- Ну, хорошо! Если ты стих не знаешь, тогда давай вместе его продекламируем для Пирата... выразительно, как на уроке.

- Давай! – рассмеялся Толик, и они, дурачась, «выразительно, как на уроке», лёжа друг против друга, громко продекламировали известное четверостишие, приписываемое пролетарскому поэту В. Маяковскому.

- Пират, блин! Мог бы поаплодировать! Мы для тебя старались! – весело крикнул Серёга.

Весь этот спонтанный, непреднамеренно случившийся разговор на острове, отчасти шуточный, но по большей части серьёзный, неожиданно оказался для обоих мальчишек разговором важным и даже нужным; рано или поздно в той или иной форме такой разговор случился бы всё равно, потому что такой разговор – именно такой разговор, откровенный и открытый, без всяких утаек друг от друга – был, по сути своей, р а з г о в о р о м о в а ж н о м.

Разговоры о важном – это вовсе не та нахраписто насаждаемая лабуда про «духовно-нравственные ценности», которые – при ближайшем рассмотрении, при внедрении их в жизнь – оказываются злобно скалящимися императивами из замшелого дикого Средневековья. Разговоры о важном – это, прежде всего, мысли-разговоры о самом себе, обретение понимания самого себя, своих собственных помыслов и устремлений; это поиск своего места в разноликом мире; это понимание своей – именно своей! – сексуальности; это самоидентификация; это собственная социализация... и всё это, вместе взятое, особенно важно в пору взросления, когда формируются

представления о себе, об окружающем социуме и вообще о мире, – вот что такое настоящие разговоры о действительно важном!

Конечно, Серёга с Толиком не говорили так глубоко и широко, да они и не могли говорить обо всём и сразу, – они говорили о сексе, о с в о е й сексуальной активности, но и этого было достаточно, чтобы продвинуться вперёд на пути своего бушующего взросления к пониманию себя и своей сексуальной практики... мог ли Серёга, объясняя Толику про «хуесосов» и «геев», ошибаться? Конечно, мог! У Серёги было на этот счёт не больше знаний и опыта, чем у Толика, но здесь важно было то, что оба они – и рассуждавший Серёга, и внимавший ему Толик – об этом думали, и не просто думали, а, ничего друг от друга не скрывая, вместе искали с в о и ответы на те неизбежные вопросы, которые возникают у многих в период их взросления, их обретения знаний и опыта...

- Переходим к водным процедурам? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Переходим к водным процедурам! – Толик, сбрасывая с себя груз невольно возникшего разговора, рывком поднялся с покрывала. – Пират, ты с нами?

Пират, не принимавший участия в разговоре и по этой причине снова дремавший, лёжа рядом с покрывалом, услышав призывно прозвучавшее своё имя, по-военному без промедления вскочил – энергично закрутил хвостом, то ли разгоняя сон, то ли радуясь предстоящему общению... Толик с Серёгой, стройные, голенастые, сверкая голыми попами, с весёлым гиканьем устремились к воде, Пират, не отставая, бросился следом – и снова в воде началась вакханалия: мальчишки ныряли и плавали, поочередно, поднимая фонтаны искрящихся на солнце брызг, прыгали с плота, катали на плоту Пирата... верхний слой воды заметно прогрелся, и ощущение наготы в воде как ощущение безграничной свободы поневоле рождало иллюзию абсолютного счастья – безоглядного и беспечного... а может, это была вовсе не иллюзия? Можно думать о счастье, фиксировать счастье, осознаваемо проживать его, анализировать, говорить себе «я счастлив!», а можно, вообще об этом не задумываясь, просто погрузиться в состояние беспечного бытия, когда лето и солнце, школьные каникулы, брызги на воде, звонко смеющийся рядом друг... разве всё это иллюзия? Они снова купались час или больше, Пират снова дважды плавал на берег, чтоб отдохнуть, потом снова возвращался, мальчишки со смехом подсаживали его на плот, катали его на плоту, катали на плоту друг друга, и снова ныряли – снова прыгали с плота поодиночке и вместе, отдыхали, сидя на плоту, болтая ногами в воде... конечно, в Таиланде антураж был бы даже не на порядок, а на порядки комфортнее и понтовитее, но ни на какой Таиланд Серёга теперь не променял бы этот маленький остров, речку, голубое небо, сколоченный дедулей плот, умного Пирата, дедулю с бабулей, дружбу с Толиком – самым классным пацаном на свете... Серёга действительно не думал, геи они с

Толиком или не геи, – было лето, школьные каникулы, и был кайф оттого, что летние каникулы проходят именно так!

Домой они ехали не спеша – усталые, но совершенно довольные проведённым на острове временем; топорик и лопатку они оставили на острове – спрятали в кустах; покрывало, пустой термос и полотенца, которые им так и не пригодились, взяли с собой; плот замаскировали ветками, оттащив его чуть в сторону от того места, где они заходили в воду; там же спрятали цепь с замком для «мустангов»; словом, ехали налегке. Пират бежав впереди – показывал дорогу; время от времени Пират оглядывался и, если видел, что мальчишки отстали, садился на обочину дороги – поджидал не спешащих домой велосипедистов.

Дома Пират первым делом оббежал и обнюхал разные углы и закоулки во дворе на предмет возможного появления во время его отсутствия чужих запахов, но запахи были все знакомые, так что волноваться никаких причин не было, – Толик пристегнул к ошейнику Пирата цепь, Серёга налил Пирату полную миску холодной воды, они загнали в сарай своих «мустангов» и, не заходя в дом, отправились на ужин, сказав Пирату, чтобы он тоже ждал свой ужин.

- Бабуля! – громко, призывно закричал Серёга, едва они вошли во двор Зинаиды Ивановны. – Бойскауты есть хотят! – Мальчишки прошли в беседку, где была летняя кухня, уселись за стол. – Бабуля, давай всё-всё, что есть!

Лицо Зинаиды Ивановны озарилась счастливой улыбкой:

- Проголодались? Сейчас, мои хорошие, сейчас борщ разогрею...

- Толян, принеси борщ из холодильника! – скомандовал Серёга, и Толик сделал движение, чтоб подняться – чтоб идти за борщом, но Зинаида Ивановна махнула рукой:

- Сидите, отдыхайте! Я сама... – Зинаида Ивановна, взяв пустую кастрюлю и половник, направилась в дом. – Мойте руки пока!

- Вот же ты, бабуля... никак не хочешь, чтоб мы помогли, – пробурчал Серёга, глядя на Толика; Толик в ответ молча пожал плечами, показывая, что он что-то сделать здесь не может; Зинаида Ивановна вернулась через минуту, в одной руке держа кастрюлю с борщом, в другой тарелку с котлетами; глядя, как Зинаида Ивановна ставит на плитку кастрюлю и сковородку для разогрева котлет, Серёга жалобным голосом проговорил:

- Бабуля, Толян морил меня голодом...

- Как так? – изумилась Зинаида Ивановна.

- Бабуля, что ты его слушаешь! Он постоянно всё сочиняет! Мы только приплыли на остров, только расположись, и Серый тут же стал говорить, что уже время обеда и что надо уже есть...

- Ну, и поели бы! – рассудила Зинаида Ивановна. – Если есть захотели...

- Бабуля, ты меня слышишь? – с лёгким возмущением в голосе перебил Зинаиду Ивановну Толик. – Час прошел после завтрака... всего час!

- А пирожки были вкуснющие... я такие никогда ещё не ел – они во рту просто таяли! – не стал спорить с Толиком Серёга.

- Так на свежем же воздухе! – лицо Зинаиды Ивановны вновь озарилось улыбкой. – Хорошо отдохнули? – поинтересовалась она, разливая по тарелкам наваристый, тёмно-красный, аппетитно пахнущий борщ.

- Отлично! – не сговариваясь, не глядя друг на друга, в один голос воскликнули Толик с Серёгой и, посмотрев друг на друга, весело рассмеялись. – Пират на плоту катался! – добавил Серёга.

- Глубоко там? – спросила Зинаида Ивановна.

- Бабуля, там отлично! – отозвался Толик, жадно откусывая хлеб. – Там просто отлично!

Мальчишки энергично заработали ложками; Зинаида Ивановна, разложив по тарелкам разогретые котлеты, села за стол – стала резать помидоры к котлетам, делать салат, то и дело с умилением глядя на внуков; аппетит у мальчишек был отменный, и это для Зинаиды Ивановны было самым главным.

- Прибыли, кладоискатели? – пришедший с хоздвора Пётр Степанович сел тоже за стол; одобрительно глядя, как внуки работают ложками, Пётр Степанович не без иронии поинтересовался: – Как успехи – клад не нашли?

- Нет, дедуля, мы сегодня клад не искали, – отозвался Серёга. – Сейчас поедим и всё-всё расскажем!

Рассказывал в основном Серёга, как купались они весь день, как Пирата катали на плоту, как лопату и топорик, которые в первый день негодились, но ещё будут нужны, они спрятали в траве на острове, а плот, когда переплыли назад, оттащили в кусты и там его надёжно замаскировали ветками... рассказывая, Серёга время от времени уточнял у Толика: «да, Толян?» или требовал от Толика подтверждения своим словам: «Подтверди, Толян!» – и Толик, не пытаясь соперничать с Серёгой в искусстве повествования, в ответ или молча кивал головой, или коротко говорил «да», подтверждая тем самым правдивость Серёгиного рассказа; Толик понятия не имел, что думал Пират, катаясь на плоту, но когда Серёга, не скупясь на различные эпитеты и прикольные сравнения, подробно и вдохновенно поведал дедуле и бабуле о переживаниях Пирата во время катания на плоту, Толик прослушал эту захватывающую историю с не меньшим интересом,

чем Пётр Степанович и Зинаида Ивановна, – сочинял Серёга виртуозно... вместе с тем, отсчитываясь об отлично проведенном дне, Серёга готов был в любой момент подсказать Толику помочь бабуле, если вдруг потребуется что-то отнести в холодильник или, наоборот, что-то из дома принести... но бабуле, как назло, никакого дела до холодильника не было – никакая помощь ей не требовалась.

- Значит, понравилось вам на острове? – подвёл итог Пётр Степанович.

- Не то слово! Там просто классно! – наконец-то Толику тоже удалось принять участие в разговоре.

- Вот так и мы когда-то... как уйдем туда на весь день, и весь день там... – Пётр Степанович хотел погрузиться в воспоминания, но Серёга неожиданно перебил его:

- Дедуля... – мысль, такая простая и в то же время легко осуществимая, пришла Серёге в голову внезапно, и Серёга, не долго думая, тут же свою мысль озвучил: – Дедуля, нам с Толяном завтра нужно срочно съездить в райцентр. Свозишь нас?

- Зачем вам в райцентр? – удивился Пётр Степанович.

- Мне нужно деньги положить на телефон – у меня закончился оплаченный срок. А Толяну нужно крем купить от солнечных ожогов... крем Толяну нужен!

- Толя, ты что – обгорел на солнце? – Зинаида Ивановна встревожено посмотрела на Толика. – Дай, я посмотрю...

- Еще, бабуля, не обгорел, но кожа уже начала чесаться на спине и на плечах... да, Толян? – и, не дожидаясь, что Толик скажет в ответ, Серёга тут же пояснил: – Ещё пара дней под солнцем, и кожа может начать облазить...

сможем, дедуля, завтра съездить? Толян крем купит, какой ему нужен, а я деньги положу на телефон – я там видел салоны связи, когда мы ездили в прошлый раз...

- Если поедите, Пётр Степанович, я заодно список составлю, что там ещё надо будет купить, – тут же, сама о том не ведая, пришла на помощь Серёге Зинаида Ивановна. – Масло подсолнечное кончается... соду надо купить, для посуды моющее средство, сухари панировочные...

- Вот, дедуля, видишь, сколько причин завтра съездить в райцентр! – воскликнул Серёга, незаметно толкнув под столом ногу Толика. – Завтра с утра можно будет по-быстрому съездить!

- Да съездим, конечно, это не проблема! – хмыкнул Пётр Степанович. – Просто я хотел предложить вам завтра съездить на рыбалку... ты, Толик, как?

- Всегда готов! – улыбнулся Толик.

- Ну, а Серёгу я даже не спрашиваю! – Пётр Степанович с улыбкой посмотрел на внука. – Он у нас самый заядлый рыбак... так я, Серёга, говорю?

- Ой, дедуля! – с лёгкой укоризной в голосе отозвался Серёга. – Или все уже здесь забыли, как Серёга поймал самую большую рыбу в речке? Как, Толян, называлась та рыба? Вот такая была! – Серёга раздвинул руки сантиметров на семьдесят и, секунду подумав, добавил ещё сантиметров тридцать, показывая, каков у него был улов.

- Сазан, – рассмеялся Толик, искренне не понимая: Серёга реально настолько не разбирается в рыбалке, что даже не знает, какую рыбу он тогда поймал, или он просто придуряется – в обычной своей манере троллит окружающих?

- Да, вот такого сазана поймал! – Серёга хотел ещё немного раздвинуть руки, но подумал, что будет уже перебор.

- Да уж! – Пётр Степанович, глядя на Серёгу, не сдержал иронической улыбки. – Тогда план у нас будет такой: утром я поднимаю вас, мы едем рыбачим, к завтраку возвращаемся, завтракаем и едем в райцентр – там вы покупаете, что вам надо, платите за телефоны...

- Едим мороженое в кафе, – вставил Серёга.

- Едите мороженое, – кивнул Пётр Степанович. – Выполняем заказ бабушки, на обратном пути заезжаем в строительный магазин, где мы были в прошлый раз, там покупаем три бруса шестиметровых для Машки, чтобы к зиме ей крышу перекрыть, нам их там распилят все пополам на трехметровые, вы поможете мне погрузить их на багажник, и к обеду мы возвращаемся... пойдёт такой план? – Пётр Степанович поочередно посмотрел на Толика и Серёгу.

- Дедуля, ты самый лучший планировщик на нашей улице! – одобрил Серёга план Петра Степановича. – А после обеда мы съездим на остров – покупаемся и, если будет солнцепёк, испытаем там крем от ожогов... да, Толян?

- Да, – кивнул Толик.

- Вот и отлично! Тогда идёмте снасти к рыбалке подготовим, чтобы с утра с этим не возиться – чтобы пораньше поехать... – Пётр Степанович встал из-за стола.

- Так вы на ужин вернетесь? – Зинаида Ивановна поочередно посмотрела на Серёгу и Толика.

- Бабуля, какой ужин? Мы с Толянком наелись до завтрашнего утра... да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика. – Или ты ещё есть захочешь к вечеру?

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – А Пират когда ужинать будет? – Толик посмотрел на Пётра Степановича.

- Снасти подготовим, и вы вернётесь со мной – заберёте ужин для Пирата, – проговорил Пётр Степанович. – Может, и сами ещё подзакусите...

- Дедуля, ты издеваешься? – весело отозвался Серёга. – Куда ещё подзакусывать? У Толяна и так живот как барабан! – Серёга, вставая из-за стола, со смехом хлопнул ладонью Толика по животу и тут же, смеясь, отпрыгнул, отскочил в сторону, чтоб не получить ответку.

Дома Толик и Серёга поочередно – по причине присутствия дедули – сходили в душ; затем, пока Толик с Петром Степановичем разбирали удочки и говорили о рыбалке, Серёга налил в бак воду, затем Толик подготовил удочки Серёгины, попутно объясняя Серёге, как нужно правильно ловить рыбу; потом они все втроём вернулись назад, «в пункт приёма пищи» – дедуля остался там, а Серёга с Толиком, отказавшись от ужина, взяв ужин для Пирата, пожелали бабуле с дедулей спокойной ночи и «направили копыта» к месту своей постоянной дислокации, – на улице начинало медленно темнеть.

- Серый, как ты ловко придумал с поездкой в райцентр! – похвалил Серёгу Толик. – Только на фиг ты сказал, что я обгораю на солнце? Я вообще никогда не обгораю – у меня кожа летом ни разу ещё не слазила...

- Я тоже никогда не обгораю, – тут же парировал Серёга. – Но кто-то же из нас должен обгорать, чтоб был повод легально купить нужный нам крем! – Серёга весело посмотрел на Толика.

- Вот и сказал бы, что кожа чешется у тебя! – хмыкнул Толик.

- Мне за телефон надо заплатить, а тебе крем нужен, – тут же отозвался Серёга. – Я наши потребности разделил поровну, так что, Толян, всё правильно я придумал! За телефон мне, кстати, реально надо платить – через три дня у меня кончается оплаченный срок. И крем тебе нужен реально, чтобы я смог тебе вставить, – Серёга, весело подмигнув Толику, весело рассмеялся.

- Ну, кто кому будет вставлять, мой младший брат, жаждущий быть изнасилованным, это мы ещё посмотрим, – рассмеялся в ответ Толик, так же весело подмигнув Серёге.

- Это по возрасту я твой младший брат, и ты, пользуясь моим малолетством, меня насилуешь, а по уму я брат старший – не забывай об этом! – Серёга, дурачась, толкнул Толика плечом в плечо.

- Ну... вообще-то, конечно, ты молодец! Не совсем дурак... – Толик, дурачась, толкнув плечом в плечо Серёгу, и они, глядя друг на друга, снова весело рассмеялись: завтра у них будет с м а з к а, и... настроение у мальчишек, уже предвкушающих новый, ещё неведомый им к а й ф, было отличное!

Они прошли переулок и повернули на свою улицу, когда их обогнул мотоцикл – обогнал и, резко сбросив скорость, остановился метрах в пяти впереди; мотоциклист оглянулся назад – к подходящим к нему мальчишкам.

- Привет, пацаны! – это был тот самый белобрысый парень, который на речке несколько дней тому назад хотел покататься на «мустангах» и о котором потом говорили Пётр Степанович и Зинаида Ивановна, называя этого парня Колькой... да, точно: бабуля называла парня Колькой, сокрушаясь о его непутёвой жизни.

- Привет! – отозвался Серёга; Толик промолчал – не сказал ничего; подойдя к мотоциклу, мальчишки остановились; парень был трезвый, смотрел на мальчишек с нормальной, вполне доброжелательной улыбкой, и ничего непутёвого в его облике не было.

- Куда идёте? – спросил парень, посмотрев на баллончик с кашей для Пирата.

- Собаку кормить, – снова отозвался Серёга, не назвав имя Пирата, а сказав о Пирате в таком – безымянном – формате.

- Это того волкодава, что сидит на цепи у Степаныча? – коротко рассмеялся парень; ни Серёга, ни Толик в ответ ничего не сказали, и парень тут же сменил тему: – А я вчера мотоцикл купил... старый, правда, лет десять здесь простоял у одной бабки в сарае, но... не мотоцикл, а зверь – работает как новый!

Мотоцикл действительно был старый – не в смысле своей изношенности или побитости, а в том смысле, что выглядел он так же «современно», как современно выглядел дедулин «Москвич», и в то же время мотоцикл вместе с коляской казался тяжелым, массивным, внушительным, – Толик подумал, что примерно такие мотоциклы он видел в каком-то фильме про войну, где на таких мотоциклах ездили немцы... правда, в фильме том на колясках были установлены пулемёты, а у этого мотоцикла пулемёта не было, и всё равно... было какое-то сходство!

- Хотите покататься? – предложил парень; он проговорил это так естественно и просто, как будто они, то есть он и Серёга с Толиком, были друзьями или, во всяком случае, давно и хорошо друг друга знали.

- Нет, нам нужно собаку кормить, – отрицательно покачал головой Серёга и, чтоб не обижать доброжелательного парня, добавил: – В следующий раз...

- Можно в райцентр сгонять, если хотите... классный мотоцикл! – парень то ли не расслышал, что нужно кормить Пирата, то ли сделал вид, что не расслышал. – Время ещё детское... дискотек там сегодня нет, но по бутылочке пива, если будет желание, выпить сможете... за час туда-сюда управимся! – парень смотрел на мальчишек вопросительно и весело, предлагая им прокататься-развлечься; было лето, сумерки ещё не наступили, время было детское... ну, и почему бы не прокатиться? Покормить сейчас быстро Пирата, и – вперёд!

- Нет, – твёрдо проговорил Толик; толкнул Серёгу в плечо, он так же твёрдо добавил. – Мы пошли.

- Ну, как хотите! – весело, легко и беззаботно проговорил парень; он не стал настаивать на своём предложении, не стал спрашивать, почему они не хотят прокатиться-развлечься, просто сказал «как хотите» и, выжав сцепление – переключив передачу, резко рванул с места.

- Странный какой-то... – проговорил Толик, глядя вслед удаляющемуся рёву мотоцикла.

- Почему странный? – не согласился с Толиком Серёга. – Видимо, здесь похвастаться своим байком особо не перед кем, и он перед нами покрасовался... придурок, короче! Но моцик классный – реально зверь! Хотя явное ретро...

Пират при появлении Толика и Серёги, выразительно глядя на баллончик с кашей, так радостно закрутил хвостом, что Серёга не удержался от замечания:

- Пират, у тебя сейчас хвост оторвётся!

Пока Пират ел, Толик покурил – выкурил первую сигарету за весь день!

- Толян! Думаю, ты не будешь отрицать моё позитивное влияние на ослабление твоей зависимости от никотина? Я не курю, и ты, глядя на меня, начинаешь курить с каждым днём всё меньше и меньше – берёшь пример с меня, своего умного некурящего брата... согласен со мной?

- Согласен, – Толик улыбнулся. – Я весь день не курил, и сейчас даже голова немного закружилась... просто улёт!

- В каком смысле? – уточнил Серёга.

- Ну... если, к примеру, ты дрочишь каждый день, то это просто кайф. А если несколько дней не дрочить, и потом ты кончаешь, то кайф намного сильнее... типа тоже улёт – даже больно становится, У тебя так было? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Было, – Серёга кивнул головой. – Только я, если три дня не подрочу, то потом очень быстро кончаю – минуту подвигаю на залупе шкурку, и всё, тут же спускаю... короткий кайф! Потому мне врач приписал дрочить каждый день, чтобы всё было в норме.

- Какой врач? – Толик удивленно округлил глаза.

- Медсестра в нашей школе, – тут же отозвался Серёга. – Я рассказал ей об этой проблеме, она мне сама подрочила и сказала...

- Иди ты! – Толик, засмеявшись, легонько стукнул Серёгу ладонью по затылку. – Я, блин, чуть не поверил... с тобой, Серый, никогда не знаешь, где ты правду говоришь, а где врёшь! Медсестра ему в школе подрочила... офигеть!

- Я не вру, а сочиняю, а это, между прочим, не одно и то же, – уточнил Серёга, весело глядя на Толика. – Ты же сам мне сказал, что я буду

писателем... вот я и тренируюсь – иногда что-нибудь сочиняю! Логично? – Серёга, изловчившись, в ответ стукнул ладонью по затылку Толика.

- Блин! – Толик молниеносно обхватил рукой Серёгу за шею, притянул Серёгу к себе, вжался щекой своей в щеку Серёгину. – Ты на кого руку поднял? На старшего брата? – прошептал Толик с деланной угрозой в голосе.

- Ой, Толян,пусти! – заверещал Серёга, не пытаясь, впрочем, вырваться – не предпринимая никаких усилий, чтоб освободиться от согнутой в локте руки Толика. – Я уже запутался, когда ты старший брат, а когда младший...пусти! Смотри, Пират хочет пить...пусти, я налью Пирату воды!

Пират, съев всю кашу, отошел от миски в сторону – терпеливо ждал, когда кто-то из мальчишек сполоснёт его миску и нальёт туда воду.

- Наливай, – Толик, освободив шею Серёги от захвата – отстранившись от Серёги, потянулся за ещё одной сигаретой.

- Ты видел, Пират? Нравится Толяну меня обнимать – не может без этого... всё время хочет меня потискать – домогается до меня при каждом удобном случае... такой, блин, возбудимый! Видел, Пират? Всё время лезет ко мне... говорит мне: сила есть – ума не надо... видел, как он меня сейчас прижал к себе? Это же ужас – ни стыда, ни совести! А что он делает со мной в комнате! Ты, Пират, даже представить не можешь... хотя, что там представлять – ты сегодня всё видел на острове сам... или ты всё проспал? – говоря это, Серёга принёс миску с водой, поставил её на место. – Пей, Пират!

Толик, слушая Серёгу, невольно улыбался... классно у него, у Серёги, это получалось – на ходу выдумывать-сочинять разные прикольные истории... и вообще Серёга был классный, – Толик слушал Серёгу, и ему казалось, что он знает Серёгу уже сто лет... Пират, вильнув хвостом – подождав, пока Серёга

от миски отойдёт, стал жадно лакать воду, а Серёга, возвращаясь к Толику, с самым невинным видом «доложил» Толику:

- Я сейчас, пока делал Пирату его фирменный взвар, заодно рассказал ему про тебя, какой ты клёвый пацан... сказал, что ты настоящий брат! Подробно всё расписал...

- Я слышал, что ты Пирату рассказывал – как ты подробно расписывал, – хмыкнул Толик. – Сочинитель, блин... точно будешь писателем – у тебя, Серый, талант по ушам ездить!

- Спасибо, – проговорил Серёга с кротостью в голосе, одновременно с этим изобразив кротость на лице.

- Пожалуйста – отозвался Толик, шутливо толкнув Серёгу плечом в плечо; они помолчали; уже стемнело – на Сосновку опустилась душная летняя ночь; Пират, напившись, то ли уснул, то ли прикинулся спящим, чтобы дезориентировать в случае чего монстров, вампиров и прочую нечисть, если вдруг те захотят покуситься на беззаботную жизнь юных хозяев дома.

- Толян... а ты, когда школу закончишь, кем хочешь стать? – негромко проговорил Серёга, посмотрев на Толика вопросительно и серьёзно, без малейшего намёка на какое-либо ёрничество.

- Не знаю, – Толик, так же серьёзно посмотрев на Серёгу, пожал плечами. – Мне про космос нравится читать... разные фильмы научные или научные ролики в интернете про космос смотреть, узнавать что-то новое... еще про всякие путешествия мне интересно – как совершали раньше кругосветные плавания, как открывали разные континенты... а ты кем хочешь стать?

- Я вообще не знаю, – отозвался Серёга. – Мне всё интересно... и при этом нет чего-то такого, чем бы я интересовался особо, как ты... это плохо? –

Серёга смотрел на Толика так, как будто Толик мог ему, Серёге, ответить на этот вопрос.

- Я не знаю, – Толик снова пожал плечами.

- Блин, а ты должен знать, если ты мой старший брат! – с шутливым напором проговорил Серёга и, резко меняя тональность разговора, так же резко сменил тему. – Идём, Толян, спать?

- Идём! – Толик резко поднялся, и его белые плавки трусы с округло выпирающим бугорком оказались на уровне Серёгина лица.

- Ой! – дурашливо вскрикнул Серёга, глядя на выпуклость. – А что это здесь у нас скрыто – что здесь спрятано? – Серёга, не вставая, дурашливо потянулся губами к округлому бугорку.

- Серый! – Толик, дёрнув задом назад – не давая Серёге прикоснуться губами к своим трусам, тихо рассмеялся. – Пират, посмотри, что он делает!

Лежащий на земле Пират открыл глаза, но ничего нового для себя не увидел и потому, не вставая, всего лишь пошевелил хвостом – то ли таким образом подтверждая, что он всё видит, то ли просто проверяя, на месте ли хвост.

- А что я делаю? – Серёга с деланным недоумением на лице поднял вверх глаза – посмотрел на Толика как бы непонимающим взглядом. – Какой ты, Толян, подозрительный! Вот скажи мне: ты о чём сейчас подумал?

- Мы, блин, сегодня два раза кончали, – засмеялся Толик.

- И что? – невозмутимо отозвался Серёга. – Бог любит троицу... это во-первых. Во-вторых, я обратил внимание, что ты выкурил за вечер две сигареты... две сигареты одну за другой!

- И что? – не понял Толик; смеясь – продолжая уворачиваться от Серёгиных губ, Толик крутил задом, в то время как Серёга, обхватив ладонями булочки Толика, старался зафиксировать Толика на месте.

- А то! – живо отозвался Серёга. – Я теперь должен проверить, всё ли в порядке у тебя с потенцией... или ты, думаешь, что меня вопрос этот волновать не должен? Ошибаешься, Толян...

Серёга почувствовал, как член у него стал медленно наполняться сладостью, увеличиваясь в размере – постепенно, но неуклонно затвердевая. И Толик, со смехом вырываясь из рук Серёги, почувствовал то же самое... это было не обычное, стремительно набирающее силу неодолимое желание немедленного траха, а томительно-сладостное ощущение неспешного, постепенно нарастающего возбуждения, когда даже не совсем понятно, хочется переходить к каким-то действиям – к дичку или к траху, или можно потянуть это ощущение как можно дольше...

- Какой ты, Серый, дурак! Про мою потенцию он волнуется... завтра мы купим крем, и ты про мою потенцию всё узнаешь! – Толик, тихо смеясь, на какой миг перестал сопротивляться, и Серёга, резко приблизив пах Толика к своему лицу, прижался губами к белым Толиковым трусам, ощутив под кottonовой тканью трусов горячую твёрдость; Серёга пошевелил губами и, оторвав губы от трусов – продолжая ладонями держать Толика за ягодицы, посмотрел на Толика снизу вверх.

- Как сказал наш дедуля, никогда не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня, – проговорил Серёга с назидательной интонацией в голосе.

- Это сказал не наш дедуля, а это сказал кто-то ещё... это известное выражение, – отозвался любящий точность Толик.

- Ну, всё равно... какая, блин разница, кто это сказал? Сейчас тебе говорю это я! – Серёга легонько сжал, стиснул ладонями сочно-упругие круглые булочки Толиковой попы. – Завтра – это будет завтра. А сегодня – это сегодня. Что ты имеешь против?

- Я ничего не имею против, – рассмеялся Толик. – А только сегодня смазки у нас ещё нет...

- Пират, ты слышал? – живо отозвался Серёга с деланным возмущением в голосе. – У Толяна все мысли крутятся только вокруг смазки... только об этом он думает – о том, как проверить мою потенцию своей сладенькой попочкой! А что у бойскаутов есть и другие не менее эффективные способы, об этом Толян наш типа не знает! Просто маньяк какой-то, а не Толян... идём, блин, спать! – Серёга резко встал на ноги, и его плавки-трусы тут же оттопырились, натянулись углом под напором твёрдо-напряженного члена. – Всё, Пират, мы уходим – Толян уводит меня в комнату, чтоб там домогаться до меня без свидетелей... идём, развратник! – Серёга, скользнув ладонью по попе Толика, подтолкнул смеющегося Толика к открытой входной двери.

Они не дошли ни до кроватей, ни даже до комнаты, где были кровати, – в полутёмном коридоре, освещенным лунным светом, лившимся через открытую дверь, Серёга резко повернул Толика к себе лицом и, одной рукой обхватив «развратника» за шею, другую руку сунув «развратнику» в трусы, жадным горячим ртом впился в губы Толика... руки Толика сами собой скользнули под резинку Серёгиных трусов, – обхватив ладонями сочно-упругие половинки-булочки, Толик притянул Серёгу к себе, прижал его к себе, чувствуя пахом напряженно твердый Серегин член... так они, освещённые лунным светом, с чуть приспущенными на ягодицах трусами стояли в коридоре, жарко сопя, лаская друг друга, поочерёдно один одного целуя взасос... много ли надо мальчишкам в четырнадцать лет, чтоб

возбуждаться – чтоб загореться огнём юного ненасытного желания? Они сами не заметили, как возбуждение их из фазы сладкой приятности переросло в фазу неодолимого желания...

- Толян, идём... идём в комнату! – прошептал Серёга, отрываясь от губ Толика.

В комнате Серёга включил ночник, но он еле светил, и Серёга, щелкнув выключателем, включил большой – верхний – свет; Толик, подтянув трусы, повалился на свою постель – лёг на спину, чуть раздвинув при этом ноги врозь, не зная, что именно предпримет Серёга на этот раз; смазки у них не было, чтобы двинуться дальше в познании новых, ещё неизведанных ощущений, но были с успехом опробованы и даже освоены разные другие вполне эффективные способы, способные доставить себе и друг другу желаемое наслаждение, – Серёга, подойдя к постели Толика, секунду-другую молча смотрел на лежащего перед ним Толика, словно раздумывая, что предпринять на этот раз; трусы Серёга не снял, и они, натянутые возбуждённым членом, бугристо топорщились, выпирали колом; трусы лежащего на спине Толика точно так же были натянуты, дыбились конусом – устремлённым вверх бугром, и Серёга, мимолётно улыбнувшись Толику, ничего не говоря, опустился перед постелью Толика вниз – стал на колени...

Серёга проделал всё так, как будто он делал это уже сто раз: стоя на коленях, он оттянул резинку трусов Толика, отчего член Толика, почувствовав свободу, пружинисто дёрнулся, с размаху шлёпнул Толика по золотистому плоскому животу и, чуть приподнявшись над животом, в таком положении вытянулся, вздрагивая от напряжения; Серёга, одной рукой удерживая резинку Толиков трусов под мошонкой Толика, другой рукой привёл член Толика в вертикальное положение, одновременно с этим сильнее оттянув крайнюю плоть к основанию, так что головка обнажилась полностью, и, без

всякого рефлектирующего промедления качнувшись головой вперёд и вниз, насадил свой округлённо открывшийся рот на сочно-алую головку, – всё это произошло так быстро и так естественно, что Толик невольно вздрогнул, почувствовав, как горячие влажные губы Серёги плотным, мягко обжимающим, обволакивающим кольцом скользнули по головке... они это делали – уже делали! – на острове, Серёга сосал член Толика, а Толик сосал член Серёгин, и всё равно... всё равно это было словно впервые, – приподняв голову, затаив дыхание, чувствуя, как забилося, застучало у него под левым набухшим, вмиг затвердевшим соском сердце, Толик смотрел на свой напряженный, вертикально торчащий член, на Серёгины губы, обжавшие ствол, и... жаром полыхающая сладость растекалась по телу Толика, – Серёга ритмично заколыхал, задвигал головой вверх-вниз, двигая крайнюю плоть, скользя языком по головке... одной рукой продолжая удерживать член в вертикальном положении – не выпуская член изо рта, не прекращая движение головой, Серёга другой рукой потянул трусы Толика вниз, к ногам, и Толик, помогая Серёге, чуть приподнялся, подался бёдрами вверх, оторвав попу от простыни, – трусы оказались полуприспущены, Серёга втиснул ладонь свободной руки между Толиковыми ногами, прижал ладонь к набухшей промежности, Толик, чуть приподняв колени, тут же интуитивно раздвинул ноги, давая свободу Серёгиной ладони – подумав, что Серёга будет ласкать промежность, но Серёга, не прекращая размеренно двигать головой, подогнув три пальца, чтоб они не мешали, указательным пальцем двинулся дальше, и... Толик почувствовал, как Серёга, протиснув палец между ягодицами, прикоснулся подушечкой пальца к пламенеющей, жаром зудящей туго стиснутой дырочке, – конвульсивно вздрогнув от этого обжигающего прикосновения, от наслаждения, вызванного этим прикосновением, Толик откинулся на подушку, всецело отдавшись во власть Серёгиных губ и его пальца...

Прошла, может, минута или две... ритмично двигая головой – ртом насаживаясь на распираемый от наслаждения член Толика, лёгким движением пальца шевеля, массируя сладостью зудящее Толиково очко, Серёга каким-то седьмым чувством почувствовал, что Толик уже на финишной прямой, – выпустив покрасневший от напряжения член изо рта, сглотнув слюну, Серёга повернул голову – посмотрел на лежащего с закрытыми глазами Толика:

- Толян... – негромко проговорил Серёга, – ты, я смотрю, приторчал не по-детски... или уснул? – Серёга даже в т а к о й момент не смог удержаться от лёгкого ёрничества.

Толик открыл глаза и, явно не понимая, отчего кайф вдруг прервался, приподнял голову – посмотрел на Серёгу чуть затуманенным взглядом... словно из космоса посмотрел, – он, Толик, уже был на финишной прямой, уже чувствовал, как невидимая галактика в его попе ширится, набухает, готовая вот-вот взорваться нестерпимо сладким огнём...

- Серый... – выдохнул Толик, словно в прострации. – Ты чего? Я кончу сейчас... соси! – в этом последнем слове отчётливо прозвучала и просьба, и мольба, и нетерпение.

- Хочешь мне кончить в рот? – прошептал Серёга, вопрошающе глядя Толику в глаза; собственно, он, Серёга, для того и прервался, чтоб уточнить этот вопрос. – В рот мне... хочешь?

- Не знаю... а ты сам... ты хочешь? – отозвался Толик, вопрошающе глядя в глаза Серёги.

- Я тоже не знаю... – признался Серёга. – Давай, если хочешь... потом я тебе тоже кончу в рот... согласен?

- Согласен... – тут же, ни мгновения не раздумывая, отозвался Толик. – Соси...

- Сосу! – выдохнул Серёга и, мимолётно улыбнувшись, опять не удержался от лёгкого подкола. – Ты только не спи...

Седьмое чувство не обмануло Серёгу – не прошло и минуты, как Толик, содрогнувшись, дёрнул ногами, стремительно выгнулся – подался членом вверх, и Серёга почувствовал, как рот его в один миг наполнился вязкой, чуть солоноватой субстанцией – спермой Толика... впрочем, спермы было не очень много – сказался, видимо, тот факт, что это была уже третья разрядка за день, – Серёга, соскользнув губами с головки Толикова члена, секунду-другую, округлив щёки, держал сперму Толика во рту, не зная, что делать с ней дальше, на полу был расстелен палас, и Серёга не столько осознанно, сколько инстинктивно сделал глотательное движение, освобождая – опорожняя – рот...

Потом у Серёги сосал Толик; они не стали меняться местами, а только сменили конфигурацию: Толик, оставшись лежать на постели, повернулся набок, Серёга, поднявшись с коленей, чуть передвинулся – стал так, чтоб его напряженно торчащий член оказался напротив рта Толика, Толик, опершись локтём на подушку, чуть приподнялся, чтоб его рот оказался на уровне члена Серёги, и... это была другая т е х н и к а – не Толик, двигая головой, член Серёгин сосал, а Серёга, двигая бёдрами, Толика в рот е б а л... именно такой смысл можно было бы увидеть в активности Серёги и в пассивности Толика, но это, во-первых, ничуть не меняло суть, а во-вторых, то, что Серёга снова всё делал сам, было отчасти рационально: кончивший, сбросивший напряжение Толик уже не горел возбуждением, а, будучи сексуально удовлетворённым, всецело – и физически, и душевно – был умиротворен, что, в свою очередь, мало способствовало деятельному участию; конечно,

если б Серёга захотел, чтобы Толик у него сосал точно так же, как это делал сам Серёга, то он, Толик, тоже двигал бы головой, насаживая свой рот на Серёгин член, но Серёга сам захотел по-другому, он не стал меняться с Толиком местами, и потому была другая конфигурация: Толик лежал на боку, просто подставив свой рот под горячий Серёгин член, а Серёга, стоя на сугь расставленных ногах, ритмично двигал бёдрами, отчего его голые булочки сладострастно играли, разжимались-сжимались в такт движению по-мальчишески округлых бёдер, – обхватив ладонями голову Толика, Серый дробил свой член во рту Толяна, и член его, окольцованный жаром чуть припухших, влажно обжимающих губ, распираемый внутренним напряжением, казалось, с каждым поступательно-возвратным движением всё больше и больше наполнялся зудящей сладостью...

Оргазм, как всегда, накатил стремительно – Серёга, прогнувшись в сторону Толика, с силой сжал, стиснул мышцы огнём полыхнувшего ануса, и в то же мгновение член его, непроизвольно дёрнувшись, выстрелил, выпустил сперму Толику в рот, – ощутив-почувствовав, как горячая струйка скользнула по нёбу, Толик инстинктивно дёрнул головой, желая освободить свой рот от члена, но Серёга удёржал его, не дал соскочить, и вовсе не потому, что он, Серёга, хотел, чтобы Толик поперхнулся или захлебнулся, а потому, что на какой-то миг волна сладости прокатилась по телу Серёги, и член его во рту Толика был частью этой сладости... волна прокатилась и схлынула – сладость, как всегда, стала рассасываться, исчезать, испаряться, – Серёга убрал ладони с головы Толика, и Толик, в ту же секунду соскользнув губами с побагровевшей головки Серёгиного члена, плотно сжал губы, удерживая то, что было у него во рту; вскинув глаза вверх, Толик вопросительно смотрел на Серёгу, не зная, что ему делать: взгляд у Толика был вопрошающим, даже немного беспомощным – словно Серёга был опытным или старшим, точно знающим, как поступать в таких случаях.

- Глотай! – коротко проговорил Серёга, и Толик, сделав над собой усилие, с трудом продавил в себя то клейкое и горячее, что было у него во рту.

- Блин... какая гадость! – выдохнул Толик, вытирая тыльной стороной ладони мокрые губы. – Я проглотил твою сперму...

- Я твою тоже не выплюнул, – отозвался Серёга, натягивая трусы; он смотрел на Толика весело, как-то отчаянно бесшабашно, словно они только что провернули какое-то дело, и удача не обманула их. – Толян, ты прикинь! Я тебя в ы е б а л р т о м и в ы е б а л в р о т... счёт два ноль!

- Ты у меня отсосал, – уточнил Толик, н а у р о в н е п о д с о з н а н и я не желая в обоих случаях быть в пассивной роли.

- А я о чём говорю? Я у тебя отсосал – ртом тебя выебал, а потом ты рот подставил, и я тебя выебал в рот – это ж, Толян, одно и то же! В смысле, что я трудился изо всех сил, а ты никакого участия не принимал – никак мне в этом не помогал... согласен?

- Согласен, – не стал спорить Толик из-за такого пустяка. – Надевай трусы – пойдём зубы почистим!

Была уже ночь; Пират, увидев мальчишек на крыльце, радостно закрутил, завилял хвостом, словно спрашивая у них, как они без него, без Пирата, провели время.

- Ох, Пират! Знал бы ты, какой наш Толян развратник... уму непостижимо! Два раза меня изнасиловал – и писюном своих бесстыжим, и ртом разговорчивым... что делается на белом свете! – Серёга, на секунду остановившись рядом с Пиратом, потрепал Пирата по голове; Толик, ничего не говоря, тихо рассмеялся.

Они почистили зубы, и Толику захотелось ещё покурить; он сходил за гараж, где была у него спрятана пачка с сигаретами, принёс оттуда сигарету

- Толян! – неодобрительно проговорил Серёга, садясь рядом с Толиком на ступеньку крыльца. – Ты, блин, совсем недавно выкурил две сигареты подряд...

- И что? – невозмутимо отозвался Толик, выпуская в сторону от Серёги облачко сизого дыма. – Ты же сам мне сказал, что бог любит троицу. Так ведь?

- Я не это имел в виду – не количество сигарет, – тут же в ответ произнёс Серёга. – Бог... ну, то есть, я и бог имели в виду совсем другую троицу.

- Серый, а ты что – веришь в бога? – Толик, снова выпустив в сторону от Серёги струйку сизого дыма, посмотрел на Серёгу внимательно.

- Ну, когда как... – хмыкнул Серёга. – Когда надо, то верю...

- А «когда надо» – это когда? – уточнил Толик.

- Ну... – Серёга, глядя на Толика, на секунду задумался, вспоминая, когда ему это было нужно. – Вот, например, в конце года мы писали контрольный тест по английскому, и от этого теста зависло, будет у меня за год “четвёртка” или “тройка”. Я перед тестом попросил бога, чтоб он мне помог написать тест...

- И что? – с едва скрытой иронией в голосе поинтересовался Толик.

- И то! Никакой помощи от бога не было – тест я написал на “двойку”... и с итоговой контрольной по алгебре была точно такая же история... – припомнил Серёга свои обиды на бога.

- Ну, так, Серый... не зря же говорят «На бога надейся, а сам не плошай!», – резонно заметил Толик.

- Ну, и на фиг тогда этот бог нужен, если «сам не плошай»? – резонно заметил Серёга. – Получается, что это не бог, а какая-то подстава, и нет от него никакой реальной поддержки... так получается? Зачем тогда в него верить?

- Я где-то читал... – Толик, сделав последнюю затяжку, погасил сигарету, – где-то читал, что людям нужно обязательно во что-то или в кого-то верить. Кто-то верит в бога, кто-то верит в монстров, кто-то верит ещё во что-то. У людей обязательно должен быть идол. Вот для этого и придумали бога... я думаю, Серый, что верить нужно только в себя – на себя надо всегда надеяться, а не на бога.

-Да, – отозвался Серега, – я тоже думаю так. Просто хочется иногда, чтобы кто-то помог, и тогда вспоминаешь про бога. А это фигня! На себя нужно надеяться и... нам ещё друг на друга можно надеяться. Согласен?

- Согласен, – Толик кивнул головой.

Уснули они практически мгновенно, едва прикоснулись головами к подушкам, – бесконечно длинный летний день закончился для Серёги и Толика уже за полночь.

На рыбалке Серёга ничего не поймал; Пётр Степанович и Толик поймали по несколько рыб разного вида и разного размера, а Серёга вообще ни одной рыбы не поймал, как говорится, от слова «совсем», и за завтраком он жаловался Зинаиде Ивановне:

- Представь, бабуля, какая в речке дурная рыба! Она проплывает мимо моего крючка и тут же цепляется за крючок или Толяна, или дедули – они ловят, а

мне одно огорчение. Жду, жду... выдерну из воды крючок – ни наживки, ни рыбы... представляешь, бабуля? Они ловят, а я стою, как дурак... ни одной рыбки нет!

- Правильно! У тебя клюёт, а ты стоишь, как баран, не водишь, не подсекаешь – рыба стянет с крючка твоего червяка, поплывёт дальше ко мне или к дедуле, а мы её упс – и на берег! – чуть запальчиво объяснял Сереге Толик.

- Чего я стою, как баран? – не соглашался с Толиком Серёга. – Я вот так смотрел... бабуля, посмотри, как я смотрел на поплавок, чтобы клёв не проморгать... вот так смотрел! – Серёга округлял глаза, отчего взгляд его становился бессмысленным и глупым; Пётр Степанович и Зинаида Ивановна, глядя на Серёгу, смеялись, а Толик хотя и улыбался, но смотрел на Серёгу с досадой:

- Я тебе два раза кричал, что у тебя клюёт! А ты? – Толику очень хотелось, чтоб Серёга тоже что-нибудь поймал – чтоб Серёга не потерял интерес к рыбалке, и потому Толик следил не только за поплавком на своей удочке, но и всё время посматривал на поплавок на удочке Серёгиной.

- А что я? Ты крикнул – я дёрнул... дёрнул, а рыбы нет! Рыба, бабуля, – объяснял Серёга Зинаиде Ивановне, – съела моего червяка и поплыла к Толяну... или к дедуле – кто-то из них мою рыбу поймал!

- Да что ж за рыба такая глупая! – Зинаида Ивановна, в какой-то момент понявшая, что Серёга дурачится, возмущенно вздыхала.

- Вам в следующий раз нужно брать одну удочку на двоих: ты, Толик, будешь ловить, а Серёга пусть рядом стоит – учится, – не без лёгкой иронии смеялся Пётр Степанович. – Или наоборот: Серёга будет удочку держать в руках, а ты, Толик, будешь рядом стоять – будешь ему подсказывать...

- Так и сделаем в следующий раз, – соглашался с Петром Степановичем Толик. – Серый будет удочку держать, а я буду ему подсказывать, если он не понимает, когда рыба клюёт, и стоит, как баран... вот так стоит, – Толик, передразнивая Серёгу, тоже смешно округлял глаза.

- Ой, учитель нашелся! – не соглашался с Толиком Серёга. – А что – здесь уже все забыли, как я поймал самую большую рыбу по имени... как, Толян, называлась эта большая рыба?

Словом, завтрак – за обсуждением разных тонкостей рыбалки – прошел весело. В райцентре, в «Салоне Связи», Серёга оплатил тариф на следующий месяц и практически сразу ему пришло sms-уведомление о том, что деньги успешно зачислены и что ему, Сергею, желают и дальше пользоваться всеми возможностями интернет-связи.

- Ага, особенно в Сосновке, где нет интернета, – ехидно прокомментировал Серёга, мимолётно глянув на это «издевательское» уведомление.

- А зачем ты платишь, если нет интернета – если ты им не пользуешься? – поинтересовался Пётр Степанович. – Не плати пока.

- Дедуля, я плачу по тарифу не отдельно за интернет, а плачу за пакет услуг, куда интернет входит, и им там без разницы, есть у меня трафик или нет, – пояснил Серёга Пётру Степановичу. – Где у вас здесь крем продают для Толяна? – Серёга вопросительно посмотрел на Пётра Степановича, и в голосе Серёгином прозвучала неподдельная деловитость.

Накануне Серёга уже озвучил, что «кожа начала чесаться на спине и на плечах» именно у него, у Толика, и потому Толик в ответ на «крем для Толяна» промолчал – никак не отозвался.

- Да кто ж его знает, где такой крем продаётся... может, в аптеке? – предположил Пётр Степанович. – Аптека вот, напротив, – Пётр Степанович кивком головы показал на противоположную сторону небольшой площади.

- Так, дедуля! Ты подожди нас в машине, а мы сейчас мигом туда-назад, – всё тем же деловым тоном быстро проговорил Серёга и, чтоб пресечь возможное желание Пётра Степановича тоже прогуляться с внуками до аптеки, дёрнул Толика за руку: – Идём, Толян! Мы быстро, дедуля!

В аптеке было прохладно, пусто и – после яркого солнечного света – при закрытых витражных окнах сумрачно; скучающая аптекарша – толстая женщина в белом халате – вопросительно посмотрела на вошедших мальчишек.

- Нам нужен крем от солнца, – автоматически поздоровавшись, объяснил Серёга цель своего появления в этом храме поддержания здоровья. – Есть такой?

- Вам крем солнцезащитный или крем от солнечных ожогов? – дежурным голосом уточнила толстая женщина в белом халате.

- Ну... – Серёга, на мгновение растерявшись, вопросительно посмотрел на стоявшего рядом Толика; Толик молча пожал плечами, и Серёга снова посмотрел на аптекаршу. – А какая разница?

- Солнцезащитный крем защищает кожу от вредного воздействия солнечных ультрафиолетовых лучей, а крем от уже полученных солнечных ожогов заживляет и восстанавливает кожу после ожога, – пояснила аптекарша. – Вам какой нужен крем?

- Ну... первый, солнцезащитный, – ответил Серёга, подумав, что никаких ожогов ни у Толика, ни у него нет.

Толстая женщина в белом халате, глядя на монитор стоявшего перед ней компьютера, постучала пальцами по клавиатуре и, назвав цену, равнодушно спросила:

- Будете брать?

- Конечно! – уверенно проговорил Серёга, доставая из кармана шорт небольшое портмоне. – И ещё нам нужен смазывающий крем для...

Конечно, Серёга – при всей его склонности к постоянному дурачеству, при всём умении сначала говорить, а потом думать – чётко понимал, где та «красная линия», переступить за которую нельзя, и всё равно, услышав «ещё нам нужен смазывающий крем для...», Толик невольно напрягся... эту толстую женщину в белом халате они наверняка никогда уже больше не увидят, и всё равно... все равно Толик невольно напрягся, не зная, что на этот раз пришло Серёге в голову.

- Крем для смазывания рук, – проговорил Серёга. – У нашей бабули после мытья посуды сохнет кожа на руках... сохнет и шелушится – она попросила купить ей какой-нибудь сочный крем, чтоб руки смазывать... есть такой крем?

- Есть смягчающий, есть увлажняющий... есть крем, одновременно смягчающий и увлажняющий с небольшим обезболивающим эффектом... – дежурным голосом проинформировала Серёгу толстая женщина в белом халате, расширяя скромные Серёгины познания в области парфюмерии.

- Толян, какой крем будем брать? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика. – Помнишь, какой крем нам бабуля заказывала – смягчающий или увлажняющий?

- Не помню, – буркнул Толик, готовый провалиться сквозь землю.

- Ну, тогда дайте тот, который два в одном – чтоб увлажнял и смягчал одновременно. Я думаю, обезболивающий эффект тоже не помешает. Два тюбика давайте!

Аптекарьша снова постучала одним пальцем по клавиатуре, сказала общую сумму за три крема, Серёга расплатился, взял драгоценную попку, на автомате сказал «спасибо» и «до свидания», Толик тоже, вслед за Серёгой, сказал «до свидания», и мальчишки покинули аптеку.

- Блин, ты просто идиот какой-то! – прошептал Толик, едва они оказались на улице.

- Что такое? – Серёга, изобразив на лице смесь удивления и недоумения, посмотрел на Толика с самым невинным видом.

- На фиг ты сочинил сказку про бабулю? – Толик, глядя на Серёгу, не знал, смеяться ему или злиться.

- А что я, по-твоему, должен был сказать? «Дайте мне крем, чтоб мой старший брат, который рядом стоит, мог увлажнить и смягчить свою очень тугую дырочку в попе»... так, что ли? – Серёга, глядя на Толика, весело рассмеялся. – Всё я правильно сочинил! На, один крем, Толян, ты положи в свой карман, а один я положу в карман свой, чтоб дедуля не видел. А этот смело носи в руке – для отчета перед дедулей.

- А на фига ты купил два тюбика? – с недоумением в голосе проговорил Толик, беря из Серёгиных рук и «крем от солнца», и «крем для смазки».

- А вдруг одного не хватит? – отозвался Серёга. – Может, много его потребуется...

- Откуда ты знаешь, сколько потребуется? – улыбаясь, хмыкнул Толик.

- Толян, какой ты придурок! – Серёга посмотрел на Толика и, довольный решенным вопросом со смазкой, весело рассмеялся. – Я потому и купил два тюбика, что я не знаю! Может, нужно было не два, а три тюбика покупать... с обезболивающим эффектом! Сегодня, блин, всё узнаем – попробуем-испытаем... – Серёга, говоря это, почувствовал, как член его в плавках предвкушающе отозвался лёгким приятным зудом. – Хотя... если ты считаешь, что два тюбика мало, мы можем вернуться и купить ещё пару тюбиков, чтобы хватило уже наверняка... вернёмся?

- Иди, блин, вперёд, не останавливайся! – простонал Толик, толкая Серёгу в спину.

- Ну, Толик, купил ты, что тебе надо? – спросил Пётр Степанович, когда мальчишки подошли.

- Купил! – вместо Толика бодро ответил Серёга. – Толян, покажи дедуле крем!

- Ты, Серёга, Толику не даёшь рот открыть – за двоих молотишь языком! – рассмеялся Пётр Степанович.

- Дедуля! Ты сам прекрасно видишь, что Толян по складу характера стеснительный и потому молчаливый... из него слово доброе не вытянешь! Если мы будем ждать, пока он ответит, то мы никуда больше не успеем, а у нас ещё куча дел! Где здесь у вас большой-пребольшой магазин с едой, где мы исполним все бабулины пожелания? Ты, дедуля, записку бабулину не потерял?

- Не потерял! – отозвался Пётр Степанович; сдерживая улыбку.

- Тогда идёмте! Веди нас, дедуля! – скомандовал Серёга. – Типа ты, дедуля, будешь гидом, а мы с Толяном иностранные туристы, прибывшие из далёкой африканской страны посмотреть на здешние достопримечательности...

- А почему именно из африканской страны? – поинтересовался Пётр Степанович.

- Там, дедуля, живут древние люди. У них нет интернета, нет телефонной связи... ну, типа как в нашей Сосновке! Подтверди, Толян!

У Серёги было отличное настроение – энергия из него была ключом; Пётр Степанович и Толик посмотрели друг на друга, и Толик чуть пожал плечами, словно жестом этим Петру Степановичу говоря: против лома нет приёма.

В большом продуктовом супермаркете они довольно быстро загрузили тележку – корзину на колесиках – всем тем, что заказала купить Зинаида Ивановна.

- Ну, вроде всё... двигаемся к кассе! – скомандовал Пётр Степанович.

- погоди, дедуля! Давай еще купим сосиски, – остановил Серёга Петра Степановича.

- Зачем нам сосиски? – искренне удивился Пётр Степанович. – Есть дома котлеты, есть мясо... или нормальная пища уже надоела?

- Это, дедуля, нам с Толяном надо, когда мы завтра на остров на весь день поедem. Не возьмём же мы котлеты или мясо в такую жару! А сосиски в вакууме – их на костре поджаривают, как шашлыки, и получаются почти шашлыки. Толян такие любит. Да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- Я вообще такие, как ты говоришь, шашлыки из сосисок ни разу не ел! Чтоб на костре их жарить... никогда не ел! – признался Толик.

- Значит, попробуешь! – не растерялся Серёга. – Мы иногда так делаем на даче, когда нужно по-быстрому перекусить... нормально получается! Ещё кетчуп к ним купим острый, и ты, Толян, вообще пальчики оближешь! – Серёга весело подмигнул Толику.

- Я тоже никогда такой шашлык не ел, – хмыкнул Пётр Степанович.

- Ты тоже, дедуля, попробуешь! – обнадѣжил Серёга Петра Степановича. – Дома тоже сделаем, чтоб ты, дедуля, с бабулей тоже попробовали! Я сам сейчас всё выберу – положитесь на меня!

В корзину добавилось несколько вакуумных упаковок с сосисками и дой-пак с кетчупом. Для Пирата Серёга выбрал недорогие шпикачки.

- Разбалуете вы Пирата, – с лёгким неодобрением в голосе проговорил Пётр Степанович. – То пирожки, то колбаса...

- Дедуля! – с лёгким укором в голосе проникновенно проговорил Серёга. – Пират тоже хочет иногда что-нибудь вкусненькое покушать, и пара пирожков или небольшая шпикачечка его прирождённый вкус не испортят...

- Ох, Серёга! – рассмеялся Пётр Степанович. – Язык у тебя – как помело!

- Я, дедуля, всегда и везде говорю только по делу, Толян не даст соврать, – не задержался с ответом Серёга.

В кафе «Сказка» они заказали мороженое, и, пока ели, Толик сфотографировал Серёгу с дедулей, потом Серёга сфотографировал с дедулей Толика, потом Пётр Степанович – после небольшого Серёгиного инструктажа, как надо фотографировать – сфотографировал Серёгу с Толиком, причем, Серёге фотография не понравилась, и Пётр Степанович сфотографировал внуков несколько раз, пока оба они, рядом сидящие за столиком, не остались удовлетворены своими изображениями «на память», –

получилась небольшая фотосессия; еще сделали общую фотографию – Серёга попросил проходившую мимо женщину сфотографировать их втроём, и получилась неплохая фотография с сидящим между внуками Петром Степановичем; поскольку все фотографии делались на Серёгин телефон, Толик сказал, чтоб Серёга все фотографии перебросил по блютузу на телефон ему, что Серёга тут же и сделал.

- Домой приедем и еще с бабулей пофоткаемся, – сказал Серёга. – Ещё, Толян, нужно на острове пофотографироваться. И ещё с Пиратом обязательно!

- Да, это тоже надо, – согласился с Серёгой Толик.

Пользуясь тем, что в райцентре был интернет, Серёга с Толиком показали друг другу свои профили в социальной сети: у Толика в ленте среди разного хлама, характерного для тинэйджеров, было много фотографий звёздного неба и отдельных звёзд, а также картинки разных красивых парусников; у Серёги в ленте преобладали разные гифки и короткие смешные ролики, а также фотки одноклассников и одноклассниц; Серёга добавил в категорию «друзья» Толика, Толик в своём профиле добавил в «друзья» Серёгу, и они оба разместили в своих профилях только что сделанные фотографии, точнее, разместили по одной фотографии – той, которая им обоим понравилась больше всего: они, улыбаясь, сидели за столиком плечом к плечу, оба были довольными, по-летнему беспечными, счастливыми... хорошая получилась фотография! Серёга сделал репосты из ленты Толика в ленту свою – зарепостил картинку звездного неба, где были обе Медведицы и Полярная звезда, и ещё зарепостил какой-то красивый парусник; Толик тоже сделал репост – разместил у себя запись Серёги с прикольной гифкой; Толик хотел позвонить домой, но вместо звонка отправил сообщение «у меня всё отлично! мы в райцентре бабушка дома», прикрепив к сообщению две фотографии – где он один и где они втроём; Серёга хотел посмотреть

профиль мамы и вдруг поймал себя на мысли, что ему совершенно не интересно смотреть фотки с видами Таиланда, которые мама наверняка в своём профиле выложила, – Серёга тоже отправил сообщение «у меня всё отлично!», прикрепив к сообщению две фотографии – ту, где он один, и ту, где они втроём. Словом, посещение «Сказки» получилось вполне плодотворным!

Потом они заехали в строительный магазин – там дедуле за небольшую отдельную плату распилили купленные деревянные брусы, мальчишки погрузили их на багажник дедулиного ретро-ё-мобиля, Пётр Степанович укрепил брусы на багажнике специальным ремнём, чтоб, как сказал Серёга, не потерять их по дороге, и аккуратно к обеду они вернулись домой, все трое вполне довольные совершенным вояжем, – вся намеченная программа была с успехом выполнена!

За обедом мальчишки подробно проинформировали Зинаиду Пётровну о поездке; после обеда с энтузиазмом устроили новую фотосессию: Толик с бабулей, Серёга с бабулей, бабуля с дедулей, бабуля с Серёгой и Толиком, бабуля с половником и тарелкой... ещё нужно было сделать общую фотографию, но для общей фотографии не было фотографа, и это отложили на потом.

- Толя, а крем... крем ты купил, какой тебе нужен? – с беспокойством в голосе поинтересовалась Зинаида Пётровна.

- Толян, покажи бабуле крем! – распорядился Серёга и тут же словоохотливо пояснил: – Это, бабуля, крем не от солнечных ожогов, которых у Толяна ещё нет, а крем защитный, такие ожоги предотвращающий. Сегодня мы крем на Толяне испытаем – поедem сейчас на остров и там проверим, насколько крем эффективен! Да, Толян? – Серёга весело посмотрел на Толика. – Ты нам,

бабуля, только взвара в термос налей – вдруг мы там пить захотим... есть холодный взвар?

- Есть, налью сейчас! А сосиски вы зря купили, – не одобрила Зинаида Ивановна. – Пока вы здесь, у нас, нужно есть натуральное мясо... и котлеты из натурального мяса! А сосиски сейчас неизвестно из чего делают...

Серёга весело пообещал Зинаиде Ивановне, что она и дедуля «пальчики оближут», когда они с Толяном поджарят сосиски на костре... но не сейчас, а в какой-нибудь другой день, когда будет время, а пока, сказал Серёга, « пусть сосиски лежат в морозилке».

- Так вы на остров сейчас поедете? – уточнил Пётр Степанович.

- Да, дедуля, съездим покупаемся, – отозвался Серёга. – Пирата, Толян, мы будем сегодня брать или не будем? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика и, не дав Толику даже секунду для того, чтобы что-то ответить, тут же ответил на свой вопрос, заданный Толику, сам: – Пирата, дедуля, мы брать сегодня не будем, пусть отдыхает. Да, Толян? Бабуля, давай обед для Пирата и взвар для нас – мы пойдём. У Толяна, я вижу, шкура опять зачесалась – надо крем испытать... должен помочь! Согласен, Толян?

- Толя! Может, тебе дать кислое молоко? Оно тоже помогает – смажешь спину и плечи, – предложила Зинаида Ивановна.

- Поздно, бабуля! – весело ответил Серёга. – У Толяна теперь есть крем, чтоб облегчить страдания!

По пути к «месту постоянной дислокации» Серёга сказал, что один тюбик с кремом они возьмут с собой, а другой тюбик оставят дома.

- Видишь, какой я умный? Чтоб не возить крем туда-сюда, я купил два тюбика – похвалил Серёга сам себя. – Согласен со мной?

- Ты, Серый, так сильно хочешь, чтоб я тебе вставил? – Толик, глядя на Серёгу, тихо рассмеялся.

- А ты типа не хочешь... – отозвался Серёга, тут же изобразив на лице блудливое выражение.

Они покормили Пирата – подождали, пока Пират поест, налили Пирату воду, выгнали из сарая своих «мустангов»; Пират, увидев «мустангов», радостно завилял хвостом, но Серёга сказал, что он, Пират, сегодня останется дома.

- Сегодня, Пиратик, я буду Толика в попку драть, а ты не утерпишь – начнешь за нами подсматривать, а нам в таком деле свидетели ни к чему, – сказал Серёга, погладив Пирата по голове, и Пирату ничего не оставалось, кроме как маханием хвоста пожелать мальчишкам удачи.

Подгоняемые вновь зазвучавшей музыкой – нажимая на педали, мальчишки довольно быстро домчались на своих «мустангах» до острова; «мустангов» они, как в прошлый раз, спеленали цепью, потом спустили на воду плот, положив в «багажное отделение» покрывало, термос со взваром и тубик с кремом – никакого другого имущества для переправки на остров в этот раз у них не было, – верхний слой воды уже успел прогреться, они доплыли до острова, вылезли из воды, вытащили на берег плот.

- Толян, снимаем трусы? – спросил Серёга, словно сделать это и ему, и Толику предстояло впервые.

- А ты как думаешь? – с лёгкой иронией в голосе отозвался Толик, и они, глядя друг на друга, точнее, глядя друг на друга ниже пояса, сдёрнули с себя трусы.

Понятно, что ничего нового ни Серёга, ни Толик, сняв трусы, не увидели, и всё равно... всё равно было какое-то странное чувство **н е с п е ш н о с т и**,

какой-то неторопливости; казалось бы, никаких препятствий не было для осуществления желаемого, они оба хотели этого, оба к этому стремились, они говорили об этом и это обсуждали – открыто, без всяких иамёков и недоговорённостей... и вот, когда всё-всё-всё было готово, каждый из них своей неспешностью словно стал притормаживать дальнейшее развитие событий – словно стал, сам того не осознавая, оттягивать то, к чему стремился и чего хотел... всё, что до этого между ними было, происходило спонтанно, без какой-то мыслительной подготовки: и Серёга, и Толик до своей встречи в Сосновке совершенно не думали о каком-либо однополлом сексе, они не проигрывали такой секс в своих подростковых фантазиях, и, с юным упоением мастурбируя в одиночестве, они такой секс не представляли и уж тем более о таком сексе не мечтали... они просто встретились – пути их взросления пересеклись, и они, не извращённые лживыми «скрепами», предназначенными для умерщвления радости секса, не растленные насаждаемыми «традиционными ценностями», такими же лживыми и лицемерными, предназначенными для сведения многоликого секса к биологической функции пополнения стада, вдруг услышали музыку... неистребимая, совершенно нормальная, абсолютно естественная на пути стремительного взросления жажда секса, всем ветрам открытая юность, мальчишеская симпатия, с первого дня знакомства взаимно возникшая, уединение совместного проживания – всё это, вместе взятое, непреднамеренно, но вполне предсказуемо сплавилось-переплелось и стало той музыкой, что поманила-позвала их за горизонт, ограничивающий их сексуальный опыт, обещая новые знания и новые ощущения, – всё это было спонтанно, всё было непреднамеренно и потому всё было естественно и ненапряжно... и когда Толик, больше Серёги склонный к мыслительным процессам и разным анализам, на пути их общих открытий чуть споткнулся, из плоского в н е ш н е г о мира гопников употребив применительно к себе и к Серёге похабное слово «хуесосы», Серёга легко и просто объяснил и

Толику, и себе, в чём разница между «формально» и «по существу», – всё у них, у Серёги и Толика, в расширении их сексуального опыта получалось само собой, всё было спонтанно и естественно, без рефлексий и ярлыков, порой отравляющих жизнь... и вдруг, когда всё было готово, чтоб шагнуть дальше в своих сексуальных познаниях, совершенно неожиданно возникла заминка, и даже не заминка, а какое-то странное чувство **н е с п е ш н о с т и**, неторопливости, словно каждый из них бессознательно стал притормаживать дальнейшее развитие событий, – члены у обоих были не напряжены... и хотя члены не висели совсем уж безразлично к предстоящему, а были похожи на чуть приподнятые средней величины сардельки, но всё равно они не дыбились, не торчали твёрдыми стояками, рвущимися в бой на волне горячего возбуждения... может, всё дело было в том, что всё, что происходило ранее, происходило спонтанно, сексуальная активность диктовалась предварительно возникшим возбуждением, а теперь всё было наоборот – всё было спланировано, ожидаемо... и эта предварительная договорённость, это знание, **ч т о и к а к** сейчас должно быть, каким-то образом не способствовали, а совсем наоборот – мешали безоглядному броску вперёд, к покорению новой вершины разноликого секса? Фиг его знает! Психология и поведения, и мотиваций – это не то, что всегда лежит на поверхности.

- Где покрывало расстелем? В холодке? – спросил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

- В холодке, конечно, – отозвался Толик.

Они прошли к кустам и, взяв покрывало с двух сторон за концы, расстелили, натянули-расправили его на траве... а может, всё дело было в том, что члены мальчишек просто отогревались после пребывания в холодной воде, и

требовалось пусть небольшое, но какое-то время, чтобы они снова пришли в состояние боеготовности?

- Толян... кто кого первый будет – ты меня или я тебя? – Серёга вновь вопросительно посмотрел на Толика.

- Я не знаю... – чуть помедлив, произнёс Толик, в свою очередь вопросительно глядя на Серёгу. – А ты сам как хочешь?

- Я тоже не знаю. Давай, я тебя первый... – предложил Серёга, откручивая на тюбике с кремом длинный белый колпачок. – А потом меня ты... согласен?

- Согласен, – Толик кивнул головой и, видя, как Серёга безуспешно пытается ногтём разорвать серебристую перепонку в тонком горлышке тюбика, подсказал: – Ты обратной стороной колпачка проткни – там для этого специальная заострённая кнопка должна быть, чтоб протыкать...

- Ты, Толян, специалист, – рассмеялся Серёга; он вскрыл тюбик и, поднеся горлышко к носу, понюхал. – Сладкий запах... ну, чего ты стоишь, как солдат на параде? Ложись... или раком становись... давай, как тебе удобней...

Между тем, члены у обоих мальчишек стали подниматься... выпрямляясь, вытягиваясь в длину, члены принимали боевое положение, и это естественным образом отзывалось и в промежности, и в мышцах ануса пока ещё лёгким, но уже ощутимо сладким, хорошо знакомым покалыванием – предвкушением кайфа.

Толик опустил на покрывало, но не стал на колени – не коленно-локтевую позу принял, а лёг на спину, снизу вверх глядя на Серёгу, точнее, глядя на окончательно затвердевший, вверх задравшийся Серёгин член.

- Толян... если ты хочешь первым, то давай ты меня... а потом тебя я... – неожиданно проговорил Серёга, вопросительно глядя сверху вниз на

лежащего перед ним голого Толика с точно таким возбуждённым, напряженно вздрагивающим членом.

- Серый, блин... чего ты менжуешься? Давай уже... мажь свою залупу! Трахнешь меня – потом я тебе вставлю! – Толик, разведя свои ноги врозь, одновременно вскинул их вверх, прижав колени к плечам; булочки Толика распахнулись, разошлись в стороны, так что бледно-коричневой кружок, окаймлённый не густыми, но длинными черными волосами, в центре которого была туго стиснутая точка входа, оказался перед Серёгой как на ладони... и ведь что интересно: отверстие ануса не называют в х о д о м, но его также не называют и в ы х о д о м, а называют з а д н и м п р о х о д о м, а это значит, что предназначен он как для выхода, так и для входа... ну, то есть, туда-сюда...

Серёга, сильней оттянув на твёрдом члене крайнюю плоть, так что рубец крайней плоти стал практически незаметным, приставил к раздувшейся, сочно пламенеющей головке тонкое горлышко тубика, осторожно надавил на тубик пальцами, и из горлышка на головку белой змейкой выдавилась необходимая для таких дел с м а з к а.

- Толян, много надо? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Да откуда я знаю? – отозвался Толик, наблюдая за действиями Серёги. – Хватит пока... размазывай крем по залупе!

Серёга, бросив тубик на край покрывала, пальцами одной руки держа член у основания, указательным пальцем руки другой круговым движением размазал крем по головке.

- Ну, Толян... идут последние мгновения твоей девственности! «Анатолий! Вы хотите что-нибудь сказать для прессы? Может, хотите сделать какое-

нибудь заявление или поделиться своими чувствами?» – ёрничая; проговорил Серёга, глядя на Толика сверху вниз.

- Серый, блин! Ну, ты придурок... – Толик, глядя на Серёгу снизу вверх, невольно рассмеялся. – Я, блин, устал уже ноги держать! Ты, блин, будешь меня ебать? Или мы с тобой сейчас меняемся местами!

- «На вопрос нашего корреспондента бойскаут Анатолий заявил, что ему не терпится и что он устал ждать осуществления своей мечты. Наш корреспондент обратился к бойскауту Сергею: “Сергей, вы готовы помочь Анатолию осуществить его мечту?” “Всегда готов!” – не задумываясь, ответил бойскаут Сергей на вопрос нашего любопытного корреспондента»...

- Всё, блин! Сейчас буду я осуществлять мечту бойскаута Сергея... меняемся, блин, местами! – Толик хотел опустить ноги, но Серёга, опережая Толика, быстро опустился на колени, оказавшись аккуратно перед раздвинутыми, поднятыми вверх ногами лежащего на спине Толика.

- Лежи, Толян! – торопливо выдохнул Серёга; он и сам не знал, зачем он своим дурачеством предстоящий п е р в ы й а н а л ь н ы й а к т превращал в балаган... потому что он, Серёга, во всё любил приносить элемент несерьёзности и ёрничества – и теперь он тоже не смог удержаться? Или была какая-то другая причина, им неосознаваемая?

Очко Толика было как на ладони; Толик ждал, разведя запрокинутые вверх ноги, прижимая ноги руками к груди... жаром палило полуденное солнце, но покрывало они расстелили под кустом, в тени, и лучи солнца не доставали до них, – Серёга на коленях придвинулся к Толику ближе, чуть подался вперёд, опёршись ладонью одной руки на покрывало, и, изогнувшись, опустив голову – глядя на Толиково очко, пальцами другой руки направил член... они уже делали так – они пытались вставить один в другого свои стояки, но в тот

первый раз ни у Серёги, ни у Толика ничего не получилось, их усилия, обусловленные возбуждением, юностью и желанием испытать новые ощущения, не дали желаемого результата, и они нашли этому здоровое объяснение: сухую т а к о е не осуществить – нужна смазка; отчасти это было верно – надеяться вставить член в попу нахрапом, без применения смазки, могли только малолетние неофиты, какими они, Серёга и Толик, были; теперь же головка Серёгина члена была обильно смазана купленным в аптеке кремом, «увлажняющим и смягчающим, с эффектом обезболивания», и ничто не свидетельствовало о том, что может что-то пойти не так, – Серёга приставил сочно блестящую головку своего члена к очку Толика, решительно надавил головкой на туго стиснутый вход, и...

Почему они думали, что наличие смазки в месте соприкосновения головки и входа автоматически приведёт к желаемому проникновению – легко распахнёт врата Рая, открывая путь к еще неизведанному ими уголку райского наслаждения? Серёга решительно надавил головкой члена на туго стиснутый вход, и... он, Серёга, успел почувствовать, как головка его возбуждённого члена, растянув поддавшиеся напору мышцы Толикова сфинктера, наполовину вскользнула вовнутрь, и... практически в то же мгновение Толик, невольно вскрикнув, исказив от боли лицо, инстинктивно дёрнулся в сторону, уворачиваясь от напора, от стремительной атаки на свою пацанячью девственность, – внезапно опалившая, тупо раздирающая боль в заднем проходе показалась Толику невыносимой...

- Толян, ты чего? – возбуждённо прошептал Серёга, не понимая такой внезапной, неожиданной реакции со стороны Толика. – Я же тебе уже всунул... полшишки всунул! Давай...

- Серый... я не могу! – выдохнул Толик.

- Чего ты не можешь? – искренне не понимая, в чём проблема, торопливо и так же возбуждённо прошептал Серёга. – Я уже всунул, а ты, блин, дёрнулся... ты чего?

- Больно, блин... – как-то беспомощно, даже жалобно отозвался Толик.

- Может, надо лучше смазать – надо больше крема? – тут же предположил Серёга.

- Я не знаю... – отозвался Толик; боль, опалившая задний проход, медленно испарялась, улетучивалась... он, Толик, сам не понимал, почему стало так больно, когда Серёга попытался всунуть свой член ему, Толику, в очко. – Смажь ещё! – прошептал Толик, глядя на напряженно торчащий Серёгин стояк.

Серёга, на коленях стоявший перед лежащим на спине Толиком, молча колыхнулся всем корпусом в сторону, взял на краю покрывала лежащий тюбик, вернулся в исходное положение и, выдавив крем на залупу, снова размазал его указательным пальцем по пламенеющей, жирно блестящей головке.

- Может, очко надо тоже смазывать? – предположил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

- Серый, откуда я знаю! – отозвался Толик с лёгкой досадой в голосе. – Смажь... хуже не будет!

Серёга пальцем, которым он наносил крем на головку своего члена, прикоснулся к очку Толика, и Толик, почувствовав это лёгкое, едва уловимое прикосновение, непроизвольно дёрнул ногами – словно ток пробежал по всему телу!

- Приятно? – тихо засмеялся Серёга.

- Мажь! – не говоря ни «нет», ни «да», односложно отозвался Толик, держа руками запрокинутые вверх и согнутые в коленях, прижатые к груди ноги; это было действительно приятно – подушечка Серёгина пальца не давила, а скользящим круговым движением лишь касалась сжатых мышц сфинктера, отчего мышцы эти сладострастно шевелились – подёргивались-сжимались.

- Толян... ты что – приторчал? – снова рассмеялся Серёга, глядя на лицо Толика; он чуть надавил пальцем на смазанное очко... он хотел всунуть Толику в туго сомкнутую дурочку свой указательный палец, но отчего-то тут же передумал это делать. – Всё, хватит! Теперь всё будет ок – всё получится отлично... давай!

Серёга, шире раздвинув колени, снова придвинулся к Толику, снова опёрся ладонью одной руки на покрывало, пальцами другой руки направил член, – опустив голову – глядя на смазанное очко Толика, Серёга приставил смазанную головку члена к стиснутой, но тоже смазанной дырочке, и... опять ничего не получилось, – Серёга решительно надавил, и точно так же, как в первый раз, Толик, исказив от боли лицо, дёрнулся, ступнями ног отталкивая Серёгу от себя.

- Ну, блин же... Толян! – с неподдельным отчаянием в голосе выдохнул Серёга. – Чего ты?! Всё же, блин, смазали!

- Больно, – коротко выдохнул-отозвался Толик, беспомощно глядя на нависающего над ним Серёгу. – Я не могу...

- Чего ты не можешь? Все могут, а ты не можешь... – с едва уловимой досадой в голосе проговорил Серёга и, не давая Толику ни секунды для ответа, он со свойственной ему импульсивностью тут же принял решение: – Меняемся местами! Давай, ты мне вставишь...

Они поменялись местами: теперь Серёга лежал на спине, точно так же, как Толик, подняв вверх ноги – прижимая колени к плечам, а не трахнутый, не проткнутый Толик, член которого от бездействия чуть ослаб, но теперь, при смене конфигурации, вновь боевито воспрянул и каменно затвердел, стоя на коленях перед пополам сложившимся Серёгой, тщательно размазывал по головке крем, – он, Толик, уже предвкушал, и от этого предвкушения его по-прежнему девственная дырочка, туго сжатая, сомкнутая, наполнялась сладким привычным покалыванием...

- Не понимаю, как может быть больно, если мы применяем смазку... – проговорил Серёга, наблюдая, как палец Толика делает круговые движения. – Может, Толян, ты дурил меня, чтоб насадить меня первым?

- Сейчас узнаешь, – с улыбкой пообещал Толик, и улыбка у Толика получилась многозначительная, так что было непонятно, Толик этой улыбкой приободрил Серёгу или, наоборот, ему погрозил.

- Смажь мне очко, – потребовал Серёга.

- Само собой, – отозвался Толик; он точно так же, как до этого делал Серёга, притронулся пальцем к Серёгиному очку, круговыми движениями пальца смазал Серёгин кружочек кремом и, предвкушающе глядя на Серёгу – передразнивая Серёгу, весело проговорил: – «Бойскаут Сергей! Вы ничего не хотите сказать нашему корреспонденту? Может, хотите сделать какое-то заявление перед тем, как старший бойскаут Анатолий исполнит ваше заветное желание?»

- Давай уже... старший бойскаут! – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся; почему-то он, Серёга, думал, что сейчас у них всё получится... обязательно получится!

Толик, чуть подавшись корпусом вперёд, точно так же ладонью одной руки опёрся на покрывало, точно так же пальцами руки другой направил напряженный член точно в цель, благо цель перед ним была как на ладони, точно так же приставил головку члена к очку и, уже имея собственный неудачный опыт попытки проникновения извне, не надавил сразу, как это дважды делал Серёга, а легонько скользящей головкой помассировал мышцы Серёгиного сфинктера, то ли думая, что таким образом он сможет расслабить, подготовить очко к предстоящей атаке, то ли стремясь еще больше возбудить самого Серёгу, чтоб таким образом притупить предстоящую боль, – от удовольствия на лице Серёги расплылась довольная улыбка, Серёга хотел что-то сказать Толику и даже открыл для этого рот, но в это мгновение, двинув задом, Толик нетерпеливо нажал, с силой надавил членом на стиснутое очко, и головка члена, смазанная кремом, растянув эластичные мышцы сфинктера, одним махом вскользнула вовнутрь – словно провалилась куда-то т у д а, в райские кущи,.. наверное, если б член Толика, ни на секунду не останавливаясь, нахраписто продолжил бы стремительное движение вперёд, то он наверняка смог бы войти весь, погрузиться в Серёгу полностью, до самого основания – в конце концов, ничего смертельного во всём этом нет и именно этого они, мальчишки, хотели, но Толик, ощутив-почувствовав кайф, на мгновение замер, остановился, и этого ничтожного мгновения Серёге хватило, чтобы, уже приоткрытым ртом вскрикнув-выдохнув:

- А-а-а! – стремительно вытянуть руки вперёд, вцепиться пальцами в бёдра Толика, с силой оттолкнуть нависающего сверху Толика от себя; вместо довольной улыбки лицо Серёгино исказилось гримасой боли.

Обильно смазанная кремом головка члена, вскользнувшая в Серёгино очко, выскользнула назад, и мышцы тугого сфинктера тут же сжались, снова захлопнулись, – Серёга, глядя на Толика, машинально вдавил свою ладонь в

свою промежность, словно желая выдавить боль, освободиться от боли, тупо пылающей в анусе.

- Толян... больно, блин! – прошептал Серёга.

- Ты точно не придуряешься? – Толик, глядя на Серёгу, невольно рассмеялся: он, Толик, только что всё это испытал сам, и ему реакция Серёги была вполне понятна.

- Иди ты! – отозвался Серёга, опуская вниз ноги.

- Давай ещё раз... ещё, Серый, раз – ещё попробуем... – без особой надежды на продолжение прошептал-проговорил Толик. – Поднимай ноги...

- Нет, – отозвался Серёга.

Ещё раз пробовать они не стали – Серёга наотрез отказался от продолжения этого э к с п е р и м е н т а... во всяком случае, от продолжения здесь и сейчас: неудача обескуражила мальчишек, и нужно было подумать, что они делали не так – почему у них ничего не получилось... Конечно, всё они делали так – на протяжении тысячелетий парни, мужчины, мальчишки делали именно так, как Серёга и Толик: кто-то в силу неодолимой природной склонности вступал в однополый контакт, кто-то из любопытства, из стремления к новизне, кто-то из озорства, кто-то в силу сложившихся обстоятельств – секс однополый был всегда; то поощряемый и воспеваемый, как это было в Античные времена, то жестоко преследуемый, загоняемый в угол, в невидимое подполье, в концлагеря, как это было во времена мрачного Средневековья и потом, позже – всегда и везде неисчислимы миллионы людей предавались однополному сексу, и всех их в разные эпохи, в разных странах, на разных континентах объединяло одно, а именно: все без исключения делали это когда-то в п е р в ы й раз, и в этом смысле Толик с Серёгой в их попытке проникнуть друг в друга анально, совершенно не

отличались ни от Ахилла и Патрокла, ни от молоденьких солдатиков, после отбоя уединившихся в каптерке, ни от подвыпивших парней, вдруг потянувшихся один к другому, ни от таких же пацанов, после уроков сексуально экспериментирующих друг с другом... у всех, абсолютно у всех бывает п е р в ы й р а з! Другое дело, что у кого-то этот анальный дебют проходит без осечки и всё получается с первого раза, а кто-то, как Толик и Серёга, вдруг спотыкаются о ранее непредвиденное ими препятствие – о боль, показавшуюся им непреодолимой...

- Толян... может, наши стояки слишком большие, и потому у нас ни фи́га не получается? – предположил Серёга, вопросительно глядя на Толика.

- Нормальные стояки, – чуть подумав, отозвался Толик и, посмотрел на Серёгу смеющимися глазами, добавил: – Ты, Серый, в меня на полшишки въехал, а я в тебя шишку вогнал полностью... как ты, Серый, думаешь, какой у нас счёт?

- Я думаю, что ты просто садист! – рассмеялся Серёга. – Ты своей шишкой чуть не лишил младшего брата жизни... приедем домой, и я всё расскажу Пирату – пусть он тебя укусит!

- Приедем домой – и еще раз попробуем, – проговорил Толик. – Крем помогает – очко разжимается... нужно просто перетерпеть боль! Согласен?

- Согласен, – отозвался Серёга. – Только я тебе первым вставлю – ты мне покажешь, как перетерпливать боль... покажешь младшему брату пример. Согласен?

- Согласен! – рассмеялся Толик, шутливо хлопнув Серёгу ладонью по голой заднице.

Они, по-мальчишески стройные, голые, стояли у кромки воды, нежась в лучах ещё жаркого солнца... да, с анальным сексом у них ничего не вышло, ничего не получилось, и это, конечно, было досадно, но напряжение они сняли: на волне возбуждения, не реализованного в желаемой форме, они, лежа на покрывале, сначала просто дровичли, причём каждый это делал себе сам, потом Серёга молча навалился на лежащего на спине Толика, сладострастно вдавился в Толика всем своим телом и, содрогаясь и сопя, довольно быстро кончил «по-старому»; потом то же самое сделал Толик; в воде они смыли с себя крем и сперму, немного поплавали, поныряли с плота, и теперь они стояли рядом у кромки воды – обсыхали, нежась на солнце...

- Толян, ты на что намекаешь? – Серёга, изловчившись, хлопнул ладонью по голой заднице Толика в ответ и, тут же отскочив в сторону, показал Толику язык, как это делают дети, дразня друг друга во время игр.

Впрочем, они и были детьми, как детьми остаются многие наедине с собой, не взирая на возраст, на жизненный опыт, на положение в обществе, – им, Серёге и Толику, не нужно было что-то изображать из себя, выставлять друг для друга какие-то маски, кем-то прикидываться – наедине друг с другом они были сами собой, просто характеры у них были разные, но это ничуть не мешало им растворяться друг в друге, словно каждый из них стал для другого своеобразным alter ego.

Толик в ответ на Серёгин шлепок сделал вид, что он хочет догнать Серёгу, хочет поймать его, – Серёга вмиг отбежал ещё метра на три, но, видя, что Толик за ним не гонится, остановился, улыбаясь.

- Боишься? – Толик рассмеялся.

- Бойскаут Сергей ничего не боится! – тут же ответил Серёга, готовый в любой момент сорваться с места.

- А догоню? – спросил Толик, прищулив один глаз.

- А догони! – отозвался Серёга, точно так же, как Толик, тоже прищулив один глаз.

- Ладно, Серый, так и быть – я тебя прощаю! – примирительным тоном проговорил Толик. – Всё, не бойся меня!

- Я тебя тоже прощаю, – не задержался с ответом Серёга. – И ты, Толян, меня тоже не бойся! Идём ещё искупаемся?

Они дурачились – они ощущали себя совершенно свободными на этом маленьком острове, где можно было купаться, нырять и плавать, дурачиться, разговаривать, трахаться... ну, а что ещё надо, когда четырнадцать лет, когда беззаботное знойное лето, когда нет интернета, но есть рядом отличный друг, с которым не скучно с утра до вечера?

- Да что ж вы так долго-то? – всплеснула руками Зинаида Ивановна при виде внуков, входящих во двор. – Солнце скоро садиться будет... я уже начала волноваться!

- Вот, Толян, до чего доводит твоя безответственность! – Серёга, с деланной строгостью посмотрев на Толика, сел за стол. – Я, бабуля, Толяну стал говорить ещё час назад: «солнце скоро садиться будет – едем домой быстрее», а он мне в ответ: «давай еще поныряем», а я говорю: «бабуля за нас волноваться будет – едем быстреей домой»... еле заставил его из воды вылезти! А водичка, бабуля, классная! Я бы еще покупался, но Толян, как маленький, стал ныть: «хочу есть, хочу есть», и я, чтоб его одного не бросать на острове, твёрдо сказал: «хорошо, едем домой – к бабуле на ужин»... что, бабуля, мы будем ужинать? Где дедуля запропастился? – Серёга всё это выдал на одном дыхании, так что Зинаида Ивановна из всего сказанного Серёгой чётко поняла лишь то, что внуки проголодались.

- Ну, бойскауты, клад еще не нашли? – не без лёгкой иронии в голосе поинтересовался за ужином Пётр Степанович.

- Нет, ещё не нашли, – отозвался Серёга и, прищулив один глаз, посмотрел на Петра Степановича с деланной подозрительностью. – А почему ты, дедуля, всё время интересуешься нашим кладом?

- Ну... – хмыкнул Пётр Степанович, пряча улыбку, – ты же сам, Серёга, только что назвал клад нашим...

- И что? – не понял Серёга.

- Так и я, и Зинаида Ивановна вам не чужие – мы тоже будем претендовать на часть найденного клада, – прояснил Пётр Степанович свой интерес к поиску клада.

- Естественно, мы вам тоже что-то дадим – вы с бабулей без своей доли не останетесь. Да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика.

- Да, – отозвался Толик, невольно улыбнувшись.

- Ну, а крем, Толя, тебе помогает? – поинтересовалась Зинаида Ивановна.

- Нет, бабуля, крем пока не помог, – вместо Толика ответил Серёга. – Положи мне, бабуля, добавку! – Серёга протянул Зинаиде Ивановне опустошенную тарелку. – Тебе, Толян, тоже?

- Тоже, бабуля, хочу добавку, – Толик, мельком взглянув на Серёгу, вслед за Серёгой тоже протянул Зинаиде Ивановне свою пустую тарелку.

- Так что с кремом-то не так – почему он не помогает? Там же написано, что он защищает... – снова садясь за стол, Зинаида Ивановна с тревогой посмотрела на внука.

- Толян, мне ответить бабуле, почему тебе крем не помог, или ты сам всё объяснишь? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика... вот же, блин! Если б этот не в меру словоохотливый Серёга не лез бы везде со своим языком, он, Толик, на вопрос бабули об эффективности крема ответил бы «помогает», тем более что он, Толик, на солнце еще никогда не обгорал и обгорать не собирается... он бы сказал, что помогает, и всё, никаких вопросов больше бы не было... а что теперь говорить, Толик не знал, и потому он перевел стрелки на Серёгу – с деланной весёлостью проговорил, глядя на Серёгу:

- Об этом, бабуля, тебя проинформирует Серый – мой личный секретарь.

Ежу понятно, что Серёга не будет рассказывать бабуле с дедулей, как именно они на острове использовали крем и почему крем не помог... а что он, Серёга, будет рассказывать? Вот кто... кто, блин, тянул его за язык?

- Отвечаю, бабуля, почему сегодня крем не помог. Всё очень просто! Сегодня... – Серёга посмотрел на Толика, – в перерывах между водными процедурами я и мой личный секретарь Толян... вот он, – Серёга демонстративно показал пальцем на Толика, – сидели, а также лежали не под палящим солнцем, а в тени растущих на острове пальм, и потому у Толяна, моего личного секретаря, не было какой-либо необходимости применять защитный крем. Поэтому я и сказал, что крем не помог. Но при первой возможности крем под моим руководством Толян обязательно испытает – за это, бабуля, ты не волнуйся, этот вопрос у меня на личном контроле!

- Я что-то не понял... – хмыкнул Пётр Степанович, – не понял: кто у кого секретарь?

- Он у меня! – мальчишки проговорили это одновременно, так же одновременно показав друг на друга пальцами, и, сами удивившись такой синхронности – озадаченно посмотрев друг на друга, весело рассмеялись.

- Ох, шептуньи! – вслед за внуками рассмеялась Зинаида Ивановна.

- Мы с Толяном посоветались, и вот что, бабуля, нам надо... – Серёга на мгновение запнулся, думая, как ему лучше сформулировать – как озвучить – свою мысль; эта мысль возникла у Серёги внезапно, пришла ему в голову спонтанно, и Серёга, не склонный утаивать от других многие свои мысли, решил и здесь не изменять своему правилу; Толик, услышав «мы с Толяном подумали», посмотрел на Серёгу с нескрываемым любопытством.

- Что вам надо? – тут же с готовностью отозвалась Зинаида Ивановна.

- Нам, бабуля, нужны перья петуха! – живо проговорил Серёга, не без некоторого жара в голосе озвучивая своё желание,

- Какого петуха? – с удивлением проговорила Зинаида Ивановна, и в глазах её отразилось полное непонимание.

- Ну, который у нас в вольере живёт... у него сзади такие большие красивые перья – вот эти перья нам и нужны! Да, Толян? – Серёга, ища поддержку, посмотрел на Толика, одновременно с этим незаметно толкнув под столом ногу Толика ногой своей, чтобы Толик его, Серёгу, поддерживал.

- Зачем вам перья от петуха? – теперь, вслед за Зинаидой Ивановной, и Пётр Степанович тоже посмотрел на Серёгу с удивлением, и в глазах его тоже отразилось непонимание.

- Ну, смотрите, что мы с Толяном хотим! – обращаясь к дедуле и к бабуле, энергично, с энтузиазмом заговорил Серёга, и глаза его тоже загорелись энтузиазмом. – Мы, дедуля, сегодня фотографировались в райцентре?

Фотографировались! Это называется фотосессия. Потом мы, бабуля, с тобой здесь тоже фотографировались – это тоже была фотосессия. Правильно, Толян, я говорю? – Серёга, быстро посмотрев на Толика, снова незаметно толкнул ногу Толика ногой своей.

- Ну, допустим, – отозвался Толик, не имея ни малейшего понятия о том, к чему Серёга клонит и во что это выльется в итоге.

- Вот! А теперь мы хотим с Толяном сделать фотосессию на острове – на фоне дикой природы! Будет куча фоток на память! – последнее предложение Серёга даже не произнёс, а воскликнул с интонацией радостной, утвердительной

- Ну, отличная идея – фотографии на память – согласился Пётр Степанович. – А перья вам зачем?

- Ну, смотри, дедуля! – с еще большей энергичностью проговорил Серёга. – Если мы просто на острове сфоткаемся, то это будет... ну, это будет не очень интересно – просто сфоткаться можно на фоне любых кустов в любом месте. А мы сделаем тематическую фотосессию! Да, Толян? – Серёга посмотрел на Толика, но Толик, не имея ни малейшего понятия, в какую «тематическую фотосессию» его втягивает Серёга – в какой авантюре Серёга предлагает в очередной раз поучаствовать, в ответ лишь неопределённо хмыкнул, и Серёга, видя, что от Толика ему никакой поддержки не дожидаться, снова весь свой энтузиазм направил на Пётра Степановича и Зинаиду Ивановну. – Бабуля! Дедуля! Мы преобразимся в диких людей – в индейцев!

- Вообще-то, индейцы не были дикими людьми, – перебил Серёгу Толик, любящий точность. – Календарь майя задолго до нашей эры...

Толик, интересующийся космосом и всякими открытиями, что-то и о календаре Майя, и о древней цивилизации индейцев не только читал, но и

видел в интернете познавательные ролики; Серёга ни про календарь Майя, ни про древнюю цивилизацию индейцев не имел ни малейшего представления, но это не помешало ему тут же перебить Толика:

- Подожди, Толян! Если тебе интересно, я тебе потом всё подробно расскажу про календарь майя – сейчас я говорю про нашу фотосессию! Так вот... мы здесь, под глазами и на скулах... – Серёга показал пальцем, где именно, – сделаем краской штрихи, как у индейцев, из больших листьев сделаем набедренные повязки, какие носили древние люди в древние времена, еще боевые штрихи сделаем на груди и на ногах, а из перьев разноцветных сделаем на голову короны... классно получится! Ты нам, дедуля, дашь какие-нибудь тонкие трубки, похожие на копья... я потом размещу эти фотки в своей ленте, и... зуб даю, будет куча лайков! И у Толяна тоже будет куча лайков в его ленте! Вот... теперь, бабуля, понятно, зачем нам нужны перья от петуха? – Серёга вопросительно посмотрел на Зинаиду Ивановну.

- Так вы бойскауты или индейцы? – с лёгкой иронией в голосе поинтересовался Пётр Степанович. – Я перестал уже понимать, кто есть кто.

- Дедуля! Бойскауты мы всё время, а индейцы – это будет для фотосессии, – не задумываясь, развеял Серёга непонимание Пётра Степановича. – От тебя, дедуля, нам нужны копья. А от бабули нужны перья. Чего здесь непонятного? Правильно, Толян, я говорю?

- Да где ж я вам перья возьму? – удивилась Зинаида Ивановна.

- А если надёргать из петуха? – подсказал Серёга Зинаиде Ивановне.

- Так он же, Серёжа, живой – как из него ты надёргаешь перья? – Зинаида Ивановна рассмеялась. – Это никак невозможно!

- А старые петухи? – проговорил Серёга, с надеждой глядя на Зинаиду Ивановну.

- Какие старые петухи? – не поняла Зинаида Ивановна.

- Ну, которых вы уже съели – которые раньше были, – пояснил Серёга. – Перья от тех петухов остались?

- Нет, Серёжа, – Зинаида Ивановна отрицательно покачала головой. – Зачем нужны перья от петухов? Раньше подушки делали из перьев, но и те набивали по большей части не пером, а гусиным или утиным пухом... все держали своё хозяйство – собирали пух, делали из него и подушки, и перины... в перины к пуху перья добавляли, но, конечно, не петушиныные...

- Да они сейчас даже не знают, что такое перина! – хмыкнул Пётр Степанович, посмотрев на Зинаиду Ивановну. – Где они видели перину?

- Знаем! – живо отозвался Толик. – Это такой матрас самодельный, только толстый и мягкий. Правильно, Серый?

- Ну... в общем, правильно, – рассмеялся Пётр Степанович, обратив внимание на то, как вопросом своим Толик ловко подколол Серёгу, постоянно интересующегося мнением Толика.

- Ну, а где же нам перья взять? – с лёгким недоумением в голосе проговорил Серёга. – Без перьев мы на индейцев не будем похожи...

- Не знаю, Серёжа, – отозвалась Зинаида Ивановна. – Придумайте что-нибудь еще... ну, что-нибудь ещё вместо перьев.

- Нет, бабуля, нам перья нужны – у индейцев были перья вокруг головы! – не согласился Серёга с Зинаидой Ивановной. – Мы, конечно, с Толяном подумаем, можно ли чем-то перья заменить... но и вы думайте тоже, где

взять перья, если нельзя их надёргать из петуха... вместе будем думать! Правильно, Толян, я говорю?

- Да, я сегодня всю ночь спать не буду – буду думать, где взять перья! – без улыбки отозвался Толик, и все, включая Толика и Серёгу, весело рассмеялись.

Взяв баллончик с ужином для Пирата – пожелав бабуле с дедулей спокойной ночи, индейцы-бойскауты бодро пошагали к «месту постоянной дислокации», а Пётр Степанович, закуривая, рассмеялся:

- Не Серёга, а шило в заднице! Ни на минуту рот не закрывается – Толику слово не даёт сказать!

- Да Толя и сам не шибко разговорчивый – сам не торопится рот открывать, – отозвалась Зинаида Ивановна. – Весь пошел в отца – тот тоже молчун.

- Так и Серёга – копия Виктора, – хмыкнул Пётр Степанович. – Это сейчас Виктор остепенился, серьёзный стал, бизнес у него свой... после второй женитьбы он сильно изменился – взялся за ум. А мальчишкой тоже был шепутной – что-то строил, изобретал, постоянно что-то придумывал... болтун был – рот не закрывался! – Пётр Степанович, вспоминая, каким был Серёгин отец в Серёгином возрасте, рассмеялся. – Я вот сейчас иной раз смотрю на Серёгу и думаю: ну, точно как Виктор... шило в заднице!

- И хорошо! – проговорила Зинаида Ивановна. – Вырастет Серёжа – тоже остепенится, как отец. А пока... я вот даже не представляю, что кончится лето и они уедут.

- Да уж! – хмыкнул Пётр Степанович, докурив сигарету – вкручивая окурочек в приспособленную под пепельницу консервную банку. – Думаю, что

останемся мы без клада – поиски клада, судя по всему, закончились. Ты теперь, Зина, думай, где перья индейцам взять...

Между тем, бойскауты, они же кладоискатели, они же индейцы, они же обычные четырнадцатилетние тинэйджеры – школьники, весело проводящие свои летние каникулы в гостях у дедули и бабули, покормили Пирата, обсуждая детали своей фотосессии, налили Пирату воду, после чего вместе отправились в душ, но в душе у них ничего такого не было, Серёга всего лишь один раз прижался к Толику сзади, вдавился в ложбинку между ягодицами полунапряженным членом, напомнив Толику, что сейчас они в комнате сделают то, что у них не получилось сделать на острове, и что Толик должен для этого свою попу подготовить – хорошо и тщательно подмыть; Толик в ответ назвал Серёгу придурком, сказав, что Серёгина попа тоже должна быть в идеально чистом виде, – они посмеялись, обмылись, весело толкаясь под упругими струями горячей воды, и, обернув полотенца вокруг бёдер, прошли в комнату, по пути велел Пирату охранять их от монстров и вампиров как можно бдительнее; Пират в ответ помахал хвостом, то ли желая мальчишкам успеха, то ли просто потому, что хвост у него, у Пирата, был.

- Видишь, Толян, какой я предусмотрительный! – похвалил сам себя Серёга, протыкая горлышки тюбика с кремом обратной стороной колпачка. – Один крем у нас будет на острове, один будет здесь... очень удобно – не нужно возить один тюбик туда-сюда. Согласен со мной?

- Согласен, – рассмеялся Толик; он сдёрнул полотенце со своих бёдер, то же сделал с полотенцем Серёгиным, бросил ненужные полотенца на свою кровать и, голый, прижался сзади к голому Серёге – вдавился быстро твердеющим членом в ложбинку между Серёгиными булочками.

- Толян, не пристраивайся ко мне! – Серёга, смеясь, пошевелил ягодицами. – Ты сказал мне на острове, что покажешь, как надо справляться с болью, что

будешь примером для младшего брата. Так что я тебя первым натяну – первым тебе вставлю...

Члены у мальчишек стояли, были напряжены, и напряжение это у обоих тинэйджеров отзывалось привычной сладостью возбуждения и в промежности, и в мышцах ануса, но в состоянии этом не было страсти, что опалает огнём нетерпения, – сейчас это было обычное подростковое возбуждение, помноженное на любопытство: получится или нет? Да, это было нормальное подростковое любопытство, помноженное на совершенно естественное желание, диктуемое обычным сексуальным возбуждением, – это был сексуальный эксперимент, где правила бал не музыка страсти, а подростковое любопытство.

- Ложись, Толян,... на спину ложись, как на острове, – проговорил Серёга, медленно выдавливая крем на обнажённую головку своего напряжённого члена; верхний свет Серёга включил, когда они в комнату только вошли, так что комната была привычно освещена, и это тоже было правильно: нужно было, как при любом эксперименте, видеть, что и как делается.

Толик, ничего не говоря – перебросив своё и Серёгино полотенца со своей постели на постель Серёги, послушно лёг на спину; ощущение боли давно выветрилось из тела, в голове осталось знание о боли, точнее, знание об ощущении боли, но знание и ощущение часто не одно и то же, и потому, глядя, как Серёга размазывает пальцем по головке своего члена крем, Толик почувствовал лёгкое нетерпение.

- Поднимай, Толян, ноги – я очко тебе тоже смажу, – проговорил Серёга с лёгким нетерпением в голосе; конечно, нетерпение неуместно, когда проводят какой-либо эксперимент, но это был сексуальный эксперимент, а секс априори связан с нетерпением.

Толик послушно вскинул вверх разведённые в стороны ноги, но тут же, опустив их – рывком оторвавшись от постели, встал на ноги.

- Подожди, я салфетки достану, – быстро проговорил Толик в ответ на недоумённый взгляд Серёги.

- Зачем? - спросил Серёга.

- А ты сейчас палец вытирать от крема будешь чем? Моей простыней? – отозвался Толик, открывая свою сумку.

- Это которые ты привёз, чтоб вытирать свой стояк после дочки? – тихо рассмеялся Серёга.

- Это ты свой стояк вытираешь салфетками, – рассмеялся Толик в ответ. – А у меня для такого дела есть платки носовые... салфетки я, когда ехал сюда, взял просто на всякий случай... вот, а теперь они нам пригодятся! – Толик достал из сумки скрученные в рулон бумажные полотенца.

- Какой ты, Толян, предусмотрительный! – одобрил Серёга. – И платки у тебя специальные, и салфетки... ложись!

Толик снова опустился на постель – снова вскинул вверх разведённые в стороны ноги; он, Толик, был готов, его туго сжатая, девственно стиснутая дырочка была перед Серёгой как на ладони – Серёга прикоснулся подушечкой указательного пальца к очку Толика, и Толик невольно вздрогнул от этого мягкого, щекотливо приятного прикосновения.

- Уже вздрагиваешь нетерпеливо – так сильно хочешь? – тихо засмеялся Серёга, круговым движением пальца размазывая крем по бледно-коричневому кружочку. – Сейчас, Толян... сейчас Серёга тебе вставит – сейчас удовлетворит тебя по полной программе... хорошенько смажет, и...

Серёга, оторвав от рулона полотенце-салфетку, вытер от крема палец, бросил салфетку на пол и, шире разведя свои колени, ближе переместился к Толику, точнее, к его широко распахнутому заду, – точно так же, как на острове, Серёга ладонью одной руки оперся на постель, пальцами руки другой направил член, прикоснулся сочно пламенеющей, маслянисто блестящей головкой к смазанному очку Толика, и, подавшись пахом вперёд, медленно надавил, вопрошающе глядя Толику в глаза...надавил, и...

Всё в этот раз получилось! Не сразу получилось, вовсе не «как по маслу», но... получилось! Смазанная кремом головка члена, растягивая мышцы сфинктера, вскользнула в анус, – мгновенно возникшая, полыхнувшая в попе боль заставила Толика невольно вскрикнуть, но Толик на этот раз не рванулся в сторону, не стал уворачиваться от боли: сильнее прижав к плечам колени поднятых вверх ног, сморщившись, глядя Серёге в глаза, Толик чуть слышно выдохнул:

- Не спеши... – и Серёга, подчиняясь этому выдоху, замер; головка его члена уже вскользнула в Толика, она была т а м, Серёга чувствовал горячую, обволакивающую сладость п р о н и к н о в е н и я, но теперь он всецело подчинялся Толику, чутко всматриваясь в лицо Толика, в его широко открытые глаза. – Серый, медленно... по чуть-чуть суй... – снова не произнёс, а выдохнул Толик, и Серёга опять надавил, продвигаясь вглубь, и Толик опять остановил его, удерживая за бёдра вытянутыми руками: – Стой... не спеши...

Так, сантиметр за сантиметров, Серёга постепенно вошел в Толика весь – вогнал в попу Толика все свои четырнадцать сантиметров... боль была сильная – тупая, раздирающая изнутри, Толик дышал открытым ртом, молча смотрел на Серёгу стонущим взглядом, от напряжения на лбу Толика выступил пот, но он крепился – он не отталкивал Серёгу, не пытался

освободиться, и Серёга, опираясь на обе руки, нависая над Толиком, чувствуя новую, ранее неведомую сладость, осторожно задвигал задом, скользя членом в жаркой глубине... собственно, сам свой член Серёга почему-то не чувствовал, словно член его слился, сплавился с жаром тела Толика там, внутри, – кольцо мышц сфинктера туго, плотно обжимало член у основания, так что движение члена в анусе чем-то напоминало дрочку, только э т а дрочка была на порядки приятнее: двигая задом – скользя напряженным членом в анусе, С е р ё г а е б а л Т о л и к а в ж о п у, жарко дыша приоткрытым ртом, чувствуя горячую, нарастающую сладость наслаждения и в самом члене, невидимо залупающемся в горячо обволакивающей глубине, и в промежности, и в паху, и в шевелящихся мышцах своего ануса... между тем, у Толика были совсем другие ощущения, и ощущения Толика были диаметрально противоположны ощущениям Серёги – Толику казалось, что внутри у него толстая деревянная скалка, обвёрнутая наждачной бумагой, и эта твёрдая скалка не скользит туда-сюда, а трётся, царапает всё внутри, вызывая тупую раздирающую боль, – Толик, поневоле содрогаясь от пусть несильных, но ощутимых Серёгиных толчков, то закрывал глаза, то открывал – смотрел на потное, покрасневшееся лицо нависающего над ним Серёги, и одна только мысль пульсировала, билась-стучалась в голове у Толика: быстрее бы... быстрее бы всё это закончилось!

В принципе, всё имеет своё начало и свой конец – всё, что начинается, рано или поздно заканчивается; другое дело, что окончание можно искусственно оттянуть, движение к финишу можно продлить, если в самом движении есть свои привлекательные стороны; не всегда и не во всём возможны манипуляции с процессом и его завершением, но в сексе, точнее, при сексуальной активности такое не только возможно, но и нередко практикуется, когда оргазм оттягивается во времени, чтобы как можно полнее насладиться самим движением к оргазму-финишу, – Серёга так делал

иной раз, когда дробил, и потому такой трюк с продлением удовольствия ему был знаком, но теперь была не та ситуация, чтоб предаваться такому гурманству, и потому всё шло своим естественным чередом: Серёга, ритмично двигая задом, сладострастно гонял член в Толике, наслаждение нарастало, с каждой секундой делалось всё горячее, всё слаще... оргазм, как это бывало всегда, когда процессом Серёга не управлял, стремительно накатило откуда-то из глубины тела, сладким взрывом опалил его, Серёгино, очко, полыхнул в промежности, со скоростью света пронёсся по распираемому от наслаждения члену и невидимо выстрелил спермой в невидимой глубине тела Толика, лежащего на спине с поднятыми вверх ногами, – Серёга, непроизвольно дёрнувшись, содрогнувшись от сладости, от ощущения а б с о л ю т н о г о к а й ф а, замер, тяжело дыша, с силой, с наслаждением вдавив член в Толика – пахом вдавившись в промежность Толика между его широко разведёнными, запрокинутыми вверх ногами...

- Кончил? – с надеждой в голосе выдохнул, прошептал-проговорил Толик, желая поскорее освободиться от тупо раздражающего Серёгиного члена.

- Кончил... – эхом выдохнул Серёга, чувствуя, как опаливший его тело огонь медленно исчезает, стихает, испаряется... собственно, так происходило всегда после оргазма, но теперь оргазм был такой силы, что Серёге не хотелось даже шевелиться, словно вместе со спермой из него, из Серёги, вылетела вся сила, ещё пару секунд назад распиравшее его юное тело.

- Вытаскивай! – требовательно прошептал Толик, руками отталкивая Серёгу от себя.

Серёга послушно дёрнул, колыхнул задом назад, и член его легко выскользнул из Толиковой дырочки, – член был словно припухший, потемневший, крем на головке приобрёл коричневатый оттенок, и под этим

тонким слоем отработанной смазки головка была не алой и даже не светло-красной, как обычно, а багрово-фиолетовой.

- Толян... какой кайф! – прошептал Серёга, чувствуя во всем теле приятную опустошенность.

- Салфетки возьми... – отозвался Толик, с облегчением опуская ноги – тоже чувствуя кайф от покинувшей анус наждачной боли.

Серёга послушно оторвал от рулона бумажное полотенце, быстро вытер от смазки теряющий твёрдость член, бросил скомканную салфетку на пол, оторвал от рулона ещё одно полотенце-салфетку и вытер член ещё раз, более тщательно.

- Теперь ты меня? – Серёга посмотрел на Толика.

- А ты как думаешь? – отозвался Толик на р и т о р и ч е с к и й Серёгин вопрос, вытирая салфеткой свой анус – снова сомкнувшиеся, туго стиснувшиеся, как прежде, мышцы сфинктера... как будто и не было ничего!

- Я тебе в жопу кончил... – глядя в глаза Толику, медленно проговорил Серёга, вслух осмысливая только что произошедшее. – В тебя кончил...

- Я в тебя тоже сейчас кончу, – предвкушающе отозвался Толик; бросив скомканную салфетку на пол, Толик, приподнимаясь, посмотрел на Серёгин член; утратив твёрдость, но не утратив размер, о т р а б о т а в ш и й член Серёги был похож на большую сочную сардельку, контрастно тёмную на фоне всего остального тела. – Меняемся, Серый, местами! – командным тоном проговорил Толик, отодвигаясь в сторону – уступая Серёге своё место.

- У тебя не стоит, – проговорил Серёга, скользнув взглядом по члену Толика, и действительно: член у Толика за то время, пока Серёга его, Толика, трахал,

пока е б а л в о ч к о, немного обмяк, утратил необходимую твёрдость, нужную для атаки и штурма.

- Встанет! – коротко рассмеявшись, уверенно отозвался Толик, и в его голосе прозвучало нетерпеливое желание. – Ложись!

Они поменялись местами – Серёга лёг на место Толика, Толик встал на колени перед раздвинутыми, вверх вскинутыми ногами Серёги... девственная – пока ещё девственная – дырочка Серёги была туго стиснута, сжата; член у Толика, уже предвкушающего новые, еще неизвестные ему, но желаемые им ощущения, в считанные секунды снова напрягся и затвердел, превратившись в такую же с к а л к у, какая была у Серёги, и... всё, всё повторилось – с той лишь разницей, что теперь Т о л и к е б а л С е р ё г у: смазанный кремом анус Серёгин... смазанная головка члена у Толика... медленное – по сантиметрам – проникновение... пот на Серёгином лбу от напряжения... четырнадцать сантиметров, загнанных Толиком в жаркую глубину... наждачная, тупо раздражающая боль с одной стороны – и офигенный кайф со стороны другой... ритмичное колыхание бёдер Толика... жаркое сопение... всхлипывающие просьбы Серёги побыстрее заканчивать... нестерпимо сладкий оргазм, от которого Толик невольно вскрикнул, извергая сперму в лежащего под ним Серёгу... видимо, нужно долго-долго практиковать анальный секс, чтобы во время акта, во время слияния-соединения чувствовать обоюдное наслаждение, но Толик с Серёгой это делали в первый раз... ведомые музыкой страсти, обычным мальчишеским любопытством, желанием всё испытать и попробовать, всё вкусить и познать на пути своего взросления, они трахнули в зад друг друга впервые, и потому у них, сделавших это поочередно, возник такой диссонанс между ролью активной и ролью пассивной.

- Блин... никогда больше в жопу не дам! – проговорил Серёга, когда всё было кончено. – Если б ты знал, Толян, как больно...

- Ага, типа я не знаю, – с мимолётной улыбкой хмыкнул Толик в ответ, вытирая свой точно так же потемневший и как бы распухший член салфеткой.

Они лежали рядом на Толиковой постели, соприкасаясь плечами, чувствуя приятную опустошенность после разрядки; члены у обоих были тоже умиротворены, – потеряв несокрушимую твёрдость, они крупно темнели на фоне голых тел; в комнате горел свет; на полу, рядом с постелью Толика, лежала куча скомканных салфеток... собственно, ничего особенного не случилось, не произошло – в том, что они трахнули друг друга по-настоящему, ничего не было ни сакрального в широком смысле этого слова, ни сверхъестественного, ни судьбоносного, это был обычный однополый секс, точнее, одна из форм однополого секса, практикуемого подростками на всех континентах наряду с мастурбацией, с тёрками-обнимашками, доводящими до оргазмов, с сексом оральным, – ничего особенного не случилось, и всё равно... всё равно э т о, случившееся впервые, было необычно, а потому нуждалось хотя бы в каком-то минимальном осмыслении!

- Толян, ты в меня кончил... – проговорил Серёга, словно это для Толика было неочевидно. – Прикинь... во мне сейчас твоя сперма!

- И что? – отозвался Толик и, секунду-другую подумав над смыслом Серёгиных слов, спокойно проговорил в ответ: – Во мне сейчас твоя сперма тоже... дети от этого не родятся! – Толик, толкнув Серёгу локтём, тихо рассмеялся. – В душ пойдём?

- Пойдём, – согласился Серёга. – Вставай!

- Ты первый вставай, – проговорил Толик и, повернув к Серёге голову – посмотрев на Серёгу, рассмеялся.

- Ты с краю лежишь – вставай первым ты, – тут же парировал Серёга. – Чего ты смеёшься?

- Представил тебя беременным, – отозвался Толик, рассмеявшись вновь.

- Иди ты! Сам ты беременный... – Серёга, рассмеявшись вслед за Толиком, стал энергично сталкивать Толика с постели на пол; какое-то время они барахтались, толкая друг друга руками и ногами, смеясь и дурачась; Толик говорил, что это его кровать, а Серёга в ответ говорил, что это кровать их... наконец, изловчившись, Серёга столкнул Толика с постели – Толик, упав на пол, страдальчески сморщился и, закрыв глаза, простонал:

- Ой-ой-ой...

- Толян, ты чего? – Серёга, мгновенно поверив в то, что Толик ударился, сильно стукнулся об пол, соскочил с постели, сел рядом с Толиком на корточки. – Толян...

- Военная хитрость! – Толик, открыв глаза, схватил Серёгу за руку, и они, снова сцепившись, забарахтались на полу.

- Придурок, пусти! Пусти, я боюсь щекотки! Ты обманул меня... так нечестно! Пусти! – Серёга, захлёбываясь смехом, выгибаясь, бился в руках Толика, как большая пойманная рыба.

- Моя кровать – это чья кровать? – Толик, повалив Серёгу на спину, сев на Серёгу сверху, щекотал Серёгу подмышками. – Говори, чья кровать!

- Твоя, твоя! – Серёга, дёргаясь, извиваясь под Толиком, захлёбывался от смеха...

Перед тем, как идти в душ, Серёга с Толиком собрали с пола скомканные салфетки в одно полотенце-салфетку, и Серёга, смяв это бумажное полотенце с использованными салфетками в один комок, чтобы выбросить в выгребную яму, прокомментировал, весело подмигнув Толику:

- Заметаем, Толян, следы!

На улице была ночь; над Сосновкой висела большая круглая Луна, заливая все вокруг своим лунным светом; дневная жара спала, но в воздухе не было ни малейшего дуновения ветерка, воздух был неподвижен, и оттого всё равно было душно – прохлады в воздухе не было. Пират при появлении Толика и Серёги в дверном проёме приветливо закрутил-завертел хвостом, словно спрашивая: «Ну, как провели время? Хорошо?». Толик с Серёгой по очереди потрепали Пирата за холку, погладили его по голове, Серёга пообещал Пирату, что он, Пират, тоже примет участие в фотосессии про индейцев, дал понюхать Пирату скомканный комок салфеток, и мальчишки зашагали в сторону летнего душа; соседей справа и слева не было, была ночь – мальчишки не стали надевать трусы, чтоб сходить в душ, не стали брать полотенца; в кабинке было темно, но они пришли не шалить, а всего лишь обмыться, смыть с себя пот и остатки крема там, где они могли остаться, и потому темнота им не была помехой.

- Толян, ты как? – спросил Серёга, фыркая под тёплыми струями.

- В смысле? – не понял Толик, отталкивая Серёгу в сторону – становясь на его место под лейкой.

- Жопа не болит? – Серёга спросил это без всякого ёрничества, без малейшего желания как-то поддеть или подколоть Толика, без какого-либо намёка на улыбку в голосе – просто спросил-поинтересовался, как с этим делом обстоит у Толика.

- Нет, – отозвался Толик, – не болит. А у тебя?

- У меня тоже не болит, – отозвался Серёга.

И еще, обсыхая после душа, они перед сном посидели немного на ступеньках крыльца, – Толик вдруг вспомнил, что за весь бесконечно длинный летний день он ещё ни разу не курил, и лишь только он это вспомнил, лишь только об этом подумал, как курить ему сразу же захотелось; Толик курил, Серёга сидел рядом с Толиком, они молчали, и... это было странное чувство: лунный свет омывал их юные обнаженные тела, но при этом никакого возбуждения ни у Серёги, ни у Толика не было – всё своё последнее возбуждение они разрядили, выплеснули друг в друга, и теперь они просто сидели рядом, соприкасаясь плечами, сидели молча, ничего друг другу не говоря, ни о чём друг друга не спрашивая, но молчание это несколько не разъединяло их, не делало их автономными, а даже, казалось, наоборот... словно было что-то ещё, не менее важное, чем стремление к сексуальному удовольствию, и потому было приятно просто сидеть и просто молчать... просто молчать, сидя рядом.

Где-то были родители Толика... где-то, на другом краю земли, были родители Серёги... здесь, в Сосновке, на соседней улице были дедуля и бабуля... а здесь, на ступеньках крыльца, сидели они, Серёга и Толик, и у них было чувство, что есть только они – они одни на всём белом свете... странное это было чувство – чувство близости не телесной, не скрепляемой только лишь жадой обоюдного сексуального удовольствия...

Нарушая молчание, Серёга без всякой видимой причины неожиданно рассмеялся.

-Ты чего? – посмотрел на Серёгу Толик.

- Толян... а ведь мы с тобой не теряемся... да? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- В смысле? – уточнил Толик.

- Ну, помнишь... когда ты только приехал и мы все стояли на перроне, и мы с тобой только-только познакомились, я показал какому-то придурку фак...

- Да, ты тогда еще сказал дедуле, что это лайк – типа «счастливого пути», – Толик, глядя на Серёгу, рассмеялся.

- А ты помнишь, почему я ему показал фак? – рассмеялся Серёга вслед за Толиком, тоже вспомнив, как он объяснял дедуле, что означает этот жест.

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – Он что-то спросил?

- Он сказал... мы стояли с тобой на перроне, ещё ничего друг про друга не зная, и он сказал из окна вагона: «Не теряйтесь, пацаны!». Я тогда даже не понял, что именно он имел в виду, и фак ему показал, потому что он мне показался наглым. А сейчас я вдруг вспомнил его слова и подумал... откуда, Толян, он знал, что мы не будем теряться? – во взгляде Серёги, устремлённом на Толика, застыл вопрос.

- Да ничего он не знал! – хмыкнул Толик. – Как он мог знать? Никак! Он же не этот... не бабушка Ванга, чтобы что-то предсказывать! Может, он сам не терялся или не теряется – и потому он нам так сказал... фиг его знает! Мы ведь сами тогда ничего еще не знали, – Толик на секунду умолк. – А потом всё получилось само собой, и...

- Классно всё получилось! – перебил Толика Серёга.

- Да, классно, – согласился с Серёгой Толик. – Было бы глупо вместе жить, спать в одной комнате и при этом скрываться друг от друга, где-то прятаться

для того, чтоб подрочить – чтобы снять напряжение... глупо было бы? – Толик, тщательно загасив окурок, шутливо толкнул Серёгу в плечо.

- Глупо! – согласился Серёга с тем, что для них обоих было совершенно очевидно.

В комнате мальчишки надели трусы, чтобы, как сказал Серёга, «не волновать дедулю – не давать дедуле повод для разных неправильных мыслей», Толик включил ночник, чтобы, как сказал Толик, «младший брат не боялся монстров», и – уснули они оба практически мгновенно, провалившись в здоровый глубокий сон после долгого-предолгого, разными событиями насыщенного дня...

Летние дни изнуряюще длинные, если не знаешь, чем заняться, – у Серёги и Толика дни летели, как пули... Пётр Степанович, проходя мимо дома Ниловны, сначала услышал истошный крик петуха, а затем увидел саму Ниловну, в одной руке державшую здоровенного петуха, а в другой руке – топор; решив, что Ниловна хочет лишить петуха жизни для будущего борща или, может, для лапши, Пётр Степанович зашел к Ниловне узнать, нужны ли ей будут перья от петуха, и – спустя какое-то время вышел от Ниловны с пучком разноцветных перьев для «индейцев»... Зинаида Ивановна, со своей стороны, с кирпичей летней печки, которая когда-то давным-давно была сложена на огороде и которой давно никто не пользовался, наскребла в спичечный коробок черной сажи, чтоб «индейцы» этой сажой нанесли себе на лицо боевые штрихи, и – фотосессия на острове получилась отличная! Из небольших листьев лопуха Серёга и Толик сделали себе короткие юбки, головы украсили петушиными перьями, причем перьев оказалось нечетное число, и лишнее перо после небольшого спора досталось Серёге как «младшему брату»; сажей мальчишки нанесли на лица друг другу «боевые штрихи», под копыта были приспособлены двухметровые куски арматуры,

которые Пётр Степанович дал при условии, что после фотосессии мальчишки привезут «копья» назад; Пират, принимавший участие в фотосессии, поочередно играл роль то Дикого Волка, то Верного Друга... фотографии получились великолепные! Серёга ещё хотел, чтоб они сфотографировали друг друга голыми, без эрекции и с эрекцией, сзади и спереди, в фас и в профиль, но Толик, подумав немного, категорически воспротивился делать такие фотографии, и фотосессия в жанре «ню» не состоялась; зато они сфотографировали друг друга для общей фотографии, – Толик сказал Серёге, что у него на ноуте установлен отличный графический редактор и что он из двух фотографий сделает одну, где они будут вместе – стоять будут рядом, как будто их сфоткал Пират... короче, и самим «индейцам», и бабуле с дедулей фотографии очень понравились! Зинаида Ивановна спросила, можно ли как-то из фотографий, что в телефоне, сделать «нормальную фотографию, как было раньше», чтоб эту «нормальную фотографию» прикрепить в доме к стене над столом, – Серёга сказал, что «это легко», и Толик пообещал это сделать даже в ближайшее время, если в райцентре в фотосалоне есть нормальный цветной принтер, – Зинаида Ивановна для распечатки заказала две фотографии, одну с Толиком, другую с Серёгой, чтобы обе «картины» повесить над столом.

Мальчишки ездили с Петром Степановичем в райцентр – помогали Петру Степановичу запастись разными стройматериалами, чтобы ближе к осени, когда спадёт изнуряющая жара, Пётр Степанович мог приступить к всестороннему улучшению зимнего дома для коровы Машки... Днём мальчишки и Пират пропадали на острове – купались там и загорали, жарили на костре сосиски, пекли картошку... приезжали к ужину голодные, весёлые, и Зинаида Ивановна не могла нарадоваться, видя, какой у внуков замечательный аппетит... По вечерам они смотрели на ноуте Толика разные «ужастики» – фильмы про монстров и вампиров... или сидели в темноте на

ступеньках крыльца и о чем-нибудь разговаривали – по большей части Толик рассказывал Серёге про космос, про разные путешествия, про пирамиды, то есть рассказывал про всё то, чем он, Толик, интересовался сам... Они ездили на рыбалку с дедулей – Толик учил Серёгу ловить рыбу, учил различать, когда от чего поплавок может дёрнуться, как правильно подсекать, но рыба у Серёги всё равно не ловилась, и Толик, не скрываю досаду, называл Серёгу «придурком», а Серёга, в свою очередь, «придурком» называл Толика, что, впрочем, нисколько не портило их отношения, – Пётр Степанович, слыша перебранку внуков, лишь усмехался, понимая, что рыбак с Серёги не получится... Сексуальная жизнь у мальчишек устаканилась: вместо скрываемой от всех ежедневной дрочки, совершенно нормальной и естественной, обусловленной подростковой гиперсексуальностью, они ежедневно трахались, делая это или днём на острове, на бабулином покрывале, или делая это вечером в комнате на чьей-нибудь постели, и этого одного раза в сутки им вполне хватало, чтобы, кайфуя, снять напряжение: они страстно сосались в губы, сосали друг у друга горячие, во рту залупавшиеся члены, сладостно тёрлись членами друг о друга... конечно, это был кайф! Нормальный подростковый кайф на пути взросления; анальный секс они повторили спустя неделю – Серёга, сказавший после первого раза, что он никогда больше в жопу даст, предложил Толику «попробовать ещё раз», Толик отказываться не стал, и на острове, на бабулином покрывале, они поочередно натянули друг друга в тугие попы: сначала Толик вставил Серёге, потом Серёга вставил Толику – всё было так же кайфово и так же больно, но у них уже было з н а н и е о боли, и потому боль показалась во второй раз не такой сильной, вполне терпимой, вполне переносимой... От идеи искать на острове клад Серёга отказался, потому что «карты, где зарыт клад», у него, у Серёги, не было, а перекапывать весь остров на неизвестно какую глубину – это, как сказал Серёга, «занятие для дураков»: а вот шалаш Толик сделал, и вовсе не для того, чтобы можно было укрыться в нём в

случае непогоды, а сделал просто из желания что-то построить, соорудить своими руками, – шалаш для себя облюбовал Пират, решив, очевидно, что это его летняя будка, где можно спокойно покемарить в холодке перед ночной службой пограничником... в Сосновке не было интернета – не было ТикТока, не было соцсетей с их лайками и репостами, но ни Толик, ни Серёга никаких страданий по этому поводу не испытывали. а даже наоборот, они были совершенно довольны атрибутами «дикой жизни», в которой была река, был остров, было щедро палящее солнце и бездонное голубое небо, были любящие бабуля и дедуля, была рыбалка на утренней зорьке, был всё понимающий Пират, были вкуснящие бабулины борщи, вареники с настоящим творогом в настоящей сметане, салаты, котлеты, пирожки, были всякие разговоры про далёкие галактики, были монстры и вампиры и еще... ещё был классный секс! Ну, и нах им был нужен интернет?

Счастливые дни летели, как пули... и – на тринадцатый день случилось то, что не должно было случиться, что могло не случиться, но – случилось... Пётр Степанович, заглянув утром в комнату, благо двери на ночь не закрывались, обнаружил Серёгу и Толика голыми, спящими вместе на Серёгиной постели: Серёга, посапывая, лежал на спине, член у него, у спящего, был возбуждён, напряжен, член стоял колом, точнее, колом лежал на Серёгином плоском животе, краснеющей полуоткрытой головкой чуть приподнявшись над животом, и в этом не было б ничего особенного или необычного, потому что ближе к утру, к пробуждению, такая утренняя эрекция часто бывает у всех подростков, у взрослых парней и у многих мужчин, но рядом с Серёгой, прижимаясь к Серёге, на боку лежал, точно так же посапывая, Толик, нога Толика была вставлена между ногами Серёги, а рука его лежала на Серёгиной груди, точнее, лежала поперёк груди, чуть ниже сосков, и получалось, что голый спящий Толик обнимает голого спящего Серёгу, – Пётр Степанович, увидев эту вдруг открывшуюся перед

ним картину «Крепкий сон двух невинных бойскаутов», в первое мгновение ничего не понял, в следующее мгновение он сильно удивился такой никак не ожидаемой им композиции из двух обнаженных тел своих внуков-подростков, и только в следующее мгновение он, Пётр Степанович, почувствовал растерянность, не зная, что н а д о или что м о ж н о делать в такой нетривиальной ситуации, выпадающей из обычного и понятного течения повседневной жизни... голые внуки спали в одной постели, у Серёги была эрекция, был стояк, и у Толика, видимо, тоже была эрекция, но Толик, сбоку прижавшись к Серёге, упирался стояком в Серёгино бедро, и потому возбуждение Толика было скрыто, – Толик лежал спиной к растерянному замершему в дверях Пётру Степановичу...

Что он, Пётр Степанович, мог сделать в т а к о й ситуации? Разбудить спящих внуков криком «Это что значит?!» или «Это как понимать?!» и тут же устроить им допрос – выяснить, что это значит и как это всё понимать? Тут же устроить допрос? Обрушиться на них с руганью? Начать им объяснить, к а к это всё называется? Голые внуки в одной постели – один прижался к другому... секунду-другую Пётр Степанович, сдерживая дыхание, растерянno смотрел на безмятежно спящих мальчишек, и... собственно, выбор, что делать, у него, у Петра Степановича, был небольшой: нужно были либо будить внуков и тут же, «не отходя от кассы, устраивать разбор полётов», всё выяснять и всё объяснять, либо... бесшумно переведя дыхание, Пётр Степанович и н т у и т и в н о принял единственно правильное решение для такой неожиданной, им совершенно не ожидаемой ситуации: он бесшумно шагнул назад и, также бесшумно миновав коридор, вышел из дома... и в том, что он вышел, не разбудив мальчишек, была своя логика – не желание спрятаться, уйти от возникшей п р о б л е м ы, постраусиному спрятав голову в песок, а житейская мудрость, продиктованная элементарным здравым смыслом. А здравый смысл был очень простой...

Что он, Пётр Степанович, сказал бы внукам, если б сейчас их разбудил? Сказал бы, что делать так стыдно, что это нехорошо... что нехорошо? Спать голыми в одной постели. А что ещё? Им не по пять лет, а по четырнадцать, и они наверняка сами отлично знают, что это и «стыдно», и «нехорошо» – спать голыми в одной постели... не может такого быть, чтоб они об этом не знали! А если знают, то... что нового мог сказать внукам на эту тему он, Пётр Степанович, чье знание обо всём т а к о м не выходило за пределы знания о б щ е п р и н я т о г о? И потом... он, Пётр Степанович, застал внуков в н е п р и г л я д н о м виде утром – застал спящими... а что было до этого – вечером или ночью? И как давно они э т о делают? И главное... главное: ч т о и м е н о они делают? Голова у Петра Степановича шла кругом. Есть известный постулат: «у каждого свой тайный личный мир», и есть ситуации, когда про мир этот, тайный и личный, лучше ничего не знать, следуя, опять-таки, общеизвестному принципу «меньше знаешь – крепче спишь», – Пётр Степанович ненароком увидел, заглянул в личный мир внуков – в тот мир, который был их тайным миром, не предназначенным для других... непреднамеренно подсмотрел – и узнал то, о чём знать он был не должен, что знать ему было не нужно, и вот теперь он в растерянности стоял, не зная, как ему быть – что ему с этим своим внезапным, непреднамеренным з н а н и е м делать... он пришел, чтобы, как обычно, разбудить бойскаутов к завтраку, заодно посмотреть-проверить, всё ли в порядке во дворе, и... надо ж такому случиться! Посмотрел-проверил... Стоя в растерянности посередине двора, автоматически глядя, лаская Пирата, Пётр Степанович думал, как ему быть сейчас... вернуться в комнату, разбудить внуков к завтраку – и тем самым заявить, что он в с ё знает? Не будить их, вернуться назад без них – и что-то наврать Зинаиде Ивановне, почему он мальчишек не разбудил? Сказать, что он разбудил их и что к завтраку они сейчас придут, подойдут – а вдруг они, не разбуженные, спать будут до обеда? Пётр Степанович, стоя посередине двора, не знал, как ему быть, что делать... и

неизвестно, как бы вся эта ситуация, внезапно возникшая, разрешилась-закончилась, если б не счастливый случай.

В тот момент, когда Пётр Степанович стоял во дворе, не зная, что ему предпринять, мимо его дома проехал выдавший виды «уазик», за рулём которого сидел Карп Ильич – грузный мужчина примерно того же возраста, что и Пётр Степанович, с ёжиком седых волос на голове; Карп Ильич жил на той же улице, что и Пётр Степанович, только чуть дальше; когда-то они – Пётр Степанович и Карп Ильич – вместе работали, даже дружили, потом Карп Ильич перебрался в райцентр, но в Сосновку он время от времени наведывался, чтоб посмотреть, всё ли в порядке здесь с его домом, – проезжая мимо дома Петра Степановича, Карп Ильич увидел во дворе хозяина и, резко затормозив, раз и другой нажал на клаксон – резкий, пронзительный звук, похожий на кряканье лягушки, раздался в утреннем воздухе, так что Пётр Степанович невольно вздрогнул.

- Степаныч! – распахнув дверь «уазика», грузный Карп Ильич с трудом соскользнул на землю с водительского сиденья. – Иди, хоть поздороваемся! – зычным голосом проговорил Карп Ильич, улыбаясь – радуясь встрече.

Резкий, пронзительный звук, похожий на кряканье лягушки, дважды раздался с улицы, и Толик, проснувшись, открыл глаза – он лежал голый, прижимаясь к голому Серёге, обнимая Серёгу, упираясь стояком в Серёгино бедро...

- Серый, блин! – Толик, с силой толкнув Серёгу в бок, в одно мгновение соскочил с кровати, отскочил к кровати своей, стал натягивать трусы.

- Ты чего? – Серёга открыл глаза, не понимая причину ш у х е р а – глядя на Толика с сонным недоумением.

- Утро уже! – выдохнул Толик. – Сейчас дедуля придёт... вставай, блин, трусы надевай!

Накануне, вечером, они посмотрели фильм на ноутбуке, потом Толик ноут выключил, и они при свете ночника «занялись любовью»: сняв трусы, мальчишки на Серёгиной постели целовались враспашку, поочередно тёрлись друг о друга напряженными членами, драчили друг другу члены, сосали члены один у другого, ласкали уздечки языками, снова, содрогаясь от наслаждения, сладострастно друг о друга тёрлись, друг по другу елозили... можно ли было такие трения назвать фроттажем? Наверное, нет, потому как фроттаж – это когда один о другого, о постороннего, трётся через одежду, причём делает это в людном месте – в битком набитом автобусе или в вагоне метро – и делает это незаметно для окружающих, получая при этом сексуальное удовольствие... фроттажем, наверное, можно называть внешне самую обычную борьбу мальчишек, когда они, будучи одетыми, в ходе борьбы поневоле трутся друг о друга, сопят и пыхтят, а потом вдруг кто-то один резко стихает, теряет к борьбе интерес, говорит «я сдаюсь», и при этом никто не знает, что сдавшийся просто-напросто кончил в трусы... вот это фроттаж. А то трение друг о друга, посредством которого Серёга и Толик получали сексуальное наслаждение, называлось не фроттажем, а фроттингом; фроттинг – это тоже трение, но осуществляется такое трение, во-первых, наедине, а во-вторых, осуществляется оно в голом виде, когда есть непосредственное соприкосновение членов, но при этом отсутствует проникновение друг в друга, то есть отсутствует анальный секс...впрочем, ни Серёга, ни Толик никогда не слышали, не знали таких слов как «фроттаж» или «фроттинг», что нисколько не мешало им полноценно кайфовать, – они, Серёга и Толик, на волне своей набирающей обороты подростковой гиперсексуальности здесь, в Сосновке, были не теоретиками, а практиками.

При словах Толика «сейчас дедуля придёт» открывший глаза Серёга тоже сноровисто подскочил с кровати, быстро, прыгая то на одной, то на другой ноге, натянул на себя трусы и, видя, что Толик уже в шортах, так же быстро

натянул шорты, поправляя в трусах напряженный член, чтоб член не торчал – не бугрил шорты колом.

- А если дедуля уже пришел – если он в комнату заходил? – вид у Серёги был испуганный и растерянный. – Вот мы спалились...

- Я говорил тебе, что вместе лежать нельзя – что можно уснуть... вот и уснули! – вид у Толика был такой же, как у Серёги, то есть растерянный и испуганный.

- Блин, ты бы ушел от меня на свою кровать! – запоздало подсказал Серёга Толику, что надо было Толику сделать.

- Блин, а кто меня удерживал? Кто говорил «Толян, давай полежим немного»? – парировал Толик, и он, Толик, был прав: после того, как они кончили, именно Серёга не отпускал Толика, настаивая на том, чтоб они ещё полежали вместе «просто так».

- Ну, я же не думал, что мы так быстро уснём, – отозвался Серёга, оправдываясь.

- Ага, у тебя же всё время бессонница, ты по ночам не спишь, а здесь вдруг внезапно уснул, откинув копыта, – хмыкнул Толик.

- Ну... – Серёга решил, что сейчас не время разбираться, кто из них первым «откинул копыта». – Если дедуля нас видел... что говорить мы будем?

- Откуда я знаю? – секунду подумав, отозвался Толик. – Ты же у нас сочинитель! Придумай что-нибудь...

- Что мне придумать? Толян, ты умный... придумай ты! – тут же проговорил Серёга, глядя на Толика с нескрываемой надеждой. – Может, давай скажем...

Серёга, не закончив фразу, умолк, и Толик, выждав секунду – вопросительно глядя на Серёгу, Серёгу поторопил:

- Ну! Что мы скажем? Говори, что ты предлагаешь!

- Я не знаю! – выдохнул Серёга с надрывом в голосе. – Не знаю, Толян! Ты же умный! Придумай... придумай что-нибудь!

- Короче! – деловито проговорил Толик. – Делаем так... мы выходим сейчас на улицу, как всегда, как будто мы не при делах. Если дедуля уже пришел и если он в комнату заходил – если он видел, как ты храпишь голый со стояком...

- Ой, блин! А ты... – Серёга хотел поправить Толика – хотел сказать, что не только он лежал голый со стояком, но Толик не дал ему это сделать:

- Заткнись! – коротко, деловито проговорил Толик. – Если дедуля нас видел, он обязательно что-то скажет...

- А почему он сразу нам ничего не сказал – почему нас не разбудил? – перебил Серёга Толика.

- Серый, откуда я знаю! – в голосе Толика послышалось лёгкое неподдельное раздражение. – Я говорю тебе «если»: если пришел, если нас видел... так вот: если дедуля нас видел и если про это он что-то скажет... или спросит...

- И что ты ответишь? – вновь перебил Серёга Толика.

- Ты можешь заткнуться? – с напором в голосе прошептал Толик.

- Всё, Толян, всё! Я молчу! – отозвался Серёга.

- Короче... ответ твой будет зависеть от того, что дедуля спросит, как он спросит или что и как он скажет... чего мы гадаем? Будем действовать по обстоятельствам...

- Почему я должен говорить? – напористо прошептал Серёга, не двигаясь с места – глядя на Толика испуганно округлившимися глазами.

- Потому что ты можешь врать на ходу! Всё, Серый, идём! – решительно проговорил Толик и, подмигнув Серёге для ободрения и придания храбрости, также решительно пошел на выход; Серёга, сокрушенно шепча:

- Как, блин, мы влипли... – последовал за Толиком.

Уже выходя из комнаты, Толик подумал, что если дедуля их видел и если он спросит сейчас, почему они спали голые вместе на одной кровати, то... не нужно ничего сочинять, не нужно изворачиваться и врать, потому что на вранье легче всего проколоться, а нужно сказать... да, нужно сказать, что они перед сном просто мастурбировали, лёжа рядом, а потом уснули... и – всё! Да, они просто мастурбировали – просто драчили... ну, а что здесь такого? Дрочат в их возрасте все... и ни о чём другом они, Серёга Толик, понятия не имеют! Дедуля видел, как они трахались? Не видел. И никто этого не видел. А значит, можно будет в ответ на какие-то подозрения или предположения со стороны дедули удивлённо округлять глаза, изображая из себя наивных мальчиков, ничего не знающих о сексе... ну, а что ещё делать, если, как правильно сказал Серёга, влипли?

- Я буду отвечать дедуле, если он спросит! Понял? – проходя по коридору, быстро проговорил Толик.

- Понял, Толян, понял! – отозвался Серёга вмиг повеселевшим голосом; конечно, Серёга время от времени напоминал Толику, что он, Серёга, умнее Толика, но в душе Серёга знал, что Толик умнее его, Серёги, и что в трудную

минуту именно Толик сможет что-нибудь придумать... хорошо, когда есть такой старший брат, как Толян!

Пётр Степанович стоял на дороге рядом с Карпом Ильичём спиной к своему двору, когда, выйдя из дома – сойдя с крыльца, во дворе нарисовались Толик и Серёга.

- А это, Степаныч, кто у тебя в доме хозяйничает? – спросил Карп Ильич, заметив во дворе мальчишек.

- Это... – Пётр Степанович оглянулся – посмотрел на Серёгу и Толика, – это внуки в гостях – на каникулы приехали.

Толик, видя, что толстый чужой мужик, рядом с которым стоял дедуля, смотрит на них, поздоровался – кивнул головой, изобразив таким образом всем понятный приветственный жест; Серёга, мельком глянув на Толика, сделал то же самое – кивком головы поздоровался тоже.

- Воспитанные мальчишки, – одобрительно проговорил Карп Ильич, кивнув мальчишкам в ответ; эти взаимные кивки, обозначающие приветствия, ровным счетом ничего не значили и никого ни к чему не обязывали, но вместе с тем это была общепринятая форма демонстрации того, что кивающие друг другу люди замечают и отмечают друг друга; Толик с Серёгой впервые видели толстого мужика и, встретившись с ним где-либо ещё, они бы не обратили на него внимания, но толстый мужик стоял с дедулей, дедуля знал его, и потому они, Толик и Серёга, с мужиком этим поздоровались; все эти никем и нигде не прописанные правила работали автоматически, «на уровне подсознания», как сказал бы Толик.

Карп Ильич назвал Серёгу и Толика воспитанными, и Пётр Степанович тут же поймал себя на мысли, что ему приятно это слышать.

- Хорошие мальчишки, – подтвердил Пётр Степанович, на какой-то миг забыв, что он только что видел в комнате. – Один внук мой – Виктора сын, из Москвы приехал. А другой – внук Зинаиды, сын Тамары. Клад ищут...

- Какой клад? – спросил Карп Ильич, и в глазах его мелькнуло недоумение.

- На острове клад... помнишь, как мы искали? – Пётр Степанович рассмеялся.

- Помню, – раскатисто рассмеялся вслед за Петром Степановичем Карп Ильич. – И что... до сих пор там клад ещё ищут?

- Ну, своих искателей уже нет – Сосновка обезлюдила, – хмыкнула Пётр Степанович. – А эти ищут... обещали нам с Зинаидой половину выделить, как найдут, – проговорил, улыбаясь, Пётр Степанович.

- Ох, вы и разбогатеете! – улыбаясь, проговорил Карп Ильич.

- А то! – не стал отрицать Пётр Степанович, и они, Пётр Степанович и Карп Ильич, рассмеялись вновь. Стоя рядом с «уазиком», они поговорили ещё – о рыбалке, о том, что всё дорожает, что лето в этом году жарит, как никогда... посмеялись, вспомнив Гришку-парторга, как тот напился однажды и пошел свататься к Ниловне при её живом муже и как муж Ниловны, царство ему небесное, посадил пьяного жениха в машину и повёз в райцентр в райком партии за разрешением свататься к другой женщине при своей живой жене... весёлое было время! Карп Ильич, уже сидя в «уазике», сказал, чтобы Пётр Степанович, как бывает в райцентре, заезжал к нему в гости, передал привет Зинаиде Ивановне, Пётр Степанович передал привет Татьяне Васильевне, жене Карпа Ильича, и «уазик» плавно покотился по пустой, залитой солнцем улице дальше, а Пётр Степанович, проводив «уазик» глазами, пошагал во двор к внукам – к Серёге и Толику.

Ситуация разрешилась сама собой – Серёга и Толик проснулись сами, и, открывая калитку, Пётр Степанович решил, что сейчас он ни говорить, ни спрашивать ни о чём не будет – он сделает вид, что он ничего не видел, чтоб сгоряча, толком ничего не зная, не наломать дров... нужно будет сначала подумать самому, что и как говорить на эту внезапно возникшую тему, а потом уже действовать... и Зинаиде Ивановне он тоже ничего говорить не будет, ни к чему ей это знать – так решил Пётр Степанович, подходя к внукам.

- Проснулись уже? – проговорил Пётр Степанович своим обычным голосом, подходя к Серёге и Толику. – А я шел вас будить, да вот встретил проезжавшего мимо старого знакомого – постояли немного, поговорили... да, Пират? Умная собака... умная... – Пётр Степанович, лаская Пирата, наклонил вниз голову, глядя на Пирата, и потому он не видел, как радостно переглянулись Серёга и Толик.

- Дедуля, а кто это? – спросил Серёга.

- Когда-то вместе работали... он в райцентре сейчас живёт, а здесь лом у него остался, он приезжает изредка – проверяет, всё ли там целое, – ответил Пётр Степанович и, оставив Пирата в покое – посмотрев на внуков, весело, энергично проговорил: – Ну, что, пионеры? Идёмте на завтрак?

- Дедуля! Сколько раз тебе можно повторять, что мы бойскауты! Пионерами были вы с бабулей, а мы бойскауты! Да, Толян? – верный себе, не замедлил внести уточнение Серёга, Толик в ответ кивнул; и жизнь... беззаботная жизнь мальчишек, едва не вильнув в непонятно какую сторону, разминувшись с внезапно возникшей **н е п р е д с к а з у е м о с т ь ю**, потекла по привычному руслу дальше...

За завтраком Пётр Степанович спросил, что Серёга с Толиком будут делать в течение дня – чем планируют заниматься; это был обычный вопрос, и Серёга сказал, что до обеда они с Толиком будут помогать бабуле делать «запасы еды на зиму», а после обеда вместе с Пиратом поедут на остров; под «запасами еды» подразумевалась закрутка стеклянных банок с помидорами, огурцами и разными салатами, – предварительно пустые банки нужно было достать из погреба, тщательно перемыть, пропарить, потом надо было собрать с грядки помидоры и огурцы, всё это тоже хорошо помыть... короче, подготовительной работы хватало, и Зинаида Ивановна попросила внуков ей помочь.

- Ну, тоже дело, – одобрил Пётр Степанович. – А я поеду посмотрю, не пора ли домой сено возить – делать запас еды для Машки, как ты, Серёга, говоришь...

- Тоже, дедуля, дело! – одобрил план Петра Степановича Серёга.

После завтрака Серёга с Толиком остались помогать Зинаиде Ивановне, а Пётр Степанович, взяв баллончик с завтраком для Пирата, пошел на свою прежнюю квартиру. Весной Пётр Степанович косил в разных местах молодую сочную траву, из которой потом, когда трава подсыхала, делал копны, и таких копен было много – теперь все эти копны нужно было перевезти домой, набить ими высокий сарай, который стоял рядом с коровником – с сараем, где зимовала Машка; Машкин дом Пётр Степанович к зиме планировал отремонтировать, перекрыть и утеплить. Пока Пират завтракал, Пётр Степанович прошел в дом – в комнату, где спали Серёга и Толик; ноутбук на тумбочке, какие-то провода, наушники, ненужные здесь, в Сосновке, телефоны; постели были застелены, ничего необычного в комнате не было... если б Пётр Степанович обнаружил неполный тюбик с кремом или, к примеру, презервативы, то такая находка, возможно, подтолкнула бы его к

каким-то конкретным подозрениям в отношении мальчишек, но тубик лежал у Толика в сумке, презервативов у них вообще не было, и Пётр Степанович, постояв минуту или две в комнате – визуально не обнаружив ничего такого, что могло бы свидетельствовать о чём-то недозволенном, вышел во двор; что именно могло или должно было свидетельствовать о недозволенном между внуками, Пётр Степанович не знал и даже не представлял. Налив Пирату воду, Пётр Степанович выгнал из гаража свой выдавший виды «Москвич», который внешне ещё смотрелся вполне достойно, замкнул дом и гараж; Пират хотел тоже поехать с Пётром Степановичем, но Пётр Степанович Пирата брат не стал, сказав Пирату, что его после обеда возьмут с собой бойскауты, когда поедут на остров купаться, – Пётру Степановичу хотелось побыть одному, чтобы, во-первых, подумать о том, что он видел утром, а во-вторых, решить-определиться, как с тем, что он видел, быть. «Вот уж действительно... меньше знаешь – крепче спишь! – мысленно усмехнулся Пётр Степанович, трогаясь с места. – А с другой стороны...»

Если б это были чужие мальчишки, он, Пётр Степанович, просто отмахнулся бы: или пожал бы плечами с недоумением, спокойным и равнодушным, к тому, что видел... ну, или просто посмеялся бы – спросил бы со свойственной ему иронией, кто у них «муж», а кто «жена» в их «молодой счастливой семье», не акцентируя при этом особого внимания на гомосексуальности подобных отношений... конечно, спать вместе в одной постели и при этом быть голыми – это поневоле наводило на определённые подозрения, но подобные отношения никогда не интересовали Петра Степановича, он этого не понимал, и когда по телевизору мелькали сюжеты, с целью укрепления «нравственности» информирующие впечатлительных телезрителей о разгуле «содомии» на загнивающем тлетворном Западе, и в сюжетах этих, специально смонтированных, показывали полуголых, старых, иногда безобразных, но непонятно чему веселящихся мужиков, с радужными

флагами идущих на каком-нибудь европейском гей-параде, он, Пётр Степанович, не впадал в праведное негодование, а, глядя на «такое безобразие», искренне считал, что «мужики маются дурью», – Пётр Степанович не был ни сексуально ущербным «гомофобом» из числа тех, кто нервно реагирует на подобные «извращения», ни закоренелым моралистом, готовым всегда и всем объяснить, что в мире «правильно», а что «неправильно»... он просто э т о г о не понимал, а потому был ко всему такому совершенно равнодушен; для Петра Степановича всё это было параллельно, и – если б он увидел на месте Серёги и Толика ч у ж и х мальчишек, он просто бы хмыкнул или пошутил бы, не вдаваясь в подробности, про «мужа» и «жену», и уже через час спокойно забыл бы про это, но он увидел утром в одной постели внуков, а это было уже совсем другое, это его, Петра Степанович, касалось – просто отмахнуться, не думая, здесь уже не получалось... конечно, Серёга был внуком родным, Толик был внуком Зинаиды Ивановны, но Пётр Степанович не разделял мальчишек по такому принципу родства, он относился к обоим мальчишкам как к с в о и м внукам, и вот теперь, когда не чужие мальчишки, а е г о внуки предстали перед ним с совершенно неожиданной, никак не ожидаемой стороны, нужно было думать... нужно было думать и разбираться, ч т о, во-первых, это было и к а к, во-вторых, на это отреагировать, к а к к этому относиться... сено было уже сухое, его нужно было перевозить домой, но Пётр Степанович, лёжа под копной, гоняя во рту соломинку, думал не о сене – он думал о внуках, о Серёге и Толике...

Итак, что он видел? Он видел внуков, спавших голыми в одной кровати... то, что у с п я щ е г о Серёги был стояк, и стояк, наверное, был у с п я щ е г о Толика, ещё ни о чём не говорило, – мальчишкам было по четырнадцать лет, то есть они уже были в том возрасте, когда стояки – дело понятное и естественное: это закон природы, и против закона этого не попрёшь... какой

спрос с человека, который спит? Один ли спит человек или спит не один – здесь разницы нет. И у взрослых такое тоже бывает, и даже нередко бывает, а уж у мальчишек, когда в организме их всё бурлит, когда мысли все крутятся-вертятся вокруг секса, когда уже хочется им, хочется не по-детски, это бывает тем более! Пётр Степанович, держа во рту соломинку, невольно улыбнулся, вдруг вспомнив... сколько ему тогда было лет? Да столько же, сколько сейчас Серёге и Толику – тоже четырнадцать... или нет, он был младше... да, конечно, он был младше! Было ему лет тринадцать, никак не больше... было лето, откуда-то с Урала к Матюшиным, жившим на другом краю Сосновки, погостить приехала внучка Танька... а вот Таньке было уже четырнадцать или даже пятнадцать – она была старше их всех в их мальчишеской ватаге, и вот эта Танька по вечерам давала пацанам пощупать свою грудь... больше ничего не было – ни поцелуйчиков, ни, тем более, половых актов, и даже просто залезть к ней в трусы, чтоб пощупать т а м, никому из пацанов Танька не позволяла, попытки такие она пресекала, так что все довольствовались только тем, что было можно, но и этого вполне хватало, чтоб почувствовать себя настоящим мужчиной... и неизвестно, чем бы всё это закончилось – может, дошло бы дело и до самого настоящего секса – но кто-то стукнул бабке Матюшихе, что вытворяет её внучка с местными пацанами, и Танька, недолго погостив в Сосновке, была без лишнего шума отправлена домой – «от греха подальше», однако до того, как набожная Матюшиха отправила внучку домой, тринадцатилетний Петька тоже успел приобщиться к н а с т о я щ е м у...

Пётр Степанович, лёжа под копной сена, всматривался в своё прошлое, и казалось ему, что всё это было только вчера... щупали Таньку за сараем, и когда кто-то из пацанов уходил за сарай вместе с Танькой, все, оставшиеся сидеть на брёвнах, знали, ч т о там, за сараем, происходит, – Танька сама выбирала-решала, кто за сарай с ней пойдёт – кто будет тем счастливым,

кому она даст себя полапать; до него, до Петра Степановича, который тогда, в то навсегда ушедшее время, ещё не был Петром Степановичем, а был просто Петькой, щуплым пацанёнком, очередь всё никак не доходила, некоторые пацаны уже по три раза сходили за сарай, а его, Петьку, Танька почему-то обходила своим вниманием, но в последний вечер своего пребывания в гостях у Матюшихи она Петьку позвала: «Пойдём, Петя, отойдём в сторону, я тебе что-то сказать хочу...» – и Петька, метр с кепкой, победно глянув на пацанов – пацанам многозначительно подмигнув, вслед за Танькой отправился за сарай...

Солнце начинало припекать, оно било прямо в глаза, и Пётр Степанович, забыв про Серёгу и Толика, чуть передвинулся в сторону, в холодок, – теперь, спустя прожитую жизнь, вспоминать то давнее, детское и глупое, было смешно, а тогда... за сараем Танька, глядя Петьке в глаза, спросила так, как она спрашивала у всех пацанов: «Хочешь потрогать мои сиськи?» – Танька проговорила это без всяких предисловий, и даже не проговорила, а прошептала, от пацанов Петька знал, что так Танька спрашивает всех, то есть был к такому вопросу готов, и всё равно... шёпот Танькин показался Петьке таинственным, необыкновенно возбуждающим – вмиг пересохшими губами Петька ответил-признался: «Хочу», одновременно с этим признанием чувствуя, как его членик в штанах, стремительно затвердевая, сладко напрягается... лифчика на Таньке не было – «сиськи» у Таньки под блузкой-рубашкой были не очень большие, похожие на два одинаковых холмика-бугорка, и Петька сначала одной рукой, потом сразу двумя руками несильно сжимал, тискал-мял Танькину грудь, делая это то пальцами, то ладонями – ощущая упругую мякоть торчащих выпуклостей, и... щупая Танькину грудь, он, Петька, сам не знал, что ему приятнее – теревить Танькины «сиськи» или осознавать, что он э т о делает... «сеанс» – а именно так называли мальчишки походы с Танькой за сарай, длился минуты три или четыре, член

у Петьки стоял, упиравсь в трусы, член распирало от сладости, и это было неправильно, что Петька не мог свой член потрогать, не мог его сладко стиснуть, сдавить-сжать... ну, то есть, мог, наверное, но... за сарай его Танька не для того ведь позвала, чтобы он на глазах у ней д р о ч и л! Не для того... а для чего? Мальчишек, собиравшихся по вечерам на брёвнах, было человек шесть или семь, это была их компания, их ватага, принявшая в свои ряды приехавшую Таньку... точнее, Танька сама внедрилась в их ряды, а пацаны возражать не стали, – Петьке и его друзьям было по двенадцать-тринадцать лет, и только долговязому молчаливому Яшке было четырнадцать, он был чуть старше остальных, Таньке тоже было четырнадцать или даже пятнадцать, и... зачем она это делала – чего хотела, зазывая их, малолеток, за сарай? Этого пацаны не знали, над этим не заморачивались, но в «сеансах» за несколько дней поучаствовали все... три-четыре минуты длился Петькин «сеанс, – Танька, дав Петьке возможность пощупать свою небольшую, упруго-мягкую грудь, сказала: «Ну, хватит!», застегнула на блузке-рубашке верхние пуговицы, и, когда они выходили из-за сарая, Петька, победительно улыбаясь друзьям, правую руку держал в кармане брюк, прижимая к ноге напряженный, сладко ноющий столбик... онанировал он в тот вечер с особенной сладостью, мысленно тиская Танькины «сиськи», мысленно их целуя, мысленно опускаясь рукой вниз – засовывая ладонь в Танькины трусики, где у ней были, как грезилось тринадцатилетнему Петьке, мягкие шелковистые волосы...

Вся эта история из давно прошедшего, в Лету канувшего времени медленно прокрутилась перед мысленным взором Петра Степановича, словно всё это было только вчера... Танька эта в Сосновку больше никогда не приезжала, и зачем она давала мальчишкам щупать свою грудь, получала ли она сама от этого какое-то удовольствие или это было у Таньки какое-то психическое отклонение – об этом никто никогда не узнал, да это было и неважно: Танька

ещё какое-то время волновала воображение в минуты уединения, когда рука скакала-прыгала в низу живота, потом её образ постепенно вытиснился другими образами, другими делами и заботами, и Танька эта забылась, образ её напрочь стёрся, растворился в прошлом, как растворилась в прошлом вся эта необычная история... и вот теперь он, Пётр Степанович, неожиданно вспомнил эту Таньку из детства – он вспомнил п е р в у ю девчонку, у которой он потрогал грудь, но теперь дело было совсем не в Таньке: думая про Серёгу и Толика, Пётр Степанович вспомнил не Таньку, а вспомнил себя, каким был он сам, когда было ему почти столько же лет, сколько было сейчас Серёге и Толику... всё, всё то же самое, как и полвека назад! В четырнадцать лет по утрам у Петьки тоже стоял, и он, Петька, нередко снимал напряжение в туалете, куда устремлялся сразу после просыпания – торопливо и сладко делал то, что делают, наверное, все... так было, наверное, и сто лет назад, и тысячу лет, и даже до нашей эры – все мальчишки во все времена одинаковые, и если б, к примеру, он увидел... если б он стал невольным свидетелем того, как Серёга занимается онанизмом, он бы нисколько не удивился и уж точно не стал бы придавать этому какое-то значение, не стал бы об этом даже думать – все мальчишки во все времена взрослеют одинаково... но он увидел нечто другое, и теперь с этим – с тем, что он увидел – нужно было что-то делать...

Пётр Степанович, передвинувшись ещё немного – скрываясь от солнца, достал из кармана пачку с сигаретами, достал спички и, чиркнув спичкой, закурил... если б Серёга и Толик спали пусть на одной кровати, но в шортах или хотя бы в трусах, то этому можно было б найти объяснение: ну, дурачились... или, наоборот, о чём-нибудь разговаривали – и, на минуту затихнув, успокоившись или умолкнув, сами не заметили, как уснули... могло быть такое? Вполне могло! Но... они были голые! Понятно, что не во сне они стянули с себя трусы – они сняли их до того, как уснуть... а потом не надели,

не успели надеть – их сморил сон, и здесь самым естественным образом возникал главный вопрос: зачем они сняли с себя трусы? Ну, то есть... что они делали до того, как их сморил сон? Пётр Степанович сделал глубокую затяжку... конечно, Пётр Степанович знал, что могут делать или даже что делают взрослые парни, взрослые мужчины между собой, – Пётр Степанович, проживший жизнь, знал, что есть м у ж е л о ж е с т в о, что на зоне, то есть в тюрьме, явление это распространённое, что мужики или парни могут сосать у кого-то члены даже без всякого принуждения, но всё это знание было абстрактно, без всяких деталей, без всяких нюансов и подробностей... так получилось, что эта другая сторона секса прошло мимо Пётра Степановича, ни разу его не задев, нигде и никак не зацепив: ни в детстве, ни в подростковом возрасте, ни позже, когда он стал парнем, ни в армии – нигде никогда Пётр Степанович не сталкивался с подобным явлением... и интереса ко всему этому у него не было никогда – знал Пётр Степанович, что такое бывает, и не более того, никогда никакого интереса к этому у него, у Петра Степановича, не было. А теперь... что могли делать Серёга и Толик в постели голыми? Зачем они сняли трусы? Это был главный вопрос, – ведь для чего-то же сняли внуки трусы...

Для чего-то сняли... но шанс узнать, для чего внуки по вечерам снимают трусы, у Петра Степановича был практически на нуле. И вот почему. Люди часто допускают одну неосознаваемую ошибку: в спорах, в суждениях о чём-либо, в оценках других, в понимании разных событий или явлений люди отталкиваются от тех представлений, от тех знаний или незнаний, какие сложились у них, – собственный жизненный опыт, или набор усвоенных «истин», или смесь из того и другого невольно становятся той колокольней, с высоты которой люди уверенно судят об окружающем их мире: это правильно, а это неправильно, этот дурак, а этот умный, это хорошо, а это плохо, это может быть, а такого не может быть никогда... сколько людей –

столько мнений! С в о и х, л и ч н ы х мнений. Здесь, правда, тоже не всё так просто: кукловоды, преследуя свои цели, во все времена объединяли людей каким-либо о б щ и м мнением, или о б щ е й верой во что-нибудь, или о б щ и м представлением о правильном и неправильном, но даже в этом случае мало кто хотел или хочет признавать себя безмозглой куклой в чужих руках – каждый, разделяя так называемое «общепринятое мнение», к мнению этому по причине стадности подстегиваясь, между тем, как правило, уверен, что это е г о убеждения, его л и ч н о е мнение, которое просто совпадает с общим п р а в и л ь н ы м мнением, повсеместно господствующим в социуме или в каком-то куске мире, – в этом, собственно, и заключается искусство манипуляции, чтобы каждый, объединяясь с другими в своих суждениях-представлениях по какому-либо вопросу, при этом не понимал, что он всего лишь жертва опытного оратора, жертва лукавого или врущего телевизора, жертва пропаганды, жертва ловких подстав и разводов... и если вопросы посадки огурцов или репчатого лука кукловодов мало волнуют, а потому для решения подобных вопросов создавать какое-то «общественное мнение» у кукловодов нет нужды то вопросы секса и, прежде всего, секса однополого всех кукловодов неизменно волновали везде и всегда: кукловоды всеми доступными им средствами столетиями формировали представление об однополем сексе как о чем-то страшно постыдном, позорном, недопустимом, справедливо преследуемом исключительно «в интересах общества», и здесь в ход шли, с одной стороны, «происки дьявола», «мерзость», «да будут преданы смерти, кровь их на них», а с другой стороны, «скрепы», «половая мораль», «семейные ценности», «духовно-нравственные ориентиры» «нормы традиционного общества», то есть вся та лабуда, которой щедро осеменяли кукловоды так называемый «народ»... «Однополый секс – это мерзость?» – «Мерзость!» – «А ты пробовал?» – «Ты что – с дуба свалился? Я не пидарас!». «Геи – это извращенцы?» – «Извращенцы! Ненормальные! Больные!» – «А почему?» –

«Так все это з н а ю т – в с е так считают!» – у п с ! В с е ! – кукловоды потирают потные ладошки: враг есть, и ненавистью к этому врагу можно отлично объединять биомассу в монолитный кулак для борьбы за «наши ценности». В контексте этого о б щ е п р и я т о г о м н е н и я об однополых сексах или о геях, в контексте борьбы за «наши традиционные ценности» особенно рьяно всех этих «извращенцев» и «преступников» ненавидят те, кто когда-то хотел попробовать сам, но по каким-то причинам этого так и не сделал, или попробовать хочет, но – опять-таки, по разным причинам – этого не делает, не пробует, и таких, сексуально неудовлетворённых по части своих однополых позывов, очень даже немало, и кукловоды об этом тоже знают и это расчетливо и ловко используют для достижения своих целей, – здесь впору вспомнить слова Оруэлла из его знаменитой книги: *«Дело не только в том, что половой инстинкт творит свой собственный мир, который неподвластен партии, а значит, должен быть по возможности уничтожен. Еще важнее то, что половой голод вызывает истерию, а она желательна, ибо ее можно преобразовать в военное неистовство и в поклонение вождю»* – отличное объяснение для всякой лабуды про «мерзких пидарасов» и, соответственно, про «защиту наших духовных ценностей»... люди в массе своей бисексуальны, именно так распорядилась природа, это данность, и потому превращение гомосексуальности в «извращение» и «преступление» – это один из мощнейших инструментов манипулирования массовкой со стороны власть предержащих, со стороны «вождей», церковников и обслуживающих их кукловодов, – так было всегда, с самого начала н а ш е й эры... и если бы Толика и Серёгу, спящими голыми в одной постели, увидел бы кто-то, кому тема эта в любой форме небезразлична, то этот кто-то тут же сделал бы вывод, ч т о всё это значит, – у всех, небезразличных к теме однополых отношений, вывод без особых гаданий и разных предположений сразу возник бы сам собой, и это понятно: каждый судит о других по себе – судит других со своей колокольни. Вот и у Петра

Степановича, как и у всякого другого, тоже была своя колокольня, с высоты которой он смотрел на окружающий его мир...

Солнце, поднимаясь всё выше и выше, стремясь к зениту, вновь настигло Петра Степановича, и Пётр Степанович снова переместился в сторону, прячась от палящих солнечных лучей; так вот... если бы у Петра Степановича, думающего о Серёге и Толике, был бы собственный подростковый опыт однополого секса, какой в подростковом возрасте бывает у многих мальчишек, открывающих мир секса, или если бы у Петра Степановича в его жизни хотя бы был просто какой-то опыт по этой части, приобретённый случайно, одноразово, под влиянием каких-либо обстоятельств, то, отталкиваясь от этого опыта, он наверняка бы смог заподозрить-предположить, чем именно могли заниматься в постели голые четырнадцатилетние подростки; ещё бы подозрения-предположения о практикуемых мальчишками гомосексуальных актах могли бы возникнуть у Петра Степановича, если бы он такими вопросами интересовался, если бы чувствовал он в глубине души какое-то шевеление на эту для многих волнительную тему, но Пётр Степанович по складу своего характера был не теоретиком, а был он практиком, причем весь его практический интерес всю жизнь носил исключительно гетеросексуальный характер... ну, и что – при всём таком раскладе – должен был думать Пётр Степанович про Серёгу и Толика?

И ещё был один момент, тоже немаловажный: и Серёга, и Толик были не просто какими-то абстрактными подростками, спавшими голыми в одной постели, они были даже не соседскими мальчишками, а были внуками, что, в свою очередь, делало Пётра Степановича предвзятым: мысль о том, что внуки могут орально или анально трахаться, быть пидарасами... эта, в общем-то, простая, вполне житейская мысль просто-напросто не приходила Петру Степановичу в голову... и, опираясь на собственный

подростковый опыт при отсутствии минимальных знаний о подростковой сексуальности за пределами личного опыта, будучи не втянутым в ту воронку ненависти к так называемым «нетрадиционным ценностям», как это происходит это с сексуально ущербными патриотами, черпающими подпитку из телевизора, Пётр Степанович пришел к закономерному для себя выводу, что Серёга и Толик, уже находясь в возрасте совершенно естественного, природой обусловленного х о т е н и я, занимались банальным онанизмом, как когда-то этим занимался в подростковом возрасте он сам, четырнадцатилетний Петька... дальше этого предположения и, соответственно, дальше такого вывода Пётр Степанович в своих мыслях, опираясь на с в о й жизненный опыт, не продвинулся... да, внуки занимались онанизмом – такое занятие было для Пётра Степановича и понятно, и объяснимо! Почему они делали это в одной постели? Почему они были при этом голые? Ну, может, бахвалились друг перед другом своей взрослостью, дурковали-дурачились, соревновались, кто их них взрослее... могло быть такое? Могло! Пётр Степанович вспомнил, как лет в двенадцать... или нет, даже раньше – лет в одиннадцать или десять – они, пацаны безволосые, несколько раз теребили свои напряженные писюны совместно, ещё не совсем понимая, зачем это нужно делать... просто было интересно, было любопытно! Пётр Степанович с высоты своей прожитой жизни улыбнулся: вот они, загорелые, как чертенята, с приспущенными штанами стоят в сарае у Юрика и весело, ещё неумело, ещё не зная, что «делать так стыдно», ещё не ведая, чем такое должно заканчиваться, с детским азартом дёргают свои затвердевшие краники... – вспомнив это давнее, давно забытое, глупое, навсегда ушедшее, похороненное под грудой прожитых лет, Пётр Степанович невольно улыбнулся: какие же были они дураки! А с другой стороны... почему дураки? Всему своё время... время клады искать и время в клады не верить, время грезить о любви и время влюбляться, время косить траву на сено и время готовое сено везти домой,

чтобы было что жевать кормилице Машке под завывание зимней вьюги... всему своё время!

«Да, сено пора возить под навес, – подумал Пётр Степанович, поднимаясь на ноги; ни машин, ни тракторов, что были когда-то в совхозе, в Сосновке давно уже не было, попросить помочь с перевозкой сена было некого, и потому оставалось надеяться только на себя – для перевозки сена у Пётра Степановича был огромный полотняный мешок и еще был небольшой прицеп к «Москвичу». – Толик с Серёгой помогут, пока они здесь...» Отряхиваясь, Пётр Степанович подумал, что хорошо... хорошо, что утром он растерялся и ретировался – не стал сгоряча будить внуков, не стал сгоряча требовать объяснений, устраивать никому ненужное дознание, – у каждого свой тайный личный мир, и не всегда разумно, а в каких-то случаях даже очень неразумно лезть туда, куда лезть не надо... пусть внуки думают, что он, Пётр Степанович, их не видел! Да и что он видел такого особенного? Ну, занимались мальчишки онанизмом, вдвоём занимались... и что? Да ничего! «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» – мог бы подумать Пётр Степанович, подводя итог «разбору полётов», но Пётр Степанович этих слов не знал, как не знал он ничего про царя Соломона, сказавшего эти слова в незапамятные времена, – Пётр Степанович решил, что сено для Машки они начнут перевозить домой на следующей неделе и что за три-четыре дня они, то есть он и внуки, с этой задачей вполне справятся, если внуки не будут лениться...

За обедом Серёга с Толиком во всех подробностях рассказали Петру Степановичу, как они помогали бабуле заготавливать еду на зиму: из погреба достали пустые стеклянные банки, хорошо их помыли, потом пропарили, чтоб убить всех микробов – чтобы банки с едой «не взорвались», ещё они тщательно перемыли овощи, огурцы и помидоры, очистили от шелухи дольки чеснока... собственно, рассказывал это всё Серёга – Толик по

большей части молчал или, когда Серёга обращался к нему за подтверждением, кивал головой.

- А что же делала бабуля? – поинтересовался Пётр Степанович с лёгкой, едва уловимой иронией в голосе. - Ну, если всё делали вы...

- Бабуля в банки огурцы и помидоры, которые мы подготовили, укладывала, заливала их кипятком два раза и потом закручивала... но без нас бабуле было бы трудно всё сделать самой! – Серёга посмотрел на Зинаиду Ивановну. – Скажи, бабуля!

- Конечно! – лицо Зинаиды Ивановны озарилось лучистой улыбкой. – Без вас, мои золотые, я бы до сих пор ещё возилась с этими банками...

- Вот! А с нашей помощью – пятнадцать банок с огурцами, пятнадцать банок с помидорами и десять банок ассорти уже готовы! Вам теперь на всю зиму хватит! – проговорил Серёга с неподдельной гордостью за себя и за Толика. – Да, Толян?

Соглашаясь с Серёгой, Толик в ответ кивнул головой.

- Ну, молодцы! – резюмировал Пётр Степанович. – Теперь мне тоже нужна будет ваша помощь...

- Говори, дедуля! – не дослушав Петра Степановича до конца, с энтузиазмом воскликнул Серёга. – Мы тебе тоже поможем!

Пётр Степанович объяснил, что надо будет перевезти домой копны сена, – работа не очень трудная, но немного однообразная, поскольку копен довольно много, однако за три-четыре дня они втроем с этой работой вполне справятся.

- Поможете? – Пётр Степанович вопросительно посмотрел сначала на Серёгу, потом на Толика. – Я, конечно, и один могу всё это сделать, но втроем будет и быстрее, и веселее...

- Конечно, поможем! – не раздумывая, всё с тем же энтузиазмом отозвался Серёга. – Да, Толян? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика. – Поможем дедуле?

- Конечно, поможем! – утвердительно проговорил Толик и, как человек деловой и прагматичный, вопросительно посмотрел на Пётра Степановича: – Когда нужно перевезти сено?

- Я думал на следующей недели начать возить, но если вы мне поможете, то, пожалуй, завтра этим мы и займёмся. Дня за три-четыре управимся. Согласны? – Пётр Степанович посмотрел на Толика как на человека более делового и основательного по сравнению с легкомысленным Серёгой.

- Согласны! – одновременно ответили Толик и Серёга и, посмотрев друг на друга, весело рассмеялись.

После обеда, взяв с собой пообедавшего Пирата, бойскауты на своих «мустангах» рванули на остров – и покупаться, и вообще... вдруг чего-то ещё захочется!

- Толян... всё-таки нам офигенно повезло, что дедуля нас не видел – что его тормознул на дороге тот мужик на своём драндулете, – проговорил Серёга; они уже искупались, поныряли-поплавали, и теперь стояли на берегу, обсыхая; трусы они сняли – стояли голые, юные и стройные, как настоящие дикие люди на каком-нибудь затерянном в океане острове. Верный Друг Пират, который хотя и не нырял, но тоже немного поплавал вместе с мальчишками, что-то искал в кустах. – Прикинь, если б не тот мужик... как бы, Толян, мы спалились!

- Да уж! – согласился с Серёгой Толик. – Пришлось бы с дедулей объясняться...

- А ты что собирался говорить дедуле? Ну, когда мы выходили на улицу – когда думали, что дедуля нас видел... – Серёга с любопытством посмотрел на Толика. – Ты мне сказал, что если дедуля начнёт допрос, то отвечать ему будешь ты...

- Если б дедуля спросил, почему мы спали вместе и почему были голые, я бы сказал... – Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся – я бы сказал, что мы мастурбировали, а потом незаметно уснули... вот что я бы сказал!

- Ты бы так и сказал?! – с лёгким изумлением в голосе произнёс Серёга, глядя на Толика. – Ты сказал бы дедуле, что мы дрочили?

- Не дрочили, а мастурбировали! – назидательно подняв указательный палец вверх, с улыбкой поправил Серёгу Толик. – Мастурбация – это снятие напряжения. Все пацаны мастурбируют, хотя в этом не признаются.

- Вот! Не признаются же! – Серёга так же, как Толик, назидательно поднял вверх свой указательный палец. – А ты бы спалил и меня, и себя...

- Блин! А ты... ты сам что сказал бы дедуле, если бы он нас спросил? – Толик, глядя на Серёгу, прищурился,

- Я бы сказал, что это не мы! – тут же, не задумываясь, отозвался – ответил – Серёга.

- В смысле? – не понял Толик.

- Что «в смысле»? Я бы сказал, что это не мы – что мы не дрочили...

- А что же мы делали?! – изумился Толик, глядя на Серёгу. – Серый... какой же ты придурок! – Толик рассмеялся. – Если мы не дрочили, то тогда ч т о

мы делали голые в одной постели? В жопу долбились – трахали в попу друг друга? Блин, ты просто тупой придурок! У тебя стояк был, и... «это не мы – мы не драчили» – «а что вы делали?» – «мы друг у друга сосали, а потом уснули»... так, что ли, ты объяснил бы дедуле, если б он нас застукал? Блин, я фигею с тебя!

- Какой ты, Толян... возбудимый! У меня всегда стояк по утрам... и что? – Серёга, сделав блудливое выражение лица, игриво посмотрел на Толика. – У меня и сейчас стояк будет... смотри! – Серёга, опустив голову, посмотрел на свой действительно увеличивающийся, поднимающийся член. – Уже встаёт! Если мой старший брат такой умный, то пусть мне, глупому, скажет: если у бойскаута член поднимается, это к чему? К дождю или к кайфу?

Толик, вслед за Серёгой опустив голову вниз – посмотрев на Серёгин член, почувствовал, как у него самого предвкушающе кольнуло в промежности, и его член стал также неумолимо расти.

- У меня тоже встаёт! – рассмеялся Толик. – Смотри!

- Толян, представь, что я плохо вижу... – Серёга, чуть округлив глаза – изобразив на лице сосредоточенность не ориентирующегося в пространстве человека, стал хватать пальцами воздух справа и слева от Толикова члена, как бы пытаясь-стараясь нащупать сам член, чтобы проверить и убедиться; что Толик не врёт.

Толик, с улыбкой глядя на «ослепшего» Серёгу, со словами:

- Надо помочь слепоту, – взял руку Серёги чуть повыше кисти, подвел пальцы к своему затвердевшему члену, и – член Толика в тот же миг оказался в крепком Серёгином кулаке.

- Вот! Теперь я чувствую... вижу, что ты не шутишь... у тебя тоже стоит! А к чему всё это? К дождю? Или, может, к чему-то ещё? – Серёга, продолжая играть роль слепого, изобразил на лице полное непонимание. – Или, может, к землетрясению... это ты можешь мне объяснить?

- Сейчас объясню... – вновь рассмеялся Толик; он сжал в кулаке напряженный Серёгин член, потянул Серёгу за член в сторону расстеленного на траве покрывала. – Пойдём, мой незрячий брат... сейчас я тебе всё объясню...

- Куда ты меня ведешь? – прошептал Серёга, продолжая играть роль слепого.

- Уже пришли... ложись! – Толик легонько толкнул Серёгу, и Серёга, будучи «слепым», послушно опустился на покрывало.

- Что это? Покрывало? Зачем оно здесь? Что ты хочешь со мной сделать?

- Сейчас узнаешь...

Мальчишки дурачились. Они были возбуждены – члены у них у обоих были напряжены, и жаркая сладость предвкушения уже полыхала, плавилась и в промежностях, и в мышцах туго сомкнутых анусов... какое-то время они, поочередно оказываясь то сверху, то снизу, страстно, с юным ненасытным упоением сосали друг друга в губы, сладострастно сопя, тёрлись друг о друга липко залупающимися членами... опрокинув Серёгу на спину – оторвавшись от губ Серёгиных, Толик молча приблизил лицо к Серёгиному паху, и губы Толика прикоснулись к обнаженной, сочно пламенеющей головке Серёгиного члена, – ничего не говоря, Толик провёл кончиком языка по натянутой уздечке, пощекотал уздечку языком и губами и, оторвав член от живота – приведя твёрдый, напряженно торчащий член в вертикальное положение, медленно вобрал головку в рот... содрогнувшись всем телом, Серёга невольно подался пахом вверх, сладострастно сжав ягодиц – стиснув

и без того сомкнутые мышцы сладко зудящего ануса, – Толик, скользя губами по горячему стволу, ритмично задвигал, заколыхал головой вверх-вниз...

- Толян... давай, я тоже... вместе давай! Одновременно... – прошептал Серёга, чуть приподняв голову – глядя, как Толик сосёт его член.

Ничего не говоря, Толик крутанулся рядом с лежащим на спине Серёгой, перебросил одну ногу через Серёгину голову, чуть подался всем телом назад, чтобы член его оказался прямо над Серёгиным лицом, и они в один миг оказались лежащими валетом, точнее, лежал Серёга, а Толик над ним, опираясь на локти, раздвинув ноги, стоял раком, – Серёга, направив член Толика вертикально вниз, приподнял голову, чтоб достать до члена губами, но держать голову навесу было неудобно, и Серёга, прошептав:

- Ниже... ниже опустишься... – одновременно с этими словами надавил ладонью Толику на поясницу.

Толик, послушно скользнув коленями по покрывалу – шире раздвигая ноги, опустился над Серёгиным лицом ниже, член Толика оказался в сантиметре от Серёгиных губ, и Серёге теперь оставалось лишь чуть приподнять голову, чтоб дотянуться губами до обнаженной, сочно пламенеющей головки, что Серёга и сделал: снизу вверх Серёга насадил свой рот на твёрдый горячий ствол, скользнул влажным кольцом обжимающих губ по стволу к мошонке... это был кайф – кайф двойного наслаждения, когда сосёшь ты и сосут у тебя, и всё это делается одновременно, – какое-то время мальчишки с сопением двигали, колыхали головами – Толик сверху вниз, а Серёга снизу вверх... Толик стоял над Серёгой раком – ноги Толика были разведены, и, соответственно, были раздвинуты, распахнуты его ягодицы, так что очко Толика – туго стиснутые мышцы сфинктера, окаймлённые бледно-коричневым кружком – было прямо перед Серёгиными глазами, – не

выпуская член Толика изо рта, Серёга подушечкой пальца прикоснулся к центру коричневого кружка... не надавил на очко, а именно прикоснулся, едва притронулся к мышцам сфинктера, как делал он это себе во время дрочек, – Толик вздрогнул от наслаждения, и Серёга в то же мгновение почувствовал, как мышцы сфинктера под его пальцем дёрнулись-шевельнулись... у Серёги мелькнула мысль, что он мог бы... очко у Толика было чистое, и он, Серёга, сейчас мог бы... это было не вспыхнувшее желание, а любопытство... да, именно любопытство – посмотреть, что почувствует Толик и что при этом почувствует он, Серёга, – мышцы сфинктера от лёгких прикосновений пальца конвульсивно сжимались, шевелились, и Серёга подумал, что если... он, Серёга, понятия не имел, что для таких сексуальных действий есть отдельные, специальные названия – термины «аналингус», «римминг»... он никогда не видел геевские порноролики, где парни делают это друг другу... он, Серёга, не знал, что это достаточно распространённая разновидность орального секса, известная человечеству с незапамятных времён... ничего этого четырнадцатилетний Серёга не знал, и мысль эта – прикоснуться кончиком языка к очку Толика, лизнуть очко языком – пришла ему в голову внезапно, без какого-либо знания со стороны... и, наверное, если б эта спонтанно пришедшая в голову мысль возникла бы в виде ж е л а н и я, он, Серёга, или это своё желание осуществил бы, благо очко Толика было прямо перед его глазами, или своим желанием поделился бы с Толиком, чтобы вопрос этот согласовать, но в мысли этой было не желанием, а было всего лишь обычное любопытство, и потому мысль эта – попробовать анус Толика языком – всего лишь мелькнула в голове Серёги... промелькнула, не задержавшись.

- Толян... – выпустив изо рта мокро блестящий член Толика, возбуждённо прошептал Серёга, и в его голосе отчетливо прозвучали нотки нетерпения. – Давай в жопу друг друга... хочешь?

- А ты? – Толик, соскользнув губами с члена Серёги, чуть подался в сторону, сплёвывая на траву образовавшуюся во рту обильную слюну.

- Я хочу, – отозвался Серёга. – Давай, Толян! Где наша смазка?

Толик первым вставил Серёге – медленно вдавил напряженный член в тугую Серёгину дырочку; эластично растянувшуюся под натиском негибаемого твёрдого стояка; потом они поменялись местами – поменялись ролями, и Толику в попу вставил Серёга; мальчишки поочередно натянули друг друга в тугие дырочки, поочередно кайфуя от сладости и морщась от боли, но в общем и целом это, конечно же, был кайф... дважды подбежал Пират, чтоб посмотреть, чем занимаются жарко сопящие «индейцы», – понимал ли Пират что-либо или нет, неизвестно, но, глядя на то, как сначала Толик, нависая над Серёгой, ритмично двигает задом, потом Серёга, точно так же нависая над Толиком, точно так же двигает задом своим, Пират оба раза одобрительно махал хвостом... разрядившись друг в друга – поочередно друг в друга кончив, мальчишки еще покупались, поныряли-поплавали, поднимая фонтаны радужных брызг...

Домой возвращались, когда солнце уже катилось к закату, – Толик с Серёгой, переговариваясь, смеясь, неспешно крутили педали, и настроение у обоих было отличное; Пират, подняв хвост, бежал впереди, показывая дорогу...

С перевозкой сена уложились в три дня, – работа была не то чтобы трудная, но однообразная и потому утомительная: возили сено с полей от завтрака и до ужина, делая перерывы лишь на обед; привезённое сено складировали на сеновале – в специальном высоком сарае, предназначенном для защиты Машкиной еды от дождя и снега, к концу дня мальчишки, работавшие на совесть, дружно и сноровисто, уставали так, что не было сил даже для секса, и три дня у Серёги и Толика никакого секса не было: после ужина они буквально валялись с ног, так что сил хватало только на то, чтоб покормить

Пирата и сходить в душ обмыться... словом, с сеном управились за три дня, и когда последняя копна оказалась под крышей, Серёга за ужином не без гордости отрапортовал Зинаиде Ивановне, что «теперь Машка едой обеспечена на всю зиму» и что без их деятельного участия «дедуля за три дня и половину сена не перевёз бы», – это была вполне понятная гордость за себя и за Толика: да, они реально помогли дедуле с перевозкой сена, и потому им было чем гордиться.

Три дня мальчишки вместе с Петром Степановичем перевозили – с утра до вечера – сено, три дня у них не было секса, а на четвёртый день случилось то, что могло не случиться, но что случилось... Накануне, поужинав, Серёга сказал Петру Степановичу, что будить их, бойскаутов, к завтраку не нужно – что они будут спать до обеда, как и «положено спать на каникулах». «Да как же вы без завтрака будете? – с лёгким беспокойством в голосе озадаченно воскликнула Зинаида Ивановна. – Придёте позавтракаете, а потом спите до обеда...» «Бабуля! Если мы встанем утром к завтраку, а потом снова ляжем, то мы уже не уснём. А так мы выспимся от души, пообедаем и после обеда рванём с Пиратом на наш остров. Да, Толян?» – Серёга посмотрел на Толика, незаметно толкнув под столом ногой ногу Толика. «Да», – односложно отозвался Толик, соглашаясь с Серёгой. «Да пусть спят, сколько хотят! – поддержал внуков Пётр Степанович. – Пусть отсыплются, пока каникулы... школа начнётся, и всё, там особо уже не спишь...» «Да как же они спать будут голодными?» – возразила Петру Степановичу Зинаида Ивановна, и Серёга тут же объяснил, что пока они будут спать, они не будут знать, что они голодные, а как проснутся и голод почувствуют, то есть узнают, что голодные, так сразу придут на обед... на том и порешили. Перед сном Серёга с Толиком сладко перепихулись, поиграли-подурачились друг с другом, и, когда эта игра, как и положено, завершилась оргазмами, они надели трусы, ещё немного посидели на ступеньках крыльца, – небо было звёздное, и Толик

показал Серёге созвездие Кассиопеи, похожее на немного растянутую английскую букву W. «Толян... а ты что – все созвездия знаешь?» – посмотрел на Толика Серёга; в глазах Серёгиных была смесь удивления и восхищения. «Нет, конечно! – рассмеялся Толик – Я только несколько созвездий знаю...» «Ну, всё равно... всё равно классно! Я тоже, как ты, хочу знать... почему нам в школе про всё это не рассказывают?» – проговорил Серёга, снова задрал вверх голову – глядя на звёздное небо. «Папа говорит, что когда он учился в школе, у них был такой предмет – астрономия, и они всё это изучали – и созвездия, и звёзды...», – отозвался Толик. «Вот! А нам сейчас всякую хрень преподают... – проговорил Серёга и, всё так же глядя на усеянное звёздами небо, сделал неожиданное признание: – Я, может, тоже буду астрономом...» Улеглись они по своим постелям – не так, как в прошлый раз, когда их чуть не застукал дедуля...

Завтракали Пётр Степанович и Зинаида Ивановна вдвоём, и – пусто и одиноко показалось им без Серёги и Толика.

- Разъедутся внуки наши по домам, и будем мы снова вдвоём куковать, – вздохнула Зинаида Ивановна, садясь за стол. – Я уже так привыкла...

- Ну, а что ты хочешь? – хмыкнул Пётр Степанович. – Это, Зина, жизнь... у них своя жизнь, и она у них только начинается, а у нас своя, большей частью уже прожитая. Всегда так было, и ничего ты здесь не поделаешь. Это как день земной: утро звонкое, потом полдень, потом солнце катится к закату...

- Да я это всё понимаю, – снова вздохнула Зинаида Ивановна.

- За Сергеем, наверное, скоро отец приедет – заберёт его. Уже, я думаю, из тайландов они вернулись. А с Толиком мы ещё порыбачим... Серёга рыбаку никудашний, а Толик в рыбалке толк знает, есть в нём рыбацкий азарт. Ну, а потом и Толик уедет... осень настанет – я перекрою крышу в коровнике... всё

это жизнь, и она идёт своим чередом... – Пётр Степанович отодвинул в сторону пустую тарелку. – Они мне и так хорошо помогли: и с сеном управились за три дня, я бы один с этим сеном недели полторы возился бы, и стройматериалы для коровника помогли привезти – несколько раз ездили... всё хорошо, вот только... – Пётр Степанович умолк, глядя прищуренным глазом на Зинаиду Ивановну.

- Что «вот только»? – Зинаида Ивановна вопросительно, с вмиг возникшей тревогой в глазах посмотрела на Петра Степановича.

- С кладом какая-то неувязка вышла. Обещали они, что с нами поделятся, а теперь молчат – про успехи свои не заикаются...

- Тю! – рассмеялась Зинаида Ивановна. – Да они, поди, уже сами забыли про этот клад!

- Вот и я о том же! – хмыкнул Пётр Степанович, доставая из кармана пачку с сигаретами. – Жизнь

После завтрака Пётр Степанович пошел кормить Пирата и, пока Пират ел, заглянул в комнату к внукам, – мальчишки спали; Толик лежал на животе, обхватив руками подушку, Серега, отвернувшись к стенке, лежал на боку, подогнув одну ногу, оба они чуть слышно посапывали, и Пётр Степанович, выходя на улицу, невольно подумал, что так глубоко, так безмятежно можно спать только на пороге жизни, когда ещё нет никаких проблем, когда школьные каникулы, когда вся жизнь ещё впереди...

Мальчишки проснулись почти одновременно; в комнате был полумрак, было прохладно... дверь на улицу была открыта, но оттуда, с улицы, не доносилось ни звука – время утреннего движа, состоящего, по большей части, из ругани воробьёв, уже миновало, и теперь там, на улице, всё застыло-замерло от набирающего силу летнего зноя.

- Толян, ты проснулся? – проговорил Серёга, словно это было для него, для Серёги, неочевидно.

- Проснулся, – отозвался Толик; он лежал на боку, повернувшись лицом к Серёге, Серёга лежал на боку, повернувшись лицом к Толику, и они смотрели друг другу в глаза. – А ты? – спросил Толик, словно теперь для него, для Толика, это было неочевидно, спит Серёга или уже не спит.

- Я тоже проснулся, – произнёс Серёга. – Сколько сейчас времени? Как ты думаешь?

- А чего здесь думать? Сейчас посмотрим... – Толик, перевернувшись на живот, опустил вниз руку, взял лежащий на полу телефон, посмотрел на вспыхнувший дисплей. – Офигеть! Уже полдвенадцатого...

- Ни фига мы с тобой спим! – Серёга, глядя на Толика, рассмеялся. – Будем вставать?

- Ну, а чего лежать, если выспались уже? – отозвался Толик и, перевернувшись на спину, откинув руки назад, сладко потянулся, закрыв глаза – то ли зевая, то ли сладко, протяжно выдыхая: – А-а-а...

Так иногда бывает, когда переспшишь: уже проснулся, уже выспался, уже понимаешь, что надо вставать, а вставать не хочется – словно какая-то усталость от долгого сна пеленает, мешает оторваться от постели.

- Толян, ты первый вставай! – предложил Серёга, вслед за Толиком тоже сладко потягиваясь, напрягая все мышцы тела.

- Почему я? – Толик, повернув голову, посмотрел на Серёгу.

- Ну, а кто должен первым вставать? Не я же! – отозвался Серёга, явно желая потроллить Толика. – Ты первый встаёшь, я за тобой... всё по чесноку!

- Ни фиги! Сначала ты встанешь, а потом я, – с деланным равнодушием проговорил Толик. – Вот так будет по чесноку!

- Я первый не встану! – твёрдо проговорил Серёга. – Встану только после тебя!

- Ну, тогда будем лежать здесь вечно, – хмыкнул Толик, делая вид, что хочет улечься поудобнее.

Спор этот – спор ни о чём – был из разряда тех дурашливых, ни о чём не свидетельствующих перебранок, какие время от времени вспыхивали между мальчишками, и даже не перебранки это были, а просто вербальные упражнения: мальчишки устраивали эти словесные поединки, инициатором которых всегда выступал Серёга, по принципу «кто кого переговорит», они спорили, доказывая друг другу свою правоту, называли друг друга «придурками», но все эти споры и обзывания, опять-таки, были в контексте той музыки, что незримо звучала для них, вела их и связывала.

Какое-то время они лежали молча, демонстрируя друг другу твердость своих позиций в вопросе «кто должен встать первым». Эрекции у обоих не было: трусы не дыбились, не вздымались характерными буграми, не были натянуты мощными, негибаемо-твёрдыми подростковыми стояками, – видимо, время утреннего с т о я н и я уже прошло, и теперь в трусах у обоих мальчишек был штиль.

- Толян... – глядя на лежащего на спине Толика, первым нарушил молчание Серёга. – Тебе снятся сны?

- Снятся, – отозвался Толик, поворачиваясь набок – лицом к Серёге.

- А что тебе снится? – в голове Серёги был неподдельный интерес.

- Ну, я не знаю... – чуть помедлив, отозвался Толик. – Всякое снится... иногда это как нарезка мелькающих клипов, так что потом фиг вспомнишь такой сон, а иногда сон словно длинный фильм – что-то делаешь, куда-то едешь или идёшь, с кем-то разговариваешь... а тебе что снится? – в голосе Толика прозвучал тоже неподдельный интерес.

- Мне снилось сегодня, что я летал... – проговорил Серёга; он на секунду умолк, вспоминая сон.

- Куда летал? – уточнил Толик.

- Просто летал... сам! – отозвался Серега; он снова умолк, думая, как лучше рассказать Толику свой необычный сон, который ему время от времени начал сниться.

- Как Карлсон из мультика? – уточнил Толик.

- При чём здесь Карлсон? Ты, я вижу, совсем дурак... у Карлсона был моторчик с пропеллером, а я без пропеллера летал...

- На самолёте реактивном? – снова уточнил Толик; они, лёжа друг против друга, смотрели друг другу в глаза; лучи жаркого солнца не проникали через плотные шторы, и поэтому в комнате было прохладно, был приятный полумрак.

- Блин, да при чём здесь самолёт? – возмутился Серёга. – Ты можешь заткнуться и хоть раз меня выслушать от начала до конца?

- Могу, – отозвался Толик. – Уже заткнулся. Рассказывай...

- «Рассказывай»... – передразнил Толика Серёга. – Ты, Толян, какой-то невоспитанный – постоянно перебиваешь меня, никогда меня не слушаешь... первым, как положено, не встаёшь после просыпания, и мы вынуждены

сейчас лежать из-за тебя... ну, чего молчишь? Тебе нечего сказать в ответ на мою справедливую критику?

- Тебя, Серый, не поймёшь... – Толик, глядя на Серёгу, не сдержал улыбку. – То «заткнись», то «чего молчишь» – у тебя семь пятниц на неделе! Рассказывай уже – куда ты летал, на чём и с кем...

- Блин, такой странный сон... классный сон! – пропустив мимо ушей про «семь пятниц на неделе», Серёга улыбнулся в ответ. – Ну, то есть, я как будто бегу...

- По взлётной полосе? – с невинным видом вновь уточнил Толик и тут же, не делая паузу, быстро-быстро проговорил-выдохнул: – Всё, Серый, всё! Молчу! Рассказывай! Бежишь ты как будто...

- Бегу я как будто... а ты молчи – не перебивай меня! Понял?

- Понял, – кротко отозвался Толик.

- Так вот...бегу я как будто, а сам не бегу, а только отталкиваюсь от земли – оттолкнусь и взлетаю вверх... медленно, плавно взлетаю – и словно лечу, парю в воздухе, и такое классное ощущение... приземляюсь и снова отталкиваюсь – снова плавно взмываю вверх... офигенный сон! Тебе, Толян, снится такое? – в глазах Серёги, устремлённых на Толика, было неподдельное любопытство. – Ну, или снилось когда-нибудь?

- Снилось, – отозвался Толик. – Только я не на месте бегу, а как бы реально бегу, но при этом я делаю очень большие шаги, метров по пять или десять, словно в подошвы кроссовок встроены пружины, и... каждый раз на какое-то время я тоже как бы зависаю в воздухе – эти пять или десять метров словно пролетаю...

- Вот! – неподдельно обрадовался Серёга похожести снов и, глядя на Толика, без всякого перехода тут же спросил-поинтересовался:

- Ты есть уже хочешь?

- Хочу, – отозвался Толик.

- Я тоже хочу! – снова обрадовался Серёга. – Вставай – пойдём на обед...

- Встану, но только после тебя! – Толик, глядя на Серёгу, весело подмигнул Серёге. – Встаёшь?

- Блин, ты как маленький! – с досадой проговорил Серёга, видя, что Толик сдаваться не собирается. – Ты понимаешь, что это глупо?

- Очень глупо! – согласился с Серёгой Толик; он, Толик, уже сообразил, как сделать так, чтоб Серёга встал первым с постели, и теперь нужно было лишь подготовить ситуацию; глядя на Серёгу, Толик улыбнулся.

- Ну, так вставай! Покажи младшему брату пример... или давай встанем одновременно – на счёт «раз-два-три», – предложил Серёга компромиссный вариант. – Считаем?

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – Никаких примеров старший брат своему младшему брату показывать не будет! – И, решительно отменяя прочь компромиссный вариант, с нарочито подчеркнутой твёрдостью в голосе проговорил: – Мой глупый младший брат сделает так, как сказал ему его мудрый старший брат, а именно: ты встанешь первым!

Толик, не один день общаясь с Серёгой, наблюдая за Серёгой при его общении с бабулей и дедулей, примерно знал, как можно подловить Серёгу на особенностях его характера... нужно было лишь подготовить, разогреть ситуацию – создать ловушку, в которую Серёга должен обязательно угодить.

- Ты встанешь первым! – уверенно, с напором повторил Толик; и уверенность эта, и напор в голосе нужны были для того, чтоб Серёгу как следует завести, р а з д р а к о н и т ь.

- Не встану! – проговорил Серёга, и хотя ответ его прозвучал вроде категорично, Толик не почувствовал в Серёгином ответе необходимой твёрдости.

- Встанешь! – с еще большим напором проговорил Толик.

- Не встану! – Серёга, невольно заражаясь напором Толика, отозвался с таким же – ответным – напором, и Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся... теперь было то, что надо! Серый явно проглотил наживку...

- Встанешь! – с азартом в голосе проговорил Толик.

- Не встану! – с не меньшим азартом отозвался Серёга. – Ты не знаешь меня! Если я сказал...

- Встанешь! – перебил Серёгу Толик; напористо перебил – нагло, даже как бы издевательски.

- Не встану! – тут же отозвался Серёга.

- А я говорю, что встанешь! – твёрдость, напор, азарт переплелись в голосе Толика, слились-соединились, наглядно демонстрируя Серёге непоколебимую уверенность Толика в своих словах.

- А я говорю...

В принципе, этих первых трёх слов было вполне достаточно, чтоб такой же азарт, такой же напор увидеть-услышать в голосе Серёги, и Толик, не давая Серёге закончить фразу, стремительно выбросил, протянул в сторону Серёги руку с открытой, готовой к пари ладонью:

- Спорим! – Толик даже не произнёс, а словно выстрелил в Серёгу этим коротким словом, не предлагая поспорить на предмет того, кто из них будет прав, а требуя это сделать.

- Спорим! – Серёга, на волне своего – ответного – азарта, соскочил с кровати, стремительно подлетел-подскочил к лежащему Толику, готовый сию же секунду заключить пари.

- Что и требовалось доказать, – совершенно спокойно, с деланной невозмутимостью проговорил Толик, глядя снизу вверх на Серёгу смеющимися глазами. – Я же говорил, что ты встанешь первым, а ты мне не верил...

Серёга, стоя между кроватями, почувствовал себя круглым дураком.

- Толян! – осознавая завершение «эпического противостояния» в «судьбоносном» вопросе, кто встанет с кровати первым, Серёга не сразу сообразил, как ему надо реагировать на свой проигрыш. – Толян... – повторил-проговорил Серёга ещё раз, глядя сверху вниз на Толика. – Ты обманул меня... так нечестно!

- Не обманул, а, зная слабые стороны противника, блестяще провёл операцию, чтобы выманить противника из его блиндажа... всё по чесноку! Вот теперь я тоже встаю... всё, Серый, по чесноку! – Толик, смеясь, хотел приподняться, но Серёга не дал ему это сделать – он качнулся в сторону Толика, рывком перевернул, опрокинул Толика на спину, рухнул-навалился на Толика сверху.

- Блин, Толян... я тебя выебу! – выдохнул Серёга, с силой вдавливаясь пахом в пах Толика.

- А-а-а... – дурашливо простонал Толик, не пытаясь вывернуться из-под Серёги, а даже наоборот, шире раздвигая под Серёгой ноги. – Обезумевший младший брат зверски насилует брата старшего... кошмар!

Ни Серёга, ни Толик не были возбуждены, и эрекции у них тоже не было, – с того момента, как они проснулись, они оба даже не подумали о каком-либо сексе, в трусах у них у обоих всё утро был полный штиль, но... много ли времени надо подросткам в четырнадцать лет, чтобы всё пришло в движение? То ли фраза «я тебя выебу», которая, будучи произносимой даже вне сексуального, вне буквального контекста, у подростков всё равно наполняется сексуальной конкретикой в силу специфичности их подросткового возраста, то ли ощущение соприкоснувшихся членов, пусть не эрегированных и не твёрдых, но всё равно взаимно ощущаемых, сладко ощутимых, а только оба они – и Серёга, вдавившийся в Толика всем телом, и Толик, без промедления раздвинувший под Серёгой ноги – одновременно почувствовали, как моментально вспыхнуло в них вечно юное желание, и... без особого труда можно догадаться и даже предположить, что бы могло последовать дальше в приятном полумраке комнаты, но в тот момент, когда Серёга, чуть приподнявшись, начал стягивать с Толика трусы, до них донеслось с улицы, как там, на улице, загремел цепью Пират... конечно, Пират мог греметь цепью по какой угодно причине, но ведь мог он греметь, подпрыгивая или пританцовывая – радуясь приходу дедули, – именно об этом, о приходе дедули, одновременно подумали и Серёга, и Толик; ничего не говоря, Серёга молниеносно соскочил с Толика и, на ходу поправляя в трусах предательски затвердевший член, метнулся к своей кровати...

Через минуту мальчишки, щурясь от яркого солнца, вышли на улицу – в знойное марево летнего дня; дедули не было; Пират при виде появившихся на крыльце мальчишек радостно закрутил хвостом, словно спрашивая: «Ну, чего вы так долго спите?»

- Привет, Пират! – Серёга ласково погладил Пирата по макушке, отчего тот еще яростнее закрутил-завертел хвостом. – Соскучился? Конечно, соскучился... дедуля завтрак тебе приносил? Или ты тоже голодный, как мы с Толяном? И воды у тебя в твоей миске нет... ни еды, ни воды... бедный Пират! Сейчас Толян это всё исправит – воду тебе принесёт... а потом мы, как пообедаем сами, обед принесём тебе тоже, и ты утолишь голод свой... а потом мы поедим на остров, и там ты будешь плавать на пароходе... да? Ты согласен, Пират, на такой вариант?

Пират, слушая Серёгу, крутил хвостом, явно ничего не имея против таких заманчивых перспектив.

- Толян, принеси Пирату воды! Видишь, он пить хочет, – проговорил Серёга так, как будто не Толик был старшим братом, а старшим братом был он, Серёга.

- Обрати внимание, Пират, кто реально о тебе заботится, а кто только языком мелет... – с этими словами Толик взял пустую миску Пирата, чтоб принести воду.

- Ой, Толян! Вот только не надо начинать... – Серёга изобразил на лице досаду. – Ты отлично знаешь, что я никогда ничего лишнего не говорю, а говорю я всегда только по делу, говорю только по существу... слово моё – на вес золота! Ты, Пират, согласен со мной?

- Да уж! – рассмеялся Толик.

А еще через двадцать минут, смеясь и дурачась – толкая друг друга, мальчишки появились во дворе Зинаиды Ивановны.

- Ну, наконец-то! – всплеснула руками Зинаида Ивановна, радуясь появившимся внукам. – Я уже борщ сварила, котлеты нажарила, пюре

сделала, а вас всё нет и нет... хотела уже за вами дедушку посылать! День на дворе, а вы спите... проголодались?

- Не то слово, бабуля! – отозвался Толик. – Всё съедим по две порции!

- Да вы ж мои золотые! – умилилась Зинаида Ивановна, для которой аппетит внуков был на первом месте.

- Я, бабуля, давно бы пришел, но не мог разбудить Толяна, – не моргнув глазом, сообщил Серёга. – Растолкаю его: «Вставай, – говорю, – хватит встать!» – и он вроде как проснётся: «Встаю, – говорит, – встаю!» Ну, я спокойно выйду на улицу, чтоб Пирату воду налить... или ещё что-то нужное сделаю, а Толян из комнаты не выходит. Я снова в комнату иду... зайду, а он снова спит – храпит ещё громче... и так раз десять, наверное!

- Серёга что-то опять сочиняет? – весело проговорил подошедший к внукам Пётр Степанович.

- Ничего я, дедуля, не сочиняю... – живо отозвался Серёга, посмотрев на Петра Степановича. – Я бабуле рассказываю...

- Сочиняет, – Толик кивнул головой. – Он сказал мне, что будет писателем и что ему надо тренироваться – надо всё время что-то выдумывать...

- Кто сказал, что я буду писателем? – живо отозвался Серёга, посмотрев на Толика. – У тебя, Толян, совсем памяти нет? Всю память проспал! Я тебе вчера что сказал? Я, дедуля, вчера вечером... – Серёга опять посмотрел на Петра Степановича, – показывал Толяну разные звёзды, разные созвездия... как, Толян, называется то созвездие, которое я тебе вчера показал? – Серёга деловито посмотрел на Толика.

- Кассиопея, – улыбнулся Толик, уже привыкший к бившему неиссякаемым фонтаном Серёгиному вербальному «творчеству».

- Да, правильно! – Серёга кивнул головой. – Ты, дедуля, знаешь такое созвездие? Знаешь, как его найти?

- Нет, – Пётр Степанович отрицательно качнул головой.

- Ну, не беда, дедуля! Я тебе как-нибудь покажу! – пообещал Серёга. – Так вот... разных звёзд на небе полным-полно, и понятно, что знать их все по именам просто нереально, но некоторые я знаю. Вчера я показывал Толян, как найти созвездие Кассиопеи, и Толян меня спрашивает: «Серый, а ты кем хочешь быть?» А я в ответ спрашиваю его: «А ты?» «Я хочу быть писателем», – говорит Толян. «А я, – говорю я, – буду астрономом, буду звёзды в микроскоп изучать...»

- Я фигею. – медленно прошептал Толик, и его плечи затряслись от смеха. – Ты даже не понимаешь... ты вообще не понимаешь, о чём говоришь!

- А что не так? – по реакции Толика Серёга понял, что он, увлечшись рассказом про то, кто кем хочет стать в будущем, на волне своего вдохновения сморозил какую-то глупость, и во взгляде Серёгином вмиг отразилась смесь любопытства и недоумения. – Чего ты ржешь? У самого амнезия, а я виноват... нет, дедуля, ты только посмотри на него! Тебя, Толян, нужно врачам показать! Ну, что, что я сказал не так? Чего ты ржешь?

- Всё, Серый, так... всё именно так, как ты сказал! Это... гениально! – Толик, глядя на искренне недоумевающего Серёгу, смеялся так заразительно, что, Серёга, не выдержав, тоже улыбнулся... улыбнулся и – так же заразительно засмеялся тоже.

Зинаида Ивановна, хлопотавшая у газовой плитки, на которой одновременно разогревался борщ и скворчали котлеты, лишь краем уха слышала разговор, не вникая в детали, и потому, когда за её спиной весело и дружно мальчишки стали смеяться, она не могла не повернуться к смеющимся, – внуки смеялись

так искренне и заразительно, что Зинаида Ивановна, глядя на них, невольно улыбнулась сама.

- Чему вы смеётесь? Мойте руки – уже всё готово, – проговорила Зинаида Ивановна, невольно любуясь на внуков.

- Да Серёга наш сказал, что он будет астрономом – будет звёзды рассматривать в микроскоп, – отозвался Пётр Степанович, тоже улыбаясь.

- Дедуля! Я так не говорил, – возопил Серёга. – Толян, скажи, как я сказал!

- Так и сказал! В микроскоп... – Толик смотрел на Серёгу так, как смотрят взрослые на маленьких придурков, и вместе с тем во взгляде Толика не было ничего обидного – взгляд Толика, устремленный на Серёгу, искрился от неподдельной симпатии.

- Да ну вас! – Серёга изобразил на лице досаду. – Я что – не знаю, что такое микроскоп? На звёзды смотрят в этот... как его называют... Толян, как называют трубу, в которую смотрят на звёзды?

- Подзорная труба? – словно подсказывая Серёге, полувопросительно проговорил Толик.

- Да не подзорная труба, а... этот... ну, как его? – Серёга, конечно же, знал, о чём он хотел сказать, но, как назло, само слово вылетело из головы; так иногда бывает, и Серёга, словно желая помочь себе вспомнить нужное слово, защелкал пальцами. – Этот...

- Телескоп, – подсказал Пётр Степанович.

- Да, телескоп! – обрадовался Серёга. – Вот дедуля знает про телескоп, дедуля правильно говорит, а ты, Толян, ни фиги ничего не знаешь! – И, не

давая возможность Толику что-либо сказать в ответ, Серёга резко сменил тему: – Пойдёмте мыть руки! Бабуля уже борщ наливает...

За обедом Пётр Степанович, сказав Зинаиде Ивановне, что после обеда он отдыхать не будет, а съездит в райцентр, спросил у Зинаиды Ивановны, надо ли что-то оттуда привезти.

- Дедуля, мы тоже с тобой! – тут же решил за себя и за Толика Серёга, не спрашивая, зачем Пётр Степанович едет в райцентр и как долго он там пробудет.

- Давайте, если есть такое желание, – согласился Пётр Степанович. – Только смотрите: я там пробуду, может, час или два, я по делу туда еду... а вы там чем будете заниматься?

- Ты за нас, дедуля, не волнуйся, мы сами найдём, чем нам заняться, – успокоил Серёга Петра Степановича. – Мы с Толяном, как только проснулись, сразу решили, что тоже поедem с тобой! Да, Толян? Подтверди мои слова! – Серёга ногой толкнул под столом ногу Толика.

- Как вы могли это решить, если я о том, что еду в райцентр, только сейчас сказал? – хмыкнул Пётр Степанович.

- Дедуля! Важно не то, когда ты сказал, что поедешь в райцентр, а важно то, когда мы решили, что нам тоже нужно поехать с тобой... да, Толян? – Серёга снова толкнул Толика ногой под столом, требуя от Толика активнее проявлять свою жизненную позицию.

Толик, отчасти уже привыкший к тому, что Серёга его постоянно привлекает в качестве единомышленника во всех своих затеях, неопределённо хмыкнул, не говоря ни «да», ни «нет», а Пётр Степанович от такой Серёгиной «логики» сначала на секунду опешил, а потом расхохотался:

- Ай, да молодец! Ты, Серёга, нигде не пропадёшь!

- Здесь, дедуля, мне нечего возразить, – без ложной скромности согласился с Петром Степановичем Серёга; он на секунду театрально потупил глаза, тем самым показывая, что возразить ему нечего, и уже в следующую секунду деловым тоном проговорил: – Сейчас мы с Толяном покормим Пирата, и можно ехать. Давай, бабуля, обед для Пирата!

«Москвич» у Петра Степановича был хоть и старый, но выглядел вполне достойно, а главное, работал «как часы» – никогда Петра Степановича не подводил. Между тем, и у часов случаются сбои. То ли после интенсивной перевозки сена, то ли по какой-то другой причине, а только – по ощущению Петра Степановича – двигатель у «Москвича» стал работать как-то не так, и Пётр Степанович решил, не откладывая в долгий ящик, своё ощущение проверить – или подтвердить, или опровергнуть. В райцентре жил старый приятель Петра Степановича, который всю жизнь проработал автомехаником и который двигатель любой «древней» машины мог разобрать-собрать с закрытыми глазами. Вот к нему и ехал Пётр Степанович, чтобы этот мастер двигатель послушал и, если надо, что-то подлампичил. Серёга, узнав, зачем Пётр Степанович едет в райцентр, сказал Толику: «Дедулин ё-мобиль нуждается в посещении доктора».

Сами мальчишки ехали в райцентр, чтобы, во-первых, поесть мороженое, во-вторых, проверить свои аккаунты в соцсети, и вообще, как сказал Серёга, «просто проветриться – посмотреть на местную цивилизацию».

- Дедуля, мы о чём хотим тебя спросить... – на полпути от Сосновки до райцентра проговорил Серёга, и Толик, услышав уже привычное «мы», посмотрел на Серёгу с любопытством: он, Толик, не имел ни малейшего представления о том, что на этот раз пришло Серёге в голову. – Это серьёзный вопрос... – уточник Серёга, подавшись всем корпусом вперёд.

- Валяйте! – отозвался Пётр Степанович, что в переводе с языка разговорного на язык литературный означало «спрашивайте».

- Скажи, дедуля... как ты думаешь, бог есть? – проговорил Серёга, и Пётр Степанович, тоже отчасти привыкший к тому, что Серёга постоянно несёт всякую околесицу, оторвал взгляд от дороги – с нескрываемым любопытством посмотрел на сидящего сзади внука.

- А тебе это зачем – почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Пётр Степанович.

- Ну, просто интересно... – отозвался Серёга; ретро-мобиль чуть подпрыгнул на ухабине, и Пётр Степанович вновь перевёл взгляд на дорогу. – Есть бог или нет? Твоё мнение, дедуля, какое?

- Ну... – сказал Пётр Степанович, глядя на дорогу; он, Пётр Степанович, никак не ожидал такого вопроса... так ведь и Серёга никак не планировал такой вопрос ему, дедуле, задавать – вопрос у Серёги возник спонтанно, и Серёга просто не стал этот вопрос откладывать на потом. – Я думаю так... – Пётр Степанович снова сделал паузу. – Если кому-то бог нужен, то он есть для него. А если кто-то в нём не нуждается, то тогда его нет. Каждый это решает сам, есть бог или нет. Так я думаю.

- А если бог нужен только в каких-то отдельных случаях? – тут же уточнил Серёга.

- Это как? – Пётр Степанович, снова оторвав взгляд от дороги, снова оглянулся – вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Ну, смотри, дедуля! – Серёга ещё больше подался вперёд. – Допустим, Толян не сделал домашку или не выучил стихотворение, которое задавали выучить. И перед уроком он помолился – попросил бога помочь, чтоб на

уроке его не спросили, чтобы не было “двойки”... бог должен Толян
помочь?

- А ты, Толик, что... знаешь молитвы? – спросил Пётр Степанович, и в его
голосе прозвучало лёгкое удивление.

- Да что вы ему верите! – рассмеялся Толик, одновременно с этим несильно
хлопнув ладонью Серёгу по спине. – Врёт он всё! Сам, небось, молится перед
каждым уроком, а на меня переводит стрелки...

- Ты, Толян, если не хочешь признаваться, то не надо, – тут же отреагировал
Серёга. – Я у дедули спрашиваю... должен или не должен бог помочь
Толян, если Толян его сильно-сильно попросит в трудную минуту?

- Серый, блин! Говори про себя, – Толик снова несильно хлопнул Серёгу
ладонью по спине.

- Да какая разница, про кого говорить? – отозвался Серёга. – Я вообще
говорю... вообще спрашиваю! Как, дедуля, ты думаешь?

- Я, Серёга, думаю так: если ты к уроку не подготовился, а тебя на уроке
спросили, то ты заслуженно получаешь свою “двойку”, и бог здесь совсем ни
при чем... или, как вы говорите, бог здесь не при делах, – Пётр Степанович
рассмеялся.

- Но ведь я же его просил! – не согласился с Петром Степановичем Серёга. –
Я просил, а он не помог... получается, что его нет?

- Бог есть для тех, кто в него верит, – хмыкнул Пётр Степанович. – А если ты
в него не веришь...

- Почему я не верю? – живо перебил Петра Степановича Серёга. – Когда я
прошу, я очень даже верю!

- Получается, что бог у тебя – это... бог по вызову? – рассмеялся Пётр Степанович. – Не нужен тебе он – ты про него не вспоминаешь. А как случилась какая-то оказия, так сразу ты просишь у него помощи... так, Серёга, не бывает! Ты или веришь, что бог есть, или не веришь... по-другому никак!

- Ну, хорошо, – не стал возражать Серёга. – А если я... ну, то есть, если Толян будет сильно-сильно верить, то бог всегда ему будет помогать – всегда будет выручать?

- Не факт, – спокойно отозвался Пётр Степанович. – Умные люди так говорят: на бога надейся, а сам не плошай.

- Короче, подстава! – Серёга, проговорив это, снова откинулся на спинку сиденья. – Если сам не плошай, то на фиг тогда на кого-то надеяться...

-Ну, можно и так сказать, – улыбнулся Пётр Степанович. – Надеяться нужно всегда на себя.

- Я, дедуля, вчера вечером именно так и сказал Толяну, когда он предложил мне перед сном помолиться...

- Что ты врёшь?! – возмущенно воскликнул Толик, толкая Серёгу кулаком в плечо.

- Кто врёт? Я? – Серёга толкнул Толика в ответ, и они со смехом завозились-заёрзали на заднем сиденье, стараясь зафиксировать руки друг друга.

- Так, кончайте дурковать! – Пётр Степанович, мельком глянув в зеркало заднего вида, чуть повысил голос. – А то сейчас высажу обоих здесь, на обочине, и будете молиться, ожидая, когда я поеду обратно...

Между тем, «Москвич» въехал в райцентр – большое, в зелени утопающее село с двухэтажками новенькими коттеджами, и Пётр Степанович, не оглядываясь, спросил:

- Ну, вам куда? В центр?

- Да, дедуля, туда, где мы прошлый раз останавливались, когда выполняли бабулин заказ. Мы с Толяном в «Сказке» поедим мороженое, проверим свои аккаунты, потом сделаем шопинг и вернёмся снова в «Сказку»... у нас план такой. Да, Толян? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Да, – кивнул Толик.

- Вот! Когда ты, дедуля, все свои дела здесь сделаешь, приходи в «Сказку» – мы тебя ждать будем там. Если нас там будет, значит, в «Сказке» ты нас подождёшь... правильно, Толян?

Толик, не отвечая Серёге, вопросительно посмотрел на Петра Степановича.

- Правильно, – вместо Толика отозвался Пётр Степанович. – Вы деньги на мороженое взяли? Или вам надо дать?

- Не надо, дедуля, мы деньги взяли, – ответил Серёга и тут же, не удержавшись, уточнил-добавил – Мне деньги вообще не нужны – меня Толян угощает...

- Толик? – Пётр Степанович вопросительно посмотрел на Толика; и у Серёги, и у Толика свои деньги были – это Пётр Степанович знал; ну, а как внуки этими деньгами распоряжаются – это было уже их дело; и тем не менее... – Наш Серёга опять сочиняет? – глядя на Толика, уточнил Пётр Степанович.

- Да конечно сочиняет! – хмыкнул Толик. – Есть у нас деньги! И Серёга взял, и я...

- Ну, и отлично! Там разберётесь, кто кого будет угощать, – Пётр Степанович рассмеялся.

- Не забудь, дедуля, где мы встречаемся! – напомнил Серёга Петру Степановичу.

На том и порешили. Пётр Степанович, высадив внуков, поехал к «доктору», а Серёга с Толиком в преотличном настроении направились к «Сказке».

В «Сказке» Серёга с Толиком взяли мороженое и, расплатившись, расположились за одним из стоявших на улице столиков. Причем, когда Толик полез в карман за деньгами, Серёга остановил его, сказав тоном, не допускающим возражений:

- Толян, я расплачусь. – Они вышли на улицу, и Серёга объяснил Толику свою «небывалую щедрость»: – Что мы будем, как не родные, каждый трести своими деньгами? – а чтоб у Толика не сложилось впечатление, что он, Толик, у него, у Серёги, на иждивении, потому что такая неравноправная ситуация могла б показаться Толику обидной, Серёга своё объяснение уточнил: – В следующий раз заплатишь ты. Согласен?

- Согласен! – рассмеялся Толик; мысль Серёгина о том, что не надо каждый раз друг перед другом трести своими деньгами, показалась Толику вполне разумной.

Мальчишки ели мороженое, рассматривали идущих мимо прохожих... конечно, по сравнению с Москвой или хотя бы с тем городом, где жил Толик, этот райцентр был убогим захолустьем, но ведь в мире всё относительно, и по сравнению с Сосновкой райцентр был просто центром цивилизации, – мальчишки сидели под защищавшим их от солнца большим ярким зонтиком, ели мороженое, было лето, были великолепные школьные каникулы... мороженое было с малиновым сиропом, и... было ощущение полной

беззаботности, когда никаких дел нет, когда никому ничего не должен, когда не нужно никуда спешить... что ещё нужно для того, чтобы жизнь казалась кайфом? Мимо проходили люди – они шли по своим делам, торопились куда-то, чем-то были озабочены, но для мальчишек, сидящих за столиком, все эти люди были абстрактны, – они, мальчишки, ели мороженое...

- А мороженое здесь, кстати, неплохое, – нарушая молчание, проговорил Серёга.

- Хорошее мороженое, – подтвердил Толик.

- Давай, Толян, свои профили посмотрим, – Серёга достал из кармана шорт телефон:

Толик достал из кармана шорт телефон свой. Они посмотрели профили свои и профили друг друга. У Толика под фотографией, размещенной в прошлый раз, на которой в этом же самом кафе он сидел с Серёгой, было два лайка, а у Серёги в ленте под точно такой же фотографией лайков не было, но был комментарий друга Борьки, точнее, Борькин вопрос: «Ты где?» Серёга подумал и Борьке ответил – написал, быстро шевеля по сенсорному экрану пальцем: «Я в центре мира». Затем Серёга запостил новую фотографию – ту, где он в набедренной повязке и петушиных перьях изображает то ли индейца, то ли древнего человека, а рядом сидит Пират. Толик в своей ленте тоже запостил точно такую же фотографию – с той лишь разницей, что вместо Серёги на фотографии был он, Толик, а рядом сидел всё тот же Пират. Фотографии получились классные и в лентах профиля смотрелись просто шикарно – словно кадры из какого-то фильма. Серёга поставил под фотографией Толика лайк и зарепостил запись Толика в свою ленту. Толик сделал то же самое – поставил лайк под Серёгиной фотографией и сделал репост Серёгиной записи в ленту свою; больше что-либо делать в лентах было нечего, и Толик, сказав:

- Серый, я выхожу, – закрыл свой аккаунт.

- Я тоже... – отозвался Серёга.

- Привет, парни! – раздался над головами мальчишек незнакомый голос.

Серёга с Толиком, вздрогнув от неожиданности, одновременно подняли головы вверх – прямо перед ними, по другую сторону круглого пластмассового столика, стояли те самые парни, которые, будучи пьяными, шуганули их с речки; с ними рядом стояла какая-то девчонка, которую Толик и Серёга видели впервые; парни смотрели доброжелательно, даже весело; девчонка была симпатичная и смотрела на мальчишек с равнодушным любопытством.

- Привет, – отозвались в один голос Серёга и Толик; один из этих парней предлагал Серёге и Толику покататься на его мотоцикле, но и встреча на речке, и встреча на дороге – всё это было случайно и мимолётно, так что мальчишки об этих встречах никогда не думали и не вспоминали... и эта новая встреча тоже была случайной, никого ни к чему не обязывающей: парни шли мимо, подошли, сказали «привет»... ну, «привет» – проходите дальше, – они, Серёга и Толик с одной стороны круглого пластмассового столика, и эти двое парней со стороны другой не были ни приятелями, ни соседями, ни хотя бы просто знакомыми... они даже не знали имена друг друга; ну, разве что и одни, и другие были из Сосновки – это было единственное, чем можно было объяснить «привет» от проходивших мимо парней.

- Мы присядем? – вопросительно проговорил один с парней – не тот, который был светловолосым и которого бабуля с дедулей называли Колькой, а другой; оба парня были в цветных шортах, точнее, а бриджах, на Кольке была свободно болтающаяся рубашка навыпуск с короткими рукавами, на

другом парне была обтягивающая торс футболка, подчеркивающая его хорошо сложенную фигуру; спросив «мы присядем?», парень, не дожидаясь ответа, сел за столик напротив мальчишек.

- Мы уходим уже, – проговорил Толик, пряча телефон в карман шорт.

- Влад, мы пошли – догоняй нас, – проговорил Колька – Пока, пацаны! – Колька весело подмигнул Серёге и Толику, и это подмигивание тоже ровным счетом ничего не значило... ну, а что оно могло значить? В мимолётном Колькином подмигивании не было никакого скрытого смысла, никакого зашифрованного значения, никакого намёка на что-либо – просто подмигнул, и всё.

- Пока, – произнёс Серёга.

Колька с девчонкой неторопливо направились дальше, и парень, которого Колька назвал Владом, посмотрел им вслед.

- Какая девочка! Конфетка! – чмокнул губами Влад; Серёга и Толик, повернув головы, тоже посмотрели вслед уходящим; девчонка – невысокая, стройная, тоненькая – в джинсовых шортах, туго обтягивающих её небольшую круглую попу, сзади была похожа на подростка.

- Меня, кстати, Владом зовут, – парень протянул мальчишкам руку, как это делают при знакомстве.

- Сергей, – протянул руку Серёга.

- Анатолий, – чуть помедлив, вслед за Серёгой пожал протянутую руку Влада Толик.

Конечно, такое знакомство на первый взгляд могло бы показаться странным, Влад не был ровесником, он явно был старше, ему на вид было года двадцать

два или даже двадцать четыре, но он тоже был из Сосновки, и это как бы всё объясняло; смотрел Влад весело, непринуждённо... ничего особенного в его облике не было, – там, на речке, эти парни были пьяные, и на волне пьяного куража они могли бы попытаться забрать велосипеды, отчего Серёга с Толиком и дали дёру, а теперь они – и ушедший Колька, и сидевший напротив Влад – были вполне адекватные, обычные, доброжелательные... нормальные парни!

- Вы в Сосновке живёте? – спросил Влад; он отлично помнил, что Ниловна ему говорила, что мальчишки не местные, не сосновские, и задал этот вопрос исключительно для того, чтоб завязать разговор – чтобы продолжить общение.

- Нет, не живём постоянно. Мы в Сосновке в гостях, – отозвался Серёга.

- Ясно, – Влад кивнул головой. – А мы с Кольком по вахтам работаем. Вахту работаем, вахту отдыхаем. Вот через два дня снова на работу уезжаем... ну, и решили расслабиться... хотим по полной программе оттянуться перед началом трудовой вахты, – Влад рассмеялся легко и беззаботно... располагаяще рассмеялся. – Видели девчонку?

- Видели! – снова отозвался Серёга; Толик сидел молча – смотрел то на Серёгу, то на нового знакомого.

- Классная девочка! Исполняет всё... мы её уже несколько раз приглашали в Сосновку, и она нас ещё ни разу не разочаровала... безотказная девочка! Можно хоть в два ствола её трахать... – Влад снова рассмеялся. – Вы ни разу так не пробовали?

- Нет, – на секунду замешкавшись, отозвался-проговорил Серёга и тут же, чтоб подчеркнуть свою «опытность», добавил: – Так мы ещё не пробовали... ну, чтобы сразу в два ствола... – тем самым давая понять этому парню,

новому своему знакомому, что вообще-то они, он и Толик, с девчонками уже трахались, но чтоб «в два ствола» – такого в их практике еще не было. – Или, Толян, ты так пробовал? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Нет, я тоже так не пробовал, – отозвался Толик, тем самым подыгрывая Серёге. – Так я ещё не пробовал... – говоря это, Толик сознательно выделил слово «так», тем самым подчёркивая, что с девчонками он не трахался именно т а к, то есть «в два ствола».

Разговор становился интересным. Конечно, со стороны такой разговор мог бы показаться странным или даже подозрительным: сидели в кафе два пацана, к ним подсел незнакомый парень, завёл разговор о сексе... неоднозначная ситуация вырисовывалась, но это с одной стороны. А с другой стороны, парень этот был тоже из Сосновки, Серёга с Толиком его уже видели, бабуля с дедулей о нём говорили – и потому этот парень был как бы не чужой, а свой, – ничего необычного в том, что он подсел к пацанам из Сосновки, не было. И потом... круг общения Серёги и Толика в Сосновке ограничивался дедулей, бабулей и Пиратом, и хотя мальчишки от этого нисколько не страдали, а даже наоборот, были вполне довольны своей «древней» жизнью в богом забытой глухомани, тем не менее, возможность пообщаться-поговорить с кем-то, кто был за пределами их комфортного, вполне самостоятельного мира, вовсе не воспринималась ими как что-то лишнее или ненужное, – было лето, никаких забот не было, мальчишки сидели за столиком кафе, глазели на проходивших мимо людей, они уже съели по порции вкусного мороженого, они разместили в своих лентах в соцсети классные фотографии, и... жизнь была прекрасна, – почему бы им было не пообщаться со с т а р ы м знакомым – с парнем из Сосновки, который легко подсел за их столик? Парень был явно не напряженный, вполне адекватный... что касается темы возникшего разговора, то... разговор о девчонках – вполне нормальная тема для молодых парней!

- Вам, парни, сколько лет? – на правах старшего спросил Владик, переводя весёлый взгляд с Толика на Серёгу, с Серёги на Толика.

- Пятнадцать, – отозвался Серёга, зачем-то «состарив» себя на год.

- Да, пятнадцать, – кивнув головой, подтвердил Толик.

И Серёга, и Толик – не тщедушные, а крепко сбитые, достаточно рослые – были в том переходном возрасте, когда практически невозможно определить, четырнадцать лет ещё пацану или пятнадцать лет уже парню.

- Нормально! – утвердительно проговорил Влад, словно возраст двух сидящих против него подростков имел какое-то принципиальное значение. – Я, пацаны, что вам хотел предложить... – Влад сделал паузу, переводя взгляд с Толика на Серёгу, с Серёги на Толика; взгляд у Влада был вопрошающий, словно он, глядя на мальчишек, решал, делать или не делать предложение, и вместе с тем смотрел Влад на мальчишек весело, интригуяюще. – Мы сейчас, когда подходили к вам, Колёк говорит: «О! Вон наши, сосновские, пацаны сидят...» – и я подумал... – Влад снова умолк – опять сделал паузу.

Серёга и Толик смотрели на Влада, ожидая, когда он скажет, о чём он подумал.

- Я подумал, что надо вам предложить развлечься... – Влад интригуяюще улыбнулся. – Смотрите сами: в Сосновке никакой молодёжи нет, девчонок, чтоб потусить, нет... скукотища! Мы с Кольком приглашаем Любочку... вы её видели сейчас – конфетка, а не девчонка! Исполняет всё по высшему разряду! И сосёт классно, и даёт, куда пожелаете... нормальная девчонка! – Влад говорил напористо, но при этом весело и легко. – И я вот сейчас, когда вас увидел, подумал: а почему бы вам тоже... ну, почему бы вам не присоединиться к нашей маленькой оргии? И оттянетесь хорошо, и вообще...

скуку сосновскую развеете! Чувствуете? – Влад, глядя на мальчишек, хитро прищурился?

Серёга почувствовал, как его член шевельнулся в трусах, как сладко кольнуло в промежности – и, быстро опустив руку вниз, он автоматически потрогал-поправил член, который стал медленно подниматься... и хотя Серёга это сделал чисто механически, не задумываясь и не акцентируя на этом мимолётном жесте своё внимание, жест этот – быстрый, произвольный – не ускользнул от внимания Владика.

- Ну... есть желание поебаться? Я предлагаю вам это лишь потому, что вы свои, сосновские... – Влад, глядя на Серёгу, весело подмигнул. – Девчонка классная... не пожалеете!

- Так... ей надо деньги платить за секс? Или как? – проговорил Серёга, не говоря ни «да», ни «нет» на неожиданно прозвучавшее предложение «поебаться»; член в трусах у Серёге стал стремительно подниматься-твердеть, так что вновь появилось желание его потрогать, но в этот раз, уже осознавая такое желание, Серёга удержал себя – делать этого не стал.

- Зачем деньги платить? – рассмеялся Влад. – Мы подарки ей делаем... вот сейчас походим по магазинам – Люба что-нибудь себе выберет, и это будет не плата, а просто подарок...

- Так... а подарок нужно делать обязательно? Или как? – снова спросил Серёга.

- Вовсе не обязательно! – живо отозвался Влад. – Девочка любит, когда её трахают, хочет, чтоб её трахали... а подарок – это как наша благодарность за отлично проведённое время... вот и всё! Подарки мы с Кольком делаем, когда Любу приглашаем покувыркаться, а вы просто придёте – как наши гости... никакого подарка от вас не надо! Просто оттянетесь – покайфуете-

покувыркаетесь... ну? – Влад перевёл вопросительный взгляд с Серёги на Толика, с Толика на Серёгу.

- А она даст, если мы придём? – снова спросил Серёга, чувствуя неодолимое желание сжать, стиснуть через шорты напряженно поднявшийся член,

- Даст, и ещё как даст! – рассмеялся Влад. – Я же сказал, что она это дело любит...

- Толян, ты как? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика; всё то время, пока Серёга, спрашивая-уточняя, вёл «переговоры», Толик сидел молча – смотрел то на Влада, то на Серёгу, стараясь понять, что бы всё это значило... с одной стороны, всё это было немного странно... неожиданно было – как снег на голову... а с другой стороны, в школе пацаны возбуждённо, смачно рассказывали о в п и с к а х, на которых парни трахают девчонок... может, этот Влад приглашает их на вписку? Но вписка – это тусовка с ночевкой... и с алкоголем... и когда много людей... если б он, Толик, знал, что попадёт в такую ситуацию, он бы подробно расспросил, как и что бывает на вписках. И опять-таки... было б понятно, если бы Влад сказал, что за секс им нужно сколько-то заплатить, но Влад сказал, что платить не надо...

- Толян! – Серёга, глядя на Толика, нетерпеливо толкнул Толика коленкой. – Ты, блин, уснул? Я тебя спрашиваю...

Для себя он, Серёга, уже решил, что надо сходить... сходить – и потрахаться с девчонкой... а почему нет? Надо же когда-то начинать... а здесь такой случай удачный! Член у Серёги в шортах стоял, словно подстёгивая Серёгу, сладко зудел, свербел приливом горячего возбуждения, но стояка видно не было: во-первых, трусы не давали члену полноценно вздыбиться, встать колом, а во-вторых, Серёга сидел, и это тоже помогало скрыть возбуждение; Серёга хотел... и был готов. Но Серёга был не один – не в смысле, что не

один он был в кафе «Сказка», где поступило такое заманчивое предложение, а не один он был вообще: в «Сказке», в Сосновке, в знойном сказочном лете... и потому – при всём том, что Серёга Толика то и дело вроде как троллил – мнение Толика для него, для Серёги, было не просто значимо, а было отчасти определяющим, и в глубине души Серёга без всякого ущерба для своего самолюбия это понимал... понимал, что в какой-то критической, или опасной, или просто непонятной ситуации именно Толик будет ведущим, будет тем, кто принимает решения, а он, Серёга, будет ведомым, и хотя сейчас ситуация была не опасная, а даже наоборот, мнение Толика было важно – важным хотя бы потому, что один, без Толика, он, Серёга, никуда не пойдет... а идти было надо, даже очень надо, потому как он, Серёга, с девчонкой еще не трахался.

- Толян! – в третий раз проговорил Серёга.

- Подумать надо, – отозвался Толик, стараясь придать своему голосу не сухую деловитость, а лёгкую и как бы многообещающую игривость; эта игривость предназначалась не Серёге, а Владу – чтобы Влад не подумал, что он, Толик, боится, или что он импотент, или что он не хочет перепихнуться с девчонкой.

- Да чего здесь думать! – с улыбкой воскликнул Влад, глядя на Толика. – Оттянетесь, покайфуете... мы сосновские, вы сосновские... от вас же ничего не надо! Точнее, нужно лишь одно... – Влад, интригуяще прищурившись – весело глядя то на Толика, то на Серёгу, сделал паузу.

- Что? – живо отозвался Серёга, тут же подумав о презервативах, которых ни у него, ни у Толика не было... и не просто подумал, а мысленно увидел-представил презерватив в раскатанном виде... зимой он, Серёга, случайно нашел дома, в красивом декоративном чайнике, предназначенном не для заварки чая, а для украшения квартиры, пачку презервативов,

принадлежащих родителям, и, позаимствовав один презерватив, раскатал его на своём стояке – примерил... тогда же Серёга подрочил в презике, но дроч в презике ему не понравился...

- Стояки нужны, – отозвался с улыбкой Влад. – Несгибаемые...

- Ну, блин... это у нас не проблема! – рассмеялся Серёга; картинка с презиком, возникшая перед мысленным взором Серёги, тут же исчезла, растворилась-пропала.

- Тогда вообще вопросов нет! – вслед за Серёгой рассмеялся Влад, не став уточнять, что означает «у нас» – почему Серёга отвечает за себя и своего друга. – Значит, делаем так... дом Колька почти на окраине Сосновки, я сейчас расскажу, как вы его найдёте...или, чтоб вы не блуждали, лучше сделаем так... знаете, где старая школа?

- Знаем, – Серёга кивнул головой. – Толян, ты знаешь? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Знаю, – Толик кивнул головой.

- Вот, сделаем так: вы подходите туда в семь часов, я вас там встречу – около школы буду вас ждать. Ну, чтоб вы не искали сами, где Колёк живёт... так пойдёт? – Влад перевёл взгляд с Толика на Серёгу, с Серёги на Толика.

- В семь мы не сможем, – отозвался Толик.

- Почему? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- По кочану, – быстро ответил Толик, не глядя на Серёгу.

- Ну, хорошо, – с улыбкой проговорил Влад. – Подходите тогда, когда вам будет удобно... во сколько вас ждать? – Влад посмотрел на Толика.

- Толян, во сколько мы сможем прийти? – Серёга вслед за Владом тоже посмотрел на Толика; член у Серёги всё так же стоял – твёрдый горячий член у Серёги был напряжен, и будь его воля...

- В половине десятого, – произнёс Толик, глядя на Влада. – Раньше мы не сможем.

- Тоже отлично! Значит, я жду вас около школы в половине десятого...не упустите свой шанс! – Влад, отодвигая пластмассовое кресло – вставая из-за стола, улыбнулся. – Ну, до вечера, парни! – он протянул руку Толику, то ли прощаясь до вечера, то ли желая рукопожатием скрепить договорённость.

- А она точно даст? – уточнил Серёга, вслед за Толиком тоже протягивая Владу руку свою.

- А у тебя точно будет стоять? – рассмеялся Влад, задавая Серёге встречный вопрос – удерживая ладонь Серёги в ладони своей.

- Уже стоит! – весело отозвался Серёга; он проговорил это с такой интонацией, что было совершенно непонятно, говорит он правду или просто хохмит – просто прикалывается.

- Тогда точно даст! – Влад подмигнул Серёге и – стройный, широкоплечий, в цветастых «пляжных» бриджах, в обтягивающей футболке, подчеркивающей его хорошо сложенную фигуру – пошагал дальше, а Серёга, наконец-то получивший возможность сжать-сдавить через шорты сладко зудящий стояк, посмотрел на Толика:

- Толян! Почему мы не могли пойти в семь часов? Нужно было на семь часов соглашаться!

- В семь мы ужинать будем у бабули и дедули, – отозвался Толик.

- Блин, ради такого дела можно было бы ужин один раз пропустить... – хмыкнул Серёга.

- Блин, ты совсем придурок? Если мы не придём на ужин, бабуля пошлёт за нами дедулю, который увидит вместо нас замок на двери. Велики на месте, а нас нет... подождут они какое-то время – и включают сирену: «Серёженька, детка, ты где? Ау!» Начнут нас искать... а так мы поужинаем, как всегда, нормально уйдём, покормим Пирата – и будем свободны... как раз к половине десятого. Дедуля к нам после ужина не приходит – значит, мы сможем спокойно уйти по своим делам... логично?

- Ну... – Серёга, глядя на Толика, запнулся, не зная, что возразить... конечно, Толян был прав – он, «старший брат», всё продумал, всё предусмотрел! – А почему сирена будет вопить про Серёженьку? – Серёга, глядя на Толика, изобразил на лице тупое недоумение. – Может, сирена будет вопить про Толеньку: «Толенька, детка, ты где? Ау!» Логично?

- Логично! – Толик рассмеялся. – Вон дедуля идёт...

Подошедший Пётр Степанович, усевшись в пластмассовое кресло, в котором сидел Владик, проинформировал внуков, что с «Москвичом» всё в порядке, что там просто ослабла одна «хитрая гайка», о роли которой он, водитель со стажем, даже не подозревал, что гайку эту мастер подтянул-закрутил, так что «всё было хорошо, а стало ещё лучше».

- Толян, угости нас мороженым! – командным голосом проговорил-распорядился Серёга. – Дедуля, ты будешь с каким сиропом – с вишнёвым или с малиновым.

Толик, улыбнувшись, пошел за мороженым – для дедули, для Серёги и для себя... Домой все возвращались в приподнятом настроении: Пётр Степанович был доволен, что его старый «Москвич» работает «как часы» и

послужит ему ещё не один год, – так сказал «доктор», он же мастер, он же хороший приятель Петра Степановича, который не только затянул «хитрую гайку», но заодно и «в профилактических целях» посмотрел-проверил двигатель. А Серёга и Толик, сидя на заднем сиденье, хотя время от времени и толкались-дурачились, но мысли обоих были о п р е д с т о я щ е м – о том, ч т о их ждёт вечером... все грёзы, все подростковые мысли-фантазии, которые из раза в раз проплывали перед глазами во время дробок, вечером должны были материализоваться, должны были стать реальностью... конечно, тот «дружеский секс», которых они, четырнадцатилетние подростки, с упоением практиковали, их вполне удовлетворял-устраивал, но и Серёга, и Толик, трахая друг друга, в глубине души понимали, или, точнее, полагали-думали, что всё то, что было-происходило между ними в Сосновке, что им обоим безоговорочно нравилось, было всё-таки в р е м е н н о е – подростковое, типа ненастоящее... и Серёга, и Толик ещё ни разу не трахались с девчонками – и вовсе не потому, что не хотели, что девчонок они игнорировали, а исключительно потому, что просто ещё не случилось, не пришлось, не довелось... всему своё время, – девчонки были ещё впереди, и вот это «впереди» должно было вечером осуществиться – должно было стать реальностью...

Между тем, покинув мальчишек, Влад обнаружил Кольку и Любу в пафосном бутике с названием «Женская элитная одежда», – несовершеннолетняя девочка Люба в кабинке за шторкой примеряла полупрозрачную шифоновую блузку, которую она присмотрела еще неделю назад и которую теперь Колька и Влад должны были ей подарить.

- Ну, что? Договорился? – Колька, который сразу понял, з а ч е м Влад подсел к сидящим за столиком пацанам, посмотрел на Влада вопросительно...

[ВРЕЗКА: НЕБОЛЬШОЕ ПОЯСНЕНИЕ, или История Николая Дубцова и Владислава Ракитина, которые – при соучастии безответственной девушки Любы – хотели растлить, обесчестить и развратить двух невинных четырнадцатилетних подростков, во время летних каникул беззаботно отдыхающих в гостях у дедушки и бабушки

До армии Колька Дубцов никаких позывов в сторону однополого секса никогда не испытывал, никакого интереса к такому сексу не проявлял, и, соответственно, никакого опыта – ни душевного, ни физического – по части однополого интереса у него, у Кольки, до армии не было; а в армии Колька встретил Владика, и... восемнадцатилетний Колька узнал про себя, что однополый секс для него вполне приемлем, что сексом таким – однополым – можно заниматься не только без всякого ущерба для самоуважения, не только без глупой рефлексии и самоуничижения, но даже с вполне естественным, осознаваемо желаемым наслаждением и удовольствием, – у Владика, который Кольку «совратил» и «развратил», опыт по части однополого секса к восемнадцати годам был уже не маленький...

Владик был детдомовским; первый раз он соприкоснулся с однополым сексом в двенадцать лет, когда его, щуплого смазливую мальчишку, изнасиловал в сушилке парень-старшеклассник; в детдоме, где у подростков бурлили гормоны, а условия проживания при этом были специфические, э т о происходило регулярно: парни постарше зажимали где-нибудь малолетку в скрытом от посторонних глаз месте, требовали взять в рот или повернуться задом... в первый раз это было больно: Владик, поддавшись на уговоры – согласившись попробовать, вырывался, пытался кричать, но старшеклассник, которому было шестнадцать лет, навалился на Владика сверху, тем более что Владик предварительно сам лёг с приспущенными штанами на скамейку, вдавил в тело Владика тело своё, ладонью зажал Владика рот, так что сдавленных криков Владика никто не услышал; в детдоме была «дедовщина», парни постарше прессинговали тех, кому было лет по десять-двенадцать, отбирали деньги, могли без веского повода поколотить, и старшеклассник, трахнувший Владика, предложил Владика своё покровительство, если Владик будет ему,

старшекласснику, да в а т ь, – старшеклассник этот занимался спортом, был весёлым и дерзким, не боялся воспитателей, имел в детдоме неоспоримый авторитет даже среди своих ровесников, а ещё он играл на гитаре – пацаны в детдоме его и боялись, и уважали... однополый секс в интернате не считался чем-то позорным или криминальным, не был чем-то из ряда вон выходящим, а скорее воспринимался как подростковое баловство, позволявшее, помимо мастурбации, утолять-гасить сексуальное возбуждение, – чем-то из ряда вон выходящим такой формат секса становился лишь тогда, когда совершалось явное насилие и об этом узнавали воспитатели; конечно, не все пацаны в интернате трахались «по-настоящему», многие предпочитали удовлетворять себя обычной мастурбацией... всякое было в том интернате, где мальчишки выросли точно так же, как и везде. Словом, старшеклассник, трахнувший Владика в сушилке, предложил Владiku своё покровительство – Владик подумал и согласился, но согласился он при условии, что никто об этом не будет знать; два года длилась их связь – раз в полторы-две недели парень зазывал Владика в какое-нибудь укромное, скрытое от посторонних глаз место, Владик «для разогрева» сосал у старшеклассника, потом приспускал с себя штаны, раздвигал пацанячие булочки... это не было ни насилием, ни принуждением, старшеклассник относился к Владiku как к младшему брату, ненавязчиво опекал его, иногда подсказывал, как повести себя в той или иной ситуации, и несколько раз, когда Владика хотели прессануть, навешал прессовальщикам звюзделей, и при этом всё было шито-крыто, – может, кто-то из пацанов и догадывался, но ни подколов, ни намёков в свой адрес Владик ни разу не слышал; через два года парень покинул детдом, но Владiku к тому времени было уже четырнадцать, он вырос, вытянулся и был уже не тщедушным смазливый пацанёнком, которого в детдоме при желании мог бы без труда н а г н у т ь любой пацан постарше, а был уверенным в себе подростком, готовым в любой ситуации за себя постоять. Через какое-то время в детдоме появился новенький – ровесник Владика, пацан дерзкий и наглый, который, чуть осмотревшись и на новом месте освоившись, решил приобрести себе авторитет, – этот новенький стал задирать Владика, стал провоцировать Владика на драку, и вскоре они сцепились – не могли не сцепиться... случайно

ли этот новенький для утверждения своего авторитета в детдоме выбрал именно Владика, или он каким-то необъяснимым образом почувствовал, что среди кучи пацанов именно Владик тот человек, который ему был нужен... кто знает, что в этой жизни случайно, а что только кажется случайным, – «стрелку» назначили после ужина за гаражом, где стоял старый детдомовский автобус; драться решили до тех пор, пока кто-то не признает себя побеждённым и не запросит пощады; собрались зрители, но зрители стояли поодаль – на тот случай, если появится дежурный воспитатель, чтобы успеть разбежаться в разные стороны, – за драки в детдоме наказывали не только дравшихся, но и сторонних «рефери», и потому зрители-судьи, наблюдавшие издали, могли только видеть дерущихся, но не могли слышать, что они говорят друг другу; силы у новенького и Владика оказались примерно равные – через какое-то время, вцепившись друг в друга, сопя и пыхтя, они оказались барахтающимися на траве, и тут... оседлав новенького, практически лёжа на нём, Владик почувствовал, как у новенького стремительно твердеет в штанах... в принципе, ничего необычного в этом не было – у мальчишек нередко случаются эрекции во время борьбы-возни или даже во время драки, когда они энергично елозят друг по другу, – у новенького, переставшего вырываться из-под Владика, как бы взявшего тайм-аут, чтоб набраться сил, был стояк, и взгляд... взгляд у этого новенького вдруг сделался какой-то не такой, словно ему, этому новенькому, оказавшемуся под Владиком, вырываться из-под Владика совсем не хотелось; Владик почувствовал пахом стояк пацана, и у него самого в штанах начало непроизвольно, неподконтрольно твердеть... в том, что Владик дальше сделал-сказал, не было никакого обдуманного расчета, всё получилось само собой: надавив своим стояком на стояк новенького, глядя новенькому в глаза, Владик прошептал-выдохнул: «Я тебя выебу! Хочешь?» Фраза эта – «я тебя выебу!» – будь то драка или словесная перепалка, нередко звучит-произносится у оппонентов как угроза, вовсе не подразумевающая какого-либо осознаваемо желаемого сексуального действия или сексуального насилия, и тем не менее... тем не менее, при разрешении разных конфликтов с губ почему-то срываются, и срываются часто, именно эти слова – как угроза, как демонстрация своей силы; понятно, что смысл этих слов зависит от ситуации, от контекста: слова эти

могут звучать буквально – как откровенное, нескрываемое желание секса, и это будет одна ситуация, а в ситуации драки-конфликта эти слова звучат как угроза, как наказание, хотя... почему и м е н н о т а к кто-то кому-то грозит-угрожает – почему и м е н о э т и слова срываются с губ, вырываясь на поверхность из тёмных глубин подсознания? «Я тебя выебу»... если бы Владик сказал только эти три слова, то эта часто звучащая в разных конфликтах фраза на языке бытовом и социальном была бы вполне банальной угрозой – угрозой избить, победить, доказать свою силу, и не более того, но Владик, ощутив-почувствовав через брюки стояк новенького, к фразе «я тебя выебу!» спонтанно, не задумываясь, ничего не просчитывая и ни на что не рассчитывая, добавил слово-вопрос «хочешь?», и... он, Владик, не просто спросил-произнёс, а он жарко выдохнул, почти прошептал это слово «хочешь?», вдавившись твердеющим пахом в твёрдый пах новенького, и ситуация их подростковой драки вмиг наполнилась совершенно иным смыслом, – Владик, почувствовав, как у него самого стремительно встаёт, сладко напрягается член, на секунду ослабил хватку, и новенький, тут же это почувствовав, в одно мгновение сбросил Владика с себя – теперь он оказался на Владике; зрители, наблюдавшие за выяснением отношений издали, видели, как подростки барахтаются на траве, но не слышали слов, произносимых при этом, – оказавшись на Владике сверху, новенький, сцепив пальцы на шее Владика, приблизив своё лицо к лицу Владика, прошептал: «Я сам тебя... сам тебя выебу! Хочешь?» – члены у них у обоих стояли, оба они, соприкасаясь, чувствовали возбуждённо твёрдые стояки друг друга, и слова новенького при т а к о м раскладе уже были похожи не на угрозу, а на прямое приглашение к сексу, – драться дальше было и глупо, и бессмысленно: они вдруг увидели друг друга иным, с п е ц и ф и ч е с к и м, зрением... увидели – и всё друг про друга поняли; «Когда?» – спросил Владик, глядя новенькому в глаза, и новенький тут же, уверенно-нагло глядя в глаза Владика, без задержки ответил: «Да хоть сегодня!» – драка, к разочарованию зрителей, стоявших поодаль и потому ничего не слышавших, закончилась без крови, без явного победителя, а Владик и новенький, которого звали Саней, в тот же вечер друг друга трахнули – натянули друг друга в зад в той самой сушилке, где старшеклассник впервые

сделал это с Владиком... оказалось, что Саня – парнишка с опытом, и последующие два года пребывания в детдоме Владик и Саня проблему со снятием сексуального напряжения решали вместе, делая это по мере своей подростковой потребности, то есть часто и регулярно – совершенно не зарясь при этом на других пацанов... и не просто трахались они, тщательно скрывая свои интимные отношения от других, а что-то типа любви возникло между ними: они с юной страстью сосались в губы, и это было так же сладко, как оральный и анальный секс... потом этот Саня задумал побег, звал с собой Владика, Владик бежать отказался, и Саня, однажды ночью пропавший из интерната, пропал навсегда; у Владика после исчезновения Сани был секс еще с двумя пацанами... что было, то было, – взросление Владика протекало в интернате в голубом антураже. Ну, а в армии восемнадцатилетний Владик встретил восемнадцатилетнего Кольку, и... всё у них получилось как-то само собой – получилось естественно и быстро, – имея определённый опыт на ниве однополых отношений, Владик не составило большого труда раскрутить понравившегося ему Кольку на практикуемый в местах скопления молодых парней однополый секс...

Конечно, здесь можно сказать, что Владик Кольку с о в р а т и л, втянув его в однополые отношения, а поскольку Кольке это понравилось, можно тут же уточнить, что Владик Кольку р а с т л и л, р а з в р а т и л... а можно сказать и по-другому: Владик открыл для Кольки иные возможности, о которых он, Колька, если б разминулся с Владиком на жизненном пути, так бы никогда и не узнал применительно к себе... совращение, просвещение – как разобраться, что есть что? Мы живём в эпоху перевёрнутых смыслов и извращенных понятий, когда вечные истины пастухи-кукловоды шулерски ставят раком, чтоб оболгать и подогнать вечные истины под свои сиюминутные хотелки, позволяющие им, пастухам, вести стадо в нужном для них, пастухов, направлении. Именно отсюда все эти «скрепы» и «традиционные ценности», в средневековые ведущие «духовно-нравственные ориентиры» и прочая лабуда, предназначенная исключительно для стада, чтобы, унифицируя разнообразие жизни, подгонять каждого под общий знаменатель. Между тем, жизнь реальная

идёт своим чередом, и происходит ли совращение или, наоборот, происходит просвещение – это разница лишь в терминологии...

Колька Дубцов, симпатичный блондин с тонкими, даже изящными чертами лица, с голубыми глазами, до армии трахнуть ни с одной девчонкой не успел, то есть в армию восемнадцатилетний Колька ушел во всех смыслах девственником, не особо по этому поводу переживая, и когда Владик, положивший, как говорится, на Кольку глаз, подвёл Кольку к мысли, что трахаться можно не только с девчонками, но и с парнями, Колька, никогда об этом всерьёз не думавший и потому не имевший никакого предубеждения к однополому сексу, без всяких нервных рефлексии, порой возникающих у иных парней, легко согласился попробовать... ну, то есть, попробовать секс вместо девчонки с парнем, точнее, попробовать с Владиком, – а почему нет? Девчонок не было и в обозримом будущем не предвиделось... почему было не попробовать? Двигало Колькой не столько неодолимое желание, сколько естественное любопытство... ну, и желание, конечно, тоже было – молодое желание секса, когда одной мастурбации уже недостаточно; на территории части, где служили Колька и Владик, велось строительство девятиэтажного дома для проживания офицерского состава, и хотя стройка была отгорожена дощатым забором и ходить туда запрещалось, Владик и Колька именно там, на шестом этаже, в одной из будущих комнат, где в обозримом будущем предстояло жить какому-нибудь героическому полковнику или унылому капитану, натянули друг друга в зад, предварительно взяв друг у друга в рот, – в первый раз Кольке было, конечно, больно, но опытный Владик всё делал неспешно, осторожно, и Колька, лёжа с приспущенными штанами на спине, сцепив зубы, боль анальную вытерпел, по-мужски пережил, так что «проба» прошла вполне успешно... дней через пять всё повторилось... потом повторилось снова... и снова... Колька трахал Владика, Владик трахал Кольку, – жизнь половая у двух сослуживцев наладилась, устаканилась, в роте никто ничего не знал... так очень часто бывает: два пацана или парня регулярно натягивают друг друга «за кулисами», то есть кайфуют втихаря, втихомолку, шпилят один одного совершенно конфиденциально, и... дома это происходит, или в армии, или в студенческой общегитии, или в летнем молодёжном

лагере... да где угодно, хоть за высокими монастырскими стенами, – парни потихому наслаждаются, шпилят один другого, а те, кто рядом, о таком «безобразии» и «преступлении» не ведают ни сном ни духом... никто в роте не знал, что Владик и Колька «извращенцы», – ну, и что при таком раскладе могло подвигнуть их на отказ от кайфа? Год службы прошел-пролетел – Колька и Владик демобилизовались, и пути-дороги их разошлись, разбежались в разные стороны.

Колька вернулся в родную Сосновку, но делать в Сосновке было нечего, совхоза давно уже не было, работы не было, мать болела, и Колька, промаявшись пару недель, подался в райцентр – снял там комнату для проживания, устроился на работу водителем; год траха с Владиком никакого судьбоносного влияния на Кольку не оказал: ну, было и было... с кем не бывает! Трахаясь с Владиком и активно, и пассивно, Колька ни разу не задумался, гей он или не гей, – трахаться с парнем было в кайф, но всё это для легко живущего Кольки был просто секс, только лишь секс, то есть кайф, удовольствие – без ярлыков, без рефлексий, без погружений в самокопание с целью разобраться-выяснить типа «кто я такой, если мне это нравится?», – Колька был человеком простым, без заморочек. Матери вскоре не стало – Колька мать похоронил, окончательно перебрался в райцентр, там вскоре женился на Валентине, своей ровеснице, работавшей продавцом в небольшом магазинчике «Всё для вас», и покатила Колькина жизнь по обычной для всех таких колек колее: дом, семья, работа, выпивки с друзьями время от времени, телевизор по вечерам, секс с женой по ночам... что еще нужно для простого человеческого счастья? С сексом, кстати, всё было в порядке – армейская половая жизнь ориентацию Колькину не изменила, Кольку нисколько не испортила и вообще вспоминалась редко всё по тому же принципу: было и прошло; у Валентины был свой дом на улице академика Павлова, который оставили ей родители, для себя купившие квартиру в областном центре, Колька к дому пристроил кухню, сам дом требовал капитального ремонта, и потому с рождением ребёнка молодые решили повременить... короче, жизнь как жизнь – не лучше и не хуже, чем у других; так прошло несколько лет, и тут в Колькиной жизни вновь появился Владик...

Владик к Кольке приехал в гости – разыскал Кольку, приехал под вечер, всё такой же веселый и бесшабашный. Колька приезду Владика и удивился, и обрадовался; Валентина, ни сном ни духом не зная, что связывает сослуживцев помимо службы, накрыла на стол – втроём они посидели, выпили, Колька с Владиками повспоминали разные смешные истории: как бегали в противогазах, как в столовой однажды стырили жареную картошку с тушенкой, предназначенную для дежурного по полку... много чего было и смешного, и прикольного за год службы! Про себя Владик рассказал, что работает он на Севере вахтовым методом, что жениться он ещё не успел, но есть у него подруга «с прицелом на будущее»... сказал, что «если хозяйева будут не против», то он погостит недельку, – хозяйева были не против, Валентине весёлый и разговорчивый Владик понравился. На следующий день Валентина ушла на работу, Колька съездил в свою организацию, отпросился на работе – взял выходной, сказав, что к нему приехал армейский дружок и что надо «немного попьанствовать»; вернувшись, Колька натопил баню... ни открытым текстом, ни намёками Колька и Владик ни разу не обменялись, з а ч е м он, Колька, топил баню, но оба понимали, ч т о в бане будет; они сходили к Валентине в магазин – Владик купил ящик пива, Колька сказал Валентине, что они попарятся, «по-мужски посидят-поговорят, попьют пивка»... ну, а что в этом было особенного? Вполне типичное мужское времяпрепровождение... в бане, снимая трусы, Владик улыбнулся: «Ну, что, Колёк... вспомним наши детские забавы? Или ты, может, против? Ты теперь человек женатый...» «Так мы ж ничего такого делать не будем... мы же только вспомним, – рассмеялся в ответ Колька, снимая трусы с себя. – А что я женат, так это, Влад, не помеха... я на все руки мастер! И потом... – Колька, глядя на Владика, на его стройное спортивное тело, на поднимающийся член, пояснил свою «сексуальную беспринципность»: – Когда всё время борщ и борщ, каждый день один только борщ, можно ведь иногда и супчиком меню разнообразить... я за то, чтобы было меню разнообразное!» И они вспомнили: сначала они сосали друг у друга члены, как они делали это на шестом этаже в будущей квартире какого-нибудь полковника или капитана, потом натянули друг друга в очко, потом, попарившись и обмывшись, попили пивка, снова пососали один у другого, снова

один другого оттрахали в зад... никакого интереса к парням, к однополному сексу у Кольки после армии не было, но Владик – это было другое, совсем другое... это были в о с п о м и н а н и я... Вечером вернувшаяся с работы Валентина накрыла на стол, и они – Колька, Валентина и их гость – допоздна шутили-смеялись, снова неспешно выпивали, говорили обо всём и ни о чём... и опять: то ли это была случайность, простое стечение обстоятельств, то ли где-то на невидимых скрижалях их судеб всё уже было прописано и запрограммировано, а только произошло то, что случилось-произошло. На третий день Валентина, как обычно, ушла на работу, магазинчик, где она работала, находился рядом с домом, и Валентина иногда этой близостью магазинчика к дому пользовалась – прибегала зачем-нибудь домой, оставляя на дверях магазинчика короткую записку «буду через 15 минут», – так случилось и в этот раз: вспомнив, что утром она не достала из морозильной камеры курицу, чтобы к вечеру курица разморозилась, Валентина прикрепила скотчем к дверям магазинчика записку о своем скором возвращении, и... сослуживцы Колька и Влад, никак не ожидавшие возвращения Валентины, не слышали, как она вошла в дом, – Валентина услышала из спальни хорошо знакомое ей пыхтение и, ничего не понимая, ни о чём не догадываясь, с недоумением отведя в сторону дверную портьеру, заглянула в спальню...

Валентина заглянула в спальню... на супружеской кровати, на которой спали они, Валентина и Колька, лежал голый Владик, ноги его, поднятые вверх, были рогами расставлены, разведены в стороны, и, нависая над Владиком – вжимаясь пахом в распахнутый зад Владика, голый Колька, пыхтящий от удовольствия, размашисто двигал задом своим, – в первое мгновение Валентина даже не поняла, ч т о они делают, и только в следующую секунду до неё дошло: Колька, её муж... её муж с упоением трахал приехавшего в гости сослуживца Владика – совокуплялся с парнем-сослуживцем, е б а л его в ж о п у, совершал с ним половой акт... если б Валентина вспомнила про курицу на полчаса раньше и, соответственно, на полчаса раньше пришла бы домой, то она бы увидела другую картину – она бы увидела, как Кольку, её мужа, точно так же трахает Владик, и еще неизвестно, какая из этих двух картин произвела бы на Валентину большее впечатление, – Валентина, стоя в дверях, ведущих в

спальню, закричала... понятно, что не через пятнадцать минут, ни через час, ни через два часа Валентина на работе не появилась – рушилась, под откос летела жизнь, так что в один миг стало не до работы; понятно, что был грандиозный скандал – с криками, со слезами, с истерикой, с непониманием вообще, что всё это было... а главное: почему? Она, Валентина, любила Кольку, и Колька любил Валентину – в плане интимной жизни всё у них было прекрасно... тогда почему? Колька пытался объяснить Валентине, что э т о с о в с е м д р у г о е, что к их супружеским отношениям это никак не относится, что он Валентину любит, что всё, что она увидела, было всего лишь мимолётным любопытством, что это никак не повлияет... – Колька взывал Валентину к благоразумию, Колька кричал, что «всё это ерунда», но Валентина его не слушала и не слышала; она вдруг вспомнила – и Кольке это тут же припомнила – как он, Колька, после месяца семейной жизни предложил ей «попробовать в попку» и как она, дура наивная, согласилась, но у Кольки тогда «этот номер не прошёл», потому что ей было больно, а теперь он, «грязный извращенец, с таким же точно извращенцем мечту свою осуществил», – Колька в ответ кричал, что «это не извращение», что «делать глобальные обобщения глупо», а Валентина кричала, что он «ненормальный», что он «больной, извращенец», что он «пидарас»... закончилось всё это тем, что Валентина указала Кольке на дверь, сказав, что «жить с извращенцем» она не намерена; тут-то Колька и вспомнил про материнский дом в Сосновке... ну, а что еще оставалось делать?

Понятно, что ни Зинаида Ивановна, ни Пётр Степанович, ни вездесущая бабка Ниловна, ни вообще кто-либо из тех, кто знал Кольку, ни сном ни духом не ведали о настоящей причине Колькиного появления в Сосновке, – Колька всем сказал, что с женой они временно не сошлись характерами и потому семейную жизнь решили «поставить на паузу»; Валентина, со своей стороны, назвала для общих знакомых ту же самую причину, не желая говорить-признаваться, что она «несколько лет жила с извращенцем»; на работе Колька рассчитался – и вместе с Владиком уехал работать на вахту, – жизнь Колькина, вильнув в сторону, покатила по новой колее, но в душе Колька почему-то верил, что с Валентиной у него ещё всё получится, всё вернётся назад. Конечно, во всём случившемся проще всего было бы обвинять Владика, который «своим

приездом разрушил семейное счастье», но, во-первых, Колька приезде Владика в душе обрадовался, а во-вторых, он сам позвал Владика на супружескую постель, никак не думая, что Валентина может домой вернуться... и Валентина была не виновата, что у неё проявились такие «дремучие представления» – что она оказалась «заложницей всякой херни, насаждаемой для таких, как она, постоянно врущим телевизором»... и себя Колька тоже не чувствовал виноватым... ну, а в чем он был виноват? В том, что он оказался «универсальным солдатом – бойцом сразу на двух фронтах»? Просто всё так сложилось – так неудачно всё получилось... не склонный к рефлексии, Колька в том, что произошло, никого не винил, никого не оправдывал; да, конечно, нужно было быть просто осторожными, как это было в армии, когда они, то есть Владик и он, тщательно прятали, скрывали свои отношения, но... «знал бы, где упадёшь, подстелил бы соломку», а теперь что ж... «после драки кулаками не машут». Утешало Кольку лишь то, что трахаться с Владиком было в кайф – и, возвращаясь в Сосновку с Владиком с вахты, Колька этим кайфом утешался практически каждую ночь, а нередко и днём они, заваливаясь в постель, с упоением трахались, меняясь ролями, так что в плане секса он, Колька, не потерял ничего, и если бы... если б он, Колька, был геем, то жалеть-сожалеть вообще было бы не о чем, а нужно было бы просто думать, как обустроить свою новую жизнь с учётом случайно произошедшего «каминг-аута»; но...

Колька не был геем. Как, впрочем, и Владик, который, как и Колька, тоже не был геем – при всём том, что детство и юность Владика прошли в детдоме под «голубой звездой». Глупые люди, щедро окормляемые кукловодами из телевизоров, часто считают, что мир черно-белый, дихроматический: свой-чужой, правильно-неправильно, гей-натурал... никаких оттенков, никаких полутонов, – при таком примитивном, но совершенно понятном раскладе думать не только не надо, а даже вредно... и действительно, зачем думать, когда обо всём – what is what – неутомимо рассказывает условный телевизор? Надо не думать, а просто верить, что есть нормальные мальчишки-парни-мужчины с правильной ориентацией, и их, конечно же, подавляющее большинство, а есть мерзкие сексуальные извращенцы в виде так называемых геев, которых ничтожное меньшинство, но которые одним только фактом своего

существования нагло пропагандируют извращение, угрожающее непоколебимому большинству, а потому пропаганду эту надо везде и повсюду пресечь-запретить... именно такую историю на ниве насаждения «традиционных ценностей» раскручивали ловкие пастухи-кукловоды, окормляя не обременённую знаниями биомассу... Между тем, есть знаменитая шкала Кинси, и на шкале этой между истинными геями и настоящими натуралами располагается вся прочая человеческая популяция, которая, собственно, и является большинством – не в плане сексуальной ориентации, а в плане сексуальных предпочтений со всеми вытекающими отсюда поведенческими и прочими последствиями; в центре шкалы – «пятьдесят на пятьдесят», то есть те, у кого никаких предпочтений в сексе нет и которые с одинаковым успехом переключаются с женщин на мужчин, с мужчин на женщин: секс и с одними, и с другими доставляет таким бисексуальным натурам совершенно одинаковое удовольствие; а вот дальше – вправо-влево от центра – начинается самое интересное... впрочем, шкала эта широко известна, и нет никакой нужды её расшифровывать – шкала наглядно показывает, who is who в реале, а не в бреднях ушлых кукловодов, вербально мастурбирующих про необходимость сплотиться для защиты «скреп» и «нравственных ценностей» от экспансии вездесущих геев, которые посредством пропаганды своей ориентации стремятся растлить негибаемых натуралов и таким образом захватить весь мир... истинные, они же ядерные, гомосексуалы, осознающие свою сексуальную ориентацию как единственно возможную для себя форму проявления сексуальности, бисексуалы, временно или постоянно колеблющиеся между геями и натуралами, однополый секс, одноразовый или эпизодический, обусловленное самыми разными факторами гомосексуальное поведение, подростковые эксперименты, связанные с банальным любопытством или с поиском своей идентичности – «всё смешалось в доме Облонских», как сказал-написал однажды известный классик, в годы отрочества тоже не чуждый однополых устремлений, – можно трахаться в однополом формате и при этом геем не быть, можно в формате однополом не трахаться вообще и при этом геем быть, можно иметь жену и детей и при этом не быть натуралом, а можно ни жены не иметь, ни детей и при этом не быть геем – мир многолик, мир не

черно-белый, но лукавые кукловоды всё свалили в одну кучу и, реальное многоцветие-разнообразие подогнав под общий знаменатель, ловко противопоставили мерзких геев-содомитов настоящим натуралам, которых – настоящих! – не намного больше, чем настоящих ядерных геев, и которым – ядерным натуралам! – геи, как говорится, по барабану; волнуют геи не натуралов, а «натуралов», но это, как говорится, уже другая история, к Кольке и Владу не относящаяся...

Жена Колькина Валентина, прихватив Кольку и Влада «на горячем» и назвав их в порыве истерики «пидарасами», а именно это слово используется у малообразованной публики для называния геев, была, конечно же, не права: и Колька, и Влад не были геями, они оба были обычными бисексуалами, то есть оба могли с успехом «играть за разные команды» – с той лишь разницей, что Владик, не будучи стопроцентным геем, всё-таки в большей степени тяготел к сексу однополному, а Колька, не будучи геем, в большей степени тяготел к сексу разнополному. Эта разница в тяготениях, с одной стороны, ничуть не мешала Владу полноценно проявлять себя в разнополом формате, а с другой стороны, совершенно не мешала Кольке трахаться и кайфовать в формате однополом, – парни, как говорится, «играли за обе команды»; Влад мог бы жениться, мог бы воспитывать родившихся детей, мог бы выглядеть в глазах окружающих добропорядочным семьянином, и не просто выглядеть, а таковым в повседневной жизни быть, и всё равно при этом у него было бы его тяготение, а это значит, что у него была бы другая, параллельная, от посторонних скрываемая сексуальная жизнь, – такой сексуальный дуализм вполне объясняется древней арабской формулой-поговоркой «Женщины для долга, мальчики для удовольствия», и таких «натуралов», как говорится, пруд пруди. А Колька, наоборот, если б Влад не возник в его жизни вторично, мог бы вполне ограничиться тем армейским опытом, который он приобрёл во время службы, регулярно трахаясь с Владом, и дальше, по жизни, как это тоже нередко бывает, никогда бы не проявлял интерес к однополному сексу, никогда бы – по собственной инициативе – секс такой, однополый, не имел бы, – на шкале Кинси он, Колька, тяготел к левому краю, по жизни своей он был в категории "incidental homosexual behavior", но нежданно-негаданно в его,

Колькиной, жизни снова возник Влад, и Колька, не склонный к рефлексии, не стал отказывать себе в параллельном удовольствии... кто б мог подумать, что об этом временном «параллельном удовольствии» мужа узнает Валентина, что она истолкует всё в черно-белом цвете, где есть только «или-или», что она будет биться в истерике, не понимая и понимать не желая, что секс в однополном формате был для Кольки всего лишь временным отклонением от их семейной жизни... кто б мог знать, что жизнь Колькина в одночасье круто изменится – что он, Колька, снова вернётся в Сосновку! И вернётся не один, а с Владиком... «супчик» был вкусен, он вполне утолял молодой голод, но помимо вкусного «супчика» Кольке х о т е л о с ь ещё и не менее вкусного для него, для Кольки, «борщика», и даже не «борщика», а наваристого «борща», – так по инициативе Кольки парни время от времени стали приглашать в Сосновку малолетнюю, но «очень слабую на передок» девочку Любу, безотказную студентку второго курса кулинарного колледжа.

Любе было семнадцать с половиной лет, и по закону она была малолетней невинной девочкой, но это по закону была Люба и малолетней, и невинной, а по факту она могла пить водку, как полковая лошадь, была весёлая, любила разные тусовки и в свои семнадцать с половиной лет могла трахаться двадцать четыре часа в сутки, – когда Колька с Владиком пригласили Любу в Сосновку на randevу впервые и, оттянувшись на ней по полной программе – и по очереди, и одновременно в два ствола, затеяли игру друг с другом, Люба нисколько не удивилась такому повороту, потому как т а к о е она, малолетняя невинная девочка, уже видела в фас и в профиль... Любе было пятнадцать лет, когда она познакомилась с Артёмом; Артёму было двадцать два года, он приехал из Сочи погостить к родственникам, было начало лета, Люба сдавала экзамены за девятый класс, но это ничуть не мешало Любе ежедневно трахаться с Артёмом и дома, когда родители Любины были на работе, и в расположенной за посёлком роще, куда они ездили на «Ауди» дяди Артёма, и в гараже, и даже просто на улице, точнее, ночью в беседке... Артём на этом поприще был – под стать малолетней Любе – просто неутомим! Когда Люба сдала экзамены и отнесла документы в кулинарный колледж, а Артёму уже нужно было уезжать домой, в город, где тёмные ночи, Артём предложил Любе поехать с ним, –

Артём нигде не работал, жил с родителями, но родители Артёма до конца лета улетели на отдых в Грецию, где у них был небольшой домик, и Артём, таким образом, в своём двухэтажном коттедже был полным хозяином; Люба долго не думала, ехать или не ехать, она поставила в известность родителей, что едет на море, – и уже через два дня она лежала на пляже, подставив своё рано созревшее пятнадцатилетнее тело под лучи палящего солнца... это было похоже на сказку! Артём нигде не работал, но чем-то при этом занимался – иногда пропадал на весь день, от безденежья не страдал, днём, если Артёма не было, Люба ходила на пляж, загорала и купалась, по вечерам они ужинали в кафе, миловидная Люба то и дело ловила на себе заинтересованные мужские взгляды, ей это льстило, Артём совершенно не ревновал, потому как Люба была в его полном распоряжении; в качестве гостьи у Любы была одна-единственная, нисколько не обременявшая её обязанность – в любое время дня или ночи раздвигать под Артёмом ноги, что малолетняя Люба с удовольствием и делала, – Артём по части траха был не насытим... А через две недели выяснилось, что Артём – парень не простой, что он «с изюминкой». Люба и раньше принимала участие в г р у п п о в у х е и нисколько против такого сексуального формата не возражала, – под «групповухой» и малолетняя девочка Люба, и её двоюродный брат Васька с несколькими друзьями понимали банальную очерёдность к невинному телу Любы, лежащей с раздвинутыми ногами: пока кто-то, сопя и пыхтя, сладострастно долбил Любу, лёжа на Любе с приспущенными штанами, остальные суетливо мельтешили рядом, выясняя, кто будет следующий... ни моральных, ни физических неудобств Люба от такого формата не испытывала, а даже наоборот – это было интересно, как интересно всё новое, к чему лежит душа... и когда Артём сказал, что он хочет разнообразить секс, пригласив для этого кого-нибудь ещё, Люба с лёгкостью согласилась... а почему нет? Вечером Артём пришел с парнем, который был не намного старше Любы, – парень был ладный, симпатичный, с хорошо развитым «аппаратом», и только лицо его, ещё не утратившее черты ранней юности, говорило о том, что парень этот совсем молодой, совсем ещё зелёный... может быть, он был школьником-старшеклассником, или он только-только окончил школу: если судить по его совсем юному, немного смазливому лицу, парню

этому было лет шестнадцать или, самое многое, семнадцать, никак не больше, но Любу, ожидавшую в рамках rendez vous кого-то более взрослого, это ничуть не смутило – у паренька было отличное «оснащение», а это для девочки Любы было главное... а дальше произошло то, что девочка Люба увидеть никак не ожидала, что она увидела впервые и что, без сомнения, расширило её сексуальный кругозор: когда паренёк оказался на Любе и, приподнимая зад, начал Любу с наслаждением долбить, Артём, зачем-то смазавший свой стояк кремом, неожиданно для Любы стал пристраиваться к пареньку сзади... малолетняя Люба, конечно, знала, что есть такие парни, которые трахаются с парнями, но знание это не имело к ней, к девочке Любе, никакого отношения, и потому наивная девочка Люба вначале не поняла, что к чему, и только когда паренёк на ней дёрнулся и коротко вскрикнул, Люба поняла-догадалась, что Артём сделал, пристроившись к парню сзади – обхватив его бёдра руками... судя по тому, что парень не удивился, не стал вырываться из-под Артёма, малолетняя, но смекалистая девочка Люба предположила, что для этого юного симпатичного паренька такая конфигурация не стала ни шоком, ни непредвиденной неожиданностью, – Артём, навалившись на спину парня, начал размеренно двигать бёдрами, и парень, оказавшийся зажатым с двух сторон, начал так же размеренно долбить Любу, повторяя-дублируя толчки Артёма... если Люба и удивилась такому кульбиту, то удивилась она совсем немного; потом они выпили немного вина, и этот похожий на старшеклассника парень страстно «приложился» к Любе ещё раз – трахнул девочку Любу уже самостоятельно, без какого-либо участия Артёма, который, утопая в глубоком кресле с бокалом вина, наблюдал за действием со стороны... потом, когда юный, похожий на старшеклассника гость – или, как пошутил Артём, «третий не лишний» – ушел, Любу в обычном формате, то есть уже без посредника, а напрямую долго и страстно трахал-ласкал Артём...

Пробыла девочка Люба в гостях у Артёма – в городе Сочи, где тёмные ночи – до середины августа: днём ходила на пляж, купалась и загорала, гуляла без денег по разным шикарным магазинам, а ночью трахалась, трахалась, трахалась... ну, и утром, конечно, и вечером, и даже днём Люба тоже с готовностью раздвигала ноги, потому как Артём был просто неистощим... это не жизнь была, а сказка!

Артём еще несколько раз приводил домой молодых пацанов, похожих на школьников... так малолетняя Люба узнала, что такое т р о й н и ч о к, и не просто узнала, а непосредственно поучаствовала, расширив свои представления о сексуальном разнообразии, – потому-то по закону малолетняя и по этой причине невинная, а по жизни многоопытная Люба совершенно не удивилась, когда в Сосновке Влад стал уверенно пристраиваться к Кольке сзади...]

Люба вышла из примерочной кабинки с блузкой в руках, и Колька, глядя на довольное Любино лицо, справедливо предположил, что блузка Любе понравилась.

- Ну? Идём на кассу расплачиваться? – спросил-проговорил Колька, демонстрируя своё желание сделать малолетней Любе подарок.

- Люба-Любонька, целую тебя в губоньки... – улыбаясь, негромко пропел Влад. – Я сейчас перетёр с двумя пацанами – они наши, сосновские, но не местные, к деду с бабкой на каникулы приехали... да ты их видела! Так вот...

- Они ж малолетки! – перебила Влада невинная девочка Люба, сразу поняв, куда Влад клонит – к чему он всё это говорит.

- Ну, как малолетки... по пятнадцать лет мальчикам! Конечно, по закону они ещё не должны знать, чем ниже пояса девочки отличаются от мальчиков, но... они уже знают! – Влад рассмеялся. – Во всяком случае, теоретически точно знают... но теория без практики – это... как, Колёк, говорил наш ротный про теорию без практики? – Влад весело посмотрел на Кольку?

- Говорил, что это то же самое, что поводить бабе хуем по губам, а в рот не дать, – Колька рассмеялся,

- Фу, какой он был садист! – фыркнула Люба, рассмеявшись вслед за Колькой. – А ротный – это кто?

- Ротный, Люба, это наш командир роты. Гвардии капитан Расстегаев... истинный был садист! – охотно пояснил Влад. – Ну, а мы не садисты – мы гуманисты... а это значит... это, Люба, что значит?

- Это значит... – Люба хитро прищурилась, – это значит, что блузка будет отлично сочетаться вон с теми белыми бриджами, – Люба показала пальчиком туда, где были женские шорты и бриджи.

- Так примеряй быстрее! – рассмеялся Влад.

Так – элегантно и просто, без каких-либо уточнений и объяснений – вопрос с возможностью приобщиться к н а с т о я щ е м у для Серёги и Толика был решен – малолетняя и по этой причине как бы невинная Люба нисколько не возражала, чтобы к Владу и Кольке на предстоящем randevу присоединились ещё «два симпатичных мальчика», как назвала Люба Толика и Серёгу после того, как примерила белые бриджи; впрочем, Влад, когда говорил Серёге, что девочка Люба «даст, и ещё как даст», нисколько не сомневался, что именно так и будет... может, потому он и не сомневался, что сильно хотел, чтоб мальчишки пришли и приходом своим внесли в т р о й н и ч о к волнующую новизну... как знать!

Пока Люба в примерочной кабинке крутилась перед зеркалом, примеряя бриджи, Колька негромко спросил-уточнил, вопросительно глядя Владу в глаза:

- Так ты что... ты серьёзно хочешь их трахнуть?

- А почему нет? – так же тихо отозвался Влад, глядя в глаза Кольке. – Пацаны симпатичные... одного я, другого ты... можно подумать, что это что-то невиданное или небывалое.

- А если они не такие, как ты про них думаешь? Ну, то есть, не такие, как ты предполагаешь... ты уверен, что они трахают друг друга?

- Как я могу быть в этом уверен, если я ни того, ни другого ещё не трахал? – Влад, глядя на Кольку, тихо рассмеялся. – Но смотри... им по пятнадцать лет, а это возраст, когда хочется уже так, что скулы сводит... дым от дроча стоит коромыслом! Далее: девчонок в Сосновке, чтоб с ними тусить, нет, а когда нет девчонок... что мы, Колёк, делали в армии, когда не было девчонок? – Влад, всё так же глядя Кольке в глаза, снова тихо рассмеялся. – Далее: они всё время тусят вдвоём, а это естественным образом сближает и, соответственно, тоже подталкивает к интиму... вот если всё это сложить, то в сумме, Колёк, и получится... что в сумме получится? – Влад, глядя на Кольку, прищурился.

- Ну, если даже они и трахаются, как ты думаешь, то они трахаются между собой... и совсем не факт, что они тут же дадут нам.

- Не факт, – согласился Владик. – А с другой стороны, попытка – не пытка. Мы же не будем их принуждать или насиловать... мы просто предложим им небольшой апдейт их кругозора, как говорят у нас, у программистов, – Влад тихо засмеялся; к программистам Влад не имел никакого отношения, если не считать наличие у него ноутбука, который – по причине отсутствия интернета в Сосновке – пылился без дела; впрочем, в ноутбуке у Влада была куча порнороликов – как с геями, так и с «тёлочками», то есть с девчонками – и время от времени Владик с Колькой это порно просматривали... а почему нет? Порно ведь смотрят не только юные дрочеры или закоренелые любители мастурбации – порно смотрят и люди, для секса имеющие

партнеров, и люди женатые или замужние, порно смотрят тайно или совместно, и цели здесь могут быть самые различные...

- Влад... они ещё несовершеннолетние! – напомнил Владу Колю.

- Тю! – весело отозвался Влад. – Эти несовершеннолетние сегодня трахаются, как кролики... напугал ежа голой жопой!

- Они трахаются – это одно, А если их трахают – это совсем другое. Ты же сам знаешь, что по закону...

Влад по складу характеру был дерзким и наглым, а Колю был слегка трусоват, но даже не это было определяющим в той ситуации, какую моделировал Влад, – по шкале Кинси Колю в своих сексуальных предпочтениях однозначно тяготел к левому краю, а это значило, что ему для «разнообразия меню» вполне хватало секса с Владом... и искать какие-то «новые приключения на жопу» и в смысле прямом, и в смысле переносном – это было для Колю уже перебором... ну, то есть, ему это было просто не нужно – не было у него такой потребности, чтоб расширять круг однополых партнёров... да еще из числа малолеток, то есть, несовершеннолетних, за секс с которыми по закону...

- Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – тихо рассмеялся Влад и, придав лицу интригующее выражение, поманил Колю пальцем, так же интригующе говоря: – Наклонись ко мне, я тебе что-то скажу... по секрету скажу – наклонись...

Колю, поддавшись на эту уловку, чуть качнулся в сторону Влада, подставляя ухо для «секрета».

- Любаня, Колёк, тоже несовершеннолетняя – ей ещё нет восемнадцати, – прошептал Влад в Колюшко ухо. – Ты не знал об этом?

- Ну, Люба – это другое... совсем другое! – чуть помедлив, отозвался Колька, отстраняясь от Влада.

- Это тебе так кажется, – хмыкнул Влад. – А по закону... – Влад сделал паузу и, выделяя голосом слова «по закону», повторил: – По закону и пацаны несовершеннолетние, и Люба... она тоже несовершеннолетняя, если по закону. По закону, Колёк, между Любой, которой нет ещё восемнадцати лет, и пацанами, которым, блин, уже по пятнадцать лет, никакой разницы нет... они дети, если по закону, невинные дети. Ты удивлён? – Влад, глядя на Колькино лицо, рассмеялся. – По закону, блять... по и х закону мы с тобой тоже как бы недолюди, если мы трахаем друг друга... извращенцы мы и преступники! По закону, блядь... – повторил Влад; он был далёк от всякой политики, вся эта мышинная возня, которая называлась политикой, его совершенно не интересовала, но он иногда смотрел телевизор и потому краем уха иногда цеплял, какие «законы» в изобилии принимает кучка жирных проходимцев. – Короче, Колёк... пацаны придут где-то к десяти – я их в половине десятого встречу у старой школы и к десяти приведу сюда на случай... ну, а дальше видно будет – дальше посмотрим, как карта ляжет! Никто их принуждать или насиловать не будет... дальше от них будет зависеть. Не захотят... ну, скатертью им дорога – мы настаивать не будем!

Они втроем – после того, как малолетняя Люба в виде подарка приобрела блузку и бриджи – посидели в кафе, где съели по порции мороженого, потом купили три литровых бутылки хорошей водки, накупили всякой вкусной еды и на такси рванули в Сосновку, или, как сказала девочка Люба, «на нашу фазенду»...

Между тем, Серёга и Толик пребывали в волнительном предвкушении... первый настоящий половой акт для любого подростка – акт предстоящий, который планируется, или акт уже осуществлённый, уже

свершившийся – это всегда событие... и нет никакой разницы, по какой причине и при каких обстоятельствах произошел п е р в ы й половой акт – по любви это случилось или по пьяне, тет-а-тет или в составе школьной футбольной команды, с ровесницей или с барышней «сорок плюс» – в любом случае п е р в ы й н а с т о я щ и й п о л о в о й а к т становится для любого подростка не просто моментом утраты девственности, а является актом своеобразной и н и ц и а ц и и, после который мальчик превращается в мужчину... а девочка или девушка превращается в женщину, и не важно, сколько лет на момент инициации было субъекту первого полового акта – двенадцать-тринадцать, четырнадцать-пятнадцать или шестнадцать-восемнадцать, потому что главное здесь не только и не столько половой акт, хотя и это немаловажно, сколько переход из мира условного «детства» в мир условной «взрослости»... именно поэтому многие подростки часто умалчивают про свою девственность, а многие, будучи девственниками, банально врут о своих сексуальных похождениях... убедительно врут они или нет – это уже другой вопрос, но в юные годы почему-то многим хочется выглядеть и опытнее, и взрослее по части своей активности на сексуальной ниве.

Конечно, с точки зрения сексуального удовольствия трах двух подростков между собой – трах Серёги и Толика – был для обоих вполне самодостаточен, а значит, их сексуальное в з а и м о д е й с т в и е тоже было настоящим, и это было понятно, было объяснимо: любое проявление гомосексуальности, если его очистить от разной тысячетней шелухи, является всего лишь одной из форм многообразного сексуального поведения, точно так же как сама гомосексуальность является одной из форм человеческой сексуальности, и это не хорошо и не плохо – это всего лишь данность, обусловленная природой; но при таких – однополых – формах сексуальности отсутствует самовоспроизведение человеческой популяции, и

это – именно это! – на протяжении тысячелетий давало возможность разнообразным кукловодам, смешивающим в одну кучу однополую ориентации и однополое поведение, на голубом глазу утверждать, что секс между мужчинами является «пороком», «извращением», «преступлением», и те, кто застукан-замечен был в таком «преступлении», подвергались самым жестоким карам – в средние века таких парней как «исчадие ада» сжигали на кострах, в более поздние времена уничтожали-гнобили в фашистских концлагерях, в еще более поздние времена, где фашизм стал маскироваться под «скрепы» и «традиционные ценности», а сажать в тюрьму за то, что кто-то родился рыжим, вроде как стало не *comme il faut*, геев и бисексуалов стали просто подвергать остракизму... при этом эти же самые кукловоды на протяжении тысячелетий развязывали кровопролитные войны, в ходе которых одни мужчины уничтожали других мужчин, что, в свою очередь, никак не могло способствовать «самовоспроизведению популяции»... ну, и не надо забывать, что многие из тех, кто на протяжении тысячелетий организовывал гонения на геев, кто формировал у паствы ненависть к геям, кто лицемерно кликушествовал о «грехе», зачастую сами были «исчадиями ада» в смысле сексуальной ориентации или сексуальных предпочтений, – может, потому они и усердствовали, чтоб таким образом отвести подозрения от самих себя?

Понятно, что ни Толик, ни Серёга ни о чём таком, где были костры и концлагеря, не думали и думать об этом они не могли – по причине банального своего незнания, точно так же не думали они и о своём гомосексуальном поведении и как о проявлении своей возможной сексуальной ориентации, – как сказал Серёга Толику, «геи мы или не геи – это покажет будущее», но и о будущем своём они тоже мало думали, потому что здесь и сейчас у них было великолепное, на сказку похожее настоящее: знойное лето, школьные каникулы, необитаемый остров,

бабулины завтраки-обеда-ужины, классный секс... после неожиданного знакомства с Владом, который – на том основании, что все они были из Сосновки – предложил им «развеять скуку сосновскую», они, четырнадцатилетние Серёга и Толик, пребывали в волнительном предвкушении: вечером им предстоял первый секс с девчонкой...

Мальчишки, как обычно, поужинали – на ужин бабуля сжарила яичницу и сделала салат, заказали бабуле на завтрак на следующий день сырники со сметаной, согласились на предложение дедули в ближайшие дни съездить на рыбалку... потом, как обычно, они покормили Пирата... потом, пока Толик курил, сидя на ступеньках крыльца, Серёга помыл Пиратову чашку, налил Пирату воду... до половины десятого – до времени встречи с Владом – оставался ещё почти час, и Серёга с лёгким укором в голосе проговорил:

- Ты вот, мой старший брат, вроде местами умный – не глупее меня, а не подумал, что мы можем раньше освободиться... может, уже пойдём – подождём Влада у школы? Вдруг он раньше придёт... придёт, а мы уже там, уже в полной готовности... и не надо, блин, ждать до половины десятого... что ты на это скажешь? Пойдём?

Толик, сделав последнюю затяжку – медленно выпустив изо рта кольца сигаретного дыма, вдавил окурок в землю и только после этого снизу вверх посмотрел на стоящего перед ним Серёгу.

- Серый... я что думаю... – медленно проговорил Толик, глядя Серге в глаза; Толик, сказав это, сделал паузу, и Серёга, не дожидаясь, когда Толик закончит свою мысль, тут же живо отозвался – «подсказал» Толику, что Толик может думать:

- Знаю я, что ты думаешь! Ты думаешь, кто будет первым – ты или я... угадал? – лицо Серёгино расплылось в улыбке.

- Нет, не угадал, – Толик, глядя на Серёгу, невольно улыбнулся. – Я думаю: может, мы не пойдём?

- Как не пойдём? – улыбка на лице Серёги вмиг исчезла, и в голосе его прозвучало неподдельное удивление. – Почему не пойдём? – Серёга смотрел на Толика с чувством полного недоумения. – Толян, ты чего?

- Да фиг его знает... – медленно проговорил Толик, глядя Серёге в глаза. – Не нравится мне всё это...

- Что тебе не нравится? – ещё больше удивился Серёга, и по лицу его было видно, что у него, у Серёги, такой неожиданный поворот в развитии событий просто не укладывается в голове. – Ты не хочешь с девчонкой потрахаться?

- Почему не хочу? Хочу! – отозвался Толик.

- Так в чём тогда дело? – Серёга впервые за всё время общения с Толиком совершенно не понимал Толика... это ж надо такое придумать: не пойдём, когда обо всём уже договорились – когда есть стопроцентная гарантия, что девчонка им даст... и вдруг на тебе: не пойдём... охренеть! Всё это просто не укладывалось в Серёгиной голове!

- Не нравится мне это... – поморщился Толик.

- Что тебе не нравится? Толян... – Серёга сел перед сидящим на ступеньке крыльца Толиком на корточки и, обхватив ладонями колени Толика, заколыхал-задвигал их из стороны в сторону, словно таким образом желая привести Толика в надлежащее чувство. – Ну! Что тебе не нравится?

- Ну, смотри... мы с тобой сидели в «Сказке»... – медленно проговорил Толик

- Сидели, – Серёга согласно кивнул головой.

- Сидели. К нам подсел этот парень...

- Подсел, – подтвердил Серёга, снова кивнув головой.

- Вот... а зачем он подсел? Он стал рассказывать, какая классная девчонка и как она любит трахаться... а зачем он стал нам это рассказывать? Он что – сутенёр? – Толик смотрел на Серёгу так, словно Серёга знал наверняка, сутенёр Влад или нет.

- Блин! Он же сказал, что все мы сосновские – и они из Сосновки, и мы из Сосновки, и что если нам скучно в Сосновке, то мы можем развлечься... что здесь непонятно? Если б он был сутенёром, он бы сказал, сколько стоит это развлечение. А он просто нам предложил... предложил развлечься... что – так не может быть? – Серёга говорил уверенно, и оттого его слова казались вполне убедительными.

- Ну, не знаю... – отозвался Толик.

Конечно, если б у Толика была твёрдая уверенность, что идти им не надо, и при этом у него была бы чёткая аргументация для обоснования своей точки зрения, то он бы поспорил с Серёгой – он бы Серёге объяснил, почему им идти не надо, но Толик сам не знал, что вызывает у него беспокойство... и в кафе «Сказка», и вот теперь в ходе разговора оба они – и Толик, и Серёга – ни разу не подумали о том, что этот Влад, зазывая их потрахаться с девчонкой, на самом деле хочет, быть может, потрахаться с ними, с пацанами, и девчонка здесь всего лишь приманка, – казалось бы, для мальчишек, имеющих опыт однополого секса, такая простая мысль-догадка должна была бы прийти в голову в первую очередь, но... то ли потому, что парни, то есть Влад и Колька, были с девчонкой, то ли потому, что знания Серёги и Толика о самых разных проявлениях гомосексуальности не выходили за пределы их личного общения друг с другом, то ли потому, что

доступность однополого секса, неограниченная возможность трахаться и кайфовать друг с другом в любое время никак не способствовала разнообразным фантазиям, догадкам и предположениям, какие нередко возникают у тех, кто такой возможности не имеет, то ли потому, что их в хорошем смысле слова заикленность исключительно друг на друге автоматически отметала какие-либо поползновения из внешнего мира в мир их, а только простая мысль о том, что взрослые парни их, четырнадцатилетних подростков, хотят банально «насадить на кукан», «покатать на кожаном коне», ни Серёге, ни Толику в голову не пришла; говорят: «у голодной куме одно на уме» – а Серёга и Толиком «голодными» не были, чтобы предполагать что-либо связанное с однополым сексом или, тем более, с гомосексуальным насилием.

- Короче, Толян! Пойдём сейчас... чуть раньше пойдём – там ты ещё покуришь, если Влада не будет... вставай! – решительно проговорил Серёга и, поднимаясь-выпрямляя сам, потянул за руку Толика, отрывая его от ступеньки крыльца. – Нечего нам бояться... я замыкаю дверь!

- Я не боюсь – я думаю, – отозвался Толик.

- Ты, Толян, много думаешь, а это вредно... много думать вредно! – весело проговорил Серёга, щёлкая ключом в замке. – Нужно не думать, а действовать! И вообще... ложись на меня, и всё у нас будет отлично! Всё у нас будет как в лучших домах Парижа!

- Да уж! – хмыкнул Толик, с улыбкой глядя на Серёгу, которого просто распирало от радости и оптимизма. – Если б я на тебя полагался, то... я бы был уже в сумасшедшем доме!

- Толян! Какой ты... неблагодарный! – с деланным укором в голосе проговорил Серёга и, неожиданно сделав выпад в сторону Толика – обхватив

Толика поперёк туловища, стал наклонять Толика к земле. – Ты зачем мне сказал про сумасшедший дом? А? Это ты на что... на что ты сейчас намекнул?

- Серый, блин! – Толик задёргался, закрутил задом, пытаюсь вырваться из Серёгиных рук. – Я сейчас дам... по шее тебе дам! Пусти! – Они, смеясь, сопя и пыхтя, в наклонённом состоянии затанцевали, закружились перед крыльцом, вжимаясь щекой в щеку.

- Вот! Ты меня постоянно... ты постоянно меня обижаешь! – Серёга, пыхтя, стал Толику жаловаться на Толика, перечисляя «обиды». – То в сумасшедший дом меня отправляешь... то обещаешь по шее дать... то пристаёшь ко мне сексуально... постоянно меня насилуешь...

- Серый, пусти! – задыхаясь от смеха, Толик пытался высвободиться, вырваться из рук Серёги. – Пусти... а то опоздаем из-за тебя...

- А-а-а, боишься, что опоздаем, – торжествуя проговорил Серёга, разжимая руки. – Вот теперь сразу видно, что ты человек умный, порядочный и ответственный – что ты можешь быть примером для младшего брата...

Между тем, день подходил к концу – ещё не стемнело, но воздух уже сгустился и посерел; солнце скрылось за горизонтом, но небо на западе, ближе к горизонту, ещё было светлое, а на востоке небо уже наливалось свинцовой синевой, и там, на востоке, уже начинали появляться первые звёзды; чтоб перейти на улицу, где жили бабуля с дедулей, нужно было сворачивать в переулок налево, а чтоб попасть на улицу, где была школа, нужно было, наоборот, поворачивать направо, – они повернули направо и, миновав переулок, уверенно зашагали к школе; улицы были пустынные, словно в Сосновке вообще никто никогда не жил.

- Серый, если они нам будут предлагать выпить... ну, там водку или вино, мы пить не будем – скажем, что нам нельзя, – вполголоса проговорил Толик, заблаговременно инструктируя Серёгу, как надо будет вести себя в гостях. – Скажем, что мы пьем таблетки, и потому пить спиртное... даже пить пиво нам категорически запрещено. Понял?

- Понял, – послушно отозвался Серёга. – А от какой болезни мы пьем таблетки? – Серёга деловито посмотрел на Толика.

- Да фиг его знает, – хмыкнул Толик. – Ну, например... не от болезни мы пьем таблетки, а для того, чтоб нарастить мышечную массу... тестостероновые пьем таблетки – для повышения тестостерона в организме. Понял?

- Понял, – Серёга кивнул головой; какое-то время они шли молча. – Толян, я сейчас что подумал... нам, когда мы были в райцентре, нужно было купить презервативы! Да? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Зачем? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Ну... зачем презервативы вообще нужны? – Серёга, не отвечая на вопрос Толика, задал встречный вопрос и тут же, не дожидаясь, что скажет Толик, сам на свой вопрос ответил: – Чтобы не было беременности...

- Так если она, как говорит Влад, любит ноги раздвигать, то ты что... ты думаешь, что именно от тебя она обязательно залетит, если тыставишь ей без презерватива? Офигеть, какие у тебя мечты! – Толик тихо засмеялся.

- Какие мечты? Ты совсем дурак? Я просто сказал, – парировал Серёга, изобразив на лице возмущение.

- Серый... а ты вообще когда-нибудь презерватив натягивал? Ну, по приколу... – Толик на Серёгу с любопытством.

- Натягивал, – отозвался Серёга. – Я даже дрович один раз в презервативе – в презик кончил... а ты?

- Я тоже дрович один раз... тоже в презил кончил, – не задумываясь, признался Толик. – Мне не понравилось...

- Блин, и мне... мне тоже не понравилось! – весело проговорил Серёга. – Мы, с тобой, Толян, абсолютно похожи... во всём похожи – как две капли воды!

- Да уж! – хмыкнул Толик, с улыбкой покосившись на Серёгу.

- Чего ты хмыкаешь? – тут же отреагировал Серёга. – Я, конечно, умнее тебя, но это единственное, что нас отличает друг от друга, – говоря это, Серёга на всякий случай предусмотрительно шагнул в сторону – на тот случай, если Толик захочет, применяя силу, доказать обратное.

- Ну, и в чём ты умнее? – подчеркнуто спокойно спросил Толик.

- Ну, например, я лучше тебя разбираюсь в людях. Это во-первых. Во-вторых...

Но что «во-вторых», сказать Серёга не успел – Толик сделал стремительный выпад в сторону, пытаясь схватить Серёгу, однако Серёга, ожидавший такого выпада, с тихим смехом стремительно отпрыгнул от Толика, отскочил в сторону.

- Во-вторых, у меня офигенная реакция, в чём ты только что убедился... согласен? – весело проговорил Серёга.

- Согласен, – отозвался Толик. – Я только не понял, при здесь ум...

Так, дурачась, они подошли к школе, точнее, к зданию, где была когда-то школа, – здание было кирпичное, одноэтажное, с чёрными проёмами выбитых окон; между тем, уже наступила ночь, но не чёрная и

беспросветная, а лунная, светлая летняя ночь; нигде – ни в одном дворе – не было видно света: люди, жившие в этих домах, уже либо спали, либо, скорее всего, просто сидели в темноте, не зажигая свет, чтоб не налетели мошки и комары... да и жили ли люди в этих домах вообще? Серёга и Толик, катаясь по Сосновке на своих «мустангах», неоднократно проезжали здесь, и они никогда не видели, чтоб во дворах была какая-то жизнь... земля, в течение долгого летнего дня щедро нагреваемая жаром палящего солнца, теперь отдавала этот жар назад, – было душно, в неподвижном воздухе при отсутствии даже намёка на какое-либо малейшее дуновение ветерка на деревьях, залитых лунным светом, не шевелился ни один листок...

- Блин, тишина какая, – почему-то шепотом проговорил Серёга.

- Да, тишина, – согласился Толик. – Тишина, и мёртвые с косами стоят...

- Толян, блин! – одёрнул Серёга Толика; он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент на дороге, словно материализовавшись из воздуха, появился Влад.

Влад подошел, и они ещё раз пожали друг другу руки.

- Колёк сейчас Любе засаживает – пыхтит-старается, а я отстрелялся первым и пошел вас встречать – Влад, сказав это, тихо засмеялся. – Думал, что буду вас ждать, а вы уже здесь – вы пришли даже раньше меня...

- Мы только что подошли, – уточнил Серёга.

- Ну, отлично! Идёмте...

- А далеко ещё? – проговорил Толик, не трогаясь с места.

- Нет, – отозвался Влад. – Сейчас свернём в переулок и потом ещё немного пройдем по улице... короче, недалёко! Идёмте...

- Идём, Толян! – Серёга посмотрел на Толика. – Здесь недалеко...

Дом Колькин мало чем отличался от других домов в Сосновке, и если б Влад не встретил Серёгу и Толика в назначенном месте, то мальчишки сами вряд ли нашли бы Колькин дом в ряду других таких же домов; света в окнах не было, и, входя во двор вслед за Владом, Серёга поинтересовался:

- А чего так темно? Где все?

- Какие «все»? – отозвался Влад. – Колёк да Люба, которая вас ждёт... больше нет никого. А что света не видно, так это из-за штор – там висят плотные шторы на окнах, чтобы днём сохранять прохладу... ну, а ночью, наоборот, не пропускают свет наружу...

- Да, у нас тоже так – тоже на окнах плотные шторы... – Серёга хотел добавить что-то ещё, но идущий сзади него Толик толкнул его кулаком в поясницу, таким образом предупреждая Серёгу, чтобы Серёга придерживал язык за зубами – чтоб не болтал о том, о чём его не спрашивают.

Они вошли в тёмный коридор и оттуда уже попали комнату, залитую ярким электрическим светом.

- Пацаны, привет! – сидевший за столом Колька приподнялся, протягивая поочередно Серёге и Толику руку для приветствия; на столе стояла початая бутылка водки, три пустых гранёных стаканчика, по тарелкам была аппетитно разложена разная еда. – Влад, давай еще две тарелки и два стаканчика, – весело проговорил Колька. – Окрошку будете?

- Нет, спасибо, мы только недавно ужинали, – отозвался Толик.

- Ну, тогда за знакомство по сто грамм, – весело проговорил Влад, ставя на стол две чистые тарелки и два стаканчика. – Парни, вы присаживайтесь, не

стойте, как истуканы! Колёк, наливай... накатим сейчас по стаканчику-другому, и... что мы будем делать? – Влад весело подмигнул Серёге.

- Мы не пьём, – отозвался Серёга. – Нам пить нельзя – мы таблетки пьём.

- Какие таблетки? – Колька, разливавший водку по стаканам, с удивлением посмотрел на Серёгу.

- Таблетки... – Серёга, забыв, про какие таблетки говорил Толик, посмотрел на Толика, и Толик, мгновенно поняв, что Серёга забыл название таблеток, тут же продолжил, не давая Серёге возможность сказать что-либо еще:

- Тестостероновые таблетки... ну, то есть, таблетки для повышения уровня тестостерона.

Колька, перестав разливать водку – держа на весу бутылку, вопросительно посмотрел на Влада и тут же снова перевёл взгляд на Толика:

- Так... а отчего вы пьёте эти таблетки? Болезнь какая-то?

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – Это таблетки для роста мышечной массы... ну, чтоб были такие рельефные кубики на животе...

- Качками хотите стать? – догадался Колька.

- Нет! – Толик снова отрицательно покачал головой. – Качки – это просто куски мяса, а небольшие рельефные кубики нравятся девчонкам...

- И что – из-за этих таблеток нельзя пропустить сто грамм за знакомство и расслабухи в хорошем обществе? – с улыбкой проговорил Влад, под улыбкой стараясь скрыть своё разочарование.

Толик хотел сказать, что нельзя – что таблетки эти несовместимы с алкоголем, но в разговор вмешался Серёга:

- Мы даже пива выпить не можем, пока пьём эти долбаные таблетки, – с сожалением в голосе проговорил Серёга, и лицо его приняло виноватое выражение.

- И вообще мы пришли ненадолго... – Толик, словно извиняясь за то, что они пришли ненадолго, виновато улыбнулся. – Ну, оттянуться немного, словить кайф, и... мы, когда уходили, записку оставили...

Серёга, посмотрев на Толика, уже приоткрыл рот, чтоб уточнить, какую они оставили записку, и... верный своему правилу сначала говорить, а потом думать, Серёга наверняка спросил бы Толика про якобы оставленную записку, но ситуацию невольно спас Влад, опередив Серёгу буквально на доли секунды вопросом своим:

- Какую записку? – с удивлением проговорил Влад, глядя на Толика.

- Ну, что мы пошли в гости к Кольку... – Толик назвал Кольку так, как называл хозяина дома Влад. – Написали, что скоро придём...

- Зачем вы такую записку оставили? – от удивления у Влада даже слегка округлились глаза – он смотрел на Толика, искренне не понимая... записка какая-то... зачем?!

- Да блин! – Толик поморщился, всем своим видом показывая, что он сам недоволен тем фактом, что им, уходя, пришлось оставлять эту долбаную записку. – Мы у дедули с бабулей гостим, и... короче, мы ждали, когда они лягут спать, чтобы нам можно было спокойно уйти, и как только они захрапели, мы сразу рванули сюда...

- Ну, всё правильно! – согласился Влад. – А записку зачем вы оставляли?

Мысль о записке пришла в голову Толика в тот момент, как только они вошли в комнату, и... теперь главное было не переиграть, чтобы всё выглядело естественно и правдоподобно.

- Ну, если дедуля... или бабуля вдруг ночью проснутся и обнаружат, что нас нет и что им неизвестно, где мы, то... бабуля такую сирену среди ночи включит, что вся Сосновка на уши встанет, – Толик улыбнулся, но улыбнулся он как бы виновато – как бы извиняясь за излишне заботливую бабулю. – Вот... мы написали коротко: «мы пошли в гости к Коле Дубцову, скоро придём» – чтоб никакого кипиша не было. – Толик, глядя на Влада, сделал такое выражение лица, словно ему самому было неудобно, что так получилось.

- Так вы что... никуда выйти не можете вечером? – в голосе Влада было одновременно и удивление, и недоумение, и досада.

- А куда здесь, в Сосновке, ходить? – включился в разговор Серёга, он, Серёга, поначалу не понял, про какую записку сказал Толик, но когда Толик рассказал целую историю про якобы оставленную дома записку, Серёга не мог не отметить про себя, что, во-первых, Толян при случае тоже может отлично троллить, а во-вторых, Толян, убедительно рассказавший про историю с запиской, «красавчик...просто красавчик!». – Молодёжи в Сосновке нет – по вечерам ходить некуда... по вечерам мы или фильмы разные смотрим на компе, или в игры в оффлайне играем... – Серёга хотел добавить своё фирменное «да, Толян?», но успел таки сообразить, что такое добавление в данной ситуации будет не очень уместно, и добавлять не стал – промолчал.

- Или смотрите на компе порнуху, – засмеялся Колька.

- Или смотрим на компе порнуху, – не стал отрицать Серёга и, многозначительно посмотрев на Влада, блудливо улыбнулся: – Или вот пришли в гости к вам... вместо порнухи! – в этих последних словах – вкупе с многозначительным взглядом и блудливым выражением лица – был уже явный намёк на то, что пора бы им, пришедшим потрахаться парням, переходить к делу, а не вести пустые, никому не нужные разговоры...

Между тем, Влад, никак не ожидавший такого расклада, пребывал в лёгкой растерянности... он ведь как думал-планировал? Пацаны придут, они уже взрослые, им по пятнадцать лет, все вместе они накатят водочки для начала, пацаны от водки расслабятся, поплывут, они все вместе завалятся на широкую Колькину кровать, начнут по очереди шалить-играть с Любой, начнут кувыркаться-барахтаться, и... когда действие будет в разгаре, когда стояки у пацанчиков зазвенят, задымятся от возбуждения и им станет уже без разницы, кто, кого, куда и как, вот тут-то и можно будет уверенно переходить к «расширению горизонтов» – без насилия, без принуждения... он, Влад, был уверен, что пацаны эти трахаются, шалят между собой, но даже если он ошибался, если это было не так, всё равно в т а к и х ситуациях верх берёт в человеке его природное начало, а вся та дребедень про якобы «извращение», которой нафаршированы головы, сама собой исчезает, испаряется под сокрушительным напором природного естества, – после демобилизации у Влада недолгое время был приятель-партнёр, который любил повторять: «в мире нет натуралов – есть просто мало водки» – Влад эту ф о р м у л у б и с е к с у а л ь н о с т и хорошо запомнил... словом, у Влада в отношении Толика и Серёги был нормальный, вполне рабочий план! Кольке, в общем-то, было всё равно, а Владу сильно хотелось покувыркаться, пошалить с симпатичными мальчишками: дать им в рот, пососать у них, отбарабанить их в юные дырочки... разве это не кайф? И вот этот план в один миг рухнул, как картонный домик: пацаны пришли, но, во-первых, они

отказались пить, а во-вторых, они оставили дома дебильную записку... допустим, дед и бабка до утра не проснутся – записку эту они не увидят, не прочитают... а если проснутся – если записку они прочитают? Влад лихорадочно соображал, как теперь быть... собственно, было два варианта: или пусть пацаны натянут Любу, пусть отстреляются на ней и валят домой, к деду и бабке, или попробовать осуществить своё желание как-то по-другому... а как по-другому? Пацанов было двое, они были трезвые, и... даже если они между собой шалят-балуются, если они друг друга натягивают, ещё не факт, что они захотят э т о делать здесь – с ними, то есть с Кольком и с Владом... оттянуться в формате «оргия» явно не получалось.

- Короче, парни... кто будет первый? – весело проговорил Влад, ещё не зная, как ему быть.

- А где... – Серёга хотел спросить, где девчонка,.. ну, то есть, где Люба, почему её не видно, но уточнять-спрашивать не стал – ограничился лишь вопросом «а где», потому что и так было понятно, кто их, Серёгу и Толика, интересуется.

- Там, в соседней комнате, – отозвался Влад, отвечая на вопрос; он кивком головы указал на закрытую дверь, ведущую в соседнюю комнату, и, посмотрев на Кольку, деловито спросил: – Наша Люба живая?

- В смысле? – вырвалось у Серёги, и глаза его невольно округлись; он вопросительно посмотрел на Толика – Толик в ответ на вопрошающий взгляд Серёги чуть заметно пожал плечами.

Видимо, выражение лица у Серёги в один миг стало если не испуганное, то уж точно недоумевающее, непонимающе озадаченное – глядя на Серёгу, Колька рассмеялся:

- Любу иногда накрывает... не каждый раз, но бывает. Влад когда пошел вас встречать, я как раз в это время с Любой шалил... ну, трахал её... отстрелялся как раз перед вашим приходом... вот Влад и спрашивает: живая ли она.

- Как накрывает? – проговорил Толик, глядя на Кольку.

- Ну, как... если её хорошо долбить, то она во время долбёжки может кричать, извиваться... даже царапаться может от удовольствия... а потом, когда кончит, полчаса может лежать без движения... ну, типа в прострации – словно сознание потеряла от кайфа... вам что – такие девчонки ещё не попадались?

- Нет! – Серёга, слегка озадаченный тем, как это может быть, посмотрел на Толика. – Или, Толян, у тебя так было?

- Нет, тоже не было, – Толик отрицательно покачал головой.

- Ну, так не всегда бывает... и не со всеми девчонками так бывает, – хмыкнул Колька, довольный произведённым на пацанов впечатлением; он потянулся за бутылкой. – Налить? – Колька вопросительно посмотрел сначала на Толика, потом на Серёгу.

- Нет, – в один голос ответили Толик и Серёга.

- Ну, зря, – проговорил Колька и, не настаивая, налил водку в два стакана – для себя и для Влада.

Между тем, Влад подошел к закрытой двери, которая вела в другую комнату, приоткрыл дверь – и Серёга, сидевший за столом аккуратно против этой двери, увидел часть огромной кровати, стоявшей посередине комнаты; в комнате горел мягкий золотистый свет, – Влад, ещё шире приоткрывая дверь, повернулся к мальчишкам:

- Ну, кто первый? – Влад улыбнулся и, переводя взгляд с Толика на Серёгу, с Серёги на Толика, на правах хозяина-распорядителя, уточнил: – По одному, парни...

- Кто, Толян, первый – я или ты? – Серёга нетерпеливо посмотрел на Толика, и в то же время во взгляде Серёгином Толик увидел легкое, едва уловимое смятение... конечно, был бы Серёга с девчонкой один на один, или, как говорится, тет-а-тет, его чувства и поведение наверняка были бы другими, но сейчас он, Серёга, собиравшийся в п е р в ы е трахаться с девчонкой, был в ситуации какой-то странной... словно они, он и Толик, оказались игрушками на каком-то конвейере, и конвейером этим рулил-распоряжался малознакомый парень по имени Влад... ни Влад, ни Колька никакого смятения во взгляде Серёги не заметили, но Толик, привыкший видеть «младшего брата» Серёгу всегда уверенным, всегда всё знающим, на ходу сочиняющим разные истории, это смятение уловил... а с другой стороны, «младший брат» так рвался девчонке з а с а д и т ь, и даже теперь в его взгляде наряду со смятением было явное нетерпение.

- Ты, – коротко сказал Толик, уступая Серёге пальму первенства на пути приобщения к н а с т о я щ е м у сексу – на пути «потери невинности», как любили и любят говорить профессиональные борцуны за возвращение «традиционных семейных ценностей», предписывающих адамам и евам «терять невинность» исключительно в «законном браке», обязательно освещённом в каком-нибудь позолоченном офисе лицемерно ряженой в посредника между землёй и небом бородатой тёткой.

- Давай, Серёга! – стоявший в дверях Влад улыбнулся, глядя на Серёгу.

Серёга послушно встал со стула, решительно шагнул к приоткрытой двери; голая девчонка, раздвинув ноги, лежала на кровати, и кровать эта была огромна – кровать, стоявшая посередине комнаты, занимала две три

комнатного пространства; голая Люба, раздвинув ноги, раскинув руки, лежала с закрытыми глазами, п л о с к о с т ь между её ногами была разделена чуть приоткрытой щелью, и плоскость эта была голая, явно выбритая – лишь над щелью, в самом низу плоского живота, был небольшой, аккуратно подстриженный кустик-квадратик чёрных густых волос, похожий по форме на усы у Гитлера, – в таком виде лежащая на краю кровати Люба показалась Серёге маленькой и словно не настоящей.

- Она живая? – чуть слышно прошептал Серёга; он вопросительно посмотрел на Влада, чувствуя, как его член в трусах начинает стремительно наливаться сладкой твёрдостью.

- Живая... живее всех живых! – тихо засмеялся Влад, шире открывая перед Серёгой дверь – в п у с к а я Серёгу в освещённую мягким золотистым светом комнату. – Заходи!

Влад слегка подтолкнул Серёгу, словно тем самым помогая Серёге преодолеть нерешительность, и Серёга, уже сделав шаг, уже стоя в дверном проёме, непроизвольно оглянулся назад – посмотрел на Толика, сидящего чуть в стороне от стола, на котором стояла бутылка с водкой и была разложена по тарелкам разная закуска.

- Иди! – коротко произнёс Толик.

- Иди, Серёга, иди! – весело и нетерпеливо повторил вслед за Толиком Влад, вновь подталкивая Серёгу в спину, и, автоматически тронув через шорты вставший член, Серёга шагнул в комнату; Влад, шагнув за Серёгой следом, плотно закрыл за собой дверь...

Оставшиеся в комнате Колька и Толик переглянулись.

- Сейчас он засадит... – с чувством, врасстяжку проговорил Колька, вновь потянувшись за бутылкой; он подмигнул Толику, и Толик, подмигнув Кольке в ответ, коротко отозвался:

- Да...

- Выпьешь? – Колька, держа бутылку, посмотрел на Толика вопросительно.

- Нет, – Толик отрицательно покачал головой. – Я бы с удовольствием, но эти долбаные таблетки... пока курс с таблетками не пройдем, пить вообще нельзя. Даже пиво...

- А зачем вам это? Вы и так неплохо сложены... – проговорил Колька, куском буженины закусывая опрокинутую в рот стопку водки. – Кубики какие-то...

- Ну, девчонкам такие кубики нравятся, – с улыбкой отозвался Толик, понятия не имея, нравятся девчонкам такие «кубики» или нет.

Они, Колька и Толик, замолчали – разговор у них клеился не особо; из-за двери, за которой з а с а ж и в а л Серёга, слышались неразборчивые голоса, точнее, что-то сказал Серёга, потом снова всё стихло, – Толик и Колька в ожидании п р о д о л ж е н и я смотрели на закрытую дверь, причём каждый думал о с в о ё м продолжении...

Колька думал, что если Влад... если Влад, который был убеждён, что пришедшие пацаны трахаются между собой, каким-то образом сейчас там, за дверью, одного из этих пришедших пацанов на секс однополый раскрутит, то есть натянет пацанчика в рот или в жопу, то пацана другого, сейчас напротив сидящего, натягивать будет он, Колька... Влад так и сказал «одного я, другого ты», – не испытывая какой-то неодолимой, навязчивой тяги к траханью с малознакомым пацаном, Колька в то же время был не против... ну, а почему нет, если будет не против сам пацан? Проблема была лишь в

том, что у Кольки, кроме Влада, других партнеров ещё никогда не было, а в отношениях с Владом – и во время службы в армии, и вот теперь, когда жизнь свела их снова – он, Колька, всё время был в е д о м ы м: он не отказывался от однополого траха, он полноценно кайфовал с Владом в активной роли и терпелив был в роли пассивной, всё это у них – после того, как Кольку выгнала Валентина – происходило регулярно, иногда за сутки не один раз, но при этом сам Колька инициативу практически никогда не проявлял... и потом, с Владом всё было просто и понятно, а как на секс раскручивать совершенно незнакомого пацана, сидящего напротив, Колька не представлял, – бросая на Толика взгляды, Колька думал-гадал, к а к у него это будет с Толиком...

- Кстати, братан... ты извини, но я забыл... я забыл, как тебя звать, как, братан, твоё имя, – Колька вопросительно посмотрел на Толика.

- Анатолий, – коротко ответил Толик.

- Я Николай, – Колька протянул Толику руку, как это делают при знакомстве; Толик в ответ протянул руку свою – они пожали руки друг другу, и... может, ему, Кольке, сейчас нужно было на какое-то время руку Толика задержать в своей руке, как-то сжать, стиснуть ладонь пацана в ладони своей, одновременно с этим глядя на пацана с намёком, м н о г о з н а ч и т е л ь н о ?

Между тем, Толик понятия не имел о Колькиных мыслях-переживаниях – Толик смотрел на закрытую дверь, представляя, как там, за этой закрытой дверью, «младший брат» Серёга з а с а ж и в а е т девчонке... так же засаживает, как он засаживал ему, Толику, или с девчонкой всё это происходит как-то по-другому? Наверное, по-другому... а с другой стороны, какая разница, в какой дырке д р о ч и т ь – в чьё отверстие засаживать? Ну, то есть, если смотреть на этот вопрос с чисто технической стороны... Член у

четырнадцатилетнего Толика, упираясь полуоткрытой клейкой головкой в трусы, стоял, был сладостно напряжен в предвкушении...

Прошло три минуты... прошло пять минут... они, Серёга и Толик, понятия не имели, как именно будет проходить их «расслабуха»... ну, то есть, было понятно, что трахать девчонку они будут по очереди, но что ж д а т ь своей очереди придётся в другой комнате да ещё при закрытых дверях... в т а к о м ожидании было что-то не то чтобы унижительное, а скорее глупое, внутренне некомфортное – краем сознания Толик не столько понимал, сколько чувствовал несуразность своего положения, но сейчас ему, Толику, было не до этого: Николай сказал, что девчонка во время траха может кричать от удовольствия, а за дверью всё было тихо... может, Серёга там ещё и не начинал? Дверь была плотно закрыта, и что там, за дверью, сейчас делалось, что там происходило, было неизвестно, а любая неизвестность – это, как известно, хуже всего... да еще время, когда томительно ждёшь чего-то, начинает тянуться издевательски медленно...

- Тихо... – проговорил Толик, посмотрев на Николая.

- А тебе не терпится? – с улыбкой отозвался Колька, подмигнув Толику.

- Ну... – Толик неопределённо пожал плечами.

За дверью послышалась какая-то возня, невнятный Серёгин голос, какой-то стук, и... дверь резко распахнулась, – Серёга, в одной руке держа свою футболку, другой рукой на ходу подтягивая впопыхах надетые шорты, вылетел из комнаты, как пуля.

- Толян, валим отсюда! – скользнув по Толику взглядом, не останавливаясь, ничего не объясняя, Серёга рванул к двери; Толик, подорвавшись со стула, на котором сидел, рванул вслед за Серёгой.

Почти сразу же, как только Серёга, распахнув дверь, выскочил из комнаты, в дверном проёме возник голый Влад с крупным, вверх торчащим, багрово залупившимся членом.

- Пацаны, вы куда? Серёга! Я, блин, всё сейчас объясню! Стойте! – Влад, не глядя на слегка опешившего Кольку, кинулся за мальчишками, но они, проскочив тёмный коридор, выскочили на улицу, и голый Влад, следом за ними выскочив на крыльцо, остановился – пацаны, прибавляя ходу, уже были за калиткой, так что кричать что-либо им вслед или, тем более, догонять их, да ещё в костюме Адама, было уже бессмысленно. – Вот же блин! – с досадой проговорил Влад и, сжав в кулаке торчащий член, развернулся – быстро шагнул назад, в тёмное чрево коридора; дверь за Владом закрылась.

А пацаны летели, как пули, по залитой лунным светом пустынной улице; они пробежали по улице, на которой стоял Колькин дом, свернули в переулок, пробежали мимо школы, снова свернули в переулок, ведущий на их улицу, и только когда оказались на своей улице, остановились, тяжело дыша, – погони за ними не было.

- Что случилось? – Толик, чтоб успокоить дыхание, согнулся, упираясь ладонями в колени.

- Сейчас расскажу, – Серёга согнулся точно так же, как Толик – как часто делают пацаны после какого-нибудь кросса. – Дай отдышаться... – Серёга выпрямился, снова согнулся, снова выпрямился, приводя дыхание в норму.

- Серый... а ты что – в памперсе? – с лёгким удивлением в голосе проговорил Толик, глядя на Серёгины шорты, округлым холмом выпирающие впереди и между ног.

- В смысле? – не понял Серёга.

- Ну... у тебя словно памперс под шортами, – отозвался Толик. – Ты что – надевал там памперс?

- Да блин! – Серёга, перекинув через плечо футболку, которую он, так и надев, во время марш-броска держал в руках, приспустил с себя шорты. – А я, блин, ещё думаю... сам бегу, а сам думаю: что бежать мне мешает?

Член у Серёги не стоял, но и не был в состоянии безмятежного штиля, – толстый, как шпикачка, член, под углом смотрел полуоткрытой головкой вниз и казался в лунном свете каким-то потемневшим, даже на взгляд мясисто-упругим, по-взрослому крупным... впрочем, что значит «по-взрослому»? Серёге с Толиком хоть и было всего по четырнадцать лет, но по части размера своих п и с ю н о в, если сравнивать-сопоставлять, они легко могли дать фору иному взрослому.

- Прикинь, Толян... я там шорты снял вместе с трусами, а когда назад надевал по-быстрому, я одной ногой попал в трусы, а другую ногу мимо трусов в штанину сунул... и трусы, блин, сбились в кучу, – объясняя, Серёга сноровисто выдернул ногу из штанины шорт, сунул ногу в трусы, снова подтянул – натянул – шорты.

- А я, блин, подумал, что ты... что ты, Серый, там памперс успел надеть, прежде чем выскакивать из комнаты... ну, прихватил памперс в качестве трофея... типа на память... – Толик, глядя на Серёгу, почувствовал, как его разбирает неудержимый смех.

- Иди ты! Какой ты, Толян, придурок, если подумал так, – отозвался Серёга, поправляя-укладывая член в трусах.

- Нет, а что? – Толик засмеялся. – Нормальный трофей... в хозяйстве пригодится!

Серёга хотел ответить Толику, но, глядя на смеющегося Толика, засмеялся тоже... они стояли посреди лунным светом залитой улицы и, глядя друг на друга, неудержимо смеялись, – была тёплая летняя ночь, никто за ними не гнался, никакая опасность им не угрожала, до дома оставалось сотни три метров... ну, и чего им было не смеяться? Всё уже было позади – и неудавшийся трах в соседней комнате, и ожидание траха в комнате другой, и эти странные парни вместе с девчонкой, которую «накрывает» во время оргазма...

- Ну, так чего ты вылетел, словно в жопу ужаленный? – Толик, отсмеявшись, с нескрываемым любопытством посмотрел на Серёгу. – Ну, Серый... рассказывай! – в голосе Толика отчетливо прозвучало нетерпение.

Серёга тоже перестал смеяться; они уже отдышались после бега, и теперь можно было спокойно разговаривать – «анализировать» и «подводить итоги».

- Ну, слушай... – Серёга хотел надеть футболку, но до дома оставалось совсем ничего, и Серёга подумал, что надеть футболку уже нет никакого смысла. – Когда ты сказал мне «иди»...

- Вообще-то, Серый, я тебе ещё дома говорил, что идти не надо, – перебив Серёгу, на всякий случай напомнил Толик.

- Ой, да какая теперь разница, кто что кому говорил! – отмахнулся Серёга от уточнения Толика. – Короче, зашел я... девчонка лежит на постели голая, ноги раздвинуты в стороны, между ногами щель приоткрытая... у меня, понятное дело, стояк. Влад говорит: «Раздевайся... она тебя ждёт». Ну, я снял футболку, снял шорты с трусами... Влад говорит: «Хороший стояк», и... он типа хотел проверить твёрдость члена, хотел член мой пощупать – протянул руку и говорит: «Крепкий?», но я от руки его увернулся, сказал, что

крепкий, что это и так видно – можно не щупать... вот так увернулся, – Серёга вильнул бедрами, показывая Толику, как он увернулся от руки Влада.

- Так он что... он хотел пощупать твой член? – уточнил Толик.

- Блин, ты тупой? Я же тебе говорю, что он свою руку протянул, хотел меня ухватить за член, а я увернулся – не дал ему щупать стояк, – отозвался Серёга, чувствуя легкую досаду от того, что Толик не понимает его с первого раза. – Слушай, блин, дальше...

- Слушаю, – кротко отозвался Толик.

- Влад говорит: «Ну, тогда приступай!», и я ещё удивился, что он уходить не собирается, но удивлению своему значения не придал. Ну, девчонка лежит... то ли она спит, то ли в отрубке – не понять, но я вижу, что она дышит, то есть живая... может, пьяная была – от неё, кстати, несло перегаром... а мне, блин, какая разница? Я стал на колени между её раздвинутыми ногами и, направив стояк, вогнал ей лысого по самые помидоры... ну, то есть, не сразу вогнал, – честно признался Серёга, – а с третьего или четвёртого раза... утопил в её дырочке свой стояк!

- И как? – не утерпев, Толик снова перебил Серёгу. – Кайф?

- Да фиг его знает! Ну, кайф, конечно... естественно, кайф! Но... как-то свободно... и ещё мокро, словно ей туда выдавили тюбик с кремом...

- Так ведь этот... второй, который Николай, говорил нам, что он перед нашим приходом драл её... может, то был не крем, а его сперма? – предположил Толик.

- Ну, может... не знаю! Я об этом не думал, – отозвался Серёга. – Короче, я ей вогнал... полежал на ней чуть-чуть, чтоб почувствовать... чтоб осознать ощущения...

- И какие ощущения? – живо перебил Серёгу Толик; в голосе Толика прозвучало не просто любопытство, а прозвучала самая неподдельная заинтересованность.

- Ну... мокро, горячо... короче, нормально! – Серёга на секунду умолк, думая о том, что он почувствовал, когда вставил свой стояк в Любино влагалище. – Вот, полежал я секунд несколько и стал дрючить – стал гонять лысого туда-сюда... ну, типа как мы с тобой. А Влад рядом стоит – стоит рядом и приговаривает: «Глубже, глубже всовывай!», и, как бы желая мне помочь, ладонью легонько при этом давит мне на жопу... давит и в то же время как бы гладит мне жопу, как бы ласкает... я сначала не обратил внимание на такую его поддержку, в которой я, блин, ни разу не нуждался, а потом чувствую... чувствую, как он пальцем у меня между булок водит, и палец его всё ближе и ближе к моему очку приближается... я говорю ему: «Убери руку! Ты мне мешаешь!», а он шепчет мне в ответ: «Кайфуй, Серёга... сейчас будет еще приятней...», и тут я чувствую, как он пальцем касается моего очка – несильно так давит на очко, как я это делаю сам себе во время дочки... ну, я тут же его руку откинул в сторону, убрал его руку со своей жопы – сказал ему, что мне и так приятно и что он мне только мешает...

- Подожди! – снова перебил Серёгу Толик. – Но это и правда приятно... а если это приятно, то пусть бы он там тебя стимулировал... в чём проблема? Ты же так делаешь себе... и мне так делал...

- Толян! Ты реальный дурак или только придурок – дураком прикидываешься? – с досадой проговорил Серёга и, не дожидаясь, когда Толик решит и ответит, дурак он или придурок, тут же пояснил Толику, «в чём проблема»: – Когда я так делаю себе – это понятно... ну, или когда мы делаем так друг другу – это тоже понятно, это в кайф... но Влад этот – человек посторонний, непонятно откуда взявшийся... и что – он может мне

всовывать палец в жопу? Он кто? Он никто! Нах мне нужна такая приятность! Или ты думаешь по-другому? – Серёга серьёзно, без обычной своей улыбки посмотрел Толику в глаза. – Вот скажи мне: если б тебе кто-то стал всовывать палец в жопу... ну, понятно, что я здесь не в счет – мы с тобой братья, Толян, и нам это можно... а если б так делать стал кто-то посторонний, то что – ты б согласился, чтоб тебе тыкали пальцем в очко, ты бы не стал возражать?

- Не согласился бы, – отозвался Толик, не раздумывая.

- Ну, а чего ты мне всякие глупости говоришь? – всё с той же лёгкой досадой в голосе проговорил Серёга. – Тем более, что ты не знаешь, что было дальше... или тебе уже неинтересно?

- Рассказывай! – Толик локтём толкнул Серёгу в бок. – Мне всё интересно!

- Ну, так слушай – не перебивай! – Серёга в ответ толкнул локтём в бок Толика, и... они бы сейчас сцепились, смеясь и дурачась, как делали это нередко, стали бы выяснять, кто умнее, а кто сильнее, но сейчас было не до этого. – Короче... руку Влада я сбросил с себя, и Влад от меня вроде отстал – перестал ко мне лезть... от девчонки несло перегаром, она почему-то никак не реагировала на то, что я ей засаживаю... ну, то есть, ей было по барабану, что её долбят, и я, уткнувшись лбом в подушку, стал наращивать темп, гоня лысого... ну, кайф, конечно! И тут этот Влад мою голову за волосы приподнимает, и я слышу, как он шепчет: «Серёга, возьми...» – я голову поднимаю, с темпа сбиваюсь, поворачиваю лицо в сторону Влада, и... прямо перед собой я вижу его залупившийся стояк... ну, то есть, прикинь: пока я старался на девчонке – дрочил в ней лысого и по сторонам, понятное дело, не смотрел, он снял с себя шорты, снял трусы... я смотрю, а он голый уже стоит, и головка его стояка в двух или трёх сантиметрах от моих губ... представляешь?! Одной рукой он тянет мою голову к себе, другой рукой

направляет мне в рот свой стояк и при этом шепчет: «Серёга, возьми»... ещё бы две-три секунды, и он бы залупой упёрся мне в губы...

- Он хотел, чтоб ты трахал девчонку и одновременно с этим чтоб ты у него сосал... – проговорил Толик с такой интонацией, как будто Серёга, его «младший брат», этого не понимал.

- Именно так! – подтвердил Серёга. – Да вот только фиг у него этого вышло! Я как увидел его стояк перед лицом, в одно мгновение соскочил с девчонки, одной рукой оттолкнул Влада в сторону, другой рукой зацепил шорты и, на ходу их одевая, зацепив футболку, ломанулся к двери... ну, а дальше, Толян, ты всё знаешь сам, – подвёл итог своему рассказу Серёга.

Они подошли к калитке своего двора.

- Так ты что... ты, выходит, так и не кончил с девчонкой? – проговорил-спросил Толик, открывая калитку.

- Блин! Толян, ну, ты сам... ты сам подумай: как я мог кончить, если этот дебил со своим стояком мне весь кайф обломал? – удивился Серёга наивности Толика. – Конечно, блин, я не кончил...

При виде входящих во двор мальчишек Пират радостно запрыгал, загремел цепью, энергично накручивая хвостом круги; собственно, Пират ещё за несколько минут до того, как Серёга и Толик подошли к калитке, чутко уловил знакомые голоса и потому хвостом начал крутить заранее, словно хвост свой разогревая для встречи, – Серёга, сев на корточки перед Пиратом, стал трепать его за шею и холку, ласково приговаривая:

- Ах, ты наш пограничник... не спал, волновался за нас... думал, что мы не придём, что мы не вернёмся с фронта... а мы вот они – раз-два, и пришли...

хочешь, чтоб Толян тебе воду налил? Толян! – Серёга оглянулся. – Пират хочет, чтоб ты ему воду налил... ты где?

- Отливаю, – отозвался Толик из темноты; ночью и Толик, и Серёга, если просыпались, по малой нужде ходили не в кабинку туалета, а поливали землю сразу за углом гаража; впрочем, случалось это не часто, так что земле никакого ущерба не было.

- Вот видишь, Пират... – снова заговорил Серёга, – Толян, наш бесстыдник, ссыт за углом, и до тебя ему нет никакого дела... один я о тебе беспокоюсь! – Серёга взял миску Пирата, принёс Пирату воду.

Толик щелкнул ключом в замке, и мальчишки шагнули в тёмный коридор; в комнате вспыхнул свет.

- Короче, Серый, сходили мы... и оттянулись, и покайфовали... и в виде кросса расслабились, – подводя итог, проговорил Толик. – А я тебе говорил – предупреждал тебя... ещё там, в кафе, мне этот Влад не понравился... – Толик, стоя задом к Серёге, наклонился над своей сумкой, чтоб достать из сумки новую пачку сигарет, и шорты скульптурно, выпукло обтянули половинки его мальчишеской задницы.

- Толян... – негромко проговорил Серёга, оставляя без внимания вопрос, кто был прав, а кто был не прав в своём восприятии Влада. – Толян... – так же негромко повторил Серёга, – доставай нашу смазку...

Толик, держа в руке пачку с сигаретами, разогнулся – повернулся лицом к Серёге, – сунув руку в шорты, стоявший посередине комнаты Серёга тискал в трусах явно вставший, напряженный член.

- Доставай, Толян! – повторил Серёга.

- Сходи в душ, – проговорил Толик, чувствуя, как у него у самого член в трусах тоже начинает вставать, наполняться сладким зудом предвкушения.

- Зачем? – нетерпеливо выдохнул Серёга.

- Затем! – отозвался Толик; он хотел напомнить Серёге, как, по словам Серёги, было мокро и липко т а м, куда кончили до их прихода Влад и Колёк и где п о б ы в а л после них Серёга, но говорить об этом не стал – просто проговорил тоном, не допускающим возражений: – Иди, Серый, в душ!

- Блин...какой ты... какой ты, Толян, противный! А ещё брат называется, – Серёга изобразил на лице плаксивое выражение. – Любишь, Толян, ты командовать... – и, не развивая эту заезженную тему дальше, Серёга выдвинул встречное предложение: – Пойдём в душ вместе!

- Пойдём, – согласился Толик.

Вода в баке, в течение долгого жаркого дня нагреваемая палящим солнцем, уже начала остывать – была уже не горячая, но ещё и не бодряще прохладная, а чуть тёплая, приятно расслабляющая. Толик откинул в сторону полог, заменявший дверь, и кабинка наполнилась лунным светом. Члены у мальчишек напряженно стояли, – не реализованное желание покайфовать с девчонкой требовало не отлагаемой компенсации, и Серёга с Толиком, наскоро ополоснувшись, заключили друг друга в объятия: вжимаясь один в другого сладко залупающимися стояками, они тёрлись друг о друга, по очереди сосали друг друга в губы, тискали мясисто-сочные и в то же время по-мальчишески упругие круглые булочки, скользкими намыленными пальцами скользили по туго сомкнутым норкам-входикам... наконец, Серёга оторвался от Толика и, держа Толика за бёдра, стал поворачивать «старшего брата» к себе задом:

- Толян... повернись! Повернись очком... – в возбуждённом шепоте «младшего брата» были страсть и нетерпение.

- Блин, ни фи́га не получится... пойдём в дом! – прошептал-отозвался Толик, поворачиваясь к Серёге задом.

- Сейчас пойдём... я ещё немного... ещё чуть-чуть, и пойдём, – отозвался Серёга, прижимая свой твёрдый, пышущий жаром член к попе Толика – с силой вжимая стояк в одну из половинок. – Толян... хочешь, я тебе на жопе засос поставлю? – прошептал Серёга, обдавая шею Толика горячим дыханием; желание это возникло у Серёги спонтанно, и Серёга в свойственной ему манере тут же озвучил то, о чём подумал.

- Поставь, – прошептал-отозвался Толик.

Серёга опустился на корточки; на острове, как и положено диким людям в древние времена, они загорали без плавок, голяком, и всё равно булочки поп у них были светлее, чем спина и ноги... может, так было потому, что все предыдущие годы они, как люди цивилизованные, каждое лето загорали в плавках, каждое лето спины и ноги насыщались солнцем, и только в это лето их попы впервые увидели солнце, – впервые открытые щедрым лучам палящего солнца, попы не успели насытиться солнечной энергией в таком объёме, чтобы по цвету сравняться с ногами и спинами... скульптурно округлые половинки Толика смутно белели в лунном свете на фоне его спины и ног, – Серёга, качнувшись вперёд, прижал широко открытые губы к упругой ягодице... губы у Серёги были податливо-мягкие, послушные, когда его в губы сосал Толик, и, наоборот, делались энергичными, даже грубыми, когда сам Серёга сосал в губы Толика, когда он жадно вбирал губы Толика в свой рот, но теперь всё было по-другому: булочка попы была хоть и сочно-мягкой на ощупь, но для губ она была всё равно упруго-твердой, губам неподвластной, так что Серёга, хотя и шевелил губами, но всё равно он

просто прижимал губы к бархатистой коже, он вжимал широко открытые губы в булочку, и получалось, что он не сосал попу, а всего лишь к попе присасывался, – сделать засос никак не получалось: оторвав губы от упругой булочки, Серёга прошептал:

- Толян, повернись...

Толик послушно повернулся к сидящему на корточках Серёге передом; залупившийся член у Толика был устремлён открытой, сочно блестящей головкой вверх, – Серёга, приблизив лицо к паху Толика, провёл языком снизу вверх по уздечке и, не раздумывая, не прицеливаясь, оттянув член книзу, чтоб головка оказалась на уровне губ, насадил свой округлившийся рот на твёрдый горячий ствол... стоя перед Серёгой на чуть расставленных ногах, Толик содрогнулся от удовольствия, и дело было не только в том, что кто-то сосал его возбуждённый член, что само по себе уже было приятно, а дело было ещё и в том, что делал это Серёга, – обжимая горячий ствол кольцом влажно-горячих губ, сидящий на корточках Серёга ритмично задвигал головой...

Потом у Серёги сосал Толик, – чувствуя, что оргазм может случиться в любую секунду, не желая завершать-заканчивать кайфование, Толик проговорил-прошептал:

- Серый... давай, теперь я... я у тебя... – и они, Серёга и Толик, поменялись местами, точнее, Серёга встал с корточек, а Толик, наоборот, на корточки сел; он, Толик, уже не думал, что член Серёгин всего час-полтора назад был т а м, где, по словам Серёги, было мокро и липко, Толик, как и Серёга, ритмично насаживал округлившийся рот на твердый горячий ствол, языком шевелил во рту уздечку, скользил губами вдоль горячего ствола, и это было так же приятно, так же кайфово, как и то, когда Серёга сосал у него...

Те, кто практикует о д н о с т о р о н н и й секс, да ещё сопряженный с насилием, очень много теряют в познании подлинного сексуального наслаждения, потому как, имея однополюсные позывы, но не имея внутренней свободы для нормальной – обоюдной – реализации этих позывов, при одностороннем движении они не наслаждаются полноценно и всесторонне, а, лишь наполовину удовлетворяя свою сексуальную потребность, они с помощью секса демонстрируют своё доминирование, своё мнимое превосходство, тем самым подменяя истинную – природой данную – сексуальность как высшую форму бытийного наслаждения на сексуальность извращенную, то есть отягощенную социальными наслоениями, – ущербны те, кто насилует или принуждает к сексу других, будь то на зоне, или в армии, или в школе, или в общежитии, или просто дома либо на улице... да где угодно! Односторонность в сексе – это убожество, порождённое миром несвободных людей, бытующее в мире несвободных людей. Есть теория, почему сексуальные насильники издеваются над своими сексуальными жертвами... казалось бы: в армии, или на зоне, или в любом другом однополюсном сообществе тот, кто получил либо получает регулярно сексуальное удовольствие в результате полового акта, должен быть благодарен тому, кто стал – пусть даже не добровольно – источником этого самого удовольствия, а в действительности всё получается с точностью до наоборот: активный партнер-насильник начинает гнобить пассивного партнера-жертву, начинает унижать его, издеваться над ним и объяснение здесь вроде простое: сильный доминирует над слабым, и сексуальное насилие это как бы наглядно доказывает; между тем, сексуальное насилие для неотягощенных интеллектом гопников или душевно не развитых особей в мире извращенных понятий становится единственным способом реализации однополюсных позывов: гопники и прочие особи, с одной стороны, как многие и многие, х о т я т, а с другой стороны, они в плену тех замшелых стереотипов о гомосексуальности, какие столетиями

культивировали – и продолжают культивировать – для малообразованного пипла лукавые кукловоды... получается как в поговорке-половице «и хочется, и колется, и мамка не велит» – в такой ситуации естественное хотение, не имея возможности проявляться открыто, реализуется в форме насилия, которое, в свою очередь, преподносится как доминирование сильного над слабым, что в социуме, построенном на самом разном насилии, воспринимается если и не с одобрением, то уж точно не с осуждением; насильник – он победитель, он всегда сверху в иерархии социума, где ценность человека как личности сведена к нулю; изнасилованный – это слабак, жертва, и в иерархии того же социума он презираем социумом, его место и в буквальном, и в переносном смысле под шконкой; так устроен мир, где человек сам по себе ничто, где человек – всего лишь лагерная пыль в контексте извращенного мира, и не более того. Сильный и слабый, хищник и жертва – так устроено сосуществование людей в социуме, где гомосексуальность под надуманным предлогом «защиты традиционных ценностей» преподносится для малообразованного пипла как «извращение» и «преступление», и сильный, чтобы удовлетворить свои сексуальные позы и при этом остаться глазами окружающих и в глазах собственных как бы мужчиной – самцом и мачо, насилует более слабого... насилие – скрепа! Это понятно. И здесь возникает один любопытный вопрос: почему партнеры-насильники вместо благодарности за полученное удовольствие начинают в самых разных формах гнобить партнеров-жертв? Так вот, есть одно интересное объяснение: будучи частью социума, демонстрируя одобряемое социумом презрение к жертвам сексуального насилия, насильники таким образом подсознательно выдавливают, вытесняют из своего сознания желание самим взять в рот или дать в зад, то есть вкусить всю п о л н о т у своих подсознательных или даже вполне осознаваемых позывов, связанных с однополым сексом... хотят полноты, но не могут это хотение полноты осуществить: сидящие в голове тараканы, привнесённые извне, не дают им

возможность это сделать, и насильники – жертвы бытующих в социуме стереотипов – вынуждены лишь частично реализовывать свои позывы, то есть удовлетворяться в форме только активной, которая в мире гопников не считается предосудительной... таким образом, скрепы, тараканы в голове, гомосексуальные позывы, насилие, односторонность в сексе, невозможность вкушать однополый секс во всей его полноте, ложные представления о мужественности, вымещение своей сексуальной ущербности на жертвах сексуального насилия, ненависть сексуально ущербных гопников к геям, гомофобия как страх обнаружить гея в себе, оголтелая гомофобия как форма подавить, заглушить гомосексуальные позывы в самом себе, культивируемая пастухами гомофобия как один из рычагов управления стадом – вся эта гремучая смесь характерна для социума, состоящего из несвободных людей, лишенных способности думать самостоятельно... впрочем, вся эта история про ущербность о д н о с т о р о н н е г о секса не имела ни малейшего отношения к Толику и Серёге – двум обычным четырнадцатилетним тинэйджерам, познающим мир и себя в этом мире.

Лунный свет заливал душевую кабинку, – сидя на корточках, Толик сосал член у Серёги, он скользил мокрыми губами по горячему стволу, чувствуя не меньший кайф, как и пару минут назад, когда, сидя на корточках, точно так же его возбужденный член сосал Серёга...

Оргазм – это пик сексуального наслаждения, наивысшая степень сладострастного ощущения, возникающая в момент завершения полового акта либо при любых других формах половой разрядки, и в то же время оргазм – это завершение наслаждения, конец наслаждения... одни торопятся побыстрее кончить, то есть оргазм как можно быстрее заполучить, другие, наоборот, оттягивают оргазм, желая как можно дольше наслаждаться самим движением к оргазму, – Серёга, чувствуя, что может вот-вот кончить, и не желая так быстро кончать – желая продлить наслаждение, торопливо

выдернул член изо рта Толика: ему, Серёге, еще хотелось в состоянии возбуждения обнимать Толика, сосать Толика в губы и подставлять Толику губы свои, хотелось ласкать Толика сзади и спереди, наполнять ладони упругой мякотью булочек... ещё хотелось всего-всего!

- Толян, поднимись... – Серёга, выдернув сладко зудящий стояк из горячего кольца Толиковых губ, потянув Толика вверх; Толик, послушно, податливо поднимаясь, сплюнул набок обильную слюну – Толик вытер тыльной стороной ладони мокрые губы, и губы их слились в глубоком поцелуе: Серёга сосал в губы Толика, Толик сосал в губы Серёгу, руки их сами собой скользили по спинам друг, по бёдрам, по ягодицам... – Толян, повернись... – прошептал Серёга, одновременно с этими словами поворачивая Толика к себе задом.

- Не получится... пойдём в дом! – шепотом отозвался Толик, одновременно с этим шепотом подчиняясь Серёге – поворачиваясь к Серёге задом. – Серый, пойдём в дом...

- Я не буду всовывать... я просто... ещё чуть-чуть, и пойдём в дом... – Серёга сладострастно прижался напряженным членом к попе Толика. – Толян... сдай немного назад, – сделав полшага назад, Серёга, держа Толика за бёдра, потянул его назад, на себя, и Толик, подчиняясь Серёге, тоже сделал полшага назад. – Наклонись... наклонись немного, – снова прошептал Серёга; Толик, послушно наклонившись вперёд, ладонями обеих рук уперся в стенку на уровне головы, и Серёга, держа Толика за бёдра сладострастно вдавился членом в приоткрывшуюся ложбинку между чуть раздвинувшимися упруго-мягкими булочками Толика.

Сжимая ладонями бёдра Толика, чуть приседая, снизу вверх наезжая на подставленную попу, Серёга сладостно засопел, волнообразно задвигал всем своим телом, – член Серёгин, вжимаемый пахом в ложбинку между

ягодицами, заскользил, залупаясь, вдоль ложбинки... Серёга совсем не хотел кончать – он сам не знал, как именно хочет он кончить в этот раз: или орально, чтоб Толик сосал, или посредством сладкого трения друг о друга, или в формате взаимного дроба... или анально – в комнате, где была смазка и куда звал его Толик... всё было сладко, и всего хотелось – хотелось с Толяном и так, и этак... хотелось по-всякому! Но, во-первых, Серёга был перевозбуждён, то есть был возбуждён сильно-сильно, а во-вторых, он ещё не умел предотвращать оргазм со стопроцентным успехом – он этому только учился, и потому... если б Серёга всего за пару секунд до в з р ы в а смог бы остановиться, отстраниться от Толика, взять тайм-аут, то, вполне вероятно, он мог бы опять увильнуть от оргазма, чтобы, сбив накал наслаждения, продолжить кайф дальше, но оргазм накатил внезапно – не возник где-то в глубине тела сладостным предупреждающим покалыванием, когда ещё можно его предотвратить, а рванул сразу, опалив огнем мышцы ануса, промежность, яйца, член, – Серёга, содрогнувшись всем телом, выпустил на спину Толика струю спермы... и ещё одну... и ещё... сладость была невероятная – короткая и обжигающая, – Серёга почувствовал, как у него дрожат ноги...

- Кончил? – не меняя позу, тихо проговорил Толик, хотя это было понятно и так: что Серёга кончил, Толик почувствовал это и по тому, как Серёга дёрнулся, как он с силой вдавился сзади в попу, и по тому, как его, Толика, спину раз за разом обожгли большущие капли раскалённой лавы...

- Кончил... – тяжело дыша, подтвердил Серёга; он с силой вдавился членом в попу Толика, словно желая удержать остатки сладчайшего оргазма, уже чисто механически, как бы по инерции скользнул снизу вверх мокрой липкой головкой по ложбинке между ягодицами и, подавшись назад, отстранился от Толика... всё!

Потом там, в душевой кабинке, залитой лунным светом, кончил Толик. Думая, что Толик точно так же пристроится к попе его, Серёга хотел повернуться к Толику задом, но Толик удержал его, – обхватив одной рукой Серёгу за шею, ладонью другой руки обхватив Серёгину попу, Толик с силой, с наслаждением прижал Серёгу к себе; твёрдый, сочно залупившийся член Толика упёрся Серёге в пах, – засосав Серёгу в губы, ладонью лаская Серёгины булочки, прижимая этой ладонью Серёгу к себе, Толик какое-то время не двигался – просто стоял и сосал податливо сладкие губы «младшего брата»... у Серёги после оргазма, как это часто бывает, возбуждение схлынуло, выплеснулось из тела вместе со спермой, бьющая через край энергия испарилась, и всё равно Серёга не стоял в объятиях Толика безучастно, как деревяшка, – ладони Серёгины, размазывая спущенную на спину сперму, скользили по спине Толика, по попе, вновь по спине... между тем, ещё не кончивший Толик чувствовал, как всё тело его с каждой секундой наполняется всё большим и большим сладострастием, – продолжая сосать Серёгу в губы, Толик ладонями обеих рук обхватил Серёгины булочки и, вжимая ладони в упругую мякоть – прижимая Серёгу к себе, с наслаждением задвигал, заскользил твёрдым, горчим, сладко залупающимся членом между животами... у Серёги член после оргазма ослаб, потерял твёрдость, но по-прежнему был ощутимо большим, и Толик чувствовал это – он с наслаждением тёрся своим стояком о Серёгин член, терся уздечкой о живот Серёги, о Серёгин пах... собственно, ничего нового в этом не было, они уже делали так – с той лишь разницей, что они это делали, лежа в постели, а теперь Толик делал это, тёрся членом о Серёгу, стоя в душевой кабинке... оргазм настиг Толика в тот момент, когда Серёга, втиснув указательный палец между булочками «старшего брата», прикоснулся подушечкой пальцы к туго стиснутому очку Толика, – конвульсивно содрогнувшись от полыхнувшей огнём сладости, с силой стиснув, сжав ягодицами Серёгин палец, Толик раз и другой непроизвольно дёрнулся,

колыхнулся всем телом, извергая из члена горячую сперму... всё! Тяжело дыша, Толик, обнимающий Серёгу, замер в Серёгиных объятиях...

Но на этом день на мальчишек не закончился... собственно, день – дневное время суток – закончился уже давно, и время было или около двенадцати ночи, или даже, быть может, время уже перевалило за двенадцать, но Серёга и Толик уже не спорили, не выясняли, как понимать «вчера» и что значит «завтра», потому как сам этот спор в самом начале их знакомства был продиктован не столько выяснением истины, сколько взаимной проверкой друг друга, кто кого переспорит-переговорит, – это было, когда они только-только познакомились и, еще ничего друг о друге не зная, только друг к другу присматривались... а теперь все эти «вчера» или «завтра» уже не имели никакого значения – у них было их «сегодня», то есть здесь и сейчас: лето, школьные каникулы, дедуля с бабулей, Пират, остров... и взаимный кайф от общения, от классного секса, от разговоров самых разных, от понимания друг друга, от называния друг друга старшим или младшим братом... всё это было с е г о д н я – з д е с ь и с е й ч а с.

Толик перед сном, сидя на ступеньке крыльца, курил; Серёга хоть и не курил, но сидел рядом – ждал, пока Толик покурит, чтоб вместе идти спать... спать не в игривом смысле спать, а спать в буквальном смысле – спать.

- Толян, как ты думаешь... они геи? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика, и хотя он не назвал и не уточнил, кого он имеет в виду под словом «они», это было понятно и так, без уточнения.

- Да фиг его знает... – Толик, сделав затяжку, выпустил изо рта струйку сизого дыма. – Если они трахают эту девчонку, то... какие они геи? Геи девчонок не трахают, – проговорил Толик, в свою очередь вопросительно посмотрев на Серёгу.

- А тогда зачем он мне в рот хотел дать? – в голосе Серёги проскользнуло недоумение.

- Да фиг его знает! – хмыкнул Толик. – А ты... – Толик посмотрел на Серёгу внимательно, вопрошающе и, не договорив, осёкся – замолчал, снова сделав затяжку.

- Что «а ты»? – нетерпеливо проговорил Серёга, глядя, как Толик, вытянув губы трубочкой, выпускает изо рта струйку дыма.

- Ты мог бы взять у него в рот? – Толик снова посмотрел на Серёгу.

- Блин, ты офигел? – Серёга явно не ждал такого вопроса, но ответил тут же, ни на секунда не задумавшись. – Как бы я стал у него брат? Ты, блин, думаешь, что говоришь?

- Ну... мы же берём друг у друга... мы друг у друга сосём... у меня ты сосёшь... и я спросил... просто спросил: мог бы ты пососать у него... – Толик говорил это всё медленно, явно думая, подбирая слова, и хотя Толик говорил это Серёге, было такое ощущение, что он говорит вообще – думает вслух, может ли быть такое в принципе.

- Блин, Толян! Ты совсем дурак или только придурок – дураком лишь прикидываешься? – тут же отреагировал Серёга. – Ты – это ты! Мы с тобой братья... ну, почти как братья, и мы – это мы! – Серёга голосом дважды выделил местоимения «ты» и «мы», чтоб «дураку» или «придурку» Толяну было понятно, что он, Серёга, имеет в виду. – Я сосу у тебя, ты сосешь у меня – это кайф, это нормально! А этот Влад... он кто вообще? Никто! Он для меня никто! Ну, и нах бы я захотел сосать у него?! Или ты думаешь, что я готов... что я хочу сосать у любого? – Серёга проговорил это быстро, запальчиво, и ты быстрота, та запальчивость, с какой он всё это сказал-выдохнул, напрочь отметала саму мысль о неискренности его слов.

- Я так не думаю... – спокойно отозвался Толик, глядя на Серёгу с улыбкой – невольно залюбовавшись Серёгой.

- Он, блин, не думает... а мог бы подумать – прежде чем задавать мне свои глупые вопросы! – проговорил-пробурчал Серёга, изображая и голосом, и лицом явное недовольство «старшим братом». – Вот ты, например... если бы ты оказался на моём месте там, в комнате, и этот Влад, подставив к твоим губам свой стояк, стал бы шептать: «Голян, возьми... возьми в рот!», ты бы взял? – Серёга, глядя на Толика, прищурился. – Взял бы в рот? Мог бы у Влада пососать?

- Ну, смотри... – Толик сделал паузу; проще всего было бы ответить на встречные Серёгины вопросы отрицательно, и он, Толик, в таком своём ответе был бы так же искренен, как искренен был Серёга, потому что, во первых, никакие влады-николаи з д е с ь и с е й ч а с ему были не нужны, а во-вторых, и это второе было даже важнее первого, Толик вообще не представлял себе секс с кем-то другим, кроме Серёги... это был кайф – всё то, что они делали и в душевой, и на острове, и в комнате, но это был кайф именно с Серёгой и только с Серёгой: они трахались, они сексуально наслаждались в однополном формате, но ведь это был не просто секс-перепих, точнее, не только секс, а это было что-то ещё, что-то большее, чем просто секс... и он, Толик, мог бы ответить на Серёгины вопросы словами самого Серёги: «ты – это ты» или «мы – это мы», но склонный к анализу и размышлениям Толик д у м а л... ну, то есть, думал не о себе и Серёге, а думал вообще – в принципе. – Смотри... – повторил Толик, – «мог бы» и «хотел бы» – это, Серый, не одно и то же... совсем не одно и то же! Мог бы я у Влада, или у Николая, или у любого другого парня взять в рот? То есть, взять в рот – в принципе... так вот: принципе, мог бы... и ты в принципе мог бы... и любой пацан в принципе может взять в рот стояк у другого пацана! Потому что ничего сверхъестественного в этом нет... это – если смотреть на

вопрос с точки зрения теории. А теперь смотрим на этот же самый вопрос с другой точки зрения – с точки зрения практики. Хотел бы я взять в рот у Влада, или у Николая, или... да у кого угодно! Отвечаю: нет. Потому что есть только один пацан, у которого брать в рот я х о ч у... я ответил на твой малолетний вопрос? – Толик, улыбнувшись; посмотрел на Серёгу снисходительно, как смотрят взрослые на несмышлёнышей-малышей.

- Какой ты, Толян, хитрый! С одной стороны, с другой стороны... – проговорил Серёга.

- Я не хитрый, я умный, – отозвался Толик; держа сигарету в одной руке, он другой рукой, обхватив сидящего рядом Серёгу за шею, притянул его, Серёгу, к себе, так что щеки их не просто соприкоснулись, а вдавились одна в другую. – Вот смотри... я предлагаю тебе сделать затяжку... – Толик, удерживая Серёгу полусогнутой в локте рукой за шею, другой рукой поднёс к губам Серёги сигарету. – Говорю тебе: на, Серый, затянись... ну?

- Могу, но не хочу, – засмеялся Серёга, поняв, зачем Толик предлагает ему сделать затяжку. – Убери, блин... убери сигарету!

- Вот видишь! – Толик отвёл руку с сигаретой в сторону. – Во-первых, ты можешь. В принципе можешь. А во-вторых, ты не хочешь. По самым разным причинам можно не хотеть. Мочь, но не хотеть... согласен со мной? – Толик сильнее вдавил свою щеку в щеку Серёги.

- Согласен, согласен! Отпусти, блин! Больно! – Серёга, не предпринимая никаких усилий, чтоб вырваться, тем не менее скорчил страдальческое лицо, и Толик разжал руку; страдание на Серёгином лице вмиг испарилось. – Толян... – понизив голос, проговорил Серёга с такой интонацией, как будто хотел открыть или, наоборот, узнать великую тайну. – Ты можешь сказать мне по секрету одну вещь?

- Могу, – отозвался Толик. – У меня секретов от младшего брата нет! Спрашивай!

- Тогда скажи мне... кто тот один-единственный пацан, у которого брат в рот ты хочешь? – Серёга изобразил на лице смесь блудливости, простодушия и любопытства.

- Ну, это один пацан... – Толик улыбнулся; Серёга дурачился, и Толик, глядя на Серёгу, в свою очередь изобразил на лице таинственность. – С виду он самый обычный пацан... – Толик замолчал.

- Ну, это с виду он самый обычный пацан, – согласился с Толиком Серёга. – А на самом деле?

- А на самом деле... – Толик сделал вид, что он задумался. – На самом деле он тоже обычный пацан, – Толик, глядя на Серёгу, снова замолчал.

- Блин, подумай хорошо! – Серёга изобразил на лице досаду. – Это он с виду обычный пацан. А на самом деле... ну, подумай! Хорошо, Толян, хорошо подумай...

- На самом деле он классный пацан, – улыбнулся Толик.

- Вот! Теперь правильно, – Серёга кивнул головой. – Ну, а что-то ещё ты можешь сказать про этого классного пацана?

- Что-то ещё? – Толик снова сделал вид, что он задумался. – Ну, ещё этот пацан закончил учебный год с “двойками”, и родители не взяли его с собой в Таиланд...

- Не с “двойками”, а с “тройками”, – поправил Серёга. – И хорошо, что не взяли... дальше!

- Пацан этот любит рыбалку...

- Не всегда любит, а только тогда, когда ловит большую рыбу, – перебив Толика, уточнил Серёга. – Дальше!

- Ещё этот пацан хорошо разбирается в людях, и вот пример: познакомившись однажды в кафе с парнем, пацан отправился к новому знакомому в гости, где этот новый знакомый попытался дать пацану в рот...

-Толян... – снова перебил Толика Серёга. – А ты как думаешь... этот Влад и Колёк трахают друг друга? Пусть даже они не геи, как ты говоришь. Но ведь не всегда же у них там эта девчонка... а когда нет девчонки? – Серёга смотрел на Толика так, как будто Толик мог знать об этом наверняка.

- Да фиг его знает, – Толик пожал плечами. – Помнишь, бабуля говорила, что у Николая была жена и что он с ней развёлся и переехал жить с Владом в Сосновку?

- Да, помню, – Серёга кивнул головой. – А дедуля ещё сказал, что они сослуживцы – что они вместе служили в армии...ты как думаешь, они в армии трахались?

- Блин, откуда я знаю! – отозвался Толик. – Ты же у нас хорошо разбираешься в людях... вот и спросил бы у них, когда мы сидели там, трахались они в армии или нет.

- Когда мы сидели там, я про это не думал, – резонно заметил Серёга. – А как ты думаешь... парни в армии трахаются?

- Ну, а почему нет? Если в армии нет девчонок... вот в Сосновке же нет девчонок, и мы с тобой... мы с тобой без девчонок обходимся, и неплохо обходимся... так и в армии... невозможно же целый год не снимать напряжение... или как? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Ну...можно ещё дрочить, если нет девчонок... если не с кем, можно дрочить! – проговорил Серёга. – Целый год не снимать напряжение невозможно... я такое не представляю! Как ты думаешь, в армии дрочат?

- Блин, откуда я знаю! – рассмеялся Толик. – Я в армии не служил.

- Да, я тоже не служил, – согласился Серёга с Толиком. – А если б в Сосновке были девчонки и если б мы с ними трахались, то у нас тогда б не было ничего? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Ну... я не знаю, – отозвался Толик. – Наверное, не было б...

- Но можно же и с девчонкой, и с пацаном... – медленно проговорил Серёга, явно думая над своими словами. – Я б всё равно хотел с тобой, даже если б была девчонка!

- Я бы тоже хотел с тобой, даже если б была девчонка, – отозвался Толик. – Тогда бы мы были геями... наверное, были бы геями!

- Почему? – удивился Серёга.

- Ну, смотри сам: у тебя есть возможность трахать девчонок, и ты их трахаешь... и при этом ты трахаешься параллельно с парнем. Получается, что девчонки в таком случае только для прикрытия... или как? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Ну, и что? – живо отозвался Серёга. – Так даже лучше: никто не заподозрит, что ты гей... только какой же ты гей, если ты с девчонками тоже трахаешься? Правильно?

- Да фиг его знает! Может, правильно. Может, неправильно, – Толик, сделав последнюю затяжку, загасил окурок. – Мы сейчас, Серый, говорим о том, о чём мы не знаем... а если не знаем, то можно гадать и предполагать как

угодно – хоть до посинения, – Толик улыбнулся. – Пойдем спать, мой любознательный младший брат! – Толик рывком поднялся со ступеньки крыльца.

- Подожди, последний вопрос... это будет контрольный вопрос, – предупредил Серёга, глядя на Толика снизу вверх. – Как зовут того пацана, у которого ты хочешь брать в рот – хочешь сосать? – Серёга изобразил на лице смесь блудливости и любопытства. – Можешь сказать мне по секрету?

- Могу, – Толик, глядя на Серёгу сверху вниз, снова улыбнулся. – Пацана того зовут Серёгой, и он придурок, потому что задаёт глупые вопросы. Вставай, блин! – Толик потянул Серёгу за руку.

- Твой ответ состоит из двух частей, – подражая Толику, резюмировал Серёга. – В первой части ответа всё правильно: пацана зовут Серёгой... ответ принят! А что касается второй части ответа, то... завтра мы выясним, кто из нас придурок! – Серёга предвкушающе рассмеялся.

- Сегодня, – отозвался Толик.

- Что сегодня? – не понял Серёга.

- Твоё «завтра» было вчера, а сейчас уже сегодня, и когда мы встанем утром, тоже будет сегодня, – Толик проговорил это таким тоном, как будто он на пальцах объяснял Серёге, что дважды два – это именно четыре, не три и не пять. – И я тебе задницу надеру, чтобы ты не грубил старшему брату, не завтра, а сегодня. Что здесь непонятного?

- Толян! Вот ты любишь так повернуть любой разговор, чтоб казаться умнее меня, хотя мы оба прекрасно знаем, что я умнее тебя, и даже Пират это может легко подтвердить.

- Да уж! – Толик рассмеялся. – Ты, Серый, сам отлично знаешь, что по наличию ума на первом месте я, потом Пират, и только после Пирата ты... да и то потому, что нас только трое.

- Всё с точностью до наоборот! – живо отозвался Серёга. – Сначала я, потом Пират и только потом, на третьем месте, ты... согласишься, Толян, что это так!

Пират, услышав своё имя, дёрнул ушами и даже хотел встать, чтоб тем самым подтвердить свою неусыпную службу пограничника, но, видимо, понял, что его место по уму при любом раскладе неизменно второе, и решил не вставать, а только подвигал хвостом, показывая, что не спит.

Мальчишки, дурачась и толкаясь, выясняя, к кому больше подходит определение «придурок», скрылись в тёмном чреве коридора. Но день их ещё не закончился, – поворочавшись какое-то время в своей постели, Серёга окликнул Толика:

- Толян... – В комнате горел ночник, но он практически не освещал комнату, а только указывал, что рядом с ним расположена дверь, так что в самой комнате было практически темно.

- Что? – отозвался Толик.

- Ты спишь?

- Нет, – отозвался Толик.

- Я думаю, что ты невоспитанный, – сообщил Серёга.

- Почему ты так думаешь? – спокойно, даже как-то лениво поинтересовался Толик.

- Ну, смотри... мы уже столько времени спим в одной комнате, и ты ни разу ещё не пожелал мне спокойной ночи... разве это воспитанность? – проговорил в темноте Серёга.

- Ты мне тоже ни разу не пожелал спокойной ночи, – невольно улыбнувшись, отозвался Толик.

- У нас кто старший брат – я или ты? Кто кому должен подавать пример? – тут же парировал Серёга.

- Спокойной ночи, – проговорил в ответ Толик.

- Вот! Только после моего замечания у тебя появились задатки воспитанного человека, – пробурчал Серёга и тут же, не делая паузу – резко меняя тему, проговорил: – Толян, я лягу к тебе...

- Зачем? – отозвался Толик.

- Ну, просто... хочешь?

- Блин, Серый! В прошлый раз нас пронесло, так ты хочешь теперь спалиться... – отозвался Толик, не говоря в ответ на «хочешь?» ни «да», ни «нет».

В комнате было темно, и было уже поздно, но спать мальчишки явно не хотели.

- Толян... – снова проговорил Серёга, тиская пальцами сладко затвердевший член. – У меня встал...

- И что? – отозвался Толик, чувствуя, как у него самого без всякой веской причины – всего лишь на слова Серёгины «у меня встал» – начинает увеличиваться, твердеть, сладостью наливаться член.

- Я ещё хочу! – возбуждённо проговорил в темноте Серёга. – Ты хочешь?
- Хочу, – коротко ответил Толик, тиская пальцами сладко затвердевший член.
- Блин, вот ты какой... невоспитанный! – Серёга тихо засмеялся, предвкушая кайф. – Хочешь – и молчишь...
- Я скромный, – отозвался Толик.
- Нах нам нужна твоя скромность! – снова засмеялся Серёга. – Скромным в школе будешь, а сейчас каникулы... доставай смазку! – в голосе Серёгином отчетливо прозвучало нетерпение.
- Свет включай, – проговорил Толик.
- Скромный, блин... – Серёга соскочил с постели, в темноте торопливо прошлёпал босыми ступнями по полу к выключателю; в комнате вспыхнул свет. – Толян, я тебя первый! – возбуждённо проговорил Серёга, подходя к постели Толика – на ходу снимая с себя трусы; член у Серёги стоял, маслянисто блестя сочно залупившейся головкой.
- Я тебя первый! – проговорил Толик, спуская трусы с себя; член у Толика тоже стоял, и головка члена тоже была открыта, обнажена – головка сочно краснела спелой готовностью.
- Ну, хорошо, ты первый... сначала ты меня, потом я тебя, – не стал спорить Серёга, глядя, как Толик откручивает на тюбике с кремом-смазкой колпачок...

Всего полтора часа назад четырнадцатилетние Толик и Серёга, пребывая на пике своего бушующего пубертата, с наслаждением сняли сексуальное напряжение в душевой кабинке – оба сладко кончили друг на друга, оба разрядились, и казалось бы... Впрочем, здесь вполне уместна известная

поговорка: «кому кажется, тот пусть крестится», – да, всего полтора часа назад они классно кончили-разрядились... и что? И ничего – мальчишки хотели ещё. Так бывает в возрасте подростковой гиперсексуальности, когда возникает чувство, что одного раза мало, что хочется ещё... называется это сексуальными эксцессами – повторными половыми актами или актами мастурбации, совершаемыми в пределах суток при непременном условии, что каждый такой акт носит завершённый характер, то есть заканчивается оргазмом и эякуляцией... всё это – нормальная сексуальная активность, свидетельствующая о хорошей потенции, и не более того. И Серёга, и Толик время от времени практиковали такие эксцессы еще до своего знакомства – во время дроча, и здесь, в Сосновке, у них такое тоже уже случалось, и даже неоднократно случалось, но теперь ситуация была интересна тем, что у Серёги и Толика были разные представления о границе суток: для Серёги, считавшего, что следующие сутки начинаются тогда, когда он просыпается, это был эксцесс, а для Толика, считавшего началом новых суток полночь, это эксцессом не было, и при этом, Толик и Сёрега, проявляли свою сексуальную активность исключительно в паре, каждый раз кончая оргазмами... короче, был ли это сексуальный эксцесс или не был, было не совсем понятно, что, впрочем, ничуть не помешало сначала Толику, потом Серёге... когда всё было кончено, мальчишки подобрали с пола использованные салфетки и вышли на улицу, – летняя тёплая ночь расстилалась над миром, заливая мир лунным светом...

- Серый, я покурю перед сном, – проговорил Толик, усаживаясь на ступеньку крыльца.

- Ты же курил уже перед сном! – напомнил Серёга.

- Да, но мы ж не уснули... и теперь я опять хочу курить, – Толик щелкнул зажигалкой. – Ты иди ложись, если хочешь спать.

- Нет уж! Я уйду, а ты фиг знает чем будешь здесь заниматься без меня, – проговорил Серёга с самым серьёзным выражением лица. – За тобой, Толян, нужен постоянный контроль... да, Пират? – Серёга сел перед Пиратом на корточки. – Ты, Пират, даже не представляешь, какой наш Толян развратный! Говорит мне: «Иди в душ, освежись»... ну, типа заботится о моей гигиене, Я, наивный, послушал его, пошел в душ, ничего не подозревая, а он следом за мной заскочил в кабинку и там, прижав меня к стенке, изнасиловал... представляешь, Пират, какой он коварный! – Пират, сидя перед Серёгой, внимательно слушал. – Вот, а потом мы, Пират, пошли спать. И что ты думаешь? Только я стал засыпать, как этот развратник мне шепчет в темноте: «Серый, иди ко мне». Зовёт меня, значит. Я говорю: «Зачем?» А он говорит: «Я тебе что-то скажу». Я говорю: «Говори, я не глухой». А он мне в ответ: «Это секрет, я не могу кричать – я это тебе по секрету на ухо скажу». Ну, я поверил ему – встал в полусонном состоянии, подошел к его постели... а как только я подошел, он тут же меня схватил, на кровать повалил, трусы с меня снял, стянул трусы – и снова меня, невинного мальчика, изнасиловал... снова меня изнасиловал! Ты чего, Толян, притих – чего молчишь? – Серёга оглянулся на Толика.

- Слушаю, – улыбаясь, отозвался Толик. – Слушаю я тебя и думаю: какой ты, Серый, придурок!

- Видишь, Пират, какой он бесстыжий, этот Толян! Всё время меня называет придурком, хотя мы, Пират, то есть ты и я, достоверно знаем, что настоящий придурок – это он сам, мой развратный старший брат... страшный развратник! Постоянно хочет! Толян, ты согласен со мной? – Серёга снова оглянулся – посмотрел на Толика.

Толик, глядя на Серёгу, улыбался, – Толик сидел на ступеньке крыльца, курил, смотрел на Серёгу и улыбался; летняя ночь окутывала Сосновку...

-Чего ты лыбишься? – с деланной досадой проговорил Серёга и, не удержавшись, улыбнулся сам. – Нечего сказать в своё оправдание?

- Серый... я, знаешь, что думаю? – проговорил Толик, глядя на Серёгу. – Я думаю, Серый, что если бы... если бы ты был девчонкой, я бы в тебя влюбился... однозначно влюбился бы!

- Ну... – Серёга на мгновение смутился. – Если б ты был девчонкой, я бы тоже в тебя влюбился... тоже влюбился бы, если б ты был девчонкой! – Серёга, сидевший на корточках перед Пиратом, машинально погладил Пирата по лобастой голове и, встав с корточек, выпрямившись в полный рост, на секунду замер, словно прислушиваясь... было тихо-тихо – в ночном воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения, и вместе с тем Серёге почудилось, что та никем не слышимая, но волнующе сладкая музыка, что звучала в душе в самом начале, возникла вновь... или это была не музыка, а что-то другое, сладко волнующее, новое и потому не совсем понятное? Серёга стоял в лунном свете, смотрел на Толика, и во взгляде его, устремлённом на Толика, не было ни ёрничества, ни свойственной ему неизменной уверенности в правоте всего, что он говорит. – Толян... а может пацан в пацана влюбиться? Ну, влюбиться в пацана – как в девчонку... может такое быть? Ты как думаешь?

- Ну... – произнёс Толик и замолчал, думая, как ответить Серёге; Серёга смотрел на Толика, Толик смотрел на Серёгу – они словно всматривались друг на друга, и... у Толика было ощущение, что Серёга... что этот Серёга – самый классный пацан на планете Земля... самый-самый! И если б Серёга был девчонкой – если б на месте Серёги была бы девчонка, то он, Толик, не на миг не усомнился бы в том, что это любовь, но Серёга был пацаном, и... у них была дружба – крепкая дружба, про которую говорят «не разлить вода»;

глядя на Серёгу, Толик молчал – он думал, как ответить не только Серёге, но и себе.

- Что «ну»? – напомнил Серёга о своём существовании. – Толян, я спросил тебя...

- Я не знаю... – отозвался Толик. – Наверное, такое может быть, чтоб пацан влюбился в другого пацана, но... тогда такой пацан должен быть геем... или оба пацана должны быть геями, если они влюбятся друг в друга... так, наверное.

- А если они не геи, а просто... ну, то есть, если им просто вместе кайфово – тогда это как называется?

- Ну, если они не геи, но при этом им вместе кайфово... а почему им вместе кайфово? – Толик прищурился, вопросительно глядя на Серёгу.

- Ну, просто кайфово... не только трахаться, а вообще кайфово... кайфово быть вместе! Вместе делать разные дела, вместе проводить время... – отозвался Серёга.

- Ну, если им просто кайфово, тогда это дружба. Ну, то есть, тогда это просто дружба – обычная дружба. А если они при этом ещё и трахаются, тогда... тогда это настоящая дружба! – Толик рассмеялся. – Я ответил на твой вопрос?

- Ну, а как понять, где настоящая дружба, а где любовь? – уточнил Серёга.

- Серый, я не знаю, – Толик вдавил окурок в землю. – Я думаю, что «дружба», «любовь» – это всего лишь слова, и если кайфово общаться с человеком, который рядом, если хочется, чтоб человек этот был постоянно рядом, если классно трахаться с этим человеком, то... какая разница, каким словом это называть? Главное – ощущение кайфа, когда кайф этот есть и от

секса, и от общения. А любовь это, как у пацана с девчонкой, или дружба это, как у двух пацанов... может быть дружба без секса, может быть секс без дружбы... фиг его знает! Сам ты, Серый, что обо всём этом думаешь? – спросил Толик, глядя на Серёгу.

- Ну, я думаю... я, Толян, думаю так: лучше трахаться, чем не трахаться! Ну, то есть... н а с т о я щ а я дружба лучше, чем просто дружба! Согласен со мной? – во взгляде Серёги заиграла смесь озорства и блудливости.

- Согласен, – Толик рассмеялся. Слово «любовь» не прозвучало ни из уст Толика, ни из уст Серёги применительно к ним самим – ни скорый на разные выводы Серёга, ни вдумчивый рассудительный Толик не произнесли это слово применительно к своим отношениям, но... может, так было даже лучше? В конце концов, какая разница – любовь это или это настоящая дружба? Главным было то, что они, Серёга и Толик, были, как говорится, не разлей вода.

Утром мальчишек разбудил Пётр Степанович. Толик встал первым, Серёга привычно выёживался, выражая своё недовольство, что надо «так рано вставать», но, видя, что Толик поднялся, встал тоже. Они вышли на улицу – в залитый солнечным светом день, в гомон скандаливших воробьёв, энергично прыгающих с ветки на ветку, Серёга сказал Пирату «привет!», поинтересовался у Петра Степановича, «что вкусненькое бабуля готовит на завтрак», напомнил Толику, что «надо налить воду в бак летнего душа», потому как он, Толян, «вчера всю воду выплескал», и... жизнь мальчишек покатила дальше – беспечная и потому безоглядно счастливая, веселая жизнь в богом забытой, оторванной от цивилизации Сосновке.

У Толика на ноутбуке было несколько графических редакторов, и Толик, повозившись полвечера, из двух фотографий сделал одну: на этой одной фотке-картинке они, Серёга и Толик, в обрамлении петушиных перьев и в

набедренных юбках, сделанных их листьев лопуха, стояли рядом, а между ними, глядя в объектив, сидел Пират... получилось офигенно – как настоящая одна фотография, будто на острове был кто-то ещё и этот «кто-то ещё» сфотографировал Пирата, Серёгу и Толика одним щелчком! Толик перебросил эту фотографию на свой телефон и на телефон Серёгин, а так же скопировал файл на флэшку, чтоб, когда они будут с дедулей в райцентре, распечатать картинку и заламинировать – на память для бабули и дедули о своём пребывании у них в гостях.

Через пару дней Пётр Степанович и Зинаида Ивановна обсуждали за ужином разные текущие новости из жизни Сосновки, и Пётр Степанович сказал Зинаиде Ивановне, что он видел Кольку Дубцова: Колька сказал, что уезжает на вахту, а осенью, когда с вахты вернётся, будет ремонтировать свой дом, – Толик и Серёга, услышав эту новость, молча переглянулись... просто переглянулись, и всё.

Несколько раз Толик и Серёга ездили с дедулей на рыбалку, и каждый раз повторялась одна и та же история: Толик и Пётр Степанович рыбу ловили, а Серёге катастрофически не везло, и Серёга предположил, что Толик, когда они покупали удочки, специально выбрал для него, для Серёги, такую удочку, на которую рыба не ловится. «Ты совсем дурак? – изумился Толик. – Как я мог выбрать такую удочку, на которую рыба не ловится?» В следующую рыбалку они поменялись удочками, и... на Серёгину удочку Толик наловил рыбы на пару сковородок, а на удочку Толика Серёга снова ничего не поймал. «Всё! – заявил Серёга Толику и Петру Степановичу. – Больше я на вашу рыбалку не поеду! Просыпаюсь рано, недосыпаю, страдаю... и зачем? Чтоб смотреть, как эта глупая рыба меня игнорирует? Не надо!» «В следующий раз я не возьму удочку, и будем вместе ловить рыбу на одну удочку – на твою или мою. Будешь учиться!» – пообещал Толик, который искренне хотел, чтоб его «младший брат» почувствовал вкус к

рыбалке. «Тоже дело!» – одобрил Пётр Степанович желание Толика приобщать Серёгу к рыбалке. «Ты, дедуля, всё время на стороне Толяна, – с деланной досадой в голосе резюмировал Серёга. – А ты, Толян, любишь командовать... начальник нашелся! Все против меня... одна бабуля меня понимает!» – говоря так, Серёга, конечно же, лукавил, потому что в душе Серёге нравилось, что Толян искренне хочет, чтобы он, Серёга, тоже стал рыбаком. Сама рыбалка Серёгу совершенно не увлекала, у Серёги не было того азарта, какой бывает у рыбаков, рыба у Серёги не ловилась, и на рыбалку Серёга ездил лишь потому, что рыбалка нравилась Толику.

В следующую рыбалку Толик сдержал своё слово – мальчишки взяли одну удочку на двоих, чтоб Серёга рыбу ловил, а Толик чтоб стоял рядом и Серёге подсказывал, как надо правильно рыбу ловить, – против т а к о й рыбалки, где Толян стоял бы рядом, Серёга не возражал, потому что т а к ловить рыбу было куда интереснее, чем в одиночестве тупо пялиться на поплавок. Пётр Степанович с Пиратом, сидящим в лодке, снова ловил рыбу с лодки на середине реки, метрах в ста пятидесяти от внуков. Толик перво-наперво показал Серёге, как правильно насаживать на крючок червяка, чтобы червяк не сполз с крючка сам и чтобы с крючка его не стащила умная рыба. Толик объяснил Серёге, как по движению поплавок различать, когда рыба лишь тербит крючок, а когда она на крючок насадилась и нужно либо сразу выдёргивать её из воды, либо секунду-другую повременить и тем самым дать рыбе возможность сильнее на крючок насадиться, чтоб она с крючка не сорвалась...

- Толян, всё понятно! – нетерпеливо проговорил Серёга. – Давай ловить нашу рыбу... а то, пока ты будешь здесь разговаривать, вся наша рыба уплывёт к дедуле...

Серёга, размахнувшись, забросил удочку, и... практически сразу же, едва крючок с червяком погрузился в воду, поплавок задёргался, и его повело в сторону, – Серёга вопросительно посмотрел на стоящего рядом Толика:

- Дергать?

- Сейчас, сейчас... – прошептал Толик, с азартом глядя на поплавок. – Подсекай! Подсекай-дёргай! – возбуждённо выдохнул Толик.

Серёга рванул удочку вверх – крупный сазан, наполовину показавшись из воды, сорвался с крючка и снова скрылся в воде.

- Блин! – с отчаянием вскрикнул Толик. – Я сказал тебе подсекать! Подсекать, блин, нужно было! А ты... чего ты дёргаешь, как хуй из жопы?! – в голосе Толика была смесь неподдельной досады и отчаяния.

Серёга, видя реакцию Толика, на какой-то миг почувствовал себя виноватым в том, что рыба сорвалась с крючка, однако при последних словах Толика чувство вины у Серёги как ветром сдуло, – покосившись на Толика, Серёга вкрадчиво проговорил:

- Мы, вообще-то, на рыбалку приехали, чтоб рыбу ловить... а ты о чём думаешь?

- Это ты о чём думаешь? Такой сазанчик сорвался! – в сердцах выдохнул Толик; «дёргаешь, как хуй из жопы» Толик сказал автоматически, без малейшего намёка на буквальное значение этих слов, он произнёс это исключительно для того, чтоб таким экспрессивным образом выразить своё отчаяние и оттого, что крупный сазан сорвался, и оттого, что Серёга не чувствует удочку, однако Серёга, мгновенно сообразив, как свою неудачу замутить другой темой, тут же Толику объяснил, о чём он, Толик, думает:

- Мы на рыбалку приехали, а ты, Толян... – Серёга, глядя на Толика, сделал блудливое выражение лица, – ты только об одном думаешь – о том, как меня, младшего брата, совратить и изнасиловать...

- Кто об этом думает? – изумился Толик такому неожиданному повороту событий.

- Ну, не я же тебе сказал про хуй и жопу... – отозвался Серёга. – Я про рыбалку думаю, все мои мысли про одну рыбалку направлены, а ты вот про это самое думаешь – про интимные мои места, и не просто думаешь, а вслух говоришь – растлеваешь своего младшего брата... у меня, между прочим, от таких твоих слов, от твоих развратных намёков может встать...

- Блин, какой ты придурок! – Толик, сообразив, что Серёга банально отвлекает его от своей неудачи, с силой пнул Серёгу указательным пальцем в мягкую и вместе с тем сочно-упругую ягодицу. – Поднимай удочку – будешь нового червяка насаживать на крючок...

- Вот! Уже началось приставание... – тут же отозвался-отреагировал Серёга, изобразил на лице испуг.

- Насаживай наживку – я сейчас буду удить! Буду показывать тебе, как надо подсекать, – Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся. – А приставать к тебе, моему сексуально озабоченному младшему брату, я буду позже – днём на острове. Так что можешь пока губу закатать и набраться терпения – кайфа тебе до поездки на остров не будет...

- Садист ты, Толян! – вздохнул Серёга, под внимательным взглядом Толика насаживая червяка на крючок. – Поманил и обломал... бесчеловечный ты человек! Вот что я тебе скажу... как брат брату это говорю!

Удочка была одна, и мальчишки ловили рыбу по очереди; Толик подсказывал Серёге, как правильно забрасывать леску в воду, как и почему по-разному может вести себя поплавков, когда можно или даже нужно сразу тащить, а когда, наоборот, надо дать поплавку походить по воде, как правильно подсекать, чтобы рыба не сорвалась с крючка... к тому времени, когда Пётр Степанович пришвартовался к берегу, и Пират, засидевшийся в лодке, примчался посмотреть-проверить, как дела у Серёги и Толика, общий улов мальчишек составлял десяток рыбин, из которых три поймал Серёга, а остальные семь поймал Толик.

- Ах ты, Пиратик! – обрадовался Серёга. – Хочешь посмотреть наш улов? Вот смотри... – Серёга вытащил из воды садок, приподнял его немного, показывая содержимое садка Пирату. – Смотри, Пират, что я поймал сегодня! Ну, и Толян поймал... тоже поймал немного, – Пират, глядя то на рыбу, то на Серёгу, крутил хвостом. – Толян, я что думаю...

- Ты постоянно что-то думаешь... – с улыбкой отозвался Толик, аккуратно наматывая на удилице леску.

- Значит, такая у меня судьба – непрерывно думать о важном, – вздохнул Серёга. – Так вот, что я думаю...

- Что ты, Серый, думаешь? – снова с улыбкой отозвался Толик. – Говори быстрее... не томи себя!

- Пират, ты слышишь, как этот развратник надо мной издевается? – Серёга снова погрузил садок с пойманной рыбой в воду. – Говорит: «не томи себя», как будто я думаю только для себя... а я думаю, Толян, так: давай скажем дедуле, что мы поймали рыб поровну: пять поймал ты и пять я... скажем так дедуле?

- Зачем? – удивился Толик.

- Ну, смотри! Во-первых, мы братья, и у нас должно быть всё поровну...
- У старшего брата должно быть больше, потому что он старший, – перебил Серёгу Толик.
- Ни фиги! – с азартом парировал Серёга. – Старший брат должен младшему уступать, если младший о чём-то старшего просит!
- Блин, с какой это радости старший брат должен уступать младшему, если младший брат глупее старшего? – не согласился с Серёгой Толик.
- Толян, я на острове тебе объясню, кто из двух братьев умнее – ты или я! Слушай мои аргументы дальше! Ты учил меня сегодня? Учил! Должен быть результат?
- Ну, с учётом того, что ученик ты слегка бестолковый, результат как бы есть: три рыбины ты поймал, – Толик, глядя на Серёгу, улыбнулся.
- Блин! Был бы ты умный, ты бы сейчас сам предложил мне: «Давай, Серый, скажем дедуле, что всю рыбу поймал ты», чтобы тем самым продемонстрировать свои успехи в моём обучении...так нет же, ты до такой простой мысли не додумался! – Серёга изобразил на лице досаду. – А сейчас я тебе предлагаю наш улов разделить по-честному – по пять рыб каждому, и ты не хочешь уступить своему младшему брату... разве это справедливо?
- Блин, Серый! У тебя какие-то специфические представления и о честности, и о справедливости... я фигаю с тебя! Обмануть дедулю – это по-честному?
- Да дедуля только рад будет, что мы с тобой поймали рыб поровну! – живо отозвался Серёга, убеждённый в своей правоте.

В этот момент из-за куста, росшего у самой кромки воды, вышел Пётр Степанович; от внуков его отделяло метров сорок или даже пятьдесят, и потому он не мог слышать разговор Серёги и Толика.

- Толян! Дедуля идет! – Серёга перешел на быстрый шепот. – Ну, что? Скажем, что мы поймали рыбу поровну?

Пётр Степанович приближался, времени спорить, кто умнее, уже не было, и Толик кивнул головой:

- Говори.

- Толян! Ты самый лучший... самый лучший брат на земле! – лицо Серёгино вмиг расплылось в довольной улыбке.

- Ну, ты и придурок! – проговорил Толик, с улыбкой глядя на довольного Серёгу; конечно, и рыбацкий азарт во время ловли, и хвастовство уловом – всё это для него, для Толика, было важно, но видеть Серёгу довольным было намного важнее, и он, Толик, хотя и был рыбаком заядлым, без всякого сожаления уступил Серёге две своих рыбы, чтобы всё у них было, как сказал Серёга, по-честному – по-братски.

-Ну, рыбаки, как у вас дела? – подходя, проговорил-поинтересовался Пётр Степанович. – Что поймали на одну удочку? – в голосе Петра Степановича прозвучала лёгкая ирония.

- Дедуля, смотри! – живо отозвался Серёга; вновь вытаскивая из воды садок с пойманной рыбой. – Смотри, дедуля: десять рыб, и все крупные! Пять поймал я, и ещё пять поймал Толян! Мы с Толяном по очереди ловили... зацени, дедуля!

- По очереди ловили? – Пётр Степанович посмотрел на Толика.

- Да, – Толик кивнул головой.

- Ну, молодцы! – одобрил Петр Степанович. – Всё, идёте к машине.

Пират побежал впереди, показывая рыбакам дорогу.

После обеда Серёга с Толиком рванули на остров.

- Вы бы так далеко уже не ездили, – высказала своё мнение сердобольная Зинаида Ивановна. – Алкоголики уехали – их нет. Купайтесь на пляже – это и ближе, и никого там не бывает – никто вам мешать не будет... чего крутить педали туда-сюда?

- Бабуля, мы этот остров уже обжили, – отозвался Серёга. – Там и шалаш для Пирата есть – мы шалаш для Пирата построили, и плот у нас там есть, и вообще там классно! Подтверди, Толян! Согласен со мной?

- Согласен, – подтвердил Толик.

- Пусть ездят, – хмыкнул Пётр Степанович, вслед за Серёгой отвечая Зинаиде Ивановне. – И чистый воздух, и движение ещё никому во вред не пошли. Согласны со мной? – Пётр Степанович, явно копируя Серёгу, с улыбкой посмотрел на внуков.

- Согласны! – хором ответили Толик и Серёга; они весело посмотрели друг на друга – и рассмеялись.

Всё было так! И чистый воздух, не загаженный городской загазованностью, и бьющая через край молодая энергия, находящая выход в постоянном движении, и бурлящая, хотя постороннему глазу и не видимая, энергия подростковой гиперсексуальности, находящая выход в нормальном, совершенно естественном сексуальном взаимодействии друг с другом, а ещё лето и каникулы, а еще качественное питание из натуральных продуктов –

всё это, вместе взятое, создавало у четырнадцатилетних мальчишек стойкое ощущение безоглядно счастливой гармонии и с собой, и с миром; конечно, жизнь в Сосновке могла показаться однообразной и для кого-то даже скучной по причине отсутствия каких-либо внешних сотрясений воздуха – не было в Сосновке того калейдоскопа событий, какой неизменно есть в более-менее крупном городе, не было в Сосновке бесконечной череды различных увеселительных мероприятий, не было в Сосновке даже интернета, без которого многие себя просто не мыслят, но ни Серёга, ни Толик ни разу не почувствовали, что им скучно, ни разу об этом даже не подумали... скука – это ведь не отсутствие развлечений, а это состояние души, и если б, к примеру, Серёга в Сосновке был бы один, без Толика, или Толик был бы один, без Серёги, то по одиночке они наверняка бы заскучали, но так получилось, что они оказались в Сосновке вместе, вдруг зазвучала странная, чарующе сладкая, только до них доносившая музыка, и – эта музыка повела их навстречу друг другу, соединила, сдружила, – не было ни одного дня, ни одного часа, ни одной минуты, чтоб Серёга или Толик почувствовали в Сосновке скуку.

Секс у мальчишек был регулярный: они трахались или днём на острове, или перед сном в комнате, причем не всегда это был секс анальный – они и сосали друг у друга члены, ласкали губами и языками напряженные горячие стволы, и кайфовали от сладострастного трения друг от друга, и просто драчили члены один одному, и запойно целовались в засос, отчего губы их на какое-то время делались непослушно-толстыми, – они, Серёга и Толик, совершенно не стеснялись своих желаний и в этом смысле они были абсолютно свободны от той замшелой коросты, которая за прошедшие столетия налипла и до сих пор продолжает налипать на однополый секс там, где пассажиры социума обыдличиваются «скрепами» и «нравственными ценностями», – сексуальный мир Серёги и Толика здесь, в Сосновке, был

бесконечно далёк от мира зонавских «традиционных ценностей», в котором не было ни геев, ни бисексуалов, ни даже просто однополого секса, включая распространённое подростковое экспериментирование, зачастую не имеющее никакого отношения к будущей так называемой ориентации, а были лишь «извращенцы», «преступники», «вафлёры» и «питухи»; Серёга и Толик в Сосновке, то есть з д е с ь и с е й ч а с, жили словно в земном раю...

Так – после неудачной попытки потерять девственность на гетеросексуальном поприще – прошло-пролетело две беззаботных недели. А на стыке второй и третьей недель, в воскресенье, случилось то, что рано или поздно должно было случиться-произойти обязательно, но о чём Серёга не думал и думать не хотел... Они – Серёга, Толик, дедуля и бабуля – как раз собирались завтракать и даже уже рассаживались за столом, в центре которого стояла большущая чашка с вкуснейшими сырниками, залитыми сметаной, когда к калитке подкатил серебристый «Ниссан».

- Вау! – радостно вскрикнул Серёга и, сорвавшись со стула, бросился к калитке; это был спонтанный, искренний и совершенно понятный порыв, хотя всего неделю назад, когда они – Пётр Степанович, Серёга и Толик – были в райцентре и Пётр Степанович предложил Серёге позвонить родителям, Серёга отмахнулся: «Чего, дедуля, звонить? Я не соскучился!» Толик тогда позвонил домой – сказал своей маме, что у него всё отлично, а Серёга звонить не стал, сказав, что его родители могут посмотреть его фотки в его профиле и, таким образом, сами сообразить, что у него, у Серёги, всё отлично. А теперь он сорвался с места, он радостно кинулся к приехавшим родителям, и в этом не было никакого противоречия – Серёга был одинаково искренен и когда не стал звонить родителям, и теперь, когда приезде родителей обрадовался.

- Вот хорошо-то как! Прямо к завтраку! – по-своему обрадовалась Зинаида Ивановна. – Толя, принеси два стула из дома! Те, которые в зале, венские, – Зинаида Ивановна поставила на стол две дополнительные тарелки. – Сейчас все вместе и позавтракаем.

Между тем, из машины вылезла стройная, изящно сложенная женщина с короткой стрижкой, в шортах, она обняла подбежавшего Серёгу, как будто Серёга был космонавтом, наконец-то вернувшимся домой из длительного межгалактического полёта; вылезший из «Ниссана» отец Серёгин по-мужски пожал Серёге руку, что-то сказал, похлопав Серёгу по плечу, и они все трое рассмеялись, направляясь во двор.

Ольга Владимировна – а именно так звали Серёгину маму – познакомилась с Зинаидой Ивановной, познакомилась с Толиком, отец Серёгин обнял Петра Степановича, крепко пожал руку Толику, и они все вместе уселись за стол – завтракать. Большущую чашку с сырниками они шестером умяли вмиг!

- Вкусно! – резюмировала Ольга Владимировна; она оказалась без малейшего намёка на снобизм, оказалось простой в общении, и, хотя в ней и чувствовался столичный лоск, она никак это не подчеркивала, не выделяла – лоск был естественный, органичный, обусловленный самой жизнью в столичном мегаполисе.

- Ма, ты узнай у бабули, как делать такие сырники... и вареники, и борщ, и вообще всё-всё – узнай все секреты, чтоб дома готовить так же! – Серёга просто светился от радости.

- Да какие там секреты! – лицо Зинаиды Ивановны озарилось улыбкой. – Все продукты свои, натуральные – вот и все секреты!

- Узнаю, – улыбнулась Ольга Владимировна; помня, с каким настроением ехал Серёга в Сосновку, Ольга Владимировна была рада видеть сына здоровым, довольным и счастливым.

Всё резко изменилось, когда пили душистый чай с мятой; по случаю гостей Зинаида Ивановна принесла из дома большие одинаковые чашки с блюдцами, принесла розетки для варенья, принесла малиновое варенье; отпивая из чашки горячий чай, Ольга Владимировна сказала, что вечером они уедут, что они с удовольствием погостили бы в Сосновке, где так вкусно кормят, но у неё, у Ольги Владимировны, заканчивается отпуск, а они ещё хотят съездить на несколько дней на море, – отпивая из красивой чашки душистый чай, Ольга Владимировна сказала, что они проехали за Сергеем... собственно, это было понятно и так, что родители приехали за Серёгой, причём понятно это было всем, кроме Серёги, – Серёга, с момента появления родителей пребывавший в отличном настроении, совершенно не думавший о том, что э т о о ф и г е н н о е л е т о может вот так просто, так банально в один миг закончиться, только тут сообразил, что родители приехали за ним... сообразил, на мгновение растерялся – и, вмиг помрачнев лицом, глядя в чашку с чаем, глухо произнёс:

- Я не хочу уезжать... – как это часто с ним бывало, Серёга сказал вслух то, о чём подумал.

- Как ты не хочешь уезжать? – не поняла Ольга Владимировна; держа в руке чашку с чаем, она посмотрела на Серёгу с удивлением и недоумением. – Мы ж за тобой приехали...

- Я не хочу уезжать! – повторил Серёга, и в голосе его появилась твёрдость... в интонации его голоса появилась твёрдость, и ещё появилось что-то такое, чего ни разу не слышали ни Пётр Степанович, ни Зинаида Ивановна, ни Толик; держа чашку с чаем в руке, Серёга посмотрел на мать. – Я хочу ещё

погостить у дедули! – проговорил-пояснил Серёга с той же твёрдостью в голосе.

- Но... – было видно, что Ольга Владимировна никак не ожидала такого поворота событий. – Ты и так погостил неплохо! Скоро школа – нужно к школе готовиться...

- До школы ещё целый месяц, – перебил Серёга Ольгу Владимировну. – И я хочу ещё погостить у дедули и бабули! Привезли, увезли... я вам не вещь какая-то! Я...

В воздухе запахло скандалом, и оттого, что запахло скандалом, всем стало как-то неудобно.

- Так, прекращай! – оборвал Серёгу отец. – Позавтракаем, и ты потом будешь маме объяснять, что ты хочешь, а что ты не хочешь. Окей?

Серёга, ничего не отвечая, снова опустил голову – с шумом отхлёбнул из чашки чай. У Серёги были нормальные, вполне доверительные отношения с родителями, но в последний год характер у Серёги стал меняться – он мог устроить дома скандал, мог нагрубить, мог легко затеять спор, выясняя, что он должен делать, а что он делать не должен, – Ольга Владимировна, понимая, что у Серёги начался переходный возраст, и зная из многочисленных публикаций, что подростковый возраст является сложным, каждый раз терпеливо объясняла Серёге, где и в чём он не прав, никогда не срывалась на крик, не давила на Серёгу, старалась находить разумный компромисс, то есть делала всё, чтоб сохранить с взрослеющим Серёгой эти самые отношения, при которых всё строится на доверии, на понимании, на уважении... вот и сейчас, почувствовав, что Серёга может устроить скандал, Ольга Владимировна мягко проговорила:

- Да, Серёжа, папа правильно говорит: сейчас позавтракаем, и ты о планах своих расскажешь... хорошо?

Серёга, не отзываясь, снова с шумом отхлебнул чай; никаких планов у Серёги не было – сообщение о том, что родители приехали за ним, что он сегодня вечером вот так просто сядет и из Сосновки уедет, прозвучало для него как гром среди ясного неба, и теперь Серёга лихорадочно думал-соображал, какой у него должен быть план... уезжать из Сосновки Серёга категорически не хотел!

После завтрака Ольга Владимировна увела Серёгу к стоявшему за калиткой серебристому «Ниссану» – улаживать едва не вспыхнувший за столом конфликт. Петр Степанович и Виктор, оставшись за столом, закурили.

- Чем вы его так приворожили, что он уезжать не хочет? – Виктор, глядя на Зинаиду Ивановну, улыбнулся. – Когда я вёз его сюда, он всю дорогу со мной не разговаривал, считал, что я его в ссылку везу, а теперь уезжать не хочет... семь пятниц на неделе!

- Золотой мальчик, – ввернула своё слово Зинаида Ивановна. – Ни разу слова грубого не сказал... и воспитанный, и весёлый – просто отличный мальчик! – Зинаида Ивановна посмотрела на Толика и, посчитав, что Толику совсем не обязательно присутствовать при «взрослых разговорах», проговорила: – Толя, иди Пирата покорми... а то сами позавтракали, а Пират там ждёт вас голодный.

- Да чем их можно приворожить... ничем! – отозвался Пётр Степанович. – Свобода, никто не пилит... мы им велосипеды купили – они гоняют на остров каждый день... вон Зинаида Ивановна их кормит как на убой – пританцовывает перед ним... что ещё надо? Вы там сидите в своих каменных

мешках, а здесь воля, простор... ты, небось, уже и забыл, что значит посидеть на зорьке с удочкой? – Пётр Степанович, глядя на Виктора, прищурился.

- Забыл, батя... – с улыбкой отозвался Виктор. – Работа, работа, работа... какая там рыбалка!

- Вот! Рыбак, конечно, из Сёрёги никудышный... – Пётр Степанович усмехнулся, – не рыбак Серёга, нет у него рыбацкого азарта, хотя один раз он поймал неплохого такого сазанчика, и ты б видел, сколько было радости... да бог с ним, с уловом! Просто увидеть, как на заре розовеет вода, услышать, как в тишине играет, плещется рыба... это, Витя, дорого стоит! Я давеча попросил их помочь мне сено с лугов перевезти, на зиму для коровы... думал, они отнекиваться начнут, не захотят, а они вмиг согласились – и за три дня мы втроем всё сено и перевезли, и в сенник уложили... я бы и сам, конечно, всё перевёз, но сам бы я недели полторы этим занимался, а так в три дня уложились...

- И мне помогали банки крутить, – вставила своё слово о внуках Зинаида Ивановна. – Банки я, конечно, крутила сама, но они все банки из погреба достали, все банки перемыли, пропарили... потом в погреб все закрутки поносили...

- Удивительно! – Виктор улыбнулся. – Дома его вынести мусор приходится заставлять, каждый раз ему надо об этом напоминать, хотя это ему вменили в обязанность, а здесь просто чудеса трудолюбия...

- Ну, дома – это дома... а здесь у меня к нему никаких нареканий нет, хороший парень растёт! Я им плот сделал небольшой, отвёз на остров... лопату туда отвёз, топорик – они обещали клад найти, с нами обещали поделиться, но это дело у них что-то застопорилось... то ли ещё не нашли, то ли нашли, но скрывают – не хотят делиться, – Пётр Степанович рассмеялся.

- Клад? На острове? – с изумлением проговорил Виктор.
- А чего ты удивляешься? – глядя на сына, хмыкнул Пётр Степанович. – Или ты, Витя, забыл, как вы сами там клад искали?
- Искали, было дело... – Виктор, говоря это, на какое-то мгновение почувствовал себя мальчишкой – мысленно увидел себя там, на маленьком острове под бездонно голубым небом. – Искали... ничего не нашли, – Виктор, глядя на Петра Степановича, улыбнулся. – Когда это было-то? В прошлом веке?
- А какая разница, какой век? – отозвался Пётр Степанович. – Клад – это всё равно как мечта... глупая, конечно, пустая мечта, но всему, как говорится, своё время... и мы там тоже этот клад когда-то искали, и тоже ничего не нашли – не одно поколение сосновских мальчишек этот клад на острове искали! А потом все выросли, и начиналась жизнь – работа, работа, работа... какая разница, какой век? – Пётр Степанович на секунду умолк. – Я случайно обмолвился, что там есть клад, и они загорелись, а я их разубеждать не стал... зачем? Пусть ищут... – Пётр Степанович улыбнулся. – Может, это последние кладоискатели нашего сосновского клада...
- Да... – задумчиво проговорил Виктор. – Не думал я, что Сергей сможет так легко адаптироваться к сельской жизни – без интернета, без телефона... и не только адаптировался, а теперь ещё и уезжать не хочет... не получилось наказания, – Виктор, кажется, был немного удивлён тому, что он услышал и что узнал о сыне.
- Ну, ты слово своё сдержал – в тайланды свои вы его не взяли, Ты наглядно ему показал, что обещанное надо выполнять, и это хорошо – он это запомнит. А что наказания не получилось, так это... это, Витя, уже другая история, и хорошо, что наказания не получилось... хорошо! – твёрдо проговорил Пётр

Степанович. – Сергей и отдохнул здесь на просторе, на чистом воздухе, и на рыбалку поездил, и на звёзды посмотрел... что-то новое узнал и себя не потерял... даже вон уезжать не хочет! – Пётр Степанович, глядя на Виктора, улыбнулся.

- Да, уезжать он не хочет... мы такого никак не ожидали! – отозвался Виктор; он оглянулся: у «Ниссана» Ольга Владимировна и Серёга разговаривали на повышенных тонах, точнее, на повышенных тонах разговаривал Серёга, голосов было не слышно, но было видно, как что-то спокойно говорит Ольга Владимировна и как бурно отвечает ей Серёга. – Пойду принимать участие, – улыбнулся Виктор. – А то Сергей сейчас Ольге весь мозг вынесет – он в последнее время просто спец по этому делу... со мной он особо не оговаривается, побаивается, а с матерью – дай только повод! Я удивляюсь иной раз, как у Ольги хватает терпения... – Виктор поднялся из-за стола. – Спасибо, Зинаида Ивановна, за завтрак – сырники ваши и правда сказочные...

- Да чего там сказочного! – лицо Зинаиды Ивановны озарилось счастливой улыбкой. – Обычные сырники...

- Ну, не скажите! – улыбнулся Виктор. – Если б меня кормили такими сырниками, я бы тоже уезжать не захотел...

Виктор неспешно направился к жене и сыну, а Пётр Степанович, подмигнув Зинаиде Ивановне, вполголоса проговорил:

- А Серёга-то наш крепкий орешек... не хочу уезжать, и всё тут! Увозите меня в наручниках... ай да Серёга! Кто б мог подумать... – и приятно было Петру Степановичу, и его, Петра Степановича, распирала гордость от такого никем не ожидаемого поворота событий.

Между тем, у «Ниссана» шла настоящая словесная баталия: Ольга Владимировна, стараясь быть убедительной, терпеливо объясняла Серёге, что с его стороны всё это глупость и блажь – нежелание уезжать, а Серёга со стороны своей отбивал все «разумные аргументы» матери; на слова Ольги Владимировны, что надо будет готовиться к школе, что будут школьные распродажи, где ему, Серёге, надо будет покупать новый костюм, новую курточку к осени, Серёга отвечал, что в школу он может ещё походить какое-то время и в старом костюме, а осень не завтра – курточку они купить всегда успеют; Ольга Владимировна сказала, что про него, про Серёгу, уже спрашивали его друзья – и Боря, и Славик из третьего подъезда, и Артём с девятого этажа, на что Серёга ответил, что друзья эти никуда не денутся и что он их будет видеть целый год изо дня в день; Ольга Владимировна сказала, что если сейчас он останется здесь, то потом за ним нужно будет приезжать ещё раз, а это глупо, это совершенно нерационально и по затрате времени, и по деньгам, на что Серёга сказал, что он может приехать сам: «Оставьте мне деньги на билет, и я сам приеду... на поезде приеду». «На каком ты поезде приедешь?» – изумилась Ольга Владимировне. «На обыкновенном. Толик вон приехал к бабуле и дедуле сам на поезде, и я приеду!» «У Толика, может, прямой поезд, без пересадок, а тебе, если ехать отсюда до Москвы, нужно будет две пересадки делать...» «И что? – парировал Серёга. – Некоторые пацаны летом из дома сбегают – путешествуют по стране, и ничего с ними не случается...»

Виктор подошел как раз в тот момент, когда Серёга стал вспоминать все свои предыдущие обиды; собственно, все эти обиды уже были давно и благополучно забыты, но теперь они снова жгуче подкатили к горлу.

- Вы для меня никогда ничего не делали! – произнес Серёга с такой безысходностью в голосе, что впору было подумать, что так оно и есть на самом деле.

- Что мы для тебя никогда не делали? – проговорил подошедший Виктор.
- Что... да всё! – выдохнул Серёга. – В Таиланд вы меня не взяли...
- Так, про Таиланд забудь! – перебил Серёгу Виктор. – Ты сам знаешь, почему ты в Таиланд не поехал...
- Я просил вас купить мне кроссовки прошлой осенью – вы не купили...
- Серёжа! У тебя было две пары новых кроссовок, когда ты захотел ещё одни... ты растёшь, нога растёт – зачем было ещё покупать третью пару? Для коллекции? Чтоб потом выбросить? – проговорила Ольга Владимировна.
- Я просил вас отпустить меня на дачу к Генчику на Новый год – вы не отпустили...
- И правильно сделали, что не отпустили! – проговорил Виктор. – Генчик этот на три года старше тебя...
- Он наш сосед, – напомнил Серёга.
- И что? – парировал Виктор. – А то, что этот Генчик сейчас под следствием находится и сидит в СИЗО, тебе ни о чём не говорит?
- Тогда он не сидел в СИЗО, – отозвался Серёга.
- Тогда не сидел, – согласился Виктор. – Но тогда уже по нему было видно, что сядет – что это всего лишь вопрос времени. Потому и не пустили тебя, и правильно сделали!
- Я просил у вас собаку, а вы не разрешили, – напомнил Серёга ещё одну «несправедливость» по отношению к себе.
- Серёжа! Но я ж тогда тебе объяснила, что у меня аллергия на шерсть, что собаку в квартире мы держать не можем...

- Я просил у вас велосипед, а вы не купили. Борьке велосипед родители купили, и я, как лох последний, у него всё время просил: «Боря, дай мне прокатиться...»

- Ну, ты же знаешь, какая у Бори квартира – какая там планировка... и у нас какая планировка – где бы ты ставил свой велосипед? – проговорила Ольга Владимировна.

- У вас на всё есть отговорки... – вздохнул Серёга с таким видом, как будто он долго-долго бился головой об стенку, стенку не пробил и сдался. – У всех пацанов в нашем классе уже новые айфоны, и только у меня, как у последнего лоха, старый гаджет, а я даже боюсь заикнуться об этом, потому что опять услышу, что он у меня ещё не старый, что новый мне не нужен... я сейчас хочу ещё погостить у дедули, хочу остаться здесь до конца лета, а вы мне про распродажи, про время, про бензин... вы спросили меня, когда ехали меня отсюда забирать? Привезли, увезли... как будто я вещь, а не человек, – голос у Серёги дрогнул, словно он, взрослый четырнадцатилетний пацан, готов был разреветься.

Подошел Пётр Степанович.

- Зинаида Ивановна спрашивает, что на обед варить – борщ или лапшу? – Пётр Степанович посмотрел на Ольгу,

- Дедуля, хоть ты за меня заступись... – проговорил Серёга; он посмотрел на Петра Степановича с таким отчаянием в глазах, произнёс это с такой по-детски непосредственной беспомощностью, что у Петра Степановича невольно дрогнуло сердце.

- Ну... а чего заступаться-то? Вы обещали мне помочь сарай перекрыть, а теперь, получается...

- Какой сарай? – с недоумением перебил Серёга; хоть и было на душе Серёгиной неподдельное горе, и жгучие обиды комом стояли у горла, но он про сарай тут же спросил – поинтересовался-уточнил у дедули.

- Вот те на! – изумился Пётр Степанович. – Девичья, Серёга, у тебя память... а кто мне обещал помочь сарай для Машки перекрыть – новую крышу сделать? Разве не ты с Толиком? «Мы, дедуля, тебе поможем!», – Петр Степанович сделал вид, что передразнивает Серёгу. – Ну, и всё, тью-тью ваша помощь...

- Что... действительно обещали помочь? – вопросительно посмотрел на Петра Степановича Виктор; трудно было сказать, понял Виктор или не понял, что Пётр Степанович врёт – про помощь в перекрытии сарая-коровника у него, у Петра Степановича, никакого разговора с внуками не было, перекрывать сарай Пётр Степанович планировал осенью, когда спадёт жара.

- Обещали... а чего им не помочь? Лбы такие... – отозвался Пётр Степанович.

- Да, папа, обещали! – живо подтвердил Серёга, и в глазах его вспыхнула надежда. – Я просто забыл... обещали мы помочь дедуле! А если обещали...

- Ну, ты дома постоянно забываешь мусор выносить, тебе нужно из раза в раз напоминать... – хмыкнул Виктор. – Что не надо, ты это очень хорошо помнишь, а что надо – у тебя сразу девичья память, как дед сказал... хорошо устроился! – Виктор вопросительно посмотрел на Ольгу, и Ольга в ответ чуть заметно пожала плечами. – Ну-ка... сходи принеси мне кружку воды напиться... или спроси у бабушки кружку компота – принеси компот, если есть!

- Хорошо! – покладисто кивнул головой Серёга, сильно подозревая, что сейчас – без него – будет решаться его судьба, точнее, будет решаться вопрос, что им, родителям, делать с его желанием остаться в Сосновке; он, Серёга, почему-то был уверен, что мама, невзирая на все её аргументы, на его стороне, а вот папа... и дедуля... дедуля тоже на его стороне!

- Ну, что делать будем? – посмотрел Виктор на Ольгу, когда Серёга скрылся во дворе. Конечно, можно было бы на раз-два прекратить все эти дискуссии, «игры в демократию», и никуда бы Серёга не делся – сел бы вечером в машину и, как миленький, уехал бы... ну, надул бы он губы, два-три дня не разговаривал бы – не велика беда! А с другой стороны...

- Я не знаю, Витя... – отозвалась Ольга Владимировна; она посмотрела на Петра Степановича. – Мы ведь думали, что он здесь у вас занудился, Витя сказал, что нет у вас интернета, а для них интернет сейчас – это первое дело, дома за этот интернет постоянно споры возникают... в отпуск мы его не взяли, Витя настоял, что надо ему преподать урок... ну, хорошо, не поехал он с нами в Таиланд – мы вернулись и решили, что в качестве компенсации свозим его на море, съездим на несколько дней с ним на море, а теперь получается не пойми что... чем вы, Пётр Степанович, его здесь так приворожили, что он уезжать не хочет? – Ольга Владимировна вопросительно смотрела на Петра Степановича; во взгляде её было искреннее недоумение.

- Клад они здесь ищут, – хмыкнул Виктор, отвечая вместо Петра Степановича. – Разбогатеть хотят... – Виктор, глядя на Ольгу, улыбнулся.

- Какой клад? – Ольга Владимировна с ещё большим недоумением перевела взгляд на мужа.

- Ну, какой... есть здесь река, и есть на реке этой остров... и есть местная легенда, что на острове том зарыт клад. И вот представь... все поколения местных сосновских мальчишек там из года в год искали этот клад... и я искал... и батя искал... и Сергей наш ищет...

- А что... там действительно когда-то зарыли клад? – перебила Виктора жена.

- Вот! И ты уже готова искать тоже, – рассмеялся Виктор. – Увлекательное это дело – поиски клада! Ну, так что будем с Сергеем? – Виктор перестал смеяться. – Забираем его? Или что?

- Витя, я не знаю, – отозвалась Ольга Владимировна. – Если он так хочет здесь остаться и если мы его сейчас здесь оставим, то тебе потом ещё раз придётся за ним приезжать... смотри сам! Я бы его оставила, если ему здесь хорошо... вон как он и загорел, и даже подрос немного, как мне кажется... и сырники такие вкусные! – Ольга Владимировна улыбнулась. – Ты, Витя, за рулём – смотри сам, как ты считаешь нужным.

- Вы ж хотели еще на море с Серёгой съездить, – напомнил Пётр Степанович.

- И на море хотели его свозить... гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – вздохнула Ольга Владимировна. – С маленьким не было никаких проблем, а теперь то это он хочет, то это ему не так... то днями сидит в интернете, то домой не дозовёшься – во дворе болтается. Я в понедельник выхожу на работу, ты, Витя, на работе... чем он будет заниматься ещё месяц до школы целыми днями? Во дворе болтаться? В телефоне сидеть? – Ольга Владимировна посмотрела на Петра Степановича, словно он, Пётр Степанович, мог ответить на этот вопрос.

- Хороший Серёга парень, – отозвался Пётр Степанович. – Шебутной немного, но это с возрастом пройдёт... у всех проходит! Виктор тоже в его

возрасте банду организовывал, – Пётр Степанович, посмотрев на сына, улыбнулся. – Помнишь, Витя?

- Помню, батя, – Виктор тоже улыбнулся.

- Какую банду? – у Ольги Владимировны от удивления чуть округлились глаза.

- Да, не банда это была, а партизанский отряд... глупые были – ума не было, а энергия била через край... ну, мы три шалаша построили, самопалы сделали... хотели школу захватить и там держать оборону... я был командиром отряда... батю потом в школу вызывали – разборки были с участковым... смешно сейчас вспоминать! – коротко пояснил Виктор Ольге.

- Сейчас время другое, – вздохнул Пётр Степанович. – Убили, избили – легко всё сегодня делается... жизнь человеческая ничего не стоит – вот что страшно. У нас, в Сосновке, благодать, а в городах ваших один криминал... просто озверение какое-то! Вон райцентр наш... даже не город, а год назад было убийство: подростки забили ногами пенсионера до смерти... ну, поймали их, стали разбираться – оказалось, что убили человека просто так, скучно им было... просто какая-то ненависть разлита в воздухе: одним скучно, другие срываются с пол-оборота... школьники нападают на учителей, учителя нападают на школьников... когда такое было?

- Да, время сейчас такое... вот и Сергей наш: ума ещё нет, а соблазны со всех сторон, – Ольга Владимировна снова вздохнула. – Решай, Витя, сам...

Случайно ли Петр Семёнович сказал про то, что в Сосновке тишь и благодать, или просто так подошел разговор... кто знает!

Серёга вышел из двора с кружкой взвара в руке, подошел, молча протянул кружку отцу. Виктор выпил взвар, точнее, выпил половину, протянул кружку Ольге:

- Будешь?

- Нет, спасибо. Я не хочу, – отказалась Ольга.

- Напрасно! – Виктор допил взвар, протянул пустую кружку Серёге; по каким-то неуловимым признакам Серёга понял-почувствовал, что всё не так плохо; он посмотрел на Петра Степановича, но по выражению лица Петра Степановича было ничего не понять. – Значит, что ты хочешь? – Виктор посмотрел на Серёгу.

- Я хочу остаться у дедули, – твёрдо произнёс Серёга; он снова посмотрел на Петра Степановича, и на этот раз, словно одобряя Серёгино желание, Пётр Степанович едва заметно кивнул головой.

- Хорошо. Допустим, ты останешься – мы вечером уедем с мамой без тебя. Дальше что? – Виктор спросил это так, как будто он, Серёга, был героем, оказавшимся в плену, и его, Серёгу, в этом плену допрашивали... во всяком случае, именно так Серёге на какой-то миг показалось.

- Дальше? Ну, дальше... или ты, папа, за мной приедешь в самом конце лета, или... – Серёга запнулся, не зная, надо ли озвучивать второй вариант.

- Или? – Виктор смотрел на Серёгу без всякого снисхождения, смотрел как взрослый на взрослого.

- Или вы дадите мне деньги на билет, и я в конце лета приеду сам... на поезде приеду, если ты не сможешь приехать за мной на машине, – добавил Серёга не очень уверенно.

- Хм...отлично! – хмыкнул Виктор. – А когда и куда ты на поезде уже ездил самостоятельно?

- Не ездил еще... но ведь надо же когда-то начинать, – проговорил Серёга, глядя на отца.

- Ага, и ты решил начинать в этом году – решил, что время начинать уже пришло, – с нескрываемой иронией резюмировал Виктор.

- Ну, я не знаю...если ты приехать за мной не сможешь, то, значит, время уже пришло, – вздохнул Серёга.

- Хорошо, здесь я понял тебя, – Виктор, глядя на Серёгу, кивнул головой. – А на море ты, значит, ехать не хочешь?

- Хочу, – отозвался Серёга.

- Хочешь, значит...и на море поехать ты хочешь, и здесь остаться... просто какое-то раздвоение! Ну, тогда выбирай... – весело проговорил Виктор. – Или мы с мамой вечером уезжаем на море, а ты остаёшься здесь и потом в конце лета приезжаешь домой на поезде, или мы едем все вместе на море, а оттуда едем домой, как и запланировали... вот тебе два варианта, парень ты уже взрослый... выбирай!

Серёга на мгновение заколебался, стоя перед таким непростым для себя выбором... конечно, это обалденное лето рано или поздно всё равно закончится – всё равно нужно будет отсюда уезжать... а с другой стороны... еще целых четыре недели! Серёга подумал про Толика, про Пирата, про остров... подумал про дедулю с бабулей... у него, у Серёги, никогда ещё не было такого друга, как Толян... такого н а с т о я щ е г о друга... во всех смыслах настоящего друга – самого-самого настоящего... ещё целых четыре недели кайфа! Может, это единственный такой друг – больше таких друзей

уже никогда не будет... вместе ложиться спать, вместе вставать, вместе мчаться на остров, вместе купаться и загорать... весело троллить Толяна, который на троллинг несколько не обижался... они как братья, и даже больше, чем братья! И он, Серёга, уже не маленький, чтоб не суметь вернуться домой самостоятельно, – глядя на отца, Серёга твёрдо проговорил:

- Я останусь у дедули, – непростой и в то же время простой для него, для Серёги, выбор был сделан.

- Серёжа, принеси мне компот...попроси Зинаиду Ивановну, чтоб она ещё налила, – проговорила Ольга Владимировна, молчавшая всё время, пока Виктор разговаривал с сыном. Серёга – уже в приподнятом настроении оттого, что выбор сделан – пошагал за взваром, а Ольга, едва он отошел, встревожено посмотрела на мужа: – На каком он поезде приедет? Ты о чём?

- Да ни на каком поезде он, понятно, не поедет... но какой упорный чертёнок! «Я останусь у дедули», – улыбаясь, передразнил Виктор ушедшего Серёгу. – А ты, батя, рад, наверное?

- Ну, а что? – Пётр Семёнович тоже улыбнулся. – Вам, конечно, головная боль, а мне, не скрою, приятно... ты, Витя, в прошлом году приезжал с ним на несколько дней, а до этого вы приезжали с ним, когда ему было пять лет... вот и вся радость! А он внук мне... конечно, я рад! Только вот на поезде одному ему ехать, понятное дело, ещё рано – придётся тебе, Витя, в конце лета ещё раз приехать, забрать его. Конечно, и дорога, и время... и бензин на дорогу – всё это так, всё понятно! Но нужно иногда и жертвовать чем-то, чтоб соблюдать баланс кнута и пряника. Вот когда вы не взяли его с собой в ваши таиланды – это был кнут. А теперь уступите ему – это будет пряник... так вся жизнь строится – кнут и пряник...

- Это, батя, понятно... – отозвался Виктор. – Значит, я предлагаю сделать так... – Виктор посмотрел на Ольгу. – Съездим на море втроём, как планировали, потом привезём его сюда, пусть он ещё погуляет здесь на воле, как батя говорит, а потом в конце августа я за ним приеду, заберу его... как ты на это смотришь?

- Я к парикмахеру записалась на воскресенье... мы же планировали, что в субботу вернёмся в Москву, а если назад сюда возвращаться, то вернёмся домой мы только в воскресенье к вечеру. В понедельник мне выходить на работу... – проговорила Ольга Владимировна, думая о своём распланированном времени.

- Ну, иногда надо и жертвовать чем-то, – повторил Виктор слова отца. – А какие ещё есть варианты? Давай увезём его без возвращения в Сосновку, никуда он не денется – ты в воскресенье сходишь в парикмахерскую, а он потом при каждом удобном случае будет тебе же напоминать, что мы с ним поступили как с вещью... какие варианты есть ещё? Твои варианты какие?

- Ну, я не знаю... пусть будет так, как ты говоришь, – вздохнула Ольга, отлично понимая, что увезти Серёгу, конечно же, можно... можно, но – нельзя, а нельзя потому, что он уже не маленький и с его мнением тоже нужно считаться... не на поводу идти у него, не капризы его исполнять, а именно считаться с его мнением. И потом... до школы ещё месяц – чем он будет дома заниматься? Болтаться на улице?

Подошел Серёга – протянул матери кружку с взваром.

- Бабуля спрашивает, что на обед варить – борщ или лапшу. Я сказал, чтоб варила борщ, что все хотят борщ, – проинформировал Серёга. – Ещё я сказал бабуле, что я не уезжаю, остаюсь до конца лета – бабуля обрадовалась, бабуля сказала, что я золотой. Ещё бабуля сказала, чтоб ты, дедуля, шел

зарубил курицу на борщ. Я сказал бабуле, что ты сейчас придёшь. У меня всё...

Ольга Владимировна, слушая сына – любуясь Серёгой, невольно улыбнулась: вроде Серёжа уже не маленький, четырнадцать лет, а с другой стороны...

- Всем раздал указания, – хмыкнул Виктор, с лёгкой иронией глядя на сына. – Значит, слушай, Сергей, внимательно, Мы с мамой подумали и решили тебе предложить такой вариант. Про поезд забудь – мал ещё ездить самостоятельно на поездах, тем более с пересадками. Мы, как и планировали, съездим все вместе на море, потом привезём тебя назад, в Сосновку, а в конце лета я за тобой приеду – тебя заберу...

Серёга слушал – и не верил своим ушам... это был идеальный, просто идеальный вариант! Лицо Серёгино непроизвольно расплылось в улыбке – такой офигенный вариант даже ему не пришел в голову... это был самый лучший, самый п р а в и л ь н ы й вариант!

- Но! – Виктор поднял вверх указательный палец. – Это один вариант. Есть ещё один вариант. Поезд, как ты понял, даже не обсуждается – про поезд забудь. Второй вариант такой: хочешь ты или не хочешь, а вечером ты сядешь в машину, и мы поедem либо на море, либо поедem сразу домой. Погостил ты здесь и так достаточно – отдохнул, к следующему учебному году сил набрался, подготовился, так что все свои капризы ты оставишь при себе, обсуждать твоё хочу-не-хочу мы не будем, – Виктор всё это проговорил твёрдо, даже жестко. – Вот тебе два варианта на выбор... как мы сделаем? Выбирай!

- Конечно, первый вариант! – живо отозвался Серёга, подумав, что сейчас за выбор первого варианта от него родители потребуют что-то взамен... и он, Серёга, не ошибся!
- Кто б сомневался! – с легкой иронией в голосе улыбнулся Виктор. – Но первый вариант будет при условии, что ты...
- Я согласен! – вообще-то, Серёга это подумал, но получилось так, что он это не только подумал, но и вслух произнёс.
- На что ты согласен? – хмыкнул Виктор.
- Ну... на ваши условия! – проговорил Серёга; он посмотрел на стоявшую молча мать, по глазам матери понял, что она улыбается, и вновь перевёл взгляд на отца. – Бесплатный сыр бывает только в мышеловке...
- Соображаешь, – Виктор улыбнулся.
- Ну, я ж не дурак, – Серёга, глядя на отца, улыбнулся тоже.
- Не дурак, – согласился Виктор. – Именно поэтому мы с мамой ставим тебе условие: в следующем учебном году ты будешь учиться без “троек” – чтоб ни одной “тройки” ни в одной четверти не было! Ты знаешь мою позицию: “пятёрок” с тебя никто не требует, а учиться без “троек” ты можешь вполне!
- Могу! Буду! – Серега, не задумываясь, кивнул головой.
- Что ты можешь-будешь? – уточнил Виктор.
- Могу учиться без “троек”. Буду учиться без “троек”, – Серёга без задержки пояснил своё «могу-буду».
- Как-то ты легко обещаешь... – проговорил Виктор с явно выраженным сомнением в голосе.

- Совсем не легко! – живо отозвался Серёга. – Если я сказал, что буду учиться без “троек”, значит, буду – ни в одной четверти “троек” не будет. – Серёга подумал секунду и для пущей убедительности добавил: – Обещаю!

- А если обманешь? – всё с тем же сомнением в голосе без тени улыбки на лице проговорил Виктор.

- Папа, не обману! Буду учиться без “троек”, – твёрдо проговорил Серёга.

Ольга Владимировна, раз всё повернулось таким образом, хотела тоже внести свои две копейки – хотела сказать, чтоб Серёжа в придачу к обещанию хорошо учиться так же пообещал впредь без всяких напоминаний выносить мусор, поскольку это вменялось в его обязанность, а обязанность эту он зачастую игнорировал, но подумала, что тема мусора – это тема хоть и важная, но на фоне обещания хорошо учиться мелкотравчатая, и промолчала.

- Ну, хорошо. Значит, будем реализовывать первый вариант, – подытожил Виктор. – Тогда вечером мы едем на море...

- Потом возвращаемся назад к дедуле, и потом в самом-самом конце лета ты за мной приезжаешь, – весело проговорил Серёга. – Реализуем первый вариант! Вариант «А»!

Этот вопрос был решен! Оставался второй вопрос, не менее важный, который тоже нужно было обязательно решить, и решить только положительно, никак иначе... других вариантов в решении в т о р о г о вопроса он, Серёга, просто не допускал!

- И когда я приеду, на коровнике будет новая крыша, – Виктор не спросил это, а произнёс утвердительно.

- Будет! – отозвался Серёга. – Дедуля, сделаем новую крышу? – Серёга, думая, как подступиться к решению второго вопроса, вопросительно посмотрел на Петра Степановича.

- Ну, если вы... если ты и Толик поможете мне, то, конечно, будет... куда она денется! Перекроем дом для Машки! – весело проговорил Пётр Степанович.

Случайно ли Пётр Степанович упомянул имя Толика, или он, Пётр Степанович, хотел этим напоминанием про Толика подтолкнуть Серёгу не останавливаться на достигнутом, а только это упоминание про Толяна оказалось для Серёги как нельзя кстати... дедуля с ним, с Серёгой, был просто на одной волне! Просто телепатия какая-то...

- Пап, я что хочу сказать... – словно вслушиваясь в каждое своё слово, произнёс Серега; он произнёс это медленно, врасстяжку, как бы раздумывая, говорить или нет; и Ольга, и Виктор отлично знали, что после такого предисловия Сергей обязательно будет о чём-то просить, и потому, посмотрев на сына с некоторым любопытством, Виктор спросил напрямую, деловито:

- Что ты ещё хочешь?

- Я подумал... пусть Толян тоже поедет с нами! – проговорил Серёга и, объясняя своё предложение, тут же озвучил свои аргументы. – Мы с ним в гостях у дедули и бабули с первого дня. Мы вместе помогали дедуле сено возить, вместе будем, когда вернёмся, помогать дедуле делать крышу. Толян тоже будет отдыхать здесь до конца лета, как и я. И будет как-то не так... некрасиво будет, если я съезжу на море и потом вернусь назад, а Толян всё это время будет здесь... – Серёга подумал секунду и, чтоб надавить на жалость, добавил, – будет один здесь, как сирота... можно, он тоже поедет с нами?

Пётр Степанович, слушая Серёгу, смотрел на Серёгу с явным одобрением – он, Пётр Степанович, словно говорил и своим взглядом, и выражением своего лица: «молодец ты, Серёга! Вместе – значит вместе!»

- Мне всё равно, одного везти или двоих, – проговорил Виктор. – Договаривайся с мамой!

- Mam! – Серёга посмотрел на Ольгу Владимировну. – Можно? Толян никогда ещё не был на море... вообще никогда не был!

Серёга, говоря это, уже не сомневался, что Толик тоже поедет на море – они, он и Толик, поедут на море вместе! Это с отцом у Серёги разговор не всегда получался, потому что отец мог сказать один раз, и точка, дальше спорить, доказывать свою правоту было совершенно бесполезно, а с матерью было совсем иное дело – с матерью Серёга мог ссориться, потом мириться, мог оговариваться – в разумных, естественно, пределах, мог бурно возмущаться, почему он то или иное должен делать или, наоборот, делать не должен... с матерью договориться было проще, и Серёга уже предвкушал... он, Серёга, уже предвкушал, как они мчатся на море – он и Толян, вместе!

Серёга уже предвкушал... а Ольга Владимировна от этой новой «хотелки» сына растерялась.

- Серёжа... – она замолчала, подбирая слова. – Как мы можем взять Толю? Это чужой ребёнок...

- Ничего он не чужой! И Толян не ребёнок – мы с ним ровесники! – живо отозвался Серёга. – Ну, мам... пусть Толян тоже поедет! Папа сказал, что можно...

- Но мы сказали Софье Моисеевне, что нас будет трое – ты, папа и я... мы забронировали номер на троих!

Услышав про Софью Моисеевну, Серёга тут же сообразил, как можно решить этот вопрос.

- Мы будем в той же гостинице, что были в прошлом году? У Софьи Моисеевны?

- Да, – подтвердила Ольга Владимировна. – У Софьи Моисеевны. Я созвонилась с ней, договорилась... она будет ждать нас троих. Сейчас сезон, договариваться нужно заранее...

Софья Моисеевна, полная пожилая гречанка, смешливая, радушная и доброжелательная, с черными усиками, которые нисколько её не портили, была владелицей небольшой двухэтажной гостиницы, расположенной в десяти минутах ходьбы от моря. Собственно, это была не гостиница, а, если говорить точнее, гостевой дом, где было четыре двухкомнатных номера на втором этаже и несколько однокомнатных номеров на этаже первом, – кто-то заселялся не неделю, кто-то на две или даже на три недели, за десять лет сформировалась практически постоянная клиентура, люди приезжали отовсюду, многие были знакомы между собой, атмосфера была домашняя, всё было комфортно и уютно, до моря было рукой подть; Ольга, Виктор и Серёга останавливались в гостевом доме Софьи Моисеевны уже три года, каждый раз снимая двухкомнатный номер на втором этаже, где вторая комната предназначалась для Серёги...

- Мы будем снова на втором этаже? – уточнил Серёга.

-Да, – подтвердила Ольга Владимировна. – В том же самом номере, что и в прошлом году...

- Вот! – обрадовался Серёга. – В одной комнате вы с папой, а в другой комнате мы с Толяном! Попросим Софью Моисеевну, чтоб она поставила дополнительно в мою комнату какое-нибудь раскладной кресло для Толяна

или даже просто лежак, и всё! Отличный вариант! Мам, всё решаемо! Софья Моисеевна добрая, она не откажет... пусть Толян тоже поедет с нами! Ну, мам...

«Дожмёт мать!» – с удовлетворением подумал Пётр Степанович.

Так и получилось: Серёга, уговаривая мать, напористо наступал, приводя самые разные аргументы, почему Толик должен поехать, Ольга Владимировна оборонялась, делая упор на то, что «Толя, может, тебе как брат, но юридически он чужой ребёнок», что «необходимо разрешение родителей Толи на такую поездку», что «если что-то случится...» – Серёга в ответ говорил, что «ничего не случится», что «бабуля Толяну разрешит», что «будет некрасиво», если Толяна не поедет с ними, что «Толян никогда не видел море»... в конце концов, Ольга Владимировна сдалась:

- Ну, хорошо, – проговорила Ольга, с улыбкой глядя на сына. – А вернёмся домой, и, чтобы ты мусор выносил, я тебе снова буду каждый раз напоминать?

- Никогда! Вынос мусора – это моя святая обязанность! – с пафосом воскликнул Серёга: лицо его светилось от счастья. – Мама! Буду я выносить мусор без напоминаний! Клянусь!

- Что-то ты сегодня много обещаешь, – с лёгкой иронией в голосе проговорил Виктор.

- Ничего не много! – тут же с улыбкой парировал счастливый Серёга. – Буду учиться без “троек” и выносить мусор! Миссия выполнима! Всё, я пошел – скажу Толяну, что он тоже едет с нами на море! Будем собираться...

- Серёжа! Пусть Толя подойдёт сейчас ко мне – я его спрошу, хочет ли он вообще ехать, и спрошу у Зинаиды Ивановны...

- Конечно, хочет! Сейчас мы придём! – отозвался Серёга. – А ты, бабуля, иди курицу руби на обед – бабуля тебя уже заждалась...

- Понял, батя? – рассмеялся Виктор, когда Серёга быстрой походкой устремился во двор. – Шило в заднице, а не Сергей...

- «Вы ж мои золотые!», как говорит Зинаида Ивановна про внуков, – улыбнулся Пётр Степанович. – Серёга – отличный парень!

Зинаида Ивановна, сидя за столом в летней кухне, резала капусту на борщ, когда к ней подошел сияющий Серёга.

- Серёжа! Ну, где там дедушка запропастился? Ты сказал ему, что он мне нужен? – Зинаида Ивановна, перестав стучать ножом по разделочной доске, вопросительно посмотрела на Серёгу.

- Сказал! Сейчас он придёт, – быстро проговорил Серёга. – Бабуля, слушай меня внимательно! Сейчас придёт мама и спросит тебя, разрешаешь ли ты поехать Толяну с нами на море. Ты скажешь, что разрешаешь, – Серёга, конечно, ни секунды не сомневался, что Зинаида Ивановна разрешит, но на всякий случай счёл необходимым бабулю «проинструктировать». – Скажешь, что разрешаешь! Бабуля, ты меня поняла?

- На какое море? – глаза у Зинаиды Ивановны от удивления невольно округлились.

- На Черное, бабуля! Мы едем на море – я и Толян! Сейчас мама всё объяснит! – Серёгу просто распирало от радости. – Я пошел сказать Толяну, а ты, бабуля, скажешь маме, что ехать Толяну ты разрешаешь! Всё, я пошел сообщить Толяну – сейчас мы придём!

- Подожди! Серёжа, я ничего не поняла... – на лице Зинаиды Ивановны была растерянность.

- Бабуля, я тебе всё потом объясню! Сейчас твоя задача: просто сказать маме, что ты разрешаешь Толяну ехать с нами на море! – Серёга устремился к калитке; во двор входили Ольга и Пётр Степанович. – Сейчас мы придём! – на ходу проговорил Серёга, не задерживаясь – не останавливаясь.

Толик сидел на ступеньках крыльца – смотрел на Пирата; Пират уже позавтракал, напился холодной воды и теперь, умиротворённый, лежал в холодке, откинув хвост; может, Пират ждал, когда придёт Серёга и они втроем рванут на остров, – глядя на Пирата, Толик думал о том, что этим вечером Серый уедет... конечно, рано или поздно родители всё равно приехали бы за Серым, потому что рано или поздно лето в любом случае подошло бы к концу, и он, Толик, рано или поздно тоже уехал бы домой... всё это было понятно – вечного нет ничего... но почему так рано? Еще целый месяц... целый месяц самого лучшего в жизни лета было впереди... почему так рано? Глядя на Пирата, Толик думал, что если Серёгу сегодня вечером увезут, то он, Толик, тоже завтра или послезавтра уедет – у бабули он уже погостил, и без Серого делать в Сосновке будет просто нечего...

Пират первым услышал приближение Серёги, – Серёга ещё шел по улице, ещё только приближался к калитке, а лежащий на земле Пират чутким ухом уловил знакомые шаги и радостно застучал хвостом по земле; Серёга, хлопнув калиткой, стремительно вошел во двор, – вскочивший с земли Пират яростно завертел, закрутил хвостом, приветствуя Серёгу.

- Ах ты, Пиратик! – Серёга обрадовался Пирату не меньше, чем Пират обрадовался ему. – Толян! Мы едем на море! – мимоходом приласкав, погладив по лобастой голове Пирата, Серёга остановился перед сидящим на ступеньках Толиком. – Слышишь? Мы едем на море!

- Отлично. Я рад за тебя... – Толик улыбнулся; он посмотрел на Серёгу снизу вверх, и хотя он улыбнулся, и хотя он сказал «я рад», в глазах Толика радости не было.

Серёга на секунду опешил от такой неадекватной реакции Толика на сообщение о поездке, и только в следующую секунду до Серёги дошло, что Толик сказал «рад за тебя».

- Придурок! Ты что – не понял? – Серёгу, стоявшего перед Толиком, просто распирало от радости. – Я сказал: мы едем! – Серёга голосом выделил местоимение «мы». – Я и ты! Вдвоём едем – ты и я! Поднимайся! – Серёга потянул Толика за руку на себя. – Пойдём к бабуле...

- Подожди... – Толик, подчиняясь Серёге – глядя на Серёгу ничего не понимающим взглядом, податливо встал со ступеньки. – Как ты и я?

- Блин! Ты совсем тупой? – Серёга радостно рассмеялся. – Вместе, Толян, вместе едем! Ты... – Серёга выставленным вперёд указательным пальцем показал на Толика, – и я... – Серёга тем же указательным пальцем показал на себя, – мы... – Серёга подвигал указательным пальцем, словно маятником, между собой и Толиком, – едем... – Серёга подвигал руками, словно он держится за руль автомобиля, – на море! – при последнем слове Серёга раскинул руки в стороны и плавно подвигал руками, изображая то ли чайку, то ли морские волны. – Толян, ты такой бестолковый, что я тебе должен всё постоянно объяснять на пальцах! Ещё раз: мы с тобой едем на море! На четыре или пять дней! Потом папа с мамой привозят нас назад, к дедуле, и мы ещё отдыхаем у дедули до конца лета! Теперь понятно? – Серёга смотрел на Толика ликующим взглядом.

- Понятно... – Толик верил и не верил Серёге. – Но как ты смог?

- Всё потом расскажу! Дедуля был на моей стороне! Мы, как вернёмся назад, поможем дедуле сделать крышу для Машки. Бабуле я уже сказал, чтоб она тебя отпустила – чтоб разрешила тебе ехать на море... ну, ты рад? – Серёга, чувствуя, как его переполняет энергия, затряс Толика за плечи.

- Серый... – растерявшийся от такой неожиданной новости, Толик не знал, что сказать... рад ли он был? Ну, ещё бы! Просто всё это... всё это было так неожиданно, так неожиданно и так офигенно, что нужно было просто осознать то, что сказал Серёга, осмыслить, понять... лето ещё не заканчивалось – оно продолжалось! – Серый... – повторил Толик. – Ты супер!

- Я знаю, – отозвался Серёга. – У тебя паспорт с собой?

- С собой... в сумке лежит.

- Ну, всё нормально! Идём к бабуле – там тебя мама спросит, хочешь ли ты поехать... может, ещё о чем-нибудь спросит... ну, понятно! Потом мы съездим на остров... папа отдохнёт, и вечером мы – аля-улю! Завтра будем уже на море!

- А жить там где? – растерянно спросил Толик.

- Блин, ты совсем тупой? – рассмеялся Серёга; глаза у Серёги горели от счастья – от предвкушения моря, оттого, что они, он и Толян, будут вместе, оттого, что потом они вернутся назад, оттого, что жизнь прекрасна. – Это не наша проблема! В гостевом домике будем жить! Всё, Толян, идём к бабуле – мама нас ждёт!

Дальше всё было примерно так, как и предполагал Серёга. Ольга Владимировна спросила у Толика, хочет ли он поехать на море и есть ли у него, у Толика, с собой паспорт, – вопросы, конечно, были совершенно

риторические. Зинаида Ивановна была и рада за внука, и в то же время была в лёгком ахуе, – сама Зинаида Ивановна была на море всего один раз, было это давным-давно, она тогда ездила «по линии профсоюза». Конечно, Зинаида Ивановна ехать Толику разрешила – ни Серёга, ни Толик ни секунды не сомневались, что бабуля разрешит. Ольга Владимировна сказала, что они останутся в райцентре, где есть интернет и связь, и Толик обязательно позвонит домой – спросит ещё разрешение у мамы. А также она, Ольга Владимировна, позвонит Софье Моисеевне – предупредит, что их будет не трое, а четверо. «Думаю, что вопрос с еще одним спальным местом решаем, но в любом случае нужно будет предупредить», – сказала Ольга Владимировна. Зинаида Ивановна дала Ольге Владимировне деньги «на Толика» – и на проживание, и на разные развлечения. Еще Зинаида Ивановна дала деньги Толику «на карманные расходы»; Толик хотел отказаться, говоря, что деньги у него есть, что мама ему деньги давала, но Зинаида Ивановна сказала, что «то мама дала, а это бабушка даёт» и что «деньги лишними не бывают». Потом Ольга Владимировна осталась помогать Зинаиде Ивановне готовить обед и «узнавать разные кулинарные секреты», а Пётр Степанович, Серёгин отец, Серёга и Толик отправились на «место постоянной дислокации» – Серёга и Толик похвастались своими «мустангами», Пётр Степанович поменял простыни и наволочки на кроватях внуков, застелил чистую постель для Виктора и для Ольги, если она захочет отдохнуть, и Виктор остался отдыхать – спать после ночи, проведённой за рулём, а Серёга и Толик, оседлав «мустангов» и взяв с собой Пирата, рванули на остров.

- Чтоб к обеду были, как штыки! Без опозданий, – предупредил дедуля внуков

- Будем, дедуля! – весело отозвался Серёга. – Я по солнцу время определяю минута в минуту – я Толяну показывал, как это делать, но Толян всё равно на

всякий случай возьмёт телефон, потому что он мне не верит... возьми Толян, телефон! – распорядился Серёга; он, Серёга, снова был в своём репертуаре...

На остров они втроём – Толик, Серёга и Пират – переплыли без плота, по очереди держа Толиков телефон высоко над головой; Пират, оказавшись на острове, первым делом помчался обследовать кусты, чтоб узнать, был ли кто чужой на острове в их отсутствие. А Толик и Серёга сдёрнули с себя плавки, развесили плавки на кустах, чтобы плавки высохали, и – юные, голые, по-мальчишески голенастые, отлично сложенные, – посмотрели друг на друга.

- Толян, ты хочешь? – спросил Серёга и, не дожидаясь, что на это ответит Толик, тут же сказал о себе: – Толян, я хочу...

- Я тоже хочу... – отозвался Толик, сдвигая на своём члене крайнюю плоть – обнажая бледно-фиолетовую головку.

Члены у них у обоих ещё не стояли – после заплыва в холодной воде члены на солнце отогревались, ещё не были напряжены, но... много ли надо времени, чтоб всё пришло в боевую готовность? Когда четырнадцать лет, когда отличное настроение, когда есть тот, с кем можно окунуться в безоглядное наслаждение, когда лето, каникулы, голубое небо над головой и мир прекрасен... много ли надо времени, чтоб всё пришло в полную боевую готовность? Толик вскинул руки на плечи Серёги, привлёк Серёгу к себе, прижался губами к губам Серёги – не засосал Серёгу в губы, а просто прижался губами к губам... руки их заскользили по телам друг друга... не прошло и минуты, как члены уже стояли, наполненные щекотливой сладостью предвкушения...

- Толян, расстилай покрывало! Я смазку достану...

Тюбик со смазкой, тщательно завернутый в небольшой целлофановый пакет, был спрятан в траве под одним из кустов... когда всё было кончено и

мальчишки, сбросившие напряжение, опустошенные и удовлетворенные, вместе с Пиратом немного поплескавшись в воде, снова – лицом к лицу – улеглись на покрывале, Серёга, вставив полусогнутую в коленке ногу между ногами Толика, стал подробно рассказывать Толику, как он уламывал родителей и на какие жертвы он пошел, чтобы всё получилось в наилучшем виде.

- Прикинь, Толян, как дедуля мне помог! Говорит: «Вы обещали мне помочь крышу новую сделать, а теперь ты уедешь, Толик уедет, и никто мне не поможет...» Я, блин, сначала не понял! Не было ж ни разу такого разговора, чтоб мы обещали дедуле крышу делать! Говорю: «Какую крышу?» А дедуля мне говорит: «Девичья у тебя память, Серёга!» Говорит: «Для Машкиного дома, чтоб Машка зимой не замёрзла, кто обещал крышу сделать?» Тут я сделал вид, что я типа вспомнил, что мы обещали, и говорю папе: «Да, обещали, А если обещали, то нужно выполнять – не могу я, пообещав, уехать!»

- Молодец дедуля! – проговорил Толик. – Чётко придумал про крышу!

- Да! Ну, потом начался торг: если меня оставят у дедули, то что я должен сделать взамен... ну, я пообещал, что в следующем году я буду учиться без “троек” – ни одной “тройки” в следующем году ни в одной четверти у меня не будет...

- Серый, а ты сможешь учиться без “троек”? – спросил Толик, и по интонации его голоса можно было понять, что для Толика это не праздное любопытство – он, Толик, чувствовал себя с о п р и ч а с т н ы м к Серёгиным перипетиям

- А куда мне деваться? – усмехнулся Серёга. – Придётся стараться... я же папе дал слово, а папа – это не мама, с папой всё конкретно.

- Здесь самое главное – сразу нужно начинать учиться, с первого дня, не запускать, а потом незаметно втягиваешься, и, когда втянешься, уже не так трудно, – поделился своим опытом Толик.

Они ещё поговорили немного: Серёга рассказал, что теперь он не только будет хорошо учиться, но ещё и выносить мусор без напоминаний... но это, последнее, неточно, потому что мама – это не папа, с мамой можно и схалявить.

- А тебе что – трудно мусор из квартиры выносить? – спросил Толик.

- Да не трудно! – отозвался Серёга. – Но, блин... как будто мне больше думать не о чём! Могу иногда и забыть... – Серёга улыбнулся; Пират, откинув хвост, спал невдалеке... а может, и не спал он вовсе, а прикидывался спящим – притворялся, что спит. – Толян... – Серёга ощутил-почувствовал, как накатывает новый прилив возбуждения. – Мы когда купались после траха, ты писюн свой хорошо помыл?

- Хорошо, – отозвался Толик, глядя Серёге в глаза, и... то ли сам вопрос Серёгин, заданный явно не просто так, то ли интонация, с какой Серёга задал свой вопрос, то ли отличное настроение, то ли подростковая неуёмность, подростковая готовность к сексуальным эксцессам, а только Толик тоже почувствовал, как возникает новый прилив юного возбуждения.

- Я тоже помыл хорошо... – Серёга всем телом качнулся в сторону Толика. – Толян... давай пососём друг у друга! Хочешь?

- Хочу! Давай, – ответил Толик, ни секунды не раздумывая – сжимая в кулаке быстро твердеющий Серёгин член...

К обеду мальчишки успели тютелька в тютельку – они заехали сначала к бабуле, посадили на цепь Пирата, отца Серёгина в доме уже не было, дверь

была закрыта, и мальчишки – в предвкушении обеда – наперегонки помчались на «мустангах» к бабуле.

- Мам, видишь, какой бабуля борщ варит? Красный... одно объединение! – проговорил Серёга, работая ложкой.

- А это ничего, что борщ варила я? – улыбнулась Ольга Владимировна. – Правда, под руководством бабушки, но варила я, – не без гордости проговорила Ольга Владимировна.

- Вот! Теперь дома нужно только такой борщ варить! – отозвался Серёга. – Бабуля, ты нам в дорогу напеки пирожков побольше – и с капустой, и с повидлом!

- Серёжа! Как тебе не стыдно? Командуешь, что делать бабушке... – с лёгким укором в голосе произнесла Ольга Владимировна.

- Спеку, мой золотой, спеку обязательно! – лицо Зинаиды Ивановны озарилось счастливой улыбкой. – Ничего, Оля, стыдного здесь нет! Они растут, и аппетит хороший – это ж залог здоровья!

На второе были котлеты по-киевски, для чего Петр Степанович зарубил не одну курицу, а две – сочные нежные котлеты просто таяли во рту; ну, и пюре к котлетам, и салат... от чая все отказались – все пили холодный взвар.

- Ну, теперь я понимаю, почему они не хотят уезжать отсюда: утром сырники в сметане, в обед котлеты со сливочным маслом, – проговорил Виктор, когда обед был закончен.

После обеда Виктор и Ольга остались у бабули, а Серёга и Толик, взяв обед для Пирата, отправились собирать вещи в поездку, – обед у Пирата был тоже как бы немного праздничный: на обед Пирату тоже был борщ с хлебом, куриные косточки и кусочек котлеты по-киевски.

- Я думаю, вещи сложить можно в одну сумку – в твою или в мою, – предложил Серёга. – На фиг нам брать две сумки?

- Согласен, – согласился Толик.

В Серёгину сумку мальчишки аккуратно сложили свои вещи, которые им могут пригодиться на море, причем, у Толика вещей оказалось больше, чем у Серёги, потому что Толик всё-таки ехал к бабуле на более-менее продолжительный отдых, а у Серёги была надежда, что отец его привезёт в Сосновку, они повидают дедулю, и Серёга поедет назад, чтоб отправиться с родителями в Таиланд... такие были у Серёги мысли, и потому вещей у него было мало.

- Плавки для пляжа я там куплю, это не проблема... у тебя, Толян, плавки нормальные – ты можешь новые не покупать... шлепки мы тоже там купим... – Серёга вспоминал, что ему нужно было на море в прошлое лето. – Бейсболки, если надо будет, тоже там купим... ну, очки солнцезащитные тоже там купим, если потребуются... всё это мелочь!

- Ноутбук брать? – спросил Толик.

- На фиг он там будет нужен! А вот зарядные устройства для телефонов берём обязательно! Толян... – Серёга, блудливо прищурившись, посмотрел на Толика, – смазку будем брать?

- Зачем? – удивился Толик.

- Ну, мало ли... вдруг у тебя в одном месте засвербит, ты начнёшь ко мне задом пристраиваться, а смазки нет... и что мы тогда будем делать? Можно будет, конечно, там купить какой-нибудь крем типа от солнечных ожогов... ну, или наоборот: крем для загара... – Серёга сделал вид, что он думает.

- Придурок! – фыркнул Толик. – Если вдруг засвербит в одном месте у тебя, то четыре дня или пять ты потерпишь без моего вмешательства – не умрёшь без моей помощи... согласен со мной? – Толик, явно подражая Серёге, тоже сделал блудливое выражение лица.

- Ну, не знаю... как скажешь! – вздохнул Серёга с деланным сожалением. – Ты мой старший брат – тебе виднее...

- Вот именно! – согласился с Серёгой Толик. – И потому забудь об этом, пока мы будем с родителями!

- Толян... ну, вот как мне забыть, когда ты рядом? – вопросительно посмотрел на Толика Серёга.

- Серый... ты совсем дурак или только прикидываешься? – вопросительно посмотрел на Серёгу Толик, и они, глядя друг на друга, рассмеялись.

На ужин Зинаида Ивановна сжарила филе щуки, потушила филе в томате, сделала пюре, а в дорогу напекла два больших бумажных пакета пирожков – в одном пакете были пирожки с повидлом, в другом с тушеной капустой.

- Дедуля, не забывай Пирата кормить! – напомнил Серёга Петру Степановичу, и серебристый «Ниссан» с сидящими на заднем сиденье мальчишками, стронувшись с места, покатыл по улице.

В райцентре, пока отец Серёгин заправлял «Нисан», Ольга Владимировна сначала позвонила Софье Моисеевне – сказала, что обстоятельства изменились и что их будет не трое, а четверо: «Да, еще один мальчик... нет, не маленький – ровесник Серёжи... да, ещё одно спальное место... конечно, диван-кровать вполне подойдёт... да-да, оплата будет не за троих, а за четверых – двое взрослых, двое мальчиков-подростков... спасибо, Софья Моисеевна... да, мы уже выехали – завтра будем у вас... спасибо, Софья

Моисеевна!» Потом Толик позвонил домой – сказал, что едет на море: «С Серёгиными родителями – с его папой и мамой... на четыре дня... на «Нисане»... бабушка отпустила... мы в райцентре сейчас – заправляемся...я сейчас дам телефон тётъ Оле, Серёгиной маме... да, даю телефон». «Как маму зовут?» – вполголоса спросила Ольга Владимировна, беря у Толика телефон. «Татьяна Григорьевна», – быстро ответил Толик, и Ольга Владимировна поговорила с мамой Толика: «Да, мы сами не думали... мы планировать Серёжу забрать – приехали за ним, а на месте планы поменялись... да, конечно, потом привозим их снова назад, к бабушке и дедушке... за деньги не беспокойтесь – Зинаида Ивановна проспонсировала Толю... да-да, за это не переживайте... и питание, и проживание – всё, как положено... в гостевом доме... да, это частная гостиница, мы там уже несколько раз останавливались... конечно, они будут вместе... да, хорошо... хорошо, я проконтролирую, чтоб Толя звонил... да, конечно... завтра в первой половине дня... запланировали на пять дней, а там посмотрим, как получится... да, обязательно будет звонить... да-да, хорошо... не переживайте... всего доброго, передаю телефон Толе... – Ольга Владимировна протянула телефон Толику. – Мама что-то хочет тебе ещё сказать...» Мама Толика начала говорить, чтоб Толик вёл себя хорошо, чтоб в море Толик далеко не заплывал, чтоб на солнце не перегревался, но Толику слушать всё это было совершенно неинтересно, и он сказал: «Ма, я всё понял! Дядь Витя уже заправил «Ниссан» – мы уже едем. Всё, мам, всё! Завтра, как приедем, я позвоню!».

Мальчишки спали всю ночь, точнее, во второй половине ночи они просыпались – и все вместе, включая Ольгу и Виктора, на ходу подкрепились бабулиными пирожкам; пирожков было много, но и аппетит был хороший – все пирожки были съедены за раз; Серега вложил пакет в пакет, смял и, приоткрыв окно, выбросил пакеты на дорогу. Виктор притормозил на

обочине – остановил «Ниссан», оглянулся на Серёгу: «Пойди подбери мусор». «Ну, пап... темно же! Нет никого на трассе – никто не видел», – хотел воспротивиться Серёга, но Виктор сказал: «Сергей!» – и Серёга, не приводя никаких аргументов в свою пользу, молча открыв дверь, выскользнул из «Ниссана» в темноту, – через минуту Серёга вернулся со смятым пакетом в руках. «Вот! – сказал Серёга с недовольным видом. – Еле нашёл!». «Брось под ноги. Потом выбросим где-нибудь, как делают нормальные люди, а не засранцы», – спокойно отозвался Виктор, и «Ниссан» рванул по пустынной трассе дальше, а Серёга толкнул локтём Толика в бок, чтоб Толян обратил внимание на то, как ему, Серёге, трудно с родителями.

Утром Толик проснулся первым – он открыл глаза, посмотрел в окно, и – офигел: за окном было море! Не прямо за окном, а чуть вдалеке, но оно было видно всё-всё, от края до края, и это было самое настоящее море – огромное, живое, серебрящееся в лучах утреннего солнца... это было то море, о котором Толик читал и которое он видел в фильмах про всякие кругосветные путешествия, – какое-то время, затаив дыхание, Толик, как замороженный, смотрел в окно, потом, оглянувшись на спящего Серёгу, толкнул Серёгу локтём в бок:

- Серый, просыпайся! Мы приехали...

- Еще не приехали, но скоро приедем, – проговорил Виктор, внимательно глядя на дорогу; теперь трасса шла вдоль берега, и машин на трассе было много. – Где-то через час примерно будем на месте...

Серёга, открыв глаза, подался в сторону Толика, чтоб тоже увидеть море... он, Серёга, был на море уже «сто раз», и по этой трассе они проезжали и в прошлом году, и в позапрошлом году, но всё равно... чуть навалившись на Толика сбоку, Серёга тоже смотрел в окно, затаив дыхание... море дугой выгибалось, горбилось у горизонта...

- Толя, ты первый раз на море? – оглянувшись назад, Ольга Владимировна с улыбкой посмотрела на мальчишек.

- Первый, – отозвался Серёга.

- Первый, – подтвердил Толик, незаметно толкнув Серёгу локтём в бок, чтобы «младший брат» за него не отвечал.

Софья Моисеевна встретила приехавших, как всегда, радушно; она же, Софья Моисеевна, забронировала место для «Ниссана» на платной стоянке, которая была в трёх минутах ходьбы от гостевого дома, – море было рядом, стоянка была рядом – всё было очень удобно! В одной комнате стояла кровать king-size, в другой комнате стояла обычная кровать, на которой в прошлом году спал Серёга, когда был с родителями один, но теперь в этой «Серёгиной» комнате была ещё одна кровать, точнее, диван-кровать – для Толика; в их двухкомнатном номере ещё был санузел с душем и был небольшой холодильник, а также была необходимая мебель; на широкой террасе, откуда был вход во все четыре номера, был ещё один холодильник, большой, общий для всех гостей, была микроволновая печь, стоял большой стол и было несколько стульев; с террасы был виден кусочек моря... всё было удобно и вполне комфортно.

- Mam, мы сходим на пляж – мне надо плавки купить. И еще нам надо шлёпки купить и бейсболки, – сказал Серёга. – Можно? Я знаю здесь всё – помню дорогу на пляж.

- Только недолго, – разрешила Ольга Владимировна. – Сейчас папа поставит машину, и мы пойдём завтракать... чтоб мы вас не ждали! Толя, позвони маме! Она волнуется, – напомнила Ольга Владимировна Толику.

- Хорошо, – отозвался Толик, напрочь забыв, что он обещал по приезду на море сразу позвонить домой.

Был разгар лета, и на пляже было уже полно людей – в шортах, в плавках, в купальниках... люди стояли, лежали, дефилировали по набережной, и хотя людей было много, но каждый при этом был как бы отдельно, автономно, – Толику показалось в первые минуты, что он словно обезличился, стал безымянной частью этой человеческой биомассы, а Серёга, житель громадного мегаполиса, сразу почувствовал себя как рыба в воде.

- Толян, нам сюда, – показал Серёга на один из бутиков, выстроившихся в ряд под самыми разными вывесками; в бутике Серёга придирчиво выбрал себе плавки, там же они купили легкие, с двумя пряжками, сандалии для пляжа, купили одинаковые бейсболки и ещё купили солнцезащитные очки. На обратном пути Серёга напомнил Толику, что ему, Толику, надо позвонить домой, и Толик, не перечая Серёге, сразу позвонил – сказал маме, что они приехали, что уже разместились, что сейчас пойдут завтракать, что всё, всё-всё прекрасно.

По возвращению Серёга первым делом примерил плавки – плавки на Серёге смотрелись идеально, подчеркивая стройность его мальчишеской фигуры.

- Блин, надо было мне тоже такие купить, – сказал Толик, и Серёга тут же предложил Толику плавки примерить; Толик примерил – плавки на Толике тоже смотрелись идеально.

- Толян, ты просто красавчик в этих плавках! – оценил Серёга. – Попка как персик... здесь не давит? – Серёга, изобразив на лице деловитую озабоченность, протянул руку, чтоб пощупать выпирающий под плоским животом округлый бугорок, но Толик, быстро вильнув бёдрами – ускользая от тянущейся Серёгиной руки, тихо рассмеялся:

- Серый, не лезь... мы не дома!

- Блин, какой ты развратный! Я только хотел посмотреть, жмут тебе плавки или нет... а ты, блин, о чём подумал? – Серёга, сделав выпад вперёд, снова попытался схватить Толика за аппетитно выпирающий бугорок, и снова Толик успел увернуться, глядя на Серёгу смеющимися глазами.

- Какой недотрога... – пробурчал Серёга, изобразив на лице досаду. – Снимай мои плавки, развратник!

- Серый, я тоже хочу такие! – проговорил Толик, быстро снимая плавки.

- Если хочешь, пойдём тебе тоже купим такие, – не задумываясь, предложил Серёга, скользнув по голому Толику взглядом. – Толян...

- Именно такие! – уточник Толик, вслед за трусами так же быстро надевая шорты. – Как твои...

- Понятно, что как мои! – Серёга, улыбаясь, подмигнул Толику; он свернул плавки, секунду подумал и положил плавки на кровать Толика. – Эти плавки будут твои – это, Толян, тебе мой подарок! Сейчас купим точно такие же, как твои, и это будет твой подарок мне. Согласен?

- Подожди, Серый! А если точно таких же плавков там больше нет? – Толик слегка растерялся от такого Серёгиного решения.

- Есть! – весело отозвался Серёга и оказался прав; через несколько минут Толик в том же самом бутике купил точно такие плавки – для Серёги... много ли надо для того, чтобы чувствовать себя счастливым в четырнадцать лет?

Вчетвером они позавтракали в небольшом кафе неподалёку от своего гостевого дома. За завтраком Ольга Владимировна наметила, точнее, обговорила с мальчишками примерный план пребывания на море; решили, что море будет после обеда, а до обеда у них будет так называемая

«культурная программа», – Серёга в предыдущие приезды был практически везде, а Толик не был нигде, времени у них было совсем немного, всего пять дней, потому Ольга Владимировна предлагала – в основном, Толику – что можно посмотреть самое-самое интересное; Серёга подсказывал, что самое интересное; Толик, оказавшийся здесь впервые и потому ничего не знавший, иногда что-то спрашивал, уточнял, но по большей части молча улыбался, кивал головой, соглашаясь и с Ольгой Владимировной, и с Серёгой; Виктор в планировании «культурного досуга» не участвовал, сказав, что он уже всё видел-перевидел и что он будет просто загорать на пляже.

И полетело, помчалось счастливое время! В день приезда – на настоянию Серёги – никаких «культурных мероприятий» не было: Виктор сказал, что будет отдыхать после бессонной ночи в номере, Ольга Владимировна отправилась с мальчишками на пляж, и целый день... целый день – с перерывом на обед в кафе – Серёга и Толик провели на пляже, но не лежали и не загорали, а весь день купались, ели в кафе мороженое, катались на водных горках, снова купались, вместе с Ольгой Владимировной катались на банане, дефилировали по набережной, бесцельно заходя в разные бутили, чтоб узнать, что интересное там продаётся, и снова купались, снова ели мороженое... одного роста, одного телосложения, Серёга и Толик в одинаковых плавках были похожи на братьев, – Толик быстро освоился в новой обстановке и, как и Серёга, благодаря Серёге чувствовал себя в этой новой обстановке тоже как рыба в воде... ужинали в кафе на берегу моря – Ольга и Виктор пили лёгкое вино, Серёга и Толик пили соки, гремела музыка, заглушая шум моря, невидимого в темноте, люди рядом танцевали, смеялись... это был настоящий праздник жизни! Уснули мальчишки, едва их головы прикоснулись к подушкам.

Следующие два дня были такими же насыщенными и интересными: до обеда Серёга и Толик с Ольгой Владимировной совершали экскурсии по разным

местам, смотрели разным достопримечательности, везде фотографировались на телефоны, а после обеда вчетвером шли на море... родители Серёгины – вопреки жалобам Серёги на то, что родители не дают ему, Серёге, жить постоянными придирками – оказались классными, совершенно ненапряжными, они не делали ни малейшей разницы между Серёгой и Толиком, так что Толику казалось, что он знает Серёгиных родителей уже сто лет, – ему, Толику, и с мамой Серёгиной, и с папой было не просто комфортно, а было классно!

На третий день они ужинать в кафе не пошли. У Ольги Владимировны в городе жила близкая подруга, и когда Ольга и Виктор приезжали на море, они всегда у этой подруги были в гостях; в прошлом году они брали Серёгу с собой, но квартира была небольшая, Серёга скучал, пока взрослые сидели за столом, а в этом году Серёга был не один, был с Толиком, и Ольга Владимировна оставила мальчишек в гостем доме, приказав никуда не выходить вечером за территорию гостевого дома; Софья Моисеевна для своих постояльцев готовила под заказ завтраки или ужины, это была отдельная плата, но это было удобно, и многие из тех, кто останавливался у Софьи Моисеевны, такой услугой пользовались, – Ольга Владимировна заказала ужин для мальчишек, ещё раз предупредила Серёгу и Толика, чтоб они в вечернее время не вздумали самостоятельно где-то гулять.

- Сергей, ты хорошо понял, о чём мама говорит? – уточнил Виктор.

- Понял я, всё понял! – отозвался Серёга. – Хорошо понял! Никуда мы не пойдём!

- Ужин готов будет через час. Спуститесь – спросите у Софьи Моисеевны, готово или нет. Или будете сидеть на террасе в телефонах – она вас пригласит. Если сильно проголодаетесь, в холодильнике в нашем номере есть сыр, есть паштеты для бутербродов, есть батон... тостер и чайник или на

террасе, или внизу, ты, Серёжа, с прошлого года знаешь – сделаете себе гренки... – Ольга Владимировна инструктировала Серёгу на тот случай, если они, мальчишки, проголодаются.

- Мам, мы всё уже поняли! Всё-всё поняли! Никуда не пойдём! С голода не умрём! – Серега не мог дождаться, когда родители уедут; наконец, подъехало заказанное такси, и родители отправились в гости.

- Толян, пойдём... – нетерпеливо проговорил Серёга, глядя на Толика вмиг изменившимся – о с о б е н н ы м – и взглядом. – Пойдем...

- Забудь, – отозвался Толик; он мгновенно понял, з а ч е м Серёга зовёт в номер – что у него, у Серёги, на уме.

- О чём? – Серёга изобразил на лице недоумение. – Толян, ты про что?

- Про это самое! – улыбнулся Толик, глядя на Серёгу. – Родители могут вернуться или ещё что-то... короче, Серый, забудь!

- Про это самое? – недоумение на лице Серёги сменилось хорошо знакомым блудливым выражением. – Да я, блин, про это самое вообще не думал! А ты мне сейчас напомнил... какой ты, Толян, развратный! Постоянно меня домогаешься – и на словах, и физически... пойдём, если хочешь!

- Сам ты хочешь, – Толик смотрел на Серёгу, улыбаясь; они стояли на террасе, говорили вполголоса, практически шепотом – в соседних номерах тоже кто-то жил и мог подслушивать... это на острове они были одни, и там только один Пират их мог слышать, а здесь... фиг его знает, как здесь устроена жизнь!

- Развратник ты, Толян, еще тот... – прошептал Серёга – Да, я не хотел, а сейчас, когда ты мне напомнил, я захотел... у меня уже встаёт – пойдём!

- Иди подрочи, если сильно хочешь, – Толик проговорил это так, как будто Серёга был несмышлёнышем и он, Толик, давал Серёге совет как старший брат младшему. – Сбрось напряжение, и будет тебе счастье...

- Ты совсем дурак? Или как? – Серёга изобразил на лице недоумение. – Мы с тобой вместе, ситуация подходящая, а я буду, как одинокий лох, передёргивать себе сам... не ожидал я от тебя такого глупого совета! – Серёга укоризненно покачал головой. – Пойдём...

- Серый, блин... а родители если вернуться? – отозвался Толик; он почувствовал, как у него тоже встаёт, сладко напрягается в плавках член.

- Не вернуться! – живо отозвался Серёга. – Они поздно вернуться, я знаю! Пойдём, и будет тебе счастье... я же, Толян, о тебе беспокоюсь! Или я сейчас расскажу Софье Моисеевне, что ты импотент... такой молодой, а уже импотент!

- Придурок! – тихо засмеялся Толик; он сунул руку в шорты – с силой, с наслаждением прижал стояк к ноге, чтобы скрыть эрекцию.

Из небольшого одноэтажного домика вышла Софья Моисеевна; в домик вели две двери – за одной дверью была квартира Софьи Моисеевны, в которой она жила, а другая дверь вела на кухню, – Софья Моисеевна, пожилая гречанка, радушная и доброжелательная, с черными усиками, которые нисколько её не портили, вышла из той двери, где была кухня; она увидела мальчишек на террасе второго этажа, улыбнулась мальчишкам, – Серёгу Софья Моисеевна знала хорошо, в прошлом году Серёга по вечерам от нечего делать пару раз играл с Софьей Моисеевной в карты, она поддавалась Серёге, Серёга радовался, что он раз за разом выигрывает, а Софья Моисеевна, незаметно подмигивая Ольге Владимировне, говорила: «Опять Серёжа у меня выиграл... что за невезение мне такое?»

- Мальчики, ужин я готовлю – через час будете ужинать... подождёте? – с улыбкой проговорила-пропела Софья Моисеевна, глядя на мальчишек снизу вверх.

- Конечно, подождём! – весело отозвался Серёга. – Мы пока есть не хотим – вы не торопитесь! – и так же весело, умышленно громко, чтоб слышала Софья Моисеевна, добавил: – Мы, Софья Моисеевна, пошли ждать – полежим пока, отдохнём... пойдём, Толян! – Серёга дёрнул Толика за руку.

В комнате, закрыв дверь на замок, Серёга порывисто прижал Толика к себе, крепко стиснул Толика, вдавил податливо послушное тело Толика в тело своё... все три дня пребывания на море они оба действительно ни разу не вспомнили о сексе: до обеда были экскурсии по городу, потом море, солнце, обилие людей на пляже, обилие впечатлений – после ужина в кафе мальчишки буквально валились с ног, засыпали мгновенно, так что было не до секса... но ведь желание секса никуда не девается, не испаряется – оно может лишь на какое-то время отступить под давлением каких-либо внешних обстоятельств, может на время словно затаиться, чтоб потом вспыхнуть с новой силой, – руки мальчишек тискали, ласкали друг другу упругие попы, пальцы через шорты щупали друг у друга напряженные стояки, губы были в засосе... о, какое это было наслаждение!

- Серый... а если родители вернуться? – прошептал Толик, когда Серёга оторвался от его губ, чтоб передохнуть.

- Не вернуться, – горячие влажные губы Серёги скользнули по нежной, чуть солоноватой коже Толиковой шеи, и Толик, содрогнувшись от удовольствия, в то же мгновения отклонился от Серёги в сторону, чтоб Серёга ненароком не оставил засосы.

- Пойдём в нашу комнату... – прошептал Серёга, и не прошептал даже, а горячо, прерывисто выдохнул – голос Серёгин вибрировал от возбуждения.

Он потянул Толика в другую комнату, где были их кровати и где они спали, но до кроватей они не дошли: на середине комнаты Серёга снова прижал Толика к себе, снова стиснул, с силой вдавившись через шорты напряженным членом в напряженный член Толика; ладонью одной руки лаская упруго-мягкие Серёгины булочки, другой рукой удерживая Серёгин затылок, Толик жадно, нетерпеливо засосал Серёгу в губы – засосал жарко, страстно, но поцелуй этот длился недолго: Серёга, освободив свой рот от губ Толика, неожиданно опустился перед Толиком на корточки, потянул с Толика шорты и трусы вниз, – напряженный член Толика, пламенея обнаженной, от избытка возбуждения влажной головкой, дёрнулся вверх... крупный четырнадцатисантиметровый член Толика, негибаемо крепкий, сочно залупившийся, чуть подрагивающий от напряжения, был перед Серёгиными глазами... ни секунды не раздумывая, обхватив ладонями упругие булочки Толиковой попы, Серёга медленно провёл языком по натянутой уздечке...

- Кайфово? – Серёга посмотрел на Толика снизу вверх; Толик стоял перед Серёгой со спущенными шортами, смотрел на Серёгу сверху вниз.

- Да, – выдохнул Толик. – Серый, возьми...

В голосе Толика было юное, напористое нетерпение; но и Серёгин вопрос, и просьба Толика – всё это было ненужно, потому что без слов было всё понятно, и всё равно слова были нужны – они подталкивали, подстёгивали, дополняли наслаждение. Серёга, ещё раз и другой скользнув языком по натянутой уздечке Толикова члена, округлил рот, и губы его, влажные, горячие, заскользили по пламенеющей сочной головке, – Серёга, сидя перед Толиком на корточках, ритмично задвигал головой... продолжая придерживать одной рукой Толика за ягодицу, Серёга кисть другой руки

протиснул под мошонкой между ногами стоящего Толика, – чтоб Серёге было удобнее, Толик чуть раздвинул ноги, и подушечка указательного пальца коснулась туго стиснутого ануса – Серёга, по себе зная, что там, в мышцах сфинктера, находится самая эрогенная зона, легонько пошевелил пальцем, продолжая скользить мокрыми, жарко обжимающими губами вдоль горячего Толикова ствола... но наслаждение это – взаимное наслаждение! – длилось недолго: Толик почувствовал, как сладко-сладко кольнуло где-то в глубине попы и, не желая так быстро кончать, упреждая оргазм, рывком вырвал мокро блестящий член из Серёгиного рта.

- Серый, подожди, – выдохнул Толик; взгляд его на какой-то миг сделался сосредоточенным, направленным куда-то внутрь себя, словно он, Толик, изо всех сил пытался вдавить п р е д о щ у щ е н и е оргазма назад, вглубь, и... у Толика это получилось – оргазм, пока не нужный, не случился, отступил. – Серый, давай теперь я... – прошептал Толик.

Они поменялись местами: Серёга, вытирая губы тыльной стороной ладони, пружинисто выпрямился, а Толик, наоборот, сел перед Серёгой на корточки, точно также потянув шорты Серёгины вниз – теперь перед лицом Толика был член Серёгин, такой же негибаемый, четырнадцатисантиметровый, пламенно залупившийся... Толик убрал с головки прилипшую волосинку, оттянул член от плоского живота, чтоб удобнее было сосать, и плавно, медленно скользнул губами вдоль ствола, одной рукой точно также придерживая Серёгу за упругую булочку, а кисть другой руки втискивая Серёге между ног, чтоб коснуться пальцем очка – чтобы сделать Серёге максимально приятно... он, Серёга, так же, как Толик, не дал случиться оргазму, и они, на ходу освобождаясь от шорт и трусов, переместились на Серёгину кровать.

Теперь они были в постели – как дома; впрочем, никакой разницы для мальчишек не было, где наслаждаться – в доме у дедули, или на острове, или здесь, в номере гостевого дома, – голый Толик подмял голого Серёгу под себя, с наслаждением вдавился напряженным членом в Серёгин пах, одновременно чувствуя пахом своим напряженный член Серёги, и губы их снова слились в засосе...

- Говорил я тебе, что смазку надо взять, – как бы с укором проговорил Серёга; теперь он лежал на Толике, сладко вдавливаясь в Толика, лежавшего под ним, под Серёгой, с раздвинутыми ногами.

- И так хорошо... – отозвался Толик, скользя ладонями по Серёгиной спине, по пояснице, вдавливая ладони в упругие булочки.

- А было б ещё лучше! Ты, Толян, такой непослушный... никогда не слушаешь умного брата! – улыбнулся Серёга.

- Давай... потом я тебя... – проговорил Толик в ответ...

Когда всё было кончено, мальчишки по очереди, деловито и быстро смыли с себя под душем сперму, снова надели шорты... словно ничего и не было.

- Пойдём, Толян, на террасу – час, наверное, уже прошел, – проговорил Серёга, направляясь к выходу. – Ты есть хочешь?

- Хочу, – отозвался Толик.

- Я тоже хочу, – сказал Серёга, отмыкая дверь.

Они вышли на террасу. На улице было уже темно. И на самой террасе и внизу, перед домиком, где был вход на кухню, горел электрический свет – там стоял стол, где можно было позавтракать или поужинать в том случае, если завтраки-ужины заказывались хозяйке гостевого дома; впрочем,

поужинать или позавтракать можно было на террасе, где тоже был стол и несколько стульев.

- Мальчики, а я хотела уже подниматься – хотела вам постучать... ужин готов, спускайтесь! – пропела-проговорила Софья Моисеевна, увидев вышедших из номера мальчишек.

- А мы как чувствовали, Софья Моисеевна, что всё готово! – Серёга, а вслед за ним и Толик запрыгали по ступенькам вниз. – Уснули мы, и вдруг снится мне, как вы говорите: «Мальчики, ужин готов!» – и такой у вас ласковый голос... как у мамы, когда она не ругает меня за “двойки”...

- Это что ж получается? – то ли удивилась Софья Моисеевна, то ли она сделала вид, что удивилась. – Ты, Серёжа, “двойки” получаешь?

- Ну, иногда бывает, – вздохнул Серёга и тут же весело улыбнулся Софье Моисеевне. – Я предлагаю: не будем о грустном – давайте о приятном, о еде! Значит, Софья Моисеевна, слышу я во сне ваш голос... ну, я вскочил, Толяна растолкал, говорю: «Хватит спать! Софья Моисеевна ужин уже приготовила!». Толян с спросонья ничего не поймёт... он подумал, что это мы спали ночью и что я бужу его утром... подтверди, Толян!

- Подтверждаю! – улыбнулся Толик; Серёга врал легко, вдохновенно, убедительно... что врать, что дышать – для Серёги, когда у него было хорошее настроение, было одинаково естественно, а настроение у Серёги, как правило, хорошее было всегда; да и не враньё это было, а сочинительство, полёт фантазии, художественный вымысел, не преследующий никаких корыстных целей... просто такой у него, у Серёги, был весёлый нрав.

- Попробовал бы ты не подтвердить! – Серёга грозно посмотрел на Толика. – Так вот, Софья Моисеевна, проснулся я, Толяна растолкал, руки мы быстро

помыли – и вот мы здесь, готовы к приему пищи, как говорит наш дедуля. Садись, Толян, за стол! – Мальчишки уселись за стол. – Вот я теперь и думаю: это был вещий сон или пророческий? Или обычная научная телепатия? Или что? Ваше мнение, Софья Моисеевна?

- Это вы кушать захотели, – рассмеялась Софья Моисеевна; Серёга с родителями останавливался у неё, у Софьи Моисеевны, уже четвёртый раз, Серёга был не хулиганистым, всегда был улыбчивым, уважительным, в прошлом году они, Софья Моисеевна и Серёжа, несколько раз играли в карты, и Софья Моисеевна относилась к Серёге как к родному; и второй мальчик, приехавший в этом году, тоже был уважительным, вежливым, при этом он, этот второй мальчик, был серьезнее Серёжи, рассудительнее – Толик тоже понравился Софье Моисеевне.

После ужина мальчишки устроились на террасе – занялись пополнением своих аккаунтов новыми классными фотками, сделанными за день во время экскурсий и на пляже.

- Толян, посмотри... ты здесь выглядишь, как придурок: рот открыл, что-то кричишь... – Серёга, протянув руку, показал Толику дисплей своего телефона. – Я эту фотку не буду выставлять в своей ленте... а то кто-нибудь в комментариях обязательно спросит, почему я размещаю в своей ленте всяких сумасшедших... согласен со мной?

- Нормальная фотография, – отозвался Толик, посмотрев на дисплей Серёгиного телефона. – Во-первых, ты сам придурок, а во-вторых, только придурки могут написать такой коммент... а вот, Серый, ты... просто удивительно, но ты, малолетний мой брат-придурок, получился классно! – Толик, засмеявшись, показал Серёге дисплей своего телефона; на фотографии Серёга стоят у самой кромки моря, за плечами его было

уходящее за горизонт море, белый пароход на горизонте и летящая – широко распахнувшая крылья – чайка.

- Да, классная фотка, – согласился Серёга. – Толян, перебрось эту фотку мне, я размещу её в своей ленте.

- Я сам размещу её в своей ленте, а ты сделаешь репост, – отозвался Толик.

- Ну, хорошо, – согласился с Толиком Серёга; какое-то время они молчали, уткнувшись в свои телефоны – выбирая фотографии для добавления в свои ленты.

- Толян, ты звонил сегодня домой? – спросил Серёга, вопросительно посмотрев на Толика, сидящего по другую сторону стола; Серёгина мама каждый вечер напоминала Толику, чтоб он позвонил домой, но теперь её не было, и напомнил Серёга.

- Днём звонил, после обеда, – отозвался Толик.

- Блин, днём он звонил! – изобразил возмущение на лице Серёга. – А сейчас вечер уже... иди позвони сейчас – твоя мама уже волнуется!

- Какой ты, Серый, неугомонный! – рассмеялся Толик. – Ты сам домой не звонил ни разу, когда мы были в Сосновке...

- Правильно, – кивнул головой Серёга. – А как бы я мог звонить, если в Сосновке нет ни интернета, ни связи?

- А когда мы были в райцентре и дедуля тебе напоминал – дедуля тебе говорил, что надо домой позвонить, ты звонил?

- Толян... ты много говоришь не по существу, – Серёга придал своему голосу менторскую строгость. – Иди в комнату и позвони домой... и не спорь со

мною – не оговаривайся со своим братом, который о тебе, бестолковым, из всех сил беспокоится... иди звони!

- Я могу и здесь позвонить, – сказал Толик, выходя из своего аккаунта в соцсети. – У меня от тебя секретов нет, хоть ты и придурок, – Толик, глядя на Серёгу смеющимися глазами, дурачась, показал Серёге язык.

- У меня от тебя тоже никаких секретов нет, хоть ты и придурок, – Серёга в ответ показал язык Толику. – Но всё равно я буду чувствовать себя неудобно... как будто я не твой младший брат, а какой-то шпион, который подслушивает... иди, Толян, в комнату!

- Вот же ты любишь командовать! Какой, блин, деликатный – подслушивать он не хочет... офигеть! – Толик, глядя на Серёгу, тихо рассмеялся.

- Я о тебе беспокоюсь – хмыкнул Серёга. – Ты обещал каждый вечер домой звонить? Обещал! Завтра мама моя спросит, звонил ты вечером или нет, и что ты будешь говорить в ответ? Что позвонить домой тебе было некогда? А чем же ты занимался? Меня растлевал и насиловал? Так увлёкся этим волнующим тебя процессом, что даже домой позвонить забыл? – Серёга говорил хоть тихо, но говорил напористо, с такой интонацией, с какой нерадивых школьников отсчитывают учителя. – Иди, Толян, позвони!

- Вот же, блин! Так говоришь, что можно поверить... – улыбнулся Толик. – Ладно, Серый, посиди пару минут без меня – я быстро... – пружинистым рывком встав со стула, Толик скрылся в номере.

Звонки домой у Толика были ежедневные, и дело было не в содержании разговора с мамой по телефону, а в самом факте звонка – разговоры были короткие, неотличимые друг от друга: «Мам, привет! У меня всё отлично! Да, купаемся, загораем... нормально питаюсь... фотки новые посмотри в моей ленте... всё, мам, пока! Завтра позвоню!» – по голосу сына Татьяна

Григорьевны безошибочно определяла, что Толику хорошо, что Толик счастлив, и... конечно, ей хотелось всё-всё расспросить подробно, что и как, хотелось поговорить с Толиком, но... о чём говорить, если всё прекрасно? – думал четырнадцатилетний Толик, и, таким образом, весь разговор укладывался в три-четыре минуты.

Серёга, едва Толик скрылся в номере, незаметно сжал, стиснул пальцами через шорты вновь отвердевший, сладко напрягшийся член, – ему, Серёге, хотелось ещё... казалось бы, только час-полтора тому назад он, Серёга, кончил, обильно спустил, разрядился, содрогаясь от наслаждения, но то ли потому, что в предыдущие три дня никакого секса у Серёги не было и одного раза для полной разрядки оказалось недостаточно, то ли причина была в банальной, совершенно естественной подростковой гиперсексуальности, то ли всё дело было в том, что Толик... что Толян был такой классный, такой офигенный и желанный, а только Серёга неспроста настаивал, чтобы Толик шел звонить в номер, – желание у Серёги вспыхнуло вновь, и нужно было пользоваться моментом, пока нет родителей; Серёга нетерпеливо стиснул пальцами сладко зудящий стояк: нужно было просто выждать две-три минуты, пока Толик позвонит домой, потом идти в номер, чтоб ещё раз... он, Серёга, отлично знал, что Толик по телефону долго не разговаривает.

Софья Моисеевна, сидевшая в старом кресле рядом с распахнутой дверью, ведущей в то помещение, где была кухня и прачечная, видела, как мальчишки – мальчики, как она ласково называла Серёгу и Толика – сидели на террасе, уткнувшись в телефоны, как один пошел в номер, как, спустя пару минут, в номер пошел другой, – Софья Моисеевна, видя, как с террасы ушел в номер сначала Толик, потом, через пару минут, ушел Серёга, подумала, что у м а л ь ч и к о в, быть может, не просто дружба, а что-то большее... хорошо, если это что-то большее – просто шалость мальчишеская, которая с возрастом пройдет... а если не пройдет? Жизнь такая сложная... и

сложная, и непредсказуемая, – кто знает в начале, что будет потом? Софья Моисеевна, полная пожилая гречанка, радушная и доброжелательная, с черными усиками, которые нисколько её не портили, вздохнула, подумав о своём племяннике – о Константиносе...

[ВРЕЗКА: НЕБОЛЬШОЕ ПОЯСНЕНИЕ, или Чужая история, не имеющая никакого отношения к Серёге и Толику, которые во время летних каникул приехали с родителями Серёги на море и где у них, обычных мальчишек, было пять беззаботно счастливых дней*]

Константинос – так было записано и в свидетельстве о рождении, и в паспорте, а в реальности все звали Константиноса просто Константином, или Костей, или Костиком, – мальчику было семь лет, когда его родители погибли в автокатастрофе и его, ставшего в один миг сиротой, усыновила родная тётя – София Моисеевна, – никаких других родственников у маленького Константиноса просто не было, была только тётя, ставшая для него второй матерью; мальчишка был симпатичный, ласковый, любознательный – Софья Моисеевна окружила его любовью и материнской заботой, Софья Моисеевна в нём души не чаяла, и наступил тот день, когда, чуть смущаясь, не зная, правильно это или неправильно, он спросил, можно ли ему, Косте, называть тётю Соню мамой, – родителей было не вернуть, жизнь продолжалась, и Софья Моисеевна со слезами на глазах обняла мальчишку, которому на тот момент было уже десять лет и который хотел, чтоб у него была м а м а...

Константин хорошо учился, ходил в музыкальную школу, рос веселым и общительным, у него были друзья, и вообще он ничем не отличался от других

* ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Эту историю, случившуюся за год до рождения Серёги и Толика и не имеющую к главным героям ни малейшего отношения, автор рекомендует пропустить тем, кто любит легкие для восприятия клипы, и вот почему: история изложена в виде больших абзацев, диалоги, которые призваны облегчать чтение, «спрятаны» внутри абзацев, в тексте присутствуют не блещущие оригинальностью рассуждения... всё это, вместе взятое, вряд ли может способствовать быстрому и лёгкому чтению, а потому эту чужую историю торопящийся читатель, жаждущий простоты, может спокойно пропустить.

мальчишек... лишь иногда Софья Моисеевна замечала, что он словно уходит в себя, в какой-то свой, невидимый для окружающих мир – словно о чём-то он сосредоточенно думает, хочет что-то понять в этом мире, но у мальчика начинался подростковый возраст, и Софья Моисеевна, подмечая всё это, не придавала этому большого значения, списывая изменения, происходящие с Костей, на подростковый возраст; у Софьи Моисеевны были доверительные отношения с сыном, но даже самые доверительные отношения не отменяют какую-то сугубо личную территорию, которая может быть у каждого человека, тем более, когда человек этот находится в подростковом возрасте, – Софья Моисеевна считала, что уважать право сына на собственную территорию, не покушаться на эту территорию – это и есть залог настоящих доверительных отношений; однажды, когда Косте было тринадцать лет, Софья Моисеевна стала невольной свидетельницей его взросления: она пришла с работы чуть раньше обычного, в квартире играла музыка, дверь в комнату Костика была приоткрыта, Софья Моисеевна сняла пальто, переобулась и направилась к сыну, чтоб спросить у него, что приготовить на ужин, но... не войдя в комнату, она замерла в дверях: Костик сидел за своим письменным столом спиной к Софье Моисеевне, он был без футболки, шорты на нём были приспущены, и правая рука вместе с правым плечом ходили ходуном... перед Костиком на столе стоял работающий ноутбук, но что было на мониторе, Софья Моисеевна не видела – Костик, сидящий спиной к Софье Моисеевне, закрывал собой монитор, и только рука... правая рука и правое плечо ритмично двигались, колыхались, – Софья Моисеевна сделала шаг назад, бесшумно вернулась в прихожую, секунду-другую постояла, думая, как быть, затем надела пальто и тихо вышла из квартиры на лестничную площадку – тихо закрыла за собой дверь... вернулась Софья Моисеевна в квартиру через сорок минут – она за это время сходила магазин, купила какие-то продукты, зашла в квартиру, излишне громко закрыв за собой дверь, – музыка в квартире уже не играла, Костик вышел на хлопок двери из своей комнаты, улыбнулся, как улыбался он всегда, встречая мать, подошел, чмокнул Софью Моисеевну в щеку, взял у неё из рук тяжелый пакет с продуктами, понёс пакет на кухню: «Мам! – донеслось из кухни. – Я уроки уже сделал! Я пойду погуляю?» «Иди, – разрешила Софья

Моисеевна. – Только к ужину не опаздывай!»... конечно, всё могло бы быть и по-другому: застигнув Костика за т а к и м занятием, Софья Моисеевна могла бы, подбирая правильные слова, начать мягко объяснять тринадцатилетнему сыну, что делать так нехорошо, что делать так стыдно... она могла бы попросить или даже потребовать, чтобы Костик дал ей обещание, что он, хороший умный мальчик, впредь так делать никогда не будет, но... непреднамеренно вторгнувшись на территорию сына, увидев то, что никак не предназначалось для её глаз, Софья Моисеевна интуитивно ретировалась – и поступила мудро! Костику было тринадцать лет, он вырослел, становился подростком... какой смысл был стыдить за то, что естественно и закономерно, что является нормальной физиологической потребностью взрослеющего организма? Конечно, Костик пообещал бы больше так не делать, но зачем требовать заведомо невыполнимые обещания? Она, Софья Моисеевна, просто не должна была это видеть, и она это «не увидела», – Костик никогда не узнал, как однажды мать стала невольным свидетелем его интимного – совершенно естественного, но по понятным причинам скрываемого – взросления...

Косте было четырнадцать лет, когда Софья Моисеевна застала его в постели с одноклассником, жившим в соседнем подъезде... были зимние каникулы, Софья Моисеевна утром ушла на работу, Костик спал, но на работе у Софьи Моисеевны случилась накладка, и она вернулась домой не вечером, как обычно, а через полтора часа; собственно, это классика не только анекдотического жанра, но и реальной жизни: муж раньше срока приехал из командировки, или жена заявила, когда муж её не ждал, или мать пришла домой не вовремя, а там... в комнате Костика играла музыка, дверь в его комнату была чуть приоткрыта, – Софья Моисеевна, если Костик был дома и если дверь в его комнату была закрыта, всегда стучала, прежде чем к Костику заглянуть или войти, но дверь была приоткрыта, Софья Моисеевна разделась в прихожей... почему Костик и его одноклассник не услышали, как в квартире появилась Софья Моисеевна? Потому что Костик был уверен, что если мама ушла на работу, то теперь стопроцентно до вечера не вернётся? Потому что звучала музыка, заглушая все посторонние звуки? Но музыка была инструментальная, негромкая... потому что они, мальчишки, были полностью погружены в то, что

они делали? Софья Моисеевна без стука-предупреждения, поскольку дверь была приоткрыта, заглянула в комнату: голый Костик лежал на спине, разведя в стороны голенастые ноги, голый Славик лежал на Костике, и не просто лежал, а с сопением двигался, имитируя половой акт... дальше все произошло буквально в течение двух-трех секунд: Костя то ли почувствовал взгляд матери, застывшей в дверях, то ли случайно повернул голову на подушке, чтоб было удобнее, а только взгляды их – взгляд лежащего под Славиком Кости и взгляд стоящей в дверях Софьи Моисеевны – встретились, и она увидела, как в глазах сына мгновенно отразился по-детски беспомощный испуг... в следующую секунду Костя с силой дёрнулся под Славиком, толкнул Славика с себя, Славик под этим внезапным напором Костика скатился в сторону, и Софья Моисеевна на мгновение увидела, что Костя... конечно, Костя был ещё только подростком, он, по сути, был ещё ребёнком, но там, ниже живота... и он, и его одноклассник Славик, испуганно смотревший на Софью Моисеевну, т а м, ниже животов, были уже не мальчиками, а мужчинами, – в следующую секунду Костя торопливо рванул на себя простыню, скрывая наготу и свою, и своего одноклассника... «Слава, иди домой!» – сказала Софья Моисеевна первое, что пришло ей в голову; она, не закрывая дверь в комнату Кости, прошла на кухню, закрыла дверь кухонную, села на стул, не зная, что делать... буквально через минуту хлопнула входная дверь – Софья Моисеевна поняла, что Славик ушел, и негромко позвала Костю, пока он не улизнул в свою комнату: «Константинос, зайди на кухню!», – Софья Моисеевна никогда не называла Костю Константиносом, ей это имя казалось громоздким, каким-то излишне официальным, малопригодным для повседневного общения, но почему-то именно это полное имя Кости сорвалось с губ Софьи Моисеевны... может, всё дело было в том, что на какой-то миг там, в постели, она увидела перед собой не мальчика, а мужчину? Костик вошел на кухню, не зная, что будет дальше... конечно, и чувство стыда, и ощущение вины – всё это Костик чувствовал, всё это было видно на его лице, но и стыд, и вина были поверхностными, не затрагивающими какие-то глубинные струны души: стыдно ему, Костику, было не за то, что они делали со Славиком в постели, а стыдно ему было потому, что мама это увидела – мама увидела то, что видеть она не должна была ни в коем

случае, не должна была знать о т а к о м, и вину свою Костик тоже чувствовал не потому, что они делали э т о, а вину он чувствовал оттого, что не закрыл на запор дверь, когда пришел Славик, что так бездумно, так легкомысленно отнесся к элементарным мерам предосторожности, – на лице Кости было и чувство стыда, и осознание своей вины – он не знал, как теперь объяснять то, что было, как оправдываться, и вместе с тем ему не хотелось врать матери; «Костя... – мягко произнесла Софья Моисеевна, глядя на сына – желая понять... перед ней стоял четырнадцатилетний подросток, ещё не взрослый, но уже не ребёнок, и Софья Моисеевна впервые почувствовала, что она не знает, как и что говорить. – Костя... – повторила Софья Моисеевна, – надеюсь, это был первый раз?» В самом слове «надеюсь» Костя должен был почувствовать и осуждение, и неприятие того, что она увидела, и указание на то, что ни второго, ни третьего раза больше не будет, что т а к о е больше не повторится. «Первый...» – тихо отозвался Костя, и по тому, как он с ответом на секунду запнулся, и по тому, с какой интонацией он на вопрос ответил, подтверждая предположение Софьи Моисеевны, Софья Моисеевна поняла, что Костя соврал... но уличать Костика во лжи было бессмысленно – никаких фактов, что сын врёт, у матери не было, и потому разговор на тему, первый или не первый раз он, Костя, так делал, был бессмысленный; между тем, отвечая на вопрос мамы, Костик и соврал, и не соврал одновременно: он и Славик уже «трахались» несколько раз, но все предыдущие разы они ни разу не раздевались догола, они просто приспускали с себя брюки и трусы и сладко, сладко тёрлись друг о друга членами... ни орально, ни анально они ни разу не пробовали, такого секса у них не было, они просто наслаждались трением друг о друга, это была обычная мальчишеская практика подросткового возраста, но в тот день они в п е р в ы е разделись полностью, догола... потому-то, подтвердив, что это было впервые, Костик и соврал, и не соврал, то есть чтобы в постели и полностью голыми – это действительно было впервые. «Костя, – проговорила Софья Моисеевна, подбирая слова – стараясь, чтоб голос её звучал убедительно, – то, что вы делали... что делал ты и Слава... это неправильно... я понимаю, что ты вырастешь, что возникают разные соблазны... но то, что вы делали...» «Мам, мы просто шутили! – поняв, что

нагоняя не будет, перебил Костик Софью Моисеевну. – Ничего же не было! Мы просто... ну, то есть, типа как муж и жена... просто прикалывались!» «И кто был мужем, а кто женой?» – невольно улыбнулась Софья Моисеевна; Костя с такой живостью, с такой детской непосредственностью объяснил то, что она видела, что вопрос сорвался с губ сам собой... шутили, прикалывались... по четырнадцать лет, а ума ещё нет совсем! «Никто! – в ответ на улыбку матери улыбнулся сын. – Ну, то есть, то Славка, то я – мы типа по очереди прикалывались... просто прикалывались!» – кажется, Костик сам поверил своим словам, настолько искренне они прозвучали... да, они просто шутили, просто прикалывались – это была всего лишь игра, их «секретная игра», и ничего более! «Я понимаю, что вы шутили, но, Костя... – Софья Моисеевна смахнула улыбку с лица, – и ты, и Слава – вы уже взрослые мальчики, вы не дети, а игры у вас... игры – как в детском саду! Ты, Константинос, не маленький мальчик, и ты должен думать, что не всякие игры хороши, даже если они... если эти игры кажутся приятными... ты понимаешь, о чём я говорю?» – Софья Моисеевна снова назвала Костика полным именем, чтоб таким образом подчеркнуть, что разговор у них серьёзный. «Понимаю, мам!» – отозвался Костик, кивнув головой. «Пообещай мне, Костя, что ты и Славик... что вы так шутить или прикалываться, как ты говоришь, больше не будете», – Софья Моисеевна, глядя сыну в глаза, взяла его за руку. «Обещаю», – с готовностью отозвался Костик, снова кивнув головой. Разговор матери с сыном, сына с матерью – при всём его внешнем спокойствии – был, конечно же, трудным, тягостным, потому что они говорили о том, о чём говорить не принято – о чём говорить стыдно... ложный это стыд или нет – это уже другой вопрос. «Мам, ты только родителям Славки ничего не говори... хорошо?» – проговорил Костик, справедливо полагая, что разговор окончен. «Хорошо, – Софья Моисеевна, глядя на Костика, невольно улыбнулась. – Вы так делать больше не будете, и потому говорить родителям Славы об этом я не буду... мы вообще об этом забудем! Так?» «Так!» – Костик в ответ улыбнулся тоже, – у них, у матери и сына, были отличные, доверительные отношения, но Костик вырос, он уже был подростком, у него появлялся свой мир, неведомый Софье Моисеевне, и Софья Моисеевна, не вторгаясь на территорию сына, уважая его неизбежную автономию, прилагала

все усилия, чтобы Костик не отдалился, чтоб доверительность между ними сохранилась...

Костик пообещал Софье Моисеевне, что больше т а к о г о не будет, и он своё слово сдержал – больше они, он и Славик, не «трахались»; они, встретившись через день на улице, обсудили случившийся «прокол», Костик сказал, что всё уладил, что ругани не было, что «мама сама предложила про это забыть», и... на этом их «сексуальные приколы» закончились – ни Костик, ни его друг-одноклассник Славка, живший в соседнем подъезде, больше не предпринимали каких-либо усилий, чтобы продолжить свои «секретные отношения», а через какое-то время они оба обо всём этом забыли, словно ничего и не было... ну, или сделали вид, что забыли о том, что было, – во всяком случае, Костик слово своё сдержал, обещание не нарушил – со Славкой больше ничего у него не было... но уже тогда, обещая Софье Моисеевне впредь так не шутить и не прикалываться – желая побыстрее закончить тягостный разговор на кухне, он, четырнадцатилетний Костик, что-то т а к о е про себя уже знал, точнее, чувствовал, о чём-то т а к о м смутно догадывался... что может знать подросток в четырнадцать лет? Ничего. В подростковом возрасте – вне зависимости, есть у подростка какой-либо опыт однополого секса или такого опыта нет, а есть только желание, любопытство, готовность попробовать, испытать – всё еще зыбко, неопределённо, и делать какие-то выводы глупо, можно только предполагать, догадываться... понятно, что трахаться с другом-ровесником было приятно, было кайфово, потому что э т о... в любом случае – правильно это было или неправильно – это был секс, было удовольствие, были оргазмы, но Костик чувствовал, что есть в глубине его души что-то ещё, что-то большее, чем сладость секса с одноклассником Славкой...

Школу Костик закончил, поступил в институт. Секса у Костика ни с кем – после игр со Славиком – не было, удовлетворялся Костик, как и все остальные, не имеющие партнёров или партнёрш, всем известным доступным способом, при этом все мысли его, все фантазии, все желания были направлены сначала преимущественно, а потом исключительно на парней – к моменту поступления в институт всё то смутное и зыбкое, что было в душе у Костика в четырнадцать

лет, прояснилось, кристаллизовалось, приобрело четкое понимание самого себя... это была данность, и с этой данностью нужно было жить дальше. Софья Моисеевна, понятно, ничего не знала – Костик тщательно скрывал от всех, и от матери в том числе, все те пертурбации, которые происходили в его душе на протяжении нескольких лет. К моменту поступления в институт Костик превратился в красавца, и Софья Моисеевна, как и прежде, не чаяла в нём души. Девчонки вились вокруг Костика табуном, и Костик их не игнорировал – он флиртовал с девчонками, игриво делал всякие намёки, но близко к себе не подпускал, в постель никого не звал. У него были нормальные и даже отличные отношения с парнями – весёлый коммуникабельный Костик был, как говорится, душой компании... внешне всё было превосходно – никто не только не знал, но даже не подозревал, что было у него, у Костика, в душе... а в душе у Костика пылала надежда на необыкновенную встречу – душа его томилась в ожидании любви...

Это случилось на первом курсе... любви, чтоб «сносило крышу», не было, но между Костиком и его однокурсником пробежала какая-то невидимая искра, возникла симпатия, начались разговоры ни о чём... парень был старше Костика на три года, в институт он поступил после армии, и у него, у этого парня, уже был опыт однополых отношений и в школе, до армии, и в армии – он почувствовал, по каким-то никому не видимым признакам определил, что творится в душе у семнадцатилетнего Костика, чего Костик ждёт, – парень жил в общежитии, в комнате для двоих, с другим парнем, четверокурсником, на выходные этот четверокурсник уезжал домой, и... в один из таких выходных однокурсник пригласил Костика к себе в гости под предлогом показать купленную игровую приставку, приставка была так себе, далеко не супер, у Костика дома игровая приставка была лучше, но... разве в приставке было дело? Разговоры как-то сами собой, естественно и без напряжения, перешли сначала в игривые и вроде шуточные, ни к чему не обязывающие намёки, затем так же естественно шуточки-намёки сами собой трансформировались в объятия – в страстные, горячие объятия, в сладостное слияние неумных губ... собственно, Костик, не имевший никакого опыта, что-то такое смутно предполагал, он такого хотел – и потому несколько не удивился, когда

однокурсник привлек его к себе, жадно и жарко засосал в губы, подмял на кровати под себя... домой в тот день Костик летел на крыльях – то, о чём он думал, о чем фантазировал, чего хотел, свершилось! Душа хотела какой-то заоблачной, сказочной любви, а физиология требовала элементарного секса, и секс такой случился – **н а с т о я щ и й** секс! Он, семнадцатилетний Костик, был и в роли пассивной, и в роли активной... было всё-всё, и всё это всё-всё было восхитительно! Это ли не счастье – не ощущение полноты жизни?

Связь эта продолжалась без малого два года – по воскресеньям, когда проживающий в комнате с однокурсником парень уезжал домой, Костик приходил в общежитие, и... понятно, что было у них, у Костика и его однокурсника, всё. И пусть это была не любовь, а всего лишь симпатия, но трахаться хотелось, физиология требовала своего, и Костик трахался полноценно, с наслаждением, в полном согласии с самим собой – с ясным пониманием того, кто он есть. Ни Софья Моисеевна, ни друзья-однокурсники, ни прочие приятели-знакомые не имели ни малейшего понятия о **в т о р о й**, скрытой от всех жизни Костика – и сам Костик, и его однокурсник ничем не отличалась от других парней, Софья Моисеевне по-прежнему не чаяла души в сыне, Костик – для отвода глаз – время от времени заводил интрижки с девчонками, учился, отдыхал, сдавал сессии в институте, развлекался с друзьями в ночных клубах... словом, молодая жизнь летела на всех парусах. А в конце второго курса однокурсник проговорился, что он трахается не только с Костиком, но и с тем парнем, с которым он жил в одной комнате; собственно, Костик мог бы что-то подобное предположить и сам, или хотя бы он мог о таком подумать, но за два года общения с однокурсником он об этом не подумал и такое не предположил, – однокурсник проговорился случайно, Костик сначала опешил, потом стал в шутку выпрашивать подробности, и тут-то выяснилось, что однокурсник, оказывается, успевал и там и там – успевал везде: с парнем, теперь уже пятикурсником, он жил в одной комнате в общежитии, секс у них был в течение недели, может, был даже ежедневно, а по воскресеньям, когда парень уезжал домой, его, уехавшего, заменял Костик... преинтересная выходила ситуация! Конечно, если б Костик любил однокурсника, если б у них была **н а с т о я щ а я** любовь, Костик, наверное, повёл бы себя как-то иначе,

но любви – страстной, всепоглощающей – не было, была просто обоюдная симпатия, была возможность секса по воскресеньям и, соответственно, был классный воскресный секс, – он, Костик, не почувствовал себя ни преданным, ни даже обманутым – просто всё как-то в один миг перегорело... просто перегорело, и всё, и когда в следующую субботу однокурсник напомнил Костику, что в воскресенье у них rendez-vous, что он будет Костика, как обычно, ждать, Костик, сославшись на какую-то неотложную занятость, сказал, что прийти он не сможет; потом так ещё повторялось пару раз, однокурсник пытался выяснить, что случилось, но Костик сказал, что ничего не случилось, что всякие обстоятельства поменяли график его жизни, и теперь у него все воскресенья заняты другими делами...

Любовь у Костика случилась на пятом курсе – она, как вихрь, ворвалась в его жизнь внезапно, подхватила и завертела, закружила его в весеннем угаре... все случилось в одно мгновение и протекало стремительно – это была не искра симпатии, а опалившая огнём настоящая любовь, о которой он, Костик, грезил, в которую верил, которую ждал... К пятому курсу у Костика был пусть старенький, но свой «Фольксваген», Софья Моисеевна ушла с работы, занялась бизнесом, Костик шел на красный диплом, всё было прекрасно, и единственное, что невидимо для всех томило Костика в глубине его молодой души – это отсутствие любимого человека. И вдруг случилось – внезапно, в одно мгновение... это было настоящее чудо! Возвращаясь ночью из клуба, Костик заехал на пустынную заправку, чтоб заправить свой выдавший виды «Фольксваген», к «Фольксвагену» подошел парень-заправщик... было начало мая, было тепло, на парне был синий комбинезон, надетый поверх футболки – Костик глянул на парня, и сердце у Костика сладко ёкнуло... он был ровесником Костика, плюс-минус год или два, – сердце у Костика ёкнуло! «Красавчик, я тебя раньше не видел здесь!» – весело проговорил Костик, и интонация у Костика была такая, словно он знал этого парня миллион лет. «Я здесь только устроился... третью смену работаю, красавчик!» – так же легко, непринуждённо отозвался парень, и интонация у парня тоже была такая, как будто он знал Костика миллион лет. Так бывает только в сказках, чтоб с первого взгляда почувствовать жаром полыхнувшую, сердце опалившую симпатию... но это была

не сказка! «Понял! – весело проговорил Костик. – Значит, теперь я буду заправляться только здесь – и только в твою смену!» Костик чувствовал, что его несёт... несёт, как на крыльях! «Проверю!» – рассмеялся парень, и сердце у Костика ёкнуло во второй раз: смех парня, его симпатичное лицо, его глаза... всё показалось Костику прекрасным и родным, словно это был не парень-заправщик, а принц из его, Костиковых, грёз-мечтаний о любви! Тёплая майская ночь, принц на заправке... это была не сказка! Костик вышел из машины, протянул парню руку: «Константинос». «Андреас», – парень протянул руку Костику; улыбающийся парень был светловолосый, светлолицый, он совсем не был похож на южанина. «Ты грек?» – удивился Костик. «Нет, но ты сказал, что ты Константинос...» – парень рассмеялся. «Это моё полное имя, – рассмеялся Костик – Давай заново знакомиться! Костя!» «Андрей! – отозвался парень. – Это моё полное имя», – они смотрели друг другу в глаза, Костик держал руку Андрея в своей руке, не желая её выпускать., а Андрей не торопился руку из руки Костика высвободить. «У тебя когда смена заканчивается?» – спросил Костик, словно знал Андрея миллион лет. «В восемь», – отозвался Андрей. «Я приеду в восемь, и мы поедем завтракать», – проговорил Костик, не выпуская руку Андрея из своей руки; он не спросил, какие у Андрея планы на утро, не спросил, сможет ли Андрей, – он сказал «мы поедем завтракать» так, как будто они миллион лет ездили по утрам завтракать вместе. «А ты не обманешь?» – рассмеялся Андрей, не делая даже малейшей попытки высвободить свою ладонь из ладони Костика. «Я красавчиков не обманываю! – весело проговорил Костя. – Не вздумай сбежать! Я всё равно тебя найду!» «Я от красавчиков не сбегаю! – весело отозвался Андрей. – Но смотри, если ты не приедешь, то...» «Что?» – с весёлым напором спросил Костик. «То тебя найду я!» – рассмеялся Андрей. Заправляться подъехала «Ауди», и Костик выпустил из ладони своей ладонь Андрея. «Не забудь, красавчик! Утром мы завтракаем вместе!» – весело проговорил Костик, и его «Фольксваген», уступая место подъехавшей «Ауди», рванул с места...

Андрей... Андрюша... Андрейка... сказочный принц на автозаправке! Костику казалось, что это сон, что он проснётся, и е г о принц исчезнет, наваждение растает, испарится, как мираж, – это была любовь, любовь с первого взгляда...

оказалось, что можно без памяти влюбиться в человека, даже не зная его имени, вообще ничего-ничего о нём не зная – просто опалило сердце сладким ожогом, и... так бывает не только в сказках!

Утром, в половине восьмого, Костик подрулил к автозаправке, но не стал в очередь, а съехал в сторону, – Андрей, заправлявший машины, увидел Костика, с улыбкой помахал ему рукой; ожидая, когда у Андрея закончится смена, Костик издали любовался на своего принца, и сердце Костика сладко плавилось в груди от этой внезапно возникшей, мгновенно ворвавшейся в жизнь любви... любовь нельзя объяснить никакими рассудочными доводами, она вне логики, вне здравого смысла – она просто есть, заполняя душу от края до края... переодевшись после окончания смены, Андрей вышел из приземистого здания автозаправки, и в голубых джинсах, в белой футболке он показался Костику еще прекрасней... «В ресторан? Утром?» – весело удивился Андрей, услышав от Костика, где они будут завтракать. «Да! Я сам недавно узнал, что есть такие рестораны... во всяком случае, один такой ресторан я знаю – я сам там ни разу не завтракал, скажу сразу об этом честно, но... попытка не пытка?» – весело отозвался Костик, выруливая на своем «Фольксвагене» с автозаправки на дорогу. «Красавчик, я не арабский принц, чтоб завтракать в ресторанах – я всего лишь бедный автозаправщик, и у меня нет денег на рестораны... у меня есть деньги только на лёгкий перекус в кафе», – рассмеялся Андрей. «И я не арабский шейх – я всего лишь бедный студент, и у меня тоже нет денег на ежедневные завтраки в ресторанах, но на один п е р е к у с в ресторане, на один н а ш перекус, я, красавчик, деньги наскрёб», – беззаботно рассмеялся Костик. «Ты уверен? – Андрей вопросительно посмотрел на Костика. – Ты уверен, что делаешь правильно?» «Я никогда ещё не был уверен так, как я уверен сегодня! – посмотрев на сидящего рядом принца, улыбнулся Костик. – Мы позавтракаем сейчас, а потом, красавчик... потом мы поедem ко мне...» – Костик, сказав это, невольно напрягся: сердце Костика горело, полыхало от любви, но это было сердце Костика... а сердце Андрея? Они посмотрели друг на друга. «Ты уверен?» – тихо проговорил Андрей, всматриваясь в глаза Костика. «Я уверен, – твёрдо проговорил Костик. – А ты?» «Смотри на дорогу... а то мы с тобой сейчас врежемся в кого-нибудь, и... завтрак в ресторане у нас не

состоится», – с улыбкой отозвался Андрей, и по тому, как он улыбнулся, и по тому, с какой интонацией он сказал, Костик понял, что любовь... что чувства его небезответны.

Это действительно был ресторан, и ресторан явно дорогой: несмотря на солнечный весенний день, в зале был мягкий полумрак, откуда-то с потолка тихо лилась музыка; в зале было пусто; к севшим за массивный стол Костику и Андрею подошла официант, назвала своё имя, положила перед каждым открытые папки с меню, – ни Костик, не Андрей не были готовы делать заказ сразу и пожелали ознакомиться с меню. «Костя... ты посмотри на цены! – тихо проговорил Андрей, скользя взглядом по строчкам меню. – Ты сошел с ума... ты сумасшедший?» – Андрей вскинул глаза на Костика – во взгляде Андрея был вопрос, была лёгкая тревога, было недоумение. «Да, я сумасшедший, – тихо засмеялся Костик, – я действительно сошел с ума! Выбирай, что мы будем есть!» «Я здесь половину слов не знаю, – тихо засмеялся Андрей, глядя на Костика. – Выбирай ты!» «Я тоже не знаю половину слов, – тихо засмеялся Костик. – Сейчас мы попросим помощи...» Девушка-официант, отошедшая к барной стойке в ожидании заказа, с интересом наблюдала за гостями: парни не были мажорами, и они сейчас явно не возвращались с ночной тусовки... парни, судя по тому, как они рассматривали меню, явно не были завсегдами ресторанов... никаких атрибутов, указывающих на их нетрадиционную сексуальную ориентацию, тоже не было, но... по тому, как эти парни смотрели друг на друга, девушка-официант подумала, что парни эти, скорее всего, геи, и они влюблены друг в друга, – девушка-официант работала в этом ресторане уже несколько лет, и за время своей работы она видела всякую публику: видела совсем молоденьких геев-мажоров, не скрывающих, что они геи... видела солидных седовласых мужчин с прекрасными юношами – уважаемые мужчины выдавали себя за отцов, пришедших с сыновьями... видела просто мужчин разного возраста, из посещения ресторана делающих для себя маленький праздник в своей явно скучной серой жизни... никаких других гостей в зале не было – девушка-официант смотрела на Костика и Андрея в ожидании их заказа, думая: почему... почему все красивые парни очень часто оказываются геями? По взгляду одного из парней, устремлённому к

стойке бара, девушка-официант сделал вывод, что парням явно нужно помочь с выбором блюд...

За завтраком Костик и Андрей рассказали друг другу о себе. Костик сказал, что живёт с мамой, что он, Костик, через месяц получает диплом, что он уже нашел неплохое место, где будет работать, что мама у него замечательная... а Андрей рассказал, что у него мама болеет, что ей приписали южный климат, что они в этот город-курорт приехали из небольшого сибирского городка – поселились у деда с бабкой, что отец его работает на стройке, что у него, у Андрея, есть младшая сестра, которая ещё ходит в школу... через час они знали друг про друга всё-всё. «Странно... – проговорил Андрей, глядя на Костика. – Ещё сутки назад я не знал о твоём существовании, а сейчас у меня такое чувство, что я знал о тебе всегда... просто мы не встречались до вчерашнего дня, но я знал, что ты есть... разве так может быть?» «Может! – проговорил Костик, глядя на Андрея. – У меня точно такое же чувство... просто мы не встречались, а теперь встретились, но я тоже... я тоже знал о тебе всегда!»

«Теперь едем ко мне! – улыбнулся Костик, глядя на Андрея; он, Костик, не спросил Андрея, хочет ли Андрей ехать, он не предложил Андрею ехать, а произнёс это утвердительно, будучи уверенным, что по-другому просто не может быть... то есть, просто, просто не может быть – сердце Костика пылало, полыхало от опалившей его любви. «Едем! – улыбнулся Костику Андрей. – Я только домой позвоню – скажу, что я ненадолго задержусь...» «Скажи, что удержишься на весь день...» – поправил Андрея Костик; он хотел сказать, что Андрей уже задержался – задержался на всю их жизнь, но подумал, что об этом он еще скажет... как же упоительно было думать-осознавать, что этот парень, этот сказочный принц с какой-то нелепой автозаправки... этот красавчик рядом... просто рядом! И как всё сказочно, как всё волшебно складывалось, словно сама судьба улыбалась Костику: Софьи Моисеевны не было дома, она была в краевом центре, где решался вопрос о получении очень большого целевого кредита для строительства гостевого домика, – Софья Моисеевна должна была вернуться только утром, а до утра... до утра была целая жизнь!

По пути домой Костик остановился у бутика, на вывеске которого были нарисованы силуэты мужчины и женщины, а между ними число «18+»; больше на вывеске ничего не было. «Подожди минуту, я быстро... или мне, красавчик, тебя замкнуть, чтобы ты не вздумал сбежать?» – шутливо проговорил Костя, выходя из «Фольксвагена». «Я сбегу только в поисках тебя, красавчик, если через минуту ты не вернешься», – шутливо отозвался Андрей. Костик вернулся быстро – Андрею ждать не пришлось. Садясь в «Фольксваген», Костик положил на колени Андрея небольшой бумажный пакет. «Что там?» – спросил Андрей, хотя по вывеске на бутике можно было без труда догадаться... ну, или предположить. «Посмотри!» – Костик, не глядя на Андрея, улыбнулся. «Contex Strong», - прочитал Андрей на упаковке. Он посмотрел на Костика: «Это...» «То, что превращает сказку в быль, – перебил Андрея Костик; он с улыбкой покосился на сидящего рядом принца. – Такой ответ красавчику подойдет?» «Если так говоришь, красавчик, ты, то подойдёт... мне подойдёт любой твой ответ!» – отозвался Андрей, улыбнувшись Костику... вихрь, всё сметающий на своём пути, вихрь с той самой минуты, как они друг друга увидели, неудержимо нёс их навстречу друг другу – навстречу жизни.

Они действительно были знакомы миллион лет! Костик, едва закрыв за собой дверь в квартиру, без объяснений, без вопросов, без ненужных разговоров-договоров порывисто притянул Андрея к себе, Андрей обнял Костика, прижал Костика к себе, и губы их сладко слились в долгом ненасытном поцелуе... и не только слились губы – слились сердца... они, словно наверстывая упущенное за прошедший миллион лет, тороплив раздели друг друга... ну, и дальше всё было так, как и должно быть у влюблённых: они целовались... губы играли на флейтах... они целовались снова... страсть, молодая и безоглядная, кружила-вертела их в сладком вихре... потом Костик достал из бумажного пакета купленный в бутике лубрикант – тот, который сказку превращает в быль... «Костя... – Андрей, лёжа на спине с уже раздвинутыми ногами, взял Костика за руку, – я должен тебе сказать, должен предупредить... последний раз у меня секс был в школе... несколько раз с одним пацаном, и всё... т а к о г о секса у меня больше не было... и вообще потом не было никакого секса, только дроч...» Костик наклонился над Андреем, поцеловал его в губы. «Андрюша, принц мой...

я тоже должен тебе сказать, что последний раз у меня был такой секс несколько лет назад... может, чуть больше, чем несколько раз, но... я тоже не профи! Не бойся, мой принц, мы оба хотим, а это главное... всё получится!» Конечно, всё получилось! Костик, у которого опыта было больше, всё делал медленно, осторожно – он останавливался, он терпеливо ждал, всматриваясь в лицо Андрея... у Андрея такого опыта было мало – он всё делал порывисто, горячо, страстно – Костику было больно, он, лежа под Андреем, то и дело мягко придерживал Андрея за бёдра, но... это была сладкая боль... потом они сделали это ещё раз... и ещё раз, выплеснув в эти разы всю ту страсть, что у обоих копилась не один год, – усталые, обессиленные, счастливые, они лежали в постели, взявшись за руки, глядя в глаза друг друга... «Где ты был все эти годы?» – прошептал Андрей; он провёл пальцем по щеке Костика, словно убеждаясь, что это не сон, что всё наяву. «Я тебя ждал все эти годы, – улыбнулся Костик. – А где был ты?» «Я тоже ждал... ждал тебя! Мой принц...», – улыбнулся Андрей. «Это ты мой принц», – отозвался Костик; он, изнемогая от нежности, точно так же провёл пальцем по щеке Андрея. «Это ты мой принц», – словно эхо, отозвался Андрей.

Выяснилось, что Андрею в восемь вечера снова заступать на работу, и Костик предложил: «Делаем так! Ты сейчас чуть поспишь – я не буду тебе мешать... а я пока гляну, что есть в холодильнике, потом спущусь вниз, докуплю что-нибудь из продуктов и сделаю ужин... я, конечно, не ахти какой кулинар, но что-нибудь я придумаю... ты проснешься – будешь голодный... – Костик, любуясь Андреем, рассмеялся. – Ты будешь голодный?» «Буду», – рассмеялся Андрей, любуясь Костиком. «Вот! Мы поужинаем, и я тебя отвезу на твою автозаправку... такой вариант подойдёт?» «Подойдёт», – кивнул головой Андрей. «И позвони домой, что-нибудь скажи, чтоб дома не беспокоились... скажи, что сегодня у тебя случились неотложные дела», – Костик, улыбнувшись, коснулся губами губ Андрея. «Сегодня у меня случились неотложные дела...» – проговорил Андрей, обнимая Костика...

Андрей уснул, разметавшись на постели, а Костик, прикрыв дверь, чтоб Андрея не беспокоить, оделся, сходил в магазин, купил продукты... он, Костик, был

счастлив! Он несколько раз заходил в свою комнату, смотрел на спящего Андрея – на его обнаженное прекрасное тело, на его во сне по-детски беззащитное и такое же прекрасное лицо... затаив дыхание, Костик вслушивался в ровное дыхание Андрея, скользил взглядом по изгибам его тела, и ему не верилось... ему, двадцатидвухлетнему Костику, не верилось, что всё это наяву, – он был упоён своей любовью, упоён своим счастьем! Ему хотелось, чтоб этот сказочный день длился вечно, чтоб день этот никогда не кончался, но секундная стрелка на часах, безучастно накручивая круг за кругом, неумолимо приближала вечер; ужин был готов; Костик тянул время, чтобы Андрей перед своей рабочей сменой поспал побольше, и вместе с тем хотелось разбудить Андрея, хотелось снова заключить его, такого желанного, в свои объятия, – Андрея надо было будить, чтоб успеть и поужинать, и... они снова любили друг друга – горячо и страстно... и потом любили друг друга ещё раз, стоя под душем, обнимаясь и целуясь, – оказалось, что для оргазмов достаточно просто стоять под душем... за ужином Костик сказал, что утром, в самом начале девятого, прилетает мама, которую надо встретить, и потому он, Костя, не сможет подъехать к восьми часам, к окончанию смены Андрея, но как только он освободится, он позвонит, и они где-нибудь посидят в кафе, а потом... потом они что-нибудь придумают – обязательно придумают!

Софья Моисеевна, едва глянув на Костика, встретившего её в аэропорту, сразу поняла, что что-то случилось... что-то случилось хорошее – Костик просто светился от счастья. «Костя, мне кажется, что у тебя что-то случилось... я права?» – полушутливо, полувопросительно проговорила Софья Моисеевна, садясь в «Фольксваген». «Мама! Тебе одобрили кредит?» – весело отозвался Костик, выруливая со стоянки. «Да, всё отлично! – Софья Моисеевна улыбнулась. – Все документы рассмотрели, всё одобрили... теперь работа у нас закипит!» «Вот! Это и случилось... я рад за тебя!» – Костя проговорил это совершенно искренне, радуясь за мать. «Костя... ты полагаешь, что меня можно так легко обмануть? – засмеялась Софья Моисеевна. – Что у тебя произошло? Ты светишься, как новогодняя гирлянда... ты влюбился?» – Софья Моисеевна посмотрела на сына. «Да, мама! Я влюбился... я, мама, влюбился!» – Костик ликующим от счастья взглядом посмотрел на мать. «Ты... хочешь мне об этом

рассказать?» – спросила Софья Моисеевна. Она никогда не досаждала Костику расспросами, никогда не выпрашивала подробности, если Костик ей что-то рассказывал из школьной жизни или из жизни студенческой, – у них, у матери и сына, были доверительные отношения, Костик никогда ничего не врал, но при этом он с самого детства имел полное право на свою, недоступную для неё, для матери, территорию, и Софья Моисеевна, сама определившая такие правила, никогда на эту территорию не покушалась: она знала, что всё, что Костя посчитает нужным, он расскажет ей сам. И вот теперь, видя, как Костю переполняет счастье, она не стала ни о чём спрашивать, не стала ничего выпытывать, а мягко спросила, хочет ли он поделиться... хочет ли он рассказать о том, что с ним происходит, сам? «Вечером... – невнятно произнёс Костик, глядя на дорогу, и... словно споткнувшись о невидимую преграду, умолк; Софья Моисеевна, не дождавшись продолжения, вопросительно посмотрела на сына; оторвав взгляд от дороги, Костик посмотрел на мать, улыбнулся и уже твердо закончил: – Вечером, мама, я всё расскажу!»

Накануне, отвезя Андрея на работу, Костик весь вечер и потом ещё полночи думал-решал, что ему делать со своим счастьем – как теперь жить дальше... Счастье его было не эфемерное, а настоящее, и ответ был вполне очевиден: быть счастливым! Разве не для этого человек приходит в мир – разве не к этому он стремится весь свой земной путь? Понятно, что у каждого человека своё представление о счастье: много денег, власть, карьера... или просто по-мелкому нагадить соседу – для кого-то это тоже счастье, – для него, для Кости, счастьем в одночасье стала любовь – конкретная, осязаемая... любить и быть любимым – это было так же естественно, как дышать, как жить! Сказочный принц на автозаправке был не миражом – он ворвался в жизнь Костика конкретным двадцатилетним Андреем со своей прекрасной улыбкой, со своим взглядом прекрасных глаз, со своим прекрасным, атлетически сложенным телом, со своими объятиями, со своим сердцем, со своей неподдельной ответной любовью... они, Костик и Андрей, встретились, – что ещё нужно было для счастья? Всё прочее тоже было нужно, но оно, это всё прочее, было уже вторично – оно всего-навсего прилагалось к любви... конечно, Костику было только двадцать два года, и по складу души он не был прагматиком, он смотрел

на мир с в о и м и глазами, воспринимая мир в большей степени сердцем, а не умом, но он, Костик, был не глуп, ему было уже двадцать два года, и он понимал, в каком мире они, он и Андрей, живут... если б они, друг в друга влюблённые парни, жили на каком-нибудь затерянном в океане острове, где вечное лето, или хотя бы жили там, где такая любовь – и х любовь – не считается чем-то постыдным, не запрещается и не оплёвывается... но они жили в мире «скреп», в мире, где ненависть к геям насаждается, культивируется из всех утыгов, и... со своим счастьем ему, неглупому, сердцем смотрящему на мир Костику, нужно было что-то делать. Здравый смысл подсказывал, что делать ничего не нужно, что нужно просто скрыть свою любовь, нужно ловко приспособиться к обстоятельствам, умело, податливо подстроиться под окружающую среду, и... продолжать жить дальше, как живут многие «натуралы», прикрываясь женами, детьми... а почему нет? Ведь живут же так многие, совмещая долг и удовольствие – следуя древней арабской поговорке «женщины для долга, мальчики для удовольствия»... и в таком поведении – в таком раздвоении – может даже не быть никакого лицемерия, если человек является активным бисексуалом: просто одна грань сексуальности реализуется в браке, в полном соответствии с бытующими в обществе представлениями о предназначении человека на земле, а другая грань сексуальности реализуется скрыто, тайно, и вся проблема сводится лишь к тому, чтоб не узнали окружающие, чтобы тайное не стало явным... можно так? Можно, ещё как можно! Но тот же самый здравый смысл подсказывал Костику, что, во-первых, Андрей не мальчик для развлечений, не партнёр для секса, а во-вторых, дело даже не в сексе, не в возможности иметь отличный секс, а дело в большем, в значительно большем – дело в любви, когда любовь не сводится только к сексу; Костик отлично скрывал свою связь с однокурсником, которая длилась почти два года, он параллельно флиртовал с девчонками, и это не вызывало у него, у Костика, каких-то противоречий в душе: таковы были правила лицемерного мира, и он по этим – не им установленным – правилам жил... а теперь была любовь – теперь было счастье, заполонившее всю душу, и как это можно скрыть, спрятать, он, Костик, не знал; можно солгать один раз, два раза, но лгать всё время, бояться, лицемерить, притворяться, жить с оглядкой, и это при

том, что они с Андреем не преступники, не воры, не убийцы... а главное, как можно скрыть счастье? Зачем вообще скрывать то, отчего так радостно на сердце? Зачем предавать свою любовь – своё счастье? Чтобы быть, как все? А все – это кто? Костик думал, думал, думал – и не знал, как быть. Это был в буквальном смысле экзистенциальный выбор – словно на двух чашах весов были два «здоровых смысла»: с одной стороны, был он, был Андрей, была их любовь... было его личное счастье, его жизнь – жизнь без лжи, а с другой стороны, на другой чаше этих весов, было всё остальное: внешнее благополучие, неизбежная ложь, лицемерие, которое всегда можно оправдать разными обстоятельствами... это была жизнь как у всех, жизнь без проблем и заморочек, вот только для него, для Костика, жизнь такая стала бы жизнью во лжи... ложь во спасение, но во спасение чего? Разные здоровые смыслы качались на чашах весов – он, Костик, думал... думал весь вечер, думал полночи... и когда он сказал Софье Моисеевне «Вечером, мама, я всё расскажу!», он совершенно отчетливо понял, что нет никаких «всех», что есть на всём белом свете только один человек, которому он расскажет о своей любви и своём счастье, и человек этот – м а м а... от неё ничего не скрыть, и от неё, именно от неё он, Костик, ничего скрывать не будет – ей одной он расскажет об Андрее, о своей любви, о своём счастье, а все остальные... какое дело всем остальным до него, до Костика, и какое дело ему, Костику, до всех остальных? Счастье заполонило Костика, и все остальные, и всё остальное – это был лишь фон... просто сопутствующий фон, и не более того.

Софье Моисеевне нужно было ехать в банк, потом в строительную организацию, потом ещё куда-то – Костик позвонил Андрею, объяснил ситуацию, сказал, что позавтракать вместе они не смогут, что он его, Андрея, любит, что он позвонит чуть позже, и они вместе пообедают; но пообедать вместе тоже не получилось – Костику позвонил из института его научный руководитель, сказал, что одну главу в дипломе нужно будет немного подправить, спросил, не сможет ли Костик к часу дня подойти на кафедру для консультации, – Костик сказал, что может... а что было делать? Костик шел на красный диплом, защита диплома предстояла серьёзная – у научного руководителя на кафедре были злейшие враги, и они, эти враги, могли

отыграться на Костике, чтоб досадить его научному руководителю, – Костик позвонил Андрею, сказал, что пообедать вместе они тоже не смогут. «Красавчик! Если ты хочешь меня продинамить, то я тебя должен предупредить, что я люблю тебя – у тебя ничего не получится, – шутливо проговорил Андрей. – Когда мы встретимся? Ожидая тебя, я не завтракал... потом, ожидая тебя, я не обедал... ты хочешь оставить меня без ужина?» «Красавчик! Я люблю тебя! – выдохнул Костик! – Ты просто скажи... просто скажи, что сегодня ты хочешь поужинать в ресторане, и мы будем сегодня ужинать в ресторане! У меня, правда, нет сейчас столько денег, чтобы ужинать в ресторане, но ради тебя, красавчик, я сейчас ограблю банк! Хочешь?» «Ты, красавчик, сошел с ума?» – засмеялся Андрей. «Я, красавчик, сошел с ума! – подтвердил, смеясь, Костик. – Если ты хочешь ужинать в ресторане, то я иду грабить банк!» «Нет, я хочу ужинать не в ресторане, а с тобой! Если ты банк ограбишь, тебя посадят! Ты не умеешь грабить банки! Неужели, красавчик, ты таким образом захотел от меня улизнуть?» «Как вообще ты мог такое подумать? Ты будешь носить мне передачи...» «Нет, мы вместе ограбим банк, вместе сядем в тюрьму и вместе будем сидеть... мы попросим камеру на двоих!» «Ты хочешь сидеть в тюрьме?» «Я хочу быть с тобой – всегда и везде!» «Я тоже хочу быть с тобой – всегда и везде...» – они, Костик и Андрей, говорили друг другу всякую ерунду, они весело говорили по телефону всякую чушь, но это была не ерунда и не чушь – голоса их звучали друг для друга как лучшая в мире музыка, и хотелось... хотелось слушать и слушать эту вечную музыку вечной любви...

За ужином – ужинали в кафе – Костик сказал Андрею, что он, Костик, расскажет о нём, об Андрее, маме. «Зачем?» – удивился Андрей, и его удивление было понятно: зачем рассказывать о том, что надо, наоборот, скрывать? «Затем, красавчик, что я хочу... я хочу с тобой не только трахаться, а хочу с тобой жить! Ты хочешь со мной жить?» – Костик вроде шутливо и вместе с тем внимательно посмотрел на Андрея. «Хочу! – не задумываясь, порывисто отозвался Андрей. – Костя, я люблю тебя! Но...» Ужин у них затянулся; они выбрали для ужина неприметное кафе, находящееся вдали от центра города, где посетителей было мало и потому никто не мешал им быть друг с другом наедине, – они долго

говорили о жизни, о своей любви, о своём месте в жизни... они говорили о гействе в мировой истории, говорили о геях в мировой культуре – Костик на эту тему много читал, Андрей практически ничего не знал, и Костик «растлевал» Андрея знанием... они говорили о тех, кто и почему делает из геев «исчадие ада» – говорили о мутных лукавых кукловодах, разжигающих ненависть к геям, о скрытой мотивации этих кукловодов... говорили том, кто и почему идёт на поводу у кукловодов, и не только по отношению к геям, а всегда и во всём сбивается в послушное стадо, ведомое пастухами... говорили о гомофобии – о страхе стать не такими, «как все», и о том, как гопота, не отягощенная интеллектом, этот страх в себе гасит... говорили о бисексуалах и о том, в чём настоящая разница между бисексуалами и геями... говорили о том, что любовь парней и девчонок совершенно ничем не отличается от любви двух парней – те же самые чувства, та же нежность, то же желание простого человеческого счастья... словом, они говорили о себе и о мире, в котором они живут, – они долго говорили, сидя в кафе; посетители приходили, ели и уходили, а они говорили и говорили... «А если мама твоя тебя... если т а к о г о тебя не примет?» – спросил Андрей. «Не знаю... – отозвался Костик. – Я надеюсь, что мама меня поймёт... но в любом случае лучше сказать самому, чем жить с постоянной оглядкой – всё время врать, ожидая, что где-нибудь когда-нибудь проколешься... тем более, маму мою не обмануть – я сегодня встретил её в аэропорту, и она сразу поняла, что я влюбился... просто она подумала, точнее, она думает, что я влюбился в девчонку, а я... я, красавчик, влюбился в тебя, – Костик улыбнулся. – Я люблю тебя! Небольшая такая разница с поправкой на жизнь...» «Костя, я тоже люблю тебя! – проговорил Андрей. – Но я не могу сделать так, как ты. У меня отец ненавидит геев. Когда в телевизоре показывают каких-то уродов и говорят, что это и есть геи, что все геи именно такие, отец всегда плюётся... иногда мне кажется, что он что-то подозревает про меня и делает это специально – специально называет геев извращенцами, чтобы я это слышал...» «Ну, что здесь можно сказать? Здесь, в такой ситуации, каждый решает сам... – сочувственно вздохнул Костик. – Я думаю, главное – это то, что знаешь про себя ты сам. А остальное... может, со временем всё у тебя разрешится, всё как-то само собой утрясётся, и твои родители тебя поймут... а

может, не поймут никогда... в каждой избушке свои погремушки, и здесь что-то тебе сказать, посоветовать что-то... здесь я сказать ничего не могу – решай сам, как тебе удобнее, как для тебя безопаснее... я люблю тебя, красавчик!» – Костик, глядя на Андрея, улыбнулся. «Я люблю тебя, красавчик!» – словно эхо, отозвался Андрей, глядя на Костика. «Поедем кататься? – улыбнулся Костик. – Теория без практики ничто!» «Да, поедem! Поедем куда-нибудь туда, где будем только мы...» «Только мы... – утвердительно повторил Костик, любуясь Андреем. – Ты и я. Мы и наша любовь...» «Ты и я... мы и наша любовь!» – улыбнулся Андрей, любуясь Костиком...

Ехать было некуда. Костик знал, что в городе есть гостевые домики, где можно снять номер на несколько часов, но ни одного адреса у него, у Костика, не было, день выдался суматошный, и Костик, ежеминутно думая об Андрее, именно об этом – о том, где сольются они в экстазе любви – не подумал, – они любили друг друга в «Фольксвагене»... не зря говорят, что с милым и в шалаше рай, – таким шалашом стал для них старенький «Фольксваген», остановленный на окраине города рядом с какой-то стройкой: они жарко, запойно целовались... они играли на флейтах... слившись губами, они мастурбировали друг друга... снова играли на флейтах, попеременно склоняясь друг над другом... снова страстно, сладко целовались, сидя на заднем сиденье своего «шалаша»... Потом Костик отвёз Андрея домой, сказав, что завтра утром он за Андреем заедет, чтоб отвезти красавчика-принца на работу; у Андрея была дневная смена, и к вечеру завтрашнего дня Костик пообещал найти гостевые домики с почасовой сдачей номеров, где они могли бы встречаться для своей любви... «Ты всё-таки не отказался от мысли признаться своей маме, что ты не такой, как все?» – спросил Андрей; они сидели в «Фольксвагене» рядом с домом Андрея, нужно было прощаться, но расставаться не хотелось. «Не отказался, – твердо ответил Костик. – Я сегодня скажу, а там будь что будет... надеюсь, мама меня из дома не выгонит, узнав, что сын у неё извращенец», – Костик улыбнулся. «Завидую я тебя, Костя, – задумчиво проговорил Андрей. – Может, я тоже наберусь когда-нибудь смелости...»

Боялся ли Костик признаваться матери, что он гей? Боялся. Конечно, Костику было уже двадцать два года, он стоял на пороге самостоятельной жизни, он был уже вправе решать сам, кого ему любить – с кем быть счастливым. Всё было так. Признаться, сказать – и жить, не оглядываясь по сторонам, не боясь «разоблачения». Но это было с одной стороны. А с другой стороны... если мама его не услышит, не захочет слышать? Если она его – т а к о г о – не примет. Если отвернётся от него? И что тогда? Костик, подъехав к дому, какое-то время сидел в «Фольксвагене» – тянул время... он вспомнил, как мама застучала когда-то его и Славку в постели, – ругани не было, но она сказала тогда, что это н е п р а в и л ь н о... а что правильно – врать, лицемерить, прикидываться не тем, кто ты на самом деле?

Софья Моисеевна при появлении Костика улыбнулась: «Я уже ужин давно приготовила, а тебя нет и нет... проголодался? Иди мой руки!» «Мам, мы ужинали... – как можно беспечнее отозвался Костик из ванной комнаты. – Но если ты приготовила что-нибудь вкусненькое...» Костик намылил руки раз, автоматически намылил второй раз, глядя на себя в зеркало... еще не поздно было отказаться от своего намерения... утром, когда он встречал маму в аэропорту, он сказал, что да, он влюбился, что вечером он расскажет, и было ещё не поздно придумать про какую-нибудь девчонку... о б м а н у т ь... но обмануть можно один раз, два раза... а потом? Костик вышел из ванной комнаты, прошел на кухню, сел за стол... его любовь, его счастье – и вся та ложь, вся та мерзость, которая, как некая данность, противостояла его любви и которую нужно было преодолеть, через которую нужно было переступить, чтоб задышать свободно...

«Мам, скажи... – проговорил Костик, вопрошающе глядя на Софью Моисеевну; Софья Моисеевна уже поужинала и теперь сидела напротив Костика – смотрела, как Костик, взяв вилку, замер... конечно, они уже где-то поужинали – он и его девушка, и Костя не очень голоден... оттого он и не торопится есть. – Скажи... – повторил Костик, – я нормальный?» «Что за глупый вопрос? – невольно улыбнулась Софья Моисеевна. – Ты не только нормальный, а ты у меня самый лучший! Почему ты об этом спрашиваешь?» «Мам, я влюбился...» –

произнес Костик и, не договорив, замолчал... как же трудно было говорить о том, что он счастлив! «Ты, Костя, влюбился... это же прекрасно! Я это сразу поняла! – улыбнулась Софья Моисеевна. – И кто она, избранница твоего сердца?» Экзистенциальный выбор. Выбор между жизнью и существованием... между верностью себе и предательством себя... между свободой от лжи и постоянной ложью «во спасение»... чаши невидимых весов замерли. «Мам, это не она – я влюбился в парня, я гей», – произнёс Костик на одном дыхании, сжигая за собой мосты; Костик видел, как в глазах матери отразилось сначала непонимание, потом недоумение, потом растерянность. «Костя, подожди... ты влюбился в парня? Я правильно тебя поняла?» – медленно проговорила Софья Моисеевна, пытаясь осмыслить услышанное. «Правильно, – отозвался Костик и, подумав про Андрея, уже твёрдо повторил: – Я влюбился в парня. Его, мама, зовут Андрей». Всё, самое главное было сказано! Мосты назад были сожжены. Теперь оставалось ждать реакцию матери... ему, Костику, было трудно это сказать, трудно было произнести, признаться, но он, Костик, понимал, что точно так же трудно, а может, еще труднее всё это было услышать от него маме, – Костик признался, но не почувствовал никакого облегчения, а даже наоборот – он внутренне сжался в ожидании ответа... Софья Моисеевна, глядя на Костика, молчала; она молча смотрела на Костика таким взглядом, словно Костика не было перед ней – словно всматривалась она в какую-то даль... «Мам... – тихо проговорил Костик, и в его голосе, прозвучавшем как-то беспомощно и по-детски, не было ни твёрдости, ни уверенности. – Скажи что-нибудь... мам!» «Костя... – медленно проговорила Софья Моисеевна, не зная, как реагировать на слова сына... когда-то она сказала, что э т о неправильно, но она сказала это, когда Костя был подростком, был еще ребёнком, а теперь перед ней сидел молодой мужчина – её взрослый сын... и всё равно он был для неё ребёнком, и ему – Софья Моисеевна это чувствовала, видела – нужна была помощь... или поддержка – он, её взрослый невзрослый сын, ждал ответ. – Костя... - повторили Софья Моисеевна. – Так иногда бывает... кто-то кем-то увлекается... мальчик мальчиком или девочка девочкой, и им начинает казаться, что это любовь, – Софья Моисеевна говорила медленно, тщательно подбирая слова. – Это как

наваждение... такое увлечение возникает, потом проходит... так бывает...»

«Мама, при чём здесь увлечение? Мне двадцать два года. Я уже не мальчик, и это не увлечение – я люблю Андрея... я гей, мама! Гей! – Костик дважды повторил слово «гей», словно испугавшись, что Софья Моисеевна это слово не расслышала или не поняла его значение... при чём здесь детские увлечения, о которых она говорит? – Мама, ты слышишь меня?» «Слышу, – Софья Моисеевна, всматриваясь в сына, кивнула головой. – А почему ты думаешь, что ты гей? Потому что тебе понравился какой-то мальчик? Ну, то есть, какой-то парень... и ты решил, что ты гей?» «Мама, мне всегда нравились парни. Не девчонки мне нравились, а парни! Всегда! Ты просто об этом не знала... – Костик проговорил это с лёгким напором, словно тем самым стараясь донести до Софьи Моисеевны то, что было очевидно ему и чего не понимала она. – Мне нравились парни всегда – и когда я учился в школе, и когда я учился в институте... просто сначала я не понимал и не придавал этому никакого значения, потом я думал, что это временно, что это пройдёт, но ничего не проходило, и тогда я понял, что это... что это моя ориентация, моя настоящая ориентация. Я всегда был геем, мама! Всегда!» Костик умолк; он подумал, что он сказал всё, что мог, и теперь... он, Костик, знал, что мать любит его, и он любил мать, но теперь... теперь всё изменилось – он смотрел на мать, ожидая, что она скажет, какой п р и г о в о р ему вынесет. «Ты совсем ничего не ел, всё уже остыло... – проговорила Софья Моисеевна. – Может, всё разогреть?» – Софья Моисеевна вопросительно посмотрела на сына. «Нет, мам, спасибо, – Костик отрицательно покачал головой. – Я действительно есть не хочу». «Потому что поужинал в кафе?» – подчеркнуто нейтральным голосом произнесла Софья Моисеевна; не глядя на Костика, она встала, чтобы убрать со стола тарелки с нетронутым ужином. «Да, мы поужинали в кафе, – кивнул головой Костик. – Извини, мам, но я правда не голоден», – Костик совсем неумышленно произнес местоимение «мы», совершенно не желая это местоимение как-то подчеркивать-выделять, и всё равно оно выделилось... или так показалось и ему, и Софье Моисеевне? «Будешь пить чай?» – спросила Софья Моисеевна; она повернулась к Костику спиной, чтобы взять из шкафа чайные чашки. «Буду», – отозвался Костик. «Костя, можно тебя спросить... –

проговорила Софья Моисеевна, не поворачиваясь к Костику – стоя к Костику спиной. – Если не хочешь отвечать, не отвечай...» «Мам, ты же знаешь, что у меня от тебя секретов никогда не было!» – порывисто проговорил Костик. «Да, это так... просто ты не рассказывал мне, а я не знала... до сегодняшнего дня не знала», – отозвалась Софья Моисеевна. «Но не всё же можно рассказывать! – резонно заметил Костик. – Ты сама когда-то сказала, что у меня есть с в о я территория... и я тебе, мама, благодарен за это! Настало время, и я рассказал...» «Костя, скажи мне... – Софья Моисеевна на секунду запнулась, подбирая слова. – Ты сказал, что тебе нравились мальчики... всегда нравились... странно, что я никогда этого не замечала...» – проговорила Софья Моисеевна, и проговорила она это скорее себе, а не Костику, сидящему у неё за спиной. «Мама, ну как ты могла замечать э т о, если я шифровался? Я был хорошим шифровальщиком... – Костик невольно улыбнулся. – Никто ничего не замечал... никто, никогда...» «Да, ты был хорошим шифровальщиком, – проговорила Софья Моисеевна, и по интонации её голоса Костик не понял, сказала она это с осуждением или с одобрением. – Ты сказал сейчас, что тебе нравились мальчики... сказал, что всегда нравились мальчики – и в школе, и в институте... ты можешь не отвечать на мой вопрос, но... я всё-таки спрошу: у тебя были о т н о ш е н и я с кем-то в школе, в институте? Ты понимаешь, о чём я спрашиваю...» – Софья Моисеевна по-прежнему стояла к Костику спиной, словно так ей было удобнее разговаривать с сыном; она спросила взрослого Костика об и н т и м н о м, но это был не праздный интерес и уж тем более не банальное любопытство – Софья Моисеевна подумала, что если Костя имел половые связи в с в о ё м формате и если таких связей было много, то ему, Косте, может грозить опасность и его, Костю, надо как-то предостеречь... какая именно опасность может грозить Косте, Софья Моисеевна представляла смутно, но беспорядочные половые связи у неё ассоциировались именно с опасностью. Конечно, это была сугубо личная территория Костика, но Костику здесь скрывать было нечего – Костику вопрос матери показался каким-то детским... он уловил в интонации матери беспокойство, и ему показалось, что он понял причину этого беспокойства. «Мама, я отвечаю на твой вопрос: никаких отношений в школе у меня не было. Никаких. Ни с кем. Ты, может, подумала

про Славку... ну, когда ты застала нас в постели, но это были не отношения, а просто... это было детское баловство, я тогда вообще ничего не думал про себя как про гея... просто обычное баловство! В институте на первом курсе у меня были отношения с парнем, но это было... это было тоже несерьёзно... было – как не было! А сейчас я с Андреем... или Андрей со мной... сейчас мы вместе, и это не просто отношения...» – лицо Костика при упоминании Андрея неуловимо преобразилось, словно осветилось каким-то внутренним светом, и когда Софья Моисеевна повернулась к сыну, она это заметила. «Давай пить чай», – Софья Моисеевна поставила на стол чашки, поставила вазочку с пирожными, которые Костя любил и которые она купила к ужину, села за стол сама...

Чай они пили молча – Софья Моисеевна ни о чём не спрашивала, Костик ничего не говорил... был уже поздний вечер, мать и сын молча сидели на кухне, молча пили чай... у сидящего за столом Костика было такое ощущение, словно с плеч его свалилась гора: он признался, он сказал всё про себя, сказал про Андрея, никакой трагедии не случилось, мама не пришла в ужас, и... он, Костик, молчал, понимая, что маме нужно сейчас какое-то время, чтобы всё то, о чём он наговорил, как-то осмыслить, осознать как новую данность, – маме нужно было время, чтобы собраться с мыслями, чтобы прежде, чем они встанут из-за стола, что-то сказать про него, про Костю... сказать, как теперь всё-всё у них, у сына и матери, будет дальше... А Софья Моисеевна молчала, думая о Костике, о его неожиданном признании, о том, что он гей... для неё все то, в чём признался Костик и что рассказал про себя, было как гром среди ясного неба – никогда она не замечала что-то такое, что могло бы её насторожить, натолкнуть на какие-то подозрения... да, был случай с одноклассником Славой, но Костя сказал тогда и сказал теперь, что это было мальчишеское баловство, – она не стала тогда ругаться, не стала Костю стыдить, не стала произносить всякие уничижительные слова, а только сказала, что это неправильно... может, ей надо было тогда, обнаружив мальчишек в постели, совсем по-другому отреагировать? Но что теперь, спустя годы, об этом думать-гадать... перед ней стоял не испуганный подросток с виноватым видом, а сидел уже взрослый Костя, её взрослый сын, и он был уверен в выборе своего пути... но в ы б о р ли это? Или это даётся свыше, и выбора здесь никакого нет – человек не

властен над тем, что ему предназначено? Разве человек при рождении выбирает, какой цвет волос у него будет, когда он вырастет? Костя сказал, что он всегда – в школе, в институте – думал только о мальчиках, о парнях... рядом были девчонки, они вились вокруг него, а он думал не о них... какой же здесь выбор? Это судьба... Софья Моисеевна подумала о том, как светилось лицо Кости утром, когда он встретил её в аэропорту, – она тогда сразу поняла, что Костя влюбился и что он счастлив... и не ошиблась – ошиблась она лишь в том, что и кто является причиной Костиного счастья... неправильного счастья? А разве счастье может быть правильным или неправильным? Счастье – оно или есть, или его нет... «Мам, тебе налить ещё чая?» – нарушил молчание Костик. Неправильная любовь, неправильное счастье... неправильный Костя? Глупость! Софья Моисеевна внимательно посмотрела на Костика... он, её сын, гей... и что? Косте было семь лет, когда погибли его родители, и потому, что остался он сиротой, и потому, что он был племянником, и потому, что своих детей у Софьи Моисеевны не было, она сразу окружила маленького Костю не просто заботой, а материнской любовью... через какое-то время Костя спросил, можно ли её, тётю Соню, называть мамой... «Налей», – Софья Моисеевна кивнула головой. Теперь Косте было двадцать два года, и она любила его ничуть не меньше... временами ей казалось, что Костя ещё не вырос, ещё не повзрослел... а он и вырос, и повзрослел, и... в том, что он признался в «неправильной» любви, признался в «неправильном» счастье, была его несомненная взрослость, – счастье от материнского глаза не спрячешь, но ведь мог же Костя придумать про какую-нибудь девчонку, в которую влюбился, мог наврать... мог, но делать этого не стал, – Софья Моисеевна понимала, что признаться в т а к о м ему было нелегко, но он сделал это, он признался, и в этом, помимо взрослости, было его безграничное доверие – было доверие и была вера, что мама поймёт, мама не оттолкнёт... Они ещё какое-то время пили чай молча; наконец, Костик не выдержал: «Мам, скажи что-нибудь...» – проговорил взрослый Костик с по-детски просящей интонацией. «Что тебе сказать?» – отозвалась Софья Моисеевна. «Скажи... – Костик на миг запнулся, опустил глаза, но тут же снова посмотрел на Софью Моисеевну. – Я по-прежнему твой сын?» «А чей же ты сын? – невольно удивилась Софья Моисеевна. – Конечно, ты мой сын!» Она

подумала, что Костя... что её взрослый Костя одновременно и взрослый, и вместе с тем ещё ребёнок... ну, словно ребёнок – такие глупые вопросы задаёт! «И я по прежнему нормальный?» – снова спросил Костик, неотрывно глядя матери в глаза. «Ты уже спрашивал об этом, и я тебе уже ответила», – Софья Моисеевна невольно улыбнулась. «Да, но теперь...» – проговорил Костя. «А что теперь? – перебила сына Софья Моисеевна. – Теперь я знаю, Костя, что ты гей... во всяком случае, ты так сказал, и я это знаю с твоих слов... ну, ты гей – и что? Разве после того, как ты в этом признался, что-то изменилось? Ты по-прежнему Костя – ты по-прежнему умный, добрый, честный мой сын. Ты тот, кого я любила и кого люблю. Ничего не изменилось! Ты по-прежнему для меня самый лучший... ничего, Костя, не изменилось! – Софья Моисеевна, говоря это, видела, как лицо Костика медленно, неудержимо расплывается в счастливой улыбке. – Что касается твоей ориентации, то... это всего лишь ориентация. Человек не сводится к ориентации – есть масса других характеристик, определяющих человека... ум, порядочность, способность к состраданию... да много чего – свет не сходится клином на одной ориентации. Тебе нравится мальчик, ты в него влюблен... любовь ещё никого не сделала хуже! Конечно, я не ожидала... не ожидала и никогда не думала, что будет так, но... ты уже взрослый, Костя, и это твоя территория – тебе решать, кого любить на своей территории... твоё счастье, Костя, уже не в моих руках – оно в твоих руках, и мне остаётся только верить, что ты... что мой сын останется таким же умным, добрым, честным, каким был всегда... вот, Костя, что думаю я!» «Мама! – Костик, в глубине души надеявшийся, что мама хотя бы попытается, постарается его понять, что она не отдалится, не оттолкнёт его, и потому никак не ожидавший такой реакции, не в силах сдержаться, порывисто вскочил с места, стремительно обогнул стол и, обняв Софью Моисеевну за плечи, прижался щекой к щеке. – Ты самая лучшая, самая мудрая... самая-самая! – У Костика от избытка чувств на мгновение перехватило дыхание. – Mam, я люблю тебя!» «А до этого не любил?» – Софья Моисеевна тихо рассмеялась. «Всегда любил! Но теперь люблю еще больше! – рассмеялся Костик и, не зная, что сказать ещё, чувствуя, как его распирает от счастья, весело проговорил, как говорил он часто: – Я что-то проголодался... не пора ли перекусить?» – Костик

неожиданно почувствовал приступ голода. «Ну, так садись... я сейчас разогрею твой ужин, – Софья Моисеевна встала из-за стола, поставила тарелку в микроволновку, достала из хлебницы плетеную корзинку с нарезанным хлебом... ничего не изменилось! Нет, изменилось! Всё изменилось – он, Костик, теперь был счастлив окончательно и бесповоротно! Два любимых человека – Андрей и мама – были в его жизнь, были его жизнью, и жизнь... жизнь была прекрасна!

Кости нашел гостевой домик, где номера сдавались на несколько часов, и таким образом вопрос с уединением для любви был решен, - Костик и Андрей любили друг друга страстно, безоглядно, до изнеможения... Костик довольно часто или Андрея привозил на работу, или с работы Андрея забирал, и вскоре на автозаправке все пришли к выводу, что у Андрея с парнем-красавчиком, приезжающем на «Фольксвагене», любовь... они часто вместе завтракали или ужинали, вместе валялись на пляже... они всё так же называли друг друга красавчиками – иногда в шутку, иногда с нежностью... по вечерам, когда у Андрея были ночные смены, Костик сидел дома – готовился к защите диплома... Софья Моисеевна с головой ушла в строительство гостевого домика, и Костик безотказно возил её по её делам, помогал разбираться с разной документацией... ни во внешности сына, ни в его поведении не было даже намёка на то, что у него д р у г а я , с в о я ориентацию, и Софья Моисеевна уже не ловила себя на мысли, что Костик – гей... он, её сын, был счастлив, а гей он или не гей... разве это так важно!

Диплом Костик защитил на «отлично», защита была трудной, оппоненты хорошо подготовились, но и Костик оказался не лыком шит – своего научного руководителя он не подвёл, и тот потом долго жал Костику руку, говорил, какой Костик умница и какой молодец. Софья Моисеевна предложила Костику получение красного диплома отметить, и Костик, подумав, что маме хочется посидеть в ресторане, без всяких раздумий согласился: конечно, они отметят! Обязательно отметят – в самом лучшем ресторане! Но Софья Моисеевна неожиданно предложила отметить это событие дома – она сказала, что, если Костик хочет, он может пригласить Андрея, она приготовит шикарный ужин, и

они отметят Костиков диплом втроём, в узком кругу; время от времени они говорили об Андрее – Софья Моисеевна что-то спрашивала или, наоборот, Костик что-то коротко рассказывал, но каждый раз это было как бы мимоходом, как бы между делом, как бы вскользь, что, впрочем, не мешало Софье Моисеевне каждый раз подмечать, как при одном лишь упоминании Андрея у Костика неуловимо преображалось лицо, – Софья Моисеевна чувствовала, что Костика хочется познакомить её с Андреем, хочется поделиться своим счастьем, но она про возможность какого-либо своего знакомства с Андреем молчала, и умный Костик тоже ничего не говорил – тоже молчал, надеясь, что когда-нибудь это всё равно случится... и вот, наконец-то, мать сказала сыну, что если он хочет... конечно, он хочет! Ужин назначили на субботу, до которой было еще два дня, и два дня Костик был в предвкушении предстоящего события... разные события радуют-волнуют разных людей: кто-то переживает в унисон с телевизором, сидя перед лукавым голубым экраном, кто-то тихо, незаметно радуется, что у соседа по даче какой-нибудь жук-вредитель уничтожил высаженную в грунт рассаду помидор-огурцов, а его, Костика, волновала-радовала предстоящая встреча мамы и Андрея, – Костик был уверен, что Андрей маме понравится, обязательно понравится, и всё равно... всё равно это было волнительно! Андрей Софье Моисеевне понравился, – поначалу Андрей за столом смущался, было видно, как он мучительно подбирает слова, отвечая на какой-то простой житейский вопрос Костиковой мамы, но деликатность Софьи Моисеевны, её непринуждённость быстро разрядили обстановку, ни о каких ориентациях разговора даже близко не было, и вечер прошел замечательно; получилось так, что три близких – очень близких – человека просто встретились, вместе посидели за столом, получили удовольствие от приятного общения, – Костик и Андрей ничего не пили, но на столе стояла бутылка дорогого итальянского вина, купленная Софьей Моисеевной по случаю знакомства с любимым человеком сына, и Софья Моисеевна, поскольку мальчики пить отказались, сама выпила два небольших бокала сухого вина – один бокал за красный диплом Костика, а другой бокал за мальчиков... просто за них, за Костю и Андрея, без каких-либо уточнений. «У тебя изумительная мама!» – находясь под впечатлением от проведённого вечера, проговорил

Андрей, когда Костя вёз его домой. «Я ж тебе говорил! – весело отозвался Костик. – А ты боялся... красавчик ты мой!» «Как бы я хотел, чтоб у меня тоже были такие родители, – задумчиво проговорил Андрей и, помолчав, добавил: – Какой ты счастливый, Костя!» «А ты разве не счастливый?» – Костя, на секунду оторвав взгляд от дороги, покосился на Андрея. «Счастливый... с тобой счастливый! – Андрей положил ладонь Костику на коленку, как делал это часто, когда они ездили на «Фольксвагене». – Но если бы у меня были ещё такие родители, как твоя мама...» «Ты можешь, красавчик, быть смелее... я возражать не буду», – Костик, глядя на дорогу, чуть раздвинул ноги. «Ты хочешь поехать в наш бордель-дом?» – Андрей улыбнулся, но руку с коленки Костика не сдвинул, и Костик понял, что Андрей не сгорает от неодолимого желания. «Не сейчас, красавчик, – секунду помедлив, проговорил Костик. – Если ты сможешь потерпеть сутки, то мы осчастливим своим посещением наш бордель-дом завтра после ужина... сможешь вытерпишь?» – Костик с улыбкой покосился на сидящего рядом Андрея. «Ну, я буду стараться... изо всех сил буду стараться! – рассмеялся Андрей. – Но я тебя должен предупредить, что сил моих хватит только до завтрашнего вечера! – Андрей легонько сдавил пальцами Костикову коленку. – А что будет с собой, красавчик?» «Я сейчас вернусь домой, помогу маме помыть посуду, а потом тоже буду терпеть... я буду тоже терпеть изо всех сил! Но зато потом, когда мы снимем квартиру...» Костик высадил Андрея недалеко от его дома, сказал, что завтра утром, как обычно, он отвезёт Андрея на работу, – жизнь... впереди у них была жизнь, и они оба верили, они оба ни секунды не сомневались в том, что их любовь преодолет все преграды, одолеет все трудности! Костик уже нашел работу по специальности, он уже был на собеседовании – осенью он начнёт работать, Андрей тоже искал работу, чтобы не было ночных смен, они снимут себе квартиру, и... впереди была у них целая жизнь!..

Страшное случилось через три месяца. У Андрея была ночная смена. Утром Костик подъехал к автозаправке, стал в стороне, где становился всегда, когда привозил Андрея или за Андреем приезжал; они должны были позавтракать вместе, после обеда планировали съездить на пляж, а вечером хотели уединиться в бордель-доме, как они в шутку называли гостевой домик, где

сдача номеров была почасовой; словом, впереди у них был обычный летний день, – Костик, сидя в «Фольксвагене» в ожидании Андрея, удивился, что в его сторону идёт не Андрей, а одна из заправщиц; на заправке работало шесть человек, по два человека на смену: Андрей, ещё один парень, три молоденьких девчонки и женщина средних лет, – Андрей Костику про всех что-то рассказывал, Костик всех знал по именам, со всеми приветливо здоровался, и что они про него. про Костика, говорили между собой, Костику было совершенно всё равно – он привозил или увозил Андрея, всё остальное не имело никакого значения. Подошла к «Фольксвагену» с ждущим Андрея Костиком женщина средних лет; она всегда была хмурая, не улыбочивая, какая-то вечно усталая, неразговорчивая, и Андрей про неё рассказывал меньше всего – рассказывать про эту женщину было нечего; теперь она была в таком же, как у всех, синем комбинезоне, начиналась её смена, то есть она и ещё два девчонка сменили Андрея и другую девчонку... Костик поздоровался, улыбнулся, но женщина ни на его приветствие, ни на улыбку никак не отреагировала. «Парень, ты Андрея ждёшь?» – спросила женщина бесцветным голосом. «Да, – кивнул головой Костик и снова улыбнулся: – Где он?» Ни то, что Андрей до сих пор не вышел из приземистого здания автозаправки, ни то, что вместо Андрея подошла эта женщина, что-то сказавшая своей напарнице, ни её вопрос ни на секунду не вызвали у Костика ни недоумения, ни какого-либо беспокойства – Костику было двадцать два года, он был молод, был счастлив, и вера в незыблемость своего счастья даже мысли не допускала в хрупкость или недолговечность человеческого бытия. «Нет его», – тихо ответила женщина. «А где он?» – продолжая улыбаться, легко, беспечно спросил-повторил Костик. Женщина отвела взгляд в сторону, пожевала губами и, вновь посмотрев на Костика, так же тихо произнесла: «Убили его...» Костик услышал эти слова, сказанные женщиной, и в первую секунду ничего не понял. «Кого убили?» – спросил Костик, с недоумением глядя на женщину. «Андрея убили... сегодня ночью», – всё тем же бесцветным голосом проговорила женщина. До Костика стал доходить смысл сказанного женщиной: убили... Андрея убили?! Глупость какая-то... он, Костик, смотрел на женщину, не понимая, как слова «убили» и «Андрея» могут вообще сочетаться, стоять

рядом... что это – чей-то глупый розыгрыш? «Ты, парень, не жди – нет больше Андрея... мы утром приехали на смену, а здесь такое...» «Кто убил?» – еще до конца не понимая, до конца не осознавая услышанное, автоматически проговорил Костик, как будто это могло иметь какое-то значение. «Ночью... подъехали трое – он их заправил... а потом что-то случилось... когда Галка выбежала, Андрей уже лежал на асфальте, они били его ногами... кричали что-то... и ещё нож там был – они пырнули Андрея ножом... Галка стала кричать, потом стала звонить в полицию... а когда приехала «Скорая», Андрей был уже мертв... увезли его... в морг, наверное... – женщина вздохнула. – Хороший был парень... добрый, весёлый, приветливый... а вот как всё получилось... крови было много на асфальте – мы кровь замыли, уже нет ничего, асфальт чистый... жалко парня...» Костик слушал, медленно, через силу понимая то, что говорит женщина... видимо, он побледнел, потому что женщина вдруг спросила: «Парень, тебе, может, воды принести... у нас там аптечка есть... я сейчас... посиди пока!» – в тусклом голосе женщины мелькнуло беспокойство. «Не надо...» – прошептал Костик; всё его существо сопротивлялось услышанному, мозг отказывался воспринимать то, что сказала женщина, – Костик почувствовал, как что-то горячее, тяжёлое поднимается к горлу, мешает дышать, и сердце... сердце словно кто-то больно-больно сжал в кулаке. «Ты посиди немного... – проговорила женщина. – Я работать пошла, а ты посиди... посиди здесь чуток... ничего теперь не поделаешь... просто посиди...» Женщина, постояв еще несколько секунд, развернулась и торопливо пошла к заправке – девчонка без напарницы явно не управлялась одна, из подъезжающих машин уже стала образовываться очередь, и девчонка-напарница явно не справлялась с заправкой подъезжающих машин. А Костик... т а к не разыгрывают, и это был не глупый розыгрыш – это была правда... страшная правда, не укладывающаяся в голову, не поддающаяся осмыслению: Андрея... его Андрея... его Андрея н е т... и – жизнь для Костика в один миг остановилась.

У Костика, наверное, был шок, было шоковое состояние: едва женщина отошла, как «Фольксваген» сорвался с места... понимал ли Костик, что он делает? Видел ли он что-то вокруг себя? Он мчался по трассе, и только одна мысль... одна мысль билась в его сознании: «нет! нет! нет!»... что означало это «нет»? Н е т

Андрея? Или н е т, такого не может быть – это всё сон, какой-то безумный бред?.. Костик вообще плохо помнил этот день; промелькнула трансформаторная будка, стоящая на обочине трассы, и Костик подумал... не подумал, а краем пульсирующего сознания отметил, что дальше, через несколько километров, будет крутой поворот налево, и если добавить скорость и на повороте не повернуть, то его «Фольксваген» легко пробьёт опоясывающее поворот ограждение, и он... справа была пропасть – он улетит к Андрею, улетит туда, где они снова будут вместе, снова будут счастливы... наверное, именно так и случилось бы, но в следующее мгновение Костик подумал... и снова он не подумал, как думают люди в обычном состоянии, а в его меркнувшем, пульсирующем сознании вдруг полыхнуло слово «мама», – Костик, не отдавая себе отчёта, автоматически сбросил скорость, и «Фольксваген» замер, остановился в нескольких десятках метров от опасного поворота... почему в его меркнувшем сознании буквально за пару минут до, казалось бы, уже неизбежного полёта в вечность спасительным тормозом полыхнуло слово «мама»? Потому что в его жизни значимыми, определяющими его связь с миром были только два человека – Андрей и мама? Андрея уже не было, а мама... слово это вспыхнуло-возникло как напоминание, что ему, Костику, только двадцать два года, что впереди ещё целая жизнь, что жизнь не кончилась... жизнь без Андрея, которого он, Костик, любил больше жизни? А жизнь матери без него, без Кости, в котором она души не чаяла? Как-то всё это переплелось, всё сплавилось: жизнь, смерть... в чём вообще смысл жизни, если есть смерть?.. Понятно, что ни о чём таком Костик не думал, ничего он не анализировал – он просто остановил «Фольксваген» за несколько метров до смерти, он разминулся со смертью на пару секунд, но и об этом он тоже не думал... Потом он до вечера сидел на пустынном берегу, безучастно, опустошенно смотрел на море; он думал об Андрее, но думал хаотично, без начала и конца – начинал думать, мысль обрывалась, он снова начинал думать, пытался сконцентрироваться, удержать Андрея перед мысленным взором, но Андрей ускользал, Костик пытался сосредоточиться, и ничего... ничего у него не получалось, – волны шелестели о прибрежную гальку, как шелестели всегда, и Костику казалось, что Андрей никуда не исчез, никуда не делся, он е с т ь, –

просто он, красавчик, играет с ним, с Костиком, в какую-то непонятную игру... Ближе к вечеру Костик подумал, что они должны вместе поужинать, и Андрей, наверное, его ждёт, – Костик вернулся в город... уже стемнело, а «Фольксваген» всё стоял и стоял на том месте, где останавливался всегда, когда Костик приезжал за Андреем или Андрея привозил домой, – с этого места хорошо был виден подъезд, откуда Андрей выходил, улыбаясь миру... и даже когда он не улыбался, он всё равно улыбался, он всегда улыбался, выходя из подъезда – видя ждущего его Костика, и теперь Костик тоже ждал: вот сейчас Андрей выйдет, улыбнётся, и всё... всё-всё вернётся... одна часть сознания говорила Костику, что Андрея н е т, а другой частью сознания Костик ждал – он неотрывно смотрел на освещенную электрической лампочкой дверь, он не словами даже, а всем своим существом молил: ну, красавчик... ну... где же ты... где ты? Выходи... молил Костик; это было похоже на безумие, и неизвестно, сколько так ещё просидел бы Костик в «Фольксвагене», глядя на дверь, если б не телефонный звонок, – Костик вздрогнул, торопливо достал телефон, о котором за весь день он почему-то ни разу не вспомнил, и, подумав, что это, наверное, звонит Андрей, впился глазами в дисплей – звонила мама; Костик автоматически нажал кнопку отмены, и тут же подумал, что надо позвонить Андрею... надо просто позвонить Андрею, и Андрей отзовется... почему он до этого не додумался раньше?! Костик торопливо пролистал в телефоне адресную книгу, нашел слово «красавчик», нажал на вызов – телефон на секунду замер, Костик затаил дыхание, в телефоне раздались гудки вызова... никто не ответил; Костик позвонил Андрею еще раз, и ещё, и ещё... никто не отвечал, вызовы уходили в пустоту... снова зазвонил телефон, и снова на дисплее высветилось слово «мама», – Костик, глядя на дисплей, почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы; вызов прекратился, и телефон в руке Костика тут же зазвонил вновь – Костик нажал кнопку ответа и, с трудом сдерживая рыдания, быстро проговорил: «Мам... я сейчас буду... сейчас...» «Костя, ты где? Что случилось?» – Софья Моисеевна по голосу сына поняла, что что-то случилось. «Я сейчас... сейчас буду...» – повторил Костик, нажимая на кнопку окончания разговора, – его душили рыдания... с того самого момента, как женщина-заправщица сказала Костику, что А н д р е я н е т, Костик был словно в

анабиозе: и когда он мчался по трассе, чудом избежав нескольких столкновений с другими автомобилями, и когда остановился за несколько десятков метров от поворота – от развилки между жизнью и смертью, и когда безучастно смотрел на море, сидя на берегу, и теперь, когда он, глядя на дверь подъезда, терпеливо ждал, как красавчик... как его принц, его любовь, его счастье выйдет с улыбкой из подъезда – весь этот длинный летний день Костик был словно замороженный, эмоции были отключены, он лишь думал, точнее, он пытался думать, пытался собрать мысли, осознать то страшное, что случилось, и только теперь, увидев на дисплее слово «мама», услышав живой, встревоженный голос Софьи Моисеевны, он почувствовал... что он почувствовал? Весь день он был словно в тисках, тщётно пытаясь случившееся осмыслить, осознать умом, понять дробящимся, то и дело ускользающим сознанием, и вот тиски... эти невидимые тиски внезапно разжались, в один миг исчезли, и... не стараясь сдерживать себя, содрогаясь всем телом, Костик навзрыд заплакал... телефон звонил и звонил, а Костик не отвечал, он просто физически не мог ответить – его душили рыдания...

Софья Моисеевна, услышав, как провернулся в замке ключ, бросилась к двери – она места себе не находила после странного короткого разговора с Костиком, после того, как Костик вообще перестал отвечать на звонки, – он, Костик, шагнул в прихожую, и Софья Моисеевна увидела мокрые заплаканные глаза сына. «Костя! Что случилось?!» – испуганно проговорила Софья Моисеевна. «Его нет... – прошептал Костик, и лицо его поплыло, перекошилось от плача. – Мама, его нет...» «Кого нет?» – проговорила Софья Моисеевна, уже догадываясь, уже понимая, а ком говорит Костик; она никогда не видела Костика плачущим – ни тогда, когда погибли его родители, ни потом, позже... никогда Костик не плакал, и когда он в двенадцать лет прищемил себе палец на руке, и палец посинел, и это было, наверное, адски больно, ни одной слезинки не показалось на глазах Кости – он тряс рукой, он приседал от боли, ходил по комнате, он от боли гримасничал, кусал губы, по почему-то не плакал; Костик никогда, никогда не плакал – ни от боли, ни от обиды, и Софья Моисеевна даже не знала, умеет ли Костик плакать вообще, а теперь он, её взрослый сын, стоял в прихожей, и слёзы катились по его щекам... «Андрея нет... – прошептал

Костик как-то по-детски беспомощно, и плечи его затряслись от рыданий. – Мама... они убили его... нет его... они убили его...» «Господи... Костя! – прошептала Софья Моисеевна; она рывком притянула Костика к себе, прижала его к себе, словно маленького... убили... убили Андрея?! В это было трудно, невозможно поверить, но Костик плакал, плакал навзрыд, взхлёб, плечи его содрогались, и Софья Моисеевна, одной рукой прижимая его вздрагивающие плечи к себе, ладонью другой руки гладила его по голове, словно стараясь тем самым разделить его боль, – она не успокаивала Костика, ни о чём его не спрашивала, ничего не пыталась выяснить, узнать – она просто была рядом...

Два дня Костик пролежал на кровати, отвернувшись к стене, – он не разделся, не разобрал постель, он прост лежал... лежал и думал, пытаюсь осознать случившееся. Андрея нет... его счастья больше нет... за что... за что они убили его?! Костик думал, плакал, снова думал... два дня он пролежал, не вставая, и два дня Софья Моисеевна не выходила из квартиры – она была рядом с сыном; она заходила в комнату Костика, садилась на край его постели, молча клала руку на его плечо... что могла она сделать ещё – как могла она помочь Костику? Это была его утрата, его боль, и она... она просто была рядом; она думала об Андрее: такой светлый, такой чистый мальчик... где и кому он мог помешать?! Она видела Андрея всего один раз, когда они – втроём – отмечали получение Костиком диплома... она видела, как они – Костя и Андрей – то и дело непроизвольно обменивались взглядами, видела, как искрились при этом их взгляды, и... она понимала, что это любовь, настоящая любовь – её Костик, её любимый сын, был счастлив... пусть это была д р у г а я любовь, любовь другой ориентации, но... разве счастье имеет ориентацию? И разве не это согревает сердце любой матери – видеть счастливыми своих выросших детей? Конечно, она, любящая мать, до признания Костика понятия не имела, что Костику нравятся не девушки, а парни, что у него, у Костика, т а к а я ориентация – Костик умело прятал, скрывал это, но она знала сердце своего сына, и потому она... она твёрдо знала, что открыть своё сердце, полюбить всем сердцем сын её мог только такого же светлого человека, каким был сам... он, Костик, всем сердцем прикипел к Андрею, он слился с Андреем в одно целое, сплавился с Андреем в своём молодом, безоглядно шумящем счастье, и теперь...

Костик встал на третий день – с почерневшим, осунувшимся лицом, с красными, опухшими от слез глазами, и взгляд у Костика... взгляд у него был совсем другим – не беспечно веселым, как всегда, не искрящимся от счастья, как это было в последнее время, а тусклым, отрешенно спокойным, обращенным куда-то вглубь себя... и снова Софья Моисеевна, видя состояние Костика, понимая его состояние, ни о чём не стала расспрашивать, полагая, что боль у Костика рано или поздно притупится и Костик расскажет сам, что случилось... за завтраком Софья Моисеевна мягко, стараясь, чтоб её голос прозвучал буднично, поинтересовалась-спросила: «Что будешь делать сегодня?» «Не знаю, – Костик, оторвав взгляд от тарелки, равнодушно пожал плечами; Андрея не было, и жизнь замерла, остановилась – он не знал, как без Андрея жить дальше. – До выхода на работу еще две недели... – бесцветным голосом проговорил Костик. – Если тебе надо, я могу побыть две недели у тебя водителем... если надо куда-то съездить... по каким-то твоим делам» «Костя, надо! – воскликнула Софья Моисеевна. – Очень надо! Сейчас мы позавтракаем, и...» – она, Софья Моисеевна, искренне обрадовалась, что Костик пусть так, пусть равнодушно, но возвращается к жизни...

Между тем, Костик знал, что ему надо делать... пусть не сегодня, пусть через день или даже через неделю, но он это сделает обязательно – он увидит Галку, которая в ту ночную смену работала вместе с Андреем, и всё узнает... обязательно всё узнает. Он проезжал мимо автозаправки днём, проезжал вечером, но Галки не было; на автозаправке работало шесть человек – четыре девчонки, хмурая женщина средних лет и парень чуть старше Костика; заправщики в сменах менялись, и Андрей обо всех что-то рассказывал, – Костик, когда привозил Андрея или когда приезжал за Андреем, со всеми приветливо здоровался, девчонкам весело махал рукой... теперь он каждый день проезжал мимо заправки – сбрасывал скорость, всматривался в девонок, но Галки среди них не было, и Костик уже начал беспокоиться, что Галка, быть может, заболела или вообще рассчиталась, ушла с автозаправки... наконец, на шестой день, он увидел Галку, – Галке было лет восемнадцать или девятнадцать, была она невысокая, худенькая, синий комбинезон на ней немного топорщился, был для неё великоват... машин на заправке не было, –

Костик не стал заезжать на территорию автозаправки, как это делал прежде, когда был Андрей, а, чуть проехав, остановил «Фольксваген» на обочине трассы – вылез из машины и, неотрывно глядя на Галку, словно боясь, что она куда-то денется, испарится-исчезнет, медленно пошел туда, где он впервые увидел своего красавчика, где встретил тёплой майской ночью свою любовь... Галка увидела Костика, когда Костик уже подошел, был уже рядом, и Костик успел заметить, как в глазах Галки мелькнул испуг – испуг и любопытство... за спиной у Андрея девчонки шушукались, что их Андрей, наверное, г о л у б о й и что у Андрея с парнем, который его регулярно привозит или увозит, наверное, л ю б о в ь, – теперь этот парень стоял перед Галкой, и взгляд парня, устремлённый на неё, на Галку, был каким-то беспомощно просящим и одновременно требовательным, вопрошающим; «Здравствуйте, – спокойным голосом проговорил Костик, глядя на Галку. – Я друг Андрея, с которым вы вместе работали в ту ночь, когда...» – Костик осекся, не договорив до конца. «Я знаю вас, – Галка быстро кивнула головой. – Вы приезжали сюда, когда... – она хотела сказать «когда Андрей был жив», но тоже осеклась, не договорила до конца. «Да, – подтвердил Костик внешне спокойно и безучастно. – Я хочу вас спросить... хочу узнать про ту ночь... – Костик покосился на парня, стоявшего рядом с ними; Андрея не было, и Костику, было всё равно, стоит этот парень рядом или нет, но этого парня не было здесь в т у ночь, когда убили Андрея, и потому, вновь посмотрев на Галку, Костик произнёс: – Пока машин нет... мы можем отойти в сторону? Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что здесь случилось...» В глазах Галки снова мелькнул испуг: «Я не знаю... я уже всё... я всё рассказывала...» – быстро проговорила Галка; она опустила глаза, затем вновь посмотрела на Костика. «Галя... – тихо, с нажимом в голосе проговорил Костик. – Я прошу вас...» И в голосе Костика, и в его взгляде было что-то такое, что не оставляло Галке выбора; она беспомощно посмотрела на парня-напарника, стоявшего рядом: «Леша, я отойду на минуту... на минуту, пока нет машин...» Леша флегматично кивнул головой, и они, Костик и Галка, отошли в сторону. Собственно, Галка уже всем всё-всё рассказывала – и приехавшим полицейским, и тем, кто работал с ней на заправке... она знала, что парень этот в то утро приехал, как обычно, за Андреем и что ему её сменщица тоже всё

рассказала, но теперь он приехал снова – он хотел услышать о случившемся от неё, от Галки, и Галка, отведя взгляд в сторону, снова стала рассказывать... была ночь, точнее, был четвертый час утра... машин не было, и они, Андрей и Галка, пили чай... потом подъехала «Ауди», резко посигналила... Андрей сказал, что сейчас он заправит машину и вернётся... еще пошутил, сказал весело: «Не пей мой чай в моё отсутствие»... да, именно так сказал – это были его последние слова... он ушел, а она, Галка, осталась в комнате... потом она минут через пять услышала голоса... слов было не разобрать – просто голоса... потом послышалась возня... Костик слушал внимательно, напряженно; иногда он перебивал Галку, что-то переспрашивал, уточнял, – это были последние секунды жизни Андрея, и Костик хотел знать всё, до самой мельчайшей подробности... последние мгновения жизни Андрея... послышалась возня, снова неразборчивые голоса... потом словно вскрик... короткий вскрик, – она, Галка, выглянула из помещения... Андрей лежал на асфальте, а эти трое... да, их было трое... то ли качки, то ли спортсмены – они били лежащего на асфальте Андрея ногами... сильно били... Андрей лежал на боку, схватившись за живот, а они били... она, Галка, закричала... страшно сделалось... страшно – до ужаса... она закричала, и они... наверное, они были обдолбанные – они даже не сразу отреагировали на её крик... она бросилась назад, в помещение, чтоб звонить в полицию... стала звонить – руки тряслись, руки не слушались... она видела из окна, как они сели в «Ауди», и машина рванула с места... белого цвета была машина, номер она не видела... «Скорая» быстро приехала, но помочь Андрею они уже ничем не могли... Андрея сначала ударили ножом, а потом, когда он упал, били ногами – так сказал врач из «Скорой»... она только видела, как его били... крови на асфальте было много... полиция тоже приезжала – её, Галку, расспросили, и потом ещё вызывали в полицию через два дня, снова следователь расспрашивал... у неё, у Галки, был нервный срыв – она несколько дней не работала... вот всё, что она знает – что видела и о чём она может рассказать. «Галка... – тихо проговорил Костик. – Когда эти трое... когда они били Андрея, они что-то кричали?» Женщина-заправщица говорила, что кричали... били и что-то кричали, но Галка об этом ничего не сказала, и Костик подумал, что это, быть может, тоже важно. «Кричали...» – чуть помедлив,

отозвалась Галка, и в её глазах на какую-то долю секунды снова мелькнул испуг. «Что они кричали?» – Костик почувствовал, как Галка неуловимо сжалась, внутренне напряглась. «Они кричали... – словно через силу, медленно проговорила Галка и, запнувшись, отвела взгляд в сторону. – Я не хочу говорить...» «Галя... ты должна мне сказать, – ровным, внешне спокойным голосом произнёс Костик, всматриваясь в Галкино лицо; Галка не смотрела на Костика – Галка смотрела в сторону. – Что они кричали? – с едва заметным нажимом в голосе повторил Костик свой вопрос. – Галя... что они кричали?» «Кричали... они кричали "грёбаный педик"», – быстро проговорила Галка, не глядя Костику в глаза. Ни один мускул не дрогнул на лице Костика – только взгляд его... взгляд его неуловимо изменился. «Это всё... всё, что они кричали?» – тихо проговорил Костик тем же ровным, внешне безучастным голосом. «Да, – тихо отозвалась Галка. – Только это кричали... били и кричали... только это кричали...» Она, Галка, не хотела об этом говорить, не хотела произносить эти два слова, но парень настаивал – и она сказала, – теперь этот парень, стоявший перед ней, знал в с ё, что-то ещё добавить к тому, что она рассказала, ей было нечего. «Спасибо, Галя, что рассказали... что сказали...» – Костик почувствовал, как невидимый комок подкатывает к горлу... он медленно шел к стоявшему на обочине «Фольксвагену», Галка смотрела ему вслед, и ей, Галке, было искренне жаль... ей было жалко Андрея, всегда весёлого, заражавшего всех своим позитивом, ей было жалко этого парня, который всегда, когда приезжал и видел Галку, с лучистой улыбкой шутливо махал ей, Галке, рукой, а она в ответ махала рукой ему, – Галка смотрела вслед уходящему парню, и ей казалось, что плечи у парня вздрагивают...

«Значит, грёбаный педик... Андрей – грёбаный педик... и я... я тоже грёбаный педик... мы – грёбанные педики... и потому... именно потому эти три куса безмозглого мяса... три обдолбанных ублюдка Андрея убили... потому что он грёбаный педик... они приехали – и убили... они не могли за пять минут узнать, что Андрей гей – ни во внешности Андрея, ни в его разговоре, ни в его общении не было ничего такого, что говорило бы о том, что он гей... ни малейшего намёка не было на то, что он гей... эти ублюдки могли увидеть Андрея здесь, на заправке – увидеть в те минуты, когда Андрей был счастлив, когда он светился

от счастья, направляясь к ждущему его «Фольксвагену»... он, Андрей, светился от счастья... красавчик... сказочный принц на автозаправке... какое им, этим ублюдкам, было дело до чужого счастья... приехали, заправились – и поехали дальше... а они приехали ночью, приехали специально, целенаправленно... приехали, чтобы убить... убить грёбаного педика... качки... или спортсмены... три куска мяса... три безмозглых ублюдка, накачанных ненавистью к геям... что они знают о любви... что они знают о счастье... что они, эти безмозглые куски мяса, вообще могут знать о человеческом счастье?» – «Фольксваген» стоял на пустынном берегу моря, на том самом месте, где он стоял в день убийства Андрея, только теперь Костик сидел не в «Фольксвагене», а сидел, обхватив колени руками, у самой кромки воды; набегающие волны с шелестом перекачивали с места на место мелкие камни, ещё не ставшие галькой, – Костик, неподвижно сидящий под палящим солнцем, смотрел вдаль... он думал об Андрее... думал о том, что Андрея в этом мире больше нет... он вспоминал, как они познакомились... вспоминал, как упоительно счастливы они были в своей промелькнувшей, как миг, любви... вспоминал, как строили они планы на своё общее будущее, которого у них, у него с Андреем, теперь уже никогда не будет... никогда, никогда не будет Андрея, не будет счастья видеть его, любить, называть красавчиком... – Костик думал о хрупкости жизни, об убитом, вмиг оборвавшемся счастье, о жестокой несправедливости мира, о ненависти к геям, о своей жизни без Андрея...

Вечером, во время ужина, Костик бесцветным голосом проговорил: «Мам, я уеду...» «Куда?» – Софья Моисеевна посмотрела на Костика с легким удивлением. «Не знаю... куда-нибудь, – Костик, оторвав взгляд от тарелки, спокойно посмотрел на мать. – Ты говорила когда-то, что у нас есть родственники на Кипре... ты с ними можешь связаться?» «Костя... – Софья Моисеевна растерялась. – Это дальние родственники, и у меня с ними нет... давно уже нет никакой связи – я даже не знаю, живы ли они... но... при чём здесь Кипр? – Софья Моисеевна смотрела на Костика с недоумением. – Ты хочешь куда-то съездить?» Костик, не отвечая, вновь наклонил голову над тарелкой; ушло, кануло в прошлое то время, когда Костя был весел, когда он шутил, что-то рассказывал, казался легкомысленным, беспечным, и Софья

Моисеевна, понимая состояние Костика, не лезла к нему в душу – она просто готова была в любое время выслушать, поддержать; но сейчас Костя сказал странные, непонятные слова – он сказал, что хочет уехать... хочет уехать «куда-нибудь» – он спросил про Кипр, и недоумение у Софьи Моисеевны сменилось беспокойством. «Костя! Объясни...» – мягко и вместе с тем требовательно проговорила Софья Моисеевна, глядя на склонённую над тарелкой голову сына; конечно, Костя был взрослый, он был вправе принимать любые решения, но... разве был он взрослым для неё, для матери? Костик поднял голову, спокойно посмотрел на мать, и... у Софьи Моисеевны уже в который раз за прошедшую неделю возникло ощущение, что Костя смотрит не на неё – он смотрит ей в глаза, но взгляд его обращён куда-то вовнутрь, вглубь самого себя. «Я уеду из этой страны», – тихо, спокойно произнёс Костик, и от этих слов его, от будничной интонации, с какой он это сказал, у Софьи Моисеевны похолодело в груди. «Как... почему ты уедешь?» – растерянно проговорила Софья Моисеевна, всматриваясь в глаза сына. «Ты знаешь, почему они убили Андрея?» – спокойно, без какой-либо интонации в голосе проговорил Костик. «Нет... ты не говорил об этом... ты ничего не говорил...» – Софья Моисеевна отрицательно качнула головой. «Я сам не знал... и узнал об этом только сегодня – я ездил на автозаправку, и девушка, которая в ту ночь работала вместе Андреем, мне рассказала... они убили его... убили потому... потому, что он был геем – никаких других причин у них не было... они ударили его ножом, а когда он упал, они стали бить его ногами... он лежал на асфальте... он умирал, а они его били... трое их было... били ногами, били и кричали: "грёбаный педик"... только это кричали, только это: "грёбаный педик"... он для них не был человеком – он для них был грёбанным педиком... и за это... за это его убили – за то, что Андрей... за то, что Андрей был геем, и он был счастлив... и я тоже... я тоже грёбаный педик... я тоже, мама, грёбаный педик... мы были счастливы, но... в этой стране мы не люди – в этой стране мы грёбанные педики... и я... я уеду, мама... уеду куда-нибудь – куда угодно, мне всё равно... я не хочу жить в этой стране – я не хочу быть грёбаным педиком...» – Костик проговорил всё это спокойно, отстранённо – словно он говорил не об Андрее, не о себе, не о своём растоптанном, на взлёте оборвавшемся счастье. «Какой ужас... – чуть слышно

прошептала Софья Моисеевна. – Костя, их нашли? Тех, кто... нашли их?» «Не знаю...» – Костик так же спокойно, отстранёно пожал плечами, и Софья Моисеевна подумала, что, наверное, им обоим было бы легче сейчас... было бы легче, если б Костик плакал, как плакал он тогда, когда пришел с этой страшной вестью, но глаза у Костика были сухие – он, Костик, выплакал все свои слёзы, он передумал все свои думы, он твёрдо решил... какое-то время они молчали. «Костя, Андрея уже не вернуть... – нарушая молчание, тихо проговорила Софья Моисеевна – Он был хороший мальчик, светлый... и я полюбила его так же, как люблю тебя, полюбила потому, что любил его ты, но... что случилось – то случилось, и здесь уже ничего не исправить, ты это знаешь сам... ты молод, Костя, и потому... потому ты просто поверь мне: время, Костя, лечит всё... по-другому не может быть... боль утихает, и жизнь продолжается... ты сказал, что хочешь уехать... но ведь такие звери есть где угодно, и где угодно может случиться такое преступление... разве дело в стране? Дело, Костя, в людях...» «В людях... – словно эхо, отозвался Костик. – А люди, мама, живут в странах... в разных странах... только в одних странах геи – это грёбаные педики, а в других странах геи являются тоже людьми, самыми обычными людьми... они являются такими же, как все, их там не называют извращенцами и преступниками, их не преследуют только за то, что у них другая ориентация, их не убивают за это... – Костик на секунду умолк; видно было, что он обо всём этом уже думал, и теперь он просто говорил – покойно говорил, буднично. – Конечно, ублюдков хватает везде, они есть в любой стране, но... в других странах ненависть к геям не поощряется, она пресекается, в других странах геи чувствуют себя такими же людьми, как все... а в этой стране ненависть к геям пропагандируется, прививается, культивируется, здесь о геях из всех утюгов кричат, что геи – это не люди, что все геи педофилы, что они исчадие ада, что геев надо уничтожать... одни ублюдки призывают в телевизоре сжигать геев, другие ублюдки под воздействием пропаганды на геев охотятся, унижают геев, убивают... и я не хочу... я не хочу, мама, жить в этой стране – я уеду из этой страны...» Если б Костик говорил это в запале, если б он спорил, говорил-доказывал, Софьи Моисеевне было бы легче Костику возражать, но Костик, во-первых, был прав, по телевизору действительно

показывали разные сюжеты, в которых геев изображали карикатурно или о геях говорили как о преступниках и извращенцах, а во-вторых, Костик говорил это спокойно, говорил без всяких эмоций – он констатировал то, что для него было очевидно, это было его видением мира применительно к своей ориентации и к своей судьбе... что могла возразить Костику Софья Моисеевна в такой ситуации – в ситуации, когда Костик, её сын, потерял близкого человека? «Костя... по телевизору много чего говорят, а жизнь продолжается – жизнь идёт своим чередом, и люди... большинству людей нет никакого дела до геев – люди живут своей жизнью, и уезжать из-за того, что говорят по телевизору... это опрометчиво, Костя... ты здесь вырос, здесь учился... – Софья Моисеевна медленно подбирала аргументы, желая объяснить Костику, что его мысль о том, что ему надо куда-то уезжать, является поспешной, недальновидной. – Здесь ты вырос, здесь получил образование, здесь нашел хорошую работу...» «Здесь убили Андрея, мама... здесь мы не могли пройти по улице, взявшись за руки, здесь я должен скрывать свою ориентацию, здесь я должен постоянно притворяться не тем, кем я являюсь на самом деле... – перебил Костик мать. – Здесь набирает силу фашизм, и я... я не хочу жить в этой стране – я уеду... я уеду отсюда, мама!» «Какой фашизм? – растерянно проговорила Софья Моисеевна. – Андрей погиб, это трагедия, тебе больно, Костя, но...» «Мама, ты не слышишь меня – ты не можешь всё это чувствовать так, как чувствую я... здесь, в этой стране, они создают атмосферу ненависти к геям, атмосферу нетерпимости, и я это вижу, я это чувствую – я чувствую эту атмосферу... вижу и чувствую, потому что, мама, я гей... я гей, и я не буду другим, я такой, какой есть... и я не хочу всю жизнь врать, не хочу всю жизнь изворачиваться, не хочу лицемерить – я не хочу всю жизнь подстраиваться под их лживые лицемерные "законы", не хочу всю жизнь жить с оглядкой, как будто я какой-то преступник... я не преступник, мама! Я не извращенец! Я такой же, как все! И я уеду... я уеду туда, где таких, как я, считают обычными людьми, а не извращенцами и не преступниками, где о людях не судят по их сексуальной ориентации... где людей за их ориентацию не убивают...» Что могла ответить на эти горькие слова Костика Софья Моисеевна? Она хорошо знала своего сына – знала его неспособность к конформизму, его

отношение ко лжи и лицемерию, – в таком отношении был какой-то максимализм, но... на всё нужно время. И боль проходит со временем, и притупляется с течением жизни максимализм... на всё нужно время! Какое-то время они молчали. «Ты же не завтра хочешь уехать?» – тихо спросила Софья Моисеевна. «Не завтра, – отозвался Костик. – У меня даже загранпаспорта нет... но я уеду, мама! Я не хочу жить в атмосфере ненависти, в мире лжи и лицемерия, в мире постоянного страха...» Софья Моисеевна вздохнула...

Костик уехал сразу после Нового года. Он проработал четыре месяца. Рассчитался. Получил загранпаспорт. Софья Моисеевна, с трудом сдерживая слёзы в аэропорту, сказала Косте, что она его любит, что он для неё лучше всех и что если что-то не будет складываться в Германии, то пусть он сразу же возвращается... и еще сказала, несколько раз сказала, чтобы он звонил, обязательно звонил, – когда объявили посадку на рейс, Софья Моисеевна, обняв Костика, заплакала... кто б мог подумать, что так всё получится. Накануне они – мать и сын – были на кладбище, на могиле Андрея, и там Софья Моисеевна, постояв немного и оставив Костю одного, сказав, что она будет ждать его на выходе с кладбища, шла к выходу и тоже плакала, – она видела Андрея всего один раз, когда они отмечали Костиков диплом, и Андрей ей запомнился очень светлым, порядочным, хорошим мальчиком... и так страшно, так непоправимо всё закончилось, в один миг всё оборвалось – жизнь, мечты, планы... когда был Андрей, Костик был счастлив, как бывают счастливы все любящие и любимые, у которых впереди целая жизнь, – за прошедшие месяцы после гибели Андрея Костик как-то заметно повзрослел, стал немногословным... он спрятал боль утраты глубоко в душе, – он ничего, совсем ничего не говорил об Андрее, словно Андрея в его жизни не было... просто он перестал улыбаться, и в глубине его глаз застыла, окаменела печаль, – он, Костик, уже не был таким легкомысленным и беспечным, каким он был прежде, каким был тогда, когда был счастлив...

Какое-то время Костик жил в Германии, потом перебрался во Францию, потом – так получилось – оказался в Греции... он регулярно звонил Софье Моисеевне – иногда коротко, иногда чуть подробнее рассказывал, что у него получается, что

не получается, как налаживается новая жизнь... возвращаться Костик назад не собирался, – в Греции он, Константинос, после разных пертурбаций нашел работу по специальности, там познакомился с парнем-испанцем, возникли отношения; Андрея никто заменить не мог, но жизнь не стояла на месте – жизнь продолжалась. Сама Софья Моисеевна после отъезда Костика как-то быстро сдала и внешне заметно постарела; к лету она достроила гостевой домик, продала квартиру в центре города, рассчиталась с кредиторами, поселилась в небольшом кирпичном флигеле на территории своего гостевого домика... жизнь продолжалась. Костик по прошествии нескольких лет получил греческое гражданство, с другом-испанцем переехал в Испанию... домой, точнее, в гости к маме Костик приехал спустя одиннадцать лет – он возмужал, но был так же по-юношески красив, подтянут и строен; жизнь в Европе придала ему европейский лоск; он был рад возвращению, он шутил и смеялся, как прежде, и только в глубине его глаз была заметна давняя, застывшая, окаменевшая печаль, – Софья Моисеевна не могла нарадоваться на своего Костика, не могла налюбоваться – она была счастлива... Костик, ничего не говоря матери, в один из дней съездил к Андрею – постоял у могилы Андрея, вспоминая о своём недолгом счастье; была осень, могилы вокруг были в пожелтевшей сухой траве, а у Андрея было чисто, могила Андрея была ухожена, и Костик подумал, что родители Андрея не забывают его, навещают, – вечером, за ужином, Костик сказал об этом Софье Моисеевне. «Я, Костя, езжу туда... не часто, но убираю там, привожу в порядок... – пояснила Софья Моисеевна. – Могилка совсем заброшена... родители то ли уехали, то ли им недосуг – столько времени прошло... а мне не трудно – поеду, посижу там... вспомню, какими вы были счастливыми...» – на глазах Софьи Моисеевны сами собой показались слёзы, но она быстро промокнула их салфеткой. «Спасибо, мама», – тихо произнёс Костик, и больше об этом – о том времени безоглядного счастья Костика, о тех страшных для Костика днях, когда Андрея не стало – они не вспоминали. Софья Моисеевна расспрашивала Костика о его жизни в Испании, о работе, о том, где и как он питается, чем занимается в свободное время... она хотела знать о Костике всё-всё! Старое правило не досаждать расспросами уже не работало – она так долго не видела сына, что имела право

на расспросы... она расспрашивала о Даниэле, испанском друге Костика, и про этого Даниэля она тоже хотела знать всё-всё, – пять дней Костик гостил у мамы, и пять дней она не могла нарадоваться на сына... провожая Костика в аэропорту, Софья Моисеевна сказала, чтобы он, Костя, в следующий раз прилетел вместе с Даниэлем... да-да, обязательно с Даниэлем! А почему нет? Мир разноцветный, а не черно-белый, и человек, приходя в мир, должен быть счастлив... у Костика всё было благополучно, он уже полностью интегрировался в другую – с в о ю – жизнь, он был вполне самодостаточен, был уверен в себе, в своём завтрашнем дне, в своём будущем, и это – то, что Костик не потерялся в жизни, что он нашел своё место под солнцем, что сохранил свои лучшие качества – было для неё, для матери, самым главным.

Теперь Софья Моисеевна ждала середины осени: Костя звонил весной, обещал в середине осени снова прилететь в гости... он сказал, что прилетит не один, а с Даниэлем, – она, мать, терпеливо ждала середины осени, ждала встречи с сыном...]

Понятно, что ни Толик, ушедший с террасы в комнату, ни Серёга, через пару минут ушедший вслед за Толиком, даже предположить не могли, что о них, самых обычных пацанах, могла подумать сидящая в старом кресле Софья Моисеевна, – хозяйка гостевого домика, по мнению мальчишек, была доброй, даже классной, но она казалась им старой, а потому не имеющей ни малейшего представления том, что могут делать молодые парни наедине...

Серёга вошел в комнату в тот момент, когда Толик уже закончил разговор по телефону, и Серёга услышал последние слова:

- Ну, всё, мам. пока!

- Вот! Твоя мама узнала, что ты жив и здоров, что в море сегодня ты не утонул, и теперь она будет спокойна до завтрашнего дня, – проговорил Серёга; через шорты сжимая напряженный член.

Толик, стоявший к Серёге спиной, оглянулся – и по взгляду Серёгиному, по выражению его лица, по руке, тискающей явно возбуждённый член, мгновенно понял, что Серёга хочет ещё... вот же блин! Какой неугомонный этот младший брат... в принципе, Толик был совсем не против повторения, но, во-первых, они кончили совсем недавно, перед ужином сбросили напряжение, и теперь можно было бы потерпеть, потому что родители Серёгины могли из гостей вернуться в любую минуту, и... зачем было рисковать – зачем нужно было ходить по краю? Но Серёге всё было нипочём: он быстро, уверенно подошел к Толику сзади и, с силой вдавившись стояком в Толиковы ягодицы, одной рукой обхватил Толика поперек груди, прижал Толика к себе, одновременно с этим ладонью второй руки скользнув Толику в шорты, – член у Толика не стоял, но, едва очутившись в Серёгиной ладони, член тут же стал стремительно затвердевать, стал наполняться щекотливо зудящей сладостью возбуждения...

- Серый, кончай,.. – Толик попытался вытащить Серёгину руку из своих шорт, но не тут-то было.

- Как можно кончить, не начиная? Ты, Толян, совсем не думаешь, что говоришь... – горячо прошептал Серёга, скользя горячими губами по шее Толика. – У тебя от желания крышу сносит – ты вообще не думаешь, что говоришь... вообще ничего не соображаешь!

- Серый, блин... – Толик тихо засмеялся. – Ты для этого гнал меня в комнату? Говорил мне, чтоб я шел в номер... для этого, да?

- Кто тебя гнал, мой догадливый брат? – прошептал-возразил Серёга. – Ты сам... сам мне сказал, что позвонить тебе надо обязательно в номере, а когда ты в номер уходил, ты с намёком мне подмигнул... или ты думаешь, что я не понимаю твоих намёков?

Разговаривать с Серёгой было бесполезно, – одной рукой прижимая Толика к себе, ладонью другой руки тиская в шортах твёрдый горячий Толиков член, Серёга через шорты возбуждённо, сладострастно тёрся стояком о Толиковы ягодицы... и всё б ничего, Толик нисколько бы не возражал, но мысль, что в любой момент могут вернуться Серёгины родители, могут застать, застучать их за т а к и м занятием, не позволяла Толику расслабиться.

- Серый, пусти... пусти меня! Я не хочу...

- Не наговаривай на себя, мой старший брат... я знаю, что ты хочешь! Я это чувствую! Не мешай мне делать тебе приятное... – Серёга, шепча это, потянул с Толика вниз шорты.

- Серый, ты офигел! Заканчивай... – Толик потянул свои чуть приспустившиеся шорты снова вверх, под словом «заканчивай» подразумевая «прекращай», но Серёга, верный себе, тут же слово «заканчивай» истолковал по-своему:

- Как я могу заканчивать, если ты мне мешаешь... стой спокойно, и я закончу! Толян... – Серёга снова скользнул горячими губами по шее Толика, и Толик невольно дёрнулся, содрогнулся от удовольствия. – Мы не будем ложиться... мы просто... просто постоим немного... по-братски постоим, и всё... – Серёга, говоря это, снова потянул шорты с Толика вниз.

- Серый, родители придут... – прошептал Толик, то ли податливо сопротивляясь натиску Серёги, то ли делая вид, что он этому натиску сопротивляется; «родители придут» – это был единственный и последний аргумент Толика.

- Не придут... мы быстро... – горячо прошептал Серёга, приспуская шорты с себя.

Теперь шорты у обоих были приспущены; Серега, прижимаясь к Толику сзади, сладострастно вдавливаясь залупившимся членом в расщелину между Толиковыми ягодицами, одной рукой по-прежнему прижимал Толика к себе, а кулаком другой руки тискал, сжимал напряженный Толиков член... потом они стоя тёрлись членами друг о друга, ласкали, тискали ладонями сочные булочки один у другого, драчили друг другу, поочерёдно садились друг перед другом на корточки – сосали друг другу члены, жарко и страстно сосались в губы, – не все мальчишки делают так, но все мальчишки в пору своего взросления – в пору своей бушующей гиперсексуальности – неуёмны в стремлении к сексуальному наслаждению...

Когда Ольга и Виктор вернулись из гостей, Серёга и Толик уже спали, – Виктор заглянул в их комнату и, повернувшись к Ольге, с улыбкой прошептал:

- Спят... как сурки, – он тихо прикрыл дверь, ведущую в комнату Толика и Серёги, подошел к Ольге, прижал Ольгу к себе...

В последний день Виктор после обеда ушел готовиться к бессонной ночи за рулем, или, сказать проще, пошел спать, а Ольга Владимировна, Серёга и Толик пошли «прощаться с морем», – Ольга Владимировна не купалась, она полулежала на лежаке, загорала, а Серёга с Толиком и купались, и загорали – их лежаки стояли в стороне от лежака Ольги Владимировны, и они, загорая, разговаривали.

- Видишь, Толян, я же говорил тебе, что ты побываешь на море... так и получилось, как я говорил.

- Офигенно получилось! Спасибо твоим родителям... я даже не мечтал о таком в это лето! Просто класс!

Серёга хотел сказать, что в том, что Толик поехал на море, прежде всего его, Серёгина, заслуга, но... подумал – и говорить об этом не стал.

Они снова купались – и снова загорали, снова разговаривали.

- Завтра будем уже дома – завтра поедem на остров... – Серёга игриво подмигнул Толику. – Ты хочешь на остров?

- Хочу... – Толик подмигнул Серёге.

- Вот же ты, Толян, какой развратный! Мы ещё здесь, а ты уже думаешь про всякое такое...

- Про что «про всякое такое»? – Толик сделал вид, что не понял Серёгу.

- Думаешь, как бы быстрее попасть на наш остров и там меня совратить... у тебя только это на уме!

- Я вообще ни о чём таком даже близко не подумал! Ты спросил, хочу ли я на остров. Я ответил, что хочу. А ты тут же сказал о каком-то совращении... у тебя, Серый, только это на уме! – засмеялся Толик.

- А зачем же ты мне подмигнул, когда сказал, что хочешь на остров?

- А зачем же ты мне подмигнул, когда спросил у меня, хочу ли я на остров?

- Я просто так подмигнул... я вообще не подмигивал – у меня глаз зачесался. А ты сразу подумал, что я подмигиваю – что я на что-то такое тебе намекаю...

- А ты, конечно, не намекал? У тебя просто глаз зачесался...

- Да, глаз зачесался! А ты сразу мне стал подмигивать... я, Толян, тебя вижу насквозь! Ты только об этом и думаешь...

- Ага, а ты типа целочка – ты о таком вообще не думаешь, – тихо засмеялся Толик.

- Ну, иногда я тоже думаю... то есть, я вообще думаю, о самом разном думаю, а ты думаешь только об этом – постоянно и конкретно... докажи, что не так!

Они, мальчишки, дурачились. Они разговаривали, купались, загорали, снова разговаривали.

- Толян, ты когда планируешь ехать домой из Сосновки? Понятно, что в конце лета... но когда именно – в какой день?

- Я не знаю, – Толик пожал плечами. – Как ты, Серый, уедешь, так и я уеду... а ты сам когда уезжать планируешь?

- Я не знаю, когда папа за мной приедет... сегодня точно узнаю, когда он сможет приехать, и... я вот что подумал сейчас...

Провожая Ольгу Владимировну, Виктора, Серёгу и Толика, Софья Моисеевна пригласила их приезжать на следующее лето, – клиентура у Софьи Моисеевны была практически одна и та же, она всех встречала, всех провожала, то есть всё было по-домашнему, тепло и комфортно.

- Приедем, Софья Моисеевна! – бодро заверил Серёга, как будто это зависело исключительно от него.

- Берегите себя, мальчишки! – Софья Моисеевна с доброй улыбкой посмотрела на Серёгу и Толика. – Сейчас столько соблазнов для молодёжи, столько всякого криминала вокруг, а вы мальчишки хорошие, не разбалованные ... слушайте родителей, учитесь...

- Мам, ты слышала, что сказала Софья Моисеевна? – Серёга посмотрел на мать. – Софья Моисеевна сказала, что мы хорошие!

- А еще Софья Моисеевна сказала, чтоб вы слушались родителей, чтоб учились... или ты это уже не услышал? – парировала Ольга Владимировна.

Все рассмеялись.

Когда «Ниссан» вырвался из города и Виктор расслабился, Серёга поинтересовался:

- Пап, теперь ты когда за мной приедешь?

- Хочешь домой? – Ольга Владимировна оглянулась – с улыбкой посмотрела на Серёгу.

- Домой я всегда успею, – не задумываясь, отозвался Серёга. – Нам ещё крышу надо сделать на дедулином сарае... да, Толян?

- Да, – односложно подтвердил Толик.

- Вот! Я спросил, чтобы точно знать, когда папа приедет... чтоб и время своё, и вообще всё по уму распланировать, – деловито проговорил Серёга.

- А до этого ты без ума всё планировал, – хмыкнул Виктор. – Дай телефон... открой календарь в телефоне и дай мне – я посмотрю... – Виктор, не оглядываясь, поднял вверх руку с открытой ладонью.

- Один момент! – Серёга достал из кармана шорт свой телефон и, открыв календарь, вложил телефон с открытым календарём в ладонь отца.

- Ну, смотри... я могу приехать двадцать второго, могу приехать двадцать девятого... в принципе, мне всё равно – мне удобно и так и так, – проговорил Виктор, возвращая телефон Серёге. – Ты по уму как хочешь – чтоб я когда приехал?

- Двадцать второго, – подсказала Ольга Владимировна.

- Ну, мам... понятно, что двадцать девятого! – уверенно отозвался Серёга. – Вдруг мы с крышей дедулиной не управимся к двадцать второму? Надо же будет ещё всякий строительный материал из райцентра привезти... я просто чувствую, что к двадцать второму мы не управимся! А к двадцать девятому мы управимся точно! Да, Толян?

- Да, – подтвердил Толик. – К двадцать девятому мы управимся.

- Толя, а ты когда планируешь уезжать от бабушки и дедушки? – Ольга Владимировна, оглянувшись, посмотрела на Толика. – Скоро же в школу...

- Я ещё не знаю... – отозвался Толик; он хотел что-то сказать ещё – что-то добавить или пояснить, но Серёга не дал ему это сделать.

- У Толяна еще нет билета, – проговорил Серёга. – Как он может знать, если нет билета на руках? – пояснил Серёга. – Пап, мы, когда будем проезжать райцентр, заедем на вокзал?

- Зачем? – спросил Виктор.

- Толян купит билет на поезд. Можно будет, конечно, за билетом съездить потом с дедулей, но... вдруг потом билетов не будет? Надо заранее покупать, чтобы потом не волноваться. Мы ж всё равно будем через райцентр проезжать... заедем на вокзал?

- Заедем, – отозвался Виктор.

Серёга, не глядя на Толика, пожал Толику руку – всё шло по плану.

Утром Ольга Владимировна, влоборота повернувшись назад, потрясла спящего Серёгу за руку:

- Серёжа... мы подъезжаем к райцентру. Толя будет покупать билет? Серёжа, просыпайся...

- Доброе утро, – Толик, открыв глаза, улыбнулся.
- Доброе, – отозвалась Ольга Владимировна.
- Анатолий, так ты будешь билет покупать? Заезжать на вокзал? – Виктор, въезжая в райцентр, оглянулся.
- Будет! – вместо Толика бодро ответил проснувшийся Серёга. – Я, Толян, с тобой пойду... вдруг ты не сможешь купить сам!
- Почему это я не смогу? – удивился Толик.
- Ну, мало ли... вдруг у тебя ума не хватит, и тебе потребуется помощь... двоим лучше, чем одному! – Серёга, дурачась, толкнул Толика локтём в бок, Толик, в свою очередь, в бок локтём толкнул Серёгу, и они, со смехом сцепившись, завозились на заднем сиденье.
- Так, заканчивайте! – деловито проговорил Виктор, притормаживая – пропуская переходящую дорогу бабу с девчонкой. – А то дальше оба пешком пойдёте...
- И пошли они, солнцем палимы, повторяя «суди его бог!»... – скорбным голосом нараспев проговорил Серёга, отодвигаясь от Толика. – Всё, Толян, заканчивай! А то ты пешком пойдёшь...
- Ты впереди будешь идти – будешь дорогу мне показывать, – не задержался с ответом Толик; мальчишки посмотрели друг на друга и рассмеялись; бывает такое состояние, когда для смеха никакой причины не надо, достаточно просто посмотреть друг на друга...
- Толя, у тебя деньги на билет есть? – поинтересовалась Ольга Владимировна, передавая Толику его паспорт.
- Есть! – Толик кивнул головой.

- Позвони маме, прежде чем покупать билет. Может, ей надо, чтоб ты раньше приехал, а не за день до школы, – проговорила Ольга Владимировна.

- Хорошо! – Толик снова кивнул.

- Пап, значит, ты приезжаешь двадцать девятого утром, а вечером двадцать девятого мы уезжает. Так? – уточник Серёга.

- Так, – Виктор, остановив «Ниссан» на привокзальной площади, заглушил двигатель. – Дуйте за билетом!

Понятно, что билеты были только на двадцать девятое число и только на вечер – раньше ни одного билета ни на один поезд в сторону города, где жил Толик, не было; вот просто не было, и всё... только на двадцать девятое и только на поезд, который был вечером! Так объяснил Толик матери, позвонив домой после покупки билета, так сказал Серёга своим родителям, когда они, мальчишки, усаживались в «Ниссан».

- Кто б сомневался! – с улыбкой хмыкнул Виктор, вырুলывая с привокзальной площади.

- Вас прямо водой не разольёшь, – улыбнулась Ольга Викторовна, оглянувшись на сына и Толика.

- Мам, ну ты сама подумай! – тут же отозвался Серёга. – Если б Толян уехал домой раньше меня, то... что получилось бы? Я один, что ли, должен помогать дедуле делать крышу на сарае? А так всё будет по справедливости: дедуля будет бригадиром, я буду помощником бригадира... ты, Толян, будешь рабочим! Согласен со мной? – Серёга, весело посмотрев на Толика, хлопнул Толика ладонью по коленке.

- Разберёмся на месте с твоими обязанностями, – дипломатично отозвался Толик, хлопнув ладонью по коленке Серёгу.

- И пошли они, солнцем палимы... – вполголоса, словно сам для себя, продекламировал Виктор, не отрывая взгляд от дороги. – Это из какого-то стихотворения? – Виктор вопросительно посмотрел на Ольгу.
- Из какого это стихотворения? – Ольга, вновь оглянувшись назад, посмотрела на Серёгу и Толика. – Кто написал? Ну-ка, вспомните...
- Пушкин! – уверенно отозвался Серёга.
- Не Пушкин, – секунду подумав, неуверенно проговорил Толик.
- А кто? – Серёга посмотрел на Толика. – Я говорю, что Пушкин!
- Я не помню... но не Пушкин! – Толик посмотрел на Ольгу Владимировну.
- “И пошли они, солнцем палимы, повторяя «суди его бог!», разводя безнадежно руками, и покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами...” – продекламировала Ольга Владимировна. – Ну... не помните?
- Мам, ну откуда мы можем помнить? Сейчас лето, мы на каникулах... мы отдыхаем от школы! Да, Толян? – Серёга, сообразив, что с Пушкиным он явно промахнулся, посмотрел на Толика, но Толик не отозвался, сосредоточенно вспоминая, кто мог быть автором прозвучавших стихов, и Серёга снова перевёл взгляд на мать. – Ну, а кто это написал, если не Пушкин?
- Лермонтов? – Виктор, невольно включившись в «литературную викторину», вопросительно посмотрел на Ольгу.
- Некрасов! – воскликнул Толик, глядя на Ольгу Владимировну. – Правильно?
- Правильно, – Ольга Владимировна улыбнулась; она посмотрела на сына. – Вот Толя вспомнил, он молодец, а ты, Серёжа...

- Ой! – не смутился Серёга. – Папа тоже не отгадал – тоже сказал неправильно!

- Так папа в школе учился когда? Двадцать лет назад! Папа мог и забыть. А ты школу ещё не закончил, ещё учишься, а уже не помнишь – не знаешь...

- Я тоже хотел сказать, что Некрасов, но Толян своим видом меня с толку сбил... – Серёга, объясняя свою неудачу с ответом на вопрос Ольги Владимировны, как ни в чём не бывало посмотрел на Толика. – Подтверди, Толян! Ты зачем это сделал?

- Как я мог тебя сбить своим видом? – изумился Толик.

- Ну, мало ли... ты, может, гипноз применил! – с улыбкой глядя на Толика, предположил Серёга.

Толик в ответ, глядя на Серёгу, покрутил у виска указательным пальцем, и они, глядя друг на друга, весело рассмеялись. Они, мальчишки, прикалывались, они веселились, они смеялись – у них было отличное настроение!

То, о чём подумала Софья Моисеевна, ни разу не пришло в голову ни Виктору, ни Ольге Владимировне... как не пришло в голову Петру Степановичу, когда он увидел утром Серёгу и Толика спящими в одной постели без трусов... может, потому им – и Серёгиным родителям, и дедуле – ничего такого не приходило в голову, что они не были депутатами и депутатками, за бабло либо в силу нереализованных и по этой причине деформированных склонностей сильно озабоченными «возвращением традиционных ценностей», – они – и дедуля, и Серёгины родители – не были предрасположены к неустанным поискам «поругания традиционных ценностей», им, как иным специфическим «активистам», не мерещилась вокруг «пропаганда нетрадиционных ценностей», их взгляды не были

заточены на выявление врагов «нашей духовности», и потому им – и родителям Серёги, и дедуле – даже в голову не приходила мысль, что у Серёги и Толика могут быть ещё какие-то отношения кроме тех, которые были на виду...

Сосновка после курортного города, похожего на нескончаемый праздник, после звучащей отовсюду музыки, после обилия людей на пляже показалась пустынной, пыльной, унылой. Собственно, так оно и было при объективном взгляде. Но объективный взгляд подразумевает беспристрастность и отстранённость. а для Серёги и Толика Сосновка стала территорией их мальчишеской дружбы, их общего взросления, их откровений, их познания самих себя, и потому на Сосновку они смотрели не беспристрастно и не отстранено – внешне непрезентабельная Сосновка стала для них тем местом, где над головой было голубое бездонное небо, где была шелковистая зелёная трава на и х острове, где были миллиарды таинственно мерцающих из глубин космоса звёзд, где был всё понимающий умный Пират, где были вкуснящие бабулины завтраки-обеда-ужины, где была рыбалка на заре, где было лето... беззаботное, безоглядно счастливое лето, щедро сдобренное сладкими содроганиями и сладчайшими оргазмами, – Сосновка стала территорией их свободы, и потому они, Серёга и Толик, возвращались в Сосновку как в свой маленький, ничем не замутнённый рай...

«Ниссан» остановился у калитки дома Зинаиды Ивановны, и Серёга, увидев Зинаиду Ивановну во дворе ещё до того, как «Ниссан» остановился, распахнул заднюю дверь

- Бабуля! Дедуля! Мы приехали! – радостно прокричал Серёга, оповещая о своём возвращении.

- Да вы ж мои золотые! – Зинаида Ивановна оглянулась на Серёгин крик, и лицо её расплылось в улыбке. – Вернулись!

Серёга обнял Зинаиду Ивановну, обнял вышедшего на крик Петра Степановича, как будто он Серёга, отсутствовал не пять дней, а целую вечность – как будто он, живой и невредимый, вернулся в родную гавань из кругосветного путешествия или пришел с какой-нибудь страшной войны; подошедший Толик – по характеру сдержанный и не такой импульсивный – под впечатлением Серёгина порыва тоже обнял бабулю, пожал руку Петру Степановичу.

- Бабуля, что мы завтракать будем? – тут же поинтересовался Серёга, не считая нужным изображать из себя гостя.

- Серёжа, как тебе не стыдно! – с улыбкой проговорила подошедшая Ольга Владимировна; она поздоровалась с Зинаидой Ивановной, с Петром Степановичем.

- Да чего же здесь стыдного? – изумилась Зинаида Ивановна. – Они растут, им нужно кушать... – с нежностью в голосе проговорила Зинаида Ивановна; она улыбалась, и глаза её лучились от счастья. – Что будем завтракать? Котлеты разогреть? Я пюре сейчас сделаю, салат порежу... или сырники испечь? Это тоже недолго...

- Бабуля, делай сырники! Котлеты будут на обед, на второе! – тут же решил за всех Серёга. – А на завтрак сырники и побольше сметаны... да, мам? Толян тоже хочет сырники! – Серёга весело посмотрел на Толика. – Согласен со мной?

- Ну, если ты сказал... – Толик весело посмотрел на Серёгу. – Бабуля, я тоже хочу сырники!

- Вот! Я знал, что ты тоже хочешь сырники! – Серёгу просто переполняла энергия – энергия юности, энергия утра, энергия отличного настроения. – Бабуля, мы голосуем за сырники!

Ольга Владимировна, с улыбкой глядя на сына, покачала головой. Потом посмотрела на Зинаиду Ивановну:

- Давайте, Зинаида Ивановна, я вам помогу! Сейчас руки помою, и говорите, что делать...

- Оля, я сама... мойте пока руки! Полчасика, и будем завтракать... – Зинаида Ивановна чувствовала прилив сил. – Хорошо отдохнули? – она посмотрела на Толика, хотя, судя по виду внуков, это было понятно и так.

- Отлично! – Толик с улыбкой выставил вверх большой палец.

- Мы потом вам всё подробно расскажем и фотки покажем! – Серёга тут же хотел рассказать бабуле историю, как Толян в море во время шторма чуть не утонул и как он, Серёга, рискуя жизнью своей, Толяна спас, но... он увидел подходящего отца, и сочинительство решил на время отложить. – Ты, дедуля, Пирата кормил? – Серёга вопросительно посмотрел на Петра Степановича.

- Ну, а как же! – хмыкнул Пётр Степанович и, пряча улыбку, добавил: – Пират про вас каждый день спрашивал...

- Бабуля, испеки несколько сырников для Пирата! – тут же распорядился Серёга. – Пусть у Пирата будет сегодня праздничный завтрак – по случаю нашего возвращения!

Подошедший Виктор поздоровался с Зинаидой Ивановной, пожал руку Петру Степановичу.

За завтраком – за дружным поглощением вкуснейших сырников – определился дальнейший план: Виктор после завтрака поспит четыре часа, и они уезжают, чтобы Ольга завтра смогла сходить к своему парикмахеру, смогла подготовиться к выходу после отпуска на работу; дедуля зарубит курицу, и бабуля к подъёму Виктора сварит свой «фирменный» –

наваристый, тёмно-бордовый – борщ; Ольга Владимировна сказала, что она спать не хочет, она выспалась ночью в дороге, и потому она будет помогать Зинаиде Ивановне – и одновременно будет учиться у Зинаиды Ивановны – в приготовлении вкусной еды; Серёга и Толик...

- Мы сейчас покормим Пирата, а потом... мы на остров поедem с Пиратом, но не сейчас, а после обеда, когда проводим маму и папу, – доложил Серёга. – А до обеда погоняем на великах... согласен, Толян? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика. Толик не возражал: до обеда они погарцуют на своих «мустангах», а потом – на остров...

Так и получилось. После обеда дедуля, бабуля, Серёга и Толик проводили Серёгиных родителей, предварительно загрузив багажник «Ниссана» домашними гостинцами – банками с разными закрутками, сорванными в саду яблоками и грушами, двумя разделанными и замороженными курицами, банкой со сметаной, банкой с творогом... Ольга Владимировна начала говорить, что «не надо», но Зинаида Ивановна даже слушать не стала, сказав, что «это всё домашнее, а не то, что вы покупаете в магазинах»; Ольга Владимировна обняла Серёгу, что Серёге не очень понравилось, поскольку он, Серёга, был уже не маленький, чтоб прощаться в таком формате, Виктор пожал руку Петру Степановичу, пожал руку Толику и Серёге, поблагодарил Зинаиду Ивановну за радушие, и «Ниссан», плавно стронувшись с места, покатыл по улице... всё, неожиданный приезд родителей, так огорчивший Серёгу в самом начале, и прошёл, и закончился во всех смыслах превосходно... просто превосходно!

- Дедуля, мы берём Пирата с собой? – полувопросительно, полуутвердительно проговорил Серёга, глядя на Петра Степановича. – Ты, бабуля, просто не видел, как Пират нам обрадовался, когда мы на завтрак ему

сырники принесли, – Серёга посмотрел на Зинаиду Ивановну. – Чуть с ума не сошел! Скажи, Толян!

- Да уж! – с улыбкой хмыкнул Пётр Степанович. – Берите, конечно, пусть Пират промнётся...

- Бабуля, мы к ужину приедем, – деловито проинформировал Серёга Зинаиду Ивановну. – Покажем все фотографии, как мы отдыхали... я расскажу, как Толян чуть не утонул и как я его спас...

- Как «чуть не утонул»? – улыбка вмиг слетела с лица Зинаиды Ивановны – она испуганно посмотрела на Толика.

- Бабуля, что ты его слушаешь! – фыркнул Толик. – Серый – известный сказочник! Пора уже привыкнуть, что он постоянно что-то сочиняет...

- Ну, это мы сейчас на острове посмотрим, кто из нас сказочник... – многообещающе проговорил Серёга.

- Что вам на ужин приготовить, мои золотые? – лицо Зинаиды Ивановны вновь озарилось улыбкой.

- Бабуля, ты сама придумай... ну, чтоб что-нибудь вкусненькое! – весело проговорил Серёга; он посмотрел на Толика: – Ты готов к труду и обороне?

- Поехали! – отозвался Толик. – За Пиратом заедем, и айда... ты мне расскажешь, как я тонул... интересно будет послушать, как ты врешь!

- Понятно, что интересно! Ты же без памяти был – ты не помнишь, как я тебя спас... и теперь вместо благодарности ты говоришь, что я вру... ни стыда у тебя, Толян, ни совести! – не задержался с ответом Серёга. – Айда!

Мальчишки, весело обличая друг друга во вранье – соревнуясь, у кого обличения получают эффективнее и убедительнее, энергично зашагали к

месту «постоянной дислокации», где стояли готовые мчаться за горизонт «мустанги» и томился в ожидании друзей верный Пират.

На остров они переплыли налегке, то есть без спрятанного в кустах плота, причём, впереди уверенно плыл Пират, – он первым вылез из воды, энергично отряхнулся, образовав вокруг себя радужное облако из искрящихся брызг, подождал Серёгу и Толика, наблюдая, как они выбираются на берег, и только после этого, вращая хвостом, помчался проверять, был ли кто-то на острове во время их отсутствия.

Серёга и Толик сняли плавки, повесили плавки на ветку, чтоб они сушились. До поездки на море они загорали в нудистском формате и даже неплохо загорели, но за пять дней пребывания на пляже деревенский загар отполировался морским воздухом и морским солнцем, отчего тела мальчишек стали золотисто-бронзовыми, – на фоне этого морского загара сочные, скульптурно оттопыренные мальчишеские булочки снова стали выглядеть молочно-белыми, маняще-сладкими... мальчишеские писюны, отогреваясь на солнце после купания в воде, увеличивались, утяжелялись, превращаясь их скукожившихся сморчков в симпатичные аппетитные сардельки... они, Серёга и Толик, опять были на с в о ё м острове!

- Серый, хочешь? – Толик, сделав блудливое выражение лица, плотоядно улыбаясь, залупил свой член – оттянул назад крайнюю плоть, обнажив-открыв бледно-фиолетовую головку; член у Толика не стоял, не был напряжен – и всё равно, даже будучи не в состоянии эрекции, выглядел вполне внушительно.

- Толян... я думаю, ты маньяк. – Серёга изобразил на лице озабоченность. – Ты постоянно ко мне пристаёшь, всё время меня совращаешь, развращаешь, растлеваешь... при каждом удобном случае меня, своего брата младшего, насилуешь... ни стыда, ни совести у тебя нет! Вот скажи мне... зачем ты

меня сейчас спросил, хочу ли я? – Серёга, в свою очередь залупив свой член, прищурился, глядя на Толика.

- Я только спросил... – Толик сделал вид, что он обескуражен такими обвинениями со стороны Серёги. – Просто спросил... может, ты не хочешь... откуда я знаю, хочешь ты или не хочешь?

- Ты совсем дурак? Или как? – Серёга, глядя на Толика, изобразил на лице недоумение. – Ну, ты сам, Толян... ты сам подумай: как я могу не хотеть?! Ты специально задал мне такой хитрый вопрос, на который я в принципе не могу ответить словом «нет»...

- Ну... – Толик сделал вид, что он тоже в недоумении, – ты же, Серый, не хотел в гостевом домике... два раза не хотел!

- Да, не хотел! – тут же, не моргнув глазом, подтвердил Серёга. – Но там мы были не одни – там был Софья Моисеевна, и она могла подсмотреть в щелочку, как ты пристаёшь ко мне... или могли внезапно прийти родители – они могли увидеть, как ты меня насилуешь... а теперь мы одни! Пират не в счёт – он ничего не расскажет... я по глазам твоим вижу, что ты, Толян, снова хочешь ко мне пристать... снова хочешь, чтоб я с тобой что-то делал... по глазам твоим вижу, что хочешь!

- Даже не знаю, Серый... – Толик, с трудом сдерживая смех, потупил глаза. – Ты такой неприступный... я не знаю, что делать!

- А кто знает? Ты всё время какой-то нерешительный... несамостоятельный ты человек – вот что я тебе скажу! Постоянно о нас должен думать я... неси смазку – я пока покрывало расстелю! У меня уже встал... и у тебя, я вижу, стоит... или мне это кажется? Дай, я проверю – пощупаю... – Серёга, протянув руку, обхватил ладонью твёрдый член Толика. – Ты тоже можешь

проверить, стоит ли у меня... постоянно тебе, старший брат, надо подсказывать – ни стыда у тебя, ни совести...

Толик, с улыбкой глядя на улыбающегося Серёгу, обхватил ладонью напряженный Серёгин член, и они, стоя друг против друга – глядя друг другу в глаза, ритмично задвигали кулаками... зачем они говорили друг другу всякую ерунду? Понятно, что они дурачились и прикалывались – они явно соревновались в словоблудии... но зачем? Зачем они то и дело называли друг друга «придурками», зачем выясняли, кто из них умнее или кто из них сильнее, зачем спорили, кто кого «совращает» и «развращает»? Зачем вообще употребляли такие слова? Было понятно, что они дурачились и прикалывались, но почему они дурачились и прикалывались именно в такой форме – в форме постоянного уничижения друг друга? Конечно, все эти уничижения были шуточные, в них не было ни малейшего желания как-то всерьёз уязвить другого, они равным счетом ничего не значили, и всё равно... оба они – и Серёга, и Толик – чувствовали взаимное тяготение друг к другу, оба они чувствовали постоянное притяжение, выходящее за рамки их вполне естественного подросткового желания потрахаться; с трахом у них был полный порядок – не было ни рефлексии, связанной с т а к и м вариантом сексуальной активности, ни недоверия друг к другу, ни ложной стеснительности, порождаемой боязнью что-то сказать или сделать «не так», ни даже намёка на какие-нибудь связанные с сексом комплексы, – с трахом у мальчишек всё было в порядке, и даже более чем. А что было делать со своим тяготением друг к другу за пределами траха? Когда без всякого возбуждения хотелось просто прикоснуться друг к другу, или просто друг друга обнять, или просто держать ладонь в ладони... подобные проявления чувств вне сексуальной активности, за пределами сексуального взаимодействия могли бы заставить мальчишек совсем по-другому посмотреть на свою дружбу, и... они, сами того не осознавая, гасили само

появление каких-либо «телячьих нежностей», называя друг друга «придурками», выясняя, кто кого «развратил» или кто кого «изнасиловал», – они практически постоянно говорили друг другу всякую чушь, они дурачились и прикалывались, они троллили друг друга, избегая перехода к другому пониманию своих отношений...

Какое-то время они драчились друг другу горячие, нестигаемо-твёрдые члены; потом Серёга качнулся к Толику, – выпустив из кулака Толиков член, он обеими руками притянул Толика к себе... Толик, выпустив из кулака член Серёгин, в свою очередь прижал к себе Серёгу – ладони Толика, скользнув по Серёгиной спине вниз, вдавились в Серёгину попу... Серёга проделал то же самое – ладони свои он вдавил в попу Толика... губы их слились в горячем, нетерпеливо-страстном засосе, – голые мальчишки, ладонями тиская, лаская упруго-мясистые булочки друг друга, сладострастно тёрлись друг о друга маслянисто залупающимися членами, поочередно сосали друг друга в губы, сопя от наслаждения... подбежавший Пират не увидел ничего нового – он покрутил хвостом и, не мешая мальчишкам, побежал дальше обследовать и помечать территорию острова.

- Толян... неси нашу смазку – я покрывало расстелю, – жарко выдохнул Серёга, отстраняясь от Толика.

Но смазка им потребовалась не сразу – какое-то время они, уже лёжа на покрывале, снова сосались в губы, поочередно ложась друг на друга – сладострастно елозя друг по друга... потом они сосали друг у друга члены – сосали, лёжа «валетом», одновременно... потом Серёга вставил член Толику, причём на этот раз Толик лежал не на спине с вверх поднятыми и в стороны разведёнными ногами, а лежал на животе, раздвинув ноги, – Серёга трахнул Толика в попу в такой позе-конфигурации... потом точно так же Толик трахнул в попу Серёгу... купаться не хотелось, и мальчишки сами не

заметили, как уснули... а проснувшись со стояками, они ещё по разику деловито повторили анальный секс – сбросили напряжение: Толик трахнул Серёгу, а Серёга, соответственно, трахнул Толика... с сексом – с желанием, с готовностью трахаться – у мальчишек на этапе их подростковой гиперсексуальности был полный порядок, – всё было о`key!

После ужина мальчишки покормили Пирата, Толик скопировал по блютузу со своего телефона и с телефона Серёгинаго все фотографии на ноутбук, с ноутбуком мальчишки вернулись к бабуле – и весь вечер они рассказывали дедуле и бабуле, как они отдыхали на море, где были и что видели, как они загорали и как купались, иллюстрируя свой рассказ многочисленными фотографиями на большом, по сравнению с телефонами, мониторе ноутбука; Серёга, как всегда, немного привирал, но и Толик, обычно сдержанный и к сочинительству не склонный, на этот раз не отставал от Серёги, тоже врало-сочинял с вдохновением, так что, к примеру, слушая внуков, дедуля с бабулей в конечном счёте так и не поняли, кто из внуков «тонул во время страшного шторма», кто кого «смело и мужественно спасал, рискуя своей жизнью» и было ли всё это вообще на самом деле, – весь вечер мальчишки весело троллили друг друга, троллили бабулю и дедулю, но фотографии были замечательные, фотографий было много, на всех фотографиях внуки были счастливые, и это для дедули и бабули было главным; Пётр Степанович, правда, спросил, почему нет фотографии «страшного шторма», на что Серёга, не моргнув глазом, тут же ответил – пояснил: «Дедуля, ну ты сам подумай! Как я мог фотографировать шторм, когда волна за волной накрывала беспомощного Толяна? Естественно, я бросился спасать Толяна, забыв про телефон! Подтверди, Толян!»

И полетели... полетели дни уходящего лета; мальчишки несколько раз ездили с дедулей на его ретромобиле в райцентр – привозили ещё какие-то строительные материалы для обустройства Машкиного дома, как Серёга

называл сарай-коровник, где корове Машке предстояло зимовать; без малого неделя ушла на то, чтоб перекрыть крышу и утеплить стены сарая, – помогали дедуле мальчишки деятельно, энергично, с весёлым энтузиазмом, так что дедуле оставалось лишь указывать, что надо делать, следить и придирчиво контролировать ход работ; трижды они вчетвером – Толик, Серёга, Пират и дедуля – ездили на рыбалку: у Толика рыба ловилась, у Серёги не ловилась, Толик, не скрывая свою досаду, называл Серёгу «тупым», он хотел, чтоб Серёга тоже стал рыбаком, но Серёгу и досада Толика, и, его обидные обзывания нисколько не огорчали – Серёга каждый раз говорил, что «рыба – дура», а Толику просто хочется трахаться и он, то есть Толик, злится потому, что не может удовлетворить свою сексуальную потребность прямо здесь, на берегу... рыба у Серёги не ловилась, и всё равно в этой утренней рыбалке без улова была для Серёги своя завораживающая прелесть: зыбкий туман над водной гладью, всплески на воде, розовеющее на востоке небо, выплывающее из-за горизонта огромное солнце... и главное – Толян был рядом! А потом, когда рыба переставала клевать и рыбалка заканчивалась, они вчетвером – Серёга, Толик, Пират и дедуля – устраивали на берегу небольшой «перекус», Толик и дедуля обсуждали улов, говорили о разных тонкостях рыбной ловли, Серёга вставлял свои комментарии, лежащий рядом Пират внимательно слушал их умный разговор... разве такое забывается?

Между тем, беззаботное лето катилось к концу – вода в реке перестала прогреваться так, как это было во время освоения острова, купаться уже было холодно, и в один из дней мальчишки с дедулей съездили к острову, забрали с острова топорик и лопату, забрали бабулино покрывало, погрузили в багажник плот... тубик из-под крема был совершенно плоский – весь крем из тубика был выдавлен, полностью израсходован, и Серёга выбросил тубик

в воду – «уничтожил улики», как он, подмигнув, сказал Толику... поиски клада завершились.

Осень медленно, но неуклонно приближалась – дни становились короче, и хотя солнце днём ещё припекало, но припекало оно не так, как в середине лета – в самом зное уже чувствовалась скорая осень... вечера сделались прохладными, а ночи холодными, – в один из таких вечеров Серёга сказал дедуле, что они на ночь будут дверь закрывать – будут изнутри закрываться на крючок.

- Ты, дедуля, теперь как нас будешь будить к завтраку, если мы сами не будем просыпаться? – спросил Серёга.

- А зачем вы будете закрываться на крючок? Всё лето спали с открытыми дверями – никого не боялись, а теперь на крючок решили запираяться... просто дверь прикрывайте, и всё, – предложил Пётр Степанович.

Серёга подумал, как объяснить дедуле, что теперь надо обязательно закрываться изнутри на крючок.

- Понимаешь, дедуля... когда дверь всю ночь нараспашку – это одна ситуация, одна психология. А если дверь закрыта, но при этом она не на замке, то получается как-то неправильно... вроде как дверь закрыта, а вроде нет – это, дедуля, совсем другая психология. Мы с Толяном ничего не боимся, но дверь должна быть либо открыта нараспашку, либо закрыта, как положено... ты, Толян, согласен со мной? – Серёга посмотрел на Толика.

- Одна психология, другая психология... я не знаю, Серый, тебе виднее, – отозвался с улыбкой Толик.

- Ты, Толян, никогда ничего не знаешь... ты даже понятия не имеешь, что такое психология, – тут же отреагировал Серёга, изобразив на лице лёгкую

досаду. – Ты вообще ничего не знаешь! – И, не дав возможность Толику что-либо сказать в ответ, Серёга снова посмотрел на Петра Степановича. – Так ты как, дедуля, нас будешь будить к завтраку?

- Да очень просто! – хмыкнул Пётр Степанович. – Постучу в дверь кулаком – вы проснётесь... ты, Серёга, может, и не проснёшься – ты спишь, как младенец, а Толик быстро просыпается, легко...

- Младенец! – засмеялся Толик, показывая на Серёгу пальцем – И мозги, как у младенца... ты, Серый, согласен с таким диагнозом? Подтверди!

- Я, дедуля, крепко сплю потому, что у меня здоровая психика – у меня психика здорового человека! А Толяна постоянно мучат кошмары, ему постоянно снятся монстры всякие – оттого он и спит некрепко. Подтверди, Толян! Ты согласен с таким диагнозом?

- Болтуны, – резюмировал Пётр Степанович, с улыбкой глядя на внуков.

Вечером Серёга закрыл дверь на крючок, подёргал дверь, проверяя, можно ли на крючок надеяться, и, посмотрев на Толика – подмигнув Толику, предвкушающе улыбнулся:

- Вот... отлично! Теперь, Толян, мы спать будем вместе – никто нам не помешает... согласен?

- У тебя все мысли только об этом, – улыбнулся Толик.

- Ну, а как же! – не стал возражать Серёга. – У меня много всяких мыслей, и они разлетаются в разные стороны, как птицы, но главная моя мысль – именно об этом... а ты что-то имеешь против моей главной мысли? – Серёга притянул Толика к себе, хотел засосать его в губы, но Толик со смехом увернулся.

- Пойдём в комнату, – Толик, ладонью надавив на упругие Серёгины булочки, подтолкнул Серёгу вперёд. – Там будешь ко мне приставать, малолетний бесстыдник... ни стыда у тебя, ни совести!

Поездки на остров закончились, и теперь мальчишки, ничего не опасаясь – закрывая дверь изнутри на крючок, трахались по вечерам дома, «в месте постоянной дислокации», – они пробовали разные позы и самые разные конфигурации, они кувыркались, играли, экспериментировали... они были как рыбы в воде, – они с упоением кайфовали! «Отстрелявшись», они снова распахивали двери, чтобы комната перед сном проветрилась, относили использованные салфетки в туалетную яму – «заметали следы», как смеялся Серёга, разговаривали с Пиратом, который, виляя хвостом, их внимательно слушал... потом Серёга снова закрывал дверь изнутри на крючок, и... спали мальчишки вместе, в одной постели, – после того, как они стали закрываться, Серёга настоял, чтобы, во-первых, они спали вместе и только вместе, а во-вторых, чтобы спали они обязательно без трусов; вместе – потому что, как объяснил Серёга Толику, скоро будет зима, и вдвоём им будет теплее... а без трусов – потому что, как опять-таки объяснил Серёга Толику, вместе спать в трусах им будет жарко. «Так холодно или жарко? – попытался уточнить Толик. – Я тебя, Серый, ни фиги не пойму!» «Нечего здесь понимать! – парировал Серёга. – Ты, Толян, вообще бестолковый... просто снимай трусы и ложись ко мне в кровать! Я хочу, чтобы ты, мой старший брат, был рядом!» Дверь была закрыта изнутри на крючок, и Толик не стал сопротивляться Серёгиному желанию, тем более что желание это было не только Серёгино... правда, Толик сказал, что он будет спать у стенки, а Серёга будет спать с края – только так он, Толик, согласен спать в одной постели без трусов, но Серёга тоже хотел спать у стенки, потому что, как объяснил Серёга, он был братом младшим, а младшие всегда спят у стенки, – по этому вопросу – кому где спать – возник небольшой спор, в результате которого было принято

компромиссное решение, заключавшееся в том, что спать у стенки они будут по очереди... по утрам дедуля стучал в дверь, Толик просыпался, соскакивал с постели, быстро надевал трусы, накрывал стояк Серёгин простынёй на всякий случай и, ёжась от прохлады, шел открывать дверь. «А Серёга, конечно же, дрыхнет – стук в дверь он не слышит?» – каждое утро с улыбкой спрашивал Пётр Степанович. «Дрыхнет, – улыбаясь, отвечал Толик. – Сейчас буду его будить...»

Дни летели, как пули, приближая конец офигенного лета... В последний вечер мальчишки, как во все последние дни, нацеловавшись и насосавшись, по два раза кончив – орально и анально разрядившись – вышли на улицу, чтобы проветрить комнату, – утром приезжал Серёгин отец, и это был их последний вечер, последняя ночь... было прохладно, мальчишки уселись на ступеньках крыльца дедулиного дома, набросили на плечи простыню; спать не хотелось...

- Толян, посмотри, какие звезды большие... раньше они были меньше... и выше... почему так? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Это не звёзды – это их свет преломляется в атмосфере, и нам кажется, что они становятся крупнее или ниже, – проговорил Толик; задрав голову, он посмотрел на звёздное небо. – А еще говорят, что звёзды падают, и считается, что если в это время загадать какое-нибудь желание, то желание это обязательно исполнится...

- Но это ж фигня? – Серёга снова вопросительно посмотрел на Толика.

- Конечно, фигня! Звёзды не падают – это сторают метеоры при встрече метеоритов с атмосферой нашей планеты... – пояснил Толик.

- Я про желания спрашиваю, – уточнил Серёга. – Если желание загадать, то оно исполнится? Или это фигня?

- Или это фигня, – подтвердил Толик. – Ты, Серый, сам подумай: какое отношение метеориты имеют к твоим желаниям? Это в древности так думали...

- Я тоже думаю... тоже думаю, что загадывать желания – это фигня... – проговорил Серёга. – А жаль... если б желания исполнялись, я бы всё время смотрел на небо – ждал бы, когда упадёт звезда...

- Кто б сомневался! – хмыкнул Толик, с улыбкой толкнув Серёгу плечом в плечо.

Они, глядя на звёздное небо, какое-то время молчали; звёзды действительно казались и крупнее, и ниже... звёзды были почти над головой!

- Толян... – проговорил Серёга, не глядя на Толика – глядя на звёзды.

- Что? – отозвался Толик.

- Ты дома будешь с кем-нибудь трахаться? – Серёга вопросительно посмотрел на Толика.

- Ну, буду, конечно! – в голосе Толика прозвучало удивление. – Я же не импотент! И трахаться буду, и жениться... что за глупый вопрос!

- Я не про девчонок спрашиваю, это само собой, – Серёга поморщился оттого, что Толик его не понял. – Я тебя спрашиваю про пацанов... с пацаном с каким-нибудь ты дома будешь трахаться?

- Вряд ли, – чуть помедлив, отозвался Толик. – У меня, во-первых, нет таких друзей, как ты... во-вторых, я себя даже не представляю с кем-то... ну, то есть, совсем не представляю с кем-то, кроме тебя! Ты, Серый, мой единственный брат – других таких братьев у меня нет и не будет, – Толик

улыбнулся. – А ты что – у себя, в Москве, теперь будешь трахаться с пацанами? – Толик с любопытством посмотрел на Серёгу.

- Нет, не буду, – ответил Серёга. – У меня тоже нет таких друзей или одноклассников, чтобы я с кем-то захотел... ты, Толян, тоже... тоже единственный мой брат! Я до встречи с тобой вообще о таком не думал, а потом мы встретились, и...

- Я тоже о таком не думал, – отозвался Толик. – Ну, чтобы трахать так, как мы с тобой... вообще не представлял такое! И если б ты тогда утром не застукал меня в кустах смородины, то, наверное, ничего такого у нас не было бы – мы бы просто дрочили, прячась друг от друга, и всё...

- И это было б неправильно! – улыбнулся Серёга. – Согласен со мной?

- На сто процентов! – рассмеялся Толик.

Спать не хотелось, и мальчишки ещё какое-то время посидели под звёздным небом, проветривая после упоительного траха комнату... а потом пошли спать – вместе спать последнюю ночь.

Утром Толик сквозь сон услышал уже привычный стук в дверь и, едва проснувшись – едва открыв глаза, тут же стал расталкивать Серёгу:

- Серый, просыпайся! Надевай трусы – твой папа приехал! Вставай, блин... Серый!

Серёгу, всегда недовольного тем, что его «будят так рано» и что он хочет «ещё полежать немного», на этот раз как ветром сдуло с кровати, – мальчишки быстро натянули трусы, поправляя-укладывая в трусах колом торчащие утренние стояки, и, по-военному быстро натянув шорты, вдвоём пошли открывать дверь.

- Оба проснулись? – то ли удивился, то ли обрадовался Пётр Степанович. – Серёга, отец приехал. Идёмте завтракать – бабушка уже накрывает на стол...

После завтрака Серёга потянул отца посмотреть на новую крышу «Машкиного дома»; была и крыша новая, и стены были утеплены, и еда была на всю зиму заготовлена.

- Ну, молодцы! – похвалил Виктор Серёгу и Толика, осматривая крышу. – Помогли деду.

- Не просто помогли, о очень помогли! – похвалил Серёгу и Толика Пётр Степанович. – Один бы я с этим сараем возился бы месяц, а вместе мы сделали на раз-два... и сарай помогли перекрыть, и сено помогли перевезти с полей, и отдохнули вволю, и на рыбалку поехали... что, Серёга, плохо у нас в деревне?

- Отлично, дедуля! – Серёга показал большой палец. – Подтверди, Толян!

- Подтверждаю! Печать! Подпись! – ответил Толик, и все рассмеялись.

Потом Серёгин отец пошел отдыхать – пошел спать после бессонной ночи за рулём перед следующей бессонной ночью, а Серёга и Толик, оседлав своих «мустангов», взяв с собой Пирата, поехали попрощаться с островом. Вода уже не прогрелась, была холодная, и купаться было уже нельзя, точнее, купаться было можно, но купаться было уже было не кайф, а вот просто посидеть на берегу... а почему нет? Просто посидеть...

Едва они сели на траву под раскидистым деревом, Серёга сразу потянул Толика на себя:

- Толян, последний раз... – нетерпеливо, жарко выдохнул Серёга. и у Толика даже мысли не возникло возражать или сопротивляться; Толик, оказавшись на Серёге, без промедления засосал Серёгу в губы.

Трава была уже не шелковисто-сочная, но еще и не пожухлая, не сухая – трава была мягкая... Впрочем, мальчишки не стали раздеваться догола – они приспустили шорты и трусы чуть выше колен, после чего Толик оказался под Серёгой, он обхватил Серёгины булочки ладонями, и Серёга, вдавившись в стояк Толика стояком своим, сладко заёрзал из стороны в сторону, задвигал попой вверх-вниз, сладострастно стискивая, сжимая свои булочки-ягодицы под горячими ладонями Толика... потом они перевернулись, и под Толиком оказался Серёга: Толик, точно так же залупая липкую от возбуждения головку члена, сладострастно заёрзал по Серёге... потом Толик лёг на живот, и Серёга, жарко сопя, горячим стояком сладострастно тёрся о булочки Толика... потом точно так же кайфовал сопящий Толик... поочерёдно содрогаясь от оргазмов, мальчишки кончили, – обтерев сорванными листьями свои потемневшие, на сардельки похожие члены, обтерев перепачканные спермой булочки друг у друга, они, снова натянув трусы и шорты, улеглись рядом на траве, подложив под головы ладони запрокинутых вверх рук; сквозь поредевшую листву дерева было видно голубое небо с плывущими по нему белыми облаками...

- Толян... а ведь мы могли и не встретиться... – задумчив проговорил Серёга; он повернул голову – посмотрел на лежащего рядом Толика. – Прикинь... если б я поехал в Таиланд, я не приехал бы к дедуле – и я не узнал бы, что есть ты... а ты не узнал бы, что есть я... могло ведь так быть?

- Могло, – отозвался Толик. – Но ты же приехал! – Толик, повернув голову, с улыбкой посмотрел на Серёгу.

- Да, – подтвердил Серёга; какое-то время они молча смотрели в глаза друг другу, словно хотели что-то сказать друг другу, но не знали, что именно говорить. – Я приехал сюда, в Сосновку, ты тоже приехал в Сосновку, мы

познакомились, и... я вот думаю: всё, что происходит в жизни, это случайно происходит? Или как?

- Я не знаю, – отозвался Толик. – Что-то случайно происходит, что-то неслучайно... я думаю, что бывает по-разному.

- Допустим, – согласился с Толиком Серёга. – Бывает по-разному... а вот то, что мы с тобой познакомились, это случайность или не случайность?

Толик хотел сказать, что это, конечно же, случайность – то, что они встретились, но он тут же подумал, что лето, проведённое вместе, днём и ночью бок о бок, на одном дыхании... это сладкое лето в Сосновке совсем не казалось Толику случайностью! Потому что случайность – это что-то мимолётное, малозначащее, а назвать прошедшее лето малозначащим у Толика язык не поворачивался... очевидно, что жизнь состоит из разных случайностей – это с одной стороны; а с другой стороны, есть немало желающих каждую случайность объяснить предначертанием свыше, и... кто знает обо всём этом наверняка? Понятно, что задним числом при желании можно в любой случайности увидеть и «знак», и скрытый смысл, и «предзнаменование», и «неизбежность», но... так ли всё это на самом деле? Разве кто-то знает наверняка, что случайно и что неслучайно в жизни? Была ли случайной их, Серёги и Толика, встреча со всеми последовавшими событиями? Ведь мог же Серёга окончить школу без “троек” и вместо Сосновки улететь с родителями в Таиланд? Конечно, мог бы! Но он школу окончил с “тройками” и вместо Таиланда оказался в Сосновке, где познакомился с Толиком... или вот, например: как бы Серёга и Толик узнали про остров, если бы пьяные парни на берегу не вознамерились завладеть их «мустангами», – случайной была та мимолётная встреча на берегу, про которую внуки за ужином рассказали дедуле и бабуле, а Пётр Степанович, в свою очередь, вспомнил про остров, где можно купаться и загорать, не боясь

«местных алкоголиков»? Может, для того и была предназначена та мимолётная встреча на берегу, чтоб Серёга и Толик попали на остров? Или вот ещё: случайно ли Владик, дружок Кольки Дубцова, оказался во дворе бабки Ниловны аккурат в то самое время, когда мимо, дурачась, проходили Серёга и Толик? Ну, или наоборот: случайно ли Толик и Серёга стали дурачиться в переулке, выясняя, кто из них умный, а кто глупый, именно в тот момент, когда увидеть их мог – и увидел! – друг-партнёр Кольки Дубцова? Ведь если бы Владик в тот раз Серёгу и Толика не увидел бы – если б они разминулись во времени, то, скорее всего, и не было б никакого продолжения, не было б у мальчишек неудачной «пробы» потрахаться с девчонкой... но Владик увидел их, Серёгу и Толика, Владик опытным взглядом рассмотрел у пацанов стояки, прячущиеся под характерно топорщащимися шортами, он рассказал об этом Кольке, и... кто вообще знает, случайно ли всё происходит в жизни, или всё-всё уже где-то давно прописано и предопределено, на каких-то невидимых скрижалях зафиксировано, и, как говорится, «чему быть – того не миновать»? Типа «Аннушка уже пролила масло»... как бы там ни было, но они – и Серёга, и Толик – оказались в нужное время в нужном месте; в р е м я: им было по четырнадцать лет, они были еще не зашорены «общепринятыми» представлениями о самых разных аспектах жизни и потому они были открыты для собственных поисков, собственных прозрений, собственных выводов; м е с т о: никакой другой молодёжи в Сосновке не было, их общение не размывалось, не расплывалось по сторонам, а это, в свою очередь, не могло не способствовать их естественному сближению, неотъемлемой частью которого стало вполне объяснимое сексуальное взаимодействие... время и место, – звёзды, как говорится в таких случаях, сошлись!

- Я не знаю... – отозвался Толик, отвечая на Серёгин вопрос, было ли их знакомство случайным; и встреча, и дружба... если их встреча в Сосновке

была случайностью, то тогда получается, что их дружба тоже случайна, она ничего не значит? – Не знаю, – повторил Толик.

- Я тоже не знаю... – задумчиво проговорил Серёга; они помолчали, снова глядя сквозь поредевшую листву на небо, на бегущие по небу облака. – Толян, я хочу... – мысль эта пришла Серёге в голову неожиданно, и Серёга, верный себе, этой мыслью решил тут же поделиться с Толиком, от которого у него, у Серёги, не было никаких секретов. – Знаешь, что я хочу? – Серёга снова посмотрел на Толика.

- Что? – отозвался Толик, посмотрев на Серёгу.

- Я хочу, чтоб ты дома с пацанами не трахался... – Серёга смотрел на Толика серьёзно, слова его не были похожи на свойственный ему, Серёге, троллинг.

- Блин, Серый... с кем я буду дома трахаться? – Толик слегка опешил от такой неожиданной просьбы.

- Ну, мало ли... – хмыкнул Серёга, сам до конца не понимая, что именно он сказал – о чём попросил Толика; просто пришла в голову мысль – и Серёга мысль эту тут же озвучил.

- Мы вчера говорили об этом, когда перед сном сидели на крыльце... не с кем мне трахаться дома! – проговорил Толик, с лёгким недоумением глядя на Серёгу. – Чего ты фигню говоришь?

- Ну, вчера мы об этом просто говорили... просто так говорили, а сейчас я подумал, что я не хочу, чтобы ты с кем-то трахался так, как со мной... и я об этом тебе сказал... просто сказал, чтоб ты знал... – Серёга проговорил всё это с такой интонацией, словно он оправдывался за свою нелепую просьбу... ну, на самом деле: как можно было хотеть, чтобы Толик не трахался с пацанами? Кем был он, Серёга, для Толика, чтоб такое от Толика требовать? Мужем,

требующим верность от жены? Женой, требующей верность от мужа? Глупость он, Серёга, сморозил!

- Хорошо! – вдруг согласился Толик. – Только тогда и я хочу... я тоже хочу, чтоб ты дома ни с кем не трахался. Я про пацанов говорю... чтобы ты с пацанами тоже не трахался!

- Хорошо! – лицо Серёгино расплылось в улыбке. – Толян... давай друг другу пообещаем, что мы – ты и я – ни с кем... ну, то есть, ни с какими пацанами трахаться дома не будем!

- Серый, но ты же маньяк! – рассмеялся Толик. – Ты ебаться готов всё время... как я проверю, что ты, если мы друг другу пообещаем, слово своё удержишь?

- Ты совсем дурак? Или только придурок? – весело проговорил Серёга. – Это я только с тобой... только с тобой готов всё время! С тобой, с придурком... а больше ни с кем!

- А зачем тогда обещать? – хмыкнул Толик. – Я тоже больше ни с кем не буду... только здесь и только с тобой – ты мой единственный брат... зачем обещать друг другу ни с кем не трахаться, если всё понятно и так?

- Ну... на всякий случай, – отозвался Серёга. – Всё понятно, но всё равно на всякий случай это надо проговорить вслух – надо друг другу пообещать. Согласен со мной?

- Ты еще скажи, что надо поклясться друг другу и клятву нашу надо кровью скрепить, – засмеялся Толик.

А вот это Толик сказал уже зря... напрасно Толик это сказал, – идея «скрепить кровью» данное друг другу обещание мгновенно нашла у Серёги самый горячий отклик:

- Толян! Мы сейчас так и сделаем! – воскликнул Серёга голосом, полным энтузиазма.

- Что мы сделаем? – спросил Толик; блин, надо же было брякнуть такую глупость!

- Мы скрепим кровью наше обещание! Так всегда делали древние люди, индейцы, бойскауты, братья... и вообще! Это отличная мысль! – Серёга был в восторге от предложения «старшего брата».

- Никто так не делал! – попытался охладить Серёгу благоразумный Толик. – Это в фильме каком-то было... или в книге какой-то... фигня такая...

- Ни фигя не фигня! – перебил Толика «младший брат». – Пальцы проколем, и... чем, блин, проколоть?

- Я не буду прокалывать! – заявил Толик.

- Ты что – боишься, что больно будет? – во взгляде Серёги мелькнуло удивление. – Просто проколем чуть-чуть капилляры, чтобы из пальца выступило немного крови... это не больно, Толян, не бойся!

- Я не боюсь, – отозвался Толик. – Просто всё это глупость...

- Это не глупость – это такой ритуал... когда что-то друзья или братья, как мы, друг другу обещают, они своё обещание скрепляют своей кровью. Это, Толян, священный ритуал, ты просто не понимаешь... посиди здесь немного, я сейчас! – Серёга, преисполненный энтузиазма, стремительно встал на ноги, метнулся на другую сторону от тропинки, которая вела к берегу.

Серёга сообразил, чем можно проколоть пальцы, – на другой стороне от тропинки, ведущей к берегу, росло какое-то дерево с острыми, как иголки, шипами; шипы были большие, твердые, их было много – неизвестное дерево

словно защищало себя этими шипами от желающих покуситься на него; Серега аккуратно оторвал от дерева несколько шипов с острейшими иглами-наконечниками, вернулся к Толику.

- Вот, Толян, выбирай! Чуть проколем пальцы, выдавим кровь, и... клятка на крови! Согласен со мной?

- Придурок, – улыбнулся Толик, как всегда у Толика и Серёги, значение этого слова было прямо противоположно той интонации, с какой слово это было произнесено.

- Сам ты придурок, – с той же самой интонацией парировал Серёга. – Давай, Толян... прокалываем!

Они, скорчив гримасы в ожидании боли, прокололи кожу на подушечках указательных пальцев, надавили большими пальцами рядом с образовавшимися микроскопическими ранками – и на подушечках пальцев вступили-показались темно-красные капли крови.

- Отлично, Толян! Теперь... давай сюда руку! Прижимаем палец к пальцу – смешиваем нашу кровь... – Серёга, стараясь попасть каплей крови на палец своём в каплю крови на пальце Толика, придавил подушечку указательного пальца своего к подушечке указательного пальца Толика. – Чувствуешь?

- Что я должен чувствовать? – Толик с улыбкой вскинул глаза – вопросительно посмотрел на Серёгу.

- Что теперь, Толян, всё по-настоящему... теперь мы не просто пообещали друг другу не трахаться с другими пацанами так, как трахались мы, но и скрепили наше обещание кровью... клятва кровью! Согласен со мной? – Серёга без улыбки, без малейшего намёка на какой-либо троллинг смотрел Толику в глаза.

- Согласен, – отозвался Толик. – Скрепили кровью...

Конечно, всё это была полная фигня, полная нелепица; это было какое-то дремучее детство – «клятва на крови»... другие подростки в возрасте Серёги и Толика жили совсем другой жизнью – они травились некачественным алкоголем, в пьяном азарте избивали прохожих, курили вейпы, убивали или сжигали сверстников, грабили бутики, принуждали к сексу мальчишек помладше, тонули в водоёмах, пускали в ход ножи, насиловали девчонок, подсаживались на наркотики, разбивались в авариях, управляя угнанными автомобилями, подвергались насилию со стороны взрослых мужчин или женщин, тусили в бандитских разборках... другие подростки в возрасте Серёги и Толика уже жили мутной взрослой жизнью, о них писали в новостях, их похождения смаковались-описывались в криминальных хрониках, а Серёга и Толик пребывали в свои четырнадцать лет словно в какой-то детской сказке, где были древние люди, клады, далёкие звёзды, клятвы кровью... они, Серёга и Толик, очень легко и совершенно искренне пообещали друг другу не иметь гомосексуальных отношений с другими пацанами, потому что однополый секс у Серёги был связан исключительно с Толиком, а для Толика однополый секс был связан только с Серёгой... только так, и никак иначе – вне их отношений, вне их дружбы никакого однополого секса для них просто не существовало, однополый секс сам по себе, вне контекста их н а с т о я щ е й дружбы был для них умозрительной абстракцией... глупые люди не видят разницу между гомосексуальностью, обусловленной ориентацией, и гомосексуальным поведением, обусловленным ситуацией, – лишь однажды они поговорили о своём сексуальном поведении применительно к гейству, и больше эту тему – тему гейства, тему гомосексуальности – они всерьёз применительно к себе не затрагивали, потому что не это было для них главное: их упоительное траханье, их наслаждение, получаемое от траханья, их ненасытность,

диктуемая подростковым возрастом – всё это лишь по форме было гомосексуальным, а по сути их страсть, направленная друг на друга, была частью их дружбы, и потому ни Серёга, ни Толик не представляли ни себя, ни какие-либо проявления своей «гомосексуальности» за пределами своей дружбы; потому-то они совершенно искренне и дали друг другу «обет верности»...

Натянув трусы и шорты, мальчишки ещё полежали под деревом, глядя то на небо, то друг на друга, – они договорились, что будут регулярно смотреть профили друг друга в социальной сети, будут ставить друг другу «лайки» или что-то писать под записям, комментировать... ещё договорились, что будут обязательно звонить друг другу – сообщать, что происходит в их жизни... и ещё договорились, что будут просить друг у друга совет или помощь, если окажутся в трудной ситуации, потому что они друг другу могут рассказать всё-всё – никаких секретов друг от друга у них не было и не будет в принципе.

После обеда Серёга и Толик последний раз отнесли обед Пирату. Серёга сказал Пирату, что лето кончилось, что они уезжают и что теперь его, то есть Пирата, снова будет кормить дедуля, – пообедавший Пират внимательно слушал Серёгу, и мальчишкам казалось, что Пират всё-всё понимает, просто он не может ничего сказать в ответ... и хорошо, что Пират не мог говорить, то есть был неразговорчивым, а то ведь он мог бы рассказать про отдых мальчишек на острове такое, что у бабули и дедули могли б на раз-два случиться инфаркты...

Потом мальчишки помыли своих «мустангов», тщательно вытерли, смазали втулки-шестерёнки и упаковали «мустангов» в огромные мешки, предназначенные для строительного мусора, – мешки Серёга и Толик купили заранее, когда ездили с дедулей за стройматериалами для обновления крыши

Машкиного дома; один мешок надевался на велик спереди, другой мешок надевался сзади, всё это обматывалось шпагатом, и «мустанги», таким образом, оказались полностью защищенными от пыли и прочих внешних воздействий; место «мустангам» дедуля определил в сарае-мастерской, который замыкался на два замка.

Потом мальчишки собрали в свои сумки свои вещи – что-то сложили, что-то, скомкав, засунули так.

- Толян, ничего не забыл? – Серёга внимательно посмотрел по сторонам.

- Ничего, – отозвался Толик. – А ты?

- Я тоже всё уложил, – ответил Серёга и, помолчав – глядя на Толика, проговорил-добавил: – Толян, мне грустно... прикинь, мы целое лето здесь жили!

- Да, – отозвался Толик. – Мне тоже... мне, Серый, тоже грустно. Я бы ещё здесь пожил немного...

- Я бы тоже, – отозвался Серега. – У тебя такая классная попка! – Серёга, сделав блудливое выражение лица, блудливо подмигнул Толику.

- У тебя тоже классная... тоже обалденная попка! – парировал Толик, и мальчишки, глядя друг на друга, рассмеялись; до обеда, всего несколько часов назад, они трахнулись на берегу реки, они оба кончили и, может, потому, говоря о попках друг друга, никакого возбуждения они не почувствовали... а может, потому возбуждения не почувствовали, что для реализации этого возбуждения уже не было времени... и вообще настроение было другое...

Они постояли немного посередине комнаты, держа в руках свои сумки, и пошли на выход.

- Всё забрали? Ничего не забыли? – спросил Пётр Степанович, увидев выходящих на крыльцо внуков.

- Ничего, дедуля, не забыли! – отрапортовал Серёга. – Я проконтролировал, чтоб Толян собрал все свои вещи – чтобы он ничего не забыл... подтверди, Толян!

- Ну, если ты проконтролировал... – с улыбкой хмыкнул Пётр Степанович. – Если ты проконтролировал, тогда я спокоен. Замыкайте дверь!

Мальчишки по очереди погладили-поласкали Пирата, при этом Серёга с самым серьёзным видом сказал Пирату, чтобы он, Пират, если дедуля будет забывать его кормить, обязательно звонил или ему, Серёге, или Толику – чтобы незамедлительно сообщал о перебоях с питанием.

- Здесь связи нет, – улыбнулся Толик.

- Ничего, – не растерялся Серёга. – У Пирата есть спецсвязь – в будке рация расположена, и Пират может по этой спецсвязи нам позвонить в любой момент... всё, Пиратик, не забывай нас, не скучай – звони!

При пешем перемещении из «места постоянной дислокации» в «место приёма пищи» Серёга проинформировал Петра Степановича о важных изменениях в жизни Толика:

- Скажу тебе, дедуля, по секрету... это Толяна касается. Ну, и меня касается тоже – нас обоих это касается, – Серёга посмотрел на Толика. – Говорить дедуле или нет?

- Опять что-то придумал? – Толик вопросительно посмотрел на Серёгу; конечно, ничего т а к о г о Серёга сказать не мог, это был какой-то его очередной троллинг, и всё равно... все равно Толик невольно напрягся; он, Толик, знал о Серёгиной способности сначала говорить, а потом о сказанном

думать... при таком раскладе, увлѣкшись сочинительством, можно было сказануть что-нибудь лишнее.

- Толян! Ты ещё не знаешь, какую именно тайну про тебя я хочу открыть дедуле, а уже говоришь, что я что-то придумываю... – Серѣга изобразил на лице лёгкую досаду. – Ничего я не придумываю! Говорить? Или не надо? Если не надо, то... мы уедем сегодня, и дедуля об этом не узнает. Вот как ты скажешь, Толян, так я и сделаю! Моя роль, конечно, тоже есть в твоём секрете, но решающее слово за тобой! Говорить?

- Ну, говори! – рассмеялся Толик... а что он, Толик, мог сказать ещё?

- Дедуля, секрет такой... особо я подчеркну, что сегодня Толян дал мне слово, даже поклялся мне, и эту клятву он скрепил кровью, что делать так он больше никогда не будет и что если другие пацаны будут его сбивать с осознанно выбранного пути, то Толян им фак покажет... ну, то есть, пожелает им счастливого пути без него! Всѣ, Толян, я правильно говорю?

- Болтун! – хмыкнул Толик; конечно, рассказать дедуле о настоящем содержании клятвы он, Серѣга, не мог по определению, это было понятно... а о чём он тогда говорит – какую «тайну» хочет выдать?

- Ни фига не болтун! – весело отозвался Серѣга. – Сейчас раскрою всю правду... но ты, дедуля, не вздумай делиться этим секретом с бабулей – бабуле это знать совсем не обязательно! – Серѣга посмотрел на Петра Степановича. – Ты, дедуля, понял меня? Бабуле ни слова про этот секрет!

Наверное, если б дорога от дома Петра Степановича до дома Зинаиды Ивановны была бы длиннее, то Серѣга наверняка поговорил бы еще про «секрет из жизни Толяна», не раскрывая содержание самого «секрета», но они прошли уже переулок и свернули к дому Зинаиды Ивановну, рядом с

которым стоял серебристый «Ниссан», – до бабулиного дома оставалось идти пару минут.

- Короче, дедуля... заявляю официально: Толян бросил курить! Совсем бросил – окончательно и бесповоротно! Сказал, что с другими пацанами в рот больше не возьмёт...

- Правда, Толик? – Петр Степанович посмотрел на Толика. – Серёга не сочиняет?

- Ну, как бы да, правда, – подтвердил Толик, кивнув головой. – Просто Серый, как всегда, наговорил кучу ненужных слов... – они, Серёга и Толик, шли рядом – сбоку от Петра Степановича, и Толик, держа в одной руке свою сумку, кулаком другой руки шутливо ткнул-толкнул Серёгу в сочно-упругую ягодицу. – Придурок!

- Во-первых, я правду сказал, и поэтому придурок ты, а не я. Во-вторых, не «как бы да», а бросил. В-третьих, бросил ты курить только благодаря мне – под моим влиянием. Что не так? – Серёга точно так же шутливо ткнул кулаком свободной руки в ягодицу Толика. – Я, дедуля, был для Толяна наглядным примером, был образцом здорового человека, вёл и на острове, и дома постоянные профилактические беседы о вреде этой пагубной привычки, и вот – результат! Толян на море не выкурил ни одной сигареты, и когда мы с моря приехали, он тоже не выкурил ни одной сигареты – вёл исключительно здоровый образ жизни. Подтверди, Толян!

- Подтверждаю! – засмеялся Толик.

- Ну, если ты, Толик, справился с этой привычкой, если столько времени смог продержаться, то больше курить не начинай – ничего хорошего в куреве нет, – резюмировал Пётр Степанович. – Молодец, что бросил курить!

- Без меня, дедуля, Толян не бросил бы! – резюмировал Серёга.

- Ну, без тебя, конечно, не бросил бы! – засмеялся Пётр Степанович. – Ты, Серёга, тоже молодец!

Перед ужином Серёга с Толиком под руководством Зинаиды Ивановны загрузили багажник «Ниссана» разными деревенскими гостинцами; потом Толик попрепирался с бабулей, какие гостинцы возьмёт он: Зинаида Ивановна хотела, чтоб Толик взял всего-всего как можно больше, а Толик, наоборот, хотел взять как можно меньше, мотивируя это тем, что ему «тягать сумки будет тяжело» и «вообще всё это ни к чему».

- Да как это ни к чему?! – искренне недоумевала Зинаида Ивановна. – Приедешь от бабушки, и без гостинцев... как можно, Толя! Давай еще эти две баночки... они в сумку уместятся!

- Где они уместятся?! – энергично протестовал Толик. – Всё, бабуля, хватит! Я не ишак!

- Толя! – на лице Зинаиды Ивановны отчетливо читалось страдание оттого, что Толик отказывается брать «бабушкины гостинцы». – Здесь тебе дядя Витя сесть на поезд поможет, сумки подаст, там тебя папа встретит... никакой же трудности нет для тебя!

- Толян, не огорчай бабулю! Бери всё, что бабуля даёт! – Серёга стоял рядом, наблюдая, как бабуля пытается нагрузить Толика разными гостинцами; Пётр Степанович и Виктор, Серёгин отец, стояли около «Ниссана» – о чем-то разговаривали.

- Толя! Слушай, что тебе говорит Серёжа! – Зинаида Ивановна обрадовалась поддержке со стороны Серёги. – Давай еще эту баночку... домашний салат!

- Бабуля! Твой Серёжа много чего говорит! – в сердцах проговорил Толик. – Куда... ну, куда ты, бабуля, пихаешь эту банку? Сумка не закроеется!

- Толян, не психуй! Сейчас, бабуля, мы всё сделаем! – деловито проговорил Серёга. – У тебя, Толян, что в рюкзаке? Один ноутбук! Перекладывай вещи из сумки в рюкзак – освобождай сумку для бабулиных гостинцев!

- Блин! У меня всё уложено... куда я буду перекладывать? – возразил Толик.

- В рюкзак, блин, перекладывай! – уверенно проговорил Серёга. – Давай, Толян, делай, как я говорю!

- Какой ты, блин, умный! – в голосе Толика прозвучало лёгкое раздражение.

- Естественно, я умный! – не задержался с ответом Серёга. – Во всяком случае, умнее некоторых! – Серёга весело подмигнул Толику. – Перекладываем вещи в рюкзак!

После небольшой словесной пикировки мальчишки так и сделали – вместе переложили вещи Толика из сумки в рюкзак, освободив сумку для бабулиных гостинцев.

- Давай, бабуля, свои банки! – распорядился Серёга. – Теперь всё поместится!

- Мои ж вы золотые! – Зинаида Ивановна просто засветилась от счастья. – Вот видишь, Толя, как хорошо Серёжа придумал...

- Бабуля! Твоему Серёже эти сумки не тягать – ему легко придумывать! – пробурчал Толик. – Он всё время что-то придумывает...

- Тебе тоже не тягать! – весело проговорил Серёга. – Здесь я тебе помогу, а дома тебя встретят. Правильно, бабуля, я говорю?

- Правильно, мой золотой, правильно! – подтвердила Зинаида Ивановна, подавая Толику банки с разными домашними салатами, с домашним вареньем.

После ужина Пётр Степанович и Зинаида Ивановна вышли за калитку проводить внуков. Пётр Степанович сказал, что завтра после обеда они с Зинаидой Ивановной съездят в райцентр, чтоб позвонить – чтоб убедиться, что все добрались до дома без происшествий. Серёга обнял бабулю, крепко пожал руку дедуле. Толик тоже обнял бабулю, тоже пожал руку дедуле.

- Ну, на следующий год приедете? – спросил, улыбаясь, Пётр Степанович.

- Приедем! – ответил Серёга за себя и за Толика и тут же посмотрел на Толика: – Приедем, Толян?

- Приедем, – Толик кивнул головой.

Они, Серёга и Толик, ещё не знали, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку: жизнь идёт, и всё в жизни меняется... *in idem flumen bis non descendimus* – эту мысль высказал две с половиной тысячи лет назад древнегреческий философ Гераклит из Эфеса, и понятно, что ни Толик, ни Серёга, самые обычные четырнадцатилетние мальчишки, понятия не имели ни о Гераклите, ни о его мысли, пережившей тысячелетия, но это несколько не умаляло универсальность знаменитого суждения философа из Эфеса: при попытке повторить что-либо это «что-либо» может быть лучше предыдущего, может быть хуже, чем предыдущее, но никогда – никогда! – уже не будет т е м ж е с а м ы м... всё течет, всё изменяется, – обещая дедуле приехать на следующее лето, мальчишки, конечно же, имели в виду, что они снова окажутся там, где на пути своего взросления они были счастливы, но... в р е м я и м е с т о – два главных слагаемых жизни, и если в м е с т о ещё можно вернуться, то в р е м я вспять повернуть

невозможно... не потому ли многие, часто об этом даже не задумываясь, стремятся остановить, удержать невозвратимое время с помощью фотографий или видео?

- Пап, сфотографируй меня и Толяна с дедулей и бабулей! – Серёга достал из кармана телефон, протянул телефон отцу. – Давай, Толян! Становись рядом с бабулей, я стану рядом с дедулей... на память о прошедшем лете!

Получилась спонтанная фотосессия: Виктор сфотографировал Петра Степановича, Зинаиду Ивановну, Серёгу и Толика – получилась групповая фотография... потом Виктор сфотографировал Серёгу и Толика... потом сфотографировал Серёгу с дедулей... потом сфотографировал Толика с бабулей... все фотографии делались на фоне серебристого «Ниссана», – после того, как Виктор говорил «готово», Серёга подбегал к отцу, придирчиво смотрел, хорошо получилось или нет; все фотографии Серёгу вполне удовлетворили, и Серёга сказал, что все фотки он перебросит на телефон Толика.

- Дедуля, не забывай кормить Пирата! – уже сидя в «Ниссане» рядом с Толиком, Серёга дал последнее указание, и «Ниссан», стронувшись с места, плавно покатыл по пыльной улице...

You could not step twice into the same river. On ne peut pas descendre deux fois dans le meme fleuve. Non potresti entrare due volte nello stesso flume. No es posible descender dos veces el mismo rio. Nao podemos nos banhar duas vezes no mesmo rio porque as aguas se renovam a cada instante.

На перроне никого не было, точнее, в отдалении уныло стоял какой-то худой помятый мужичок с прислоненным к ноге рюкзаком, да на скамейке сидели парень и девчонка, неотрывно глядя друг на друга – о чем-то тихо воркуя, – никаких вещей рядом с ними не было, и потому было не понятно, то ли они

ждут поезд – кто-то кого-то провожает или, наоборот, они вместе кого-то встречают, то ли им просто было негде сидеть, и они пришли сюда, где останавливались проносящиеся мимо поезда; время от времени парень наклонялся к девчонке, что-то говорил, девчонка наклонялась к парню, и он чмокал её в губы – не целовал всасос, а просто прикасался губами к губам, – они были так поглощены друг другом, что ни на что вокруг не обращали внимание; рядом с парнем на скамейке лежал телефон – оттуда раздавалась негромкая музыка попеременно с песнями.

- Сколько еще до прибытия поезда? – Виктор посмотрел на Толика.

- Еще двадцать минут... уже девятнадцать, – ответил любящий точность Толик, посмотрев на дисплей своего телефона.

- Хорошо, – Виктор невольно улыбнулся, видя такую любовь Толика к точности. – Стойте здесь – я пойду сигареты возьму.

Обогнув здание вокзала, Виктор ушел, – «Ниссан» стоял на привокзальной площади, и сигареты были там.

- Прикинь, Серый, как прикольно... – проговорил Толик. – Мы с тобой встретились на этом перроне, здесь мы познакомились, и теперь на этом же перроне мы расстаёмся... всё у нас одинаково – день в день! В один день приехали, в один день уезжаем... прикольно?

- Да, – отозвался Серёга. – Только тогда лето только-только начиналось, и мы ещё ничего не знали, а теперь лето кончается...

- И мы точно так же ничего не знаем... я где-то читал, что путь познания в принципе не имеет конца.

- Ну, что значит «ничего не знаем»? Что-то мы знаем, – Серёга, улыбнувшись, подмигнул Толику. – Что-то, Толян, мы уже знаем... это было обалденное лето!

- Это было великолепное лето – самое лучшее лето в моей жизни! – отозвался Толик.

- И в моей тоже... – проговорил Серёга, и... словно подтверждая слова мальчишек, из телефона зазвучала песня:

*Я так хочу, чтобы лето не кончалось,
Чтоб оно за мной умчалось, за мною вслед...*

Собственно, песня эта зазвучала из телефона чуть раньше – она сменила какую-то другую песню, Серёга и Толик к песням из чужого телефона не прислушивались, парень и девчонка на песни тоже не обращали никакого внимания – песни для них были просто фоном к их воркованию, и вдруг:

*Лето, ах, лето,
Лето звездное, звонче пой!*

пела в телефоне певица, когда-то всеми любимая, а потом – в стране заскрежетавших «скреп» и новых «ценностей» – разными моськами суетливо оболганная и такими же моськами запрещённая. Мальчишки, глядя друг на друга, прислушались.

- Это что за песня? – спросил Серёга. – Я никогда её раньше не слышал...

- Я тоже не слышал, – отозвался Толик. А песня как будто для них, для стоящих на пустом перроне мальчишек, звучала из телефона:

*Лето, ах, лето,
Лето звездное, будь со мной...*

- Скорый поезд номер... с сообщением... прибывает на первый путь... нумерация вагонов... стоянка поезда две минуты, – загрохотал динамик, заглушив песню; на перрон вышел Виктор – подошел к мальчишкам.

- Твой? – спросил Виктор у Толика.

- Мой, – Толик кивнул головой.

- У Толяна шестой вагон... вряд ли поезд остановится прямо перед нами – нужно будет или вперёд пройти по-быстрому, или назад, – проинформировал Серёга отца. – Толян, смотри свой вагон!

Виктор протянул Толику руку:

- Давай, Анатолий, пять... удачи тебе!

- Спасибо. Вам тоже удачно доехать, – Толик пожал протянутую руку; мимо, замедляя ход, уже катили вагоны.

- Третий... четвёртый... пятый... – считал Серёга проплывающие мимо вагоны. – Толян, вот твой вагон! Проехал! – Серёга подхватил одну из двух сумок с гостинцами. – Толян, быстрее! Две минуты стоит! Пап, я сейчас...

- Смотри, чтоб сам не уехал! – улыбнулся Виктор.

Шестой вагон чуть проехал вперёд, и Серёга с Толиком устремились вдоль седьмого вагона к вагону Толика, – проводница, пожилая тётка, открыла дверь, с грохотом откинула тамбурную площадку, освобождая ступени для входа в вагон, Толик протянул паспорт, тётка посмотрела на какой-то листок и посторонилась, давая возможность Толику подняться в вагон; Серёга подал Толику вторую сумку; тётка вернула на место тамбурную площадку, загоразивая Толика широкой спиной.

- Всё, Серый, до встречи! – улыбнулся Толик Серёге из-за широкой тёткиной спины.

- До встречи, Толян! – глядя на Толика снизу вверх, улыбнулся Толику Серёга.

Так говорят всегда: «до встречи»... дежурная, никого ни к чему не обязывающая фраза: «до встречи»... Серёга вдруг подумал, что он хочет что-то ещё сказать Толяну, что-то очень важное, но перед ним в дверях вагона стояла проводница, отделяя его, Серёгу, от Толика.

- Проходи в вагон, – оглянувшись, сказала проводница Толику. – Постель я сейчас принесу...

- Счастливого пути, – сказал Серёга.

- Спасибо, – равнодушно сказала тётка, закрывая дверь. Над перроном опять загрохотало сообщение: скорый поезд... отправляется... на перроне будьте осторожны... под это оглушающее грохотание вагон с Толиком, содрогнувшись, стронулся с места и, с каждой секундой набирая скорость, покатил дальше. Лето кончилось...

А ещё через полчаса серебристый «Нисан» уже мчался по трассе; день еще не перешел в ночь – ещё не стемнело, позади, у горизонта, ещё багровел отсвет ушедшего за горизонт солнца, но впереди небо уже наливалось ночной синевой, и там, впереди, уже загорались первые звёзды.

- Ну, так что... – Виктор покосился на сидящего рядом Серёгу. – Клад на острове вы так и не нашли?

- Да нет там никакого клада, – рассмеялся Серёга, усаживаясь поудобнее. – Обманул нас дедуля... ну, ты, пап, сам подумай: откуда там клад возьмётся?

- А хотелось найти? – улыбнулся Виктор.
- Всем хочется, – улыбнулся Серёга; он посмотрел на отца. – И дедуле хотелось, и тебе, и мне... разве не так?
- Так, – отозвался Виктор. – И клад, и вообще... всему своё время!
- Пирожками, что ли, бабулиными подкрепиться? – проговорил Серёга. – Ты будешь? – он посмотрел на отца.
- Давай, – Виктор улыбнулся. – Ты что – проголодался уже?
- Я же не сказал «поесть», я сказал «подкрепиться», – уточнил Серёга; приподнявшись – перегнувшись назад, он взял с заднего сиденья два бумажных пакета. – Ты какой будешь – с повидлом или с капустой?
- С капустой давай, – отозвался Виктор.
- Я тоже буду сначала с капустой, – проговорил Серёга, доставая из пакета два пирожка; пирожки бабулины были вкусные – небольшие, мягкие, они буквально таяли во рту, и пока Виктор съел два пирожка, Серёга умял их десяток.
- Ты маме оставь, – произнёс Виктор, беря у Серёги третий пирожок – с повидлом. – А то поедим с тобой все пирожки...
- Оставим! Их ещё много – бабуля на всех напекла, – отозвался Серёга. – И мне, и тебе, и маме... пап, а ты можешь найти на небе Полярную звезду? – Серёга с любопытством посмотрел на отца.
- Могу. А ты почему спрашиваешь? – отозвался Виктор.
- Просто. Я тоже могу найти – мне Толян объяснил, как искать. Дедуля тоже когда-то мог найти, но потом забыл, и я ему объяснил – напомнил... и

Кассиопею я могу найти – это такое созвездие... Толян вообще много знает – и про звезды, и про космос, и про разные путешествия, и как время узнавать по солнцу... он мне всё рассказывал!

- Значит, хороший у тебя был друг, – улыбнулся Виктор.

- Да, хороший... даже отличный! – отозвался Серёга. – Только не был, а есть! Жаль, что мы живём в разных городах... – Серёга подумал, что старший брат Толян сейчас, наверное, уже дрыхнет в вагоне – спит под стук колес. – Вот смотри, папа, как интересно получилось... съем я ещё один пирожок, последний... ты хотел меня наказать, когда вы не взяли меня в Таиланд, а получилось всё наоборот, это лето стало самым лучшим в моей жизни!

- Чудак ты, Серёжка! – улыбнулся Виктор. – Разве я хотел, чтоб тебе было плохо? Я, когда мы не взяли тебя в Таиланд, сделал всего лишь то, что я тебе обещал. А когда обещаешь что-то, нужно всегда выполнять... иначе ты просто болтун.

- Да, это я понял... – отозвался Серёга; он вдруг подумал о том, что он и Толян о б е щ а л и друг другу не трахаться дома с другими пацанами... с девчонками – это само собой, а пацанами – ни-ни. – Пап... – проговорил Серёга, глядя на отца, – но ведь могут же быть такие случаи, когда что-то сильно-сильно обещаешь, а обещание своё выполнить не можешь... такое же тоже может быть?

- Может, конечно, – кивнул головой Виктор. – Но это когда что-то сильнее тебя... что-то такое, где ты бессилён своё обещание выполнить в принципе, по независящим от тебя причинам... такое тоже бывает, – Виктор с улыбкой посмотрел на сына. – Надеюсь, ты сейчас стелешь соломку не под своё обещания учиться без “троек”?

- Нет, – улыбнулся Серёга. – Я просто спросил... а учиться без “троек” я буду! И мусор буду выносить... ну, может, иногда с напоминаниями, но с небольшими напоминаниями... а то мама захочет со мной поругаться или поспорить, а никакого повода у неё не будет... скучно будет! – Серёга рассмеялся.

Виктор покосился на Серёгу, думая, что ответить сыну... серебристый «Ниссан», рассекая темноту, мчался по пустынной трассе, и звёзды... удивительные звёзды, не отставая, летели рядом... может, каких-то звёзд давно уже не было, они погасли тысячи лет назад, и только свет от них шел и шел через время и расстояния, – Серёга, глядя в окно, думал о промелькнувшем лете... о Пирате... думал о дедуле и бабуле... он думал об острове, на котором не было клада, но было то, что важнее всех кладов – было беспечное, безоглядно счастливое ощущение бытия... глядя в окно, видя в окне своё отражение, Серёга думал о Толике – самом офигенном пацане на свете, самом классном парне на Земле, – бесшумно рассекая темноту, серебристый «Ниссан» летел по трассе, по остывающей после знойного лета земле, и Земля, по которой летел серебристый «Ниссан», тоже куда-то летела, мчалась, неслась среди прочих бесчисленных звёзд в бесконечном космосе...

**взрослые часто забывают,
что детство, отрочество, юность -
это не подготовка к жизни,
а жизнь**

© ТЕКСТ: Павел Белоглинский,
beloglinskyp@mail.ru

© ОФОРМЛЕНИЕ: Artem Petkov,
commilito_artem@protonmail.com